

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ЦЕНТР ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

СЕРИЯ
ОБРАЗЫ ИСТОРИИ

А К В И Л О Н

**RECONSTRUCTIONS OF
WORLD AND REGIONAL HISTORY**

**universalism towards models of
intercultural dialogue**

General editor – Lorina Repina

AUTHORS: Olga Vorobieva
Igor Ionov
Konstantin Pantzerev
Igor Poberezhnikov
Lorina Repina
Igor Sledzevsky
Yakov Shemyakin

РЕКОНСТРУКЦИИ МИРОВОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

**от универсализма к моделям
межкультурного диалога**

Под общей редакцией
Л. П. Репиной

АВТОРЫ: О. В. Воробьева
И. Н. Ионов
К. А. Панцеров
И. В. Побережников
Л. П. Репина
И. В. Следзевский
Я. Г. Шемякин

А К В И А Л О Н

ББК 63.3
УДК 30/308
Р 36

Монография подготовлена при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ)
(проект № 13–06–00301а)

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского общества интеллектуальной истории

Реконструкции мировой и региональной истории: от универсализма к моделям межкультурного диалога / Под общ. ред. Л.П. Репиной. — М.: Аквилон, 2017. — 560 с.

В коллективной монографии представлены поиски современного исторического знания в пространстве между идеалами универсализма и культурного диалога. Основное внимание уделено связи этого процесса с общей ситуацией вокруг исторической науки, с распадом прежней системы ее нормативных предпосылок в ходе многочисленных «поворотов», с созданием новой системы отношения к эпистемологическим проблемам, основанном на взаимодействии ориентиров макро- и микро-истории, с распространением ситуационного и многоэтапного, мультиперспективистского варианта исторического исследования. Показана сложная динамика глобального диалога, проанализированы когнитивные, идентификационные и коммуникационные проблемы гуманитарного знания. Критически рассмотрены различные модели исторического и междисциплинарного синтеза, а также возможности и границы цивилизационных исследований в конце XX – начале XXI века.

Reconstructions of world and regional history: universalism towards models of intercultural dialogue // Ed. by Lorina Repina. — Moscow: Aquilo, 2017. — 560 p.

The collective monograph presents the search of historical knowledge in the space between the ideals of universalism and cultural dialogue. The main attention is paid to the connection of this process with the current situation in historical science, the collapse of the old system of its normative prerequisites in the course of numerous “turns”, with the creation of a new attitude to epistemological problems based on the interaction of macro and microhistory, the spread of a situational and multistage, multiperspective version of historical research. The complex dynamics of the global dialogue is shown, the cognitive, identification and communication problems of the humanities are analyzed. Various models of historical and interdisciplinary synthesis are critically examined, as well as the possibilities and boundaries of civilizational research in the late twentieth and early twenty-first centuries.

■ Л. П. Репина, общая редакция, составление, 2017

■ Коллектив авторов, 2017

■ Институт всеобщей истории РАН, 2017

■ Российское общество интеллектуальной истории, 2017

■ Издательство «Аквилон», 2017

ISBN 978–5–906578–32–7

*Репродуцирование (воспроизведение) данного издания любым способом
без письменного соглашения с издателем запрещается.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

На рубеже XX–XXI вв., в условиях предельной фрагментации исторического знания, наряду с расцветом микроисторических исследований, возникла острая потребность в масштабном взгляде на многовековую историю человечества и вновь вырос интерес к исторической макроперспективе, ориентированной на изучение многообразных последствий развития глобальных взаимосвязей, что подразумевало качественное обновление теоретико-методологических оснований и концептуального аппарата самой макроистории. Эта ситуация, связанная с интенсивными поисками интегральной исследовательской модели, способной к реконтекстуализации персональных и локальных ситуационных исследований, характеризуется как третий этап «историографической революции»¹. Если микроисторическая исследовательская модель предполагала критику «классической» национальной истории «снизу» – на материале изучения индивидов и локальных сообществ, то новые макроисторические модели вновь обратили взоры специалистов к надындивидуальному измерению истории. Однако при этом современная макроистория минует классическую проблематику национально-государственных общностей и идентичностей, сразу выходя на уровень взаимодействия локальных контекстов и глобальной среды.

В мировой историографии тренд в сторону различных вариантов новой глобальной истории наметился только в самом конце XX в. Относительная молодость этого ракурса осмысления прошлого приводит к многочисленным терминологическим различиям («глобальная», «мировая», «транснациональная» история и другие варианты) и расхождениям в целом ряде важных вопросов (например, о периодизации мировой истории), отражающим определенные предпочтения их приверженцев в научном сообществе. Тем не менее проведенный анализ показал близость исходных научных предпосылок новых моделей мировой истории, опирающихся на принцип мультиперспективизма и контекстуальный подход.

¹ См.: *Репина Л.П.* «Историографическая революция» и теоретические поиски на рубеже веков // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2013. Вып. 2 (18). URL: <http://history.jes.su/s207987840000362-7-1>

Можно с уверенностью констатировать, что в ходе активного осмысления вызовов начала третьего тысячелетия и обнаружившихся последствий глобализации в быстро меняющемся мире сформировалось новое междисциплинарное направление – глобальная история, ориентированное на преодоление европоцентризма, пересмотр отношений центра и периферии, поиск современного взгляда на бесконечное разнообразие исторического опыта. Это задает импульс для выработки новых стратегий не только в исследовательской, но также и в образовательной практике. Дело не ограничивается масштабными научными проектами: создаются новые учебные программы, возникают специальные периодические издания, формируется международное научное сообщество, в рамках которого ведутся оживленные дискуссии, стимулирующие развитие нового направления.

Авторы настоящей книги опираются на принципиальное использование разных компетенций для создания более объемного представления о познавательных процессах. Параллельное исследование новаций в естественнонаучном и социально-гуманитарном знании имеет для этой задачи особую эвристическую ценность. Принцип дополнительности микро- и макроаналитических подходов создает, с одной стороны, определенные (хотя и ограниченные) возможности для восстановления целостной картины прошлого, а с другой стороны, придает этой картине подвижный характер.

Главное внимание уделено сложной динамике современной макроистории между идеалами универсализма и культурного диалога, связи этого процесса с распадом традиционных универсалистских и детерминистских форм исторической рациональности, прежней системы его нормативных предпосылок в ходе многочисленных методологических «поворотов» XX – начала нынешнего столетия, с созданием новой системы отношения к ряду эпистемологических, когнитивных, идентификационных и коммуникационных проблем исторического знания.

Авторами были рассмотрены последствия кризиса и трансформации мировоззренческих и методологических оснований всеобщей истории, проблемы соотношения мир-системного подхода, социально-ориентированной истории и профессионального исторического знания, роль пост-колониальной критики и постмодернизма в становлении кластера новых макроисторических моделей, изучены особенности развития цивилизационных представлений,

проведен анализ предпосылок, траектории эволюции и научного потенциала связанной и перекрестной истории², определены возможности применения различных трансдисциплинарных подходов к изучению феноменов глобального взаимодействия.

С этих позиций были проанализированы исследовательские ресурсы глобальной истории, в рамках которой актуализируется идея диалогового мышления и культурного синтеза как взаимовлияния и взаимопроникновения культурных сфер и систем ценностей, приводящих к появлению новых социокультурных феноменов при сохранении многообразия форм; показано, что ситуация глобализации не только создает новый всемирно-исторический контекст взаимодействия цивилизаций и культур, но также ставит это взаимодействие в качественно новые условия и в контекст изменения самой модели и форм репрезентативной культуры.

В данном интеллектуальном контексте существенным оказывается отказ от классического универсализма, иерархической и асимметричной модели цивилизационного анализа. Продуктивной остается идея диалога цивилизаций (с непременным признанием постоянной ситуативной обусловленности этого процесса), позволяющая привлечь внимание к проблеме сохранения мирового многообразия, поиску точек пересечения и взаимопонимания, консолидирующих современное мировое пространство.

Критически проанализированы исследовательские модели коммуникативного типа, построенные на понимании мировой истории как динамического взаимодействия конкретных, отличающихся социокультурной спецификой сообществ и опирающихся на соответствующую совокупность методологических установок, с использованием исследовательского инструментария, направленного на изучение динамики межкультурных взаимодействий исторических акторов в социальных процессах разного уровня.

В настоящей монографии получил отражение трансдисциплинарный и мультиперспективистский подход, релевантный ее проблематике, которая обуславливает совмещение различных исследо-

² Значимые изменения в терминологии современного исторического знания нашли отражение в недавнем издании: Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. Изд. 2-е, испр. и доп. / Отв. ред. А.О. Чубарьян, Л.П. Репина. М.: «Аквилон», 2016.

вательских перспектив, а структура книги определяется логикой исследования сдвигов от универсализма к межкультурному диалогу в рамках разных парадигм и форм репрезентации мировой истории: модернизационной, глобализационной, информационного общества, теории и истории цивилизаций.

Во Введении рассматриваются теоретико-методологические и терминологические проблемы современной макроистории в ее разнообразных версиях, общая панорама проблемного поля и траектория развития глобальной истории и «новой компаративной истории», эволюция мировой истории от универсальной (всеобщей) к децентрализованной, проанализированы теоретические модели и перспективы региональной истории, модели региональных нарративов и стратегии построения региональной и национальной идентичности в контексте «новой истории империй».

Текст книги состоит из Введения и двух частей: «Модернизация, глобализация и информационное общество в образах прошлого и будущего» (часть 1) и «Универсализм и путь к диалогу в теории и истории цивилизаций» (часть 2). *Первую часть* составляют пять глав, в которых рассматриваются трансформация модернизационной парадигмы, особенности различных концепций модернизации и многоуровневых моделей модернизационных процессов (в теоретическом плане и в конкретном региональном контексте), анализируются эпистемологические основания новых макроисторических подходов, ведущие тенденции развития сциентистской и культурологической перспектив мировой и глобальной истории, естественнонаучные и гуманитарные методы их изучения за рубежом и в России, соотношение локального и универсального в новых моделях цивилизационного анализа, проблемы и модели формирования глобального информационно-коммуникационного пространства. В четырех главах *второй части* проанализированы пути развития, эпистемологические основания и проблемные зоны цивилизационных исследований, особенности цивилизационного дискурса и межкультурного диалога, проблемы развития цивилизационного самосознания.

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

Преодолевая границы государств и цивилизаций макроисторические опыты современной историографии

На рубеже XX–XXI вв. стали очевидны обусловленные глобализационными процессами существенные трансформации в различных сферах социального взаимодействия, включая серьезные перемены в общественном сознании, в сфере социально-гуманитарного знания и в историографической практике. Одной из не первостепенных, но явственных примет глобализирующегося мира в его интеллектуальном преломлении стало отступление парадигмы национальной истории с доминирующих позиций, которые она занимала с XIX в., и начавшаяся перестройка в методологической оснастке и статусной иерархии исторических дисциплин¹.

Несмотря на захватившую многих историков «интеллектуальную моду» на микроисторические сюжеты (а отчасти – как отрицательная реакция на нее), наблюдается заметный рост числа ученых, разрабатывающих новые макроисторические модели «новой межнациональной истории»² (*new international history*), «транснациональной истории» (*transnational history*)³, мировой и глобальной истории (в разных вариантах). Устойчиво растет корпус теоретических работ и эмпирических исследований, стремящихся преодолеть ограниченные горизонты историй отдельных национальных государств⁴.

¹ См., в частности: Wallerstein E. *Unthinking Social Science. The Limits of Nineteenth-Century Paradigms*. Cambridge, 1995.

² По сути, «новая межнациональная история» является подлинно *международной* историей, так как ставит своей задачей изучение взаимодействий *между народами*, в отличие от «истории международных (а в строгом смысле – *межгосударственных*) отношений». См.: Internationale Geschichte: Themen, Ergebnisse, Aussichten / Hg. W. Loth, J. Osterhammel. München; Oldenburg, 2000; Iriye A. *Internationalizing International History // Rethinking American History in a Global Age* / Ed. by Th. Bender. Berkeley, 2002. P. 47–62.

³ См., напр.: *Connected Worlds: History in Transnational Perspective* / Ed. by A. Curthoys and M. Lake. Canberra, 2005

⁴ *Global History and Migrations* / Ed. by W. Gungwa. Boulder, 1997; *Food in Global History* / Ed. by R. Grew. Boulder, 1999; O'Rourke K.H., Williamson J.G.

Отвергаемая национальная / национально-государственная история в современной критике отождествляется с «мастер-нарративом» и, как правило, связывается с национализмом, с решением политической задачи закрепить идею нации, поместив ее в долговременную историческую перспективу, с целенаправленной «культивацией национальной идентичности»⁵. В этой связи настойчиво подчеркивается, что мировая / глобальная история направлена не на познание неких общих принципов или смысла истории, а на описание событий и сравнительный анализ процессов⁶. Конечно, национальная история, как инструмент формирования и поддержания коллективной идентичности, и сегодня остается влиятельной и востребованной по всему миру. Однако в век глобальных взаимосвязей все чаще объекты научного исследования и поставленные историками проблемы не укладываются в пространственно-временные рамки существования какого-либо государства и выводят на социально-территориальные

Globalization and History: The Evolution of the Nineteenth Century Atlantic Economy. Cambridge (Mass.): MIT Press, 1999; *Reynolds D.* One World Divisible: a Global History. L., 2000; *Cowen N.* A Global History: A Short Overview. Cambridge, 2001; *Making Sense of Global History* / Ed. by S. Sølvi. Oslo, 2001; *Globalisation in World History* / Ed. by Anthony G. Hopkins. N.Y.; L., 2002; *Rethinking American History in a Global Age* / Ed. by P. Bender. Berkeley, 2002; *Bentley J. H., Ziegler H. F.* Traditions and Encounters: A Global Perspective on the Past. Boston, 2003; *Global Connections and Monetary History, 1470–1800* / Eds. D. Flynn et al. Aldershot: Routledge 2003; *Richards J.* The Unending Frontier: An Environmental History of the Early Modern World. Berkeley: University of California Press, 2003; *Das Kaiserreich transnational. Deutschland in der Welt 1871–1914* / Hg. S. Conrad, J. Osterhammel. Göttingen, 2004; *Globalisierung und Globalgeschichte* / Hg. M. Grandner et al. Vienna, 2005; *Osterhammel J., Petersson N.P.* Globalization: A Short History. Princeton: UP, 2005; *The Global History Reader* / Eds. B. Mazlish, A. Iriye. N.Y.; L., 2005; *Mazlish B.* The New Global History. L.; N.Y., 2006; *Globalization and Global History* / Eds. B. K. Gills, W. R. Thompson. L., N.Y., 2006; *Bentley J. H., Ziegler H. F., Streets H. E.* Traditions and Encounters: A Brief Global History. N.Y., 2006; *Darwin J.* After Tamerlane: A Global History of Empire Since 1405. L.: Allen Lane, 2007; *Globalgeschichte: Theorien, Ansätze, Themen* / Hg. S. Conrad et al. Frankfurt, 2007; *Crossley P. K.* What is Global History? Cambridge, 2008; *Allen R.C.* The British Industrial Revolution in Global Perspective. Cambridge: CUP, 2009; *Writing the History of the Global. Challenges for the 21st Century* / Ed. by Maxine Berg. Oxford: OUP, 2013; etc. См. также: *Цивилизации*. Вып. 5. Проблемы глобалистики и глобальной истории. М., 2002.

⁵ См.: *Encyclopedia of Historians and Historical Writing* / Ed. by K. Boyd. L.; Chicago, 1999. Vol. 2. P. 856.

⁶ *Encyclopedia of Historians...* Vol. 2. P. 1330.

структуры иных уровней, от локального до глобального. Вместе с тем, анализ предлагаемых моделей *взаимодействия локального и глобального в построении идентичности* свидетельствует о том, что они отнюдь не «игнорируют продолжительное влияние идеи нации»⁷.

Обилие терминов, описывающих современные направления макроисторических версий прошлого, заставляет задуматься даже специалистов. В «Энциклопедии историков и историописания» универсальная история все еще рассматривается в своем старом обличье – как идея единой истории человечества в многовековой западной философской традиции, пошатнувшейся только в XX в. С этой точки зрения, «всемирная история» (без попытки историзировать само понятие, имеющее «шлейф» различных коннотаций) противопоставляется в позитивном плане (как простое сопоставление истории разных стран и народов) истории всеобщей, принципиально универсалистской⁸, опирающейся на ту или иную из многочисленных линейно-стадиальных теорий исторического процесса.

Между тем, можно вспомнить, что еще в середине прошлого века один из самых прозорливых историков Джеффри Барраклоу, оценивая грядущие перспективы «универсальной», «всемирной», «экуменической» истории, писал: «Новая ситуация делает насущной и практически необходимой такую универсальную историю, которая не ограничивается Европой и Западом, а обращена к человечеству, населяющему все территории и эпохи... Причины, по которым сегодня мы больше всего нуждаемся именно в универсальной истории, очевидны. Это – отражение унификации мира посредством науки и технологии, революционного развития средств массовой коммуникации, того известного факта, что мы не можем больше изолировать себя от событий в любой части земного шара...»⁹. Напротив, Марк Ферро, поставив под сомнение идею традиционной «всемирной истории», подчеркивал, что «подобный порядок изложения означал бы молчаливое принятие идеологизированного видения истории под знаком христианства, марксизма или же попросту приверженности идее прогресса. Равным образом такой порядок означал бы молчаливое признание европоцентризма, потому что в этом случае народы “входят”

⁷ Local /Global Narratives / Ed. by R. Rechtiën, Karoline von Oppen. Amsterdam; N.Y., 2007. P. 2.

⁸ Encyclopedia of Historians... Vol. 2. P. 1244-1245.

⁹ Barraclough G. History in a Changing World. N.Y., 1962. P. 83-84, 194.

в Историю лишь тогда, когда их “открывают” европейцы... История отождествляется при этом с историей Запада...»¹⁰. Как видим, содержание понятия «всемирная история» (как и понятие «всеобщая история») даже во второй половине XX века трактовалось неоднозначно, не говоря уже о более протяженной перспективе.

Что касается глобальной, или «новой мировой» истории, имеющей относительно недавнее происхождение и серьезные разночтения в определениях¹¹, то она характеризуется как «подлинно аналитическая», противостоящая идеологизированным телеологическим версиям, «связная» и «целостная история», и ассоциируется с «развитием *более интернациональной ориентации* (курсив мой – Л. Р.)». «Более интернациональная» ориентация в данном случае приписывается «менее европоцентристской», «постколониальной» истории¹²,

¹⁰ *Ферро М.* Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М., 1992. Р. 11-12. См. также: *Woolf, Stuart.* Europe and Its Historians // *Contemporary European History*. 2003. Vol. 12. N 3. P. 323-337.

¹¹ Подробно о концепциях мировой истории в историографии XX века см.: *Bentley J. H.* Shapes of World History in Twentieth-Century Scholarship. Washington, 1996; *World Historians and Their Critics* // *History and Theory*. 1995. Vol. 34. № 2. См. также: *Gran P.* Beyond Eurocentrism: A New View of Modern World History. N.Y., Syracuse, 1996; *Ponting C.* World History: A New Perspective. L., 2000; *Manning P.* Navigating World History. Historians Create a Global Past. N.Y., 2003; *Palgrave Advances in World History* / Ed. by M. Hughes-Warrington. N.Y., 2005; etc.

¹² Постколониальная критика составила концептуальную основу междисциплинарного направления «постколониальных исследований» и задала импульс развитию «постколониальной историографии»: *Caud Э. В.* Ориентализм. Западные концепции Востока. [1978]. СПб., 2006; *Said E.* Culture and Imperialism. N.Y., 1994; *After Colonialism: Imperial Histories and Postcolonial Displacements* / Ed. by G. Prakash. Princeton, 1995; *The Post-Colonial Question: Common Skies, Divided Horizons* / Ed. by I. Chambers and L. Curti. L., 1996; *Dirlik A.* The Postcolonial Aura. Boulder, 1997; *Moore-Guilbert B.* Postcolonial Theory: Contexts, Practices, Politics. L., 1998; *Chakrabarty D.* Provincializing Europe: Postcolonial Thought and Historical Difference. Princeton, 2000; *Mignolo W. D.* Local Histories / Global Designs: Coloniality, Subaltern Knowledges, and Border Thinking. Princeton, 2000; *Smith L. T.* Decolonising Methodologies: Research and Indigenous Peoples. L., 2001; *Macfie A. L.* Orientalism. N.Y., 2002; *Postcolonial Approaches to the European Middle Ages: Translating Cultures* / Eds. A. J. Kabir and D. Williams. Cambridge, 2005; *Dangerous Knowledge: Orientalism and Its Discontents*. N.Y., 2006; *Irwin R.* For Lust of Knowing: The Orientalists and Their Enemies. L., 2006; *History after the Three Worlds: Post-Eurocentric Historiographies* / Eds. A. Dirlik et al. Lanham, 2007; etc. См. также: *Ионов И. Н.* Новая глобальная история и постколониальный дис-

которая характеризуется как история «диалогичная», способная учитывать «взгляд с периферии», то есть позицию другой стороны.

Если глобальную историю предпочитают связывать с текущими процессами глобализации (пусть даже в специфической, предложенной Р. Робертсоном модели «трех волн», следовавших одна за другой на протяжении последних пяти столетий¹³), то «новая мировая история» темпоральных ограничений не имеет. Большинство специалистов считают главной задачей мировой истории изучение *взаимодействий между людьми*, участвующими в крупномасштабных исторических процессах. Подчеркивается, что мировая история «избегает ловушки противопоставления собственной цивилизации всем остальным “варварам”, она ставит вопросы и задает перспективы, в которых “локальная история” может полностью раскрыться, осознав свою глобальную историчность»¹⁴.

В предельно сближающихся интерпретациях *глобальная история* и *мировая история* ассоциируются с движением к «более взаимосвязанному миру» и к единой «мировой культуре, которая в идеале характеризуется активным взаимодействием между локальными и национальной культурами, непрерывным потоком культурных влияний во всех направлениях, хорошим знанием других культур и доброжелательным отношением к их отличиям». Глобальная история «предполагает изучение локальных явлений с глобальной точки зрения», «идентифицируя их общие черты», но одновременно «выделяя то, что отличает их как уникально-локальное». Одна из ее центральных задач – исследование множества разноуровневых культурных контактов как составляющих «процесса возникновения глобальной культурной сети»¹⁵. Приоритетное предметное поле глобальной и «новой мировой истории» – это именно взаимосвязи, экономические,

курс // История и современность. 2009. № 2. С. 33-60; *Ионов И. Н.* Мировая история в глобальный век: новое историческое сознание. М.: Аквилон, 2015.

¹³ См.: *Robertson R.* The Three Waves of Globalization: A History of Developing Global Consciousness. L., 2003.

¹⁴ *Geyer M., Bright Ch.* World History in a Global Age // *American Historical Review*. 1995. Vol. 100. N 4. P. 1041. Cp.: *Chakrabarty, Dipesh.* A Global and Multicultural “Discipline” of History? / *History and Theory*. 2006. Vol. 45. N 1. P. 101-109.

¹⁵ *Fält, Olavi K.* Global History, Cultural Encounters and Images // *Between National Histories and Global History* / Ed. by S. Tønnesson et al. Helsingfors, 1997. P. 59-60. См. также: *Bentley J.* Old World Encounters: Cross-Cultural Contacts and Exchanges in Pre-Modern Times. N.Y., 1993.

политические и культурные, между различными странами и цивилизациями. Например, американский историк, директор Центра мировой истории, основатель и главный редактор “*Journal of World History*” Джерри Бентли, рассматривает три «реалии глобального человеческого опыта» – рост народонаселения, технологические изменения и кросс-культурные контакты, во взаимодействии которых рождается «мощный комплекс глобально-исторической динамики»¹⁶.

В другой работе Дж. Бентли, отвечая на поставленный перед самим собой вопрос «Зачем изучать мировую историю?» в духе построения «всепланетарной идентичности», указал, что именно мировая история «заставляет нас напрямую обратиться к глобализации и поставить этот феномен в исторический контекст, создавая самые крупные объяснительные модели жизни человеческих существ на планете Земля. Как область исследования она наиболее непосредственно имеет дело со всем корпусом достижений человечества, мировая история необходима, поскольку она дает возможность людям понять себя и свое место в мире». Обращаясь к более специальным обоснованиям мировой истории как формы исторического знания, Бентли утверждает, что это «лучший научный подход к анализу, пониманию и объяснению мира и его развития во времени» и «наилучший способ осуществления самых фундаментальных и важнейших целей исторического исследования», ибо «невозможно понять или оценить любое историческое событие или процесс развития в изоляции», а «только в более крупных контекстах». Бентли приводит и другие аргументы в пользу изучения мировой истории – морального характера, подчеркивая ее «особую практическую ценность», как «навигатора» в современном мире «культурных и социальных различий», поскольку она «помогает понять его [различие] как продукт развития в специфических исторических условиях»¹⁷.

Следует подчеркнуть, что Бентли отмечает не только необходимость исторического анализа крупномасштабных процессов, но также плодотворность детального изучения социокультурных локально-региональных контекстов в их динамическом развитии и в сложных

¹⁶ См.: *Bentley J. H. World History and Grand Narrative // Writing World History, 1800–2000 / Ed. by B. Stuchtey and E. Fuchs. Oxford; N.Y., 2003. P. 61.*

¹⁷ *Bentley J. H. Why Study World History? // World History Connected. 2007. См. также: The New World History // A Companion to Western Historical Thought / Eds. L. Kramer and S. Maza. Oxford, 2002. P. 393–416.*

взаимосвязях с глобальными процессами. Только такой мультитекстуальный подход дает возможность понять взаимосвязи между событиями, процессами и теми изменениями, которые разворачиваются в разных регистрах – локальном, региональном, национальном, трансрегиональном, континентальном, глобальном. Интерпретацию взаимодействия между локальным и универсальным признают перво-степенной задачей многие историки, осознающие, что глобализация не тождественна процессу конвергенции, не говоря уже о гомогенизации, а включает различные варианты адаптации и ассимиляции к воздействиям, внешним по отношению к изучаемым локальным обществам¹⁸. В качестве приоритетных выделяют две модели изучения мировой истории. Это, во-первых, исследования так называемых *циркуляций* (глобальные обращения товаров, капиталов, идей, людей и способов этнической и религиозной дифференциации), подчеркивающие «глобальную взаимосвязанность» (в том числе в периоды «архаической глобализации»). Центральное место в словаре этой версии мировой истории занимает широко распространенное понятие «сети», применяемое равным образом для характеристики различных процессов: например, европейской миграции, урбанизации «третьего мира» или транснациональной «диффузии идей».

Во-вторых, речь идет о *сравнительном подходе нового типа*, который, в отличие от «старомодной» компаративной истории, не занимается противопоставлением различных цивилизационных ареалов в поисках объяснений их расходящихся траекторий развития, а проводит тщательные ситуационные исследования (*case studies*) и «встраивает локальные истории в глобальный контекст», раскрывая структурную логику сходных явлений, процессов и социальных конфликтов, отдаленных в пространстве и во времени (милленаристские движения, торговые диаспоры, сословно-классовая дифференциация, стратегии сопротивления, властные институты, национализм и др.), что также предполагает скрытую преемственность или связи с теми же глобальными циркуляциями, с силами, «пересекающими границы и океаны»¹⁹. Точно выразил эту тенденцию С. И. Малович-

¹⁸ См., напр.: Global History: Interactions between the Universal and the Local / Ed. by A. Hopkins. Basingstoke, 2006.

¹⁹ Benton L. How to Write the History of the World // Historically Speaking: The Bulletin of the Historical Society. 2004. Vol. V. No. 4. См. также: Benton L. Law and Colonial Cultures: Legal Regimes in World History, 1400–1900. Cambridge, 2002; etc.

ко: «нам уже становится тесно в постмодернистском, расколоте на локусы деконструированном мире. Локусы теперь не выстраиваются в вертикальную иерархию, в едином горизонтальном пространстве они втягиваются в глобальную перспективу»²⁰.

Однако «втягивание» в глобальную историческую перспективу может быть осуществлено только путем коренного пересмотра самого «вопросника», с которым историк подступает к объекту изучения и конструирует предмет своего исследования. Между тем движение в этом направлении только начинается, и пока контуры возможного консенсуса выглядят довольно размытыми.

Модель «интегративной истории», изучающей связи «горизонтальной преемственности» и опирающейся на описание и объяснение приблизительно совпадающих в историческом времени и взаимно соотнесенных параллелизмов в истории различных обществ и цивилизаций мира²¹, но оставляющая в тени динамическую составляющую их развития, также не решает всех проблем. Глобальная / мировая история продолжает дрейфовать между, с одной стороны, заведомо безуспешными попытками полностью «покрыть» все промежутки времени и пространства и, с другой стороны, настойчивыми поисками компаративной перспективы, выстраиваемой на новых теоретических основаниях, включающих понимание глобальной истории как истории «интерактивных пространств»²².

Несмотря на совпадение терминологии, следует помнить о том, что сегодня речь идет вовсе не о возрождении проекта глобальной истории, который был в совершенно иной социокультурной и интеллектуальной ситуации предложен Фернаном Броделем. Глобальное видение истории в интерпретации Броделя было направлено на объяснение развития общества как сложной системы в единстве, взаимосвязи и взаимодействии составляющих ее групп и подсистем (экономической, социальной, политической, культурной)²³, хотя,

²⁰ Маловичко С. И. Глокальная перспектива новой локальной истории // Новая локальная история. Вып. 3. Ставрополь, 2006. С. 177.

²¹ См., в частности: Fletcher J. F. Integrative History: Parallels and Interconnections in the Early Modern Period, 1500–1800 // Journal of Turkish Studies. 1985. Vol. 9. N 1. P. 37–58.

²² См., особ.: Osterhammel J., Petersson N. P. Globalization... 2005.

²³ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 2. С. 462–463. Подробно о броделевской метафоризации мира и кон-

конечно, нельзя упускать из виду и другой сущностный аспект его глоболизирующего подхода – расширение исследуемого пространства до супрарегионального уровня.

Принципиальный контекстуализм, способный обеспечить выход за пределы привычных административно-государственных границ²⁴ и исторически сложившихся европоцентристских ограничений, за рамки «имперского» и «колониального» дискурса, выступает как насущная задача исторической науки нынешнего века и – что важно – признается таковой как в зарубежной, так и в российской историографии. В этой связи показателен пафос названий ряда ежегодных конференций Ассоциации мировой истории: самое выразительное из них звучит как своеобразное кредо: «Раздвигая горизонты, сметая границы: “макро” и “микро” в мировой истории»²⁵.

Сторонники новых макроисторических подходов имеют разные точки зрения по многим методологическим и другим вопросам, включая периодизацию мировой истории, баланс между западными и незападными обществами в разные периоды истории, соотношение между глобальной и региональными или национальными историями, но сходятся в понимании насущной необходимости особой формы истории для исследования глобальных процессов в их исторической ретроспективе. При этом даже ставится вопрос о весьма значительном «удревлении» глобализационных процессов с отнесением «первого осевого времени» глобальной истории к XII–XIII вв.²⁶

Становление глобальной, транснациональной, мировой и др. истории опирается на общие процессы в интеллектуальной сфере, связанные с постепенным утверждением «постнеклассической», или неоклассической научной парадигмы²⁷, и отражает возрождение и

цепции глобальности см.: *Вжосек, Войцех*. Культура и историческая истина. М.: Круг, 2012. С. 79–123.

²⁴ Примечательно, что параллельно с «глобализацией» истории обнаруживается обострение интереса к проблемам границ и контактных зон. См.: *European Journal of Social Theory: Theorizing Borders*. 2006. Vol. 9. N 2; *Мегилл А.* Границы и национальное государство: предварительные заметки // *Диалог со временем*. 2010. Вып. 30. С. 42–58.

²⁵ См. сайт Ассоциации: <http://www.thewha.org>

²⁶ *Bayly C. A.* The Birth of the Modern World, 1780–1914: Global Connections and Comparisons. Malden, 2004.

²⁷ См.: *Globalisierung und Globalgeschichte* / Hg. M. Grandner et al.. Vienna, 2005; *Mazlish B.* The New Global History. L.; N.Y., 2006; *Globalgeschichte: Theo-*

развитие интеллектуальной традиции, в которой принцип целостности не исключает учета различий и многообразия.

В частности, постнеклассическая ситуация в научном познании стимулировала появление новых макроисторических парадигм, развитие универсального, или глобального эволюционизма, а также новой концепции универсальной истории человечества, которая в целом отражает отчетливо наметившуюся тенденцию к синтезу социально-гуманитарного и естественнонаучного знания – альтернативу мнимой универсальности постмодернизма.

Несмотря на безусловное дистанцирование от «практикующих историков», приверженных позитивистской эпистемологии XIX века, и признание относительности исторического познания, большинство историков – «глобалистов» (с их системным, по самой своей природе, проектом) занимают в широком спектре между твердым «реализмом» и крайним «конструктивизмом» позицию, более близкую к «реалистам». Они стремятся к приращению исторического знания и «продолжают искать когнитивное зерно в куче культурно нагруженных мотивов и эмоций»²⁸. Так, например, объявив о грядущем «возвращении древней традиции “всеобщей истории”», Дэвид Кристиан сразу же оговорился, что это будет новая форма универсальной истории – глобальная, по своему масштабу, и научная, по своим методам²⁹. «Большая история» призвана выявлять закономерности в масштабе трех уровней – человечества, планеты и вселенной³⁰.

Некоторые энтузиасты считают, что на теоретической платформе «новой универсальной истории» можно объединить все предыдущие исторические концепции, поскольку «предметное поле нового направления неимоверно широко», и в новом направлении, лице-

rien, Ansätze, Themen / _S. Conrad, A. Eckert, U. Freitag. Frankfurt, 2007; *Crossley P. K. What is Global History?* Cambridge, 2008.

²⁸ См.: *Pomper Ph. World History and Its Critics // History & Theory. Theme Issue: World Historians and Their Critics. 1995. Vol. 34. No. 2. P. 6*. См. также: *World History: Ideologies, Structures, and Identities / Eds. Ph. Pomper et al. Malden, 1998*.

²⁹ *Christian D. The Return of Universal History // History and Theory. 2010. Theme Issue 49. P. 6-27*.

³⁰ См., в частности: *Christian D. Maps of Time: An Introduction to Big History. Berkeley, 2004; Idem. Science in the Mirror of ‘Big History’ // The Changing Image of the Sciences / Eds. I. H. Stamhuis, T. Koetsier et al. Lancaster, 2002; Idem. World History in Context // Journal of World History. 2003. Vol. 14. № 4. P. 437-458; Brown C. S. Big History: From the Big Bang to the Present. N.Y., 2007*.

творяющем собой междисциплинарный синтез, «найдется место макро- и микроистории, постмодернизму и модернизму, постструктурализму и структурализму и т.д.»³¹. Однако сколь бы важным ни было значение новой концепции универсальной истории как поля междисциплинарного синтеза (в том числе и на основе общей теории систем, идей кибернетики и синергетики)³², эта фундаментальная теория, ориентированная на отказ от принципов «классического эволюционизма» и на решительное преодоление барьеров между гуманитарным и естественнонаучным знанием, не исчерпывает номенклатуру современных версий макроисторического анализа и – более того – не занимает среди них центрального места.

Для так называемых «практикующих» историков понимание глобальной истории как «охватывающей человечество в его неразрывной связи с природной средой»³³ выглядит *предпочтительным* только по сравнению с еще более дерзновенной перспективой встраивания ее в «историю Вселенной» (Big History), сторонники которой начинают глобальную историю с «Большого Взрыва»³⁴. При этом «патриарх» макроистории У. Макнил, взгляды которого за длительную профессиональную карьеру претерпели значительные измене-

³¹ *Высокова В. В., Сосновский М. А.* Универсальная история в современной историографии // Диалог со временем. 2007. Вып. 18. С. 186.

³² См., напр., развернутое обоснование опирающейся на принципы эволюционной кибернетики «общей теории основных законов статики и динамики общества как социосистемы, взятых в их неразрывном единстве». История общества рассматривается как вторая фаза эволюции управляемых систем, «где первой является биоэволюция, а третьей – предвидимая постсоциальная (постчеловеческая) техноэволюция»: *Жданко А. В.* Эволюция управляемых систем: единая теория общества и истории. СПб., 2008.

³³ *Чешков М. А.* «Встреча» исторического знания и глобалистики // Историк в меняющемся пространстве российской культуры / Под ред. Н. Н. Алеврас. Челябинск, 2006. С. 195. См. также: *Чешков М. А.* Глобальное видение и новая наука. М., 1998. К такому пониманию склоняются и некоторые другие ученые: *Mannion A.* Global Environmental Change: A Natural and Cultural History. L., 1991; *Diamond, Jared.* Guns, Germs, and Steel: The Fates of Human Societies. N.Y., 1997; *Idem.* Collapse: How Societies Choose to Fail or Succeed. N.Y., 2004; *McNeill J. R.* Something New Under the Sun: An Environmental History of the Twentieth-Century World. N.Y., 2000; *Simmons I. G.* Global Environmental History. Chicago, 2008.

³⁴ *Christian D.* The Case for “Big History” // Journal of World History. 1991. Vol. 2. P. 223-238; *Spieler F.* The Structure of Big History. From the Big Bang until Today. Amsterdam, 1996; *Снур Ф.* Структура Большой истории. От Большого взрыва до современности // Общественные науки и современность. 1999. № 5. С. 152-163.

ния, выдвинул в качестве первоочередной задачи исследование взаимодействий между символическими значениями культуры и природными условиями человеческого существования (на общих принципах современного неозолуционизма³⁵ и теории нелинейной социокультурной эволюции) и провозгласил «конвергенцию истории человечества с другими науками» одним из интеллектуальных и моральных императивов XXI века³⁶.

Для сторонников аналогичного направления в России главными являются «аргументы истории эволюции биосферы, факты, объясняемые законами живой и неживой природы»; они стремятся «сделать историю наукой (в строгом понимании естественников)»³⁷, «ввести в ранг главных акторов природу», сделать историю «социоестественной», «осветить два главных состояния во взаимоотношении человека и природы: социально-экологические кризисы и относительную социально-экологическую стабильность»; сформулирована «сверхцель – выявить систему основных ценностей цивилизаций, увидеть ее трансформацию в контексте изменяющихся взаимоотношений человека и природы»³⁸.

Социоестественная история рассматривает «человеческий социальный организм» на уровне живущих столетиями «этносов и суперэтносов», хотя ставит и вторую задачу – «оставить в ней место для “маленького человека” со всеми его слабостями, для отдельной личности», поскольку в периоды бифуркаций «дальнейшая эволюция биосферы начинает зависеть... от отдельного человека, даже от поступка»³⁹. Первостепенная задача такой истории – изучение процессов и «поворотных событий», достоверность ее результатов обеспечивает «массовость однотипных фактов», а «шаги эволюции»

³⁵ См.: *Claessen H. J. M.* Structural Change, Evolution and Evolutionism in Cultural Anthropology. Leiden, 2000; Альтернативные пути к цивилизации / Под ред. Н. Н. Крадина и др. М., 2000.

³⁶ *McNeill W. H.* Passing Strange: The Convergence of Evolutionary Science with Scientific History // *History & Theory*. 2001. V. 40. N 1. P. 15. См. также: *McNeill J. R. M., McNeill W. H.* The Human Web. A Bird's Eye View of World History. N.Y., 2003.

³⁷ *Кульпин Э. С.* Является ли история наукой? // Способы постижения прошлого / Отв. ред. М. А. Кукарцева. М., 2011. С. 86.

³⁸ См.: *Кульпин Э. С.* Социоестественная история – ответ на вызовы времени // Историческая психология и социология истории. 2008. 1(1). С. 196-207.

³⁹ *Кульпин Э. С.* Является ли история наукой? С. 87.

определяются отрезками, в течение которых происходят глобальные процессы в природе, смена мировоззрений и технологий.

Преобладают все же гораздо менее амбициозные варианты «глобальной», «мировой», «межнациональной», универсальной истории как всеобщей истории человечества, причем сами эти термины, как и аналитический багаж «новой всемирной» и «новой глобальной» истории (то противопоставляемых друг другу, то воспринимаемых в тандеме), вызывают бурные споры, которым, кажется, не будет конца⁴⁰. Как сформулировал проблему определения иссле-

⁴⁰ *Kossock M.* From Universal to Global History // *Conceptualizing Global History* / Ed. by B. Mazlish, R. Buultjens. Boulder, 1993. P. 93-112; *Haines Brown H.* The Contradiction of World History, 1994 // <http://www.hartford-hwp.com/archives/10/039.html>; *McNeill W. H.* The Changing Shape of World History // *History & Theory*. 1995. Vol. 34. N 2. P. 8-26; *Geyer M., Bright Ch.* World History in a Global Age // *American Historical Review*. 1995. Vol. 100. № 4. P. 1034-1060; *Bentley J. H.* Cross-Cultural Interaction and Periodization in World History // *American Historical Review*. 1996. Vol. 101. № 3. P. 749-770; *Between National Histories and Global History* / Eds. S. Tønneson et al. Helsingfors, 1997; *Mazlish B.* Comparing Global History to World History // *Journal of Interdisciplinary History*. 1998. Vol. 28. № 3. P. 385-396; *Perspectives on Global History: Concepts and Methodology; Is Universal History Possible; Cultural Encounters Between the Continents Over the Centuries* // *Proceedings Acts. 19th ICHS. Oslo, 2000*. P. 3-52; *Across Cultural Borders. Historiography in a Global Perspective* / Eds. E. Fuchs, B. Stuchtey. Lanham, 2002; *Writing World History 1800-2000* / Eds. E. Fuchs, B. Stuchtey. Oxford; N.Y., 2003; *World Civilizations: The Global Experience* / Eds. P. N. Stearns et al. 2 vol. N.Y., 2000-2003; *Traditions and Encounters. A Global Perspective on the Past* / Eds. J. Bentley, H. F. Ziegler. Boston, 2003; *Osterhammel J., Petersson N. P.* Geschichte der Globalisierung. Dimensionen, Prozesse, Epochen. München, 2003; *Berger S.* Notre Première Mondialisation: Leçons d'un échec oublié. P.: Seuil, 2003; *Gruzinski S.* Les quarter parties du monde: Histoire d'une mondialisation. P.: Éd. de La Martinière, 2004; *Bayly C.* The Birth of the Modern World, 1780-1914: Global Connections and Comparisons. Malden; Oxford, 2004; *Friedman T.L.* The World is Flat. A Brief History of the Twenty-First Century. N.Y.: Farrar, Strauss & Giroux, 2005; *Palgrave Advances in World Histories* / Ed. by M. Hughes-Warrington. Basingstoke, 2005; *Manning P.* Migration in World History. L.: Routledge, 2005; *Pernau M.* Global History. Wegbereiter für einen neuen Kolonialismus? // URL: <http://geschichte-transnational.clio-online.net/forum>; *Hughes-Warrington M.* World History and World Histories // *World History Connected*. 2006. Vol. 3. № 3; *O'Brien P. K.* Historical Traditions and Modern Imperatives for the Restoration of Global History // *Journal of Global History*. 2006. Vol. 1. № 1. P. 3-39; *Ruiz T.* Medieval Europe and the World: Why Medievalists Should Also Be World Historians // *History Compass*. 2006. 4/6. P. 1073-1088; *Sachsenmaier D.* World History as Ecumenical History? // *Journal of World History*. 2007. Vol. 18. № 4. P. 465-490; *Brook T.* Vermeer's: The Seventeenth Century and the Dawn of the Global

довательских полей известный американский историк Брюс Мазлиш, сыгравший видную роль в становлении «новой глобальной истории» как академической дисциплины, *Big History*, в ее лучших воплощениях, «очень интересна и провокативна», но «слишком отрывается от той почвы, которую мы стараемся возделывать»⁴¹.

Вместе с тем, многие специалисты считают, что не следует противопоставлять друг другу синонимичные, по сути дела, термины «мировая» и «глобальная» история, и в конструировании «генеалогии» глобальной истории обращаются к имеющейся в историографии традиции и длинной череде ученых авторитетов, включая и непосредственных предшественников⁴². Однако сегодня пересматриваются и такие, казалось бы, привычные понятия, как «европейская история», «региональная история» и «компаративная история».

С бурным развитием «новой глобальной истории» сравнительно-исторические исследования обрели новое обличье⁴³. В этом плане весьма интересен представленный активным сторонником «новой компаративной истории» Ю. Остерхаммелем анализ «космополитической перспективы» сравнительной истории цивилизаций XVIII столетия, утраченной в профессиональной историографии XIX века – благодатной эпохи для развития и распространения европоцен-

World. N.Y.: Bloomsbury Press, 2008; Histoire du monde au XVe siècle / Dir. par P. Boucheron. P.: Fayard, 2009; Burbank J., Cooper F. Empires in World History: Power and the Politics of Difference. Princeton: Princeton University Press, 2011.

⁴¹ From Psychohistory to New Global History. A Conversation with Bruce Mazlish // Historically Speaking. Vol. V. N 6. March 2004. См. также: Recent Themes in World History and the History of the West: Historians in Conversation / Ed. by Donald A. Yerxa. Columbia, 2009.

⁴² Wolf E. Europe and the People without History. Berkeley, 1983; Curtin Ph. D. Cross-Cultural Trade in World History. Cambridge, 1984; Crosby A. W. Ecological Imperialism: The Biological Expansion of Europe, 900–1900. Cambridge, 1986; Parker G. The Military Revolution: Military Innovation and the Rise of the West, 1500–1800. Cambridge, 1988; Adas M. Machines as the Measure of Men: Science, Technology, and Ideologies of Western Dominance. Ithaca, 1989; Pacey A. Technology in World Civilization. Oxford, 1990; Blaut J. M. The Colonizer's Model of the World: Geographical Diffusionism and Eurocentric History. N.Y., 1993; Gunn G. C. First Globalization: The Eurasian Exchange, 1500–1800. Lanham, 2003; etc.

⁴³ Питер Стернс ратует за «союз» мировой и социальной истории в контексте сравнительной истории цивилизаций и подчеркивает ее значение в преподавании мировой и глобальной истории. Stearns P. Social History and World History: Toward Greater Interaction // World History Connected. 2007. Vol. 2. Issue 2.

тристских национально-государственных и имперских («колониалистских», или «ориенталистских») историй⁴⁴.

Активно обсуждается вопрос о соотношении глобальной истории и цивилизационного анализа, который делает упор на разнообразие и уникальность локальных цивилизаций⁴⁵. Впрочем, сегодня цивилизационная парадигма принимается в ее максимально широком определении – в качестве макроисторической исследовательской модели, которая исходит из понимания мировой истории как динамического взаимодействия конкретных сообществ, отличающихся социокультурной спецификой («цивилизационной матрицей»), и ориентируется на цивилизационные теории разного типа (однолинейно-стадиальные, многолинейно-локальные, коммуникативные и др.) и соответствующую совокупность методологических установок. При этом классические универсальные теории исторического процесса подвергаются уничтожающей критике. Однако современное понимание глобальной истории вовсе не исключает, а напротив – подразумевает наличие множества локальных / региональных вариантов и траекторий развития. Оно далеко ушло от линейных и европоцентристских, в своей основе, обобщающих схем в духе христианского универсализма, историософских «всемирных историй» и классических модернизационных теорий. В связи с этим пересматривается и такое понятие, как «компаративная история».

Поиск современного взгляда на бесконечное разнообразие исторического опыта, актуализируя сравнительно-исторические исследования, формирует новую стратегию компаративной истории (*new comparative history*), которая не связана с деконтекстуализацией сходных явлений в рамках универсалистской, или же эволюционной (по сути, европоцентристской) парадигмы, а сосредоточивает внимание на существующих множественных взаимосвязях, взаимодействиях и

⁴⁴ См.: Osterhammel J. *Geschichtswissenschaft Jenseits des Nationalstaats: Studien zu Beziehungsgeschichte und Zivilisationsvergleich*. Göttingen, 2001. Очень точно охарактеризовал пафос академической истории конца XIX века Франсуа Фюре: «История стала генеалогическим древом европейских наций и цивилизации, которую они породили» (*Furet F. In the Workshop of History*. Chicago; London, 1984. P. 98).

⁴⁵ См. также: Muhlack, Ulrich. *Universal History and National History. Eighteenth- and Nineteenth-Century German Historians and the Scholarly Community // British and German Historiography, 1750–1950: Traditions, Perceptions, and Transfers* / Ed. by B. Stuchtey, P. Wende. Oxford, 2000. P. 25–48.

взаимовлияниях между сравниваемыми объектами и их культурно-историческими контекстами, учитывая разнообразие культурных традиций и сознательно акцентируя – наряду с обнаруживаемыми аналогиями – контрасты и различия⁴⁶. В этой связи стоит вспомнить давнее утверждение Марка Блока о том, что «дух сравнительной истории... проникает в локальные исследования: без них она бессильна, но они без нее бесплодны»⁴⁷.

В результате «культурного поворота», который пережила не только историография, но и все общественные науки, теоретические основания компаративной истории, во второй половине XX в. ориентированной почти исключительно на подходы и методы исторической социологии, существенно обновились⁴⁸. В настоящее время в исторической социологии констатируют два конкурирующих подхода, один из которых («структурный») по-прежнему нацелен на объяснение причин и последствий социальных процессов, системные сравнения и тестирование теорий, а второй – на применение интерпретативных методов, что свидетельствует об усвоении уроков постмодернистской критики⁴⁹. Уровень абстракции, задаваемый ис-

⁴⁶ Равным образом такая задача ставится и в образовательной практике. Так, оживленную и продолжительную дискуссию вызвал вопрос о том, как сделать традиционный в американских университетах учебный курс по истории западной цивилизации более совместимым с учебным курсом мировой истории, в котором реализуется новый подход. См., в частности, аргументы и предложения американских профессоров: *Knowing, Teaching and Learning History. National and International Perspectives* / Eds. P. N. Stearns et al. N.Y., 2002; *Stearns P. N. Western Civilization and World History*. N.Y.; L., 2003. См.: *Popp S. Integrating World History Perspectives into a National Curriculum: A Feasible Way to Foster Global Oriented Historical Consciousness in German Classrooms?* // *World History Connected*. 2006. Vol. 3. № 3 // URL: <http://worldhistoryconnected.press.uiuc.edu/3.3.html>; *Bentley J. H. Why Study World History* // *World History Connected*. 2007. Vol. 5. № 1 // URL: <http://worldhistoryconnected.press.uiuc.edu/5.1.html>.

⁴⁷ Блок М. К сравнительной истории европейских обществ // *Одиссей. Человек в истории* – 2001. М., 2001. С. 88.

⁴⁸ См., в частности: *Tilly Ch. Big Structures, Large Processes, Huge Comparisons*. N.Y., 1984; *Vision and Method in Historical Sociology* / Ed. by Theda Skocpol. Cambridge, 1984; *Banks J. A. From Universal History to Historical Sociology* // *British Journal of Sociology*. 1989. Vol. 40. P. 521-543; *Helmes-Hayes R. C. 'From Universal History to Historical Sociology'* by J. A. Banks // *British Journal of Sociology*. 1992. Vol. 43. P. 333-344; *Smith D. The Rise of Historical Sociology*. Philadelphia, 1991; etc.

⁴⁹ *Comparative Historical Analysis in the Social Sciences* / Eds. J. Mahoney and D. Rueschmeyer. Cambridge, 2003; *Handbook of Historical Sociology* / Eds.

торической социологией, абсолютизация причинных связей, не могли устроить историков, предпочитавших больше внимания уделять множественности путей и траекторий развития⁵⁰.

Конечно, речь не идет о сравнении в сугубо обыденном понимании. Нельзя не согласиться с тем, что «наличие сравнительного рассмотрения отдельных фактов в историческом исследовании еще не свидетельствует о “компаративности” его методологии»⁵¹. Ключевой и ныне широко обсуждаемой проблемой как современной сравнительно-исторической социологии, так и новой «кресс-культурной компаративной истории», разрушающей стереотипы национальных версий европейской или мировой истории, остается необходимость осознанного выбора критериев, теоретических оснований для сравнения⁵². Если по сложившейся в исторической социологии традиции сравнивались и подвергались типологизации, как правило, однородные процессы и явления в границах национальных государств⁵³, то, хотя версии современной компаративной истории различаются как по теоретическим моделям и уровням анализа, так и

G. Delanty and E. F. Isin. L., 2003. Критику макро-подходов исторической социологии см.: *Goldthorpe J.* On Sociology – Numbers, Narratives and the Integration of Research and Theory. Oxford, 2000. P. 42-43.

⁵⁰ См., напр.: *Bergad L. W.* The Comparative History of Slavery in Brazil, Cuba, and the United States. Cambridge etc., 2007; *Citizenship and Those Who Leave. The Politics of Emigration and Expatriation* / Eds. N. Green and F. Weil. Urbana etc., 2007.

⁵¹ *Тюна В. И.* Историческая реальность и проблемы современной компаративистики. М., 2002. С. 7.

⁵² См.: *Detienne M.* Comparer l'incomparable. Paris, 2000; *Stratégies de la comparaison internationale* / Dir. par M. Lallement, J. Spurk. P., 2003; *Kamen H.* Early Modern European Society. L., 2000; *Berger S.* Comparative History / Writing History. Theory and Practice / Eds. S. Berger et al. L., 2003; *Kocka J.* Comparison and Beyond // *History & Theory*. 2003. Vol. 42. P. 39-44; *Winks R. W., Neuberger J.* Europe and the Making of Modernity, 1815–1914. Oxford, 2005. Анализ междисциплинарных перспектив компаративной истории в прошлом и настоящем и ее «дрейфа» от объяснения к интерпретации см.: *Келли Д.* Основания для сравнения // *Диалог со временем*. 2001. Вып. 7. С. 89-105. См. также: *Reynolds, Susan.* Empires: A Problem of Comparative History // *Historical Research*. 2006. Vol. 79. No. 204. P. 151-165.

⁵³ О теоретических аспектах и основных методах компаративной истории см.: *Geschichte und Vergleich. Ansätze und Ergebnisse international vergleichender Geschichtsschreibung* / Hg. H.-G. Haupt, J. Kocka. Frankfurt a. M.; N.Y., 1996. См. также: *Лущицкая С. И.* Сравнительный метод в истории: взгляд из Германии (достижения и перспективы немецкой компаративистики) // *Сравнительная история: методы, задачи, перспективы* / Отв. ред. М. Ю. Парамонова. М., 2003. С. 302-318.

по критериям сопоставления, сегодня все больший интерес у представителей разных наук вызывают перспективы *компаративных региональных исследований*⁵⁴.

Благодаря этому в последнее десятилетие XX века и на заре нынешнего компаративная история переживает свое «второе рождение», новый «смысловой сдвиг» (здесь, видимо, уместно напомнить это давнее выражение М. Блока), сопровождаемый переопределением исследовательских задач и базовых принципов, суть которого лучше всего, пожалуй, охарактеризовал словам М. Эмар: «в конечном счете исторический контекст все-таки одержал верх над тягой некоторых историков к абстракциям»⁵⁵. В результате, в проекте «интерактивной компаративной истории» мы наблюдаем переход от *каузального* объяснения к *контекстуальному*⁵⁶.

«Новая компаративная история» (в разных интерпретациях) преодолевает границы априорно устанавливаемых национальных, региональных и локальных контекстов, нередко используя для концептуализации изучаемых явлений и их трансформаций понятие «культурного переноса /трансфера» (отсюда – *histoire des transferts*)⁵⁷ и выявляя его медиаторов. Так, в совместной исследовательской программе британского, французского и ирландского Обществ по изучению XVIII в. под названием «Франция, Великобритания и Ирландия: культурные трансферы и циркуляция знаний в Век Просвещения» были поставлены задачи выявить 1) «импортеров» зарубежных идей, т.е. тех, кто действовали как «культурные посредники» (будь то политики, дипломаты, путешественники, ученые, писатели, художники или кто-либо еще, а также институты или неформальные сети); 2) трансферы «культурных продуктов» – книг, газет, произведений искусства и т.п.; 3) перенос литературных, философских, политических

⁵⁴ Подробно о теоретических проблемах компаративных региональных исследований см. ниже, во втором разделе введения.

⁵⁵ Эмар М. История и компаративизм // Новая и новейшая история. 1999. № 5. С. 94. См. также: Haupt H.-G. Historische Komparatistik in der internationalen Geschichtsschreibung // Transnationale Geschichte. Themen, Tendenzen und Theorien. Göttingen, 2006. S. 137-149.

⁵⁶ Cohen D. Comparative History: Buyer Beware // Bulletin of the German Historical Institute. 2001. № 29. P. 30). См. также: Comparison and History: Europe in Cross-National Perspective / Eds. D. Cohen and M. O'Connor. N. Y.; L., 2004; Comparative Early Modernities 1100–1800 / Ed. by D. Porter. Basingstoke, 2012.

⁵⁷ Espagne M. Les transferts culturels franco-allemands. Paris, 1999.

или эстетических моделей в процессе «культурной легитимации»; 4) «процедуры переноса» – имитация, перевод или адаптация; 5) воздействие таких культурных трансферов на конструирование национальной идентичности, образов прошлого, язык и т.д.⁵⁸

Современная идея глобальности резко раздвинула и горизонты исторического сознания. Эта идея вновь востребовала, казалось бы, давно устаревшую «всемирно-историческую точку зрения», столь характерную для западных мыслителей эпохи Просвещения и для «золотого века» российской науки всеобщей истории, представители которой видели исторический процесс как движение «в объединительном направлении», как «постепенное объединение судеб отдельных стран и народов»⁵⁹.

Примечательно, что в современной историографии нередко генеалогия глобальной истории возводится к новоевропейским и даже к античным моделям всеобщей истории. Патрик О'Брайен, возглавлявший дискуссию о перспективах глобальной истории на XIX Международном конгрессе исторических наук, утверждая, что в последней трети XX в. глобальная, всемирная или универсальная история возродилась и даже стала модной, вновь заняв достойное место в историографии на рубеже столетий, обращался не к перспективам междисциплинарной кооперации, а именно к фундаментальным традициям дисциплинарной истории. В поисках глубоких «корней» глобальной истории, выстраивая ее респектабельную генеалогию, О'Брайен дошел до Геродота, перечислил последующих протагонистов «экуменических программ» всеобщей истории, включая Дж. Вико, Вольтера и даже Леопольда Ранке, а затем сосредоточился на методологических проблемах сравнительно-исторического анализа, с которыми сталкиваются современные «глобальные историки», не оставшиеся индифферентными к постмодернистской эпистемологии, но взыскующие нового синтезирующего инструментария⁶⁰.

⁵⁸ Anglo-French attitudes: comparisons and transfers between English and French intellectuals since the XVIII century / Eds. Chr. Charle, J. Vincent and J. Winter. Manchester, 2007.

⁵⁹ См.: *Кареев Н. И.* Общий ход всемирной истории. Очерки главнейших исторических эпох. СПб., 1903. (Очерк первый: «Всемирно-историческая точка зрения. Постепенное объединение судеб отдельных стран и народов».)

⁶⁰ Perspectives on Global History: Concepts and Methodology // 19th International Congress of Historical Sciences, 6–13 August, 2000. Proceedings Acts: Reports, Abstracts and Round Table Introductions. Oslo, 2000. P. 3–52.

Анализ многочисленных программно-теоретических публикаций «историков-глобалистов» позволяет получить представление о сформировавшемся идеальном образе подлинно *всеобщей* или *всемирной* (в смысле ее планетарного охвата) истории как истории *глобальной* (не *универсальной*, но *связанной*).

Итак, в идеале современная мегаистория, претендующая на столь высокое звание, должна отказаться от иерархических категорий превосходства и доминирования в пользу равноудаленной концептуализации различий, покончить с европоцентризмом, универсализмом, классическим эволюционизмом, футуроцентризмом и телеологизмом, стать принципиально мультиперспективной и контекстуально-ориентированной, оставлять место для возможных альтернатив и иметь даже не собственно интегративный, а подлинно коммуникативный характер.

В этой связи нельзя не заметить, как удивительно перекликается (а в ряде моментов просто совпадает) аргументация современных пропагандистов глобальной истории с тем, что выдающийся российский ученый Н. И. Кареев, констатировавший «постепенное объединение судеб отдельных стран и народов», более века назад описывал как «всемирно-историческую точку зрения»: *«Всемирная история не есть только сумма частных историй* (курсив мой. — Л. Р.), т.е. историй отдельных стран и народов. Смотреть на историю человечества таким образом мы имели бы право только в том случае, если бы жизнь каждой страны, каждого народа протекала совершенно обособленно, вне какой бы то ни было связи с историей других стран, других народов. Всякому известно, что в настоящее время нет ни одного почти уголка заселенной земли, который так или иначе, в той или другой мере не испытывал бы на себе влияния со стороны того, что происходит в других местах, и что сближение между наиболее отдаленными одна от другой странами, один от другого народами делается все более и более тесным... С этой точки зрения всемирная история и является перед нами как процесс... постепенного объединения человечества, расширения и углубления связей, мало-помалу образующихся между разными странами и народами... То, что касается только самого народа, есть, так сказать, его частное достояние, и всемирная история человечества, конечно, есть прежде всего сумма таких частных историй, но она получает право на наименование всемирной истории лишь постольку, поскольку судь-

бы отдельных народов переплетаются между собою, один народ оказывает на другой то или иное влияние, между народами устанавливается известная историческая преемственность, и таким образом *над суммою частных историй возникает общая, универсальная, всемирная* (курсив мой. – Л. Р.)»⁶¹.

Обращает на себя внимание общая для данной концепции и высказываний современных интерпретаторов природы «глобальной истории» фиксация качественного отличия «всемирной истории» как изучения процесса «расширения и углубления связей» между странами и народами – от суммы частных историй. В этом длинном пассаже несколько диссонирует с современным представлением о децентрализованной модели мировой и глобальной истории, пожалуй, только выделенная курсивом фраза с предлогом «над», отводящая «всемирную историю» (пусть и в особом ее качестве) на более высокий «этаж» в иерархии существующих форм исторического описания, а также отсутствие специального рассуждения и даже простого упоминания⁶² о предпочтительности какого-либо методологического принципа, который можно было бы ассоциировать с мультиперспективистским подходом, характерным для наиболее продвинутых новых макроисторических моделей.

Можно, пожалуй, согласиться с Хейденом Уайтом в том, что ситуация современности «настоятельно требует от историков потропиться с теорией “глобальной истории”». Правда, он сразу оговорился: «Если б кто-нибудь захотел преодолеть границы национальных историографий, то он должен был бы предложить новую философию истории. И это было бы фатальным. Историки склонны думать, что философия истории – это ошибка»⁶³. Действительно, ис-

⁶¹ Кареев Н. И. Общий ход всемирной истории. СПб., 1903. С. 5-7.

⁶² Между тем, в других текстах самого Н. И. Кареева и других выдающихся представителей «русской исторической школы» имеется ряд высказываний (разумеется в терминах своей эпохи), которые позволяют предположить, что их оригинальная трактовка эвристической ценности «русского взгляда на всеобщую историю» так или иначе приближалась к признанию альтернативности и необходимости смены перспектив. См. об этом: *Репина Л. П.* Идея всеобщей истории в России: от классики к неоклассике // Серия WP6. Гуманитарные исследования ИГИТИ. М.: ГУ ВШЭ, 2009. Впрочем, данная проблема, несомненно, заслуживает специального исследования.

⁶³ Интервью с Хейденом Уайтом // Диалог со временем. Вып. 14. М., 2000. С. 345. Далеко не случайно, что понятие «глобальная история» оказывается бо-

торики, в основном, все еще отдают предпочтение привычным терминам – «всеобщей» и «всемирной» истории. При этом вряд ли целесообразно, не вводя дополнительных пояснений, применять классическое понятие всеобщей, или универсальной истории к современной картине «новой мировой истории», представляемой в виде многоуровневой сетевой модели как полицентричное множество различных взаимодействующих локальных и частных процессов.

Мультиперспективистский подход, который постепенно становится превалирующим в теоретических моделях, а также широко понимаемых и зачастую переплетающихся исследовательских пространствах «транснациональной», «перекрестной», «связанной», «включенной» (*transnational, histoire croisée, connected history, entangled history*) и др. аналогичных направлений, помещает в фокус исследования объединяющие общества, культуры и цивилизации *взаимосвязи, циркуляции, взаимообмены и взаимовлияния*, выраженные через категории *сетей, потоков, медиаторов* и т.п.⁶⁴ Так, в основе *перекрестной истории* лежит идея пересечения, исключающая осмысление единичных целостностей и предполагающая активное взаимодействие, что означает многомерность и сложность исследовательских конфигураций. В рамках “перекрестных историй” речь, в частности, идет о том, чтобы *перемещать позицию наблюдателя*, делать ее децентрированной и не фиксированной, используя разные категориальные системы и точки зрения⁶⁵.

Специалисты по современным версиям макроистории ставят резонный вопрос: как, с учетом сложности предлагаемых моделей,

лее приемлемым для философов и социологов, чем для профессиональных историков, абсолютное большинство которых, как правило, не склонны к такому уровню обобщений. См.: *Ионов И. Н.* Основные направления и методология глобальной истории // Новая и Новейшая история. 2003. № 1. С. 18-29.

⁶⁴ См.: *The Making of the Modern World: Connected Histories, Divergent Paths (1500 to the Present)* / Ed. by R. W. Strayer. N.Y., 1989; *Unraveling Ties: From Social Cohesion to New Practices of Connectedness* / Ed. by Yehuda Elkana et al. Frankfurt, 2002; *Subrahmanyam S.* Connected histories: Notes towards a Reconfiguration of Early Modern Eurasia // *Modern Asian Studies*. 1997. Vol. 31. No. 3. P. 735–762; *Subrahmanyam S.* Explorations in Connected History: From the Tagus to the Ganges. Oxford: Oxford University Press, 2005; *Hunt, Lynn.* Writing History in the Global Era. N.Y. and L.: W.W. Norton & Co., 2014; etc.

⁶⁵ Подобная стратегия описана в книге: *Ионов И. Н.* Цивилизационное сознание и историческое знание. Проблемы взаимодействия. М., 2007. С. 465–476.

можно писать сегодня транснациональную историю мира или глобальную историю человечества? Некоторые из них представляют мировую историю как подход, который включает в свое пространство все народы, создавая альтернативу европоцентричным концепциям прошлого, и утверждают, что основательно перегруженная накопленными за прошедшие столетия эмпирическими данными мировая история, все еще сохраняет свое стремление к всеохватности. В этом контексте понятие «цивилизация» трактуется как обозначение множества групп (с разными социокультурными характеристиками), сосуществующих в границах установленных договоренностей относительно легитимности правителей и условий обмена. Согласно такой интерпретации, даже открытие новых социокультурных элементов, функционирующих внутри цивилизации, и сдвига в отношениях между ними не может угрожать проекту единой мировой истории. Историков призывают изучать – на глобальном уровне – те способы, которыми разные группы «переустроивали» эти границы, постоянно расширяя многосторонние контакты с «другими».

Однако, пытаясь представить мировую историю не как конгломерат частных или локальных историй, но и не как некую абстрактную метаисторию, оторванную от конкретных обстоятельств прошлой жизни, а как реальный, целостный и содержательный процесс, постепенно захватывающий в свою орбиту и связывающий между собой все страны и народы в глобальную, трансцивилизационную человеческую общность, мы неизбежно оказываемся в перспективе той или иной версии по форме всеобщей или всемирной, а по сути, *всеобъемлющей и взаимосвязанной*, истории человечества⁶⁶.

Существенным представляется то обстоятельство, что на рубеже веков ситуация глобализации не только создает новый всемирно-исторический контекст взаимопересечения, взаимодействия, взаимовлияния и взаимопроникновения культур и цивилизаций, и в результате – в качественно новых условиях, задаваемых сложной диалектикой национального и глобального – в формате мировой истории

⁶⁶ Впрочем, нельзя забывать о том, что каждая из моделей истории воплощает идеалы породившей ее эпохи. Как известно, фукуямовский «эксперимент» – попытка представить два оригинальных авторских варианта Универсальной истории, заложив новые основания в объяснение ее общей направленности и связанности, – вызвал сокрушительную критику. См.: *Fukuyama F. The End of History and the Last Man*. N.Y., 1992.

переопределение идей целостности и универсализма и актуализируются идеи разнообразия и межкультурного диалога. Вполне обоснованно природу современного исторического познания иногда определяют, как *диалогический историзм*⁶⁷.

В новом интеллектуальном климате с этой формой профессиональной историографии произошло то, что Франсуа Артог назвал новым «запуском» мировой истории в связи с возникновением истории глобальной, а можно было бы назвать «перезагрузкой». Тем не менее, подвижная сетевая структура как глобальной, так и новой мировой истории уже не предполагает существования единого взгляда на историю мира, «поскольку сохраняет возможность иной компоновки в зависимости от тех вопросов, которыми задается историк»⁶⁸.

Возникшая на рубеже XX–XXI вв. новейшая парадигма глобальной истории или «новой мировой истории» в одной из своих социальных функций предстает как новый проект «общечеловеческой идентичности», выступающий в современных условиях интенсивного развития глобализационных процессов неоклассическим «преемником» классических версий универсальной, всемирной или всеобщей истории, несмотря на неустанную, обоснованную и эффективную научную критику классического универсализма.

Выше уже было отмечено, что, идея истории как постепенного процесса расширения и углубления связей между странами и народами оставалась базовой для историй мира и человечества и в «долгом» XIX-м, и в «коротком» ушедшем XX веке⁶⁹. В глобальной и «новой мировой» истории начала XXI века идея фундаментального единства истории человечества – с учетом всего разнообразия конкретно-исторических форм его существования и многовариантности развития локально-региональных процессов, действительной и кажущейся разобщенности на разных исторических этапах, противоре-

⁶⁷ Ионов И.Н. Глобальная история и изучение прошлого России // *Общественные науки и современность*. 2011. № 5. С. 151.

⁶⁸ Артог Ф. Времена мира, история, историческое письмо // *Новое литературное обозрение*. 2007. № 83. С. 8-19.

⁶⁹ Одной из ее наиболее интересных и оригинальных версий является «Очерки истории цивилизации» (The Outline of History: Being a Plain History of Life and Mankind) великого писателя-фантаста Герберта Уэллса, написанные почти в духе проекта современной «Большой истории» – с момента рождения планеты Земля. – Уэллс Г. Очерки истории цивилизации. М., 2004.

чивой множественности проектов идентичности и конкурентных стратегий их реализации – воспроизводится уже на новом уровне интеллектуальной «спирали». Вследствие неизбежной процедуры нарративизации, которая включает ее в некую идеальную «биографию человечества» и даже «биографию планеты Земля», теоретически и методологически оснащенная глобальная история выступает уже в совершенно ином статусе – как проект новой идентичности, который, при всем своем интегративном потенциале, обречен в отсутствии воспринимаемого Другого оставаться незавершенным.

В своей когнитивной функции глобальная история имеет дело с теми процессами, которые сформировали глобализирующийся мир настоящего. Эта репрезентация истории стартует от ее конца, то есть от ее собственной «цели» – полного развертывания процесса глобализации. Тем не менее, на каждом этапе «глобальное целое выглядит как противоречивое, конфликтное и альтернативное образование, а динамика глобальной общности предстает как результат наложения и столкновения множества различных траекторий или ансамбль траекторий»⁷⁰. В этой ситуации особый интерес вызывает диалектика пересечений в модели обновленной региональной истории с характерной акцентировкой ее альтернативности категориям классической «универсальной», национальной и «имперской» истории.

2. Теоретические основания и перспективы региональной истории

Процессы регионализации (на разных уровнях и в различных конфигурациях) и региональной самоорганизации, наблюдаемые, с одной стороны, в интеграции локальных сообществ в более широкие территориальные комплексы, с другой – в сохранении культурных различий (как в рамках этих территориальных образований, так и между ними), привели к актуализации и эскалации трансдисциплинарных региональных исследований. Одна из важнейших тенденций в их развитии – «размывание» сложившейся еще в Новое время и до сих пор формирующей нашу «ретроспективную оптику» концепция жестких административно-государственных границ, которая, будучи исторически несостоятельной, тем не менее, до сих пор явственно

⁷⁰ Лубский А.В. Методология региональных социально-гуманитарных исследований. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ. 2009. С. 127.

«просматривается» в таких терминах, как «субнациональный регион» и «транснациональный регион»⁷¹. Подобные ситуации возникают в связи с тем, что историки, постоянно используя пространственные категории, редко дают им строгие дефиниции.

Противоречивые дефиниции региональной истории и ее предмета отражают имеющиеся в современной науке различия в трактовках понятия «регион», как в отношении его пространственных масштабов (на основе географического критерия и согласно различным схемам организации географического пространства)⁷² или дифференциации исследуемых регионов на внутригосударственные и надгосударственные (т.е. на основе административного или геополитического критерия), так и в практике их выделения на основе некоего общего набора содержательных характеристик, который в каждом случае, естественно, отражает предметные и категориальные преференции соответствующей области знаний. В зависимости от специфики научной дисциплины в содержании «региона» акцентируются разные основания: например, экономисты определяют регион как хозяйственно-экономическую общность; географы подразумевают под ним административно-территориальную единицу; историки-краеведы – историко-культурную область; культурологи рассматривают регион как культурно-цивилизационное пространство и т.д.

В. Г. Рыженко предлагает развернутую классификацию существующих интерпретаций понятия «регион»: «административно-территориальная (политико-административная или юридическая); философская (особо важная для изучения истории культуры региона, так как в ней акцент переносится на менталитет, образ мышления, традиции, мироощущение обитателей того или иного региона, что сближает регионоведение с новейшими направлениями в исторической науке); историческая трактовка региона (способствует восстановлению утраченной со временем идентичности); геополитическое понимание региона (акцент переносится на соотношение центров “мощи” и “слабости” в пространственной дифференциации различных политических сил); экономический регион (обозначение терри-

⁷¹ См.: *Smith D., Wistrich E. Collective Identities in a Changing World // Regional Identity and Diversity in Europe. L.; N.Y., 2007. P. 6-21.*

⁷² Подробнее об этом см., в частности: *Les espaces de l'historien: Etudes d'historiographie / Ed. par J.-C. Waquet et al. Strasbourg, 2000.*

тории с четко выраженной специализацией производства и хозяйственной целостностью)»⁷³.

Наиболее осмысленная исследовательская модель опирается на комплекс природных, экономических, культурных и других признаков, который может объединять несколько различных округов или существовать внутри одного из них, но, тем не менее, представляет собой определенную культурно-хозяйственную целостность на основе устойчивых связей, общих представлений, образа жизни, исторических традиций, независимо от современных административных границ. Однако в трансдисциплинарном *историческом* исследовании необходимо опираться на интегрирующий критерий.

Споры возникают и по вопросу определения, а точнее – конструирования границ изучаемых регионов. Прежде всего, встает необходимость теоретического осмысления соотношения политических, административных, культурных и других границ. Трудность состоит в том, что понятия экономического, политического, культурного, информационного, ментального пространства, как правило, не являются четко локализованными. Сложная проблема – соотношение регионального и общенационального, поскольку регион – не уменьшенная копия страны, а страна не сводима к сумме своих регионов. К.И. Зубков в этой связи отмечает следующее: «Принято думать, что регион и классическое национальное государство соотносятся между собой, как “часть” и “целое”... Исследования истории государства и истории региона лежат в разных аналитических проекциях и соотносятся с разным бытийным наполнением исторического времени»⁷⁴.

Хотя в результате «культурного поворота», охватившего всю сферу социально-гуманитарного знания на исходе XX века, приоритет в регионально-исторических научных исследованиях все больше переходит от сферы экономики к культурной специфике региональных сообществ, последние и сегодня нередко определяются по территориально-административным границам и номинируются по назва-

⁷³ Рыженко В. Г. Историческая наука, регионоведение, культурология: возможности кооперации вокруг проблемы «присвоения прошлого» // Историческая наука сегодня: проблемы, методы, перспективы / Под ред. Л. П. Репиной. М.: Изд-во ЛКИ, 2011. Р. 338.

⁷⁴ Зубков К.И. Структурный метод в региональных исторических исследованиях // Историческая наука и историческое образование на рубеже XX–XXI столетий. Екатеринбург, 2000. С. 22.

ниям соответствующих округов или исторических областей, причем, как правило, ретроспективно используются нынешние границы, без учета их подвижности и изменчивой конфигурации. Имеющий многочисленных сторонников принцип комбинированности границ, отражающий поиски комплексного критерия вычленения региона (природно-географическая однородность, единообразие хозяйственной деятельности и культурной традиции, общность социальной структуры, населения, административно-территориальное оформление), даже с учетом процессов формирования и развития территориальных идентичностей, для региональной истории не является самодостаточным, поскольку не учитывает долгосрочной динамики.

Поскольку ни сугубо географические, ни административные таксономические единицы территориального членения не могут сегодня служить опорой теоретического «регионостроительства», споры вокруг дефиниций и критериев выделения изучаемых объектов остаются малопродуктивными и рискуют еще надолго затянуться⁷⁵.

Найти какой-то безусловно нейтральный термин невозможно прежде всего в силу историко-культурной «привязанности» всех понятий, имеющих хождение в мировой и отечественной историографии. В целом соглашаясь с критическими соображениями по поводу

⁷⁵ Известный британский ученый, видный теоретик локальной и региональной истории Джон Маршалл (1919–2008) полвека своей научной карьеры активно участвовал в дискуссиях по этим проблемам с представителями знаменитой «лестерской школы», которые строили свои модели изучения локальной истории доиндустриального периода вокруг концепта «локального сообщества». Он обоснованно отстаивал необходимость изучения более широких региональных контекстов для анализа реалий индустриальной эпохи. См. его убедительную аргументацию в пользу такого подхода: *Marshall J.D. The Study of Local and Regional "communities": some problems and possibilities // Northern History. 1981. Vol. 17. P. 203-230; Idem. Why Study Regions? // Journal of Regional and Local Studies. 1985. Vol. 5. P. 15-27; Idem. Why Study Regions? Some Historical Considerations // Journal of Regional and Local Studies. 1986. Vol. 6. N 1. P. 1-12; Idem. Communities, Societies, Regions and Local History: Perceptions of Locality in High and Low Furness // Local Historian. 1996. V. 26. N 1. P. 36-47; Idem. The Tyranny of the Discrete: a Discussion of the Problems of Local History in England. Aldershot, 1997. К началу нового века необходимость обновления канона локально-региональных исследований высвечивалась все ярче. См.: *Sheeran, George and Yanina. Reconstructing Local History // Local Historian. 1999. Vol. 29. N 4. P. 256-262; Becket J. Local History, Family History and the Victoria County History: New Directions for the Twenty-first Century // Historical Research. 2008. Vol. 81. N 212. P. 350-365.**

существующих в современной литературе этимологических изысканий⁷⁶, считаю все же целесообразным, по возможности, избегать в обозначении научных направлений слов, излишне нагруженных коннотациями – таких, например, как эпитет «провинциальный».

Термин «регион/региональный» – наиболее нейтрален, он правомерно стал общепринятым в международном научном сообществе, так как дает возможность вербально предъявить отличие научного подхода к изучению прошлого, обозначаемого данным термином, от традиционных для соответствующих национальных традиций историописания – «истории области/края» в России, «истории земли» в Германии, «истории графства» в Англии, «истории провинции» во Франции (провинции в административно-территориальном значении, а не в значении периферии), – оставив эти последние для обозначения объекта историко-историографического исследования. Образцом такого историко-историографического исследования может служить фундаментальный труд «Английские истории графств»⁷⁷, в котором представлен анализ особого рода исторических нарративов – всех так называемых «историй графств» (разных уровней – графства как целого, его округов, а также выходящих за его пределы культурно-исторических областей), начиная с местных эрудитов XVI века (включая неопубликованные рукописи, завершённые и незавершённые, а также собранные антикварами коллекции документов и артефактов, предназначавшихся для создания истории графства или его частей, или отдельных местных общин) и до профессионалов конца XX века.

Как известно, региональный нарратив (как и любой другой исторический нарратив) может выступать объектом изучения в самых разных исследовательских контекстах: например, как форма «историографического письма» или выражение исторического сознания⁷⁸,

⁷⁶ Подробнее об этом см.: Мохначева М.П. Провинциальная историография и историческое краеведение: предметные поля и дисциплинарные полномочия // Новая локальная история. Вып. 3. Ставрополь, 2006. С. 202-216. Ср.: Шмидт С.О. Краеведение и региональная история в современной России // Методология региональных исторических исследований. СПб., 2000. С. 11-15.

⁷⁷ English County Histories. A Guide // Eds. C. R. J. Currie and C. R. Elrington. Stroud, 1994; Broadway J. 'No historie so meete'. Gentry Culture and the Development of Local History in Elizabethan and Early Stuart England. Manchester, 2006.

⁷⁸ См., например: Колесникова М.Е. Образы границы и пограничья в сочинениях северокавказских исследователей XIX в. // Границы и пограничье в южнороссийской истории: Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2014. С. 306-314; Мель-

но здесь он интересует нас в сугубо методологическом плане, а именно как потенциальный ресурс современных макроисторических построений разного типа, включая прежде всего те, которые называют «новой историей империй»⁷⁹.

Аллан Мегилл поставил вопрос о существующих формах региональной истории (от которых «новая региональная история» отталкивается), исходя из двух разных значений слова «регион»⁸⁰. С одной стороны, «региональная история» берет в качестве объекта территорию внутри национального государства (А. Мегилл дал такой форме условное название «региональная история первого типа»). С другой стороны, иногда в качестве объекта региональной истории выступает территория, выходящая за пределы какой-либо суверенной целостности («региональная история второго типа»). Таким образом, получается, что «региональная история первого типа» существует между полюсами национальной истории и локальной истории, а «региональная история второго типа» – между полюсами национальной и мировой истории. По существу, в обоих типах региональной истории люди выступают, скорее, как объекты воздействия исторических событий, чем как те акторы, кто эти события осуществляет. Мегилл подчеркивает, что обе рассматриваемые формы региональной истории не имеют явного центрального субъекта исторического действия и, в соответствии с этим, не строятся как темпорально-организованный нарратив (выдающимся примером может служить «Средиземноморье» Фернана Броделя как образец региональной истории второго типа)⁸¹.

Однако для исследований в парадигме «новой региональной истории» значимы не только пространственные, но также и временные измерения, и более того – как распределение или перемещения в первых, так и совпадение или расхождения в последних.

никова О.М. История, историки и историческое сознание в региональном измерении // Там же. С. 46-58.

⁷⁹ См. об этом ниже.

⁸⁰ Мегилл, Аллан. Границы и национальное государство: предварительные заметки // Диалог со временем. Вып. 30. 2010. С. 42-58.

⁸¹ Подробнее об особенностях и познавательной ценности разных типов исторического нарратива см.: Мегилл, Аллан. Историческая эпистемология. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2007. Глава II: Нарратив и познание; особенно с. 170-198.

В одних своих версиях региональная история смыкается с локальной историей, в других – дистанцируется от нее, причем границы между ними остаются неясными и зачастую просто не рефлексировуются. В этой ситуации нельзя не согласиться с характеристикой сегодняшнего научного статуса региональной истории как «субдисциплины, еще не достигшей своего совершеннолетия», с недостаточно определенными «концептуальными горизонтами»⁸².

С одной стороны, регионалистика претендует на статус самостоятельной «супер-дисциплины» в системе гуманитарного знания; но, с другой стороны, сегодня в зарубежной историографии отчетливо проявляется тенденция перевести обсуждение перспектив региональной истории в контекст более специализированной традиции историко-географических исследований или так называемой географической истории, изучающей пространственную сторону исторического процесса. Всесторонний анализ взаимодействия географии и истории на «пересекающихся» проблемных полях, в том числе и в исследовательском пространстве современной регионалистики, представлен известным британским ученым А. Бейкером⁸³, который считает, что преодолеть разрыв между историей и географией удастся, только если историки расширяют свои географические горизонты, а географы углубят свои исторические представления. Предметное поле и современное состояние исторической географии активно обсуждается и отечественными историками⁸⁴. В России значимое место в регионалистике, помимо историко-географической, занимают также ее политологическая⁸⁵ и культурологическая версии⁸⁶.

⁸² An Agenda for Regional History / Eds. B. Lancaster et al. Newcastle-upon-Tyne, 2007. P. VIII. В книге специально исследуются вопросы формирования региональных идентичностей (на материале различных регионов Европы), рассматриваются такие общие проблемы, как: «регион и пространство», «регион и империя», «регион и политика», «регион и город», «регион и культура».

⁸³ Baker A. R. H. *Geography and History: Bridging the Divide*. Cambridge; N. Y., 2003 (2nd ed. – 2005). См. также: Grabowski R., Self S., Shields M. P. *Economic Development: A Regional, Institutional and Historical approach*. L., 2007.

⁸⁴ См.: Историческая география: Пространство человека vs человек пространства / Отв. ред. М. Ф. Румянцева. М., 2011. В общетеоретических работах также превалирует географическая перспектива.

⁸⁵ См., напр.: Нечаев В. Д. Региональный миф в политической культуре современной России. М., 1999; Фадеева Л. А. Сквозь призму политической культуры: нация, класс, регион. Пермь, 2006; и мн. др.

В соответствии с развитием новых тенденций в общей историографической ситуации в течение последней четверти XX в., главной темой локально-региональных исследований уже в 1990-е годы стал «ландшафт как продукт властных отношений»⁸⁷ в пространственных конфигурациях различного масштаба – от локального до геополитического. Однако, наряду с этим, сегодня на передний план выходят исследования региональной идентичности и региональной культуры⁸⁸, в которых региональная идентичность (как и любая другая коллективная идентичность) понимается не как данность, а, прежде всего, как результат активности элит. «Регион» в этой исследовательской парадигме и сам выступает не как нечто данное историку в готовом виде в качестве объекта изучения, а как искомое – как то, что следует выявить. «Региональное» обнаруживается посредством сопоставления и типологизации⁸⁹.

Здесь сразу же стоит уточнить, что речь все чаще идет не о территории, а именно о региональной идентичности (с учетом важной роли фактора миграций в ее становлении и трансформации) не только в пределах «своих» национальных государств⁹⁰ или в «регионах, со-

⁸⁶ Например, синтетическое исследование крупных историко-культурных зон или макрорегионов России рассматривается как актуальная задача культурологии в рамках современной регионалистики. *Мосолова Л.М.* Историография XX века о глобальном и региональном в развитии культуры // Регионы России: Социокультурные контексты художественных процессов Нового и Новейшего времени / Отв. ред. Л.М. Мосолова. СПб., 2002. С. 16. См. также: *Мурзина И.Я.* Феномен региональной культуры: поиск качественных границ и языка описания. Екатеринбург, 2003.

⁸⁷ *Encyclopedia of Historians and Historical Writing* / Ed. by K. Boyd. L.; Chicago, 1999. Vol. 1. P. 538. См. также: *Historical Ecology: Cultural Knowledge and Changing Landscapes* / Ed. by Carole L. Crumley. Santa Fe, 1994.

⁸⁸ См., напр.: *Region, Nation, Europa* / Ed. by Günter Lottes. Heidelberg, 1992; *Applegate, Celia.* A Europe of Regions: Reflections on the Historiography of Sub-National Places in Modern Times // *American Historical Review.* 1999. Vol. 104. No. 4. P. 1157-1183; *Storm, Eric.* Regionalism in history, 1890–1945: The Cultural Approach // *European History Quarterly.* 2003. Vol. 33. No. 2. P. 251-262.

⁸⁹ Подробнее см.: *Чернов Е.А.* Региональная история: опыт теоретической интерпретации // Харківський історіографічний збірник. 2006. Вып. 8. С. 38–48.

⁹⁰ *British Regionalism, 1900–2000* / Ed. by P. L. Garside, M. Hebbert. L., 1989; *Issues of Regional Identity.* In Honour of John Marshall / Ed. by E. Royle. Manchester, 1998; *Gerson, Stéfane.* The Pride of Place: Local Memories and Political Culture in Nineteenth-Century France. Ithaca, 2003; *Regional Identity and Diversity in Europe: Experience in Wales, Silesia and Flanders* / Ed. by D. M. Smith, E. Wistrich. L., 2007;

единающих нации-государства», но и в регионах, «рассекающих» все ныне существующие административно-государственные границы (включая не только социальное пространство контактных зон, но даже существование транснациональных региональных ассоциаций)⁹¹.

Понятия «региональной идентичности» и «региональной культуры» трактуются в широком диапазоне. Наиболее интересным, точным и лаконичным представляется определение Э. Ройля: региональная культура – это «постоянно изменяющаяся культура, с глубокими корнями в прошлом и связями с природным окружением, но поддающаяся обновлению и изобретению традиций в настоящем»⁹².

При высоком градусе терминологических споров представляет- ся странным, что в них, как правило, обходится стороной вопрос содержательных различий локальной и региональной истории и связанный с ним вопрос о методологической трансформации наиболее продвинутых концепций «новой локальной истории»⁹³. Отсутствие четкого различения предметных полей локальной и региональной истории⁹⁴ проявляется в их практическом отождествлении в учебных планах научно-образовательных центров. Показательна магистерская программа специализации по локальной и региональной истории Ин-

Jones R., Fowler C. Where is Wales? Narrating the territories and borders of the Welsh linguistic nation // *Regional Studies*. 2007. Vol. 41. P. 89-101; etc.

⁹¹ См., в частности: *Sahlins P.* Boundaries: The Making of France and Spain in the Pyrenees. Berkeley, 1989; *Place and Politics of Identity* / Ed. by M. Keith and S. Pile. L., 1993; *Pollard S.* Marginal Europe: The Contribution of Marginal Lands since the Middle Ages. Oxford, 1997; *Bridging the North Sea: Conflict and Cooperation* / Ed. by David J. Starkey and M. Hahn-Pedersen. Esbjerg, 2005; etc.

⁹² *Royle E.* Introduction: Regions and Identities // *Issues of Regional Identity*. In Honour of J. Marshall / Ed. by E. Royle. Manchester, 1999. P. 10. См. также: *Мурзина И.Я.* Феномен региональной культуры: поиск качественных границ и языка описания: Монография. Екатеринбург, 2003. 206 с.

⁹³ О развитии концепций разных поколений представителей британской (лестерской) школы локальной истории см.: *Фитцьян-Адамс Ч.* Англия Хоскинса: гений локальной истории // *Диалог со временем: историки в меняющемся мире* / Отв. ред. Л. П. Репина. М., 1996; *The Changing Face of English Local History* / Ed. by R. C. Richardson. Aldershot, 2000; etc.

⁹⁴ О дифференциации предметных полей краеведения, локальной и региональной истории как насущной проблеме современной историографии см.: *Маловичко С. И., Мохначева М. П.* Регионалистика – историческое краеведение – локальная история: размышления о порогах и пороках «не/совместимости» // Харьківський історіографічний збірник. Вип. 8. Харьків, 2006. С. 24.

ститута исторических исследований Лондонского университета. Программа, в фокусе которой находится история графств, состоит из трех частей: общие подходы к региональной истории; пространственно-темпоральные определения регионов, миграция и этничность, экономика, политика и религия, культурная идентичность; внешние связи и влияния. При этом вводный курс включает базовую тему «Идентификация регионов». Вместе с тем одна из самых интересных программ – магистерская программа в международном Центре региональной истории (Centre for Regional History) при Институте истории Северо-Восточной Англии (the North-East England History Institute) – предлагает более широкий подход к региональной истории, стимулируя применение в ней компаративного анализа в любом надрегиональном социально-пространственном контексте⁹⁵.

Стартовым моментом новой модели региональной истории является отход от перспективы национальной истории. Если регион определяется как «сообщество людей в пространстве, отличном от локального, национально-государственного и глобального», то региональная история – как «история, в которой национальные государства и их четко очерченные границы играют второстепенную роль или отсутствуют вовсе»⁹⁶. Эта возможность региональной истории противостоять однолинейным нарративам национальной и классической всемирной истории создает ей определенные преимущества. По убеждению А. Мегилла, региональная история как жанр историографии привлекает многих исследователей именно «из-за своей способности эффективно работать против категорий “национальной” и “мировой” истории, которые тесно связаны с представлением о том, что во всем мире существует некий единственный, доминирующий процесс человеческого развития»⁹⁷.

⁹⁵ Стоит упомянуть Манчестерский центр региональной истории, Центр локальной и региональной истории Университета Эссекса, специальные программы подготовки специалистов по локальной и региональной истории в Ланкастерском университете, университетах Ноттингема, Сассекса и др. См. также анализ «интеллектуальных вызовов» локальной истории в статье: *Jackson A. J. H.* Local history and local history education in the early twenty first century: organizational and intellectual challenges // *Local Historian*. 2008. Vol. 38. No. 4. P. 266-273.

⁹⁶ См.: *Мегилл А.* Границы и национальное государство. Предварительные заметки // *Диалог со временем*. 2010. Вып. 30. С. 42-58.

⁹⁷ *Megill A.* The Needed Centrality of Regional History // *Ideas in History*. 2009. Vol. IV. N 2. P. 13.

Между тем, заметный отход «региональных» историков от перспективы национальной, в том числе национально-государственной, истории нередко дает повод говорить об усилении ««фрагментации» исторического знания»⁹⁸. Насколько такое утверждение правомерно? В этом плане, целесообразно развести два уровня работ, претендующих на статус региональной истории.

Региональная история сегодня рассматривается в двух несовместимых культурных традициях, имеющих разную идейную ориентацию: с одной стороны, как эффективная форма исторического познания, в которой находят применение теории, методы и концепции смежных дисциплин – к примеру, концепции «ментального пространства» и «воображаемых сообществ»⁹⁹, а с другой стороны, как способ мобилизации исторической памяти. Представляется, что растущая фрагментация характерна и, отметим, вполне естественна для исторических сочинений, занятых любительским или заказным продуцированием коллективной памяти и абсолютизирующих локальную (зачастую этнически детерминированную) перспективу в интересах конструирования локальных идентичностей (этнического самосознания). Эта «ипостась» региональной истории ярко воплощается в историко-культурном краеведении¹⁰⁰ и в версии «истории родного края» составляет национально-региональный компонент школьного образования. Здесь достаточно вспомнить о созданных в

⁹⁸См., напр.: *Маловичко С. И.* Глокальная перспектива новой локальной истории // Новая локальная история. Вып. 3. Ставрополь, 2006. С. 185.

⁹⁹Так, например, Д. В. Сень рассматривает формирование ментальных границ региона “Кубань” в составе Российской империи («присвоение и символическое освоение») как «пример воображаемого пространства, судьба которого теснейшим образом была связана с имперскими “войнами памяти”, необходимостью со стороны российского царизма управлять новыми окраинными землями». *Сень Д.* Воображаемая география в дискурсе империй: из истории «русификации» Причерноморья в конце XVIII века // *Україна в Центрально-Східній Європі*. Вип. 7. Київ, 2007. С. 346.

¹⁰⁰Об отечественной традиции историко-культурного краеведения см.: *Шмидт С. О.* Изучение местной истории и развитие исторической науки и общественно-исторического сознания // В едином историческом пространстве. Сборник научных статей к 60-летию члена-корреспондента РАН, доктора исторических наук, профессора Е.И. Пивовара. М.: Изд-во РГТУ, М., 2009. С. 24-63. Об определении базовой категории «места» и методологии местной истории см.: *Гомаюнов С. А.* Местная история: проблемы методологии // *Вопросы истории*. 1996. № 9. С. 158-163.

нашей стране в 1990-е годы многочисленных программах и учебниках по истории национальных республик и административных регионов – в отсутствие единой концепции национально-региональной истории России. М. Ф. Румянцева, размышляя о причинах актуализации краеведения, справедливо отмечает факт его поощрения властями как идеологического средства государственного и национального утверждения. Представляя краеведение и *новую локальную историю* «как два оппонирующих типа локальных / региональных исследований – интравертный и экстравертный соответственно», она справедливо подчеркивает «значение новой локальной истории как концептуальной основы преодоления ксенофобии»¹⁰¹.

В той же плоскости может быть рассмотрена также история пограничных областей или так называемых контактных зон. Нет недостатка в политико-идеологических и морально-этических аргументах относительно значимости изучения пограничных зон, представляющих опыт (хотя и неоднозначный, и спорадически, а то и зачастую, конфликтный) совместного существования разных этнокультурных групп, для «воспитания в духе сотрудничества, синкретизма и интеграции» и «в интересах взаимопонимания»¹⁰².

Однако приходится констатировать, что, несмотря на все возрастающий интерес исследователей к проблемам кросс-культурного взаимодействия, как научные проблемы (прежде всего теоретические), так и те перспективы, которые открываются в истории пограничных регионов (*borderland history*) и так называемых *контактных зон*, до сих пор, на мой взгляд, остаются слабо эксплицированными¹⁰³. А ведь именно в таких регионах «переплетаются» исторические судьбы взаимодействующих народов, искусственно разделяемые в противоречащих друг другу историографических традициях, в

¹⁰¹ Румянцева М. Ф. Новая локальная история и современное гуманитарное знание // Новая локальная история. Вып. 3. Ставрополь, 2006. С. 272-273.

¹⁰² См., напр.: Коткин С. О краеведении и его методологии // Методология региональных исторических исследований. Российский и зарубежный опыт. СПб., 2000. С. 16-20.

¹⁰³ Hurd, Madeleine. *Borderland Identities: Territory and Belonging in North, Central and East Europe*. Eslöv, 2006. О концептуальных проблемах «истории пограничья» см.: Мегилл А. Границы как историческая и теоретическая проблема // Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век / Отв. ред. Л. П. Репина. М., 2008. С. 212-214.

этих социальных пространствах интенсивных коммуникаций происходит формирование новых идентичностей¹⁰⁴.

Между тем, в отсутствие серьезной методологической проработки, акцент на проблематику исторической памяти в новейших региональных исследованиях нередко оказывается не просто малопродуктивным, но откровенно манипулятивным. Д. В. Сень, справедливо указывая на то, что многие российские регионоведы используют «такие “химеры” региональной идентичности, как “коренной народ”, “родная земля”, “малая родина”», счел необходимым признать, что «региональный подход, зачастую приводящий к этнизации местной истории, становится все менее научно состоятельным на фоне возрастающей политической значимости национализма и регионализма» и может послужить «лишним горючим основанием для разжигания новых “войн памяти”»¹⁰⁵. Однако этот категоричный вывод, при всей его актуальной обоснованности, имеет отношение только к вполне определенному направлению идеологии регионализма и «этнизации прошлого». Что же касается научной парадигмы локально-региональных исследований в современном историческом познании, то она имеет совершенно иную направленность, развиваясь как антидот от «национализации прошлого», к которой, как правило, приводит доминирование традиционной перспективы национально-государственной историографии, ориентированной на задачи государственного строительства и национальной самоидентификации¹⁰⁶.

В плане концептуализации локальной и региональной истории передовые позиции принадлежат такому признанному специалисту, как Чарльз Фитьян-Адамс. Его известная концепция локальной социальной истории постепенно, но неуклонно расширялась и трансформировалась: от книги об отдельной городской общине через реконструкцию сельских сетей и взаимосвязей между городом и округой, и

¹⁰⁴ См.: European Journal of Social Theory: Theorizing Borders. 2006. Vol. 9. No. 2; См. также: Megill A. The Needed Centrality of Regional History... P. 11-37.

¹⁰⁵ Сень Д. В. «Черномория» versus «Кубань»: некоторые аспекты дискурса империй и теоретические проблемы изучения истории Северо-Западного Кавказа конца XVIII – начала XIX в. // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2005 год. Краснодар, 2006. С. 380-381, 386. См. также: История края как поле конструирования региональной идентичности / Под ред. И. И. Куриллы. Волгоград, 2008.

¹⁰⁶ См. об этом: Савельева И. М., Полетаев А. В. Современное общество и историческая наука: вызовы и ответы // Мир Клио. Т. 1. М., 2007. С. 181-183.

далее, через анализ развивающейся региональной идентичности в пограничных областях и концепцию «культурных регионов», к обобщающему труду, в котором исследуется эволюция провинциальной Англии как целого, вместе с характерными для нее механизмами внутренней дифференциации, на историческом протяжении от Римской Британии до сегодняшнего дня, в широких контекстах всего Британского архипелага и континентальной Европы¹⁰⁷.

Предложенная историком модель исследования, направленная на выявление локальных, региональных, межрегиональных социальных сетей и раскрытие конкретного содержания осуществляемых в них регулярных или спорадических взаимодействий (с учетом как интегрирующей деятельности «центра», так и собственного интегративного потенциала локальных структур) и выходами в транснациональное пространство, представляется самой многообещающей для развития современной региональной и глобальной истории.

«Опутывая» пространства разных уровней и масштабов, эта непрерывно флуктуирующая сеть, в которой реализуется все реальное многообразие социальных связей, формирует соединительную ткань социального целого. Данная модель исторического исследования корреспондирует с концепцией регионов как серии связанных социальными отношениями перемежающихся пространств, разработанной британскими специалистами по географии регионов¹⁰⁸, но она заметно отличается от последней модели глубоко продуманным дополнением – включением, наряду с пространственным измерением, измерения темпорального – долговременной динамической составляющей. Вместе с тем, приходится признать, что от разработки модели до ее полноценной реализации «дистанция огромного размера».

Подобные принципы положены также в основу концепции, разработанной историками Межвузовского научно-образовательного

¹⁰⁷ *Phythian-Adams Ch.* Re-thinking English Local History. Leicester, 1987; *Idem.* Desolation of a City: Coventry and the Urban Crisis of the Late Middle Ages. Cambridge, 1979; *Idem.* Introduction: An Agenda for the English Local History // *Societies, Cultures and Kinship 1580–1850: Cultural Provinces in English Local History* / Ed. by Ch. Phythian-Adams. L.; N.Y., 1993. P. 1–23; *Idem.* Land of the Cumbrians: A Study in British Provincial Origins AD 410–1120. Aldershot, 1996.

¹⁰⁸ *Allen J., Massey D., Cochrane A.* Rethinking the Region. L.; N.Y.: Routledge, 1998. Аналогичная модель применяется в серии публикаций “Cambridge Studies in Historical Geography”. См.: *Hoppe G., Langton J.* Peasantry to Capitalism: Western Östergötland in the Nineteenth Century. Cambridge, 1995.

центра «Новая локальная история»¹⁰⁹. Эта концепция предполагает пристальное внимание к методическому инструментарию и к контекстам локальной истории, понимание глобальной перспективы той или иной проблемы, опирающееся на способность «*видеть целое* прежде составляющих его локальных частей, воспринимать и понимать *контекстность*, глобальное и локальное, отношения исторических макро- и микроуровней», строить исследование «на признании глубокой взаимной детерминации “внешнего” и “внутреннего”»¹¹⁰. Научная программа «новой локальной истории» существенно развивает установившиеся в зарубежной историографии подходы в направлении создания развернутой модели полидисциплинарного исследования локальных сообществ и их «культурных миров»¹¹¹.

Реализовать высокий познавательный потенциал включения региональных исторических исследований в *сетевую* структуру глобальной истории возможно только с помощью тщательно разработанной методологии. В этом плане было бы полезным обратиться также к социально-научной концепции “*path dependence*”, подчеркивающей определенную зависимость результата динамических процессов от конкретной траектории пройденного исторического пути, которому данный процесс следовал на протяжении известного периода времени, от событий, связанных с действиями различных групп акторов (в рамках данного института или социума) на предшествующих этапах развития соответствующего процесса, а следовательно,

¹⁰⁹ См. сайт упомянутого Центра (<http://www.newlocalhistory>).

¹¹⁰ Булыгина Т.А., Маловичко С.И. Новая локальная история: Новые исследовательские практики // Новая локальная история. Вып. 3. Ставрополь, 2006. С. 10. См. также: Маловичко С. И. Глобальная (г)локализация и практика контекстуализма новой локальной истории // Национальные образы прошлого. Третьи Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории / Отв. ред. А. В. Малинов. СПб., 2008. С. 140-147.

¹¹¹ Важным представляется обращение к таким аспектам региональной истории, как изучение интеллектуальной жизни региона и локальных сообществ. Потенциал такого рода исследований демонстрируют труды по истории Сибирского региона: Рыженко В. Г., Назимова В. Ш., Алисов Д. А. Пространство советского города (1920–1950-е гг.): теоретические представления, региональные социокультурные и историко-культурологические характеристики (на материалах Западной Сибири). Омск, 2004; Алисов Д. А. Административные центры Западной Сибири: городская среда и социально-культурное развитие (1870–1914 гг.). Омск, 2006; Рыженко В. Г. Образы и символы советского города в современных исследовательских опытах (региональный аспект). Омск, 2010; и мн. др.

требующей от исследователя перехода от сверхшироких обобщений к глубокому пониманию конкретных характеристик культурного наследия изучаемого социума¹¹². Используя эту теорию («принцип колеи») в регионально-исторических исследованиях, нельзя, однако, забывать об экзогенных факторах, способных оказывать мощное воздействие на протекание региональных процессов, не только ускорять или замедлять, но даже решительно изменять траекторию развития.

Профессиональный интерес к региональной истории во многом объясняется более общим процессом децентрализации исторической перспективы, который разворачивается в разных направлениях, одновременно преодолевая ограниченность микроисторического подхода. При этом задача изучения специфических форм регионализма и культурной идентификации локальных и региональных субъектов («региональной идентичности») связывается с признанием роли социокультурного фактора в процессах региональной модернизации¹¹³.

Обосновывая регионально-ориентированную модель изучения процессов модернизации, разработанную с опорой на социокультурный анализ, И.В. Побережников справедливо подчеркивает, что она дает «возможность выхода за границы макро-микроаналитической проблематики, для которой характерно стремление, с одной стороны, объяснять конкретные социальные результаты в терминах широкой структуралистской логики, а с другой стороны, интерпретировать масштабные социальные процессы путем простого агрегирования микролокальных событий» и «позволяет рассматривать общество как реальное, живое, неоднородное, вариативно (в том числе и в пространственном плане) реагирующее на вызовы модернизации»¹¹⁴.

¹¹² О теории «path dependence» см.: *Норт Д.* Институты и экономический рост // THESIS. 1993. № 2. С. 69-91; *Афонцев С.А.* Зависимость от пройденного пути, социальное действие и исторический процесс // «Советское наследство». Отражение прошлого в социальных и экономических практиках современной России / Ред.: Л. И. Бородкин и др. М.: РОССПЭН, 2010. С. 21-36. См. также масштабную реализацию этой теории в историко-экономическом исследовании: *Hedlund, Stefan.* Russian Path Dependence. N.Y.: Routledge, 2005.

¹¹³ См. в книге: Россия в XVII – начале XX в.: региональные аспекты модернизации / Отв. ред. И. В. Побережников. Екатеринбург, 2006. Глава I. С. 17-82.

¹¹⁴ *Побережников И.В.* Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М.: РОССПЭН, 2006. С. 234-235. О новейших концепциях российской модернизации см.: *Бородкин Л.И.* Концепции модернизации и модерности в контексте российских трансформаций XIX–XX вв. // Уральский исторический вестник. 2017. № 4. С. 6-15.

Центральное место в исследовательском пространстве региональной истории занимает история городов и городских региональных и супрарегиональных систем. Как известно, еще во второй половине XX в. на волне взаимного сближения истории и социологии исторической урбанистикой были достигнуты впечатляющие научные результаты и поставлены под сомнение дуалистические концепции, отделяющие город от его окружения и даже противопоставляющие их друг другу¹¹⁵. Одновременно проявился ряд подходов, которые могли использоваться как взаимодополнительные. Среди них можно выделить: **эволюционистский** подход (предмет – урбанизация); **локальный** подход (предмет – город как целостный организм в его жестко фиксированных связях с местной периферией); **социально-контекстуальный** подход (город рассматривается как функция более крупных систем разного уровня); **системно-структурный** (город как подсистема, имеющая собственную развитую структуру – т.н. «городские микроструктуры»).

Последние два подхода, широко применяемые в современной урбанистике, в сущности, представляют собой разновидности системного анализа. На условиях взаимодополнительности они создают основу такого исследования, в котором город рассматривается и как продукт исторического развития другой, более сложной системы – общества, и как своего рода «актор» исторического процесса (в режиме *longue durée*) в локальных, региональных, национальных и даже континентальных границах, и как динамичная система, все составляющие которой исследуются в их взаимосвязи и в свете общих характеристик развития данного города как целостного образования. Объединяет довольно разнородный контингент сторонников контекстуального подхода понимание города как частного выражения более крупных систем (цивилизаций, государств, обществ) в противовес дуалистическим концепциям, отделяющим город от его окружения и противопоставляющим их друг другу.

Важнейший организующий принцип – каждый город должен быть рассмотрен как подсистема в его принадлежности к региональной или национальной системе: в этой системе отдельные города обладают конкретными функциями, взаимно дополняя друг друга. В рамках этого подхода город предстает как комплексный объект

¹¹⁵ См. обобщающий труд: *Hohenberg P. M., Lees L. H. The Making of Urban Europe, 1000–1994. Cambridge (Mass.), 1994. (1 ed. – 1985).*

в единстве своих многообразных функций и одновременно как пространственное воплощение социальных связей и культурной специфики включающей его целостности, то есть как динамично развивающаяся хозяйственная, социальная и культурная целостность в различных контекстах интерлокальных и региональных связей.

Огромное позитивное влияние на изучение города в контекстах самой разной конфигурации и масштабов, пронизанных связями различного характера, плотности и интенсивности, оказали известные броделевские концепции городских ареалов-пространств, в которых город того или иного типа реализовывал свои многообразные функции¹¹⁶. В последние десятилетия контекстуальный подход остается незаменимым в региональных исследованиях историков-урбанистов.

В качестве примера приведу фундаментальное исследование основных факторов, содержания и региональных особенностей сельской урбанизации, результаты которого опубликованы в монографии Л.Н. Мазур «Российская деревня в условиях урбанизации: региональное измерение»¹¹⁷. Выделю здесь только ключевые моменты.

Во-первых, автор справедливо указывает на «серьезное методологическое ограничение исторической урбанистики, а именно на то, что в большинстве работ урбанизация рассматривается как внешний фактор перестройки сельской местности, но не как ее основной смысл». Подход автора опирается на широкое определение урбанизации – как комплексной перестройки условий и образа жизни населения на городских началах, и акцент сделан на «неразрывности всех процессов, которые происходят в обществе: изменение роли городов, формирование городского образа жизни неизменно влечет за собой перемены в сельской местности, сначала прилегающей к границам городов, а потом и на отдаленных территориях». Один из разделов монографии так и называется: «Модернизация и сельская урбанизация: диалектика взаимодействия». Именно в этой диалектике автор рассматривает складывание и развитие региональной системы городского расселения. В центре внимания оказывается процесс модернизации образа жизни и в городской, и в сельской среде, причем трансформация сельского образа жизни определена как вторичный, по

¹¹⁶ См.: Braudel F. *Civilisation materielle, economie et capitalisme*, XVe – XVIIIe siecle. T. 1–3. P., 1979.

¹¹⁷ Мазур Л.Н. *Российская деревня в условиях урбанизации: региональное измерение* (вторая половина XIX – XX в.). Екатеринбург, 2012.

сути, процесс, «поскольку ее тренд и характер задаются влиянием не только факторов микроуровня, но и контактной городской среды»¹¹⁸.

Во-вторых, сельская урбанизация рассматривается как процесс, «развернутый во времени и имеющий внутреннюю логику и структуру. Первоначально изменения охватывают городскую среду, а уже затем с некоторым запозданием разворачиваются в сельской местности. В результате начало урбанизационной перестройки в городах и сельской местности – это взаимосвязанные, но разорванные во времени события. Одно следует за другим и отражает пространственную экспансию модернизационных трансформаций, в которых город выполняет роль транслятора новых отношений и норм»¹¹⁹.

И третий момент, который необходимо отметить в контексте нашей темы – автор книги, опираясь на свой исследовательский опыт, совершенно справедливо подчеркивает, что системный характер урбанизации четко выявляется именно на региональном уровне.

В целом, в научных программах локальной и региональной истории (в том числе в *case studies*¹²⁰) превалирует контекстуальное мышление, которое во многом определяет лицо современной историографии. В такой интеллектуальной атмосфере эффективное междисциплинарное сотрудничество может быть построено на разделяемой всеми его сторонами теоретической установке – приоритете социокультурного измерения и признании активной роли человека как в формировании окружающей среды и пространства регионов¹²¹, так и в создании структур идентичности (в процессе выстраивания «образа себя» и «образа Другого»). В связи с процессом так называемой «глокализации»¹²², или регионализации, который сопровождает

¹¹⁸ Мазур Л.Н. Российская деревня в условиях урбанизации... С. 12, 21.

¹¹⁹ Там же. С. 37.

¹²⁰ Одно из блестящих исследований такого рода заставляет пересмотреть ряд общепринятых объяснений крупных социальных процессов: Bailey M. *Villainage in England: A Regional Case Study*, с. 1250–с. 1349 // *The Economic History Review*. 2009. Vol. 62. N 2. P. 430–457. См. также: French H. R., Hoyle R. W. *The Character of English Rural Society: Earle Colne, 1550–1750*. Manchester, 2007.

¹²¹ Ср.: Place / Culture / Representation / Eds. J. Duncan and D. Ley. L., 1993; Основания регионалистики. Формирование и эволюция историко-культурных зон / Под ред. А. С. Герца, Г. С. Лебедева. СПб., 1999.

¹²² О понятии «глокальности» см.: Мазлиш Б. Глокальное и локальное: понятия и проблемы // Социс. 2006. № 5. С. 23–31; Согомонов А. Ю. Глокальность. (Очерк социологии пространственного воображения) // Глобализация и постсоветское общество / Ред. С. Е. Кухтерина, А. Ю. Согомонова. М., 2001. С. 60–80.

и – более того – является непосредственной реакцией на глобализационные процессы, чрезвычайно актуальной и критически важной задачей становится разработка проблемы межкультурного диалога вообще и, разумеется, диалога культур в его историческом измерении, в котором различные сценарии взаимодействия могут быть рассмотрены сквозь призму понимания «своего» и «чужого» прошлого.

Ориентация на компаративный анализ вариантов регионального развития с учетом их множественной темпоральности предполагает возможность типологического обобщения эмпирического материала, получаемого в конкретных исторических исследованиях на данном пространственном уровне. И нельзя не заметить, что перспективы региональной истории в ее социокультурном наполнении и с учетом динамики межкультурных взаимодействий формируют исследовательскую модель, способствующую приращению знания о процессах прошлого, по сравнению с традиционными макросоциологическими версиями компаративной истории, настроенными на режим синхронии¹²³, приоритет отдается изучению динамики межкультурных интеракций, в том числе исторической ретроспективы культурных коммуникаций в изучаемом регионе. Нетривиальность такого анализа состоит в том, что его конечная цель простирается гораздо дальше рассматриваемых регионов: сравнивая траектории и факторы регионального развития, исследователь приближается к постижению сложности и многообразия включающей их системы, а из регионального многообразия, дающего возможность скорректировать сложившиеся генерализации, складывается новая картина целого со сложной иерархией идентичностей, как, например, в быстро приобретающем широкую популярность монументальном труде Нормана Дэвиса «История Европы» (точнее – «Европа. История»)¹²⁴.

Критически переосмысливая историю цивилизаций, различные варианты компаративной истории, а также истории трансферов,

¹²³ По лаконичному определению Дж. Фредриксона, традиция компаративной истории состоит в «выделении решающих факторов или независимых переменных, которые объясняют национальные различия». – *Fredrickson, George M. From Exceptionalism to Variability: Recent Developments in Cross-National Comparative History // Journal of American History. 1995. Vol. 82. № 2. P. 587.*

¹²⁴ См.: *Davies N. Europe. A History. Oxford, 1996; рус. пер.: Дэвис, Норман. История Европы. М., 2005. Ср.: Europe since 1800: Writing National Histories / Eds. S. Berger et al. L., 1999; Woolf S. Europe and its Historians // Contemporary European History. 2003. Vol. 12. N 3. P. 323-337.*

М. Вернер и Б. Циммерманн убедительно показали, что перекрестный подход предлагает более тонкий анализ самых разных проблем транснационального, мирового и регионального уровня. Впрочем, по имеющимся оценкам аналитиков, «связанная история», направленная на демонстрацию всего того, что связывает народы и культуры, в свою очередь, расширяет возможности для понимания способов интеракций между локальным, региональным и глобальным¹²⁵.

Реализация ряда методических разработок тормозится профессиональными стандартами и интеллектуальными традициями, сложившимися в рамках той или иной области знания, академической дисциплины или междисциплинарного научного направления. Речь идет, прежде всего об американской регионалистике (*area studies*), сосредоточенной на изучении крупных регионов мира, имеющих геополитическое значение. По мнению одного из ведущих специалистов В. Шефера, *area studies* не удалось «дать адекватный ответ на вызовы Глобального века, в отличие от мировой истории, превратившейся в глобальную историю», и это объясняется неспособностью адаптировать привычный концептуальный аппарат к объектам наблюдения и анализа с «размытыми границами». Именно поэтому автор выступил за довольно радикальное решение – «стратегическую дефрагментацию исследований регионов в компаративные исследования глобальных проблем в локальных контекстах и наоборот» и, таким образом, преобразование в «глобально-локальные исследования» (*global/local studies*)¹²⁶. Введение регионального подхода для анализа предметно-содержательной составляющей мировой истории (в ее новом облики) неизбежно ставит вопрос о сходствах, различиях и связях между регионами мира, а также о динамике внутренних региональных процессов, что подтверждает более оптимистические прогнозы для региональных исследований в сфере «новой компаративной истории»¹²⁷. Региональная история, в этой синтетической вер-

¹²⁵ Ионов И.Н. Связанная история между двойной связкой и отрицательной обратной связью // Диалог со временем. 2014. Вып. 46. С. 194-218; Он же. Идея “цивилизации” в Европе XIX века в контексте связанной и перекрестной истории // Диалог со временем. 2012. Вып. 40. С. 27-50.

¹²⁶ Schäfer W. Reconfiguring Area Studies for the Global Age // *Globality Studies Journal*. No. 22. December 2010.

¹²⁷ Wong R. Bin. Regions and global history // *Writing the History of the Global. Challenges for the 21st Century* / Ed. by Maxine Berg. Oxford: OUP, 2013. P. 83-105.

сии, может создать конструктивную основу для успешных проектов «новой мировой истории».

В этом плане уместно привлечь внимание к концепции нового российского издания «Всемирной истории»¹²⁸. По своему замыслу, это – всемирная история без европоцентризма, с раскрытием культурно-исторических особенностей развития каждого региона мира и многовекового процесса расширения, углубления и переплетения связей между некогда обособленными народами, с установкой на сочетание глобально-цивилизационного подхода с антропологическим, придающим истории «человеческое измерение». В основу структуры отдельных томов положены ряды хронологических срезов, позволяющих дать панораму истории народов в их взаимодействии, с включением разделов компаративного характера..

В реализации проекта можно выделить несколько ключевых моментов. Во-первых, отметим идею фундаментального единства истории человечества при признании разнообразия ее форм и разобщенности на разных этапах; с этим связана установка на реконструкцию панорамной картины исторического процесса в реальных пространственно-темпоральных координатах, обеспеченная регулярной синхронизацией региональных процессов в едином пространстве и их включением в глобальную панораму соответствующей эпохи. В результате подчеркивается связанность и взаимозависимость цивилизаций, перед читателем предстает единый процесс с учетом многообразия и многовариантности локально-региональных процессов. Черда «хронологических срезов», дающих широту обзора, создает «определенные трудности в раскрытии культурно-исторических особенностей того или иного региона, ведь для истории каждой из стран принята своя внутренняя периодизация»¹²⁹. Однако «синхронный обзор выявляет взаимозависимость регионов мира, который становится все более тесным, а иногда и неожиданное сходство процессов, разворачивавшихся на почве разных цивилизационных традиций»¹³⁰.

Во-вторых, установка на раскрытие многоуровневых интеграционных и дезинтеграционных процессов и выявление их специфики в разные эпохи. Так, например, Древний Восток представлен историей «ведущих цивилизаций» в их эволюции и взаимодействии между

¹²⁸ Всемирная история, в 6 т. / Глав. ред. А. О. Чубарьян. М., 2011–2017.

¹²⁹ Том 2. Средневековые цивилизации Запада и Востока. 2012. С. 7-8.

¹³⁰ Том 3. Мир в раннее Новое время. 2013. С. 32.

собой и с варварской периферией. Подчеркивается роль мировых религий в придании средневековым обществам «момента связанности», а также роль географических открытий рубежа XV–XVI вв., которые вывели «степень взаимодействия различных частей Мир-Системы Старого Света на значительно более высокий уровень», обеспечив «быстрое ее расширение до размеров подлинной всемирности»¹³¹.

В-третьих, это идея *межцивилизационного диалога и взаимовлияния*, отказ от универсализации и абсолютизации дихотомии Востока и Запада. Соответственно, в первом томе ярко показано взаимодействие восточных и античной цивилизации и формирование культур синкретического типа как одна из важнейших реалий истории Древнего мира; во втором томе последовательно прослеживается взаимодействие и взаимовлияние народов Старого Света, диалог оседлых цивилизаций с Великой степью. В эпоху Просвещения переход к качественно новой стадии глобального взаимодействия культур порождает созвучные современности размышления о единстве и разнообразии судеб различных народов, о существовании различных систем ценностей не только в мире, но и в рамках отдельных стран, о динамике развития Запада и Востока и мере их взаимопроникновения¹³².

В-четвертых, в издании показано соотношение универсалистских и изоляционистских тенденций в разные периоды в различных регионах Мир-Системы, разнообразие форм универсализма и национализма, имперских проектов и стратегий их реализации, а также «множественность модерностей» в «глобальном XIX веке».

И, наконец, освещение исторических событий пропускается через призму системы ценностей соответствующей культуры и эпохи, через цивилизационные особенности, которые «оказываются весьма существенными для макродинамических показателей»¹³³; через идею прогресса, имперскую идею и колониальную культуру (т. 4), через интенсификацию культурных трансферов. Когда речь идет о процессе колонизации, подразумевается совместное действие таких факторов, как культурная гегемония и политическое доминирование, идентификация себя и «другого», восприятие культурных различий, практика дифференциации, включения и исключения¹³⁴.

¹³¹ Том 4. Мир в XVIII веке. 2013. С. 11.

¹³² Том 2. Средневековые цивилизации Запада и Востока. 2012. С. 8.

¹³³ Там же. С. 817.

¹³⁴ Том 5. Мир в XIX веке: на пути к индустриальной цивилизации. 2015.

Проект «Всемирная история», на мой взгляд, сделал важный шаг на пути реализации современной концепции глобального исторического процесса как подлинно всеобщей и взаимосвязанной истории, хотя и далеко не все возможности современных макроисторических подходов в этом проекте использованы, и в принципе – могли быть адекватно использованы.

Новая региональная история (независимо от ее масштабов) сегодня стремительно развивается, успешно преодолевая концептуально-терминологические и государственно-административные барьеры, ее теоретические основания и методы постоянно обогащаются на базе широкого междисциплинарного сотрудничества.

3. «Одиссея» национально-государственного нарратива в имперском и пост-имперском пространстве

Одна из интереснейших тенденций современных макроисторических исследований, направленная на преодоление доминирующих национально-государственных нарративов, связана с «новой историей империй»¹³⁵, рассматривающей империи как сложные структуры в сравнительной перспективе и в режиме большой длительности, причем ее наиболее перспективные направления являются регионально-ориентированными. Объединяющий принцип «новой истории империй» – признание очевидного обстоятельства: крупные сдвиги постколониальной эры нельзя понять, не учитывая, до какой степени они являются наследием тех империй, которые господствовали над большей частью мира в течение трех прошедших столетий и были, по существу, транснациональными организациями, созданными для мобилизации мировых ресурсов¹³⁶.

¹³⁵ Британские «новые имперские истории» были уже предметно представлены даже в пособиях для студентов (см., напр.: *The New Imperial Histories Reader* / Ed. by S. Howe. L.: Routledge, 2009). В отечественной историографии дело пока ограничивается научными разработками, см.: Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX в.) / Отв. ред. П. И. Савельева. М., 1997; Российская империя в сравнительной перспективе / Под ред. А. И. Миллера. М., 2004; Локальные сообщества имперской России в условиях социальных конфликтов. (Подходы и практики в современных региональных исследованиях) / Под ред. В. И. Худяковой, Т. А. Сабуровой. Омск, 2009.

¹³⁶ Хотя сам колониализм не был «ни монолитным, ни всемогущим». – *Cooper F., Stoler A. L. Tensions of Empire: Colonial Cultures in a Bourgeois World.* Berkeley, 1997. P. 6. См. также: *The Decline of Empires* / Eds. E. Brix et al. Munich,

С новым воплощением «наднациональной» имперской истории связывают большие надежды¹³⁷, хотя в настоящее время предметное поле и методы кросс-дисциплинарной истории империй остаются недостаточно определенными. Разнообразие ее тем дало Линде Колли повод заметить: легче сказать о том, «что не является имперской историей», чем ответить на вопрос, что ею является. Трудно с этим не согласиться. Важно, однако, что эта история касается не только прошлого, а обращена в день сегодняшний: «Мы, быть может, живем уже в пост-колониальное время, но все еще не в пост-имперское. Вся суть, привлекательность, значение и вызов имперской истории состоит в том, что, не будучи идентична глобальной истории, она подступает к ней предельно близко»¹³⁸. В задачу историка входит идентификация и исследование множества разнообразных взаимосвязей между отдельными секторами и различными народами внутри целостной интерактивной системы – «мира империи»¹³⁹.

В сетевой модели «новой истории империй» необходимо учитывать не только реальные, но также и виртуальные взаимодействия, которые носят дифференцирующий и конфликтогенный характер на базе противопоставления «свой»/«чужой»; они поддерживаются и актуализируются на основе акцентирования культурных различий и подчеркивания собственных достоинств, ценностей, традиций. Вопрос в том, как пишется история – как история противостояния и конфликтов или как взаимно соотнесенная история их преодоления, история сближения и единства.

В современных социально-гуманитарных исследованиях особое внимание обращается на роль представлений о прошлом, которые

2001. Заметное место в «новой истории империй» занимает изучение идеологических аспектов «имперского строительства». *Pagden A. Lords of all the World: Ideologies of Empire in Spain, Britain and France c. 1500 – c. 1800. L., 1995; Armitage D. The Ideological Origins of the British Empire. Cambridge, 2000.*

¹³⁷ *Hopkins A. G. Back to the Future: From National History to Imperial History // Past & Present. 1999. N 164. P. 198-243.*

¹³⁸ *Colley L. What's Imperial History Now? // What is History Now? / Ed. by D. Cannadine. Houndmills; Basingstoke, 2004. P. 133-134. См., также: Colley, Linda. Captives: Britain, Empire, and the World 1600–1850. L., 2002.*

¹³⁹ *Morgan Ph. D. Encounters between British and "Indigenous" Peoples, c. 1500 – c. 1800 // Empire and Others: British Encounters with Indigenous People 1600–1850. L., 1999. P. 68. См. также: Price R. Making Empire / Colonial Encounters and the Creation of Imperial Rule in Nineteenth-Century Africa. Cambridge etc., 2008.*

выступают как важный фактор национальной идентичности¹⁴⁰. Процедура любой групповой идентификации (в том числе национальной) в синхронном измерении включает разграничения «Мы» / «Они», «свои» и «не-свои» («Другие», «Чужие»), а в диахронном – признание непрерывной тождественности различных и изменяющихся во времени образов «Мы». Эта консолидирующая социум идея реализуется в Новое время в форме исторического повествования о судьбах наций и государств как неких сущностей, которые «подвержены спонтанной антропоморфизации, приобретают вид человекообразного действующего субъекта, который составляет понятийную суть, организующую историческое мышление, и основную ось исторического нарратива»¹⁴¹. Поскольку все народы осознают себя в терминах исторического опыта, уходящего корнями в прошлое, диахронная идентичность строится на основе интерпретации и репрезентации значимых *исторических* событий как последовательности, ведущей к настоящему и будущему¹⁴².

Поскольку в поддержании и «переформатировании» коллективной идентичности при динамичных общественных сдвигах чрезвычайно велика роль, которую играют имеющие глубокие корни национальные историографические традиции, возникает потребность в анализе не только формирующих основу национальной идентичности исторических мифов массового сознания, но также их использования в дидактических целях и инструментов идеологической переоценки в сменяющих друг друга или конкурирующих нарративах, включая «национальную историю» как форму профессионального историописания, в которой на разных этапах развития общества создается новый образ единого национального прошлого, соответствующий запросам своего времени. Национально-государственные нарративы, посвященные прошлому отдельных наций-государств,

¹⁴⁰ См.: Репина Л. П. Историческая память и национальная идентичность: подходы и методы исследования // Диалог со временем. 2016. Вып. 54. С. 8-15.

¹⁴¹ Вжосек, Войцех. Классическая историография как носитель национальной (националистической) идеи // Диалог со временем. 2010. Вып. 30. С. 5.

¹⁴² Подробно об этом см.: Рюзен, Йорн. Кризис, травма и идентичность // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания / Отв. ред. Л. П. Репина. М., 2005. С. 45-55. См также: Леонтьева О. Б., Репина Л. П., З. А. Чеканцева. История и теория на XXII Конгрессе МКИН // Диалог со временем. 2015. Вып. 52. С. 8-32; Событие в истории, память и нарративах идентичности / Под общ. ред. Л. П. Репиной. М.: Аквилон, 2017.

опирающиеся на однолинейную модель исторического процесса и предназначенные главным образом для образования и воспитания широкой читающей публики представляют собой один из видов национальной истории¹⁴³. В XIX в. национально-государственные нарративы заняли приоритетное место в классической европейской исторической науке, транслируя в общественное сознание представления об особой ценности собственного государства и выступая важнейшим инструментом формирования коллективной идентичности.

Национальная идея, более века определявшая тематику исторических сочинений в жанре «отечественной истории», по-разному воплощалась в государствах различного типа: в моноэтнических и полиэтнических нациях-государствах. В условиях динамичных общественных сдвигов апелляции к «корням» и концепции неизменной идентичности призваны укрепить представление о национальной «самобытности», а в некоторых случаях – даже исключительности (в том числе по линии «цивилизация» – «варварство», или же в актуализированной форме «столкновения цивилизаций»). Господствовавшая в европейской историографии XIX в. идея прогресса обосновывала позитивное освещение стратегии «присоединения» и «причисления» небольших народов к более крупным нациям с точки зрения перспектив общего развития¹⁴⁴. В полиэтнических странах, не говоря уже об империях, этноцентрическая и национально-государственная истории, выступающие в логике традиционных «мастер-нарративов», могли вступать в диссонанс, акцентируя негативные различия («образ врага»), противостояние, напряженность и открытый конфликт. Заметим, кстати, что сегодня стремление той или иной этнической общности укрепить свою историческую идентичность в ответ на вызов процессов глобализации и культурной унификации может лишь усилить стратегию негативных различий в репрезентациях «национальной истории». При этом речь идет не только о воспроизведении или переосмыслении старых мифов, но и о рождении новых образов далекого прошлого, призванных очертить границы «своей» общности, выделив ее из более широкого территориально-политического образования или объединив несколько таких образований.

¹⁴³ Подробно об этом см.: *Маловичко С.И.* Национально-государственный нарратив в структуре национальной истории Долгого Девятнадцатого века // *Диалог со временем*. 2016. Вып. 54. С. 83-119.

¹⁴⁴ *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 года. СПб., 1998. С. 54-62.

Мифологические нарративы – это инструмент, с помощью которых происходит закрепление в социальной памяти наиболее значимых эмоционально окрашенных исторических символов, знаковых событий и персон, во многом определяющих и восприятие всех последующих событий, а также ценностное отношение к ним (с различной модальностью – позитивное или негативное). Так в региональном нарративе идентичности воспроизводятся представления о прошлом, транслируемые продуктами краеведческой деятельности разных эпох и учебной литературой по истории края. Научное историческое знание может выступать основой для формирования культурно-исторических символов с различным смысловым содержанием, образующих определенную систему (на разных уровнях – общенациональном, региональном, локальном).

В социологических исследованиях выделяется ряд необходимых условий для формирования и функционирования системы таких символов на уровне региона: факторы, связанные с особенностями природного ландшафта, с условиями расселения и хозяйственной деятельности (задающие общность исторической «судьбы» населения), а также такое условие как общность этнокультурного и профессионального состава населения, задающая единство системы ценностей, через призму которых происходит выделение, восприятие и оценка событий прошлого. Как еще один важный фактор указывается целостность информационно-коммуникативного пространства, задающего границы обмена информацией¹⁴⁵. Изменения условий жизни в регионе, его места в системе межрегиональных связей могут стимулировать создание новых версий прошлого и новой региональной идентичности.

Между культурно-историческим символом «Империя», выступающим как реликт имперской памяти, как «место памяти», «образ-воспоминание», и концептом «империя» в исторической науке, производящей деконструкцию образов имперского прошлого, нет пропасти. В многослойной памяти (в том числе в *имперской* памяти)

¹⁴⁵ См.: Клейтман А.Л., Клейтман А.Ю. Формирование региональной идентичности в современной России в зеркале учебников по истории регионов // Кто боится учебника истории? / Под ред. И.И. Куриллы. Волгоград, 2013. С. 62-70. Подробно об этом в контексте регионального социологического исследования см.: Горин И. Н. Социологический анализ механизмов формирования культурно-исторических символов региона. Курган, 2010.

наличествуют разные составляющие – эмоциональная, прагматическая (политико-идеологическая), когнитивная.

Важная задача – изучение стратегий и форм репрезентации имперской / пост-имперской памяти в рамках кризиса национальных идентичностей. Двигаясь в этом направлении, попробуем рассмотреть различные стратегии построения национально-государственной идентичности и проявления комплекса разноразмерных (в том числе региональных) идентичностей на опыте имперской и пост-имперской истории Британии, включая конструирование памяти «внутренней» и «внешней империи», а также альтернативные проекты ее деконструкции и преодоления пост-имперского синдрома в британской историографии второй половины XX – начала XXI в., с учетом практики «новой мировой» и «новой региональной» истории.

Рассматривая разные стратегии построения памяти империй, есть смысл дифференцировать их по линии «внутренняя империя – внешняя империя» (в терминах Я. Ассмана). Политика памяти «внутренних империй» направлена на то, чтобы объединить все свое разнородное население вокруг какой-нибудь скрепляющей идеи (например, идеи верности династии или монарху). Для «внешней» империи характерна другая стратегия построения памяти – назовем ее *стратегией цивилизационного разделения*. Эти стратегии я и рассматриваю, анализируя исторические тексты специального, обобщающего и учебного характера, на примере британской имперской и пост-имперской историографии в рамках «новой истории империй».

Британская империя XVIII–XX вв. – это, по сути, мета-империя, в которой соединялись в разной конфигурации и в режиме долгого времени две империи – «внутренняя» и «внешняя» («домашняя» и «заморская»), что позволяет делать на данном материале наблюдения, имеющие более широкое применение. Разумеется, обширный комплекс текстов, в которых нашли отражение конструирование имперской идентичности, «политика памяти», а впоследствии ее пост-имперская деконструкция, требует развернутого анализа¹⁴⁶. Здесь я ограничусь сопоставлением нескольких красноречивых фрагментов.

¹⁴⁶ Обстоятельный обзор дебатов о национальной идентичности в Великобритании 1990-х – 2000-х гг. см. во Введении к книге антрополога и историка Д.Н. Караваевой: *Караваева Д.Н.* Английская идентичность и ее дискурс: Британия – Англия – Северная Англия. Екатеринбург: УРО РАН, 2016. С. 14-30.

Сочетание познавательно-критической и национально-патриотической функций позволяло «научным» версиям прошлого вносить весомую лепту в укрепление национального самосознания. Сами законы жанра «биографии нации» требуют драматического развертывания и сюжетной завершенности событийного ряда, сходящегося к субъекту идентификации и демонстрирующего ключевые «места памяти» и символы «общей судьбы». Национальная история «чаще всего является фактически автобиографией народа. Другие участники истории оказываются для нее лишь фоном, контекстом... В результате национальные историографии состоят в многовековом диалоге (споре, иногда конфликте) этноцентризмов»¹⁴⁷.

В историографии Великобритании английская составляющая британской общности неизменно доминировала как в текущей действительности, так и в «образе исторического прошлого». В отображении исторического наследия нации-государства в британской историографии «перенос идентичности с малой родины на большую» чаще осуществлялся даже не «причислением», а простым замещением «истории Великобритании» «историей Англии». Можно говорить о «гегемонии английского исторического нарратива» в дискурсе об истории Британии как одном из проявлений «английского культурного национализма» XIX века¹⁴⁸. Однако уже с началом кризиса классической модели исторической науки наблюдаются признаки кризиса традиционного национально-государственного нарратива.

В XX веке долгий период распада Империи продуцировал разные версии «нарративов идентичности»: эксклюзивных¹⁴⁹, инклюзивных¹⁵⁰, суперинтегративных¹⁵¹. Например, в момент наивысшей

¹⁴⁷ *Вжосек, Войцех*. Классическая историография как носитель национальной (националистической) идеи // *Диалог со временем*. 2010. Вып. 30. С. 10–11.

¹⁴⁸ *Mitchell R.* *Picturing the Past: English History in Text and Image, 1830–1870*. Oxford, 2000. Р. 7–9. Распад «внешней империи» в XX в. произвел сильнейшее воздействие на «английскость» / английскую культурную идентичность. См. об этом, напр.: *Webster W.* *Englishness and Empire, 1939–1965*. Oxford, 2005.

¹⁴⁹ См., напр., написанные в 1930-е гг. книги Агнес Мак-Кензи, в которых авторское целеполагание выражено предельно ясно: «Эту книгу следует рассматривать как попытку осознать историю Шотландии, изучить ее развитие как неотъемлемой части Европы (не Британии! – *Л. Р.*) и становление шотландцев как нации». – *Мак-Кензи А.* *Рождение Британии*. СПб., 2003. С. 11.

¹⁵⁰ См.: *Butterfield, Herbert.* *The Englishman and His History*. Cambridge, 1944.

консолидации нации перед лицом смертельной опасности 7 июня 1942 года. Эрнст Баркер писал в Предисловии к своей книге «Британия и британский народ», которая переиздавалась во время войны ежегодно: «Есть Британская империя, или Британское Содружество наций, так же как есть Британия. Прошу читателя в процессе чтения помнить о том, что за понятием “Британия и британский народ” и вокруг него стоят все британцы, чьим королем в латинской надписи на наших монетах провозглашается Георг VI (BRITT.OMN.REX). Описывать *одну* Британию без других значит описывать ее лишь частично, ибо значение Британии в мире состоит в том, что она не одна, но, тем не менее, в этом множестве едина. И здесь, поэтому, представлен только некий сегмент круга, который охватывает в своей полноте всех британцев, и даже включает в себя... всех, “кто говорит на языке Шекспира и придерживается веры и морали Мильтона”»¹⁵².

В британской историографии последней трети XX века были сделаны попытки создать новый образ «островной нации», состоящей из нескольких народов, что предполагало радикальную ревизию исторического сознания британцев. Важное место в такого рода альтернативных проектах, в духе «связанной истории», занимало изучение и обсуждение процесса становления единого многонационального государства в XV–XVIII вв., в рамках которого переплетались ирландская, валлийская, шотландская и английская этнокультурные традиции¹⁵³ и формировалась новая идентичность¹⁵⁴, а также исто-

¹⁵¹ Ярчайший пример – первая часть труда У. Черчилля по «истории англоязычных народов» (1956), где он писал: «Каждая нация или группа наций имеет собственную историю. Знание испытаний и трудностей необходимо всем, кто хочет понять проблемы сегодняшнего дня. Познание прошлого не служит стремлению к господству или поощрению национальных амбиций в ущерб миру во всем мире. С надеждой, что знакомство с тяготами и испытаниями *наших предков* (курсив мой – Л. Р.) может не только консолидировать англоговорящие народы, но и сыграть хотя бы небольшую роль в объединении всего мира, я и представляю этот труд». *Черчилль, Уинстон*. Рождение Британии. Смоленск, 2002. С. 5.

¹⁵² *Barker, Ernest*. Britain and the British people. 3 ed. L. etc., 1944. P. 7. (1 ed. – 1942, 2 ed. – 1943).

¹⁵³ *Федоров С.Е.* Британский вариант контекстуализации национальной истории (когнитивный и коммуникативный аспекты) // Историческое знание: теоретические основания и коммуникативные практики / Отв. ред. Л.П. Репина. М., 2006. С. 99–100.

¹⁵⁴ *Colley, Linda*. Britons. Forging the Nation. 1707–1837. L., 1992.

рии XIX столетия – «века британского мирового господства», когда набрал свою полную мощность «британский плавильный котел»¹⁵⁵: преимущества имперского статуса стимулировали британский патриотизм и делали притягательной саму идею «британскости».

Сосуществование и переплетение разноуровневых идентичностей имеет множество проявлений. Иногда достаточно обратить внимание на тот или иной «вклад» регионов «внутренней империи» в величие и процветание Британской империи или на отдельные аспекты их разнообразных связей между собой и с ее «внешними» владениями¹⁵⁶. Споры вокруг того, что означает само понятие «Британская история», отражают сложность этой проблемы. Фиксируя различные «уровни» британской истории и рассматривая ее как один из аспектов мировой истории, который не может быть понят вне этого глобального контекста (особенно в том, что касается расширения Британской империи, ее консолидации и последующей дезинтеграции), Кит Роббинс указывает на более долговременную включенность в историю Европы, вне которой понять историю Британских островов невозможно, но также подчеркивает, что на другом, «внутреннем» уровне «“Британское Пространство” (*‘British Space’*) объемлет множество сцепленных друг с другом и частично совпадающих, но все же различных наций, регионов и локальных сообществ. Иногда такие идентичности формировались и укреплялись в оппозиции к *‘Britishness’*, иногда – сосуществовали с ней. Но на любом уровне это “Британское Пространство” неизменно является спорным»¹⁵⁷. Тем не менее, для сторонников консолидированного подхода проблема состоит в том, каким образом можно репрезентировать британскую историю в виде исторического наследия единой нации, как быть с теми «фактами», которые этому препятствуют, и как совместить «стратегию забвения» с «долгом памяти»?

¹⁵⁵ Elton, *Geoffrey*. The English. Oxford, 1994. P. 228-233.

¹⁵⁶ См., например, исследования, посвященные «ирландскому имперскому опыту» – новой интерпретации ирландской истории в более широком имперском контексте: “An Irish Empire”? Aspects of Ireland and the British Empire / Ed. by K. Jeffery. Manchester, 1996; *Howe S.* Ireland and Empire: Colonial Legacies in Irish History and Culture. Oxford, 2000; Ireland and the British Empire / Ed. by K. Kenny. Oxford, 2004; etc.

¹⁵⁷ Robbins K. The ‘British Space’: World-Empire-Continent-Nation-Region-Locality: A Historiographical Problem // History Compass. 2009. V. 7. No. 1. P. 66–94.

На рубеже 1980-х и 1990-х гг. ирландец Хью Керни в своей книге с «говорящим» названием «Британские острова. История четырех наций» пошел по другому пути, заявив, что английская история – всего лишь часть более широкой «истории четырех наций» и что игнорирование этого более широкого измерения искажает представление о прошлом и мешает понять настоящее¹⁵⁸. Программа автора звучала радикально и в духе межкультурного диалога: «*Это не национальная история (курсив мой – Л. Р.), хотя многим обязана работе национально мыслящих историков. Это попытка вкратце изучить взаимодействие различных культур Британских островов начиная с римского периода. Упор делается именно на Британские острова в уверенности, что, только применяя “британский” подход, историки смогут осмыслить тот отдельный сегмент, который их интересует, будь то “Англия”, “Ирландия”, “Шотландия”, “Уэльс”, “Корнуолл” или “остров Мэн”.* Сконцентрироваться лишь на какой-то одной “национальной” истории, опирающейся на политические реалии настоящего, значит оказаться в плену предубеждений, ведущих к воспроизведению этноцентристских мифов и идеологий... Никакую “национальную” интерпретацию, будь то английская, ирландская, шотландская или валлийская, нельзя считать самодовлеющей. “Британский” формат – необходимая стартовая позиция для более полного понимания этих так называемых “национальных” историй»¹⁵⁹.

И уже в начале 1990-х годов в серии «Народы Европы» появляется книга Дж. Элтона «Англичане»¹⁶⁰. В ее заключительной главе читаем: «Англичане пережили самые большие и травматические изменения, когда превратились в британцев. Конечно, в британской амальгаме англичане составляли самую большую часть: они продолжали существовать как народ. Но во всех аспектах публичной жизни и деятельности англичане были целиком вписаны в более крупную британскую общность. Они этого почти не замечали, так как имели численное превосходство и были лидерами, а центр власти оставался в Вестминстере. Но, поскольку мир использовал новое

¹⁵⁸ Недаром Кристофер Хилл в отзыве на эту книгу отметил, что ее «следует широко использовать для обучения тех, кто думает, что знает британскую историю, в то время как знает только английскую».

¹⁵⁹ Kearney H. The British Isles: A History of Four Nations. Cambridge: CUP, 1989. P. 1.

¹⁶⁰ Elton, Geoffrey. The English. Oxford, 1994. (1 изд. 1992).

имя для обозначения тех людей, которые прибывали с их острова, для того чтобы управлять почти повсюду, это выглядело так, как будто история англичан закончилась. Век Триумфа принадлежал британцам – в Индии, в Африке, в белых колониях, превращенных в доминионы, а политически и в Европе. Англичане как англичане оставались за сценой. Но вот настали другие времена. Две мировые войны покончили с Британской империей. А Соединенное королевство перестало быть единым еще в 1922 г., когда большая часть Ирландии впервые в своей истории обрела политическую идентичность и национальный образ. Сегодня мы имеем сепаратистские движения в Шотландии и в Уэльсе. Возможно, англичане вот-вот выйдут из своей британской фазы»¹⁶¹. Таким образом, «деимпериализация» и рост сепаратистских тенденций в Соединенном Королевстве вызвали всплеск английского национального самосознания.

Исключительно ярко идеология «внутренней империи» звучит в «Оксфордской истории Британии»¹⁶². Базовые установки четко обозначены в Предисловии редактора тома Кеннета Моргана: «Во все решающие моменты британской истории общество было скорее сплоченным, чем разделенным. <...> В своих разнообразных формах этот глубокий патриотизм, охватывающий валлийцев, шотландцев и жителей Ольстера, – хотя никогда не присущий южным ирландцам, – выдержал испытание временем и остался неисчерпаемым. Видимые, узнаваемые символы нашего патриотического чувства сохранились до сих пор – Корона, Парламент, судебная система, *наследие империи*, стремление к индивидуализму и неприкосновенности частной жизни, коллективная страсть к досугу и спорту. Но что действительно поражает – это патриотизм, присущий самым строгим критикам существующего порядка, несмотря на их альтернативные сценарии общественного развития. Левеллеры, Даниель Дефо, Уильям Коббетт, Уильям Моррис, Р. Г. Тоуни, Джордж Оруэлл – все они в свое время выступали как пламенные, свободолюбивые противники социального неравенства и политической нестабильности. В то же время у каждого из них было глубокое, почти религиозное чувство особой цивили-

¹⁶¹ Ibid. P. 228-233.

¹⁶² Первое издание «The Oxford History of Britain» вышло в 1984 г., затем том многократно переиздавался в 1988, 1993, 1999, 2001 г. Рус. пер.: История Великобритании / Под ред. Кеннета О. Моргана. М.: «Весь мир», 2008.

зационной сущности своей страны, народа, истории, судьбы. Противопоставляя это чувство преемственности в национальном развитии повторяющимся на протяжении веков разрушениям и кризисам, историк, пожалуй, достигает наивысшего оправдания, сталкивая британцев лицом к лицу с их прошлым и с самими собой»¹⁶³.

Акцент на внутреннем единстве и британском патриотизме, несомненно, нивелировал негативные характеристики международной позиции Британии послевоенного периода как непрекращающегося процесса «постепенного и неизбежного отступления с имперских территорий с ключевым моментом в отказе от имперской власти» в 1947–1948 гг. (предоставление самоуправления Индии, Пакистану, Бирме и Цейлону). И, хотя к началу 1960-х гг. под непосредственным управлением Британии «осталась только горстка раскиданных по всему миру территорий», К. Морган уверенно констатирует: «Особой ностальгии по былому имперскому величию уже не чувствовалось. День империи исчез из календарей государственных школ, чиновники дружно вернулись домой из Индии, а король перестал называться императором Индии». И вообще – «Уход Британии из стран империи происходил постепенно, не задевая чувств народа», и даже чрезвычайно популярная война за Фолкленды оказалась не в состоянии «оживить мистическое имперское величие»¹⁶⁴.

Наконец, Джереми Блэк в своей, также регулярно переиздаваемой, «Истории Британских островов» (уже без подзаголовка) уверенно констатирует: «История Британских островов – это история англичан, ирландцев, шотландцев и валлийцев. Сама Британия в качестве единого государства обладает недолгой историей, и поэтому так важно правильно расставить акценты при рассмотрении отдельных национальных традиций... Крайне важно не умалить *регионализма британской истории* (курсив мой. – Л. Р.). ...Сильная сторона британского общества состоит в том, что оно способно взглянуть на себя и свое прошлое без самодовольства или стремления во что бы то ни стало сохранить национальные мифы»¹⁶⁵.

Стратегия конструирования памяти «внешней империи» строится на основе идеи национальной исключительности, «цивилизатор-

¹⁶³ История Великобритании... С. XIII–XVII.

¹⁶⁴ Там же, глава 10: Двадцатый век (1914–2000). С. 601, 615.

¹⁶⁵ См.: Блэк Дж. История Британских островов. СПб., 2008. Р. 5, 13.

ской миссии «белого человека» и «величия империи». Историография XIX – начала XX в. внесла огромный вклад в сотворение мифа о Британской империи, последовательно игнорируя или выводя в тень «неудобные» факты, а на рубеже 1920-х и 1930-х гг., уже в ситуации системного кризиса Британской империи произошло оформление «имперской школы» историографии. Эта школа развалилась в 1960–1970-е гг. в результате распада самой империи и под ударами критики со стороны ревизионистской историографии и постколониальных исследований. В 1970–1980-е гг. остро осознается проблема кризиса культурной идентичности, постепенно формируется пост-имперская историография, ставящая задачу переосмысления истории Британской империи (с отходом от позиций англоцентризма) и переформулирования понятия «британскости». Новый этап стартовал в 1990-е, и уже на рубеже 2000-х гг. вышла в свет пятитомная «Оксфордская история Британской империи»¹⁶⁶, а затем и ряд обобщающих работ по истории Великобритании, написанных с позиций мультикультурализма (названия их разделов по истории Британии середины XX в. варьируют ключевую тему «потеря имперского величия»)¹⁶⁷. Когда через семьдесят лет после выхода в свет первого тома «Кембриджской истории Британской империи»¹⁶⁸ и через сорок лет после издания ее завершающего третьего тома¹⁶⁹ в 1999 г. выходит пятый, историографический, том «Оксфордской истории Британской империи», в нем ярко проявляются промежуточные результаты работы по преодолению кризиса имперской идентичности. А. Хопкинс, говоря о «пост-имперских исследованиях имперской истории», ставит новые

¹⁶⁶ The Oxford History of the British Empire / Gen. ed. W. R. Louis. Vol. 1-5. Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 1998–1999.

¹⁶⁷ См., напр.: Пью, Мартин. История Великобритании. 1789–2000. Н. Новгород: Perspective Publications, 2001. Глава 27. Потеря имперского величия: 1945–1974. С. 245–253.

¹⁶⁸ Cambridge History of the British Empire / (Gen. eds.) John Holland Rose, A.P. Newton and E. A. Benians. Vol. 1. Cambridge: CUP, 1929. Первоначально планировалось издать восемь томов, из которых в трех первых должны были рассмотреть в целом историю британской заморской экспансии и имперской политики, в четвертом и пятом – историю Британской Индии, а в трех остальных – историю Канады и Ньюфаундленда, Австралии и Новой Зеландии, а также Южной Африки. Однако планы менялись в процессе реализации проекта, которая пришлась как раз на переходный период «от расцвета до заката Империи».

¹⁶⁹ Cambridge History of the British Empire. Vol. 3. Cambridge: CUP, 1959.

вопросы и предлагает пути их решения. Он, в частности, пишет: «Столетняя война между левыми и правыми велась с целью атаки или защиты Империи, которой больше нет. Тот факт, что мы теперь живем в пост-имперском мире, заставляет по-другому смотреть на имперское прошлое...»¹⁷⁰. Хопкинс выделяет то, что сближает историю Империи с развертыванием глобальной ситуации в современном мире: «Преимственность с настоящим очевидна: Британская империя функционировала на *внутринациональном* (региональном) и на *наднациональном* уровнях (курсив мой. — Л. Р.); и, как мы видим, самые острые проблемы пост-имперского мира распадаются на те же категории...»¹⁷¹. Наконец, в главе «Будущее имперской истории», Робин Уинкс уверенно делает следующий прогноз: «Появится больше исследований взаимодействия между метрополией и периферией, больше работ о характере эксплуатации и сопротивления, о развитии идентичностей. Некоторые из этих работ будут научно-объективными, основанными на свидетельствах источников, некоторые будут дидактическими, ...не допускающими никаких альтернативных вопросов, не говоря уже об альтернативных выводах...»¹⁷².

В целом, пять столетий конструирования общего прошлого в британской историографии (XVI – начало XXI в.) демонстрируют самые разные модели этого процесса. Многочисленные исторические и историко-историографические исследования, связанные с проблематикой национальных идентичностей и бурные дискуссии британских историков 1990–2000-х гг. вокруг преподавания национальной истории в школах дают богатейший материал для анализа как культурной истории современной Британии, так и опыта историзации пост-имперского синдрома, опыта, столь ценного для тех, перед кем стоит та же задача.

Таким образом, глобальная история как осмысление исторического процесса мировой интеграции может быть представлена как результат столкновения множества различных траекторий развития, как историческое движение в форме живого взаимодействия регио-

¹⁷⁰ The Oxford History of the British Empire. Vol. 5. Historiography / Ed. by Robin W. Winks. Oxford; N.Y.: Oxford University Press, [1999] 2001. P. 650.

¹⁷¹ Ibid. P. 651.

¹⁷² Ibid. P. 668.

нальных культур¹⁷³. Но было бы наивно составлять картину мировой истории, изучающей транснациональные феномены, как некий «пазл» из множества историй региональных.

В целом, глобальная и мировая истории (в разных концептуализациях) демонстрируют попытку на новом теоретическом уровне вернуться от микроисторической оптики к масштабному, интегрирующему взгляду на исторический процесс, охватить человечество как некую мегаструктуру в историческом развитии взаимосвязей между ее отдельными социальными пространствами, не реифицируя эти макроструктуры, а «рассматривая их как динамику сетей, объединение цепочек локальных столкновений...»¹⁷⁴. Остается, однако, неясным, как можно адекватно описать неравномерные, разнонаправленные и многослойные взаимодействия, лишенную доминантного вектора динамику социальной практики с ее сложными переплетениями и с необходимой для их анализа «игрой масштабов» – в традиционных формах исторического нарратива, с его линейной логикой последовательных событий и довольно жесткой темпоральной организацией. Приходится согласиться с теми аналитиками, которые, в полной мере осознавая возникающие в этом направлении неразрешимые противоречия, утверждают, что на сегодняшний день работы, написанные в рамках глобальной истории, в лучшем случае открывают новые значимые аспекты прошлого, в то время как в создании всеобъемлющей (глобальной) картины, нового общего нарратива о прошлом опыте человечества «глобальный поворот» оказался не столь успешным¹⁷⁵. Критика в адрес авторов, совершающих «весо́мые» (в буквальном смысле) попытки объять необъятное в новых историях «связанного мира»¹⁷⁶, имеет серьезные основания. К этой критике, несомненно, стоит прислушаться, даже если иногда она приводит к чересчур радикальному выводу о том, что «глобальный

¹⁷³ Лубский А.В. Методология региональных социально-гуманитарных исследований: Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2009. С. 127.

¹⁷⁴ Коллинз, Рэндалл. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск, 2002. С. 67.

¹⁷⁵ Белл Д. Что происходит, когда историки злоупотребляют идеей глобальной сети. Глобализация обыденности как проблема исторического знания // URL: <http://gefter.ru/archive/12156>. См. также: Practicing History: New Directions in Historical Writing after the Linguistic Turn / Ed. by G. M. Spiegel. N. Y.; L., 2005. P. 25.

¹⁷⁶ A World Connecting, 1870–1945 / Eds. E. Rosenberg, A. Iriye. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2012.

поворот» уже достиг своей «крайней точки». Вопрос, как представляется, состоит скорее в том, какого масштаба контекст может оказаться наиболее продуктивным. И, пожалуй, обращение к более ограниченным – региональным / межрегиональным или трансрегиональным – пространствам сулит немалые преимущества или, по меньшей мере, удобства презентации полученных результатов.

Новая глобальная история может быть понята и как осмысление многовекового процесса взаимовлияния локальных и национальных культур. Решая задачу построения многомерных моделей исторического развития, охватывающих обширные регионы на протяжении периодов «большой длительности», глобальная история опирается как на представление о структурной когерентности мирового исторического процесса, так и на принцип максимального учета разнообразия и взаимосвязей его региональных контекстов и культурных традиций. В конечном счете, речь идет о создании «единого в мировом масштабе пространства культуры, в котором каждый народ является одновременно ее творцом и потребителем...»¹⁷⁷.

С таким целеполаганием «новая компаративная история», «история трансферов» и «перекрестная история» и т.д. – не только не замещают и не исключают друг друга, но могут с успехом применяться как взаимодополнительные.

¹⁷⁷ Межуев В.М. *Идея культуры*. М.: Прогресс-Традиция, 2006. С. 370.

МОДЕРНИЗАЦИЯ, ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО В ОБРАЗАХ ПРОШЛОГО И БУДУЩЕГО

ГЛАВА 1

Парадигма модернизации, исторические трансформации, региональное развитие

Со времен Томаса Гоббса проблема порядка занимала ключевые позиции в социальном и гуманитарном познании. В XIX в., вследствие осознания грандиозности социальных последствий индустриализации для стран Европы и Северной Америки и фундаментальных отличий последних от традиционных обществ других частей света, к ней прибавилась проблема социального изменения. Изменения, перемены так же присущи обществам, как и тенденции к упорядочиванию и организации социальной жизни. Стабильный порядок и вариативная изменчивость лишь на первый взгляд могут представляться полярными состояниями общества. В действительности, с одной стороны, поддержание порядка, социальной организации требует осуществления множества разноплановых и разномасштабных социальных изменений, призванных обеспечивать ответы на вызовы внешней по отношению к данному порядку среды, а также на энтропийные внутрисредовые процессы. С другой стороны, динамические процессы также могут рассматриваться как предпосылки социальной кристаллизации, становления определенных социальных упорядоченностей, структур, взаимосвязанных целостностей.

Особое внимание исследователей привлекают широкие исторические трансформации (которые, не ограничиваясь количественным приростом каких-либо параметров, приводят к модификации последних, к изменению способов организации общества), составляющие наиболее важные вехи на пути человечества, такие как становление человека, переход от присваивающей к производящей экономике, возникновение ранних цивилизаций, переход от традиционного к современному обществу и др. Подобные трансформации нередко именуются революциями, настолько всеобъемлющ их характер и настолько значимы их последствия для развития человечества. Последняя из названных кардинальных трансформаций получила в науке наименование модернизации.

В современной литературе понятие модернизация употребляется в различных смыслах: для обозначения широкого многовекового перехода от традиционности к современности, от аграрного к индустриальному обществу (хронологически совпадающего с переходом от Средневековья к Новому и Новейшему времени); многовариантного процесса, в ходе которого отстающие догоняют ушедших вперед; для характеристики преобразований, совершенствований, реформ, внедрения инноваций, которые осуществляются в современных уже современных обществах в ответ на новые вызовы; для объяснения усилий развивающихся стран с целью приблизиться к характеристикам наиболее развитых обществ; для описания трансформаций, переживаемых постсоциалистическими странами.

Модернизация в первом, широком, смысле слова, как движение от «традиционности» к «современности» (в той или иной степени включающее в себя и все прочие интерпретации), трактуется исследователями как протяженный, охватывающий несколько столетий всеобъемлющий исторический процесс инновационных мероприятий, обусловленный действием в первую очередь факторов внутреннего происхождения (эндогенных), который, в свою очередь, может быть представлен как совокупность подпроцессов: индустриализации, урбанизации, бюрократизации, профессионализации, рационализации, демократизации, становления современных ценностно-мотивационных механизмов, образовательной и коммуникативной революций. В ходе модернизации аграрные, традиционные общества трансформируются в индустриальные, современные, что связано с развитием передовой индустриальной технологии и политических, культурных, и социальных механизмов, соответствующих поддержке, регулированию и использованию этой технологии¹.

На сегодня можно выделить несколько теоретических интерпретаций модернизации, различных в определении сущности и степени вариативности данного процесса. Согласно подходу, получившему широкое распространение в классических трудах представителей модернизационной парадигмы (его можно определить как *эволюцио-*

¹ См.: Опыт российских модернизаций XVIII–XX века / Под ред. В.В. Алексеева. М., 2000. С. 3–49; *Побережников И.В.* Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М.: РОССПЭН, 2006; *Федотова В.Г.* Хорошее общество. М., 2005.

нистский), акцент делается на эволюционный и прогрессивный характер модернизации, что предполагает всеобщее стадияльное движение от примитивных к более сложным, совершенным формам социального бытия в соответствии с универсальными закономерностям преимущественно эндогенного характера. Образно говоря, речь идет об одном движущемся эскалаторе, ступени которого одинаковы, только различные общества едут вверх, стоя на разных ступенях. Такой подход создает предпосылки для сравнения различных вариантов перехода от традиционности к современности, выявления общего и особенного в протекании данных процессов (например, М. Леви, У. Ростоу, Д. Лернер, С. Блэк)². Страновая модель развития в рамках данного подхода оценивается главным образом с точки зрения соответствия некоторому эталону, который обыкновенно воплощается в схеме модернизации стран атлантической цивилизации (Западной Европы и Северной Америки). Диапазон оценок в таком случае располагается между 1) нормальной, либерально-рыночной, модернизацией 2) и различными неудачными отклонениями от эталонного варианта, представляющими тупиковые и имитационные ветви псевдомодернизации.

Следующий подход, получивший многочисленные подтверждения в современных исследованиях, акцентирует внимание на зависимость механизмов модернизации от исторического времени, времени вступления страны в процесс модернизации. Согласно данному подходу, со временем меняются сами механизмы модернизации, сама модернизация подвергается трансформации; subprocesses модернизации протекают иначе, модифицируясь (соответственно, данный подход можно определить как *трансформационистский*). Одним из первых версию трансформационистского подхода разработал американский экономический историк А. Гершенкрон, рассмотревший исторические примеры индустриального роста при отсутствии так называемых необходимых предпосылок, т.е. в условиях незавершенности преобразований аграрного сектора экономики (сохранение архаичной системы землевладения, принудительного труда, низкого уровня развития производительных сил и т.д.), при недо-

² См.: Rostow W.W. The Stages of Economic Growth. A Non-Communist Manifesto. Cambridge, 1960; Lerner D. The Passing of Traditional Society: Modernizing the Middle East. New York, London, 1965; Black C.E. The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History. N.Y.: Harper Colophon Books, 1975.

статке прединдустриальных накоплений («первоначального накопления капитала», по терминологии советских историков), как это было в Германии во второй половине XIX в. и в России в конце XIX – начале XX в. Гершенкрон объяснял подобные ситуации при помощи концепции «заменителей» (субститутов), суть которой заключалась в том, что в условиях отсутствия тех или иных предпосылок для индустриального развития их роль переходила к «заменителям» (и модифицируются механизмы модернизации)³.

В современных исследованиях *трансформационистская* концепция модернизации получает дополнительные подтверждения. Так, работа Р. Инглхарта и К. Вельцеля⁴ демонстрирует, каким образом модифицируются со временем механизмы самой модернизации, подчеркивая историческое изменение связи между модернизацией и демократизацией. В классических версиях теории модернизации процесс индустриализации сопрягался с демократизацией. Действительно, модернизация, сопровождаемая рационализацией, секуляризацией, бюрократизацией, кажется, повышает и роль личной независимости, самовыражения, свободы выбора, создавая предпосылки для формирования демократического гуманистического общества, в центре которого находится человек. Однако, как показывают Р. Инглхарт и К. Вельцель, связь между модернизацией и демократизацией не является линейной. На первом – индустриальном – этапе модернизации, отмечают авторы, происходит мобилизация масс, что создает предпосылки для утверждения демократии в ее современном понимании – но одновременно и для установления фашистского или коммунистического строя (переключка с Баррингтоном Муром⁵). Более того, «индустриализация не укрепляет в людях ощущение личной независимости, потому что индустриальные общества организованы на началах дисциплины и регламентации. <...> Жизнь в индустриальном обществе столь же стандартизирована, как и мас-

³ Данная концепция нашла отражение в работе: Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе. М., 2015; Также см.: Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе // Истоки: Экономика в контексте истории и культуры. М., 2004. С. 420–447.

⁴ Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М., 2011.

⁵ Мур-младший Б. Социальные истоки диктатуры и демократии: Роль помещика и крестьянина в создании современного мира. М., 2016.

совая продукция его заводов. Массовая дисциплина, свойственная индустриальному обществу, манипулирующему армиями наемных рабочих, перемещающихся из казарм-общежитий к конвейерам и обратно, создавала потребность в жестких нормах поведения. <...> Стандартизация жизни по образцу промышленного производства не оставляла места для ценностей самовыражения»⁶. И лишь на постиндустриальном этапе модернизации («общество знания»), по мнению Инглхарта и Вельцеля, общественность все активнее требует демократии – формы правления, обеспечивающей людям максимально широкую свободу выбора собственного жизненного пути⁷. В целом данный подход создает основы для видения модернизации как относительно вариативного процесса, но в рамках одной магистральной линии развития.

Сторонники следующего подхода принципиально стоят на позициях исторического плюрализма, несводимости пространственного многообразия к какому-либо магистральному направлению, настаивая на многовекторности и своеобразии модернизаций, протекавших в различных культурно-цивилизационных контекстах и опиравшихся, соответственно, на различные социокультурные традиции (данный подход можно определить как *плюралистический*). Действительно, исторические и современные успехи целого ряда стран незападной цивилизации (Япония, Китай, Южная Корея, Сингапур и т.д.) свидетельствуют в пользу такого более широкого понимания модернизационного подхода, который должен быть чувствительным к историческому опыту не только стран Западной Европы и Северной Америки, но и других частей света. Включение цивилизационно-культурного измерения позволяет выходить за рамки эволюционистской теоретической конструкции и рассматривать модернизационные модели как результаты воздействия матричных цивилизационных структур на ход и характер развития.

Попытки реинтерпретации модернизационного подхода, лежащие в русле плюралистического, в том числе и мультицивилизационного, видения самого процесса перехода от традиционного к современному обществу предпринимались в последние десятилетия. В первую очередь, здесь следует упомянуть концепцию «множе-

⁶ Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения... С. 49.

⁷ Там же. С. 11–78.

ственных» или «других» модернов, сформулированную одним из разработчиков еще классической версии модернизационной парадигмы Ш. Эйзенштадтом⁸, который попытался в новых условиях подвергнуть критике традиционные теории модернизации середины XX века, рассматривавшие западный («Атлантический») проект модерна в качестве эталона, который неизбежно должен был восторжествовать во всех странах, с опозданием включившихся в мировой модернизационный процесс. По мнению Ш. Эйзенштадта, множественные процессы глобализации в современном мире по существу представляют собой последовательные попытки различных движений и элит в своих терминах переосмыслить, по-своему освоить модерн, переформулировать его дискурс. Причем, такие попытки, подчеркивает Ш. Эйзенштадт, имели место и в более ранний период, в эпоху становления классических наций-государств, когда также существовали разные типы интерпретации модерна, например, по линии дифференциации типов коллективной идентичности или степени аутентичности власти.

К минусам данного подхода относится недостаточная чувствительность к динамическим компонентам, к эстафетности истории. Отчасти данный недостаток можно устранить путем внесения в модель возможности взаимодействий между цивилизационными мирами (в таком случае уже не самодостаточными и не изолированными друг от друга, но взаимодействующими и претерпевающими модификации)⁹. Подобный подход в русле цивилизационной интерпретации намечен в публикациях японского исследователя Ш. Ито¹⁰. По

⁸ Daedalus. Journal of the American Academy of Arts and Sciences. 1998. Vol. 127. № 3: Early Modernities; Daedalus. 2000. Vol. 129. № 1: Multiple Modernities; *Eisenstadt S.N.* European Civilization in a Comparative Perspective. Oslo: Norwegian Univer. Press, 1987; Reflections on Multiple Modernities. European, Chinese and Other Interpretations / Ed. Dominic Sachsenmaier, Jens Riedel, Shmuel N. Eisenstadt. Boston: Brill, 2002; *Эйзенштадт Ш., Шлюхтер.* В. Пути к различным вариантам ранней современности: сравнительный обзор // Прогнозис. 2007. № 2 (10). С. 212–226.

⁹ См.: *Побережников И.В.* Диффузия, цивилизация, модернизация: теоретические аспекты // Диффузия европейских инноваций в Российской империи: материалы Всероссийской научной конференции, 10–11 ноября 2009 г. / отв. ред. д.и.н. Е.В. Алексеева. Екатеринбург: ИИиА УрО РАН; Банк культурной информации, 2009. С. 26–28.

¹⁰ *Ито Ш.* Схема для сравнительного исследования цивилизаций // Время мира. Альманах. Вып. 2: Структуры истории. Новосибирск, 2001. С. 345–354.

мнению последнего, представление об изолированном развитии цивилизаций является мифом. Напротив, настаивает ученый, многие цивилизации развивались, оказывая влияние друг на друга. При этом внутренние ритмы цивилизаций подвергались трансформациям под воздействием других цивилизаций. Соответственно, классический цивилизационный подход, который фокусировал внимание исследователей только на внутренние факторы и предлагал видение цивилизационного развития как изолированного, не приемлющего внешних воздействий, явно противоречит реальности, которая демонстрирует постоянное включение внешних импульсов в обеспечение цивилизационной динамики, а также наличие целого перечня трансформаций глобального масштаба, оказавших воздействие буквально на все цивилизационно-культурные массивы («революций», по терминологии автора). Эти трансформации, по мнению Ш. Ито, должны осуществиться во всех культурных регионах, ранее или позднее, как первичные или вторичные (т.е., как «органические», обусловленные действием эндогенных факторов, или же как «системные», проходящие под воздействием внешних эффектов). В качестве одной из «великих революций» в цивилизационной истории человечества стала научная революция, привнесенная в мир западноевропейским регионом (регионом-пионером в данном случае) в XVII в. Продолжением научной революции во второй половине XVIII в. стала промышленная революция (Великобритания как регион-первопроходец), способствовавшая образованию современного индустриального общества, и информационная революция во второй половине XX в.

Поскольку в рамках данной теоретической конструкции модернизация (как любая «глобальная трансформация») совершается в процессе взаимодействий (своеобразных сплетений, фигураций) между культурно-историческими массивами, сопровождающихся диффузией идей, технологий, организационных моделей, то такую трактовку, по отдаленной аналогии с фигурационной социологией процессов Н. Элиаса¹¹, можно назвать *фигурационной*. В рамках

¹¹ См.: Элиас Н. Общество индивидов. М., 2001; *Он же*. О процессе цивилизации. М.; СПб., 2001. Т. 1–2; *Он же*. Придворное общество: Исследования по социологии короля и придворной аристократии, с введением: Социология и история. М., 2002; также см.: Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996. С. 261–262; Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб., 2002. С. 432–445.

данного подхода взаимодействие между своеобразными цивилизационными мирами (но не самодостаточными и не изолированными друг от друга) создает зону универсальной истории, где действует историческая преемственность, эстафетность, исторический прогресс. Наряду с зоной «всемирной истории» сохраняется сфера цивилизационных идентичностей, внутренних ритмов, структурной и содержательной уникальности, неразменности внутреннего опыта цивилизационных массивов.

Эффективность предлагаемого модернизационного подхода обусловлена его многомерностью, чувствительностью как к эндогенным факторам и механизмам, так и к экзогенным. Данный подход учитывает: 1) действие механизма структурно-функциональной дифференциации, обоснованного Э. Дюркгеймом, Т. Парсонсом, Н. Смелзером, что находит выражение в процессах индустриализации, урбанизации, бюрократизации, образовательной революции, формирования гражданского общества и т.д.; 2) воздействие институтов, созданных предшествующими поколениями, на дальнейший ход развития (траекторная зависимость или зависимость от предшествующего маршрута развития («эффект колеи»), программирующая в действительности разновекторный характер страновых вариантов модернизаций); 3) социальные конфигурации, которые складываются между социальными силами, классами, стратами, определяют лидерство — и оказывают существенное влияние на выбор тех или иных инструментов преобразований, в частности, реформистских или революционных; 4) роль диффузии, то есть механизма распространения инноваций, в том числе их импорта в определенное общество извне, как важнейшего механизма модернизации и одновременно дифференцирующего фактора (с одной стороны, вроде бы диффузия способствует конвергенции, страновой гомогенизации; с другой же стороны, обеспечивая трансплантацию экзоинноваций на различные социоисторические ландшафты, она усиливает пестроту модернизирующихся обществ).

Рождение и эволюция модернизационной парадигмы

Процесс развития естественных наук, согласно концепции Т. Куна¹², имеет неравномерный, прерывный, революционный характер, включает чередующиеся фазы равновесия (рутинной «нормальной» науки) и «научных революций», т.е. смены парадигм (принятых науч-

¹² Кун Т. Структура научных революций. М., 1977.

ным сообществом моделей вывода знания). Смена парадигм возможна и в социальных науках, в том числе в исторической науке. Вероятно, именно такая смена парадигм имела место в середине XX в. при переходе от традиционной, преимущественно политической событийной ранкеанской историографии к «новой» исторической науке, ориентированной на структуральное и многоаспектное видение прошлого¹³.

Однако в целом исследовательское пространство социальных и гуманитарных наук имеет более сложную, по сравнению с естественными, структуру, которую можно описать как ядерно-периферийную. Динамика развития гуманитарного знания постоянно сопровождается миграциями идей, теорий, моделей между эпистемологическим центром и окраинами. Ядро составляют теоретические конструкции, пользующиеся наибольшим доверием научной общественности в данный момент времени. Но со временем доминирующие идеи и учения могут терять своих приверженцев, маргинализироваться, уходить на периферию познавательного пространства, что, однако, отнюдь не означает их бесповоротной и окончательной гибели и не исключает рецидивирующих триумфов в будущем. Возвращение, в обновленном виде, когда-то подвергшихся интенсивной критике и отвергнутых большинством («забытых») научных теорий, подходов – явление обыденное для гуманитарного знания. Подобной динамикой отмечены научные поиски в области макроисторических трансформаций.

Как известно, последние десятилетия XX в. и начало XXI в. в гуманитарном знании, включая историческое, прошли под знаком антропологического поворота, легитимировавшего многогранное изучение индивида в его повседневной, эмоциональной, культурной, интеллектуальной жизни, кросскультурного разнообразия жизненного опыта людей в различных социальных группах, сообществах, культурах¹⁴. Антропологический акцент способствовал миниатюризации методов и масштабов исследования, увлечению локальной историей, микроисторией, историей повседневности, культурной историей.

¹³ *Burke P. Overture: the New History, its Past and its Future // New Perspectives on Historical Writing. Cambridge, 1993. P. 1–23.*

¹⁴ См.: *Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011; Бёрк П. Что такое культуральная история? М., 2015; Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. М.: ИВИ РАН, 2012; Кром М.М. Историческая антропология. СПб., 2010.*

В последнее время, однако, вновь растет интерес, конечно, в обновленном варианте, к «большой» истории, к макроуровневым историческим обобщениям, что является естественным ответом на последствия глобализации, проявляющей себя во многих измерениях, на очевидную недостаточность и односторонность исследований, сфокусированных только на локальный масштаб¹⁵.

Как и почему изменяются общества, является ли процесс социальных изменений неизбежным – эти и многие другие вопросы, связанные с проблематикой социальной динамики, широко обсуждаются специалистами в области социальных и гуманитарных наук. Поскольку само социальное изменение в высшей степени многозначно, многосторонне, ответы на поставленные вопросы могут даваться в рамках различных теоретико-методологических проекций, призванных объяснять характер и направленность изменений.

В XIX в. в русле социологии и антропологии (О. Конт, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, Ф. Тённис, Л.Г. Морган, Э. Тайлор, Г. Мэн, Л.И. Мечников и др.)¹⁶ была сформулирована эволюционистская

¹⁵ См.: Глобальная история: современная проблематика и новые исследовательские подходы / Материалы всероссийской научной конференции с международным участием / под ред. О.В. Воробьевой, З.А. Чеканцевой. М.: ИВИ РАН, 2015; *Иггерс Г., Ван Э.* Глобальная история современной историографии. М., 2012; *Ионов И.Н.* Мировая история в глобальный век: Новое историческое сознание / Отв. ред. Л.П. Репина. М., 2015.

¹⁶ *Конт О.* Дух позитивной философии. (Слово о положительном мышлении). Ростов н/Д, 2003; *Comte A.* The Progress of Civilization through Three States // Etzioni A. and Etzioni E. (eds.) Social Change: Sources, Patterns, and Consequences. New York: Basic Books, 1973. P. 14–19; *Спенсер Г.* Изучение социологии. Воспитание умственное, нравственное и физическое. Мн., 2006; *Он же.* Опыты научные, политические и философские. Мн., 1998; *Spencer H.* The Evolution of Societies // Etzioni A. and Etzioni E. (eds.) Social Change. P. 9–13; *Тённис Ф.* Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. СПб., 2002; *Дюркгейм Э.* Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995; *Он же.* О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991; *Морган Л.Г.* Древнее общество, или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Л., 1934; *Он же.* Лига ходеносауни, или ирокезов. М., 1983; *Тайлор Э.Б.* Первобытная культура. М., 1989; *Мечников Л.* Цивилизации и великие исторические реки. Статьи. М., 1995. См. также: *Аверкиева Ю.П.* История теоретической мысли в американской этнографии. М., 1979; *Осипова Е.В.* Социология Эмilia Дюркгейма. СПб., 2001; *Штомпка П.* Социология социальных изменений. М., 1996. С. 135–169; *Гофман А.Б.* Классическое и современное: Этюды по истории и теории социологии. М., 2003.

концепция социальных изменений (классический эволюционизм), в основе которой лежали: убеждение в детерминистической предопределенности социальной эволюции (неизбежное и непрерывное развитие человеческого общества обусловлено естественными механизмами) и в наличии в истории человечества единой формы, логики, которую можно распознать, чтобы затем объяснить с ее помощью сам исторический процесс; фокусировка анализа на изменения общества в целом, которое представлялось как тесно интегрированная система компонентов и подсистем, каждая из которых вносит свой вклад в воспроизводство социального организма, обеспечение его целостности и непрерывности существования; трактовка изменений как постоянного, необратимого и векторного процесса, ведущего от примитивных к развитым формам, от простых к сложным состояниям, от гомогенности к гетерогенности, от хаоса к организации, от энтропии к негэнтропии; понимание эволюции как постепенного, непрерывного, прогрессивного, кумулятивного, имманентного, раскрывающего внутренние потенции общества, гладкого (без радикальных провалов или ускорений) и линейного процесса, следующего по единому, заранее установленному маршруту, который, в свою очередь, может быть расчленен на последовательные обязательные стадии, или фазы. Образно говоря, речь шла об одном движущемся эскалаторе, ступени которого одинаковы, только различные общества едут вверх, стоя на разных ступенях.

Классический эволюционизм соответствовал оптимистическому настрою эпохи становления индустриального общества. Однако, эпоха мировых войн первой половины XX столетия, катастрофических по своим последствиям для человечества, раскола мира на две социальные системы, массовизации общества, роста тоталитаризма подорвала прежнюю веру в безграничный и безусловный прогресс человечества и заставила пересмотреть ранние эволюционистские представления. Под влиянием интенсивной критики со стороны приверженцев диффузионизма, теорий локальных цивилизаций, практикующих историков наивный эволюционизм растерял своих сторонников и превратился в маргинальное теоретическое течение.

Лишь в послевоенный период произошло его возрождение в модифицированной форме неозволюционизма, связанное вновь преимущественно с усилиями антропологов, игравших теперь ключевую роль (Л. Уйат, Дж. Стюард, М. Салинз, Э. Сервис, Р. Карнейро,

Х.Дж.М. Классен и др.)¹⁷, и социологов (Джерард Ленски, Джин Ленски, Т. Парсонс)¹⁸. Обновленный эволюционизм заметно отличался от своего предшественника: на смену детерминизму пришло представление о вероятностном влиянии более ранних фаз эволюции на более поздние; произошло смещение фокуса научных интересов с эволюции человечества в целом к процессам в рамках отдельных культур, сообществ; большее внимание стало уделяться роли людей и их осознанных действий в историческом процессе; произошел пересмотр прежнего представления о линейном характере эволюции, в частности, за счет использования идей многолинейной (Дж. Стюард), общей и частной эволюции (Э. Сервис) или альтернативных сценариев развития (Г. и Дж. Ленски). Что касается направленности изменений, то неозволюционизм отдает предпочтение безоценочным тезисам о росте социальной интеграции, адаптивных возможностей или степени дифференцированности и комплексности общественной организации. Неозволюционизм остается сегодня функционирующей теорией, продолжающей развиваться, популярной среди антропологов, т.е. специалистов, занимающихся архаичными обществами.

В то время, когда неозволюционизм уже приобрел зрелую форму, произошло рождение модернизационной парадигмы. Последняя была сформулирована в середине XX в. в условиях распада европей-

¹⁷ Уайт Л. Избранное: Эволюция культуры. М., 2004; *Он же*. Избранное: Наука о культуре. М., 2004; *Он же*. Понятие культуры // Антология исследований культуры. СПб., 1997. Т. 1: Интерпретация культуры. С. 17–48; *Он же*. Концепция эволюции в культурной антропологии // Там же. С. 536–558; *Он же*. История, эволюционизм и функционализм как три типа интерпретации культуры // там же. С. 559–590; Steward J.H. Evolution and Progress // Anthropology Today / Ed. by A.L. Kroeber. Chicago: University of Chicago Press, 1953. P. 313–326; *Idem*. A Neo-Evolutionist Approach // Etzioni A. and Etzioni E. (eds.) Social Change. P. 131–139; *Idem*. Theory of Culture Change: The Methodology of Multilinear Evolution. Urbana: University of Illinois Press, 1955; Салинз М. Экономика каменного века. М., 1999; Классен Х.Дж.М. Эволюционизм в развитии // История и современность. История и современность. 2005. № 2, сентябрь. С. 3–22; *Он же*. Эволюционизм в развитии // Раннее государство, его альтернативы и аналоги: Сб. ст. / под ред. Л.Е. Гринина, Д.М. Бондаренко, Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева. Волгоград, 2006. С. 37–52; Карнейро Р.Л. Теория происхождения государства // Там же. С. 55–70; *Он же*. Культурный процесс // Антология исследований культуры. С. 421–438; Коротаев А.В. Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции. М., 2003.

¹⁸ Lenski G., Lenski J. Human Societies: An Introduction to Macrosociology. N.Y., 1974; Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1998.

ских колониальных империй и появления «молодых наций» в Азии и Африке, вставших перед проблемой выбора путей дальнейшего развития. Программа модернизации (ускорения перехода от традиционности к современности) была предложена учеными и политиками США и Западной Европы странам Третьего мира в качестве альтернативы коммунистической ориентации. Во второй половине 1950 – начале 1960-х гг. различные аналитические течения и теоретические традиции объединились в единую междисциплинарную компаративную перспективу (теория, или точнее – теории, модернизации), которая казалась особенно полезной для обеспечения толчка в развитии стран Третьего мира¹⁹. В дальнейшем, на протяжении второй половины XX в., в рамках модернизационной перспективы был накоплен значительный теоретико-методологический и эмпирический опыт изучения различных аспектов, в том числе исторических, перехода от традиционного к современному, индустриальному обществу.

В целом модернизационной парадигме 1950–1960-х гг., которую можно назвать классической²⁰, было присуще фокусирование исследовательского интереса на проблематику развития, факторов и механизмов перехода от традиционности к современности; проведение анализа преимущественно на страновом, национальном уровне; использование в качестве ключевых понятий традиция и современность, оперирование эндогенными переменными, такими как социальные институты и культурные ценности; положительная оценка самого процесса модернизации как прогрессивного и перспективного, существенно расширяющего потенциал человеческих возможностей.

В рамках созданной модели процесс модернизации рассматривался как всеобъемлющий, связанный с «революционными» по значимости, радикальными трансформациями моделей человеческого

¹⁹ *Lerner D.* The Passing of Traditional Society: Modernizing the Middle East. New York, London, 1965; *Apter D.E.* The Politics of Modernization. University of Chicago Press, 1965; *Levy M.J.* Modernization and the Structure of Societies. Princeton, 1966; *Eisenstadt S.N.* Modernization: Protest and Change. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1966; *Rostow W.W.* The Stages of Economic Growth. A Non-Communist Manifesto. Cambridge, 1960; *Idem.* Politics and the Stages of Growth. Cambridge, 1971; *Bellah R.N.* Religion and Progress in Modern Asia. N.Y., 1965; *Black C.E.* The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History. N.Y.: Harper Colophon Books, 1975.

²⁰ См.: *So A.Y.* Social Change and Development: Modernization, Dependency, and World-System Theories. Newbury Park, 1990. P. 17–59.

существования и деятельности²¹. Модернизации присваивался признак комплексности, что означало несводимость ее к какому-либо одному измерению. Сторонники классической версии теории модернизации признавали, что переход от традиционности к современности вызывает изменения практически во всех областях человеческой мысли и поведения, порождая процессы структурно-функциональной дифференциации, индустриализации, урбанизации, коммерциализации, социальной мобилизации, секуляризации, национальной идентификации, распространения средств массовой информации, грамотности и образования, становления современных политических институтов, рост политического участия. В рамках данного подхода модернизация рассматривалась как системный имманентный процесс, интегрировавший в связное целое факторы и атрибуты модернизации. Модернизация характеризовалась как глобальный процесс, который обеспечивается как распространением современных идей, институтов и технологий из европейского центра по всему миру, так и эндогенным развитием неевропейских сообществ. Процесс модернизации изображался как линейный; соответственно, все общества можно было распределить вдоль оси, идущей от традиционности к современности (в связи с этим данную модель можно трактовать как линейную). Представители классической версии рассматривали процесс модернизации как эволюционный, протяженный по скорости осуществления «революционных» изменений. Предполагалась стадийность модернизации, которая должна была осуществляться в рамках определенных стадий или фаз. В контексте классической модели модернизация рисовалась как необратимый и прогрессивный процесс унификации, постепенной конвергенции обществ. Таким образом, классическая теоретическая схема требовала рассмотрения модернизации как единого универсального восхождения обществ от недостаточной развитости (традиционности) к современности и развитости согласно универсальным закономерностям эндогенного характера (метафора эскалатора способствует пониманию смысла данного подхода также хорошо, как и классического эволюционизма).

²¹ Характеристика классической версии теории модернизации дана в статье С. Хантингтона: *Huntington S.P. The Change to Change: Modernization, Development, and Politics // Comparative Modernization: A Reader / Ed. by C.E. Black. New York, London, 1976. P. 30–31.*

Как это ни парадоксально, но классическая модернизационная парадигма действительно опиралась на эволюционизм XIX в., наряду с функционализмом (в парсонсианской структуралистской модификации середины XX в.)²², а не на синхронные неозволюционистские разработки, в рамках которых уже произошел отказ от ряда дискредитировавших себя теоретических постулатов и было предложено более гибкое и историчное видение социальной реальности.

Вероятно, это можно объяснить тем, что, во-первых, группы исследователей, разрабатывавших неозволюционистские и модернистские подходы, не совпадали по составу; во-вторых, различными были объекты их анализа (преимущественно примитивные ранние общества, а также исторические общества, в первом случае и первоначально в основном современные общества Третьего мира – во втором); в-третьих, различались интенции представителей указанных подходов (фундаментально-теоретические в первом случае и первоначально политико-прагматические – во втором; необходимо отметить, что прагматизм был присущ в полной мере и начальному классическому эволюционизму – стоит вспомнить, например, О. Конта).

Конечно, имелись определенные различия между эволюционизмом и модернизационными штудиями классического периода. Формат последних был более узким (лишь переход от традиционности к современности) по сравнению с форматом эволюционистского подхода (вся история человечества). Если фокус эволюционизма был направлен на человеческое сообщество в целом, то модернистские исследования выполнялись преимущественно на национально-страновом уровне. Однако наличие параллелей между указанными подходами обнаруживается без труда. И в том, и в другом случаях процесс развития трактовался как прогрессивный, постепенный, пошажный, непрерывный, имманентный, унифицированный, стадийный.

В основе модернизационной схемы лежал дихотомический принцип радикального противопоставления традиционного («агркультурного») и современного («индустриального») обществ, детально разработанный в рамках эволюционного подхода XIX века

²² См.: *Парсонс Т.* Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Теоретическая социология: Антология: В 2 ч. М., 2002. Ч. 2. С. 3–43; *Он же.* О структуре социального действия. М., 2000; *Он же.* О социальных системах. М., 2002; также см.: *Гоулднер А.У.* Наступающий кризис западной социологии. СПб., 2003. С. 172–193, 201–390.

(Г. Спенсер, Ф. Тённис, Э. Дюркгейм, Г. Мэн). В рамках модернизационной теории параметры традиционного и современного обществ характеризовались как диаметрально противоположные (например, Ф. Саттон, М. Леви)²³. Предполагалось, что в процессе модернизации должен произойти полный демонтаж традиционного общества, перестройка его институциональных и социокультурных основ.

Подобный дихотомический подход формировал крайне пессимистический взгляд на перспективы использования интегративных механизмов, существовавших в традиционном обществе, в контексте модернизации. Традиционные институты и ценности рассматривались в качестве барьеров, которые в ходе модернизации должны подвергнуться эрозии, трансформации. Проблема барьеров модернизации получила широкую разработку в литературе. Возможно, наиболее детальную инвентаризацию препятствий переменам в социальном, культурном и психологическом аспектах предпринял американский социолог Джордж М. Фостер. Последний выделял *социальные* (групповая солидарность: взаимные обязанности в рамках семьи, фиктивное родство, дружественные связи, малые группы, общественное мнение, клановые разборки, статусные интересы; устоявшиеся местные авторитеты: семейные, политические, неординарных личностей; кастовые и классовые барьеры и т.д.), *культурные* (ценности и ориентации: традиции, фатализм, культурный этноцентризм, чувства гордости и достоинства, нормы скромности, локальные ценности; структура культуры: логическая несовместимость культурных характеристик и непредвиденные последствия планируемых инноваций; моторные образцы и привычные телесные позиции) и *психологические* барьеры, относимые к категории межкультурного восприятия (восприятие характера власти, отношение к подаркам, дифференциации ролей и т.д.; коммуникативные трудности: языковые, демонстрируемые предупреждения об опасности и т.д.; проблемы переобучения и т.д.)²⁴.

²³ Sutton F.X. Social Theory and Comparative Politics // Comparative Politics: A Reader / Ed. by H. Eckstein and D. Apter. New York, 1963. P. 67; *Idem*. Analyzing Social Systems // Finkle J.L., Gable R.W. (eds.). Political Development and Social Change. N.Y., London, Sydney, 1966. P. 24–25; Levy M.J. Social Patterns (Structures) and Problems of Modernization // Moore W. and Cook R.M. (eds.) Readings on Social Change. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1967. P. 196–201.

²⁴ См.: Foster G.M. Traditional cultures: and the impact of technological change. N.Y.; L., 1962; Также см.: Пандей Р. Критика западноцентризма в теориях модернизации // Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия / Сост.,

Механизм структурно-функциональной дифференциации рассматривался как основополагающий и в эволюционизме (Г. Спенсер, Э. Дюркгейм), и в модернизационной парадигме (Н. Смелзер, развивший предложенную Т. Парсонсом модель социальной дифференциации)²⁵. Обоим подходам было присуще системно-структурно-функционалистское видение общества, в основе чего лежала, видимо, органическая метафора, внедренная, в частности, в модернизационную парадигму через структурный функционализм Т. Парсонса.

Классическая модернизационная перспектива ориентировалась на опыт западной «атлантической» цивилизации и слабо учитывала многообразие цивилизационного опыта за пределами Западной Европы и Северной Америки. К существенным недостаткам данного подхода следует отнести недооценку меняющихся условий международной среды для конкретных обществ, стремящихся модернизироваться. Упрощенным представляется и эволюционистское представление о единой для всех лестнице к высотам современности, исключавшее возможности «параллельного» развития или «неразвития» («недоразвития»).

Сбои в осуществлении модернизационных программ, идеологические факторы, а также изменение политического климата на Западе в конце 1960-х и в начале 1970-х гг. сопровождалось массовой критикой теорий модернизации, которые на некоторое время (в 1970-е гг.) были отодвинуты в тень другими теориями, в частности, теориями зависимости и мир-системным анализом.

Оппоненты обратили внимание на многие ошибочные и некорректные эволюционистские и функционалистские допущения, методологические проблемы и идеологическую тенденциозность модернизационной перспективы: западно-центризм, упрощенчество, наивный эволюционизм, дихотомическое – примитивное – видение проблемы взаимоотношений «традиции» и «modernity», неспособность объяс-

ред. и вступ. ст. Б.С. Ерасов. М., 1999. С. 469; Vago S. Social Change. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, 1989. P. 255–277.

²⁵ См.: Smelser N. Toward a Theory of Modernization // Etzioni A. and Etzioni E. (eds.) Social Change: Sources, Patterns, and Consequences. New York: Basic Books, 1973. P. 268–284; *Idem*. The Modernization of Social Relations // Modernization. The Dynamics of Growth. N.Y.; L., 1966. P. 110–121; Parsons T. A Functional Theory of Change // *Ibid*. P. 78–86. Также см.: Побережников И.В. Проблема структурно-функциональной дифференциации в контексте экономической модернизации // Экономическая история. Обозрение. М., 2006. Вып. 12. С. 148–165.

нять реальные социальные сдвиги. Данная критика оказалась полезной для развития и совершенствования модернизационного подхода. Впоследствии его сторонники направили собственные усилия на изживание неприемлемых теоретических посылок, в особенности эволюционного телеологизма и жесткого противопоставления традиционности и современности.

Что касается дальнейшей судьбы модернизационной парадигмы, то она в определенном смысле повторяла (самостоятельно, без особого воздействия со стороны неозволюционизма, и гораздо более быстрыми темпами) путь от эволюционизма к неозволюционизму (для модернизационной парадигмы его аналогом явился неомодернизационный анализ).

Сходство механизмов трансформации обоих теоретических подходов обнаруживается в постепенном дистанцировании от телеологизма, в расширении диапазона учитываемых факторов исторической динамики, в переходе от линейных к многолинейным интерпретациям развития, в акцентуации влияния среды (в эволюционизме-неозволюционизме) или традиции и международного контекста (классическая теория модернизации-неомодернизационный подход), в историзации теоретических моделей. Динамику развития данных подходов можно рассматривать в русле избывания первоначальной односторонности теоретических представлений и движения в сторону более панорамного, контекстного и исторического объяснения процессов социальных изменений.

При этом следует отметить, что некоторые теоретические находки были сделаны еще в период господства классической модернизационной парадигмы: это, например, концепция многовариантного движения к модерну Б. Мура (модернизация под руководством буржуазии в Великобритании, США, под руководством аристократии-дворянства в Германии, Японии, через «крестьянскую» революцию – в России, Китае), идея исторической трансформации самих механизмов модернизации А. Гершенкрона (более поздние догоняющие модернизации используют «заменители» в условиях недостатка органических предпосылок развития)²⁶.

²⁶ Мур-младший Б. Социальные истоки диктатуры и демократии: Роль помещика и крестьянина в создании современного мира. М., 2016; Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе. М., 2015; критический обзор концепции А. Гершенкрона содержится в работах: Поткина И.В. Индустри-

Со временем для сторонников модернизационного подхода стала очевидной необходимость учета социокультурного контекста модернизации²⁷, получили признание идеи многовариантного и циклического характера модернизации, влияния на ее результаты международного контекста; в теоретическую модель был включен фактор исторической случайности; на фоне угасания интереса к анонимным законам эволюции возросло внимание к роли социальных акторов, обладающих возможностью трансформировать исторические ситуации; пересмотру подверглось прежнее жесткое представление о системном характере процесса модернизации, на смену которому пришло понимание разновекторного поведения различных социальных сегментов в контексте модернизационного перехода. Все указанные теоретические новации способствовали превращению первоначально односторонней и абстрактной теоретической модели классического периода, не игравшей существенной роли в историко-эмпирических исследованиях, в многомерную и эластичную по отношению к эмпирической реальности научно-исследовательскую программу.

1980-е гг. ознаменовались своеобразным возрождением модернизационной перспективы, которая постепенно дистанцировалась от телеологизма, расширяла диапазон учитываемых факторов исторической динамики, переходила от линейных к многолинейным интерпретациям развития, акцентировала влияние традиции и международного контекста. Динамику развития подхода можно рассматривать в русле избывания первоначальной односторонности теоретических представлений и движения в сторону более панорамного, контекстного и исторического объяснения процессов социальных изменений. В модернизационных исследованиях данного периода произошел переход от однозначно негативного отношения к социокультурной традиции к более гибкой и конструктивистской трактовке роли традиций

альное развитие дореволюционной России: Концепции, проблемы, дискуссии в американской и английской историографии. М., 1994; *Олегина И.Н.* Критика концепций современной американской и английской буржуазной историографии по проблемам индустриализации СССР. Л.: ЛГУ, 1989; а также: *Побережников И.В.* Предпринимательство как фактор модернизации (концепции А. Гершенкрона и Э. Хагена) // Экономическая история России XVII–XX вв.: динамика и институционально-социокультурная среда / Сб. ст. памяти Л.В. Сапоговской. Екатеринбург, 2008. С. 203–212.

²⁷ См.: *Осипова О.А.* Американская социология о традициях в странах Востока. М., 1985.

в ходе модернизационного перехода²⁸. Изменение оценок роли и места традиций в процессе модернизации привело к появлению ряда новых исследовательских тем и к большему вниманию по отношению к традиционным чертам (народные религии, семейственность). Благодаря более внимательному изучению широкого спектра национальных культурных традиций сторонники школы модернизации отказались от одностороннего представления о модернизации как движении в сторону западных институтов и ценностей и пришли к убеждению о возможности собственных оригинальных путей развития.

Произошли и определенные методологические сдвиги. Вместо типологизирования и ведения дискуссий на достаточно высоком уровне абстракции сторонники модернизационного подхода стали проявлять склонность к рассмотрению конкретных ситуаций. Исследования 1980-х гг. отличались большим историзмом. Вместо того, чтобы иллюстрировать теорию конкретными примерами, специалисты использовали теорию для объяснения уникальных конкретных ситуаций. История возвращалась в работы, дабы продемонстрировать специфичность развития в конкретных странах. Нередко углубленные ситуационные исследования дополнялись компаративной перспективой с целью выяснения, например, почему один и тот же институт играет различные роли в разных странах. Стали уделять больше внимания внешним, международным, факторам. Гораздо больше места, чем прежде, стало отводиться феномену конфликтов.

Примером новых модернизационных штудий 1980-х гг. может служить исследование С. Хантингтона, посвященное тенденциям развития демократии в развивающихся странах. В данной работе автор в известном смысле полемизирует с прямолинейными схемами демократизации, распространенными в исследованиях классического периода, в частности, с оптимистической гипотезой Сеймура Липсета²⁹, согласно которой экономическое развитие непосредственно ведет к демократии (причина – экономическое благосостояние; следствие – демократия). Хантингтоном была предложена более сложная концептуальная схема демократизации, опять же структурного характера, которая расширила спектр факторов, приводящих в конце концов к

²⁸ *Gusfield J.R.* Tradition and Modernity: Misplaced Polarities in the Study of Social Change // Etzioni A. and Etzioni E. (eds.). *Social Change: Sources, Patterns, and Consequences*. New York: Basic Books, 1973. P. 333–341.

²⁹ *Lipset S.M.* *Political Man*. N.Y., 1963. P. 27–63.

инсталляции демократических режимов³⁰. В дополнение к экономическому росту, уже присутствовавшему у Липсета, Хантингтон включил в свою модель социально-экономическую структуру, внешнюю среду (таким образом, здесь учитывалось воздействие экзогенных факторов) и культурный контекст.

Новизна подхода С. Хантингтона состояла также в том, что, борясь против социологических автоматизмов и пытаясь преодолеть ряд противоречий между теориями и реальностью (отсутствие демократии там, где она, вроде бы, в силу достигнутых экономических успехов, уже должна была установиться; или, наоборот, демократизации при дефиците предпосылок), он предложил новую концепцию зоны перехода (транзиции, транзита), в которой, по мере экономического развития, традиционным политическим институтам становится все труднее обслуживать новые функциональные потребности, что вынуждает общество делать выбор из множества альтернатив по поводу собственного политического будущего (т.е. экономическое развитие само по себе не в состоянии детерминировать процесс замены традиционных учреждений определенной моделью политической системы, например, демократической; выбор осуществляют люди, в первую очередь, элиты, которые могут демократическому устройству предпочесть деспотический режим, авторитаризм, тоталитарную диктатуру, военную хунту и т.д.).

Разработка современной версии модернизационных исследований (неомодернизационный анализ) связана с именами Э. Тириакияна, П. Штомпки, В. Цапфа, У. Бека, К. Мюллера и др. (вторая половина 1980-х – 2000-е гг.). Теоретическое ядро современной версии модернизации включает следующие положения³¹: а) возможность

³⁰ *Huntington S.* Will More Countries Become Democratic? // *Political Science Quarterly*. 1984. № 99. Р. 193–218; *Хантингтон С.* Третья волна. Демократизация в конце XX века. М., 2003.

³¹ *Grancelli B.* (ed.). *Social Change and Modernization: Lessons from Eastern Europe*. Berlin; New York: De Gruyter, 1995; *Цапф В.* Теория модернизации и различие путей общественного развития // *Социс*. 1998. № 8. С. 14–26; *Цапф В., Хабиш Р., Бульман Т., Делей Я.* Германия: трансформация через объединение // *Социс*. 2002. № 5. С. 19–37; *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000; *Инглеарт Р.* Модернизация и постмодернизация // *Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология* / под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 261–291; *Штомпка П.* Социология социальных изменений. М., 1996; *Müller K.* “Modernizing” Eastern Europe. Theoretical problems

национальных моделей модернизации, естественно, имеющих местную социокультурную окраску; б) признание конструктивной, положительной роли социокультурной традиции в ходе модернизационного перехода; придание ей статуса дополнительного фактора развития; в) внимание внешним, международным факторам, глобальному контексту; модернизация рассматривается современными исследователями скорее как эндогенно-экзогенный процесс; подобное видение существенно отличается от классического, в рамках которого ученые анализировали преимущественно внутренние переменные, такие как социальные институты и культурные ценности; г) отход от эволюционистского телеологизма; акцентирование внимания не на анонимных законах эволюции, а на роли социальных акторов (коллективов и индивидов), всегда обладающих возможностью обеспечить рост или трансформацию ситуации посредством волевого вмешательства; д) включение в теоретическую модель фактора исторической случайности; признание необходимости рассмотрения трансформационных процессов в рамках конкретной «исторической констелляции»; акцент на пространственно-временной горизонт акторов, в соответствии с которым выстраиваются новые линии развития; е) отказ от трактовки модернизации как единого процесса системной трансформации; признание возможности различного поведения сегментов конкретного общества в условиях модернизации; ж) осознание некорректности интерпретации модернизации как непрерывного процесса; признание необходимости более внимательного отношения к такому аспекту динамики модернизации, как циклическая природа данного процесса.

Итак, классическая и современная версии модернизационного анализа существенно разнятся. Модификация теоретических основ модернизационного подхода способствовала превращению первоначально достаточно односторонней и абстрактной теоретической модели, не игравшей существенной роли в эмпирических исследованиях, в

and political dilemmas // Archives Européennes de Sociologie. 1992. № 1. P. 109–150; *Tiryakian E.* The Changing Centers of Modernity // Cohen E., Lissak M., Almagor U. (eds.). Comparative Social Dynamics: Essays in Honor of Shmuel N. Eisenstadt. Boulder, CO: Westview Press, 1985. С. 131–147; а также: *Федотова В.Г.* Хорошее общество. М., 2005. С. 152–226; *Побережников И.В.* Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М., 2006. С. 68–114.

многомерную и эластичную по отношению к эмпирической реальности. Модернизационная перспектива выжила за счет принесения в жертву серьезных посылок, входивших в состав ее теоретического ядра. К числу наиболее важных особенностей эволюции школы модернизации можно отнести: 1) пересмотр роли и места традиционного социокультурного и институционального контекста модернизации, придание ему большего значения в сравнении с ранними концептуальными схемами; 2) переход от достаточно абстрактного теоретизирования к рассмотрению конкретных ситуаций; 3) рост внимания к конфликтам в процессе модернизации и влиянию на данный процесс внешних (по отношению к изучаемой стране) факторов; 4) инкорпорацию в теоретическую модель фактора исторической случайности; 5) акцент на циклическую природу процесса модернизации.

Пространственно-временные измерения модернизации

Социальные конфигурации не возникают в готовом виде. Формируясь постепенно, они изменяются с течением времени, то медленно, то быстро, то эволюционно, то взрывообразно. Это относится и к их развитию в пространстве. Зарождаясь в определенном месте, социальные конструкции, разрастаясь или сжимаясь, взаимодействуют с другими объектами (системами) в историческом пространстве, становясь взаимосвязанными. Время и пространство, таким образом, выступают в качестве взаимосвязанных измерений развития. Показатель «время» позволяет фиксировать социальные сдвиги. Параметр «пространство» выступает в качестве мерила территориальной вариации социального развития. В принципе, оба измерения позволяют отражать социальную дифференциацию (временную и пространственную). Вероятно, и время, и пространство следует признать важнейшими измерениями развития, в совокупности образующими систему координат, в которой разворачивается исторический процесс.

Между порядком и изменением в области социальной реальности существует непрерывная диалектическая связь. Сложно дать окончательный ответ на вопрос, что же является первичным, а что вторичным в рамках этой тесно связанной пары категорий. При этом в зависимости от того, какие качества (постоянство, стабильность или изменчивость, вариативность) преобладают в те или иные исторические периоды, последние можно разделять на устойчивые, стабильные (общество, цивилизация, формация, социальный порядок, система и т.д.) и переходные.

Само понятие «переходного периода» довольно позднего происхождения и возникло, по мнению И.М. Савельевой и А.В. Полетаева, как следствие отказа от определения стационарных периодов по событиям и акцентирования внимания на обратный процесс – выделения стационарных периодов, а затем – поиска границы, отделяющей один такой период от другого. Поскольку точная датировка «разрыва» в таком случае оказывалась невозможной, «разрыв» должен был определяться как период³². В середине XIX в. началось обсуждение проблемы переходного этапа, пролежавшего между двумя качественно различными (но внутренне однородными) эпохами истории Запада: Средневековьем и Новым временем. Возможно, первым автором, попытавшимся обозначить переходный этап между Средней и Новой историей, был Жюль Мишле, выделявший в одном из томов своей «Истории Франции» в качестве такого переходного периода эпоху Ренессанса. В исторических исследованиях «разрывы» концептуализируются как динамические переходные периоды, на протяжении которых формируются новые структуры. Зачастую эти периоды идентифицируются как «кризисы».

Переходные эпохи отмечены исторической неустойчивостью, кризисными явлениями, катастрофами, распадом старых и формированием новых социальных связей и порядков³³. Специфика переходных периодов рождает своеобразные проблемы и требует использования специальных подходов для их изучения³⁴.

³² См.: Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история. СПб., 2003. Т. 1. С. 501–502.

³³ По мнению М.С. Бобковой, переходный период XVI–XVIII вв., на протяжении которого происходило разрушение традиционного общества, можно определить как «эпоха катастроф», т.е. «временной отрезок, хронологический этап экономического, социального, политического, культурного взрыва, который часто проявляется в этнических, конфессиональных конфликтах, революциях, гражданских и континентальных войнах, являющихся высшим критерием оценки кризисного состояния общества. В результате этого взрыва рождается новый социум, погруженный и детерминированный новыми временными ритмами, иным осмыслением прошлого, фиксируемым в особенностях как индивидуальной, так и коллективной памяти» (См.: Бобкова М.С. Западноевропейское историописание «эпохи катастроф». М., 2008. С. 43).

³⁴ В подготовленном Институтом всеобщей истории РАН сборнике статей «Переходные эпохи в социальном измерении: История и современность» (М.: Наука, 2003) предпринята попытка исследования смены качественных состояний общества (переходных эпох) от древности до современности.

Во-первых, следует учитывать гетерохронность переходного периода. Понятие переходный период применяется ко всему обществу на протяжении какого-то интервала времени, короткого или длительного. Однако общество представляет собой сложный агрегат, имеющий множество измерений и множество уровней, скорость изменений которых может существенно варьироваться. Здесь можно сослаться на концепцию исторических времен, предложенную Ф. Броделем: три уровня, различающихся скоростью происходящих в них изменений: 1) «длительная временная протяженность» (*longue durée*) медленных, почти неподвижных взаимоотношений общества и природы, привычек мыслить и действовать; 2) динамика экономических и социальных структур, скорость изменений которых измеряется десятилетиями и 3) событийная динамика политической истории, измеряемая хронологическими датами³⁵.

Детализация изучаемых объектов позволяет разрабатывать более подробные схемы, включающие большее число уровней и исторических ниш со своими темпоральными механизмами, оказывающими воздействие на динамику переходной эпохи в целом. Так, шведский социолог и культуролог Й. Форнюз полагает, что для рассмотрения процессов модернизации недостаточно двух аналитических полюсов — стабильность vs изменения. По его мнению, эпоха модернити не может состоять только из твердых, устойчивых структур или только из быстрых, случайных изменений. Следует различать, по крайней мере, четыре типа различных исторических процессов. Это, во-первых, устойчивые структуры; во-вторых, быстрые, непредсказуемые случайные события; в-третьих, волнообразные периодические циклы, вызываемые, например, регулярными сменами поколений или циклическими кривыми капиталистической экономики, и, наконец, в-четвертых, собственно направленные, векторные процессы модернизации. Все четыре типа сосуществуют в рамках эпохи модерна и все они, по мнению Форнюза, в аналитических целях должны рассматриваться обособленно, хотя очевидно их взаимодействие в реальности³⁶.

³⁵ Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории. М., 1977. С. 115–142. *Он же*. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: В 3 ч. М., 2002, 2003, 2004; *Он же*. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.: В 3-х тт. М., 1986, 1988, 1992.

³⁶ Fornäs J. Cultural Theory and Late Modernity. London, 1995. P. 25.

Во-вторых, в основе созидания исторической ткани переходных периодов лежит полиморфизм как ведущий организационный принцип. Следствием дифференциации темпов изменения социальной материи становится длительное сосуществование разностадийных, разнотипных, разновекторных социальных механизмов (укладов, анклавов), сегментов, проектов, которые функционируют отнюдь не в вакууме, а в плотном историческом контексте, образуя исторические констелляции, оказывая друг на друга воздействия, приводящие к обоюдным трансформациям. Проблема здесь состоит, с одной стороны, в том, что механизмы функционирования укладов и анклавов в инородном контексте могут подвергаться коррекции, которая должна стать предметом скрупулезного исторического расшифрования; с другой стороны, общая динамика переходных периодов не может элементарно подсчитываться путем арифметического суммирования динамик ее составляющих, но требует разработки специальных теоретико-методологических подходов.

В-третьих, в контексте переходной эпохи происходит формирование, «становление» социальных структур, которые поэтому выглядят аморфными, постоянно меняющимися до такой степени, что их основы очень трудно проследить. Именно люди созидают новые структуры, подвергают общество реструктуризации; социальный порядок формируется как коллективный результат индивидуальных выборов и действий – реструктуризация общества в подобной ситуации может рассматриваться как взаимодействие старых коллективных достижений и новых выборов и действий, осуществляемых индивидуальными членами общества. В связи с этим динамизм исторического перехода невозможно сводить лишь к серии реформ, преобразований, проводимых «сверху». История переходного периода должна рассматриваться как арена социальных взаимодействий, делание ее «снизу» людьми, потребности и мотивации которых также подвергаются изменениям, адаптируются к запросам времени и, в то же время, оказывают существенное воздействие на рисунок будущего общества.

Переходный процесс можно представить как сложную систему интеракций между различными субъектами, в том числе социальными, политическими, территориальными, как сложную череду внутренних и внешних импульсов и реакций на них, положительных, отрицательных или нейтральных; как продолжительный континуум, в рамках которого осуществляется взаимодействие между прошлым,

настоящим и будущим, между традицией и новацией, трансформирующее как ту, так и другую. При этом «осовременивание» одной из сфер общественного организма может осуществляться за счет других. Элементы новации и традиции могут принимать самые причудливые конфигурации в контексте конкретного общества, в том числе в моделях образа жизни.

В-четвертых, следует иметь в виду, что динамика переходных периодов детерминирована, помимо факторов внутреннего происхождения, факторами экзогенными. Внешние факторы (системные зависимости, межстрановая конкуренция, демонстрационный эффект, диффузия экзоинноваций) могут ускорять процессы социальной динамики, могут их корректировать, трансформировать, деформировать или блокировать. Системные зависимости возникают в рамках широких социальных систем (в частности, мир-систем, идентифицированных в рамках мир-системного анализа И. Валлерстайна³⁷), имеют структурную, надындивидуальную природу, обеспечивают втягивание в эпоху модернити различных страновых массивов, но на разных основаниях, следствием чего становится возникновение разных вариантов модернизации, в том числе и т.н. «зависимого развития»³⁸, «периферийного капитализма»³⁹ и т.д.

Межстрановая конкуренция сопровождается систематическим включением реальных или потенциальных элит в сопоставление реалий собственного общества с реалиями других обществ с последующим заимствованием экзоинноваций, что ведет в конце концов к

³⁷ Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001; *Он же*. Миросистемный анализ: Введение. М., 2006; *Он же*. Мир-система Модерна. Т. I: Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI в. М., 2015; Т. II: Меркантилизм и консолидация европейского мира-экономики, 1600–1750. М., 2016.

³⁸ «Зависимое развитие» стало предметом специального изучения в рамках теорий зависимости: Кардозо Ф.Э., Фалетто Э. Зависимость и развитие Латинской Америки. Опыт социологической интерпретации. М., 2002; Шестопал А.В. Миражи Эльдorado в XX веке. Критические очерки буржуазной социологии в Латинской Америке. М., 1974; *Он же*. Леворадикальная социология в Латинской Америке. Критика основных концепций. М., 1981; Посконина Л.С. Латинская Америка: пути и судьбы «мятежной социологии» // Рабочий класс и современный мир. 1983. № 2. С. 186–189; *Она же*. Латинская Америка: критика леворадикальных концепций. М., 1988.

³⁹ См.: Пребиш Р. Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива? М., 1992.

определенной социетальной конвергенции. Общества, выступающие пионерами модернизации, могут полагаться на собственные ресурсы и модели. «Последователи» в этом плане оказываются в более благоприятной ситуации; страны, прошедшие первые этапы модернизации ранее, демонстрируют им положительные и отрицательные стороны тех или иных новаций, позволяя, таким образом, не только воспользоваться этими новациями, но и избежать совершенных ранее ошибок⁴⁰.

В итоге переходный период оказывается сложным процессом, не сводимым к элементарному вымыванию устаревших традиций и замене их позитивными новациями. Вообще он не может быть сведен к механическим перемещениям, приращениям и убываниям. Этот беспокойный период оформляется человеческой деятельностью, рефлексией, которая создает общество путем совмещения множественных процессов различной направленности, частично перекрещивающихся, частично сближающихся, частично расходящихся, поддерживающих или уничтожающих друг друга.

Учитывая указанные особенности переходного периода, можно предложить следующее определение модернизации – это сложный эндогенно-экзогенный направленно-циклический процесс взаимодействия структур и деятельности, традиций и новаций при переходе от традиционного к современному обществу, в свою очередь, осуществляющийся посредством механизмов и субпроцессов (структурной и функциональной дифференциации, рационализации, индустриализации, урбанизации, демографического перехода, бюрократизации, профессионализации, демократизации, становления современных мотивационных систем, образовательной и коммуникативной революций и т.д.), конфигурация и степень проявления которых варьируются в различных цивилизационно-культурных контекстах.

Использование данного определения позволяет идентифицировать модернизацию общую и специфическую (по аналогии с неозво-

⁴⁰ См.: *Побережников И.В.* Диффузионные механизмы как фактор модернизации власти и общества: теоретико-методологические аспекты // Уральский исторический вестник. 2005. № 10–11: Власть и общество в российской провинции. С. 302–314; примером продуктивного применения диффузионного подхода в изучении российских модернизаций стали исследования Е.В. Алексеевой: *Алексеева Е.В.* Диффузия европейских инноваций в России (XVIII – начало XX в.). М., 2007; *Она же.* Европейская культура в имперской России: проникновение, распространение, синтез. Екатеринбург, 2006.

люционистским разведением общей и специфической эволюции⁴¹). Первая носит абстрактный характер и знаменует идеально-теоретическую модель модернизационного процесса. Вторая может применяться для объяснения конкретных способов адаптации к средовым условиям (социокультурным, историческим, географическим). Следствием подобного разведения становится возможность обсуждения проблемы модернизаций (не единой, тотальной, абсолютной модернизации) – временных, цивилизационных, страновых, региональных, протекавших в различные исторические эпохи и в разных пространственных контекстах.

Процессы модернизации можно и следует изучать на разных общественных уровнях, поскольку последние не сводимы элементарно друг к другу, и ни один вывод, касающийся определенной сферы, не может, согласно «закону уровней» З. Кракауэра, автоматически переноситься на более общую сферу. *Системно-мировой уровень*. Наиболее высокий уровень обобщения – мировой, уровень мир-системный (функциональная специализация стран ядра, периферии и полупериферии в рамках капиталистической мир-экономики). Применительно к мировому уровню обсуждение модернизационной проблематики можно начинать, вероятно, со второй половины XV–XVI столетий, когда на волне подъема в рамках очередного «векового» цикла в экономической, политической, духовной сферах ряда стран Западной Европы появляются новые черты: развитие рыночных отношений в сельском хозяйстве, которое начало ориентироваться не только на местные, но и на более отдаленные рынки; расцвет торгового капитализма; становление колониализма как части экономической, политической и общественной жизни; рост народонаселения и интенсификация урбанизации; образование государств современного типа; изменения в образе мышления (индивидуализация веры, критическое восприятие Библии).

Начало модернизации в ряде регионов, стран ознаменовало наступление *модерной эпохи* и постепенное втягивание в мировой модернизационный процесс все большего числа территорий как вслед-

⁴¹ См.: *Побережников И.В.* Эволюционизм, неозволюционизм и модернизационная парадигма // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 20-летию Института истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург, 2008. С. 577–581.

ствие эндогенных трансформаций, так и в результате колонизации или вынужденных (экзогенных) модернизаций. Процесс протекал с ускорением – и уже к середине XVII в. капиталистическая мироэкономика утвердилась в Европе, консолидировалась до 1760-х гг., а затем – с конца XVIII по начало XX века, согласно И. Валлерстайну, пережила «вторую эру великой экспансии», «втянув» в себя остальной мир.

При этом наиболее развитые страны продвинутой модернизации стали оказывать трансформирующее/деформирующее воздействие на менее развитые, вследствие чего модернизации последних уже не могли протекать по тем же сценариям, которые были реализованы в первых. Единство развития в контексте системного уровня оказывается своеобразным, поскольку применительно к взаимодействующим территориям функционируют разнонаправленные механизмы, что имеет следствием обратную зависимость между динамиками развития взаимодействующих пространств. Тенденции восходящего развития в одних пространствах вызывают тенденции нисходящего (параллельного, «другого») развития в других. Рост капитализма в странах западного «ядра» вызывает, например, распространение принудительного труда («вторичное закрепощение») в странах Центрально-Восточной Европы (Ф. Бродель, И. Валлерстайн), кризис перенакопления в Западной Европе сопровождается индустриализационным рывком в России на рубеже XIX–XX вв.⁴², деиндустриализация в США в начале 1980-х гг. оборачивается индустриализационным ростом в странах полупериферии⁴³ и т.д.

Естественно, процессы модернизации имели различные последствия для разных стран – положительные для одних, негативные (деформации, ловушки, тупики развития) для других. Итак, можно говорить об эпохе модерна, modernity (возможно, с XVI столетия, хотя существуют и более осторожные и ограничительные версии – вплоть до сведения данной эпохи к периоду зрелого индустриального общества XIX века⁴⁴) в целом, имея в виду, что ее характер начинает определять авангард модернизации – вырвавшиеся вперед страны Западной Европы в самом начале, затем – США, сегодня США–Япония–

⁴² Например, см.: *Кагарлицкий Б.* Периферийная империя. Россия и мир-система. М., 2003. С. 360–375.

⁴³ *So A.Y.* Social Change and Development: Modernization, Dependency, and World-System Theories. Newbury Park, 1990. P. 238–242.

⁴⁴ См.: *Федотова В.Г.* Хорошее общество. М., 2005. С. 233.

ЕС. Используя данное понятие, мы должны хорошо понимать, что модернизация изначально носила очаговый характер, лишь со временем втягивая разные общества, до сих пор не завершив процесс тотальной модерной гомогенизации. Это означает, что существовали и существуют общества, подвергшиеся в разной степени модернизации. Далее, это означает, что существовали и существуют общества, испытавшие воздействие модернизации по-разному: включенные в эпоху модерна на разных основаниях. Наконец, это означает, что существовали и до сих пор существуют общества/сегменты обществ, сохранившие домодерные традиционные устои.

Цивилизационный уровень. Модернизационные процессы приобретали различные конфигурации в разных цивилизационно-культурных контекстах. Цивилизации складывались исторически, под влиянием географических условий, в процессе ответов на вызовы экологической и общественной среды, в результате осуществленных когда-то ценностно-культурных выборов и т.д. Сформировавшиеся как преимущественно надстрановые культурно-исторические массивы, занимающие обычно большие территории, цивилизации в определенном смысле выступали в качестве стратегий выживания, самоорганизации человеческого времени-пространства. Фундаментальные базовые (матричные) структуры и ценности, выступающие в качестве каркаса, ядра цивилизаций, обнаруживают завидную, «вневременную» устойчивость, накладывая отпечаток на цивилизационную динамику, включая модернизационную. Поскольку указанные «структуры и ценности» одновременно являются основой культуры, постольку обществоведы, изучающие социальные трансформации, были вынуждены признать, что «культура имеет значение»⁴⁵.

Принято считать, что в качестве таких глубинных структур выступают ментальные установки массового сознания; народный характер; модели взаимоотношений власти и общества; мотивационные механизмы; представления о жизни и смерти, о любви, о человеческом предназначении; природно-климатические условия и т.д.⁴⁶ По

⁴⁵ Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / Под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. М., 2002.

⁴⁶ Например, см.: Цивилизации. Вып. 10: Модернизация и цивилизационные вызовы XXI века. М., 2015; История России: Теоретические проблемы. Вып. 1: Российская цивилизация: Опыт исторического и междисциплинарного изучения. М., 2002. С. 136.

сути, речь идет о месторазвитии цивилизации и о ее институциональной системе (причем, скорее, о неформальной части последней).

Неформальные институты (культура, традиции, ценностные установки, стереотипы поведения) являются главной частью институциональной системы, напоминая невидимое основание айсберга. Они склонны к устойчивости, трансформируются очень медленно (путем инкрементальных изменений – «малых приращений»), сопротивляются резким изменениям, переносу чуждых институтов из других обществ или культур. Вследствие этого, линия последующего развития всегда задана всей предшествующей институциональной историей общества. Современная институциональная теория объясняет эффект институциональной преемственности свойством возрастающей отдачи институтов (влияние института на общество возрастает прямо пропорционально длительности существования самого института и количеству людей, деятельность которых ему подчиняется) и сетевыми эффектами (скоординированной взаимосвязанностью существующих, устоявшихся институтов)⁴⁷. Однажды выбранную институциональную траекторию трудно покинуть⁴⁸, следствием чего становится разновекторность цивилизационных маршрутов развития. Каковы наиболее важные измерения неформальной институциональной системы, значимые для выбора цивилизационной траектории модернизации? Похоже, это: 1) степень отождествления с другими членами общества, т.е. радиус доверия или чувство общности; 2) степень ригидности системы морали; 3) стиль и методы отправления власти; 4) отношение к труду, новаторству, сбережениям,

⁴⁷ См.: Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997; Он же. Институты и экономический рост: историческое введение // THESIS. 1993. Т. 1, № 2. С. 69–91; Нестеренко А.Н. Экономика и институциональная теория. М., 2002; Нуреев Р.М. Россия: особенности институционального развития. М., 2009; Он же. Экономика развития: модели становления рыночной экономики. М., 2008; Институциональная экономика / Под общ. ред. А. Олейника. М., 2005.

⁴⁸ Применительно к истории технических стандартов данный феномен объясняется т.н. теорией зависимости от предшествующего пути развития («Path Dependency»). См.: Дэвид П. Клио и экономическая теория QWERTY // Истоки. Из опыта изучения экономики как структуры и процесса. М., 2007. С. 139–150; Он же. Зависимость от пути развития и исторические общественные науки: вводная лекция // Там же. С. 183–207; Нуреев Р., Латов Ю. Что такое зависимость от предшествующего развития и как ее изучают российские экономисты // Там же. С. 228–256.

прибыли⁴⁹. Как полагает известный американский социолог Л. Харрисон, указанные факторы «вытекают из общего мировоззрения и представления об обществе, из того, что социологи называют “когнитивной ориентацией” или “когнитивным представлением”. Эти представления формируются географическими и историческими факторами... Анализ этих четырех факторов поможет прояснить связь между ценностями и прогрессом»⁵⁰.

Уделяя серьезное внимание культуре как фактору исторических трансформаций, Л. Харрисон предпринимает попытку объяснить замедленное и субоптимальное развитие Испании до последней четверти XX века (неспособность создать стабильные институты демократического правления; авторитаризм; отсутствие эффективного гражданского контроля над военными; экономическая слаборазвитость; низкий уровень грамотности; низкая продолжительность жизни; крайне неравномерное распределение земли, дохода и богатства). Автор объясняет длительную приверженность испанского правительства политическому курсу, который не способствовал политическому плюрализму, экономическому росту и социальной справедливости, институционально-культурными особенностями испанцев, «действием мощных и упорных культурных традиций». Во-первых, это крайний испанский индивидуализм и низкое чувство общности, узкий радиус самоидентификации, ограниченный семейным кругом (*soberbia* – чрезмерная гордость с оттенками заносчивости, надменности и тщеславия, «сверхиндивидуализм», по выражению известного испанского филолога Ф. Диас-Плаха), которые блокировали развитие таких условий достижения экономического роста, как координация, предвидение и методичность, коллективная дисциплина, и, наоборот, исключали из жизни компромисс, стимулируя антиобщественное поведение, способствовали длительному сохранению авторитаризма. Во-вторых, это чрезвычайная эластичность традиционной иберо-католической морали, характерное для католицизма чередование греха и раскаяния, покаяния и отпущения одних грехов и совершения новых, снимавшее ответственность за собственные поступки. В-третьих, это жесткий авторитаризм, преобладавший в политике и управлении государством, подавлявший способность к творчеству и несогласию. Наконец, в-

⁴⁹ Харрисон Л. Кто процветает? Как культурные ценности способствуют успеху в экономике и политике. М., 2008. С. 19.

⁵⁰ Там же.

четвертых, это по существу отрицательное традиционное иберо-католическое отношение к труду, новшествам и прибыли (католический фатализм, жизнь настоящим; «презрение к физическому труду, бизнесу, технологическим знаниям и негуманитарному образованию»), что имело негативные последствия для предусмотрительности, бережливости и инвестиций⁵¹. По мнению одного эксперта, которое приводит Л. Харрисон, «в кастильском обществе богатство в целом воспринималось не как что-то, что человек создал или построил, т.е. заработал, но как нечто, что человек завоевал или чем он может наслаждаться потому, что обладает статусом воинственного победителя, дворянина»⁵².

Страновой уровень. Национально-страновой уровень модернизации наиболее разработан, поскольку именно страна выступала основной аналитической единицей в рамках классических модернизационных исследований начиная с 1960-х гг., в частности, в трудах, базировавшихся на компаративно-исторической методологии. Сравнительно-исторический подход, реализованный в работах представителей модернизационной перспективы (С. Блэк, Ш. Эйзенштадт, Д. Растоу, С.М. Липсет, Б. Мур, Р. Бендикс и др.), был ориентирован на выявление общих стадий или фаз модернизации; особых путей; комбинаций подобных «вертикальных» и «горизонтальных» категориальных классификаций. В итоге были достигнуты определенные успехи в выявлении страновых вариантов модернизации.

К числу наиболее интересных тем здесь по-прежнему относится вопрос о факторах дифференциации страновых ответов на вызовы модернити. Одна из последних концептуальных схем по данному вопросу принадлежит немецкому исследователю Д. Зенгхаасу, который, пытаясь объяснить все нынешнее разнообразие национальных вариантов развития европейского капитализма, выделяет четыре дифференцирующих фактора: 1) общий уровень социально-экономического развития, достигнутый страной к тому моменту, когда внешняя конкуренция начинает оказывать непосредственное влияние на внутренний рынок (т.е., насколько значительному разложению уже подверглись традиционные экономико-правовые структуры и продвинулась техническая модернизация в сельском хозяйстве, промышленности и

⁵¹ Там же. С. 64–70

⁵² Там же. С. 70.

в сфере торговли данной страны); 2) размеры внутреннего рынка (малые страны изначально подвергаются большей внешней конкуренции по сравнению с крупными, поскольку более значительная часть их ВВП участвует во внешнеторговом обороте); 3) время вступления страны в промышленную конкуренцию (чем позднее, тем более велик накопленный страной разрыв со странами-лидерами); 4) выбор экономической стратегии (широкий спектр вариантов адаптации к условиям внешней конкуренции включает как активное участие в международном разделении труда, открывающее возможность успешной модернизации, так и самоизоляцию, сопряженную в перспективе с малопродуктивным хозяйственным дирижизмом)⁵³.

Далее, следует помнить, что за анонимными структурами и «законами развития» стоят конкретные действия исторических персонажей, осознанные или неосознанные, массовые или уникальные, что в процессе модернизации всегда шла борьба между разными силами, одни из которых всегда (или временно) поддерживали новации и структурирование новых отношений, а другие постоянно (или, опять же, в определенные промежутки времени) отстаивали традиционные институты и ценности. При этом на каждой фазе модернизации, в каждый ее исторический момент происходило осмысление, сопровождавшееся переоценкой наследия, выбраковкой устаревшего, разработкой и усилением новационных элементов. Здесь можно сослаться на концепцию рефлексивного модерна, согласно которой процесс модернизации нельзя превращать в элементарный кумулятивный процесс, в рамках которого старое последовательно превращается в новое⁵⁴. Таким образом, модернизационный переход следует рассматривать как реальный исторический процесс, результирующий противоборство различных социальных и политических группировок, столкновение мнений и стратегий, полный драматизма, героических рывков вперед и катастрофических отступлений. Это одно из перспективных направлений изучения страновых моделей модернизации.

Региональный уровень. Менее освещенным по-прежнему остается субстрановой уровень модернизационных процессов. Между тем,

⁵³ См. в книге: Западноевропейские страны: Особенности социально-экономических моделей. М., 2002. С. 15–21; Социально-экономические модели в современном мире и путь России. М., 2005. Кн. 2: Социально-экономические модели (из мирового опыта). С. 311–318.

⁵⁴ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000.

без исследования субстрановой динамики модернизации вряд ли возможно получение глубоких знаний о сути данного процесса. Необходимость исследования модернизации на региональном (субстрановом) уровне обусловлена значимостью пространственных измерений модернизации, территориальной неоднородностью модернизационных процессов, вариативностью «поведения» территориальных единиц в контексте модернизации (конвергенция и дивергенция; восходящая, нисходящая или циклическая динамика). Модернизационные процессы разворачивались в пространственно определенных условиях, которые определяли возможности и ограничения для модернизации, навязывали ей определенный пространственный формат. Страновая модель перехода от традиционности к современности, как и локально ограниченные деятельности, ее созидающие, несли отпечаток не только общей логики процесса модернизации (структурная дифференциация, рационализация, мобилизация и т.д.), но и места его протекания.

Отказ от трактовки модернизации как единого процесса системной трансформации распространяется и на территориальные (региональные и субрегиональные) общности, которые могут по-разному вести себя в общестрановом модернизационном контексте – выступать региональным фактором модернизации (например, Москва, Петербург, Урал в Российской империи XVIII столетия) или, напротив, тормозом, «якорем» отсталости, амортизирующим модернизационные импульсы, исходящие из центра или более продвинутых регионов (например, Юг в Италии или центральные и южные области в Испании XIX века). Естественно, складывающиеся в ходе модернизации пространственные конфигурации не остаются неизменными. Тот же Урал, бывший территориальным фактором ранней протоиндустриальной модернизации, в значительной степени растерял ко второй половине XIX века свой трансформационный потенциал, уступив лидерство в сфере металлургического производства более динамично развивавшемуся Югу (что не отрицает возможности начала в первых десятилетиях XX века новой масштабной модернизации уральской металлургической промышленности⁵⁵).

Локальный уровень. Необъятный простор для исследований представляет локальный уровень. Разнообразие ситуаций модернизации (локальные агенты модернизации или ее противники; реакции

⁵⁵ См.: Алексеев В.В., Гаврилов Д.В. Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней. М., 2008. С. 447–502.

локальных сообществ на модернизационные процессы, включение в них или их отторжение, переживание, приспособление, избегание и т.д.) разрастается здесь до наивысших пределов. Самое главное – это самостоятельный уровень исследования, который невозможно заместить знаниями, добытыми, допустим, при изучении страновых или субстрановых модернизационных процессов. Естественно, адекватным инструментом изучения локальных проявлений модернизации может стать микроисторический инструментарий⁵⁶ с его ориентацией на детальный анализ реальной жизни и взаимоотношений множества людей, стремлением увидеть преломление общих процессов «в определенной точке реальной жизни», установкой на реконструкцию («расплетение») «всякой социальной констелляции» как «результата взаимодействия бесчисленных индивидуальных стратегий».

Попытаемся рассмотреть воздействие темпорального фактора на динамику модернизации, учитывая сложно-дифференцированную природу исторического времени. Совершенно очевидным оказывается тяготение над ходом модернизации своего рода «рока» прошлого времени. Естественно воздействие на динамику, темпы, да и сам характер модернизации цивилизационного, институционально-культурного наследия, что подтверждает институциональный подход, в частности теория «траекторной» зависимости.

Рассуждая о широком, массированном влиянии цивилизационного фундамента на динамику и характер развития страны в модернизационном контексте, следует особо коснуться вопроса о воздействии конкретных традиций (традиционных технологий, институтов, символов и ценностей) на ход модернизации. Вопрос этот уже получил серьезную разработку в исследованиях. Модернизация в различных странах действительно приобретает национальное своеобразие, потому что обычно опирается на специфические индигенные традиции.

⁵⁶ См.: *Репина Л.П.* Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории // Социальная история. Ежегодник, 1989/99. М., 1999. С. 7–38; *Савельева И.М., Полетаев А.В.* Микроистория и опыт социальных наук // Там же. С. 101–119; *Кром М.М.* Историческая антропология. СПб., 2004; Прошлое – крупным планом: Современные исследования по микроистории. СПб., 2003; История и антропология: междисциплинарные исследования на рубеже XX–XXI веков. СПб., 2006; *Гинзбург К.* Микроистория: две-три вещи, которые я о ней знаю // Современные методы преподавания новейшей истории. М., 1996. С. 207–234; *Леви Дж.* К вопросу о микроистории // Там же. С. 167–190.

Так, в России в ходе модернизации имперского периода заметную роль сыграло предпринимательство староверов, опиравшихся на традиционное вероучение, которое было адаптировано к меняющимся условиям. В.В. Керов предложил концепцию генезиса установок, обеспечивших зарождение и развитие мотивации старообрядцев на активное и успешное предпринимательство⁵⁷. Теоретические построения Керова базируются на тезисе, что начальный период модернизации, как правило, сопровождался духовно-религиозным обновлением. Действительно, сопряженность «старой веры» и предпринимательства в России XVIII – начала XX века очевидна. По мнению В.В. Керова, активное включение старообрядцев в хозяйственную практику было обусловлено конфессионально-этическими сдвигами, которые осуществились на основе развития положений православного богословия XVII века, реинтерпретации традиционных христианских текстов в новых социально-политических и социально-экономических условиях, следствием чего и стали новые конфессиональные ценности, религиозность особого типа, которая характеризовалась активностью вероисповедания, строгостью в соблюдении религиозно-этических норм, преданностью конфессиональным принципам, религиозным рационализмом, аскетизмом.

Начало мировоззренческой трансформации положил протопоп Аввакум, призвавший вместо пассивного ожидания Зверя, Антихриста, активно готовиться к наступлению Царствия Божьего, к спасе-

⁵⁷ Керов В.В. «Се человек и дело его ...»: Конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства в России. М., 2004; *Он же*. Конфессионально-этическая мотивация хозяйствования староверов в XVIII–XIX веках // Отечественная история. 2001. № 4. С. 18–40; *Он же*. «О Новый Израиль! Утолите, ушере фабриками и капиталами...»: взаимодействие старообрядческого предпринимательства и монастырей на благо веры в XVIII – первой половине XIX в. // Экономическая история России XVII–XX вв.: динамика и институционально-культурная среда: Сб. ст. памяти Л.В. Сапоговецкой. Екатеринбург: УрО РАН, 2008. С. 239–248; *Он же*. Модернизационная практика старообрядчества и регионально-ориентированная модель модернизации России // Цивилизационное своеобразие российских модернизаций: региональное измерение: материалы Всероссийской научной конференции, 2–3 июля 2009 г. / отв. ред. И.В. Побережников. Екатеринбург: ИИиА УрО РАН; БКИ, 2009. С. 75–84; *Он же*. «...Чтобы работали хорошую доброту»: стремление к высокому качеству продукции как элемент деловой культуры старообрядческого предпринимательства // Урал индустриальный: Бакунинские чтения: мат-лы IX Всерос. науч. конф. Екатеринбург, 8–9 окт. 2009 г.: в 2 т. Екатеринбург, 2009. Т. 1. С. 27–33.

нию, что предполагало деятельное обеспечение спасения собственных бессмертных душ и, что важнее, Веры и Церкви, вне которой невозможно индивидуальное спасение. Но созданные на периферии страны старообрядческие общезиждителства (типа Выгореции в Поморье) в тяжелых природных условиях оказались на грани физического существования. Для спасения душ необходимо было создать достаточно эффективную хозяйственную основу в земном мире.

По мнению В.В. Керову, староверам это и удалось сделать благодаря трансформации трудовой этики, складыванию уже в начале XVIII в. духовной концепции «труда благого», признавшей душеспасительным физический, в том числе интенсивный труд; религиозному оправданию предпринимательства, в том числе «купецкого дела», ранее считавшегося источником стяжательства и обогащения; формированию в начале XIX в. новой духовной концепции Дела, согласно которой старовер-хозяин ощущал себя не столько частным собственником, работающим для возрастания богатства, сколько организатором, несущим ответственность перед Богом и обществом, исполняющим личный христианский подвиг. Новая духовно-этическая концепция, ориентировала на предпринимательство современного типа, способствовала складыванию новой деловой культуры, важнейшими компонентами которой стали личная честность и добросовестность, обязательный личный организаторский труд хозяина, личная ответственность за дело предпринимателя и его работников, стремление к укреплению и развитию предприятия, ответственность предпринимателя перед сообществом и обязательность использования части результатов деятельности для староверческой общины. Таким образом, мы можем видеть, как идеология прошлого, традиционное вероучение, встраивается в модерн, адаптируясь к его потребностям и придавая ему оттенок национального своеобразия.

Однако прошлое может оказывать влияние на будущее не только подобным способом. Оригинальная концепция предпринимательства, предложенная американским исследователем Э. Хагеном⁵⁸,

⁵⁸ *Hagen E.E.* How Economic Growth begins: A Theory of Social Change // Finkle J.L., Gable R.W. (eds.). *Political Development and Social Change*. N.Y., London, Sydney, 1966. P. 129–139; *idem.* *Structures sociales et croissances économiques*. P., 1970. Вторая работа указанного автора была основательно проанализирована Р. Будонем. См.: *Будон Р.* Место беспорядка. Критика теорий социального изменения. М., 1998. С. 100–111.

свидетельствует, что социальные трансформации прошлого, меняющие социальный статус человека, могут отозваться эхом через длительный интервал времени, вызывая к жизни вполне реальные социальные сдвиги модернизационного характера. Автор подверг критике теории, выдвинутые экономистами, за их неспособность объяснить ряд значимых модернизационных случаев, таких, например, как динамичное развитие Японии в XIX в. или Колумбии в начале XX в. Обе страны развивались без какой-либо посторонней помощи и до начала своего впечатляющего экономического роста относились к числу бедных стран. Оба случая, по мнению Э. Хагена, невозможно объяснить при помощи переменных экономического характера, на которые обыкновенно акцентировали свое внимание исследователи-экономисты. В обоих случаях экономическое развитие, утверждал Хаген, было обусловлено формированием прослойки предпринимателей, которая не возникает спонтанно, в момент появления спроса, как полагали авторы экономических теорий.

Хаген обратил внимание на непропорционально высокую долю среди предпринимателей Японии выходцев из класса самураев. Что же касается Колумбии, то в этой стране среди предпринимателей непропорционально высоким был удельный вес выходцев из провинции Антиокья, существенно превосходивших по численности выходцев из столичной провинции Кундинамарка, более значимой в политическом и культурном отношениях. При этом автор отмечал одну существенную черту, свойственную и самураям, и жителям провинции Антиокья: тех и других можно было считать деклассированными элементами. Самураи, несшие прежде службу у своих сеньоров, были лишены своего статуса и возможности выполнять прежние функции и обречены на социальный статус деклассированных элементов в результате политики централизации, которую с начала XVII в. проводили могущественные правители Японии (сёгуны) из династии Токугава принялись в ущерб власти крупных феодалов (распад самурайского сословия особенно ускорился с середины XVIII в.). Жители же провинции Антиокья, как и Боготы, были потомками испанских колонистов, прибывших в XVII в. на поиски золота и серебра в Новую Гренаду. Драгоценные металлы в тот период были обнаружены в провинции Антиокья – в районе Боготы их не нашли. Соответственно, жители Антиокьи стали старателями, а поселенцы, обосновавшиеся в Боготе, принялись за обработку земли.

Но уже с середины XVII века шахты, в которых добывались золото и серебро, начали постепенно утрачивать прежнюю рентабельность, вследствие чего жители Антиокьи были обречены на процесс пролетаризации. Провинция Антиокья превращалась, в глазах жителей соседней Боготы, в жалкие задворки страны.

Но именно из самураев в Японии в эпоху Мэйдзи стали формироваться деловые люди; аналогичным образом, когда в начале XX века Колумбия вступила на путь индустриализации, жители Антиокьи стали превращаться в предпринимателей. Опираясь на проведенный анализ индустриального развития Японии, Колумбии и ряда других стран, Хаген пришел к выводу, что коллективное деклассирование выступает в качестве одной из причин становления динамичной прослойки предпринимателей, поскольку подобные люди были якобы одержимы идеей возвращения своего утраченного статуса.

Концепция Э. Хагена, который обращается к прошлому тех или иных социальных групп с целью объяснения их активного включения в процессы индустриального развития, противостоит прямолинейным подходам, сторонники которых склонны трактовать модернизацию как прямолинейный детерминистический процесс, включающий стандартный набор стадий.

Порой модернизационные процессы демонстрируют своего рода транстемпоральность, проявляясь в то время, когда им, вроде бы, уже не место и не время. Данный тезис можно проиллюстрировать примером из истории протоиндустриализации. Теория протоиндустриализации преимущественно применяется для объяснения процессов экономического развития в период до промышленной революции и начала современного экономического роста. Однако в действительности не исключается возможность для параллельного протоиндустриального развития в разных масштабах и в условиях полноценной индустриальной модернизации, поскольку ручной труд зачастую сохраняется с появлением фабричного производства.

При этом степень присутствия протоиндустриальных форм в рамках полноценной индустриализации следует учитывать при характеристике и типологии регионально-страновых вариантов модернизации. Так, по мнению М. Танимото, японскую индустриализацию после 1880-х годов и в первой половине XX века следует трактовать как «альтернативную историческую траекторию», поскольку она в значительной степени базировалась на развитии средне- и мелкомасштаб-

ного производства, использовавшего интенсивный семейный труд и организационную модель «путтин-аут-систем»⁵⁹. Интересно, что подобные гибкие формы весьма эффективного семейного предпринимательства широко распространены и в современных экономиках различных стран мира – например, Японии, Китая, Турции⁶⁰, Италии⁶¹ (семейный бизнес и кластерная организация промышленности – подобию японских «индустриальных округов» – стали основой экономического подъема с конца 1970-х годов Северо-Востока и Центра страны, получивших, благодаря профессору А. Баньяско, звучное наименование «Третья Италия»; за пределами страны эта модель известна также как «итальянская модель индустриализации», «диффузная индустриализация» или «модель Эмилии-Романьи»).

Далее, действенная роль темпорального измерения модернизации обусловлена также влиянием временного фактора (исторического момента) на сами механизмы модернизации, которые, возможно, не остаются неизменными, но трансформируются с течением времени и в зависимости от конкретных исторических ситуаций. Так, свою концепцию исторической трансформации движущих сил модернизации американский экономический историк А. Гершенкрон формулирует в связи с рассмотрением особенностей становления современного предпринимательства⁶². Он подвергает критике понятие предпосылок индустриализации, занимавшее существенное место во множестве концепций перехода от традиционного к современному обществу (так, согласно У. Ростоу, временам быстрого индустриального роста должны предшествовать более или менее длительные, от страны к стране, периоды, в течение которых создавались «предпосылки» современной индустриализации; некоторые экономические историки доказывали, что необходимыми предпосылками для последующей

⁵⁹ *Tanimoto M.* Labour Intensive Industries in Industrial Districts – Another phase of Japan's "Industrialization" // <http://eh.net/XIIICongress/cd/papers/25Masayuki247.pdf>; *Idem.* The Role of Tradition in Japan's Industrialization: A Perspective of "Indigenous Development" // <http://www.e.u-tokyo.ac.jp/cemano/research/DP/documents/coe-f-26.pdf>.

⁶⁰ *Utku B., Esra S.* Home-based Work in Istanbul: Varieties of Organization and Patriarchy // http://www.spf.boun.edu.tr/docs/HBW_in_Istanbul_Varieties_of_Organization_and_Patriarchy.pdf.

⁶¹ Социально-экономические модели в современном мире и путь России. М., 2005. Кн. 2: Социально-экономические модели (из мирового опыта). С. 497–500.

⁶² *Gershenkron A.* The Modernization of Entrepreneurship // *Modernization: The Dynamics of Growth*. New York, London: Basic Books Inc., 1966. P. 246–257.

индустриализации являются аграрные реформы, включая изменения в системе землевладения, отмену крепостничества, увеличение производительности сельского хозяйства; историки-марксисты настаивали на том, что предпосылкой для обеспечения индустриального рывка должно стать предварительное накопление капитала в течение весьма длительного исторического периода; обратной стороной концепции исторических предпосылок являлось утверждение о невозможности индустриализации в случае их отсутствия).

В действительности же, как утверждает Гершенкрон, индустриальный рост нередко осуществляется как раз в условиях отсутствия так называемых необходимых предпосылок, т.е. при незавершенных аграрных преобразованиях, при недостатке предындустриальных накоплений («первоначального накопления капитала», по терминологии советских историков). «И, рассуждая исторически, – пишет историк, – концепция необходимых предпосылок терпит крах, потому что экономическая жизнь содержит многие альтернативные решения, так что в тех странах, где так называемых необходимых предпосылок не было, для них были разработаны разного рода заменители в ходе самого индустриального развития»⁶³.

В связи с проблемой предпосылок индустриализации Гершенкрон продолжает обсуждение вопроса о модерном предпринимательстве, в частности, тезиса о становлении современного предпринимательства как о предпосылке модерного индустриального развития. Он признает, что исторический опыт ряда европейских стран вроде бы подтверждает данное положение, т.е. в отдельных случаях можно проследить корни (предпосылки) модерного предпринимательства в относительно далеком историческом прошлом (например, подобные корни можно обнаружить в опыте ремесленников в период позднего средневековья – ведь во многих случаях институциональный порядок ремесленных цехов содействовал распространению среди их членов духа мастерства, гордости за качество изделий, честности во взаимодействиях с партнерами, – т.е. всего того, что позднее стало характерными чертами индустриальному предпринимательству). Не отрицает американский историк и роли протестантизма в обеспечении установок честности и бережливости, пожизненной преданности делу, склонности к инновациям, столь важных для модерного пред-

⁶³ Ibid. P. 251.

принимательства, хотя и оставляет при этом открытым вопрос о причинности в подобных ситуациях – были ли обусловлены такие установки доктринами протестантизма или приверженностью преследуемому меньшинству.

Но при этом исследователь склонен трактовать деятельность предпринимателей скорее как неотъемлемую черту самого процесса индустриализации (и модернизации), нежели его предпосылку. «Предприниматели используют капитал и нанимают рабочую силу с целью производства промышленных товаров, – подчеркивает А. Гершенкрон, – но это и есть сама индустриализация; это как раз и есть сами условия любого разумного определения индустриализации»⁶⁴. Он отвергает тезис ряда концепций экономической модернизации, которые настаивают на том, что предпосылкой индустриализации является утверждение в обществе в качестве доминирующей системы ценностей, благоприятствующей предпринимательской деятельности, оправдывающей, одобряющей и стимулирующей ее. Историческая действительность нередко противоречит данному положению, поскольку зачастую предпринимателям приходилось действовать достаточно эффективно в условиях господства ценностной системы, скорее враждебной по отношению к таким действиям.

Кроме того, концепции, акцентирующие внимание на «социальном одобрении», по мнению Гершенкрона, игнорируют тот факт, что во многих стратифицированных и сложных обществах одобрение со стороны отдельных групп может соотноситься с неодобрением со стороны других. Гершенкрон полагает, что ключом для объяснения проблем индустриализации и предпринимательства может стать концепция «заместителей», суть которой заключается в том, что в ситуациях отсутствия тех или иных предпосылок для индустриального развития их роль переходила к «заместителям». По мнению исследователя, имела определенная зависимость между количеством и качеством «заместителей» и уровнем экономического развития страны: «чем более отсталой была страна накануне ее большого индустриального скачка, чем меньше было в ней элементов, которые могли бы быть трактоваться как предпосылки индустриализации, тем более широко и интенсивно использовались «заместители» таких предпосылок»; «в более развитых странах преиндустриальный период был более раз-

⁶⁴ Ibidem.

нообразным и красочным, в то время как их индустриальная эпоха представляется относительно стандартной. По контрасту, предындустриальный ландшафт относительно отсталых стран был довольно беден, в то время как история их индустриализации – намного более сложной и вариативной, поскольку она осуществлялась посредством использования заместителей различного типа»⁶⁵.

А. Гершенкрон делает попытку применить свою концепцию для объяснения индустриального развития Германии и России в XIX в. Дело в том, что обе страны страдали от недостатка т.н. предпосылок индустриализации. Что касается России, то к концу XIX в. в ней было немного способных предпринимателей, ограниченным был их временной горизонт, низкими – стандарты их коммерческой честности; отношение народных масс и интеллигенции к действиям предпринимателей отличалось подозрительностью. Подобные же отрицательные особенности были характерны и для Германии середины XIX в. (пусть в меньшей степени; в частности, честность в коммерческих сделках была довольно высока, вероятно, как следствие опыта ремесленных цехов прошлых столетий). То есть обе страны демонстрировали то, что можно назвать отсутствием или ограниченным присутствием предпосылок для современного предпринимательства. Согласно классическим теориям, в данных странах не могла осуществиться индустриализация. Тем не менее, во второй половине XIX в. Германия совершила впечатляющий индустриальный рывок, который поставил ее вровень с Англией, бывшей тогда «мастерской мира». Россия перед первой мировой войной отставала от Германии по абсолютным показателям, но ее индустриальное развитие в 1880-х – 1890-х гг. стало своеобразным историческим рекордом; нормы индустриального роста, достигнутые в те годы, далеко превосходили нормы роста, когда-либо до того демонстрируемые Германией. Как же такое могло случиться на фоне только что упомянутых препятствий, задается вопросом А. Гершенкрон. Его ответ один – обе страны сумели успешно развить «заместители» отсутствовавших в исторической реальности «предпосылок».

«Дефицит предпринимателей, – пишет А. Гершенкрон, – можно исправить или заместить путем увеличения масштабов производства, расширения масштабов предприятия сверх его оптимального разме-

⁶⁵ Ibid. P. 255.

ра. В Германии, некомпетентность индивидуальных предпринимателей была возмещена дифференциацией предпринимательской функции: немецкие инвестиционные банки – мощное изобретение, сопоставимое по своему экономическому эффекту с паровым двигателем – в своей инвестиционной деятельности оказались заместителями первоначального накопления, охотно предоставив капиталы в распоряжение предпринимателей. Банки, кроме того, выполняли функцию заместителей в силу недостаточности предпринимателей. Используя выгоды своего центрального положения, банки принимали активное участие в формировании главных – и иногда даже не самых главных – решений индивидуальных предприятий. Именно они очень часто намечали пути роста предприятий, разрабатывали перспективные планы развития, использовали технологические и организационные новшества, принимали меры по слиянию компаний и их расширению. До некоторой степени, хотя менее эффективно, подобные воздействия испытывали российские предприниматели со стороны имперской бюрократии – прежде всего, со стороны министерства финансов, которое также выполняло функцию замещения, подобно тому, как это делали немецкие банки, и в целом преследовало похожую политику индустриального роста. В России, конечно, количественный и качественный недостаток предпринимателей был также облегчен импортом из-за границы иностранного предпринимательского таланта, хотя степень его не должна преувеличиваться»⁶⁶.

Существенную роль в исторических ситуациях отсутствия или недостатка предпосылок индустриализации, по мнению А. Гершенкрона, принадлежала государству, которое, в частности, в условиях недостатка «социального одобрения» деятельности предпринимателей, доминирования в обществе неблагоприятных для них ценностей, использовало свой аппарат – власть судебной машины, полиции и армии – для того, чтобы защитить предпринимателей и их интересы от социальных сил, которые были враждебны по отношению к ним, не говоря уже о многих установленных законом условиях, которые преследовали ту же самую цель.

Подводя итоги, А. Гершенкрон подчеркивает, что элементарные обобщения неприемлемы при обсуждении процессов современной индустриализации, отличавшихся крайним разнообразием. Вариация дан-

⁶⁶ Ibid. P. 255–256.

ных процессов в зависимости от степени отсталости той или иной страны сказывалась и на характере предпринимательства. Индустриальное развитие было возможно даже в тех странах, в которых исторические предпосылки современного предпринимательства были представлены слабо или вообще отсутствовали, так как человеческая изобретательность сумела открыть множество способов их замещения. Гершенкрон отмечает, что для становления современного предпринимательства более важным, чем всякие исторические предпосылки, был собственно процесс индустриализации, поскольку в его контексте статус предпринимателей быстро поднимался, а они сами обрели столь необходимый опыт предпринимательской деятельности.

В контексте модернизации форма, динамика, характер самих процессов оказываются зависимыми от временного фактора, что наглядно иллюстрируют исследования, посвященные демократизации. Демократизация является одним из важнейших subprocessов модернизации, что обуславливает пристальное внимание сторонников модернизационной парадигмы к данной теме. При этом в контексте модернизационного подхода получили распространение структурные модели демократизации, которые опираются на анализ структурных причин, акцентируют зависимость между некоторыми экономическими и социокультурными факторами и вероятностью установления и сохранения демократических режимов в разных странах. На этом фоне представляет интерес изучение демократизации выдающимся представителем современной исторической макросоциологии, противником априорных схем Ч. Тилли. По его определению, демократизация означает общие сдвиги «в сторону более широкого по охвату, более равноправного по сути, более защищенного и более обязательного к исполнению согласования по поводу назначений на политические посты и принятия государственных решений»; соответственно, дедемократизация – «это движение к более узким, менее равным, менее защищенным и менее взаимообязывающим процедурам обсуждения»⁶⁷. Обращаясь к теме демократизации, Тилли пытается установить связь между такими параметрами, как историческое время, уровень демократии, потенциал государства, коллективные действия.

Рассмотрим, как работает теоретический подход Тилли при изучении исторических процессов. Обращаясь к анализу демократизации

⁶⁷ Тилли Ч. Демократия. М., 2007. С. 29.

во Франции на протяжении XVII–XX вв., автор выделяет несколько значительных периодов демократизации (1789–1793, 1815–1848, 1870–1940, 1944–), а также де-демократизации (1651–1789, 1793–1814, 1851–1870, 1939–1943). Вообще, согласно его концепции, в изучаемый период, если воспользоваться терминами «потенциал государства/демократия», Франция проделала очень сложное по траектории движение: в начале XVII в. она была в самой низшей точке демократии и потенциала государства, так как вышла с большими потерями из грандиозных религиозных войн XVI века. К середине XVII в. воинственные короли несколько восстановили потенциал государства, но в период Фронды 1648–1653 гг. страна вновь попадает в анархическую зону низкого потенциала государства и минимальной демократии. Затем, при Людовике XIV, начинается восстановление контроля над регионами страны; потенциал государства растет вплоть до революции 1789 года, при этом идет отступление от всего того, что хоть как-то могло напоминать демократию (региональные правители и анклавы теряли независимость). В 1789 г. во Франции начался эксперимент с демократическими формами, но вскоре усилия революционеров по борьбе с внутренними и внешними врагами вновь привели к укреплению потенциала государства за счет демократии. Затем, с конца наполеоновских войн до конца Второй мировой войны страна постоянно меняла курс, переживая всплески то демократизации, то де-демократизации; причем на каждом этапе потенциал государства возрастал. В послевоенный период во Франции было создано, наконец, демократическое государство с высоким потенциалом, которое до сих пор существенно не изменило траектории развития⁶⁸.

Французский опыт демократизации, по мнению Тилли, опровергает представление «о демократизации как постепенном, продуманном и необратимом процессе, как о готовом наборе политических изобретений, которые народ просто применяет там и тогда, где и когда он к этому готов», и демонстрирует, напротив, что «необходима борьба и толчок как для построения демократии, так и для отхода от нее»⁶⁹. Это очень интересно, поскольку тот же С. Хантингтон, полагавшийся на свою структурную модель, настаивал на последовательности, постепенности, неконфликтности, как условиях нормального, эффективного, устойчивого демократического процесса.

⁶⁸ Там же. С. 51–54.

⁶⁹ Там же. С. 51.

Еще одно важное измерение в исследовании демократизации Ч. Тилли, это определение влияния на процессы демократизации коллективных действий. Для идентификации активности населения Тилли вводит понятие «революционной ситуации», под которой понимаются все случаи, «когда какая-нибудь вооруженная группа, при поддержке достаточно большого числа граждан, устанавливала контроль над значительной территорией и/или имела в своих руках значительные сегменты государственного аппарата в течение месяца или больше»⁷⁰. Оказалось, что «революционные ситуации», сопровождавшиеся «значительной фрагментацией государственного контроля над населением, ресурсами и территорией», периодически складывались на всем протяжении изучаемого периода во Франции, что дает основание сделать вывод, что «демократизация во Франции была результатом революционной борьбы»⁷¹.

Какие выводы для модернизационного подхода можно вынести из рассмотрения модели демократизации, предложенной Ч. Тилли? Эта модель подкупает своим историзмом и динамичностью за счет включения темпорального измерения, что выгодно отличает ее от статичных структурных моделей. Своим исследованием Ч. Тилли в очередной раз доказывает, что необходимо учитывать историческое время, в котором оказываются структуры или процессы, поскольку время привносит различия в их характер.

Ч. Тилли не забывает, что исторический процесс создается действиями людей; поэтому включение в качестве еще одного измерения коллективных действий («революционных ситуаций») многое проясняет: оказывается, что демократизация – не автоматический процесс, регулируемый анонимными законами, а постоянная борьба, в которой участвуют разные социально-политические группы, интересы, проекты, манифесты.

В модели вместо заранее предписанного направления движения утверждается открытость, альтернативность и многонаправленность исторической динамики. Исторический процесс в модельном развертывании оказывается нелинейным, постоянно меняющим направление, что соответствует сложной исторической действительности.

Невозможно утверждать, что все это абсолютно внове для последователей модернизационной перспективы, которая сама не является

⁷⁰ Там же. С. 54–55.

⁷¹ Там же. С. 56.

однородной: неомодернизационный анализ давно открыт всем методологическим новациям социальных и гуманитарных наук последнего времени (в частности, усвоены историзм, акционизм, альтернативность), но при этом порой исследователи ссылаются и опираются на устаревшие модернизационные подходы классического периода.

Завершая, необходимо признать глубокое и многостороннее воздействие временного фактора на ход, темпы, характер модернизационных процессов. Данное воздействие включает опосредованное временем влияние предшествующих структур и действий на будущее, трансформацию со временем самих механизмов модернизации, а также воздействие на формы, структуры, протяженности тех или иных процессов и явлений. Исследование доказывает, что необходимо учитывать историческое время, в котором оказываются структуры или процессы, поскольку время привносит различия в их характер.

Российская имперская модернизация – фронтирный вариант

Применительно к российской истории установление взаимосвязи между модернизационными процессами и цивилизационной динамикой заслуживает особого внимания. Дело в том, что пограничное месторасположение страны в целом между различными цивилизационными мирами оказывало и продолжает оказывать существенное влияние на ее исторические судьбы и цивилизационную специфику, существенно усложняя последнюю.

Споры по поводу цивилизационного статуса страны не стихают. Ответы на этот вопрос можно свести к следующим позициям: часть (филиал) западной цивилизации; цивилизация восточного типа; своего рода мост, «фильтр» между Западом и Востоком, гибрид восточной и западной цивилизации; уникальная цивилизация, отличная от Европы и от Азии, от Запада и от Востока (Евразия); последовательность субцивилизаций в рамках единого цивилизационного феномена; не самостоятельная цивилизация, а своеобразный ансамбль цивилизаций и этнокультурных анклавов, неоднородное, сегментарное общество (недоцивилизация)⁷². Действительно, целый ряд фактов (наличие опреде-

⁷² *Ерасов Б.С.* Цивилизации: Универсалии и самобытность. М., 2002. С. 419–461; *Кантор В.К.* «...Есть европейская держава». Россия: трудный путь к цивилизации. Историко-философские очерки. М., 1997; *Он же.* Русский европеец как явление культуры. М., 2001; *Он же.* Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса. К проблеме имперского сознания в России. М., 2008; *Панарин А.С.* Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2002; *Семенникова Л.И.* Кон-

ленной целостности, мощной способности к регенерации после «смут» и расколов, тенденции к цивилизационной экспансии), все же, свидетельствует в пользу признания цивилизационной самостоятельности и социокультурной целостности России. Специфика последней в структурном плане может быть адекватно описана при помощи концепта «пограничной» цивилизации (считается, что подобная цивилизация характеризуется относительной молодостью, социокультурной гетерогенностью, симбиотичностью, наличием двух или нескольких культурно-ценностных «ядер», возможно, антиномичностью и социокультурными дивергенциями). Российская цивилизация складывалась на протяжении столетий, расширяя свою территорию во всех направлениях. В таких условиях цивилизационная пограничность обуславливалась не только естественной социокультурной многоядерностью цивилизационной матрицы, но и наличием фронтирных зон, где имели место этноцивилизационные контакты. Зонами цивилизационного пограничья в рамках российской цивилизации длительное время являлись южные, северные и восточные регионы страны – юг и север европейской России, Кавказ и Закавказье, Поволжье, Урал, Сибирь, Дальний Восток, Казахстан и Средняя Азия.

цепт цивилизации в современной историографической ситуации в России // История России: Теоретические проблемы. М.: Наука, 2002. Вып. 1. С. 28–45; *Кобица-нов Ю.М.* Место исламской цивилизации в этноконфессиональной структуре Северной Евразии-России // Общественные науки и современность. 1996. № 2. С. 91–99; *Ионов И.Н.* Российская цивилизация и ее парадоксы // История России: Теоретические проблемы. С. 139–150; *Он же.* Парадоксы российской цивилизации (По следам одной научной дискуссии) // Общественные науки и современность. 1999. № 5. С. 115–116; *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта. В 2 т. Новосибирск, 1997–1998; *Ильин В.В., Ахиезер А.С.* Российская цивилизация: содержание, границы, возможности. М., 2000; *Кондаков И.В.* Введение в историю русской культуры. М., 1997; *Флиер А.* Цивилизация и субцивилизация в России // Общественные науки и современность. 1993. № 6. С. 70–83; Цивилизация. Восхождение и слом: Структурообразующие факторы и субъекты цивилизационного процесса. М., 2003; Россия как цивилизация: Устойчивое и изменчивое. М., 2007; *Шаповалов В.Ф.* Истоки и смысл российской цивилизации. М., 2003; *Яковенко И.Г.* Российское государство: национальные интересы, границы, перспективы. Новосибирск, 1999; *Проскурякова Н.А.* Концепции цивилизации и модернизации в отечественной историографии // Вопросы истории. 2005. № 7. С. 153–165; *Стрелецкий В.Н.* Этнокультурные предпосылки регионализации России // Географические процессы и проблемы. М., 2001. С. 10–11; *Суворов Д.В.* Смена субцивилизаций и модернизационные волны в культурно-историческом развитии России / Автореф. дисс. ... канд. культурологии. Екатеринбург, 2006.

Колоссальное пространство России, разнообразие ее природно-климатических условий, богатство полезными ископаемыми имели неоднозначные последствия для исторической динамики страны в целом и отдельных ее сфер. Пространственный фактор оказывал существенное воздействие на внутренний строй страны, ее территориальную морфологию. Исторически получилось так, что по меньшей мере на протяжении XVIII – начала XX в. российская модернизация осуществлялась в условиях продолжавшегося расширения территории страны, присоединения новых земель и их освоения. Данная особенность странового развития не была уникальной, характерной только для России, она проявлялась также в истории многих, в первую очередь, «больших» стран, в частности, таких как США, Канада, Австралия, Новая Зеландия, страны Латинской Америки, Китай.

Модернизацию в условиях незавершенного освоения можно квалифицировать как фронтирную. Как известно, концепция фронта, сформулированная в начале 1890-х гг. американским исследователем Фр.Дж. Тёрнером для объяснения истории США XIX в., стала удобным познавательным инструментом для изучения стран, в прошлом которых существенную роль играла колонизация, континентальная экспансия, имелись «свободные земли», были свои «запад» и «восток». Последователи концепции Тёрнера расширили понимание фронта, показав односторонность тёрнеровского представления о пограничных условиях как ключевом факторе формирования страновых особенностей и обратив внимание на несомненную значимость для истории общества традиций, «ввезенных» из метрополии, характера и степени интенсивности взаимоотношений «ядра» и «границы», «запада» и «востока»⁷³. Классическую известность приобрел анализ

⁷³ Тёрнер Ф.Дж. Фронтир в американской истории. М., 2009; Саймонс А.М. Социальные силы в американской истории. М., 1925; Кук Р. Граница и метрополия: опыт Канады. М., 1970 (XIII Международный конгресс исторических наук, М., 16–23 августа 1970 г.); Кушнер Г. Постоянство «идей границы» в американской мысли // Новый взгляд на историю США: Американский ежегодник, 1992. М., 1993. С. 136–151; Шейд У. Дж. Не только граница: значение Фредерика Джексона Тернера для исследования ранней республики // Американский ежегодник, 2002. М., 2004. С. 9–32; Ефимов А.В. «Свободные земли» Америки и историческая концепция Ф.Д. Тернера // Из истории общественных движений и международных отношений / Сб. памяти в память акад. Е.В. Тарле. М., 1957. С. 548–560; Болховитинов Н.Н. США: проблемы истории и современная историография. М., 1980; Lattimore O. Inner Asian Frontiers: Chinese and Russian Margins of Expansion //

нобелевским лауреатом экономистом Д. Нортom глубоких различий в историческом опыте США и Латинской Америки, обусловленных, по его мнению, следованием разным институциональным традициям, различными институциональными преемственностями (англосаксонской и иберо-христианской, соответственно)⁷⁴.

Попытаемся концептуализировать фронтирную модернизацию применительно к истории России. Следует начать с того, что условия присоединения и освоения оказывали воздействие на дальнейший ход модернизации⁷⁵. Для нас важно подчеркнуть то, что исторически формировавшиеся в первичном русско-православном ядре и в зонах фронтиров освоения регионы в итоге различались административно-управленческими, хозяйственными, социально-сословными, этнокультурными ландшафтами, что создавало предпосылки для вариации степени их проницаемости для импульсов модернизации.

Фронтирная динамика обладала своей логикой: обычно после присоединения новой территории происходила «фронтиризация» – формирование пограничных зон, наделенных особыми признаками; затем пограничные территории постепенно утрачивали «фронтирные»

Studies in Frontier History. Collected Papers. Paris, 1962. P. 138–152; *Bappem T.* Линии неопределенности: Северокавказский «фронтир» России // Американская русистика: веки историографии последних лет. Императорский период. Антология. Самара, 2000. С. 166–177; *Kanneler A.* Южный и восточный фронтир России в XVI–XVIII веках // *Ab Imperio*. 2003. № 1. С. 47–64; *Рибер А.* Меняющиеся концепции и конструкции фронта: сравнительно-исторический подход // Новая имперская история постсоветского пространства. Казань, 2004. С. 108–119; *Агеев А.Д.* Сибирь и американский Запад: движение фронтиров. М., 2005; *Резун Д.Я., Ламин В.А., Мамсик Т.С., Шиловский М.В.* Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2001; Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в 17–20 вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2002; Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в 17–20 вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2003. Вып. 3; *Резун Д.Я.* Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2005; *Резун Д.Я., Шиловский М.В.* Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005.

⁷⁴ *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997. С. 145–150; Он же. Институты и экономический рост: историческое введение // *THESIS*. 1993. Т. 1, № 2. С. 69–91.

⁷⁵ *Kanneler A.* Формирование Российской империи в XV – начале XVIII века: наследство Руси, Византии и Орды // Российская империя в сравнительной перспективе: Сб. ст. / Под. ред. А.И. Миллера. М., 2004. С. 98–108.

свойства, интегрируясь в общестрановое пространство; происходила «дефронтализация». Однако данный процесс не следует представлять упрощенно, поскольку вследствие фронтальной многослойности (географический фронт между различными природно-климатическими зонами, социальный фронт между различными жизненными укладами, милитарный фронт между враждебными сообществами, социокультурно-конфессиональный фронт между разными ценностными и культурными традициями⁷⁶) эрозия фронтальных признаков протекала с разными скоростями в различных измерениях.

Для России как страны фронтальной модернизации был характерен освоенческий синдром, что выразилось в подвижности населения; дифференциации пространства страны на центр (ядро) и периферию, различавшиеся по демографическим, социальным, экономическим, административным, культурным признакам; в наличии доступных пограничных областей, богатых ресурсами и служивших клапаном для разрядки социальных проблем более плотно заселенных регионов; в возможности для лиц и групп, считавших себя незаслуженно обиженными, не сумевших обеспечить себе удовлетворительных условий существования, мечтавших культивировать нетрадиционные представления, переселиться в пограничные области; в потребности в дополнительной рабочей силе, необходимой для разработки избыточных ресурсов; в проблеме адаптации и ассимиляции, возникавшей вследствие притока мигрантов на периферийные территории; в растянутости по времени колонизационных процессов (заселение, аграрное, промышленное освоение); в экстенсивном характере аграрной экономики; в региональных, этнокультурных контрастах и диспропорциях, в различной степени заселенности и освоенности территорий; в социально-сословной и этноконфессиональной мозаике и т.п.

Хорошо известно, что присоединение новых территорий продолжалось и в XIX в. (Кавказ и Закавказье, Средняя Азия, Дальний Восток). Наличие больших массивов слабозаселенных территорий создавало предпосылки для дальнейшего переселения, миграций, разрядки демографического давления в густонаселенных районах. Еще В.О. Ключевский заметил: «История России есть история страны, которая колонизируется. <...> Так переселение, колонизация стра-

⁷⁶ Канпелер А. Южный и восточный фронт России // *Ab Imperio*. 2003. № 1. С. 48.

ны была основным фактом нашей истории, с которым в близкой или отдаленной связи стояли все другие ее факты»⁷⁷. Колонизация тормозила переход от экстенсивных к интенсивным методам освоения пространства, закрепляла низкотехнологичные уклады в центре страны, транслировала их на периферию, ослабляя таким образом целый ряд модернизационных по своей природе процессов, таких как урбанизация, индустриализация и т.д.

Расширение территории, с одной стороны, увеличивало ресурсы для хозяйственного развития, способствовало складыванию обширного внутреннего рынка, но при этом, с другой стороны, объективно создавало предпосылки и возможности для ориентации на самодостаточное, автаркическое развитие. В терминологии Ф. Броделя, Россия представляла собой мир-экономику – самодовлеющую структуру, которая «затрагивает лишь часть Вселенной, экономически самостоятельный кусок планеты, способный в основном быть самодостаточным, такой, которому его внутренние связи и обмены придают определенное органическое единство»⁷⁸. Поскольку Россия представляла собой мир-экономику со своим собственным институциональным порядком, взаимодействия с другими мирами-экономиками были чреваты для нее значительными транзакционными издержками, которых она, естественно, стремилась избежать.

Необходимо также учитывать, что доминирующий восточный вектор российской колонизации со временем увеличивал удаленность страны от моря, что в плане торговли способствовало росту транспортных издержек при перевозке товаров и делало более дорогостоящей интеграцию страны в международное разделение труда⁷⁹. В то же время огромные пространства затрудняли создание транспортной инфраструктуры для обеспечения налаженной и скорой связи потребителей с производителями, для нормального функционирования рынка. Недооценивать это обстоятельство в контексте модернизационных процессов не следует, так как транспортный фактор имел ре-

⁷⁷ Ключевский В.О. Сочинения: В 9-ти т. М., 1987. Т. I: Курс русской истории. Ч. 1. С. 50–51.

⁷⁸ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. М., 1992. Т. 3: Время мира. С. 14.

⁷⁹ См.: Нольте Г.-Г. Западная и Восточная Европа перед лицом глобализации // Экономическая теория на пороге XXI века – 7: Глобальная экономика. М., 2003. С. 593.

шающее значение для становления современного индустриального общества. Поскольку организация рыночной инфраструктуры в определенном смысле есть покорение пространства, постольку для России, в силу ее территориально-климатических условий, данный процесс был в значительной степени заторможен.

Очевидно, что в контексте фронтирной модернизации транспортному фактору принадлежит повышенная роль. Хорошо известно, какое значение для индустриализации и интеграции стран имело железнодорожное строительство в США и Канаде в XIX в. В России железные дороги также содействовали ускорению развития окраинных регионов, стимулировали рост в них промышленности, городов. Благодаря созданию общеуральской железнодорожной сети был образован рынок промышленного сырья и топлива, получили развитие внутрирегиональные экономические связи, был дан импульс регионализации социально-экономических и социокультурных процессов в крае. Единственная в России к началу XX в. трансконтинентальная железная дорога, Транссиб, соединившая Сибирь с европейской частью страны, сразу же способствовала ликвидации былой обособленности региона, интенсификации хозяйственного освоения восточных районов, стимулировала миграцию и переход сельского хозяйства к рынку. Строительство Транссибирской магистрали явилось крупнейшим событием промышленной революции в Сибири: относительно дешевая и надежная доставка оборудования облегчила обеспечение новейшими механизмами, паровыми и электрическими двигателями сибирской промышленности. Вообще, последовательность индустриализации в Сибири и в Европейской России существенно отличалась: если в последней модернизация последовательно охватывала легкую, затем тяжелую промышленность, транспорт и т.д., то в Сибири промышленный переворот, как считают специалисты, начинался именно с транспорта, с водного транспорта, а затем – с железной дороги, которые создавали условия индустриализации прочих промышленных секторов⁸⁰.

⁸⁰ *Гаврилов Д.В.* Горнозаводский Урал XVII–XX вв.: Избранные труды. Екатеринбург, 2005; *Букин С.С., Исаев В.И., Тимошенко А.И.* Сибирь в модернизационной стратегии России (конец XIX – начало XX в.) // Экономическая история Сибири XX века. Барнаул, 2006. Ч. 1. С. 66–73; *Супонницкая И.М.* Опыт освоения земель: Сибирь и Запад // Российско-американские отношения в прошлом и настоящем: Образы, мифы, реальность / Материалы международной конферен-

Необходимо при этом учитывать, что значительная часть вновь присоединенных территорий, особенно на востоке, отличалась суровыми природно-климатическими условиями (холодный, засушливый континентальный климат), малоблагоприятные для ведения сельского хозяйства, сезонного и находившегося в сильной зависимости от климатических колебаний, что не могло не сказываться негативным образом на общей динамике экономических и социальных отношений. Так, по мнению Л.В. Милова, следствием низкого естественного плодородия почвы и недостатка в силу климатических условий рабочего времени являлись невысокий уровень производительности труда и агротехнической культуры, что повлекло учреждение крепостнического режима как механизма распределения и перераспределения небольшого по объему прибавочного продукта, укрепление государства – гаранта крепостнической системы, а также длительное сохранение общинных форм жизнедеятельности среди крестьян, обеспечивавших солидарное поведение последних в хозяйственной, социокультурной и прочих сферах⁸¹. Впрочем, недостаточно благоприятные природно-климатические условия могут стимулировать и интенсификацию труда, создавая, таким образом, предпосылки для социального и экономического прогресса. В литературе уже обращалось внимание на отсутствие жесткой зависимости между природно-климатическими условиями и уровнем социально-экономического развития, что ярко иллюстрируется хозяйственным и социальным прогрессом, достигаемым в неблагоприятной географической среде, и, наоборот, стагнацией или регрессом в экологических нишах, вроде бы запрограммированных на противоположный результат⁸².

Земли, которые присоединялись или относительно недавно присоединенные территории, к которым, в частности, можно отнести восточные регионы России – Урал и Сибирь, продолжали осваиваться в эпоху модернизации, когда страна в целом проходила прито-

ции, посвященной 200-летию установления дипломатических отношений между Россией и США, РГГУ (Москва), 21–22 февраля 2007 г. М., 2007. С. 134–143; *Она же*. Равенство и свобода. Россия и США: сравнение систем. М., 2010; *Тимошенко А.И.* Проекты социально-экономического развития Сибири в XX в.: концепции и решения. Исторические очерки. Новосибирск, 2007.

⁸¹ Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998; Павленко Н.И. Петр Великий. М., 1994. С. 39–41.

⁸² Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Т. 1. С. 53–65.

раннеиндустриальную стадии модернизации. Так, только с середины XVIII в. началось мощное земледельческое освоение Южного Урала (Оренбуржье). Большие массивы свободной земли были распаханы в Башкирии, Предуралье и Зауралье во второй половине XIX – начале XX века. Аграрное освоение региона создавало базу для обеспечения местной промышленности собственным хлебом и другими сельскохозяйственными продуктами. Что касается Сибири, то в XVIII–XIX вв. продолжался процесс присоединения и закрепления территорий на юге региона, а также на Дальнем Востоке; продолжалась нарастающими темпами аграрная колонизация⁸³.

Кроме того, интенсивное развитие на Урале, а затем и на юге Западной Сибири, на Алтае, получила промышленная колонизация, развернувшаяся в первой половине XVIII века. Уральский историк В.Г. Железкин выделяет следующие характерные черты ранней индустриализации колонизационного типа на Урале: 1) в качестве организационной формы промышленности крупная металлургическая мануфактура с цеховым и внутрицеховым разделением труда, которая возникала без промежуточных стадий и вытесняла мелкотоварное производство не конкурентоспособностью, а с помощью запретительных мер (указ сибирского губернатора 1717 года, закон об «огнедействующих» заведениях); 2) многопрофильное хозяйство, базирующееся на латифундиальной земельной собственности, а не завод как таковой, в качестве основной отраслевой единицы; следствие этого – основная отрасль – не металлургия, а горнозаводское дело, которое объединяет целый ряд производств (в традиционной, а не колонизационной модели развития промышленности, они обычно функционируют как отдельные отрасли: добыча руды, углежжение, металлургия, металлообработка, транспорт, промышленное строительство и т.д.); 3) принудительная мобилизация рабочей силы путем прикрепления различных социально-сословных групп и категорий населения к заводам, в т.ч. с переселением их из других районов; 4) доминирующая роль государства в регулировании промышленного развития, компенсирующая недостаточное развитие внутреннего рынка; покровительственная политика государства переходит в административное вмешательство в дела промышленности, государство выступает в

⁸³ *Шиловский М.В.* Геополитическая значимость Азиатской России для России в XVII – начале XX в. // *Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития.* Екатеринбург, 2008. С. 648–653.

роли крупнейшего заводовладельца; рынок преимущественно регулирует лишь размер денежной прибыли от продажи металла⁸⁴. Вероятно, эти характеристики с определенными поправками можно экстраполировать и на Сибирь.

Еще одно важное следствие продолжающегося фронта — это необходимость обеспечить условия для мирного стабильного развития в ситуации «пограничья» и наличия порой враждебного «соседства». Со времен раннего средневековья больших усилий требовало противостояние «степной» угрозе. По мере расширения территории страны возрастала потребность в обороне преимущественно открытых границ, в организации контроля над обширными пространствами. Находясь во враждебном окружении, страна постоянно вынуждена была доказывать свое право на существование, на суверенитет. В связи с этим политические процессы обгоняли экономические — достаточно сильное централизованное государство, необходимое в условиях низкой плотности населения, особенно на окраинах, и небольшого по объему прибавочного продукта для обеспечения обороны от внешней агрессии, независимости, сложилось относительно рано, не имея адекватной экономической основы. Раннее формирование достаточно эффективного традиционалистского государства, накопившего длительный опыт централизованного управления в противостоянии внешним угрозам, имело серьезные последствия для динамики и характера начавшейся позднее модернизации. Именно традиционалистские правительства обыкновенно инициировали программы ограниченной или защитной модернизации, разрабатывавшиеся в значительной степени для консервации традиционного общества и защиты его от более интенсивных и радикальных изменений.

Раннее складывание сильного государства обусловило высокую степень централизации государственной администрации, в том числе институтов, отвечавших за разработку и проведение хозяйственной политики. Догоняющая природа российской модернизации, ее мобилизационный характер лишь усиливали роль централизованного государственного аппарата, осуществлявшего контроль за трудовыми отношениями, проведение политики таможенного протекционизма, занимавшегося созданием корпораций и ряда монополий⁸⁵. Неиз-

⁸⁴ Опыт российских модернизаций. XVIII–XX века. М., 2000. С. 147–148.

⁸⁵ См.: Роуни Д. Методологические аспекты изучения истории России. (Зависимость от пути развития и плановая политика в СССР) // Материалы научных

менное доминирование политических целей над хозяйственно-экономическими как следствие специфического пути развития, обусловленного в конечном счете географическими факторами, сохраняло силу в контексте российских модернизаций.

Что касается «фронтирных» территорий, то их характерным признаком являлась заметная милитаризация, проявлявшаяся в размещении фортификационных сооружений, регулярных воинских частей, поселенных иррегулярных формирований (Яицкое (Уральское), Оренбургское казачество, Башкиро-мещерякское войско на Урале; Сибирское, Семиреченское, Забайкальское, Амурское, Уссурийское казачьи войсковые организации – в Сибири и на Дальнем Востоке)⁸⁶, установлении особых военизированных форм администрации (военный губернатор, генерал-губернатор, наместник).

Колонизационная специфика накладывала сильнейший отпечаток на развитие административно-территориальной системы на востоке страны, в частности, учреждение специальных центральных органов управления с региональной компетенцией. Так, первоначально, в 1580–1590-е годы, Сибирь была подчинена Посольскому приказу, затем перешла в ведомство приказа Казанского дворца, наконец, с 1637 г. была подчинена Сибирскому приказу⁸⁷. Центральные учреждения местного управления вводились для отдельных окраин России и в более поздний период («местные органы верховного управления», по определению известного историка государственного права В.В. Ивановского⁸⁸) существования министерской

чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. М.: Изд-во «Мосгорархив», 1997. С. 224–229.

⁸⁶ История казачества Азиатской России. Екатеринбург, 1995. Т. 1: XVI – первая половина XIX века; Т. 2: Вторая половина XIX – начало XX века; *Огурцов А.Ю.* Военно-инженерная политика русского правительства в Западной Сибири в XVIII в. / Автореф. дисс. ... к.и.н. Свердловск, 1990; *Пузанов В.Д.* Военные факторы русской колонизации Западной Сибири. Конец XVI–XVII вв. СПб., 2010; *Пережогин А.А.* Военизированная система управления Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа (1747–1871 гг.). Барнаул, 2005.

⁸⁷ *Вершинин Е.В.* Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998; *Копылов А.Н.* Органы центрального и воеводского управления Сибири в конце XVI–XVII в. // Известия СО АН СССР. 1965. № 9. Сер. обществ. наук. Вып. 3. С. 80–88; *Власть в Сибири. XVI – начало XX века.* Межархивный справочник. Новосибирск, 2002. С. 8–16, 121–124, 131–134.

⁸⁸ *Ивановский В.В.* Русское государственное право. Т. 1. Ч. 2: Местные установления. Казань, 1898. С. 7.

системы. Их значение, по мнению В.В. Ивановского, состояло в том, что «носитель верховной власти подчиняет управление в таких местностях своему непосредственному регулированию». В условиях министерской системы, межведомственной разобщенности территориальные комитеты в определенной степени повышали скоординированность действий ведомств и эффективность региональной политики центрального правительства. К числу подобных учреждений относились, в частности, Кавказский и Сибирские комитеты, Комитет Западных губерний, Комитет по делам Царства Польского. Так, специфика Сибири подчеркивалась регулярным созданием и воссозданием центральных органов регионального управления типа Комитета по делам сибирского края, I и II Сибирских комитетов, Комитета Сибирской железной дороги (их прообразом был Сибирский приказ), в компетенцию которых входила разработка важнейших законодательных и административных актов, определявших магистральные линии сибирской политики правительства, координация деятельности различных ведомств.

С начала XVIII века административно-территориальное устройство осуществлялось в контексте проведения политики модернизации, предусматривавшей в перспективе рационализацию и унификацию системы управления, замену в конечном счете исходного многообразия и специфики административных форм внутренне усложненной моновариантной моделью, предполагавшей рост централизации и бюрократизации управления, постепенное совершенствование системы административно-территориального деления, эволюционное утверждение бюрократической системы местного управления, усиление иерархических связей в управлении, сокращение дистанции между государственной властью и населением, внедрение разделения управленческого труда на местном уровне, становление государственной службы, вытеснение административного обычая законодательными актами в нормативном регулировании процессов административного устройства. Однако недостаточно глубокая интегрированность большинства территорий на востоке России вносила существенные коррективы в общий курс административного благоустройства. Управленческие структуры Востока России длительное время сохраняли черты особенности, отличности от соответствующих структур центральных регионов России. Причем эта особенность возрастала по мере движения на восток.

При этом административное освоение порой опережало хозяйственное и социокультурное. Основные принципы и этапы административной интеграции восточных регионов в единое имперское пространство, своеобразного «административного фронта», были довольно точно сформулированы, как отмечал историк А.В. Ремнев, в отчете восточно-сибирского генерал-губернатора Д.Г. Анучина за 1879 год: первоначально на вновь присоединенных территориях вводятся сильная и в значительной степени автономная военно-административная система управления в виде генерал-губернаторства или наместничества, сохраняются традиционные институты власти для аборигенного населения, создаются лишь самые необходимые государственные учреждения на местах, прежде всего полицейские и фискальные; со временем, по мере упрочения связей «окраины» с «ближайшими частями государства, когда тяготение к русскому центру укреплялось вполне и местные условия сглаживались и приближались к общим русским, правительство решалось ввести такую область в общую систему управления и непосредственно подчинить ее центральным правительственным установлениям»⁸⁹. С этой точки зрения, резюмирует А.В. Ремнев, существовавшее административное устройство Сибири рассматривалось как «переходная форма».

Маркером фронтирной модернизации выступает разновекторная диффузия. Освоение предполагает интенсивную контактность, складывание в регионе многоэтничного по составу населения. В результате миграционных процессов носители разнообразных этнокультур оказывались в новых географических и климатических условиях, вступали в контакты с представителями иных культур и менталитетов. Процесс освоения новых пространств требовал максимального разнообразия культурных навыков и резюмировался формированием различных хозяйственно-культурных типов. Нередко новые природно-климатические условия оказывались контрастно несхожими с условиями мест выхода, порой экстремальными для переселенцев. Шанс выжить в подобных ситуациях прямо зависел от потенциальных возможностей культуры мигрантов-колонистов адаптироваться к новым условиям. Этот процесс мог быть облегчен этнокультурным взаимодействием и заимствованиями из культур

⁸⁹ Цит. по: *Ремнев А.В.* Самодержавие и Сибирь в конце XIX – начале XX века: проблемы регионального управления // *Отечественная история*. 1994. № 2. С. 63.

автохтонных народов, уже приспособившихся к специфической среде обитания. С другой стороны, контакт местного населения с пришлым создавал и для первого предпосылку для совершенствования собственной культуры. На все эти процессы диффузионного характера модернизация накладывала трансфер технологий, социальных институтов, культурных ценностей западного, преимущественно – западноевропейского, происхождения⁹⁰.

Естественным следствием пограничности периферийных регионов, продолжения на их территории освоенческих процессов, межэтнической миксации, интерференции диффузий традиционного и современного типов становилась конгломератность, то есть длительное сосуществование и устойчивое воспроизводство пластов разнородных моделирующих элементов и основанных на них отношений (согласно концепции А.Д. Богатурова и А.В. Виноградова, данные пласты образуют внутри общества анклав, эффективная организованность которых дает им возможность выживать в рамках обрамляющего общества-конгломерата)⁹¹.

Когда модернизация исторически запаздывала, проводилась вынужденно, она могла усиливать фрагментарность общества, способствовать не нивелировке (социокультурной, региональной, хозяйственной – естественный модернизационный процесс), но, напротив, росту социальной асимметрии. Асимметрия могла нарастать и в рамках субстранных регионов. Так, экономическая модернизация на Урале на протяжении XVIII–XIX вв. привела к возникновению горнозаводского сектора промышленности, занявшего со временем ведущие позиции не только в региональной промышленности, но в экономике страны. Горнозаводской сектор по мере своего развития превратился в важнейший фактор экономической модернизации Урала, но при этом в ходе модернизации существенно усилилась конгломератность Урала. Дело в том, что протоиндустриальная модернизация XVIII в. сопровождалась интенсивной диффузией западноевропейского опыта –

⁹⁰ Алексеева Е.В. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII – начало XX в.). М., 2007; Диффузия технологий, социальных институтов и культурных ценностей на Урале (XVIII – начало XX в.). Екатеринбург: УрО РАН, 2011; *Курлаев Е.А., Корепанов Н.С., Побережников И.В.* Техничко-технологические инновации в горно-металлургическом производстве Урала в XVII–XVIII вв. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2011.

⁹¹ *Богатуrow А.Д., Виноградов А.В.* Анклавно-конгломератный тип развития. Опыт транссистемной теории // Восток-Запад-Россия. М., 2002. С. 109–128.

технологического и организационного, включая переселение на Урал приглашаемых для работы иноземных специалистов⁹². Очаговый характер модернизации резюмировался созданием промышленных анклавов, окруженных сохранявшейся традиционной аграрной периферией⁹³. Даже в конце XIX в. хотя уральская горная промышленность и захватывала Пермскую, Уфимскую, Оренбургскую и отчасти Вятскую и Вологодскую губернии, но в наибольшей степени она была развита в Пермской губернии (составлявшей центр «горнозаводства» на Урале), в меньшей – в Уфимской и Оренбургской.

В еще большей степени неравномерность и очаговость были характерны для модернизации зауральской части России. Так, экономическая модернизация в Сибири в течение XVIII – начала XX в. вела к возникновению современных или протомодерных экономических форм, имевших анклавную локализацию (преимущественно в Тобольской и Томской губерниях на рубеже XIX–XX вв. или вдоль транссибирского транспортного коридора)⁹⁴, к пространственной дифференциации Азиатской России на узкие относительно современные зоны и периферийные территории, которые лишь в слабой степени испытывали импульсы общестрановой модернизации (к ним, в частности, можно отнести обширные тундровые и таежные северные округа, занимавшие 4/5 территории Сибири)⁹⁵. То же можно сказать о результатах социокультурной или административной модернизации.

Более того, анклавность составляла суть самой модернизации, поскольку в ее процессе широко применялись традиционные институты и социальные технологии – в частности, внеэкономическое принуждение для мобилизации трудовых ресурсов и феодальные приви-

⁹² Алексеева Е.В. Роль экзогенных факторов в формировании индустриальных цивилизаций // Цивилизационное своеобразие российских модернизаций: региональное измерение: материалы Всероссийской научной конференции, 2–3 июля 2009 г. Екатеринбург, 2009. С. 46–54.

⁹³ Голикова С.В., Миненко Н.А., Побережников И.В. Горнозаводские центры и аграрная среда в России: взаимодействия и противоречия (XVIII – первая половина XIX века). М., 2000.

⁹⁴ Букин С.С., Исаев В.И., Тимошенко А.И. Сибирь в модернизационной стратегии России (конец XIX – начало XX в.) // Экономическая история Сибири XX века. Барнаул, 2006. Ч. 1. С. 66–73; Сибирь в составе Российской империи. М., 1997; Тимошенко А.И. Проекты социально-экономического развития Сибири в XX в.: концепции и решения. Исторические очерки. Новосибирск, 2007.

⁹⁵ К подобным периферийным территориям внутри самой Сибири можно, например, отнести тундровые и лесотундровые районы Тобольского Севера.

легии и монополии для обеспечения экономической элиты необходимыми производственными ресурсами. Так, успехи уральской, алтайской, нерчинской горнодобывающей и металлургической промышленности на протоиндустриальной стадии развития во многом достигались за счет привлечения принудительного труда мастеровых и работных людей в основном производстве и приписных крестьян на вспомогательных работах⁹⁶. Рыночные отношения отвоевывали свои экономические и социальные ниши еще до буржуазных реформ середины XIX в., но, с другой стороны, последние не привели к моментальному и повсеместному внедрению в экономику рыночных механизмов хозяйствования. Элементы внеэкономического принуждения длительное время сохранялись после отмены крепостного права.

Пространственное измерение значимо для России, огромной страны, которая всегда характеризовалась очевидным региональным разнообразием, многоуровневостью развития составляющих ее территорий. Помимо субстранных регионов-моторов модернизации всегда существовали ее периферийные зоны. К числу последних, в частности, относился Север Сибири. Экономика северных областей Сибири, как, впрочем, и экономика северных регионов Северной Америки (в частности, канадских) на протяжении фактически XVII–XIX вв. носила ярко выраженный «фронтальный» характер. Север Западной Сибири был первым зауральским регионом, с которым познакомились славяне. Именно здесь были проложены первые пути в Сибирь. Северо-Западная Сибирь длительное время служила каналом проникновения русских вглубь сибирских просторов, на Енисей и Лену⁹⁷. При этом освоение северных территорий Западной Сибири имело свою существенную специфику, которая обуславливалась огромной площадью, крайне суровыми природно-климатическими условиями, малонаселенностью, малочисленностью населения по сравнению с более южными районами. В конце XV – XVII в. произошло присоединение Северо-Западной Сибири и народов, ее насе-

⁹⁶ Адамов В.В. Об оригинальном строе и некоторых особенностях развития горнозаводской промышленности Урала // Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности. Свердловск, 1972. С. 225–256.

⁹⁷ Побережников И.В. Пространственные модели русского освоения Северо-Западной Сибири (XII – начало XX в.) // Новгородская Земля – Урал – Западная Сибирь в историко-культурном и духовном наследии. В 2-х частях. Екатеринбург: БКИ, 2009. (Проблемы истории России. Вып. 8.) Ч. 2. С. 299–317.

лявших, к Российскому государству. Основными фигурами русского освоения выступали, наряду с администрацией и военно-служилым элементом, торговцы и промысловики. В XVIII столетии к процессам освоения начинает активно подключаться церковь. Параллельно с политическим присоединением, а то и обгоняя его, получили развитие процессы хозяйственного и социокультурного освоения.

Северо-Западная Сибирь представляла собой периферию Российской империи в XIX – начале XX в. Тем не менее, регион испытывал импульсы модернизации, которая период разворачивалась в этот период в общероссийском масштабе. Проявлениями модернизации стали: 1) рационализация административно-территориального устройства, восходящая еще к началу XVIII века, но при этом длительная консервация локальных отличий, в значительной мере обусловленная сохранением традиционных структур низового управления⁹⁸; 2) интенсификация хозяйственно-экономической интеграции края в рыночную макроструктуру страны (складывание в регионе многоукладного комплекса хозяйственных связей пришлого и коренного населения; деформация традиционного хозяйства аборигенов под влиянием пришлого населения и его торгово-промышленного капитала; проникновение товарно-денежных отношений в туземную среду, ведущее к коммутации ясака, развитию среди части коренных жителей, включенных в сферу русского влияния, рыбопромышленного предпринимательства, товарного рыболовства); 3) рост интереса к окраинам как к источникам ресурсов для растущей экономики страны и заметная активизация имевших практический характер географических исследований на Обском Севере; 4) активизация миссионерско-просветительской деятельности на севере Западной Сибири (христианизация коренных народов края отличалась поверхностным характером и неравномерностью, но она сопровождалась распространением просвещения, трансформацией норм обычного права, появлением новых тем и образов в искусстве туземного населения; более глубоким было русское влияние в сфере материальной культуры местных народов – происходили изменения в жилище, летней одежде, системе пи-

⁹⁸ Судьбы народов Обь-Иртышского Севера (Из истории национально-государственного строительства. 1822–1941 гг.) / Сборник документов. Тюмень, 1994; Сословно-правовое положение и административное устройство коренных народов Северо-Западной Сибири (конец XVI – начало XX века): Сборник правовых актов и документов. Тюмень, 1999.

тания, внедрялись покупные вещи вместо традиционных, трансформациям подвергались производственные технологии)⁹⁹.

При этом освоение данных территорий осуществлялось крайне медленными темпами. Если в более южных районах Сибири стадия промыслового освоения уже с начала XVII в. была дополнена аграрно-земледельческой колонизацией, а в XVIII в. – промышленной, то в Северо-Западной Сибири торгово-промысловая колонизация затянулась до первых десятилетий XX в. Большинство населения Северо-Западной Сибири в начале XX в. жило еще в условиях традиционности, а проблемы освоения явно превалировали над проблемами модернизации. Тем не менее, в XIX – начале XX века освоенческие процессы приобрели более комплексный и динамичный характер, что способствовало ускорению интеграции региона в общестрановое пространство¹⁰⁰. В качестве гипотезы можно высказать мысль, что на Севере «эхо» общероссийской модернизации пока еще лишь стимулировало ускорение процессов освоения региона.

Процесс освоения Дальнего Востока имел ряд особенностей. Тихоокеанская территория была присоединена и освоена позже, чем Сибирь. Закрепление за Россией левобережья Амура, Приморья и Сахалина относится лишь в середине и второй половине XIX в. Динамика русского освоения тихоокеанских берегов была обусловлена действием ряда факторов: крайняя отдаленность региона от центра, сложная геополитическая ситуация, международная конкуренция, пограничные конфликты с Цинской империей, длительная неурегулированность вопросов границы¹⁰¹. В этой связи особенно велика была в процессе освоения Дальнего Востока роль государства, серьезный акцент делался на повышение обороноспособности региона. Под эгидой государства начиная с Первой и Второй Камчатских экспедиций проводились академические исследования территории Дальнего Востока, направленные на разведку естественных богатств,

⁹⁹ Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск, 1975; Ямал – знакомый и неизвестный. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1995; История Ямала. Екатеринбург, 2010. Т. 1: Ямал традиционный. Кн. 2. Российская колонизация.

¹⁰⁰ Побережников И.В. Север Западной Сибири в контексте российской модернизации XIX – начала XX века // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2013. № 3 (23). С. 44–52.

¹⁰¹ Киреев А.А. Специфика дальневосточной границы России: теория и история // Ойкумена. 2009. № 2. С. 73–75.

открытие, освоение и закрепление за Россией новых земель в этой части Тихого океана, создание условий для заселения края, расширения земледелия, торговли и промыслов.

Для освоения и закрепления тихоокеанских владений России нужны были поддерживаемые правительством мощные купеческие компании с монопольными правами и значительным капиталом, которые поддерживались бы правительством. В 1799 г. указом Павла I была учреждена Российско-Американская компания, в дальнейшем активно содействовавшая укреплению российских позиций на Дальнем Востоке, а также освоению Аляски и Курильских островов¹⁰².

Лишь во второй половине XIX в., после стабилизации границы на Дальнем Востоке, активизировалось освоение территорий Приамурья и Уссурийского края, где были поселены казаки и привлекались переселенцы-крестьяне. Колонизация по-прежнему в значительной мере мотивировалась стратегическими соображениями. Специалисты отмечают связь переселенческой политики в Приамурье с внешнеполитической обстановкой (так, бюджетные ассигнования на переселения конца 1850-х и начала 1880-х гг. были связаны в первом случае со второй опиумной войной и существенной военной угрозой Приамурью от англичан и французов, во втором случае – с военной опасностью со стороны Китая на рубеже 1870–1880-х гг. в связи со спором на центрально-азиатском участке русско-китайской границы)¹⁰³.

В 1850-е гг. были основаны важнейшие торговые и административные центры на Дальнем Востоке: Николаевск, Благовещенск, Хабаровск, Владивосток, что стимулировало развитие промышленности и сельского хозяйства в крае. В 1890-е гг. построен Уссурийский участок Транссибирской магистрали, в 1897–1903 гг. – Китайско-Восточная железная дорога, что в совокупности с мерами по заселению и основанию городов способствовало закреплению дальневосточной окраины за Россией, а также ее социально-демографическому, хозяйственному и социокультурному развитию. При этом именно государство играло ключевую роль в колонизации Дальнего Востока, регули-

¹⁰² *Галлямова Л.И.* Дальний Восток в контексте государственной политики России на Тихом океане // *Россия и АТР.* 2012. № 4. С. 29–34.

¹⁰³ *Илларионов А.А., Барбенко Я.А., Харчевникова Е.С.* Принципы реализации колонизационной политики правительства в Приморской области рубежа XIX–XX вв.: управление развитием транспорта, промышленности и переселения // *Ойкумена.* 2009. № 3. С. 117.

руя приток переселенцев на Тихоокеанскую окраину в ходе «столыпинской» аграрной реформы, выступая главным субъектом строительства Транссибирской магистрали, КВЖД и Амурской железной дороги¹⁰⁴. Правда, в процессе сооружения Транссибирской магистрали и её дальневосточных звеньев на службу государственным интересам привлекалось и частное предпринимательство, подрядчики казны, которые выполняли большую часть работ на низовом уровне, а также доставляли на стройку необходимые материалы¹⁰⁵.

Таким образом, к характеристикам фронтирной модернизации в России XVIII – начала XX в. можно отнести сохранявшее свою значимость освоение в разнообразных проявлениях, особую роль военно-административного элемента, гетерогенность в социальном, экономическом, культурном отношениях. Фронтирная модернизация в общем способствовала еще большему усложнению развития России, подчеркиванию ее цивилизационно-культурного своеобразия. Ключевыми факторами складывания социокультурного ландшафта страны становились колонизация новых земель, миграции народов, их смешение и чересполосное расселение, образование гибридных этнокультурных групп и синкретических мировоззренческих комплексов. В формирование политико-культурной «палитры» страны вносили свой вклад различные региональные этноконфессиональные, социокультурные группы, каждая из которых обладала своим своеобразным, порой уникальным, историческим опытом, своими приверженностями и предрассудками. При этом характер и динамика модернизации существенно различались во фронтирных обществах периферии Российской империи. Вариативность была обусловлена размерами регионов, разницей во времени их присоединения, составом населения, геополитическим положением и уровнем безопасности, ресурсным обеспечением, временем начала модернизации, ролью государства и рынка как механизмов развития, природно-климатическими условиями территорий.

¹⁰⁴ *Галлямова Л.И.* Дальний Восток в контексте государственной политики... С. 34–36; *Бурилова В.С.* История формирования территориально-промышленных структур Приморского края в середине XIX – начале XX в. Владивосток: Дальнаука, 2003.

¹⁰⁵ *Илларионов А.А., Барбенко Я.А., Харчевникова Е.С.* Принципы реализации колонизационной политики... С. 115.

ГЛАВА 2

Естественнонаучные и гуманитарные подходы к мировой истории

Огромное воздействие на изменение исторического сознания оказали процесс глобализации и возникновение глобалистики (Global studies) – междисциплинарного (экологическо-демографического, политического, экономического, социального и культурного) изучения человечества. К 1970-м гг. возник холистский образ мира как взаимосвязанного целого (Д. Бом), Д. Хелд стал определять глобальность как систему, единое (single) целое, в рамках которого любое локальное событие определяется событиями в других локусах и наоборот. Соответственно менялась задача изучения прошлого. Д. Маклин призывал «понять исторический процесс нарастания глобализации социальных отношений и дать ему объяснение». Однако уже в 1990-е гг. Р. Робертсон указал на сложное взаимодействие глобального и локального (глокализация)¹. На этой почве возникли новые направления исторического знания, такие как глобальная, интернациональная, транснациональная и транскультурная, перекрестная история.

Анализ историографических процессов в мировой истории последних десятилетий затрудняет совершенно новая познавательная ситуация, в которой историческое знание перестало быть монодисциплинарным, слабая связанность исходных естественнонаучных и гуманитарных подходов к истории, большая разница между радикальными и умеренными их проявлениями; разновекторность эпистемологического и методологического развития отдельных вариантов этих подходов; противоречивость процессов их эволюции и наличие инверсионных потоков. Для того чтобы оценить значение этих явлений для развития мировой и глобальной истории, надо сосредоточиться на исходной ситуации и постепенно двигаться вперед, прослеживая возникавшие варианты эволюции.

В послевоенный период на развитие общественных наук и истории влияли такие разные импульсы, как переосмысление трагического

¹ См. *Ионов И.Н.* Мировая история в Глобальный век: Новое историческое сознание. М., 2015. С. 43–44, 59–63.

опыта мировой войны, нацизма и особенно Холокоста, процесс утраты европейскими державами (прежде всего Великобританией и Францией) центральной роли в мировой политике, процесс деколонизации и быстрого экономического развития ряда стран Азии, мировая демократическая революция 1968–69 гг., связанная с утверждением идеологии прав человека, нарастающий глобальный экологический кризис. Параллельно происходят историзация естественнонаучного сознания, связанная с утратой представления об обратимости физического времени (в теории синергетики) и социологизация профессионального исторического сознания, породившие иллюзию легкой осуществимости продуктивного синтеза этих тенденций и придания историческому знанию подлинно научного статуса. Однако социологизация и универсализм довольно быстро сменились критикой социологических теорий (прежде всего теории модернизации), эпистемологической и историографической революцией, проявившейся в возникновении и развитии «новой научной истории» («новой истории»); ориентация на исторический синтез была замещена идеалом диалога и развитием исторического релятивизма, «поворотами» исторического знания, возвышением роли микроистории. В свою очередь, обозначившиеся пределы критики исторического знания вызвали новую реакцию историков, которые, не утрачивая антисоциологического пафоса, стали искать пути диалога разнородных направлений знания. Признанием потребности мировой истории в естественнонаучных методах исследования была актуализация уже в начале XXI в. видным представителем влиятельной Висконсинской школы глобальной истории П. Мэннингом идеала верификации исследований по мировой истории в противовес современному доминированию конфликта интерпретаций². В этих условиях происходит сложное и разнонаправленное движение с общим вектором в сторону мультиперспективизации и трансдисциплинаризации исторического знания.

1. У истоков: радикалы естественнонаучных подходов. Эрих Янч

Теоретические нововведения послевоенной эпохи зачастую имели политическую подоплеку, что оказывается заметным даже на примерах ученых-естественников, опиравшихся, казалось бы, на внутренние процессы естественнонаучного знания. Так, австро-американский астрофизик и музыкальный критик Э. Янч, стремившийся распростра-

² Manning P. Navigating World History: Historians Create a Global Past. N.Y., 2003. P. 255–300.

нить парадигму самоорганизации И. Пригожина и сформированные на этой основе эволюционные представления на все научное и социальное знание, был тесно привязан к Калифорнийскому университету и «живописной реальности» города Беркли, истока студенческого движения, начавшегося еще в 1964 г., достигшего пика в 1969 г. и распространившегося до Франции и Чехословакии. Он видел в нем авангард движения за самоопределение и самоорганизацию, отражавшего путь самоорганизующихся диссипативных систем от хаоса к порядку, т.е. синергетический идеал Пригожина³. По его мнению, это движение способствовало демократизации всего жизнеустройства человеческого мира, падению диктаторских режимов и созданию предпосылок для более справедливой мировой экономики. Свою задачу Янч видел в создании нового мировоззрения для нового общества. Он не признавал ситуации, при которой ценности общества остаются незыблемыми, и считал, что именно истеблишмент должен быть источником инноваций. В борьбе за свои идеи он вел жизнь странствующего лектора без постоянного места работы и переживал тяготы безденежья⁴.

Образ мира Э. Янча, представленный в книге «Самоорганизующаяся Вселенная: естественнонаучные и гуманитарные следствия возникающей парадигмы эволюционного знания» (1980) резко порывал с классической парадигмой знания, с позитивизмом, монизмом, детерминизмом, объективизмом, редукционизмом и структурализмом. Он предлагал синергетический подход, насыщенный гуманитарными смыслами, которые конкретизируются по мере их реализации в неклассическом историческом знании. Вместо позитивистской иерархии наук Янч создал образ «плюралистической науки», в которой теории рядоположены и несоединимы в принципе. По Янчу, мир, как подчеркивал и Пригожин, не может быть описан на одном языке. Вслед за М. Маруямой, Янч заявил себя сторонником «трансэпистемологического процесса», в котором индивидуальные эпистемологии или мировоззрения пронизывают друг друга. Этому способствует «открытость и внутренняя неравновесность научных структур»⁵. Этот взгляд на науку сопряжен с представлениями Янча об эволюции. Он

³ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М., 1986.

⁴ Jantsch E. The Self-Organizing Universe: Scientific and Human Implications of the Emerging Paradigm of Evolution Science. Oxford, 1980. P. 1, P. 259–260.

⁵ Ibid. P. 260, 291, 303.

выступал за «науку с человеческим лицом», учитывающую личностную активность ученого, за «процесс-ориентированный взгляд» на реальность, обеспеченный открытостью многоуровневого сознания, за взаимодополнительность теорий, объективного и субъективного. Он обвинял объективистскую науку в опоре на «самые некритичные части мозга», препятствующие самокритике и продуцирующие самоуверенность, а потому олицетворяющие субъективизм, в частности, на «рептильный мозг», воспроизводящий древние фазы эволюции живого. Отдельной темой становилась герменевтическая «экология идей», наука о жизни самих ученых: биологической, ментальной, духовной.

Представления Янча о восприятии мира опирались на близкую синергетике теорию аутопойезиса (в других написаниях автопойезис, аутопойезис) Ф. Варелы и У. Матурано⁶, радикально конструктивистскую теорию, четко различающую и даже противопоставляющую реальность мира и спонтанно продуцируемые человеком конструкты сознания. Поведение живого организма для них детерминировано прежде всего не внешней средой, а структурой самого организма. Поэтому управлять живой системой нельзя, на нее можно оказывать лишь возмущающее воздействие. Для Варелы и Матурано процесс конструирования мира человеком связан с представлением о «лингвистических полях, возникающих как культурный дрейф в социальной системе без заранее заданной схемы», область активности языка, в которой осуществляются «коллективные коонтогенезы» людей, построение ими различных образов мира. Это открывало путь к диалогу Янча с конструктивизмом, постмодернизмом и лингвистическим поворотом⁷. Объяснительные познавательные модели в его теории тесно переплетены с понимающими, а порой и подчинены им.

Представления Янча об эволюции близки основанным на «логике случая» взглядам всемирно известного биолога Е.В. Кунина, опирающимся на синергетику с акцентом на непредсказуемости процесса эволюции⁸. По Янчу, эволюция – не закономерное поступательное движение, а парадигма *метафлуктуации*. Она противостоит пред-

⁶ Ibid. P. 177–178, 285, 310.

⁷ Матурана У.Р., Варела Ф.Х. Древо познания. Биологические корни человеческого понимания. М., 2001. С. 183–184.

⁸ Кунин Е.В. Логика случая. О природе и происхождении биологической эволюции. М., 2014; см. также рецензию на эту книгу: Боринская С.А. Эволюция сквозь призму геномики // Природа. 2014. № 10. С. 80–89.

ставлениям традиционного эволюционизма об адаптации и выживании и ориентируется на образ «эволюции эволюции», коэволюции, самопреодоления во имя творчества. Социокультурное развитие при этом «в высокой степени освобождается от влияния внешней среды»⁹. Реакция на среду характеризуется при помощи тойнбианской формулы «вызова и ответа», где ответ не задается вызовом, а потому принципиально непредсказуем. Из этого контекста критикуются образы ментальностей, ценностей и мировой культуры как своего рода монолитных кристаллов. Смена ментальных структур связывается со сменой поколений. Необратимое прогрессивное движение истории также критикуется с точки зрения важности фаз нестабильности и непредсказуемости, постмодернистского идеала *культурного релятивизма*, воплощающего свободу самовыражения человека, понимания эволюции как ризомы («плюралистического способа жизни»), причем история как последовательность событий теряет свое значение¹⁰. Это созвучно представлениям эволюционистов о базовой роли разнообразия, ненаправленных вариаций и изменчивости, о несоответствии современного образа эволюции стандартам «хорошего нарратива» из-за его контр-интуитивности, отсутствия героя и антропоморфного прогрессистского сюжета борьбы и победы).

Выражение этого отношения к эволюции в современной социологии Янч видел в идеале культурного многообразия и теории немецкого ученого Д. Сенгааса, предлагавшего заменить «ассоциативную стратегию» интеграции стран «Третьего мира» в мир модерна – «автоцентрическим» развитием, основанным на культурных особенностях стран «Третьего мира», в частности на их «гетерогенетических» неиерархических и неравновесных формах общественной жизни. Основанием для этого служило его уравнилельное отношение к великим религиям и аборигенным практикам, представление об относительности «высшего» и «низшего», уважение к культурам коренных народов. По мнению Янча, «присоединение к одной большой мировой системе больше не может быть целью», так как взаимодействие разных культурных уровней – базовое условие человеческого творчества, а целью социологии является выработка последовательно неравновесных форм общества¹¹. Эти положения прямо воспроизводят некоторые тезисы

⁹ Jantsch E. Op. cit. P. XII-XIII, 177.

¹⁰ Ibid. 197, 291, 294-296, 298, 301, 303-305, 310.

¹¹ Ibid. Op. cit. P. 260-261.

постколониальной критики Э.В. Саида, деколониального поворота В. Миньоло и М.В. Тлостановой и теоретиков глобальной истории, таких как Р. Буултгенс, о которых речь пойдет ниже¹².

Янч не просто развивал традицию Гердера, Гегеля и П. Тейяр де Шардена, сыгравших большую роль в развитии философии мировой истории. Он воспринял дух, спиритуалистическое зерно их работ. Важное место в его теории занимают рассуждения о таком феномене как Гайя, душа Земли (ср. «абсолютная идея» Гегеля, «точка Омега» Тейяр де Шардена), о формах духа (*mind*) – метаболическом, нейронном, организмическом, рефлексивном и саморефлексивном, а также представления о роли невербального, о любви как источнике нового¹³. Хотя концепция Янча практически не затрагивает собственно исторических явлений, она оказала сильное влияние на современные картины мегаистории, в частности, «большую», или универсальную историю (*Big History*), которая развивает его идею о принадлежности человека одновременно к социобиологическим и социокультурным фазам эволюции, экологию человека, причем производство и распределение, транспорт и миграции относятся к социобиологической фазе¹⁴. Однако антипозитивистский, антиструктуралистский, конструктивистский, во многом релятивистский и субъективистский взгляд Янча на вещи в западной литературе в значительной мере утрачен¹⁵.

2. У истоков: радикалы гуманитаристики. Эдвард Вади Саид

Переломные тенденции развития мировой истории со стороны гуманитаристики можно проследить у палестинско-американского литературоведа, культуролога и (опять же) музыкального критика Э.В. Саида, который в своей знаменитой книге «Ориентализм. Западные образы Востока» (1978), положившей начало современной

¹² См. об этом: *Ионов И.Н.* Мировая история в глобальный век: новое историческое сознание / Отв. ред. Л.П. Репина. М., 2015. С. 159–185, 201–203, 398–426.

¹³ *Ibid.* Р. 163–164, 169–174, 177, 336. Рассуждения Янча о «метаболической душе» насекомых чем-то напоминают логику рассуждения палеонтолога А. Маркова о характере (принципах поведения) бактерий, альтруизме у дрожжей и праве ученого применять к их описанию понятий «мышление», «понимание» и т.п. См. *Марков А.* Эволюция человека. В 2 кн. Кн. 2. Обезьяны, нейроны и душа. При участии Е. Неймарк. М., 2014. С. 294–297, 306, 308–322.

¹⁴ *Ibid.* Р. 174.

¹⁵ В отечественной литературе сходные взгляды на синергетику представлены в работах В.И. Аршинова, о которых речь пойдет ниже.

постколониальной критике, развернул широкую и последовательную критику европоцентризма и ориентализма как особых способов репрезентации инокультурной реальности и «определенного опыта общения с Востоком», практикуемого колонialiстами, прежде всего французами и англичанами. Это был удар по мировоззренческим основаниям структуры сложившихся в XVII–XIX вв. представлений о мировой истории, разделяющих ее на *всеобщую историю*, отражавшую процесс возникновения и развития западной культуры, *востоковедение*, освещающее историю Востока и *этнографию*, посвященную изучению «доисторических» народов. В этой критике он прямо опирался на философию постмодернизма, лингвистический поворот, работы М. Фуко «Археология знания» (1969) и «Надзирать и наказывать» (1975).

Э.В. Саид не отрицал познавательного значения востоковедения, но отмечал, что в его контексте Восток обретал черты *особой сущности*, у которой имелись свойства и задачи, не только связанные с прибавлением конкретного знания, но и с подтверждением мифов и иллюзий, порождающих когнитивные диссонансы и патологии. «В системе знаний о Востоке, – писал он, – сам Восток в большей степени оказывается... скоплением характеристик, имеющих своим истоком, скорее, выдержки и текстовые фрагменты, цитаты из работ предшественников, прежние плоды работы воображения или амальгаму всего этого вместе»¹⁶. Этот субстанциалистский образ создан не столько для целей познания, сколько для постулирования мирового господства Запада как оплота прогресса и средоточия мировой истории. Он «помог Европе (или Западу) определить по принципу контраста свой собственный образ, идею, личность, опыт»¹⁷. Так произошла «ориентализация» образа Востока в его противоположности образу Запада. Восток – это антиидеал крайностей, противостоящий идеалу меры. Образовался «навек фиксированный и реифицированный набор противоположных сущностей», являвшийся основой знания. Отдельные авторы, такие как Ф. Шлегель, в рамках этого дискурса могли диаметрально менять свою позицию по поводу Индии или ислама, не порывая с логикой. Сформировался особого рода колониальный культурный мир со своими института-

¹⁶ Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006. С. 278.

¹⁷ Там же. С. 8.

ми, словарем, ученой традицией, образным рядом, доктринами «и даже колониальной бюрократией и колониальным стилем»¹⁸.

Признавая «величие восточных цивилизаций», востоковедение наделяло азиата «спутанной ментальностью», пассивностью, привычкой к неаккуратности, иррациональностью, отсталостью, чувственностью, развращенностью, ребячливостью. Арабу, например, в этом дискурсе приписывалось «неприятие рационалистического способа мышления и неотделимой от него утилитарной этики». По другой версии, свойствами «арабского ума» объявлялись «склонность к кровавой мести... психологическая неспособность к миру... склонность к такому пониманию справедливости, которое на самом деле есть нечто прямо противоположное»¹⁹. Главное же то, что в рамках ориенталистской доктрины азиат описывался как неспособный самостоятельно идентифицировать себя и выступающий в познавательном процессе только как *объект* (позже этот статус был определен как субалтерн). Поэтому «знание Востока... в определенном смысле *создает* Восток, восточного человека и его мир». Неспособный мыслить себя Восток логически *задается* Западом: «Запад – и зритель, и судья, и присяжные для каждой черточки восточного поведения». А потому для ориентализма Восток сущностно слабее Запада²⁰.

Саид проанализировал способ конструирования Западом его собственной идентичности, связанный с постулированием негативного образа Востока как Другого. Он отверг идею о возможности неподвижной, статичной идентичности и выдвинул историческую идею о постоянной трансформации идентичностей как «социальном противоборстве», соревновании, затрагивающем исторические, социальные, интеллектуальные и политические процессы. В конечном счете, Саид опирался при этом на представления аналитической философии и П. Рикёра о «конфликте интерпретаций» и исторических нарративов как универсальной основе самоидентификации и предостерегал от демонизации любой ее формы. Саида привлекала прежде всего «историческая динамика», а не статика идентификационного процесса, присутствие в нем диалога, в частности, в описании одних и тех же событий истории с точки зрения колонизаторов и колонизу-

¹⁸ Там же. С. 8–10, 236, 541.

¹⁹ Там же. С. 165, 169–170, 475.

²⁰ Там же. С. 62–63, 169–170, 317.

емых, тяготы промежуточной идентификационной ситуации в атмосфере расширяющихся конфликтов в арабо-мусульманском мире в 1970–1980-х гг., пути преодоления враждебности, порождаемой бинарными (а потому застойными) идентификационными схемами²¹.

Исторические представления Саида основаны на признании того, что «культуры гибричны и гетерогенны». Он принципиально выступал против «попытки втиснуть культуры и народы в отдельные дифференцированные типы и сущности». По мнению Саида, западная цивилизация — это «идеологическая фикция, подразумевающая всего лишь сепаратное превосходство горстки ценностей и идей, ни одна из которых не имеет смысла вне истории завоеваний, миграций, путешествий и смешения народов». Особенно остро эта проблема была им поставлена применительно к обществу и культуре США как пограничных — «палимпсесту различных рас и культур». При всей близости к релятивизму постмодернистов он выступал против европоцентризма, характерного для стиля мышления постмодернистов, против их неприятия метанарративов, а также их «теоретического и эстетического акцента на всем локальном и случайном, почти декоративной невесомости истории»²².

Саид убедительно показал, что различия Востока и Запада не даны в ощущениях, а являются производными исторического и географического воображения, сконструированы в рамках *имагинативной географии*, которая наряду с этнографией выступает как колониалистский способ формирования иерархических моделей соотношения культур, помогая востоковедам «ориентализировать» образ Азии. На деле же культуры и цивилизации настолько взаимозависимы и связаны (транснациональны, транскультурны), что «любое обобщенное или просто схематичное описание их индивидуальности обречено на неудачу»²³. В этом можно видеть зародыш идей некоторых разновидностей глобальной, в частности перекрестной истории. Поэтому для Саида востоковедение — не только наследие прошлого, но и живой, сильный и опасный противник. В послесловии 1995 года он упоминает, например, о проекте «реколонизации “третьего” мира, где нарушены основные условия цивилизованной жизни»²⁴.

²¹ Там же. С. 513–518.

²² Там же. С. 539–540.

²³ Там же. С. 536.

²⁴ Там же. С. 537.

Нетрудно видеть в работе Саида неклассический познавательный проект мировой истории, основанный на борьбе с эссенциализмом, альтернативный классическим проектам всеобщей истории и востоковедения, базирующийся на максимальном приближении к ценностям и традициям местных культур Азии, прежде всего к их религии и мифологии, реально определявшим мотивации людей. Саид стремился вернуть угнетенному право на уникальность, субъектность и выстраивал для этого антиколониальный дискурс, в котором колонизатор-угнетатель и обслуживающий его востоковед окрашены заведомо негативно. Это было проявлением его односторонности. Превращение угнетенного жителя Востока в объект становилось для Саида оправданием ответного (сознательного или бессознательного) превращения в объект угнетателя с Запада, для стирания индивидуальных особенностей людей, для игнорирования герменевтической стратегии понимания их жизненных ситуаций. «Каждый европеец, – писал Саид, – что бы он ни пытался писать о Востоке, неизбежно оказывался расистом, империалистом и почти всегда этноцентристом»²⁵.

В ответ образ самого Саида подвергся критике за экстремизм со стороны историков и антиисламски настроенных интеллектуалов, в том числе с Востока. В частности, пакистанский англоязычный писатель, критик ислама, писавший под псевдонимом Ибн-Варрак, обвинил его в «лейкофобии» (ненависти к белым) и вообще в неприязни Запада²⁶. Дж. Каррье называл тенденцию, проявившуюся у Саида, антиколониальной версией «негативного» оксидентализма, который означает создание pejorative образов имперской Европы (прежде всего в незападном мире), связанных с «эссенциалистским упрощением Запада». П. Хихс приписывал Саиду «произвольное вывертывание наизнанку ориенталистского дискурса»²⁷. Это не совсем верно. В конце своей книги Саид указал на значимость современного научного знания, которое он противопоставил идеологии ориентализма. «Прекрасным примером такого рода является антропология Клиффорда Гирца, – писал он, – чей интерес к исламу носит

²⁵ Там же. С. 19, 315.

²⁶ *Ibn Warraq. Defending the West: A Critique of Edward Said's Orientalism.* N.Y., 2007.

²⁷ *Occidentalism: Images of the West* / Ed. J.G. Carrier. Oxford, 1995. P. 3–4; Heehs P. *Shades of Orientalism: Paradoxes and Problems in Indian Historiography // History and Theory.* Vol. 42. May 2003. P. 175–176.

в достаточной мере конкретный характер, чтобы определяющим для него стали изучаемые им отдельные общества и проблемы, а не ритуалы, предрассудки и доктрины ориентализма»²⁸. Это прямое указание и на более современный мультиперспективистский рефлексивный идеал перекрестной истории М. Вернера и Б. Циммерманн, дистанцирование от метафизических схем и последовательного изучения каждой позиции в межкультурном диалоге²⁹.

Позднее, в 1994 г. Саид прямо возражал против того, чтобы его книгу считали антизападной, и против приписывания ему роли *отца оксидентализма* (как негативного образа Запада), отмечал, что никогда не приравнивал образ ориентализма как познавательной стратегии и образ Запада как политической реальности. Он описывал процесс самоидентификации как конструктивистскую стратегию, «социальное противоборство», связанное с «диспозицией власти», как «исторический, социальный, интеллектуальный и политический процесс», подчеркивал, что «изобретение» очередной идентичности неизменно связано с конфликтом интерпретаций, который не может полностью контролировать ни одно общество, а потому фундаментализм или национализм невозможно оправдать критикой ориентализма. Фундаментализмов и национализмов так же много, как их толкователей. «Человеческая реальность постоянно создается и пересоздается», она динамична и комплексна, к ней невозможно подходить с эссенциалистских позиций (т.е. нельзя рассуждать о «сущности» той или иной культуры и о принципах, которыми она «задается»), к ней нельзя применять «внеисторические категории»³⁰.

Поздний Саид вообще значительно менее радикален, он четко дистанцируется от «торжествующего и некритичного национализма», называет себя сторонником мультикультурализма, а не какой-либо определенной цивилизации. Особенно это проявляется в его статье «Гуманизм, последний бастион против варварства» (2003), в которой он, высказываясь как против идеи «столкновения цивилизаций», так и против постмодернистской критики понятия «гуманизм», создавал универсалистский проект глобального гуманизма как сосуществова-

²⁸ Саид Э.В. Указ. соч. С. 505.

²⁹ Geertz C. The Interpretation of Cultures // Geertz C. Selected Essays. N.Y., 1973. P. 3–30; Werner M., Zimmermann B. Beyond Comparison: Histoire Croisée and the Challenge of Reflexivity // History and Theory. 2006. Vol. 45. № 1. P. 30–50.

³⁰ Саид Э.В. Указ. соч. С. 510–511, 513–515.

ния наций и культур на основе самоопределения и добровольного создания международных сообществ. В этом контексте возможна и необходима критика «ложных объединяющих знамен» и «изобретенных коллективных идентификаций», «изготовленных фабричным способом цивилизаций», «редукционистских и неадекватных способов понимания», таких как «Америка», «Запад» или «Ислам», но возможно и необходимо возобновление светского и рационального диалога разных сил, в том числе различающихся по национальным и религиозным признакам, таких как Израиль и Палестина³¹.

Саид выступал против противопоставления цивилизаций, критиковал С. Хантингтона, который обрисовал локальные цивилизации как «герметичные отсеки» мирового целого. Цивилизационное сознание проявляется у него гораздо более мягко, в форме региональных представлений об идеалах как образах, необходимых для функционирования данного общества, и их возможных интерпретациях. Но при этом Саид – не номиналист: суверенитет, «стабильная сущность» цивилизации, «сущностный ислам или Восток» в мягкой эссенциалистской форме – не фикция, они существуют для него на деле, более того, «находятся под угрозой». Он признает существование «ориенталистской ментальности» или «колониальной ментальности», эссенциализируя тем самым колониальную ситуацию. Вместе с тем, для него неприемлема перспектива отказа от «больших нарративов (метанарративов) эмансипации и просвещения»³².

3. У истоков: умеренные сторонники естественнонаучных подходов

Более умеренные авторы пытались дистанцироваться от процессов деколонизации, критики империализма и теории модернизации. Тем не менее и в их работах проявлялся общий для послевоенной эпохи кризис модернистской парадигмы, утверждавшей универсальное значение опыта индустриальной революции западной цивилизации как предпосылки ее первенствующего значения в мире и модерна (в капиталистической или социалистической ее версии) как единственно совершенной, достойной человека формы общественного устройства. Возникла потребность в альтернативных объяснениях векового доминирования Запада на мировой арене и неизменных по-

³¹ Said E.W. L'Humanisme, dernier rempart contre la barbarie // Monde diplomatique. Septembre 2003 (<http://www.monde-diplomatique.fr/2003/09/SAID/10386>).

³² Саид Э.В. Ориентализм. С. 515, 536, 539–540.

ражений аборигенов в столкновениях с колонистами. Одним из способов такого объяснения стала экологическая тематика. На фоне развития экологического кризиса, роста интереса к экологическим проблемам и деятельности Римского клуба в 1972 г. у американского географа и историка А. Кросби наметился диалог элементов экологической истории и мировой истории. Речь шла об истории географической и экологической экспансии Европы как *предпосылке*, а не следствии ее социально-экономического превосходства³³.

А. Кросби обратил внимание на повторяющиеся факты, свидетельствующие о большей иммунной устойчивости западных народов, а также выведенных ими культурных растений и сопровождавших их вредителей к заболеваниям и условиям окружающей среды иных континентов, имея в виду прежде всего Северную Америку. Он основал свои данные на масштабном исследовании того, что он назвал «Колумбовым обменом» – перенесением растений, животных и болезней из Европы в Америку и наоборот. Этот обмен был асимметричным. Лишь немногие американские индейцы попали в Европу, в то время как наплыв европейцев в Америку рос на протяжении нескольких веков и закончился в большинстве стран вытеснением местного населения с его территорий. То же можно сказать о животных: огромные территории Америки были опустошены наплывом домашних животных европейцев (как травоядных, так и хищников). Силой, которая помогла европейцам победить, не в последнюю очередь был порожденный ими экологический кризис в колонизируемых странах и распространявшиеся по фронтиру одичавшие домашние животные, которые составляли пищевую базу миграций³⁴.

То есть агрессивными империалистами с Запада, по мнению Кросби, являлись не только человеческие нации, но и растения, животные и даже микробы, чье наступление поддерживало и делало непреодолимой агрессию империалистических стран. Это была новая, не имевшая прецедентов в прошлом науки тема мировой истории. Если культурные взаимодействия можно было изучать прежде всего в региональном масштабе, то распространение болезней, рас-

³³ Manning P. Navigating World History: Historians Create a Global Past. N.Y., 2003. P. 65; Crosby A. Ecological Imperialism: The Biological Expansion of Europe, 900–1900. Cambridge, 2009. P. XV–XIX.

³⁴ Crosby A. The Columbian Exchange: Biological and Cultural Consequences of 1492. Westport, 1972. P. 82–88.

тений, животных в мире оказалось полезным рассматривать в глобальном пространственно-временном масштабе на основе междисциплинарного подхода, сочетающего методы геологии, антропологии, зоологии, ботаники, в том числе с переосмыслением роли тектонического движения плит земной коры и развития царств растений и животных Земли, истории заселения континентов, что роднит подход Кросби с универсальной историей (*Big History*)³⁵.

В книге «Экологический империализм» (1986) А. Кросби дополнил и развил свою аргументацию, проследив геологическую и экологическую предысторию Земли, историю гоминид, региональные различия в ходе неолитической революции, ее экологические последствия, походы викингов и Крестовые походы, роль мореплавания в освоении европейцами других континентов, распространения инфекций, растений и животных. Опираясь на этот анализ, он показал, что европейцы завоевали Северную и часть Южной Америки, Австралию, Новую Зеландию, т.е. местности с умеренным климатом, не только военным, а затем экономическим и технологическим путем (как они сделали с тропическими странами, Индией или Африкой), а на основе биологической революции и демографической (в том числе миграционной) политики, лишь частично связанных с истреблением местного населения, из-за более быстрого роста белого населения по сравнению с аборигенами. Завоевание и геноцид были подготовлены экологически, путем коренного преобразования и упрощения среды: истребления старых экологических комплексов и создания новых. Кросби подчеркивал, что колонизация была лишь отчасти связана с передовым характером институтов Европы: люди были, по его мнению, гораздо менее успешны в деле колонизации, чем сопровождавшие их патогенные организмы. Эпидемии стали силами первого удара европейцев³⁶.

Кросби продемонстрировал, что колонисты были заинтересованы не просто в новых землях, а в образе жизни, подобном европейскому, что они переделывали мир по образцу и подобию Европы там, где это было возможно, в самых разных аспектах, трансформируя значительную часть зоны умеренного климата (кроме перенаселенной Азии) в «Нео-Европы». Каждая из волн колонизации укрепляла

³⁵ Crosby A. *Ecological Imperialism*. P. 8–12.

³⁶ Ibid. P. 6–35, 269–293.

это экологическое доминирование, превращая «Нео-Европы» в мировую житницу, создавая основы развития цивилизации и порождая порой необоснованные самомнение и оптимизм. В странах, где такие экологические трансформации были невозможны (как в Сибири), колонизация оказывалась гораздо менее успешной, планы колонизаторов срывались, а численность колонистов была менее значительной. Включение в сложившиеся экологические цепочки преобразовывало метисные сообщества (гаучо в Аргентине), делая их похожими на общества аборигенов³⁷. Однако замысел Кросби проанализировать взаимодействие природы и культуры был реализован лишь частично – как иллюстрация соотношения уровня материальной культуры, образа жизни людей, растительного и животного мира. Методологически это была позитивистская работа, далекая от нововведений уровня Э. Янча при том, что она решала важные мировоззренческие проблемы историков.

Параллельно с А. Кросби пути к применению естественнонаучных методов в мировой истории стал прокладывать один из крупнейших историков современности Уильям Макнил, который в 1963 г. еще в рамках европоцентристской и ориенталистской всеобщей истории пытался конкретизировать исследование глобальных процессов в прошлом, обозначив *эмпирический поворот* в этой области истории от философии истории к конкретно-историческим исследованиям³⁸. Книга «Моровые язвы и народы» (1976) впервые приобрела высокий статус среди историков-профессионалов именно потому, что применение естественнонаучных методов в ней было осмыслено как гуманитарная задача: она касалась привычных историкам ключевых периодов и хорошо известных фактов мировой истории, являвшихся ранее объектом интереса антикваров и проанализированных с совершенно новой точки зрения, требовавшей преодоления современного взгляда на болезни. В ней экология и демография впервые были тесно переплетены с детально разработанной по профессиональным стандартам историей политики и культуры. Выделено лишь одно новое измерение исторического исследования: роль микробов в истории и контактах людей из разных стран, проблемы микробиологии освещены во

³⁷ Ibid. P. 36–40, 295–298, 305, 307.

³⁸ Мак-Нил У. Восхождение Запада: История человеческого сообщества. Киев; М., 2004.

введении. Это требовало от историков лишь некоторого расширения картины мира и профессиональных компетенций, а не изменения их в целом, как часто бывало у радикалов. При этом книга сближалась со стандартами синергетики и универсальной истории (*Big History*): ставилась проблема коэволюции людей и микробов, описание начиналось с предыстории человечества, эпидемий в аграрных цивилизациях, роли Монгольской империи и трансокеанских коммуникаций в распространении болезней, истории современной медицины³⁹.

Важной идеей У. Макнила было отрицание его собственной попытки «логического обоснования американской гегемонии» в книге «Возвышение Запада», критика постулата о распространении западной цивилизации как наиболее достойной. Теперь он критикует этот постулат как миф и предрассудок, как попытку написания истории с позиции победителей, игнорирующей страдания жертв исторических перемен. История эпидемий, в этом смысле – история человеческого страдания в чистом виде, профессиональное свершение историка и вместе с тем направленная на совершенствование его личности попытка дистанцироваться от того, что Макнил называл личными предрассудками, «семейными, этническими, классовыми и прочими проявлениями самоидентификации и опыта»⁴⁰.

Существенной предпосылкой позитивного и даже восхищенного восприятия книги было то, что в ее центре стояли два важнейших явления в истории Запада: «Черная смерть» (эпидемия чумы XIV века) и завоевание испанцами Америки. Это позволяло автору не порывать связь с европоцентристской всеобщей историей, тем более что наиболее губительные эпидемии в истории Европы связывались им с существованием «посторонней» Монгольской империи, отмечалась также трудность фиксации эпидемий среди индейцев в свете их контактов с испанцами. История разворачивается как «хороший нарратив». Масштабы катастрофы индейских цивилизаций оцениваются не сразу, а в результате анализа и размышлений. В то же время трагическое описание истории эпидемий в соответствии с прогрессистской картиной мира кончается хорошо, как победа человека над природой: историей современной эпидемиологии и признанием ее успехов⁴¹.

³⁹ McNeill W. *Plagues and Peoples*. N.Y., 1976. P. 3–13.

⁴⁰ Ibid. P. 64; Мак-Нил У. Указ. соч. С. 14–15.

⁴¹ McNeill W. *Plagues and Peoples*. P. 132–181, 254–257.

Импульс развитию демографических подходов к истории дало использование деятелями Римского клуба (Д. Форрестер, Д. Медоуз, М. Месарович и Э. Пестель) мальтузианско-рикардианской теории, выявившей наличие демографических циклов, связанных с пределами возможностей роста населения в условиях традиционного общества и ограниченной экологической ниши, а также порожденными ими колебаниями цен, земельной ренты, прибыли и реальной заработной платы. Сам Мальтус рассматривал свою теорию ограниченности плодородия почвы как универсальный закон природы, однако последующие исследования ограничили ее значение, связав ее с традиционным обществом. Кризис линейно-стадиальных моделей истории породил интерес к циклическим моделям, таким как неомальтузианские. Так, ими заинтересовался лидер «второго поколения» школы «Анналов» Ф. Бродель, показавший вслед за Ф. Симианом и Э. Лабруссом наличие циклических процессов, но не в экономике, а в исторической демографии Франции и Востока. Главное методологическое значение неомальтузианства заключалось в том, что оно помогало в условиях наступавшего релятивизма и постмодернизма сохранить представление о детерминизме и законах истории. Эта теория «делала возможным аналитическое описание постулированных закономерностей и построение экономико-математических моделей, описывающих реалии прошлого»⁴².

Ведущим исследователем этой темы стал американский социолог и политолог Дж. Голдстоун, который в начале 1990-х гг. привнес в мальтузианско-рикардианскую схему структурный подход и обосновал свою теорию революций при помощи исследования влияния демографических циклов на государство, элиты и народ в разных странах мира. По его мнению, революция – следствие растущего демографического давления и падения уровня жизни населения, с которыми государство не может справиться. Это сделало экологический подход более конкретным исторически, ввело в него наряду с представлением о неравновесности системы идею борьбы государства и различных слоев общества за ресурсы, что позволяет С.А. Нефедову обозначить данную теорию как демографически-структурную⁴³.

⁴² Нефедов С.А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV – начало XX века. Екатеринбург, 2005. С. 10–19.

⁴³ Там же. С. 26–30.

4. У истоков: роль социологов-миросистемщиков

Подход социологов к проблемам глобальной истории был более радикальным. Они, как правило, представляли левый край политического спектра, часто опирались на духовную традицию 1968 года и были близки идеям Э.В. Саида. Эта линия развития глобальной истории также находила опору в деятельности «второго поколения» школы «Анналов» и, в частности, Ф. Броделя, ставшего предшественником миросистемного подхода и создавшего теорию миров-экономик, «экономически самостоятельных кусков планеты, способных в основном быть самодостаточными»⁴⁴. Отталкиваясь от цивилизационного подхода, он максимально сблизил его с историко-экономическим, выделив в пространстве Ойкумены региональные области хозяйствования, окружающие так называемые «капиталистические города» (крупнейшие центры торговли, такие как Венеция, Амстердам, Лондон), исторически сменяющие друг друга во времени. Эти области внутренне иерархизированы и взаимодействуют с другими способами деления мира: международным разделением труда, государствами и империями, культурным порядком. Временной аспект существования миров-экономик связан с конъюнктурными ритмами, флуктуациями, вековыми тенденциями, циклами Н.Д. Кондратьева⁴⁵.

Миросистемная теория оформилась в трудах американского социолога И. Валлерстайна, который ввел представления о мироимпериях, центре, периферии и полупериферии миросистемы и немецко-канадского социолога А.Г. Франка – создателя теории зависимого развития как *развития недоразвитости*. Важную роль сыграл и борец с европоцентризмом, стремившийся вернуть колонизируемым народам их историю и доказать их активное участие в мировом развитии австрийско-американской антрополог Э. Вульф. Их работы радикально преодолевали европоцентристскую позицию всеобщей истории и показывали, что «отсталость» стран Востока и Юга нельзя трактовать только с точки зрения анализа их национальных или цивилизационных особенностей. Это системная характеристика мира Нового времени. Она является следствием глобальной ситуации, определяемой существованием мировой капиталистической систе-

⁴⁴ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. Т. 3. Время мира. М., 1992. С. 14.

⁴⁵ Там же. С. 14–81.

мы, задающей условия глобального неравенства и развития недоразвитости как особенности положения стран периферии и полупериферии этой системы. В более поздней работе А.Г. Франк показал, как положение Азии в центре Мир-Системы в XIII–XVIII вв. приводило к ускорению ее развития⁴⁶.

Разрыв этих социологов с теорией модернизации внешне был резким и демонстративным. Т. Хопкинс и И. Валлерстайн произвели символические *похороны* теории модернизации и связанного с ней квазиисторического понятийного аппарата типа «стадий экономического роста» У. Ростоу, а также восходящей к XIX веку концепции «традиционного общества». Одна из статей Валлерстайна так и называлась: «Модернизация, упокойся с миром»⁴⁷. Неприемлемым для создателей миросистемного подхода была идея стран, движущихся с опережением или задержкой друг относительно друга, «прогрессивных» и «отсталых». Тем самым отвергалась колониальная форма историзма, в ядре которой заключено стремление к деисторизации образов незападных стран⁴⁸. Но, по словам исследователя работ Валлерстайна Г. Дерлугьяна, «отвергнув... идеологическую телеологию, [Валлерстайн и его товарищи] сохранили сам порыв школы модернизации к целостному объяснению возникновения современного мира и формулированию научно обоснованной политической программы трансформации существующего мира»⁴⁹.

Валлерстайн критически относился к идее всеобщей истории и подчеркивал, что ее предмет крайне узок. Он сводится к истории и предыстории «современного» Запада. «В реальной жизни историки

⁴⁶ *Wallerstein I. The Modern World-System: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century. San Diego, 1974; Wallerstein I. Geopolitics and Geoculture: Essays on the Changing World-System. Cambridge, 1991; Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001; Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение. М., 2006; Frank A.G. Capitalism and Underdevelopment in Latin America. Historical Studies of Chile and Brazil. N.Y., 1967; Frank A.G. On Capitalist Underdevelopment. Oxford, 1975; Frank A.G. ReOrient: Global Economy in the Asian Age. Berkeley, 1998; Wolf E. Europe and the People without History. Berkeley, 1982.*

⁴⁷ *Дерлугьян Г. Самый неудобный теоретик // Валлерстайн И. Миросистемный анализ: введение. М.: Территория будущего, 2006. С. 7–40. С. 23, 27.*

⁴⁸ *Wolf E. Op. cit.; см. также: Ионов И.Н. Стратегии деисторизации // Образы времени и исторические представления. Россия – Восток – Запад / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2010. С. 48–65.*

⁴⁹ *Дерлугьян Г. Указ. соч. С. 24.*

ХІХ века предпочитали заниматься, во-первых, историей своей страны, а во-вторых, историей так называемых “исторических наций”, то есть стран, история которых была хорошо документирована»⁵⁰. Когда же западные государства стали формировать свои империи, «стало понятно, что очень важно изучать и остальной мир». Однако этот процесс сопровождался *деисторизацией* незападного мира. Для этого создавались такие сопутствующие всеобщей истории области знания, как *востоковедение* и *этнография*, ориентированные прежде всего на изучение «несовременных» и «примитивных», колониальных народов. Они оправдывали колониальную *политику цивилизаторства*, то есть навязывания иным странам западных институтов, норм и ценностей. Все это продолжалось, пока самоопределение стран «третьего мира» не привело к тому, что «на ученых, занимавшихся не-западным миром, стали смотреть с политическим недоверием в странах, которые они традиционно изучали»⁵¹.

Валлерстайн критиковал страноведческий подход всеобщей истории как искусственный и ставил вопрос о «прогессе» и «отсталости» тех или иных национальных государств в контекст глобальных межстрановых отношений, устраняя надуманные «эпициклы» теории модернизации, сосредоточенной на особенностях внутреннего экономического, политического и культурного развития стран и регионов. В новом контексте вопрос, «прогрессивной» или «отсталой» страной являются Индия и Англия, ставился в непосредственную зависимость от анализа их политических и экономических взаимоотношений. В ходе этого анализа критиковались и деконструировались «самоочевидные» характеристики Англии как «современного» национального государства и Индии как самостоятельно развивающейся страны с «традиционной» национальной культурой на базе *связанной истории* обеих стран в контексте миросистемного подхода⁵².

В результате из центра исследований ушли западный идеал общественного устройства и разнообразные местные отклонения от него. В нем оказалась постоянно эволюционирующая географическая зона европейского влияния, возникшая в XVI в. и постепенно превратившая весь мир в механизм извлечения прибыли, который Валлерстайн и называет капиталистической мирозкономикой. В рамках этих

⁵⁰ Валлерстайн И. Миросистемный анализ... С. 56.

⁵¹ Там же. С. 65.

⁵² Там же. С. 28.

представлений образ единственной современной модернизации кажется ему неправомерным. Мобильный космополитический капитал, являющийся кровью миросистемы, возник гораздо раньше. Поэтому автор предпочитает говорить о *глобализациях* во множественном числе как явлениях, периодически возникающих со времен Великих географических открытий, когда капитал раз за разом расширял круг освоенных рыночных ниш. Одной из форм капиталистической глобализации была деколонизация и создание *неформальных империй*, действующих во второй половине XX в. в условиях отсутствия привилегий и относительно свободного рынка⁵³.

Для последующей критики изначальных вариантов глобальной истории новизна позиций Броделя и Валлерстайна осталась слабо осознанной. Они стали удобной мишенью для историков «третьего поколения» школы «Анналов» и последователей постмодернизма. Миросистемная теория была признана слишком зависимой от классического взгляда на мир, экономцентричной, утилитаристской, материалистической и редукционистской⁵⁴. Поэтому А.Я. Гуревич считал Ф. Броделя пропагандистом *тупикового позитивистского пути* в развитии исторического знания, приверженцем географического детерминизма, объяснительного подхода и растворения истории в других дисциплинах, проявляющим отвращение к человеческому, его ментальностям, лишаящим историка возможности герменевтически исследовать поле свободы человека, понять его, а структуры времени Броделя называл произвольными. А.Я. Гуревич рассматривал традиционную макроисторию с ее презентизмом используемых понятий, вторжением моделей в ткань исторического повествования и персонификацией структур – как *предел*, а не легитимный вариант исторического знания. Во многом эта критика связана с игнорированием Броделем истории ментальностей, которую Гуревич считал главным достижением школы «Анналов». Именно в этом плане он противопоставлял его в негативном смысле немецкому социологу Н. Элиасу и филологу М.М. Бахтину, стиль мышления которых он считал более историчным⁵⁵.

⁵³ Там же. С. 28-31.

⁵⁴ Чешков М.А. Глобалистика: предмет, проблемы, перспективы // Общественные науки и современность. 1998. № 2. С. 131.

⁵⁵ Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа «Анналов». М., 1993. С. 116–132, 285.

В концепции «процесса цивилизации» Н. Элиаса А.Я. Гуревичу казались особенно важными отказ от «продиктованных современностью оценочных суждений», презентистских объяснительных моделей (оправдания изменения норм поведения требованиями гигиены), от линейно-стадиальных подходов, от прогрессистской трактовки таких изменений как «роста бытовой культуры», «изживания дикости» и «примитивности», от рационализации стиля «цивилизованного» поведения, который порождал психологические противоречия и нервные стрессы у воспринимавшей его личности. Правда, от дальнейшего обсуждения этого последнего вопроса, который мог бы привести к анализу элиасовского понятия «левантинизм», отношений истеблишмента и аутсайдеров, т.е. идеям, близким постколониальной критике, автор отказался, так как он выходил за пределы его основной темы – описания процессов внутри школы «Анналов». (Гуревич близко подошел к постколониальной проблеме лишенного голоса субалтерна в другой своей книге: «Средневековый мир. Культура безмолвствующего большинства»)⁵⁶.

В свою очередь Валлерстайн не мог найти общий язык даже с идеологически близкими ему левыми гуманитариями – постколониалистами, постмодернистами, феминистками и т.п. Гуманитариев и социологов разделяли и во многом продолжают разделять стереотипы мышления⁵⁷. Историки «третьего поколения» школы «Анналов» к 1989 г. были глубоко вовлечены в историографическую революцию, исповедовали деконструкцию нормативного знания, лингвистический, исторический, географический, культурный релятивизм. Для историков «Анналов» 1980-х годов междисциплинарность была лишь одним, далеко не главным из направлений мультиперспективизации, а холизм, монизм и детерминизм просто невозможны⁵⁸. К тому же отход Валлерстайна от европоцентризма был частичным. Он резко порывал лишь с нациецентризмом и *мировоззренческим* европоцен-

⁵⁶ Там же. С. 127, 129. См. о «левантинизме»: *Ионов И.Н.* Глобальная история и изучение прошлого России. Ст. 3 // *Общественные науки и современность*. 2013. № 5. С. 141; *Гуревич А.Я.* Средневековый мир. Культура безмолвствующего большинства. М., 1990.

⁵⁷ «Ну, совсем разные стили аргументации...». *Дерлугьян Г.* Указ. соч. С. 35.

⁵⁸ *Валлерстайн И.* «Анналы» в контексте мировой истории // *Споры о главном. Дискуссия о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов»* / Под ред. Ю.Л. Бессмертного. М., 1993.

тризмом всеобщей истории. Но *методологический* европоцентризм сохранял свое влияние. Марксистская традиция и вообще классическая рациональность с ее холизмом, монизмом, детерминизмом, нормативностью и эксклюзивизмом (неприятием других подходов) ограничивали тенденцию к мультиперспективизации.

Поэтому авторитет сторонников миросистемного подхода парадоксальным образом *снижался* параллельно с падением авторитета теории модернизации, к которому они сами приложили руку. Проекты миросистемщиков оставались незаконченными. По свидетельству П. Мэннинга, это было связано с невниманием к локальным и культурным факторам. А.Г. Франку удалось поставить вопрос о передовой роли Азии в средневековом мире, но не удалось убедительно доказать справедливость своей позиции. Стремление Э. Вульфа дать развернутую критику социальных наук, соединив нарративы о мировом рынке, капиталистическом развитии и местную историю народов «без истории», порвать с европоцентризмом и показать роль глобальных связей в развитии мира привело лишь к частичному результату – была поставлена новая цель исследования в мировой социологии и экономике. Но Вульфу не удалось развернуто показать коренные народы как активную историческую силу. В его изображении они скорее воспринимают перемены, исподволь влияют на них, но редко взаимодействуют с колонизаторами как самостоятельная сила. Отчасти это было связано с марксистским невниманием к культуре, воспринимавшейся только как надстройка над экономическим базисом и ее трактовкой как формы идеологии. Правда, Мэннинг отмечал, что эти недостатки были свойственны не всем участникам проекта и на определенном этапе его развития, в 1995 г. цивилизационный и миросистемный подходы подвергались развернутому сравнению⁵⁹.

В итоге синтеза мировой истории и миросистемного подхода, о котором мечтали в 1970–1980-е гг., не произошло. «Третья волна» в социологии ушла от холистской проблематики миросистем, пошла на сближение с постмодернизмом и микроисторией. «Представители третьей волны (Рональд Аминзаде, Дж. Касанова, Элизабет Клеменс, Брайан Дилл, Д.Дж. Фрэнк, Лэрри Гриффин, Джеффри Хайду, Майкл Хэчтер, Эдгар Кизер, Джон Мэйер, Уильям Сьюэлл и др.), – пишет

⁵⁹ Manning P. Navigating World History... P. 69, 92; Civilizations and World Systems: Two Approaches to the Study of World-Historical Change / Ed. S.K. Sander-son. Walnut Creek, 1995.

И.М. Савельева, – отвергли базовые принципы своих учителей (а среди них были такие известные ученые, как Теда Скокпол, Иммануэль Уоллерстайн, Шмуэль Айзенштадт, Чарльз Тилли) и сконцентрировались не на типологии, поисках подобия, преемственности и *больших* нарративах, а на принципиально ином – случайности, динамике, изменчивости, неустойчивости, мутациях. Разрабатываемые ими объяснительные модели существенно повышают статус исторических акторов и отдельных событий и, соответственно, фокусируются на непредвиденных долговременных последствиях человеческих действий в разворачивании исторических траекторий»⁶⁰.

Поэтому можно скорее говорить о спорадическом диалоге социологии и мировой истории, масштабы которого ограничены значительным взаимонепониманием. Этот раскол оставил шрам на теле историографии, обусловил разницу в самоидентификации, формах концептуализации и логике двух групп историков, разрабатывающих проблемы глобальной истории. Им свойственна двойственная трактовка ключевых понятий, таких как «Новая историческая наука» и антропологизация. Сторонники естественнонаучных подходов, и в особенности социально-экологического, демографического, объективистского подхода, считают классиком «Новой исторической науки» Ф. Броделя, провозгласившего ее рождение в 1958 г., и, соответственно, полагают ее признаками свойственные «первому» и «второму» поколению школы «Анналов» стремление к взаимодействию историков с географией и экологией (как у Л. Февра), демографией, социологией и экономикой (как у М. Блока). Они ассоциируют антропологический поворот с эволюционными взглядами американского антрополога Р.Л. Карнейро⁶¹. Сторонники гуманитарных подходов к глобальной истории, учитывая критику Гуревичем позиции Броделя, связывают «Новую историческую науку» не с положением дел на 1958 год, а с опытом всех тех многочисленных «поворотов» второй половины XX – начала XXI в., которые прошло историческое знание и которые дистанцировали его от социологиза-

⁶⁰ Савельева И.М. Что случилось с «Историей и теорией»? (Препринт). М., 2011. С. 30–32.

⁶¹ Нефедов С.А. Указ. соч. С. 16; Carneiro R. L. Process vs. Stages: A False Dichotomy in Tracing the Rise of the State // Alternatives of Social Evolution / Ed. by N. Kradin, A. Korotayev, D. Bondarenko, V. de Munck, and P. Wason, Vladivostok, 2000. P. 52–58.

ции, детерминизма и сциентизма, поворотов, оставшихся вне поля зрения сторонников естественнонаучных подходов⁶². Соответственно, антропологический поворот у этих представителей глобальной истории (как и у философов) ассоциируется с десоциологизацией и гуманитаризацией исторического знания, интересом к индивидуальному, антикваризмом (но не диалогом с антропологами, которые подчас считают себя обиженными этим). Все это создает при общении данных групп когнитивные диссонансы, в частности, в столкновении преимущественно модель-ориентированного взгляда на историю с предмет-ориентированным.

5. Естественнонаучные подходы в современной глобальной истории

Общее направление развития естественнонаучных методов в глобальной истории можно охарактеризовать как *рутинизацию* эпистемологии на фоне все большей изощренности методик исследования. Если у создателей основ универсальной истории (*Big History*) имелся спиритуалистический стержень концепций, то современные ее представители, такие как американско-австралийский историк-русист Д. Кристиан, начали с эклектического коллективного преподавания отдельных дисциплинарных разделов естественной истории, к которой были присоединены элементы социологизированной истории⁶³. При этом традиция Э. Янча оказалась оставленной в стороне, понятие *синергия* Кристиан употребляет в интеллектуальном смысле, хотя идея самоорганизации для него важна. Правда, некоторые сторонники *Big History*, такие как голландский биохимик Ф. Спир, прибегают к цитированию работ Янча, но все же возводят возникновение этого направления к работе Д. Кристиана 1989 года⁶⁴. Свою заслугу они и их сторонники видят не в развитии синергетической парадигмы, а в междисциплинарном взгляде на мир, включающем аспекты эволюции, интерпретируемые разными областями знания.

Как ни странно, оставлена в стороне и культурологическая, в том числе постколониальная, тематика. В книге «Карты времени.

⁶² Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа «Анналов». С. 132–134, 264–295; подробнее см.: Ретина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. Социальные теории и историографическая практика. М., 2011.

⁶³ McNeill W. Introduction: A Modern Creation Myth? // Christian D. Maps of Time. An Introduction to Big History. Berkeley, Los Angeles, L., 2004. P. P. XVI.

⁶⁴ Spier F. Big History and the Future of Humanity. L., 2010. P. 15–16.

Введение в Большую историю» (2004) Д. Кристиан, являющийся ведущим современным представителем этого направления знания, полностью игнорирует понятие «ментальных карт», которое, казалось бы, теснейшим образом связано с его темой. Время описывается им однозначно, объективистски. Тем самым он отстраняется от позиции как Э. Янча, так и одного из инициаторов создания глобальной истории Р. Буултьенса, который в 1993 г. видел главную задачу глобальной истории не только в глобализации *предмета* исследования – человеческого мира, но и в глобализации *восприятия* этого мира, т.е. в его *мультиперспективизации*, в частности в диалоге западного и восточного способов восприятия времени⁶⁵. Гуманитарный аспект истории оказывается в значительной степени вытеснен из поля обсуждения, как и обоснование предпосылочных оснований знания. В книге нет упоминаний ни о постколониальной критике, ни о Мир-Системе, а понятие «колонизация» встречается один раз. Правда, влияния этих подходов подспудно сказываются в описании истории, которое теряет европоцентризм, в нем выделяются и другие мировые центры (на Востоке и Юге). Но они не отрефлексированы, и история человечества в итоге оказывается прогрессистской, объективистской, строго векторной, направленной от ситуации множества миров в истории гоминид к ситуации нескольких миров в эпоху голоцена и к ситуации одного мира в Новое время. Внимание автора сконцентрировано на проблемах экологии, демографии (неомальтузианская позиция обозначена более определенно, чем миросистемная) и хозяйства (с упоминанием о «культурной революции»). При этом Кристиан предлагает расширить взгляд на вещи при помощи работ социологов и лишь во вторую очередь – историков⁶⁶.

Тем не менее У. Макнил очень высоко оценивает книгу Д. Кристиана как «исторический и интеллектуальный шедевр», «великолепный синтез», мост между двумя культурами – сциентистской и исторической. По его мнению, Кристиану удалось «оседлать» процесс историзации естественных наук и реально сблизить их с историей, осуществив конвергенцию наук вокруг эволюционистского

⁶⁵ Buultjens R. Global History and the Third World // Conceptualizing Global History / Ed. by B. Mazlish, R. Buultjens. Boulder, 1993. P. 75.

⁶⁶ Christian D. Maps of Time. An Introduction to Big History. Berkeley, Los Angeles, L., 2004. P. 139–466.

взгляда на мир. Макнил видит главное достоинство концепции Кристиана в описании гармонии мира, в котором схожие модели изменений можно найти на каждом уровне существования материи, в том числе у человека⁶⁷. Таким образом, Макнил хвалит Кристиана за достижения, не связанные с задачами конкретно-исторического знания. Его собственные проекты превращения истории в модель для других научных дисциплин, анализа эволюции символических систем, а также «мира конвенциональных значений, который направляет нашу интерпретацию»⁶⁸ остались нереализованными.

Трудом, характеризующим состояние экологической истории, является книга Дж. Даймонда «Ружья, микробы и сталь. Судьбы человеческих обществ» (1997), ставшая в США национальным бестселлером. Автор, специалист по эволюционной биологии птиц и опытный антрополог, много лет проживший в Океании, Индонезии, Австралии, Африке и Латинской Америке, пытается рассмотреть глобальную историю как проблему коренных народов, попавших в экономическую и политическую зависимость от белых, и объяснить, почему стальные ружья и пушки были привезены из Европы в Австралию, а не из Австралии, богатой железом – в Европу? Почему микробы азиатского и европейского происхождения уничтожили 95% населения доколумбовой Америки, а не наоборот? Почему европейский флот достиг берегов Китая, а китайский, мощь которого к началу XV в. была гораздо больше, не «открыл» Европу? Для этого он анализирует проблему ресурсов, широко использует источниковый материал, накопленный за последние 20 лет, и все возможности сравнительно-исторического анализа и альтернативных (в т.ч. контрфактических) моделей исторического процесса. Даймонд сознательно ставит перед собой задачу преодолеть «узкосфокусированную» на Евразии (и Северной Африке) картину истории⁶⁹.

Концепция Даймонда в целом позитивистская и объяснительная; П. Мэннинг отмечает его внимание к причинно-следственной динамике, упор на удаленные, а не ближайшие причины⁷⁰, образ про-

⁶⁷ McNeill W. Introduction. P. XVI–XVII.

⁶⁸ McNeill W. History and the Scientific Worldview // History and Theory. Vol. 37. No. 1. 1998. P. 1–13.

⁶⁹ Diamond J. Guns, Germs, and Steel. The Fates of Human Societies. N.Y.; L., 1999. P. 11–16.

⁷⁰ Об этом см. также: Manning P. Op. cit. P. 307.

странства по идеологическим причинам децентрирован. Вместо письменной истории на первое место выдвигается дописьменная. Это позволяет Даймонду проследить периоды вremenного доминирования различных рас и народов в развитии мировой культуры. Он подчеркивает, что большую часть истории человечества (вплоть до 50-го тысячелетия до н.э.) безусловное первенство в развитии культуры принадлежало Восточной Африке – месту возникновения человека. Эколог показывает, что во время расселения человека по Земле культурно преобладали аборигены Австралии, впервые 40 тыс. лет назад создавшие каменные орудия с полированным лезвием и рукояткой, а также первое средство передвижения по воде. Многие регионы в разное время являлись инициаторами того или иного новшества: в южной Японии возникло гончарное дело, Китай в историческую эпоху выступал как ведущий производитель технологий, в 1000–1450 гг. глобальное значение приобрели знания и технологии мусульманских стран, распространивших свое влияние от Индии до Северной Африки. Около 10 тыс. лет (8500 г. до н.э. – 1450 г. н.э.) Европа оставалась наименее развитой частью Евразии (за исключением государств античного мира). Достигнутый современным Западом прогресс в удовлетворении материальных потребностей и в увеличении продолжительности жизни оплачен значительным падением ее качества – следствием индивидуализма и отчуждения⁷¹.

Но природные условия для эволюции неодинаковы. Перспективы развития культуры определяют, по Даймонду, экологические условия, прежде всего наличие одомашниваемых животных (крупных млекопитающих) и культивируемых растений, устойчивость климата, возможность миграций в близкие по климату и природе регионы и близость других культурных центров, что позволяет осуществлять взаимообмен знаниями и технологиями. Деграцию племен австралийцев и океанийцев, отказавшихся в процессе обитания на вновь обретенных землях от многих изобретений (лук и стрелы, гончарное дело, земледелие, животноводство, кое-где рыболовство), он объясняет отсутствием одомашниваемых растений и животных (выбитых в период начального этапа колонизации), неустойчивыми климатическими условиями (воздействие тихоокеанского экваториального течения Эль Ниньо), изоляцией от внешнего мира групп племен на остро-

⁷¹ *Diamond J. Op. cit. P. 20, 217, 333.*

вах или на побережье континента (в Австралии). В целях адаптации к среде обитания населению приходилось выбирать между кастрацией части мужчин (при сохранении социального мира и хозяйственного застоя) и кровопролитными войнами, ограничивавшими численность людей (при наличии земледелия и социального неравенства), – так произошло соответственно в Новой Зеландии и на островах Чатем⁷².

В свою очередь отсутствие большинства факторов возникновения массовых эпидемий: крупных стад домашних животных, проживания людей с животными под одной крышей, интенсивного земледелия (расчистки лесов, сопровождаемой размножением moskitov, использования фекалий в качестве удобрений), складов продовольствия, изобилующих грызунами, загрязненных отходами городов, где скученное и нездоровое население пополнялось в основном за счет притока переселенцев из деревень – все это привело к меньшей приспособленности неевроазиатских народов к эпидемическим заболеваниям, таким как чума или черная оспа. Своего рода платой за «пропущенные» популяционные кризисы и катастрофы стала уязвимость этих народов перед лицом военного, экономического и колониального наступления европейцев.

Таким образом Д. Даймонд как эколог комментирует большую часть событий прошлого, которая осталась необъясненной историками. При этом он нередко провозглашает «конечными причинами» естественные условия жизни и уделяет мало внимания характеру культуры (слова «ружья», «микробы» и «сталь» в названии книги как раз и обозначают его видение «конечных причин»). С позиций ученого-естествоиспытателя он пытается давать советы историкам, не видя разницы между объяснением и пониманием, историей человечества как гуманитарной дисциплиной, с одной стороны, и такими «историческими науками» от естествознания как астрономия, климатология, экология, эволюционная биология, геология, палеонтология – с другой, и явно переоценивая значение естественнонаучных экспериментов в работе историка. Многие главы из его книги, как и другие подобные работы историков-любителей, основаны на заимствованных, а подчас и непроверенных, материалах и идеях. Он сам не всегда замечает, что используемая им аргументация «работает» только на этнографическом материале и мало применима к истории более

⁷² Ibid. P. 56–58, 213.

развитых народов. Во всяком случае его анализ истории великих цивилизаций выглядит гораздо более слабым. Он оторван от постколониальных исследований, кругозор эколога не позволяет ему решать собственно исторические проблемы, имеющие гуманитарную подоплеку. Так, альтернативу функционализму он видит лишь в изучении истории великих людей, которую сам же справедливо называет тупиковым путем развития исторического знания⁷³.

По контрасту, историк Ф. Фернандес-Арместо в книге «Цивилизации» (2001), не упуская роли естественных факторов, более последовательно учитывает гуманитарные влияния и сближается с позицией Н. Элиаса, концепцией самоприручения человека, правда, интерпретируя ее более широко, как идею самопреобразования природы. В результате его книга, оставаясь гуманитарной, становится природоцентричной, антропоцентризм отрицается. Влияние среды учитывается во всех формах – детерминистской, попповской и имагологической. Подход Фернандеса-Арместо герменевтичен, он предполагает деконструкцию векторных образов времени и иерархических образов пространства, трансдисциплинарность, сознательное комбинирование разных подходов – естественнонаучных и гуманитарных, объясняющих и понимающих, макроисторических (применительно к империям) и микроисторических (применительно к общинам), в т.ч. биографических. Важнейшим источником исследования являются персональные свидетельства представителей местного населения, излагающих собственные взгляды на преимущества своего образа жизни, стратегий развития или выживания⁷⁴.

Мультиперспективизация, *конкуренция перспектив*, возможность «смены перспективы» составляют основу методологии Фернандеса-Арместо. «Классификация цивилизаций согласно... степени их развития» прямо ассоциируется им с нарциссизмом Запада. ««Примитивные общества» вообще не существуют... критерии берутся с поверхности зеркала», – пишет он⁷⁵. Для ухода от нормативных целостных образов намеренно умножается число источников и

⁷³ Ibid. P. 248, 258.

⁷⁴ Фернандес-Арместо Ф. Цивилизации. М., 2009. С. 406; Замятин Д.Н. На пути к геоспациализму: пространство и цивилизация в зеркале гуманитарной географии. Статья 1, 2 // Общественные науки и современность. 2011. № 5. С. 129–138; № 6. С. 165–173.

⁷⁵ Фернандес-Арместо Ф. Указ. соч. С. 32–33, 49.

прежде всего субъектов рассказа (местных жителей, путешественников, исследователей). В традиции «насыщенного описания» К. Гирца делается упор на их разногласиях. Правда, существует и образ «космического наблюдателя», который может игнорировать эти споры. Важно, что имеет место *поэтапное* изложение точек зрения, их сочетаний, а также связанных с последними недоумений и проблем. При этом негативная самоидентификация с «отбросами истории»⁷⁶ служит для дистанцирования автора от позиции судьи или внешнего наблюдателя с особой, предпочтительной точкой зрения.

Особенность эволюционизма Фернандеса-Арместо – уравнивание разных стратегий адаптации. Ценностью для него является не только поступательное развитие общества, преобразующего природу (*ароморфоз* в терминах А.Н. Северцова), как в работах классических эволюционистов, но и такие формы самосохранения, как *идиоадаптация* и *катагенез*⁷⁷. Конечным критерием успеха служит выживание людей, а не усложнение общества. Последнее можно рассматривать и как угрозу *устойчивости* социального целого. Вообще экологическая угроза цивилизации находится в центре интересов автора. В этом проявляется новая роль идеала устойчивости в XXI в. (в форме идеала устойчивого развития). Автор приводит лишь один пример того, как цивилизация пострадала от «размывания культуры» – историю Древнего Египта. Все остальные случаи гибели цивилизаций, по его наблюдениям, связаны с экологической неустойчивостью. В этом смысле положение бушменов с их отказом от цивилизации как таковой и стремлением жить в равновесии со средой обитания рассматривается Фернандесом-Арместо как *предпочтительное* по сравнению с экологически проблемной современной городской цивилизацией⁷⁸.

Более широкий, чем у предшественников, взгляд на историю цивилизации приводит Фернандеса-Арместо к потребности искать наследника вне современной цивилизации и даже за пределами ан-

⁷⁶ Там же. С. 453.

⁷⁷ *Идиоадаптация*, наряду с *ароморфозом*, является одним из главных эволюционных процессов живых организмов. В отличие от последнего, она способствует появлению не общих, а частных изменений, которые могут быть связаны с географическими особенностями территории их обитания и другими факторами воздействия внешней среды. *Катагенез* – регрессивная эволюция, связанная с переходом организмов в упрощенную экологическую среду и ведущая к упрощению их организации.

⁷⁸ Там же. С. 289.

тропного принципа, характерного для универсальной истории (*Big History*). Он, в духе трансдисциплинарного постантропоцентрического поворота Р. Брайдотти («жизнецентризма») видит его не в той или иной части человечества, а в нечеловеческих, более устойчивых формах жизни, например, в галисийских дубах, которые «сменяют нас без всякой злобы». И для Фернандеса-Арместо «соблазнительно счесть их торжество справедливым»⁷⁹.

Подобный диалогический подход наблюдается и у сторонников демографического подхода к истории. Дж. Голдстоун в книге «Почему Европа? Возвышение Запада в мировой истории. 1500–1850» высказал мысль, что Европа возвысилась лишь благодаря упадку других стран мира. Образ мировой истории у него встроено в характеристику географических условий (с использованием энергетических характеристик, восходящих к Л. Уайту и Ф. Спиру) и природных условий, особенно важных в древности, но основное внимание уделено циклам в истории демографии, экономики, общественной и культурной жизни Запада и Востока (прежде всего Англии и Китая). Признавая передовую роль и быстрое развитие хозяйств и культуры Востока в XV–XVIII вв., и во многом опираясь на концепцию А.Г. Франка, полагавшего, что доминирование Европы временное и связано с освоением опыта других цивилизаций, прежде всего Китая и Индии, социолог на основе сравнения целого ряда теорий экономического развития приходит к несколько иным выводам⁸⁰.

Дж. Голдстоун полагает, что, хотя еще в 1750 г. Европа мало отличалась от окружающего мира, ее первенство в значительной степени основано на внутренних, институциональных причинах, новых ресурсах, которые ей удалось мобилизовать. Религиозные войны и развитие науки подорвали влияние духовной и политической элиты, в конце XVIII – середине XIX в. по Европе прокатилась волна революций, вызванных перенаселением и перенасыщенностью рынка труда, появилась промышленная инновационная культура, стимулировавшая свободомыслие и религиозную толерантность. Важными факторами были особенности западного права, ограничение власти государства. При этом роль колониальных империй и рабовладельче-

⁷⁹ Там же. С. 675. См. также: *Braidotti R. The Posthuman*. N.Y., 2013.

⁸⁰ Голдстоун Дж. Почему Европа? Возвышение Запада в мировой истории. 1500–1850. М., 2014. С. 18–19, 30–32, 49–50, 55, 71, 102, 128. 18–19, 30–32, 49–50, 55, 71, 102, 128, 165–171.

ского хозяйства принижаются, роль капиталистической системы недооценивается. Голдстоун подчеркивает, что именно на Западе возникли социальные сети, связывавшие предпринимателей, изобретателей и ученых, и тем самым сложился механизм прогресса. Наличие или отсутствие этих сетей отличает потенциал развития современных стран⁸¹.

По сравнению с экологическим анализом Дж. Даймонда, взгляд Дж. Голдстоуна более ориентирован на современные гуманитарные подходы (вплоть до критики ориентализма, как у Э.В. Саида), на историю культуры. Он анализирует проблемы Осевого времени и мировых религий, соотношения сакрального и светского, критикует веберовскую апологию протестантизма как основы прогресса Запада (хотя порой кажется, что акцент делается на незначительности роли культуры как таковой). В центре внимания автора – научная революция, возникновение математизированного и эмпирического знания, стимулировавшее культуру инноваций. Его характеристика истории несколько более персонализирована, он выделяет как отдельные проблемы жизнь семьи или даже влияние на мировую историю отдельных людей, таких как Изабелла Испанская и Малинче Мексиканская. Однако его видение исторической перспективы вполне модернистское, позитивистское и прогрессистское, оно игнорирует глобальные проблемы, из-за которых модернизированное общество называют обществом риска⁸².

Сходные идеи развивает американский эколог П. Турчин, сын известного советского кибернетика-диссидента В.Ф. Турчина. Он впервые предложил использовать для обозначения исследований работ по популяционной динамике и математическому моделированию исторической динамики понятие *клиодинамика* (по аналогии с клиометрией Дж. Уильямсона), которое стало модным в России и используется для характеристики работ А.В. Коротаева, Л.Е. Гринина, С.А. Нефедова, Д.А. Халтуриной, Г.Г. Малинецкого, Д.С. Чернавского и др. В центре его внимания, как и у всех представителей неомальтузианства – аграрные общества и вековые социально-демографические циклы, с которыми он связывает, в частности, судьбы мировых империй. Действуя в рамках географического пос-

⁸¹ Там же. С. 13–15, 173, 182–186, 190–208, 224, 260–273.

⁸² Там же. С. 73–100, 121–122, 283–300.

сцибизма, Турчин при помощи математических моделей анализирует сложные, нелинейные обратные связи, возникающие в политических системах, их территориальную динамику, т.е. процесс возникновения и распада империй, тот спектр возможностей, которые предоставляют государству размер его территории, эффекты расстояний, географическое окружение, сопоставляя их с формами коллективной солидарности, как групповой, так и метаэтнической, имперской (в духе Ибн-Хальдуна эта форма солидарности называется им *ассабиийя*). Его также занимают процессы, происходящие на границах империй, в частности процессы ассимиляции и ее легитимизации. Развивая структурно-демографическую теорию Дж. Голдстоуна, он идет от финансово-демографической модели через модели круговорота элит и династических циклов – к описанию больших волн социально-экономической динамики. Он также рассматривает политическую нестабильность как эффект популяционной динамики, в частности вековых циклов⁸³.

Свой вклад в превращении исторической социологии в науку Турчин видит в изучении количественных изменений в мировой истории (территория государств, количество населения) и сложных обратных связей между ними при помощи выдвижения конкурирующих гипотез и их математической проверки, что позволяет, по его мнению, обеспечить большую точность знания, чем качественное моделирование. В работах П. Турчина историка привлекает его четкое понимание *принципиальной упрощенности* социологических моделей исторической реальности, в которых он видит прежде всего аргументы в диалоге. «Модель может быть оценена лишь в сравнении с другими, – пишет он, – учитывая, насколько точно она предсказывает реальные данные, насколько экономична и насколько ее предположения идут вразрез с действительностью»⁸⁴. Это означает, что вне диалога с историками, вне их профессионального признания самого подхода релевантным исторической реальности математические модели не имеют научного смысла. И это положение резко ставит вопрос о взаимодействии клиодинамики с исторической наукой как разновидностью гуманитарного знания.

⁸³ Турчин П.В. Историческая динамика. Как государства возвышаются и приходят в упадок. М., 2007. С. 34-35.

⁸⁴ Там же. С. 40.

6. Гуманитарные подходы в современной мировой и глобальной истории

Наиболее подробно гуманитарный проект современной глобальной истории описал один из соредакторов книги «Концептуализируя глобальную историю» (1993), американский индолог Р. Буултьенс. Он ввел понятие «плюрального исторического сознания», так как этика глобализма, по его мнению, должна соизмеряться с разными культурно обусловленными формами политического и культурного сознания у разных народов. Онтологическая глобальность дополнялась *эпистемологической глобальностью*, что исключает как холизм, так и монизм мировосприятия. Особенно это представлялось важным для «третьего мира», пространственно и по численности населения преобладающего на планете и сделавшего многое для прогресса человечества. Для этого необходим диалог западных и местных форм сознания, воплощенных в образах истории. Лишь этот путь к децентрированной картине прошлого соответствует потребностям «новой глобализированной цивилизации»⁸⁵.

Эта цель, по Р. Буултьенсу, достигается за счет релятивизации и критики существующих форм исторического сознания и требует, в частности, 1) соединения привычных научных векторных представлений о времени с азиатско-африканской традицией, не связанной с понятиями порядка, целостности и прогресса; 2) взаимодействия национально-государственного самосознания с расовым, культурным и религиозным; 3) учета маргинальных политических взглядов, марксизма и религиозно окрашенного наступательного традиционализма; 4) признания важности гендерной проблематики; 5) переоценки факта упадка науки в прошлом незападного мира, что может быть связано с временными факторами («темные века»); 6) внимания к религиозной проблематике, в частности к зависимости Запада от восточных религиозных центров; 7) осознания важности проблематики миграций с глобального Юга и Востока на Запад; 8) переоценки века Великих открытий в связи с мореходным опытом Китая⁸⁶.

Результатом такой трансформации будет «честное равновесие свидетельств», но оно не решает всех проблем. Для создания возмож-

⁸⁵ Buultjens R. Global History and the Third World // Conceptualizing Global History. P. 74.

⁸⁶ Ibid. P. 75–76, 78–81.

но более полного знания о прошлом необходимо пройти длинный путь к культурному диалогу, взаимодействию исторических сознаний и памяти. «Что возможно более важно, – писал далее Буултьенс, – так как любая осмысленная глобальная история должна также столкнуться с установленными понятиями и предрассудками, которые глубоко укоренены в историческом сознании как западного общества, так и общества “третьего мира”». В результате этого столкновения возникают важные вопросы историографии и техники исторического исследования, которым посвящена значительная часть его статьи. Главный вопрос – соотношение глобальной истории и западной истории человечества. Поскольку «в глобальной истории опыт “третьего мира” является существенным элементом, глобальная история в этом отношении резко расходится с западной историей», которая рассматривала «незападный мир как вторичный и примитивный»⁸⁷.

Задача глобальной истории – разрушать предрассудки и упрощения. Путь к этому Р. Буултьенс видит в деконструкции понятия «прогресс» и в последовательной критике теории модернизации, которая представляет собой специфически западное явление, неразрывное с позитивным представлением о западной цивилизации. Необходимо создать также продуктивный образ *незападного прогресса*, а значит – овладеть мультиперспективистским искусством написания глобальной истории с нескольких ценностных позиций⁸⁸.

В реальности эта программа была выполнена лишь отчасти. В книге Дж. Бентли, Г. Циглера и Х. Стритс «Традиции и встречи: Краткая глобальная история» (2006) авторы стремятся сделать периодизацию и вопросник возможно более общими, рассчитанными и на разные страны и культуры. Образы всех народов подаются максимально благожелательно, акцентируются проблемы динамического развития Востока и Юга. Глобальная история вслед за миросистемным подходом утверждает, что капитализм в Западной Европе мог процветать только потому, что в Восточной Европе, а затем и по всему миру вводились все более жестокие, рабские формы зависимого развития, позволявшие поставлять на Запад дешевые продукты и сырье. Но, подвергая сомнению европоцентристский образ эпохи мировых открытий и подробно описывая зверства завоевателей, гло-

⁸⁷ Ibid. P. 82-83.

⁸⁸ Ibid. P. 84, 89.

бальные историки тем не менее признают важность внутренних процессов в Европе и европейской экспансии, их роль в создании системы глобальной торговли⁸⁹.

При изучении раннего Нового времени, как в книге Дж. Уиллса «1688. Глобальная история» (2001), события, бросающие свой отблеск на современную историю, описываются персонализировано, как *связанная сеть* казусов. Это биографии пионеров глобализации, в личности или деятельности которых пересекались судьбы народов и которые пытались выстроить свою собственную идентификацию, а также специфические отношения к Другому. Их объединяет образ времени, эпоха барокко, утратившая равновесие классики и еще не нашедшая новое. Это время, когда «глобальные связи власти, денег, верований начали придавать миру его современную форму». В данном контексте выстраивается образ «мира миров», существование которых делает возможными сравнения. В его основе лежит концепция Ф. Броделя о миросистемах, описываются «мир деревянных кораблей», «мир островов», «много Африк», «мир великой (Голландской Ост-Индской) компании», «изолированные миры» России, Китая и Японии, «мир Великого Султана», «миры слов» в Европе, и Центр мира, предмет стремлений – Иерусалим. Все эти миры автор пытается показать в последовательности, но не логической, а эмпирической последовательности наблюдения. Это нарративное изображение подается как заведомый конструкт, обогащенный авторским воображением и домыслами, а потому принадлежащий отчасти художественной литературе, что не делает его менее продуктивным познавательно⁹⁰. Глобальная история Уиллса конструируется не нормативно-теоретически, а персонально-биографически, из множества индивидуальных историй конкретных персонажей, таких как писатели, мыслители и просветители разных стран, в которых взаимоотражения культур проявляются каждый раз индивидуальным, особым способом, составляя формирующуюся глобальность. Автор ставит важные герменевтические проблемы глобализации, такие как несопоставимость исторических представлений африканцев и европейцев, которая затрудняла взаимопонимание⁹¹.

⁸⁹ Bentley J.H., Ziegler H.F., Streets H.E. Traditions and Encounters: A Brief Global History. Beijing, 2008. P. 372-374, 389, 392, 510, 953.

⁹⁰ Wills J. E. 1688. A Global History. New York, 2001. P. VII–IX, 1–7, 15.

⁹¹ Ibid. P. 17, 38, 68, 74, 86, 89, 94, 99, 102, 129, 238–241.

Современная мировая история включает помимо глобальной истории целый ряд направлений исторического знания, таких как интернациональная история (история международных отношений, не центрированная на политике собственной страны и акцентирующая внимание на культурном диалоге), история цивилизаций (направленная на обеспечение диалога цивилизаций), транснациональная и транскультурная история (описывающие разнообразные процессы взаимодействия поверх и помимо границ), связанная история (история межрегиональных отношений, порожденных политическими связями, торговлей и культурными трансферами)⁹².

Наиболее интересным в методологическом отношении из них является проект перекрестной истории М. Вернера и Б. Циммерманн. Они выдвигают и обосновывают *идеал рефлексивности* – осмысления историком своих собственных действий, заставляющий на каждом этапе исследования последовательно соотносить предмет и вопросник, деятельность познания и самопознания, изучаемую культуру и культуру исследователя. Ослабление универалистских амбиций под влиянием постколониальной критики, – пишут они, – приводит к размножению и экспансии локальных смысловых, референциальных и деятельностных полей (точнее *spaces*, пространств), а культурный поворот фиксирует внимание на нередуцируемой к глобальности природе локальности. В условиях доминирования универсализма это кончается фрагментацией и релятивизацией знания⁹³.

Преодоление тупика, в котором стремление к универсальности и истинности знания порождает его локальные (европоцентристские, но также исламоцентристские и афроцентристские) модели и релятивистское отношение к результатам знания, предполагает, по их мне-

⁹² Culture and International History / Ed. J.C.E. Gienow-Hecht, F. Schumacher. N.Y., 2003; Internationale Geschichte: Themen – Ergebnisse – Aussichten / Loth W. und J. Osterhammel (Hgs.). München, 2000; Internationale Geschichte: Themen – Ergebnisse – Aussichten / Loth W. und J. Osterhammel (Hgs.). München, 2000; Jenseits des Eurozentrismus: Postkoloniale Perspektiven in den Geschichts- und Kulturwissenschaften / S. Conrad, Sh. Randeria (Hgs.). Frankfurt, 2002; Osterhammel J. Geshichtswissenschaft jenseits des Nationalstaats. Studien zu Beziehungsgeschichte und Zivilisationsvergleich. Göttingen, 2001; Subrahmanyam S. Explorations in Connected History: From the Tagus to the Ganges. Delhi, 2005; Connected Worlds: History in Transnational Perspective / Ed. by A. Curthoys, M. Lake. Canberra, 2005.

⁹³ Werner M., Zimmermann B. Beyond Comparison: *Histoire Croisée* and the Challenge of Reflexivity // History and Theory. 2006. Vol. 45. № 1. P. 30-31.

нию, смену познавательных приемов и стандартов исторического знания, особенно в областях, связанных с изучением межнациональных и межкультурных отношений (*relational approaches*). Из этой перспективы они подвергают критике стратегии сравнительных исследований и истории трансферов, которые предполагают возможность некоей универсальной методики или модели, способной обеспечить объективность знания и даже представляющей базовым условием опыта (например, симметричный характер сравнения, когда позиция исследователя позиционируется точно посередине между сравниваемыми объектами). Такая методика теоретически представима, но практически нереализуема. Ведь логически заданные формы сравнения превращают исторически подвижные, взаимопроникающие объекты сравнения в логически строгие, но исторически пустые бинарные оппозиции. Возникает угроза произвольной синхронизации объектов (в случае сравнения) или их диахронизации (при исследовании трансфера). Произвольным является и выбор масштаба сравнения – регион, национальное государство или цивилизация, но каждый из них имеет собственные исторические основания, и это затрудняет как их сочетание, так и движение между ними.

Такие недостатки трудно преодолимы даже в условиях ориентации исследователя на диалог⁹⁴. Чтобы преодолеть эти тупики, необходимо радикально проблематизировать предпосылочное знание, сделать его ситуативным, связанным с каждым конкретным поворотом исследования. Инструментом для этого оказывается *диалог*, который не сводится к передаче информации, а предполагает зависимость процесса коммуникации от внешней среды, учета разных модификаций культур, степени их податливости и «проницаемости», но также инерции и сопротивления.

Центральным для перекрестной истории является понятие взаимопересечения (*intersection*), которое предотвращает возможность спекуляций на тему описания культур в терминах индивидуальных целостностей (ср. «кристаллы» Янча), заставляет порвать с одномерной, упрощающей и гомогенизирующей познавательной перспективой ради многомерного подхода, учитывающего множественность и сложность конфигураций исследуемых объектов. Целостности презентуются не просто в отношении одна к другой, а одна *через*

⁹⁴ Ibid. P. 35.

другую, в терминах сложных взаимодействий и циркуляций⁹⁵. Идеал симметричности заменяется идеалом реципрокности (взаимности), так как элементы взаимодействия могут на деле обладать свойством асимметричности. Исследование предполагает разнообразные пересечения, которые затрагивают одновременно предмет исследования, метод и отношение исследователь-объект.

Таким образом, перекрестная история соединяет эмпирические и эпистемологические, рефлексивные элементы знания. Она имеет конструктивистский характер, так как предполагает, что объект исследования не является «уже данным», а создается наблюдателем. Объект рассматривается не «как таковой», а как результат разнообразных взаимопересечений, их предпосылок и результатов. В центре исследования – именно эти взаимопересечения, многосторонний, организованный по типу диалога процесс коммуникации между разными референтами: объектами, концептами, точками зрения исследователя и его коллег. Это не оставляет места для линейных схем, простых причинных связей, для произвольных точек зрения, так как они взаимно проблематизируются⁹⁶.

Наиболее оригинален в подходе Вернера и Циммерманн акцент на пересечениях национальных репрезентаций исторических процессов и профессиональных компетенций историка. Для них важна не фиксация *точки* зрения, а процесс изменения *угла* зрения. Это предполагает совмещение объяснения и понимания, а также разнородных компетенций, в том числе не совместимых идеологически или культурно. Этот мультиперспективистский подход учитывает достижения новой социальной истории и постколониальной критики, в частности сочетание «истории сверху» и «истории снизу», что создает условия для «двойной герменевтики», которая позволяет «пересобрать» элементы познавательной ситуации таким образом, чтобы родилось новое знание. В результате отношения исследователя и объекта становятся историзированными и рефлексивными. В процессе исследования проблематизируется *естественная установка* историка, связанная с языком, концептами и категориями, усвоенными в процессе образования. Это не гарантирует полной объективности знания, но создает условия для ее позитивной динамики⁹⁷.

⁹⁵ Ibid. P. 37–38.

⁹⁶ Ibid. P. 38–40.

⁹⁷ Ibid. P. 41–42.

Конструирование объекта представляет собой параллельное конфигурирование эмпирических и рефлексивных элементов. Многомерность видения пересеченного познавательного поля позволяет М. Вернеру и Б. Циммерманн по-своему решить и проблему масштаба исследований, предложив «мультископический» подход, «игру масштабов» (*jeu d'échelles*) как связь макроистории и микроистории. Тем самым они избегают дихотомической перспективы и создают возможность для варьирования точек зрения на прошлое путем изменения «фокуса зрения» исследователя в зависимости от свойств объекта исследования. Локальное у них выступает как «частная модуляция» глобального и в то же время предстает «отдельной версией» макросоциальных реалий. Образец для них – история повседневности, базирующаяся на антропологии социальных отношений⁹⁸.

Транснациональный масштаб исследования не рассматривается Вернером и Циммерманн как довесок к традиционным – локальному, региональному и национальному. По их мнению, глобальность производит *свою собственную логику* исследования, которая на основе обратной связи взаимодействует с другими логиками структурирования исторического пространства, организуя новую реальность, не сводимую к сумме культурных трансферов и доступную для анализа в контексте предлагаемого ими подхода методом «прагматической индукции». Это поликонтекстуальная реальность, заставляющая обратить внимание на то, как конкретно индивиды связывают себя с миром. Ярким примером этого является история Европы, которую сейчас уже нельзя свести ни к истории составляющих ее стран, ни даже их взаимоотношений, и которая требует рассмотрения в контексте «изменяемой геометрии» (*géometrie variable*), с точки зрения разнообразных транзакций, переговоров и интерпретаций⁹⁹.

Плюральность темпоральностей – важнейший инструмент идентификации и конструирования объектов исторического исследования. Например, сочетание времен большой и малой продолжительности ставит проблему сочетания деятельности и структур. Историчность как свойство объединяет наблюдателя, объект и инструменты исследования. Особым предметом изучения выступает историзация категорий, помогающая взорвать метафизические основания предпосылоч-

⁹⁸ Ibid. P. 42–43.

⁹⁹ Ibid. P. 43–44.

ного знания. Процесс-ориентированный взгляд на исследование помогает выявить, когда активна эмпирическая, когда — эпистемологическая стороны исследования. Учет этих обстоятельств позволяет перекрестной истории избежать ловушки «двойной эссенциализации»: 1) объективизации посредством фактов, когда последние рассматриваются как непосредственно доступные наблюдателю, и 2) реификации имплицитных и редукционистских моделей, которая «посредством тавтологий предопределяет результат исследования»¹⁰⁰.

Таким образом, «история извне» преодолевается ради «истории изнутри»; догматическая, идентификационная функция истории размывается ради торжества познавательной ее функции при помощи акцентирования роли коммуникации и диалога, превращения их в опору исторического мышления. Это стало возможным благодаря развитию авторами традиции школы «Анналов», представления М. Блока и Л. Февра об *истории-проблеме*, сочетанию, в духе Ф. Броделя, различных пространственных и временных шкал, взаимодействию несовпадающих национальных и профессиональных традиций и анализу последнего. Перекрестная история несет на себе отблески броделевского идеала исторического синтеза, но предполагает только диалог. Вместе с тем М. Вернер и Б. Циммерманн ограничивают возможности исторической регрессии и бесконечной контекстуализации, которые довели до абсурда постмодернисты, обозначая области релевантности исследовательских приемов поставленной задаче. Исследовательская процедура и исследуемый объект рассматриваются ими неразрывно, а сама перекрестная история — как челночное движение между ними¹⁰¹.

7. Особенности синергетического подхода к социально-гуманитарной проблематике в отечественной литературе

В отличие от мировой традиции в России 1990-х гг. синергетическая парадигма была воспринята как часть национального наследия и ей уделялось гораздо большее значение. О существовании Э. Янча ведущие специалисты по универсальной истории (*Big History*) зачастую узнавали из работ российских исследователей (в частности А.П. Назаретяна). Идеи Янча стали одной из основ проекта синергетически ориентированной постнеклассической науки, который разра-

¹⁰⁰ Ibid. P. 45–46.

¹⁰¹ Ibid. P. 49–50.

батывался под руководством В.С. Степина и В.И. Аршинова¹⁰². Особенно интересен подход Аршинова, который интерпретировал синергетику как формирующееся междисциплинарное научное направление эпохи постмодерна, трактуя его конструктивистски и проективно, как некую Х-науку, определение которой еще не создано, и акцентируя внимание прежде всего на гуманитарной, эпистемологической его составляющей. Наряду с трудами Г. Хакена, главную роль для него играли конструктивистские работы Ф. Варелы и У. Матурано, заставлявшие акцентировать внимание на процессах автопоэзиса в познании. При этом синергетика трактовалась весьма расширительно: в противовес классической логике бинарных оппозиций синергетической считалась ориентация на диалог, пограничную ситуацию, на контактные зоны между своим и чужим, в том числе естественнонаучным и социально-гуманитарным знанием, объяснением и пониманием. В.И. Аршинов пишет о «коммуникативной парадигме, одним из выражений которой и является синергетика», а не наоборот¹⁰³. Соответственно, актуальной оказывалась постмодернистская логика «различения» или «разнесения», хотя ее релятивистские следствия отрицались. Важную мировоззренческую роль играла идея Э. Ласло о глобализационных процессах как ядре исторической «эпохи бифуркации». Внимание к историческому знанию ограничивалось указанием на «большую историю». Конкретный анализ междисциплинарных проблем ограничивался в основном границей физики и биологии, некоторый интерес Аршинова вызывали проблемы социологии (гражданское общество), но не исторического знания¹⁰⁴.

Тем не менее, междисциплинарный подход Аршинова имеет большой нереализованный эпистемологический потенциал для исторической науки. В некоторых своих составляющих он сближается с рефлексивной перекрестной историей Вернера и Циммерманн. Вслед за немецким социологом Н. Луманом, также опиравшимся на труды

¹⁰² *Степин В.С.* От классической к постнеклассической науке (изменение оснований и ценностных ориентаций) // *Ценностные аспекты развития науки* / Отв. ред. Н.С. Злобин, В.Ж. Келле. М., 1990. С. 152–166; *Степин В.С.* Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различия // *Постнеклассика: философия, наука, культура* / Отв. ред. Л.П. Киященко, В.С. Степин. СПб., 2009. С. 249–295; *Аршинов В.И.* Синергетика как феномен постнеклассической науки. М., 1999.

¹⁰³ *Аршинов В.И.* Указ. соч. С. 28.

¹⁰⁴ Там же. С. 1–2, 8, 10, 29–30, 39, 44, 116, 140.

Варелы и Матурано, Аршинов настаивает на рефлексивном «циркулярном отношении к предмету», в рамках которого утрачивает значение вопрос, задает ли реальность мира его образ или наоборот (как на рисунках М.К. Эшера). В формировании образа мира большую роль играет личностное знание ученого, его поиск истины и одновременно – экзистенциальное стремление к саморазвитию, самореализации. Их совместные плоды создают сеть взаимосвязанных гештальтов реальности. На этой основе Аршинов отрицает возможность «внешнего наблюдателя» или метанаблюдателя (т.е. «позиции Бога»). Результатом является постулат плюрализма и многоликости постнеклассических, синергетических образов реальности, идеалом науки становится не их единство и завершенность, а, как писал Я. Хакинг, «величайшая множественность» и принципиальная незавершенность интерпретаций, неустраимость метафор. Это не делает постнеклассическое знание релятивистским: ведь и человеческие языки множественны и открыты развитию, что при наличии словарей и школ перевода не создает препятствий познанию. В этом особенность гештальта синергетического знания (и языка) как открытых коммуникативных систем, работающих на границе между миром и личностью человека¹⁰⁵.

Благодаря вниманию к теории личностного знания М. Полани (не путать с субъективизмом) происходит гуманитаризация физического знания, которое является основным предметом внимания В.И. Аршинова. В него входят циркулярная (или герменевтическая) логика, представления феноменологической герменевтики П. Рикёра, внимание к лингвистике Л. Витгенштейна и «лингвистическому повороту» (в его философской интерпретации), а также к идеям психотерапии А. Маслоу, Ф. Перлза и Г. Бейтсона как новой науки о человеке. В определенной мере постнеклассическую эпистемологию В.И. Аршинова можно назвать не только синергетической, но и конструктивистской, саморефлексивной, диалогической, феноменолого-герменевтической и психотерапевтической¹⁰⁶.

Однако, обращаясь к личности ученого и к ситуации исследования «здесь и сейчас», В.И. Аршинов упускает два обстоятельства, две пограничные ситуации, которые тоже можно и, как представляется, нужно интерпретировать синергетически. Во-первых, это ис-

¹⁰⁵ Там же. С. 7, 9, 17, 25, 44-45, 139, 143.

¹⁰⁶ Там же. С. 11-30, 50, 71, 151.

торичность личности ученого (становление субъекта познания, вопрос о котором неоднократно ставится, но не решается¹⁰⁷), его связь с разновидностями семьи, образовательными институтами, научными и философскими школами, которая игнорируется из ситуации «здесь и сейчас», а также из постулата о безличности универсального, объективного и истинностного «языка наука». Во-вторых, это принадлежность ученого к *определенной культуре и эпохе развития этой культуры*, воздействия которых усугубляют ситуацию «вращения в языке» до положения, обозначенного релятивистской гипотезой лингвистической относительности Сепир-Уорфа (В.И. Аршинов обращается к ней только для интерпретации топологической теории языка Р. Тома)¹⁰⁸. Тем самым у Аршинова исчезают свойственные Янчу идеалы множественности культур и культурного релятивизма. Историческое же измерение вводит в постнеклассическое знание приемы интеллектуальной истории, не реализуемые в рамках универсалистских, чисто теоретических подходов и актуализирующие проблематику микроистории и *case-studies*, а историко-культурное – проблематику К. Гирца и «томографического», сканирующего подхода к анализу слоев транскультурной ситуации. А такой уровень контекстуализации научного знания требует от синергетического эпистемолога совершенно нового уровня рефлексии по поводу исторической науки во всей ее сложности и отчасти сдвигает познавательный идеал от постнеклассического к неклассическому.

Правда, даже такой проективный подход к синергетике доступен далеко не всем. Преобладающими являются попытки приспособить понятийный аппарат синергетики к решению конкретных проблем гуманитарного знания. Типична в этом смысле книга В.В. Васильковой «Порядок и хаос в развитии социальных систем» (1999). Внешне подход автора очень похож на рассуждения В.И. Аршинова и даже в чем-то ближе к исторической проблематике: в частности, исследуются истоки синергетических идей, таких как порядок, хаос, организация в древних космогониях, социологии, воздействие естественнонаучных

¹⁰⁷ Там же. С. 152–153, 156.

¹⁰⁸ Там же. С. 35, 45. Сведение в конце книги образа синергетики к хаковской метафоре лазера, с точки зрения историка идей, уводит автора в сторону физикализации ее образа, и сбивчивые интерпретации хаковской оговорки «лазер не мир» (в том числе антиуниверсалистские) только делают это впечатление более ярким. См. там же. С. 149–159.

идей на социальное знание. Исторически рассматривается кризис классической парадигмы социального знания и воздействие идей самоорганизации, в частности кондратьевских длинных волн на синергетическую интерпретацию циклических теорий социального развития. Наконец, объяснение отчасти дополняется попытками герменевтического толкования архетипических образов идеального миропорядка¹⁰⁹. Но интерпретация Васильковой, если и отличается от марксистской трактовки истории идей, то довольно близка к социологизаторской, классической истории идей 1920–1930-х гг. Автор ищет в истории идей одновременно универсального, инвариантного, объяснимого и (в стиле идей синергетики) «непрозрачного», спонтанного, необратимого. И находит последние в феноменах коллективного бессознательного и символического мировосприятия. Интерпретация «архаических» черт культуры Васильковой близка современным историческим подходам, дистанцирующимся от иерархических моделей линейно-стадиальных цивилизационных теорий и критически настроенным в отношении сциентизма. Но тут же автор создает новую универсальную иерархическую модель, «единый иерархический системный алгоритм мироустройства по законам упорядочения», основанные на теории архетипов К.Г. Юнга, модной в России 1990-х гг. В результате герменевтическое по интенции исследование, ориентированное на синергетический «полидетерминизм», оказывается довольно нудной объясняющей схемой, своего рода философией истории познания (теория Юнга рассматривается как «философия души современного человека, духовно расчлененного... но стремящегося соединиться с Вечностью, Абсолютом...»¹¹⁰. За всем этим стоит классический идеал целостности, достигаемый в процессе индивидуации.

В результате вместо постмодернистских «разнесений» сторон бинарных оппозиций, таких как рациональное и иррациональное, и герменевтического исследования конкретных культурных форм, мы получаем детерминистскую универсалистскую схему, в которой определяющим фактором служат «законы миропорядка, сгруппированные и выраженные в архетипических символах и смыслах». Единственным ее отличием от других детерминистских схем (экономических, марксистских или неомальтузианских) являются попытки подставить под

¹⁰⁹ Василькова В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем: (Синергетика и теория социальной организации). СПб., 1999.

¹¹⁰ Там же. С. 346–354.

определение процессов синергетические термины («законы универсального подобия», выраженные в законах миропорядка, интерпретируются, например, как «глобальный фрактал»). Место новогоднего праздника в сакральной мироорганизации трактуется как «модель рождения “порядка из хаоса”». Утопии именуются «идеологическими странными аттракторами». При характеристике подобных явлений автор подчас использует далеко не достоверные исследования¹¹¹.

Станным образом из этой истории мифов, ритуалов и утопий выпадают важнейшие этапы истории идей: Осевое время, когда создаются мировые религии и Научная революция XVI–XIX вв., которую подчас называют Вторым осевым временем. Вопреки представлениям синергетики о необратимости времени на первый план выступают циклические процессы, которые не меняют своего смысла с ходом истории человечества. Мы встречаемся здесь с вариантом мифа «Вечного Возвращения»¹¹². Он целиком дедуктивно выводится из первоначальной посылки автора о роли архетипов бессознательно-го в истории человечества и в этом смысле противостоит интеллектуальной истории с ее попытками понять конкретные условия, порождающие те или иные представления. Не случайно чтение книги может пробудить желание обратиться к автору примененное им самим осуждение использования синергетических терминов неспециалистами как неких «магических формул»¹¹³. Синергетическое понимание вытесняется синергетическим объяснением.

¹¹¹ Там же. С. 376, 385, 407, 457.

¹¹² Там же. С. 412, 446.

¹¹³ Там же. С. 458. Надо отметить, что исследования в области пограничных явлений и контактных зон, которые В.И. Аршинов причисляет к познавательному полю синергетики, даже с установкой на ценность диалога, вызывают большие трудности и сползание к классической, порой просто гегелевской рациональности у философов и историков, не употребляющих синергетических понятий. Каждый раз возникает стремление уйти от диалога в сторону синтеза, сопровождающегося снятием опыта одной из сторон. Речь идет, в частности, об исследовании пограничных цивилизаций Я.Г. Шемякиным и места российской цивилизации в мире А.С. Ахиезером (характеристика взглядов Я.Г. Шемякина ниже будет дана подробнее). См.: *Шемякин Я.Г.* Европа и Латинская Америка: взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории. М., 2001; *Ахиезер А.С.* Труды. М., 2006. Как правило, преференция в России отдается идеалам Запада в ущерб местным, но порой за рубежом в рамках постколониального дискурса делаются попытки «снятия» идеалов Запада (прямая «провинциализация» Европы у Д. Чакрабарти или косвенная у Э. Дусселя). См.: *Chakrabarty D.* Provincializing Europe Postcolonial Thought and Historical Differ-

Для того, чтобы оценить пропасть, которая разделяет подходы философов-синергетиков и историков, достаточно обратиться к близкой по теме книге З.А. Чеканцевой «Порядок и беспорядок: протестующая толпа во Франции между Фрондой и Революцией» (1996). «Новая история», на познавательные идеалы которой ориентируется автор, гораздо радикальнее рвет с объяснительной парадигмой и детерминизмом классического историзма. Для автора объяснительные схемы заведомо вторичны, в освещении каждой из тем Чеканцева ориентирована на характеристику позиции индивида и ментальных оснований его деятельности. При этом она ясно осознает важность того, что В.И. Аршинов назвал бы *синергетическими проблемами*. Это специфическая пограничность экологических проблем крестьянства, идеально-типических и конкретных форм бунта, культурных традиций и нелинейности бунта, стереотипов и местных форм коллективного воображаемого, культурных, идентификационных и правовых оснований бунта, языка бунтовщиков, проявляющегося в их жестах: утопии рациональной и утопии экзистенциальной; важность источниковедческих проблем освещения бунтов чиновниками, исследовательских проблем интерпретации поведения бунтовщиков, необходимость преодоления (даже при наличии подтверждающих идею статистических данных) «телеологического видения», заданного исторической перспективой, сочетание разных интерпретаций данного явления¹¹⁴.

Независимость от понятийного аппарата синергетической теории позволяет автору не ставить перед собой задачи создания универсалистской схемы, более того, заставляет видеть в такой схеме угрозу; побуждает решать познавательные проблемы индуктивно, плюралистически (опять-таки в духе Аршинова), выстраивая сразу несколько моделей с учетом синкретичности сознания крестьян: 1) бунт способствует воспроизводству традиционного общества в условиях реформ и новаций, разрушения традиционного общества; 2) бунт способствует складыванию в рамках эгалитарной народной утопии идеала прав человека, который будучи оформлен интеллектуалами, станет один из оснований эпохи модерна; и наконец, 3) бунт способствует «сохранению главной нравственной генетической ли-

ence. Princeton, Oxford, 2007; Dussel E. The Underside of Modernity: Apel, Ricoeur, Rorty, Taylor and the Philosophy of Liberation. New York, 1996.

¹¹⁴ Чеканцева З.А. Порядок и беспорядок: протестующая толпа во Франции между Фрондой и Революцией. Новосибирск, 1996. С. 14, 18, 205–216, 220–221.

нии эволюции» в эпоху хаоса переходных форм¹¹⁵. Это множество векторов можно трактовать как точку бифуркации в истории или как странный аттрактор, но прибавило ли бы это исторических знаний? На взгляд историка, этот подход гораздо плодотворнее, чем скучная выводная схема В.В. Васильковой.

При этом теоретический уровень работы весьма высок. Основанием конструирования познавательной ситуации становятся эпистемологические проблемы (вплоть до дистанцирования двоякого отношения сторонников «новой истории» к понятиям «наука» и «научный статус»), а также предлагаемые историками модели интерпретации крестьянских бунтов, прежде всего субъектный диалогический подход, связанный с отказом от детерминизма и претензий на объяснение, от «телефонной бинарности» причинно-следственных связей, от финалистских моделей «завершенного» познания¹¹⁶, а также подходы к историческому времени, социальности, власти, «моральной экономике», соотношению бунта и культуры, пониманию языка толпы. Под созданный на их основе вопросник подбираются источники. Помимо взглядов французских представителей «новой истории» учитываются подходы наиболее продвинутых отечественных антропологов, таких как В.А. Тишков, ставящих проблемы самоорганизации общества, а также философов и кибернетиков (А.Д. Урсул и В.Г. Пушкин). Но все эти междисциплинарные подходы и трансдисциплинарная постановка проблем ориентированы на интересы исторической интерпретации конкретных событий, что позволяет гораздо глубже ставить вопросы, в частности более непредвзято и дифференцированно, чем В.В. Василькова, подходить к мифам, ритуалам и утопиям¹¹⁷.

* * *

В исследованиях мировой истории естественнонаучными и гуманитарными методами до сих пор превалирует логика противостояния, которая не позволяет охарактеризовать познавательную ситуацию с какой-то общей позиции и вести развернутый диалог между

¹¹⁵ Там же. С. 16–18, 216–221.

¹¹⁶ Понимание плюральности познавательных моделей и незавершенности научного знания у З.А. Чеканцевой не менее глубокое, чем у В.И. Аршинова, но совершенно по-другому оформленное и не обремененное претензиями на обновление парадигмы научного знания как целого. Оно связано скорее с неклассической, чем с постнеклассической традицией.

¹¹⁷ Там же. С. 11–18, 21 (сн. 3), 24 (сн. 27–29).

ними. В практике современной мировой истории конфликтуют два видения человека, на которые указывал А.Я. Гуревич: как телесного и как духовного, с точки зрения динамики популяции и с точки зрения динамики ментальностей. Правда, в мировой историографии глобальной истории влияние идей их синтеза проявляется по-разному, в зависимости от отношения к сциентизму и идеалам холизма и мультиперспективизации исторического знания: сильнее в книгах П. Мэннинга и ориентирующихся на него Г. Иггерса и Э. Вана, слабее у Ю. Остерхаммеля и Д. Заксенмайера¹¹⁸. Существуют примеры успешного симбиоза этих направлений, из них наиболее масштабный – пятитомная «Беркширская энциклопедия мировой истории» (2005), созданная под руководством У. Макнила в открыто заявленной инклюзивистской манере: в редакционной коллегии участвовали такие разные авторы как Дж. Бентли и Д. Кристиан. При определении позиции исследователей, их исследовательской перспективы применялись два разных определения: холистская и связанная (*connected*) история, т.е. в сущности речь шла о перекрестной истории, хотя М. Вернер и Б. Циммерманн в книге участия не принимали. Любопытно, что при неприязненном отношении большинства редакторов к линейно-стадиальной, хронологической периодизации мировой истории, не учитывающей разнообразия прошлого регионов Земли, введение именно такого рода под названием «Этот мимолежный мир: общий взгляд на человеческую историю» было доверено написать Д. Кристиану. Но оно выглядит как вставная часть, «книга в книге», что отмечено, в частности, особой пагинацией, выделяющей ее в тексте первого тома¹¹⁹.

Предпосылкой такой терпимости является широкий взгляд и ориентация на диалог представителей гуманитарного подхода к мировой истории. В частности, Дж. Бентли, описывая в своей статье «Образы мировой истории в исследованиях XX века» (2001) состояние мировой истории на рубеже XXI в., признавал самые широкие возможности ее исследования: от естественнонаучных, в том числе

¹¹⁸ Manning P. Op. cit. P. 150, 265–300, 375–376; Iggers G., Van E. Глобальная история современной историографии. М., 2012. С. 275–344, 420–429; Osterhammel J. Geschichtswissenschaft jenseits des Nationalstaats...; Sachsenmaier D. Global Perspectives on Global History: Theories and Approaches in a Connected World. N.Y., 2011. P. 13, 132, 160.

¹¹⁹ Berkshire Encyclopedia of World History. 5 vols. Vol. 1 / Eds. W.H. McNeill, J.H. Bentley, D. Christian, D. Levinson, J.R. McNeill, H. Roupp, J.P. Zinsser. Great Barrington, 2005. P. xliii, xliiv–xlv, 1–56.

экологических подходов, макроэкономики и макросоциологии, установления законов истории (перечисляя труды сторонников теории модернизации и раннего У. Макнила) – до изучения межкультурных взаимодействий и трансферов. Но при этом Бентли указывал, что сравнительные межкультурные исследования часто отражают не столько природу исследуемого, сколько интересы исследователей и решительно возражал против давления предпосылочного знания, априорных интеллектуальных обязательств. Он выступал также против мифа об исключительности Запада и подчеркивал роль тех, кто стремился продемонстрировать, что незападные и особенно колониальные народы являются активными акторами культурных взаимодействий в мировой истории. Он видел и опасность методологического или *логического* европоцентризма, за который упрекал создателей миросистемного подхода, таких как Э. Вульф, пытавшихся показать роль в модернизации колониальных народов, исходя из западной логики причинности¹²⁰.

В отечественной историографии подходы к перспективам мировой и глобальной истории также разнятся. Сциентистский, холистский и объективистский взгляд на ее развитие представляет хрестоматия «Универсальная и глобальная история. Эволюция Вселенной, Земли, жизни и общества» (2012), в которой делается упор на сходстве разных фаз истории Вселенной и человека, новых методах их изучения и утверждении новых авторитетов в этой области. Это метод-ориентированное направление предлагает модели для исследования фиксированного предмета – Мир-Системы.¹²¹ И.М. Савельева также смотрит на развитие исторического знания из линейной и метод-ориентированной перспективы, но акцентирует внимание на силе волны нововведений в методах историков в 1960–1990-х гг. и ее слабости в начале XXI в., на отсутствии новых авторитетных исто-

¹²⁰ Bentley J. Shapes of World History in Twentieth-Century Scholarship // *Agricultural and Pastoral Societies in Ancient and Classical History* / Ed. M.P. Adas. Philadelphia, 2001. P. 3–35. Очень плохой перевод этой статьи на русский язык свидетельствует о масштабах непонимания социологами идей новой мировой и глобальной истории: Эссе по глобальной и сравнительной истории. Образы мировой истории в научных исследованиях двадцатого века. Джерри Бентли. Предисловие Майкла Адаса (<http://www.nsu.ru/filf/rpha/papers/geoecon/bentley.htm#topic5>).

¹²¹ Универсальная и глобальная история. Эволюция Вселенной, Земли, жизни и общества / Под ред. Л.Е. Гринина, И.В. Ильина, А.В. Коротаева. Волгоград, 2012.

риков в глобальной истории. Она связывает ее распространение преимущественно с пространственным поворотом в историографии и влиянием постколониальной критики, которые относит ко второй половине XX в. Для нее важно сохранение традиции классического подхода к истории, а потому она отчасти игнорирует границы глобальной и всеобщей истории, гуманитарных и естественнонаучных подходов в глобальной и универсальной истории (*Big History*), перспективы последней она видит в рамках биологического и когнитивного поворотов. Однако Савельева связывает свои надежды не с холизмом, а с изучением проблем ситуативности и неустойчивости, характерных для «третьей волны» в социологии¹²².

Для Л.П. Репиной граница всеобщей и глобальной истории более важна, как и деконструктивистские и конструктивистские (предмет-ориентированные) стратегии исторического познания, поиск диалога между классическими и неклассическими подходами, новых форм взаимодействия дисциплин в трандисциплинарном историческом знании, а также развитие мультиперспективизации, в частности взаимодействия глобального и локального. Идеал мультиперспективизации, воплощенный в проекте перекрестной истории М. Вернера и Б. Циммерманн, имеющий гуманитарное, неклассическое, рефлексивное ядро, представляется ей центральным в развитии современной мировой истории¹²³. И.Н. Ионов рассматривает прежде всего гуманитарные аспекты глобальной истории, деконструкцию старых и конструирование новых предметов исторического знания, почти полностью отстраняясь от направлений, не затронутых влиянием неклассического знания и историографических «поворотов», таких как *Big History*. Он трактует развитие глобальной истории в циклическом контексте, в связи с теорией «процесса цивилизации» Н. Элиаса и его школы и указывает, что подъем этого направления знаний связан с демократическим движением в мире в 1960–1970-х гг., а его частичный откат – с реакцией 1980–2010 гг. Для него глобальная история – результат многочисленных, особенно часто повторяющихся с конца XIX в. и 1920-х гг. шагов в сторону мультиперспективизации и

¹²² Савельева И.М. Что случилось с «Историей и теорией»? С. 18–26, 29–32.

¹²³ Репина Л.П. Историческая наука и современное общество // Новый образ исторической науки в век глобализации и информатизации. М., 2005. С. 10; Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. С. 26–27, 205, 221, 224–226, 250–251, 283.

релятивизации исторического знания, наследие революционной эпохи, которое может десятилетия оставаться неактуальным, превратившись в объект критики и преодоления, но скорее всего вновь станет востребованным из-за действия более масштабного многовекового тренда, а потому требует осмысления как в исторической ретроспективе, так и в историографической конкретике¹²⁴.

Сбалансированным отношением к разным традициям отличается отечественная школа мировой истории, представленная созданной в Институте всеобщей истории РАН «Всемирной историей» (2011–2016) и выпуском Электронного научно-образовательного журнала «История» «Ученые, знания и власть в колониальных и континентальных империях» (2015)¹²⁵. Несмотря на господство страноведческого подхода, опора на традицию миросистемного подхода проявляется уже в первых томах «Всемирной истории» при характеристике предмета исследования, в котором прослеживаются черты Мир-Системы и Азиатского века, а пятый том прямо начинается со ссылок на работы Э. Хобсбаума, Ф. Броделя, Э.В. Саида и Ю. Остерхаммеля и предлагает разносторонний подход к предмету исследования. В нем уделяется большое внимание как анализу объективных условий деятельности человека – демографическому взрыву, технологической революции, урбанизации, так и новым путям осмысления условий и целей этой деятельности – формированию новых иерархий в мировой политике, западному цивилизационному сознанию, образам Иного¹²⁶. Важным шагом в том же направлении стал диалог между отечественной традицией изучения «холодной войны» и подходами глобальной и интернациональной истории в работах М.А. Липкина, направленный на «транснациональный анализ столетия», сочетающий изучение реальной и воображаемой «мировой системы социализма»¹²⁷.

¹²⁴ *Ионов И.Н.* Мировая история в глобальный век. С. 9–15, 70–81, 105–117, 135–159, 354–398, 443–449.

¹²⁵ *Всемирная история в шести томах* / Гл. ред. А.О. Чубарьян. М., 2011–2015; Электронный научно-образовательный журнал «История». Вып. 4 (27). *Ученые, знания и власть в колониальных и континентальных империях* / Под ред. В.С. Мирзеханова, О.В. Окуневой, С.Б. Вольфсона. М., 2015. 267 с.

¹²⁶ *Всемирная история в шести томах. Т. 5. Мир в XIX веке: на пути к индустриальной цивилизации* / Отв. ред. В.С. Мирзеханов. М., 2015. С. 5–20.

¹²⁷ *Липкин М.А.* Влияние глобальной истории на проблемное поле «холодной войны» // *Глобальная история. Современная проблематика и новые исследовательские направления* / Ред. О.В. Воробьева, З.А. Чеканцевой. М., 2015. С. 20–22.

Развивая мысль А.Я. Гуревича, можно предположить, что в социологической перспективе теоретической предпосылкой развития диалога между естественниками и гуманитариями могут стать модели циклического развития, которые интересовали школы, созданные сравниваемыми им двумя авторами – Ф. Броделем и Н. Элиасом¹²⁸. Это модели, изучающие разные, казалось бы не связанные стороны исторической реальности: экономико-демографические, конъюнктурные циклы подъемов и упадков в истории империй, государств и обществ, которые исследует П. Турчин¹²⁹, и ментальные циклы изменений поведения, эмоционального мира, структуры личности, которые исследует ученик Элиаса К. Вутерс, прослеживая динамику ментальностей между полюсами информализации «Конца века» (*Fin de siècle* 1890-х гг.), «Ревущих двадцатых» (*Roaring Twenties* 1920-х гг.) и «Революцией самовыражения» (*Expressive revolution* 1960–1970-х гг.), с одной стороны, и реформализации начала XX в., 1930–1950-х гг. и современного периода – с другой¹³⁰.

Интерес к циклическим моделям разного рода в сочетании с подходом перекрестной истории, позволяющей и даже требующей рядоположенности разных срезов истории, использования разных компетенций историка, разных теоретических моделей, призванных раскрыть ту или иную сторону прошлого, создает предпосылки для движения вперед – к диалогу естественнонаучных и гуманитарных подходов в современной мировой истории. Совпадения и разрывы в описании реальности прошлого, которые дают эти модели, – само по себе поле для эпистемологических изысканий, взаимной фальсификации моделей, столкновения разных интерпретаций, способных положить начало такому диалогу.

¹²⁸ Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа «Анналов». С. 126–129.

¹²⁹ Turchin P., Nefedov S.A. *Secular Cycles*. Princeton, 2009.

¹³⁰ Wouters C. *Informalisation: Manners and Emotions since 1890*. L., 2007. P. 167–170, 174–175, 187; см. также: Ионов И.Н. Мировая история в глобальный век. С. 142–148.

ГЛАВА 3

Мировая история эпохи глобализации и отечественные исследования по истории России

Проследив соотношение естественнонаучных и гуманитарных подходов к мировой истории, можно обратиться к практике отечественных исследователей, воспроизводящей общемировые тенденции, но ориентированной так или иначе на освещение проблем истории России. Она обладает некоторыми особенностями, которые нужно анализировать и причины которых необходимо понимать. Главная из них – большая инерционность отечественной исторической мысли, большее влияние на нее неотыгранной в условиях господства марксизма позитивистской традиции, меньшая ее затронутость историографическими «поворотами» конца XX – начала XXI в.

1. Естественнонаучные подходы к истории России Социоестественная история

В условиях новой России формирование научных направлений часто связано с резким размежеванием с традиционной советской историографией, подвергавшейся заслуженной критике. Однако при этом сторонники естественнонаучных подходов, не являвшиеся по образованию историками и слабо знакомые с современной западной историографией, зачастую распространяли свое нелестное мнение о советских учебниках истории на историческое и гуманитарное знание вообще. При этом они некритически воспринимали познавательные модели, усвоенные из тех зарубежных книг, которые были доступны в СССР и делали их основой для своих нововведений. Многие из них были востоковедами, так как история Востока развивалась в СССР более свободно. Но востоковеды в условиях господства линейно-стадиальных, прогрессистских схем истории (пусть в марксистском, а не позитивистском виде) являлись латентными носителями ориентализма, который представлялся им научным мировоззрением, являясь на деле колониальной идеологией.

Примером могут служить ранние работы известного востоковеда-экономиста Э.С. Кульпина-Губайдуллина, основателя школы ис-

следований по социоестественной истории, который считал, что «для гуманитария факт – объект почитания и полного доверия», и приписывал критический подход, фальсификационизм и идеал воспроизводимого знания исключительно естественникам¹. Поэтому он призывал историков к работе на стыке естественных и гуманитарных наук и реинтерпретировал понятия исторической науки в биологизаторском духе (приравнивая цивилизацию к гумилевскому суперэтносу). Соответственно, образы цивилизаций, которые были для него главным предметом исследования, трактовались им структуралистски (ценности описывались как «генетические коды цивилизаций»)². Социоестественная история осмысливала себя как синергетическое и материалистическое течение в историческом знании, направленное на конкретизацию идей К. Маркса³. Однако Э.С. Кульпин подчеркивал активную роль общества во взаимодействии с природой, то есть отходил от детерминизма в сторону экологического поппозитизма, что было передовым в тех условиях. Конструкционистские и постмодернистские идеи им явно недооценивались⁴.

Внимание Кульпина сосредоточилось в соответствии с принципами синергетики на моментах бифуркации, которые он связывал с катастрофами в жизни суперэтнуса, «комплексным социально-экологическим кризисом, кризисом одновременно природы и общества». В своей классификации цивилизаций он в согласии с ориентализмом XIX в. и веберовской социологией характеризовал ценностные системы Европы и Азии как альтернативные, связывая идеал Востока с государственностью, традицией, иерархией и ритуалом, стабильностью, а идеал Запада – с личностью, свободой, равенством и братством, трудом, частной собственностью и развитием. Единственным нововведением в данном случае было то, что речь в его работах шла о «выборе нового канала эволюции», что заставляло его признавать правомочность восточной системы ценностей и позволяло критиковать М. Вебера за отступления от позиции уравнивания разных

¹ Кульпин Э.С. Бифуркация Запад – Восток. Введение в социоестественную историю. М., 1996. С. 11, 16.

² Кульпин Э.С. Генетические коды цивилизаций. М., 1995.

³ Столярова Г.Ф. Экологическое мировоззрение на грани веков // История и современность. 2005. № 2. С. 132, 135.

⁴ Кульпин Э.С. Социоестественная история – ответ на вызовы времени // Историческая психология и социология истории. 2008. № 1. С. 198–207.

форм рационализации поведения⁵. Эта теория позволяла автору хорошо объяснять «Культурную революцию» в Китае, но уже его объяснение китайского «экономического чуда» было куда менее эффективно и связывалось не с ценностными, цивилизационными («сущностными»), а лишь демографическими («конъюнктурными») причинами⁶.

Исследования по социоестественной истории России Кульпин-Губайдуллин начал в начале истории новой России, когда с социологом В.И. Пантиным написал книгу «Решающий опыт» (1993) о роли социально-экологических кризисов в отечественной истории. Его представления о первом из этих кризисов, который он считал главным и системообразующим, были развиты в книге «Путь России» (1995). В этих исследованиях, которые имели широкий сравнительный характер и велись с либеральной, западнической позиции, автор доказывал зависимость возникновения российских форм государственности (самодержавия и большевизма) от характера взаимодействия человека и природы в России. Он выделил в истории страны социоприродные кризисы, обусловившие цивилизационные выборы, которые оказались направленными, в конечном счете, к доминированию экстенсивных путей развития, связанных с преобладанием авторитарных режимов и бесправия населения⁷. При этом он дистанцировался от мальтузианской традиции и исследовал динамику населения России в условиях сокращающейся экологической ниши, в отличие от неомальтузианской демографически-структурной теории, которая, по замечанию С.А. Нефедова, полагает емкость ниши постоянной или увеличивающейся⁸. Тем самым Кульпин, признавая различия путей Запада и России, несколько релятивизировал негативные оценки российской действительности, сославшись на влияние природных условий, что опровергалось более последовательными либералами-западниками⁹. С его точки зрения, сквозное влияние на народную культуру России,

⁵ Кульпин Э.С. Бифуркация Запад-Восток. С. 142–153.

⁶ Там же. С. 177–187.

⁷ Кульпин Э.С., Пантин В.И. Решающий опыт. М., 1993; Кульпин Э.С. Путь России. М., 1995; Кульпин Э.С. Путь России. Генезис кризисов природы и общества в России. М., 2008.

⁸ Нефедов С.А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV – начало XX века. Екатеринбург, 2005. С. 20.

⁹ См.: Миронов Б.Н. Кто виноват: природа или институты: географический фактор в истории России // Общественные науки и современность. 2014. № 5; 2015. № 1.

вызвавшее крестьянские войны и революции, оказала затянувшаяся эпоха подсечно-огневого земледелия, которая породила завышенные экономические ожидания (так как урожайность при освоении новых земель на подсеке существенно выше, чем на пашне), а также традицию формальных отношений человека и государства в условиях полной свободы землепользования, идеал «воли». При этом история крестьянских заимок – распашек в лесу – осталась утраченной, или точнее потаенной, незаписанной, так как не была известна горожанам, создававшим письменную историю, княжеским летописцам. Раскрыть в рамках истории «снизу» жизнь этого лесного мира прошлого, в котором сформировались цивилизационные ценности и идеалы России, поможет, по мнению Кульпина, лишь социоестественная история¹⁰.

Ключевым периодом для выбора интенсивного или экстенсивного пути развития хозяйства в России, идеала спасения трудом и идеала спасения молитвой, опоры на личность или на государство, а следовательно – демократической или авторитарной перспективы – были, по Э.С. Кульпину, XV–XVI вв., когда в результате бурного роста населения резервы земли для подсеки в Московском государстве закончились, страну поразил социально-экологический кризис, а ее территория, ранее покрытая лесами и связанная лишь речными путями, была соединена сетью дорог, что усилило власть государства¹¹. Ключевым моментом кризиса стало происшедшее из-за относительного перенаселения распространение пашни на заливные луга и превращение их в болота, загрязнение рек, вызвавшее схлопывание экологической ниши, земельные конфликты и бегство населения на окраины. Точку бифуркации в этом процессе Э.С. Кульпин относит к 1490–1505 гг., когда земельные споры обострились, а государство еще не определилось в политике по отношению к крестьянству¹². В результате властью был выбран вариант, оптимальный для государства, а не для общества. В ходе его реализации ценности личности и интенсивного развития были принесены в жертву сохранению сильной власти, возникли

¹⁰ Кульпин Э.С. Социально-экологический кризис XV века и становление российской цивилизации // *Общественные науки и современность*. 1995. № 1. С. 88–92.

¹¹ Там же. С. 94–98.

¹² Кульпин Э.С. Истоки государства российского: от церковного собора 1503 до опричнины. Статья 2 // *Общественные науки и современность*. 1997. № 2. С. 84.

крепостное право и самодержавие, утвердилось доминирующее значение государства в системе российской цивилизации¹³.

Под руководством Э.С. Кульпина-Губайдуллина было создано направление отечественной социально-экологической истории, собран и обобщен огромный фактический материал о природе и обществе России. В журнале «История и современность», которым он руководил, начался интересный диалог сторонников естественнонаучных и гуманитарных подходов к истории¹⁴. Тем не менее, его концепция разделяет недостатки большинства естественнонаучных подходов к мировой истории: она имеет модель-ориентированный, а не предмет-ориентированный характер, так как угол зрения задан заранее. Природа в ней занимает больше места, чем даже у Ф. Броделя: Э.С. Кульпин-Губайдуллин рассматривает «генетический код» российской цивилизации – ее систему ценностей – главным образом как производное от формы адаптации к окружающей среде. Его теорию истории России можно охарактеризовать как форму синтеза географического детерминизма и POSSИБИЛИЗМА, при которой влияние природы и общества амбивалентно, природа не только обозначает границу человеческих возможностей, но также накладывает отпечаток на человеческую культуру в той мере, в какой культура массы населения – крестьянства – является *культурой выживания*. Элиасовская традиция, на значение которой указывал А.Я. Гуревич¹⁵, логика развития самой культуры при этом игнорируется. Тем самым знание о культуре выступает не как герменевтическое (оно даже противопоставляется герменевтическому и социологическому анализу), а, прежде всего, как аналитическое, основанное на трактовке объективных предпосылок, объяснении происхождения тех или иных культурных форм взаимодействия человека и среды обитания¹⁶.

¹³ Там же. С. 86–89.

¹⁴ См. библиографию выходявших под его редакцией сборников «Природа и самоорганизация общества» в кн. Природа и самоорганизация общества. Вып. XXII. М., 2002. С. 253–256. См. также: Смирнов Л.М. Общественное бессознательное современной России и его отражение в массовых опросах // История и современность. Март 2005. № 1. С. 162–175; Ионов И.Н. Новая глобальная история и постколониальный дискурс // История и современность. № 2. Сентябрь 2009. С. 33–60.

¹⁵ Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа «Анналов». С. 126–129.

¹⁶ См. также Ионов И.Н. Логические модели и источниковое знание: проблемы соотношения // История и синергетика. Методология исследования / Отв. ред. С.Ю. Малков, А.В. Коротаев. М., 2005. С. 44–62.

2. Клиодинамика

Наиболее интересным и продуктивным направлением применения естественнонаучных подходов к отечественной истории является школа клиодинамики — логико-математического моделирования макроисторических процессов, в которую входят и к которой примыкают многие талантливые, пользующиеся авторитетом историки и обществоведы: А.В. Коротаев, Н.Н. Крадин, Д.М. Бондаренко, а также Л.Е. Гринин, П.В. Турчин, С.А. Нефедов, А.П. Назаретян, Н.С. Розов, Д.А. Халтурина и др., в том числе физики и математики: С.Ю. Малков, Д.С. Чернавский, Г.Г. Малинецкий и др. Интересы этой школы ориентированы на исследование универсальных и глобальных эволюционных процессов в рамках универсальной истории (*Big History*) и мир-системного подхода при помощи синергетических, эволюционных, демографических и социологических теорий, на основе которых создаются математические модели, позволяющие анализировать объективные предпосылки тех или иных исторических явлений, обыгрывать коллизии, варианты, а также перспективы мирового социального развития. Для клиодинамики характерен интерес к предельным вариантам развития, когда человечество или его части в борьбе за существование ведут себя как *популяции*, движимые стремлением к биологическому выживанию; поиск общих закономерностей и особенностей эволюционных процессов, в частности аспектов, сближающих социальную и биологическую эволюцию¹⁷. Пожалуй, это единственное в России направление действительно глобальных исследований, так как оно основано востоковедами и африканистами, чем определяется невиданно широкое поле региональных сравнений и верификации математических моделей.

Особенностью школы клиодинамики, дистанцирующей ее от основного направления исторического знания, является тот же зазор между историей Ф. Броделя и историей Н. Элиаса, который был отмечен А.Я. Гуревичем, или между работами И. Валлерстайна и историками «третьего поколения» школы «Анналов». Школа клиодина-

¹⁷ Гринин Л.Е., Коротаев А.В., Марков А.В. Биологическая и социальная фазы глобальной истории: сходства и различия эволюционных принципов и механизмов // Универсальная и глобальная история (эволюция Вселенной, Земли, жизни и общества). Хрестоматия / Под ред. Л.Е. Гринина, И.В. Ильина, А.В. Коротаева. Волгоград, 2012. С. 315–347.

мики представляет именно то, за что Гуревич упрекал Броделя: историю «без человека». Кроме того, в отличие от большинства историков, оставивших под давлением критики постмодернистов попытки найти общие законы истории, А.В. Коротаев и его товарищи остаются верными идеалам придания истории подлинно научного статуса и поиска строго детерминированных исторических процессов, объясняемых *простыми* верифицируемыми моделями. Поэтому предмет истории необходимо редуцируется у них до проблем социальной эволюции в целом (или даже до *социальной макроэволюции*¹⁸), а понимание истории зачастую – до предмета исторической демографии и исторической социологии. При анализе они ориентируются на такие срезы прошлого, как время большой и очень большой продолжительности и (в основном иллюстративно) – на конъюнктурное время Броделя. Их привлекает простота моделей, описывающих рост населения (гиперболическая модель роста населения мира до начала 1960-х гг.), демографического перехода, динамика роста мирового ВВП, вековые циклы. При этом создается особый язык, отличный от языка историков-гуманитариев. Культура понимается как то, что можно исчислить, например, *количество грамотных*. Если современных историков-гуманитариев привлекают *практики и политики* (во множественном числе), то сторонников клиодинамики – *технологии*, в разряд которых вводятся политические, экономические и культурно-гуманитарные, в частности «технология здравоохранения»¹⁹.

Вместе с тем этот подход имеет ограничения, которые позволяют говорить о возможности его диалога с историками-гуманитариями. Как показал А.В. Коротаев, цель познания законов истории недостижима на уровне простых социальных систем. Он признает наличие микроуровневого хаоса, но абстрагируется от него, не делает его предметом исследований, отстаивая существование «высокодетерминированной макроуровневой динамики». Подобный детер-

¹⁸ Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Социальная макроэволюция. Генезис и трансформации Мир-Системы / Отв. ред. Д.М. Бондаренко. М., 2009. С. 7–96.

¹⁹ Коротаев А.В., Малков А.С., Халтурина Д.А. Законы истории: Математическое моделирование развития Мир-Системы. Демография, экономика, культура. Изд. второе, испр. и доп. / Отв. ред. Н.Н. Крадин. М., 2007. С. 27–28, 60–61, 110–113, 128; Коротаев А.В., Комарова Н.Л., Халтурина Д.А. Законы истории: Вековые циклы и тысячелетние тренды. Демография, экономика, войны. Издание второе, исправленное и дополненное / Отв. ред. Н.Н. Крадин. М., 2007. С. 48–67, 121–168.

минизм обнаруживается лишь на уровне Мир-Системы (зоны ойкумены, которую можно рассматривать «как единое развивающееся целое», связанной информационными сетями, предполагающими диффузию технологических нововведений за «промежутки времени, заметно меньше тысячелетия»)²⁰. Это ограничивает сферу компетентности клиодинамики, позволяя включать ее вопросники, подходы и выводы в диалог профессионального сообщества историков.

Результатом работы школы и в особенности самого А.В. Коротаева стало множество математических моделей, заставляющих историков по-новому взглянуть на многие общемировые и региональные социально-экономические и политические процессы. Например, это нетривиальные положения о падении подушечной изобретательской активности людей после Осеевого времени (рубеж 200 г. н.э.), о связи роста грамотности женщин с демографическим переходом²¹. Было установлено наличие устойчивой связи между важнейшими показателями, во многом определяющими историю обществ и государств: плотностью населения и уровнями социальной дифференциации, государственной централизации, формой правления, а также то, что перенаселение порождает тенденцию к установлению автократии и т.п.²² Это фундаментальные достижения, обозначившие сферу детерминированности исторического процесса и помогающие лучше понимать процессы коадаптации и коэволюции биологического, социального и политического в человеческом прошлом. Однако стоит указать и на некоторые слабые места теоретических оснований деятельности данной школы.

Связь с универсальной историей (*Big History*) остается для школы клиодинамики формальной. От этого не спасает внимание А.П. Назаретяна к наследию Э. Янча, которое рассматривается односторонне, игнорируется во многих своих постмодернистских проявлениях. Это проявляется в трактовке ключевых для школы эволюционных идей не в духе идей близких Янчу теоретиков эволюционизма типа Е.В. Кунина, а в духе линейно-стадиальных представлений палеонтологов, таких как Н.Н. Иорданский и А.В. Марков. При этом

²⁰ Коротаев А.В., Малков А.С., Халтурина Д.А. Законы истории: Математическое моделирование развития Мир-Системы. С. 119–121, 136.

²¹ Там же. С. 101–116, 204–205.

²² Нефедов С.А. Демографически-структурный анализ... С. 22; Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Социальная макроэволюция...

плодотворная идея «эволюции эволюции», ставшая ключевой для понимания процессов развития у Э. Янча, редуцируется от модели перехода от ненаправленной к *разнонаправленной* эволюции – до исключительного внимания к переходу от ненаправленной к *однонаправленной* эволюции, к ароморфозу и линейно-стадиальному развитию, к прогрессу. Из поля внимания авторов уходят важные для Янча критика идеи прогресса, образ истории как ризомы, ценность разнообразия как основания эволюционного процесса, мультиперспективизм восприятия прошлого и конструируемость его конкурирующих образов. Глобальность и системность воспринимаются только в онтологическом смысле (холизм); глобальность и системность в эпистемологическом смысле (мультиперспективизм, как его понимали Э. Янч и Р. Буултъенс), остаются неосмысленными. Холизм дополняется монизмом, основанием для которого служит сконструированный объект познания (Мир-Система), познавательная функция которого не до конца отрефлексирована и который порой воспринимается как естественный объект (поле информационного взаимодействия)²³.

Подобным же образом не стали предметом размышления свойства используемой авторами школы линейно-стадиальной, прогрессистской модели истории. Об этом свидетельствует концепция физика А.Д. Панова, пытающегося с помощью математических моделей «уточнить» линейно-стадиальную схему истории и представления о «сингулярности» историка-востоковеда И.М. Дьяконова, в частности, выявить природу исторической «сингулярности», в которой темп исторического развития становится бесконечным, и точный год ее реализации²⁴. В историографии подобный феномен известен с XVIII в., когда И.Г. Гердер в 1774 г. критиковал подобного рода просвещенческие прогрессистские суждения об истории, как бы «заканчивающейся» в состоянии высшего совершенства на времени жизни историка. Он указывал, что данный эффект возникает потому, что именно этот историк является ее наблюдателем и находится в фокусе зрительной перспективы, а не из-за природы воспринимае-

²³ Гринин Л.Е., Коротаев А.В., Марков А.В. Биологическая и социальная эволюция... С. 315-347.

²⁴ Панов А.Д. Сингулярность И.М. Дьяконова // Универсальная и глобальная история. Эволюция Вселенной, Земли, жизни и общества. Хрестоматия / Под ред. Л.Е. Гринина, И.В. Ильина, А.В. Коротаева. Волгоград, 2012. С. 378–383.

мой исторической реальности²⁵. Преодоление подобных зрительных эффектов легко осуществимо в рамках стратегии мультиперспективизации, а работа по их «уточнению» совершенно бессмысленна и выявляет лишь невежество исследователя в технике конструирования образов прошлого.

Школа клиодинамики пользуется большой известностью, а ее авторы активно цитируются, в том числе за границей. Она изначально создана с ориентацией на глобальный диалог, прежде всего с социологами-миросистемщиками и неомальтузианцами. При этом уровень взаимной фальсификации выдвигаемых моделей все еще остается незначительным, и коллектив до сих пор работает в основном в режиме «мозгового штурма». ?Противоречивость такого положения ясна из высказываний П. Турчина, представленных выше). Правда, в последнее время начались продуктивные дискуссии с другими историками социологического направления, в том числе русистами, такими как Б.Н. Миронов. Наиболее продуктивной, с точки зрения изучения отечественной истории в глобальном контексте, стало обсуждение причин Русской революции, а именно двух ее моделей — институциональной, представленной Б.Н. Мироновым и демографически-структурной, неомальтузианской, представленной С.А. Нефедовым.

Во многом это было сопоставление познавательных возможностей двух моделей модернизации России в XIX – начале XX века. **Первая**, либеральная, представленная Б.Н. Мироновым, опиралась на данные, свидетельствовавшие о росте сельскохозяйственного производства и доходов крестьян до и после отмены крепостного права, отрицала мысль о понижении уровня жизни крестьян как следствии малоземелья, роста повинностей и недостаточной доходности крестьянского хозяйства. Она была основана на характеристике России как страны второго эшелона модернизации и предполагала, что элиты России не справились с переходом от традиционализма к модерну даже в условиях снижения уровня налогового бремени и повышения уровня жизни крестьян, указывала на это как предпосылку системного кризиса, приведшего к революции. **Вторая**, по видимости демократическая модель, представленная С.А. Нефедо-

²⁵ Гердер И.Г. Еще один опыт философии истории для воспитания человечества // Гердер И.Г. Избранные сочинения. М.; Л., 1959. С. 282. См. также: Ионов И.Н. Цивилизационное сознание и историческое знание: проблемы взаимодействия. М., 2007. С. 93–99, 209.

вым, описывала в неомальтузианских терминах растущие противоречия государства и народа в условиях быстрого роста населения и падения его обеспеченности продовольствием, при котором большинство населения балансировало на уровне минимальной «голодной нормы». В условиях растущей имущественной дифференциации и колебаний урожайности это делало систему неустойчивой к внешним воздействиям (Первая мировая война). Продолжающийся рост населения и экологический кризис в Центральном Черноземье усугубляли ситуацию. При этом общий контекст обсуждения был антиреволюционным. Предполагалось, что «крушение социализма окончательно убедило в том, что революции перестали быть сколько-нибудь приемлемым средством социального протеста». Революции характеризуются негативно как «неудача, провал, коллапс политической системы», этот термин ставится в кавычки²⁶.

Предметом источниковедческой дискуссии были статистические данные, на которых основывались выводы об уровне жизни крестьянства, наличии или отсутствии «голодного вывоза», роли медицины в поддержании роста населения в условиях неомальтузианского «сжатия» и релевантности мальтузианской теории для модернизирующейся России. Основной проблемой теоретической дискуссии было то, что обсуждалась не *тема* российской революции, а то, возможно ли ее интерпретировать на основе одной, отдельно взятой *теоретической модели*. Как писали организаторы дискуссии, все они готовы подписаться под утверждением, что «над обоими диспутантами их теория довлеет в большей степени, чем было бы желательно, она и определяет полярность в предпочтении тех или иных авторов или источников, приводит порой к неоправданным выводам и интерпретации фактов, даже к отрицанию вполне очевидных моментов»²⁷. С этими замечаниями вполне можно согласиться, но хочется добавить, что модель-ориентированное знание характерно практически

²⁶ Гринин Л.Е., Коротаев А.В., Малков С.Ю. Введение. Русские революции в столетней ретроспективе // О причинах Русской революции / Отв. ред. Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев, С.Ю. Малков. М., 2010. С. 5–6; Нефедов С.А. О причинах Русской революции // Там же. С. 25–60, Миронов Б.Н. Наблюдался ли в позднимперской России мальтузианский кризис? Доходы и повинности российского крестьянства в 1801–1914 гг. // Там же. С. 61–111.

²⁷ Гринин Л.Е., Коротаев А.В., Малков С.Ю. Заключение. История, математика и некоторые итоги дискуссии о причинах Русской революции // О причинах Русской революции... С. 370.

для всех клиодинамиков. Оно направлено на верификацию модели и изначально не предполагает комплексное изучение явления. Кстати, обозначившийся в ходе дискуссии конфликт моделей так и не был изжит и продолжился после ее окончания²⁸.

Наиболее интересно с точки зрения возможного диалога историков-клиодинамиков и гуманитариев заключение к данной книге, в котором обсуждались проблемы релевантности неомальтузианской теории процессам модернизации, ее взаимодействие с другими теориями революции (как революции несбывшихся ожиданий, представляющих собой «вторичную ловушку» на выходе из мальтузианской ловушки опережающего роста населения по сравнению с производством) и приводились примеры прежде всего из истории африканских и азиатских стран. В отличие от И. Валлерстайна и многих представителей гуманитарной глобальной истории, теория модернизации с ее ориентализмом и детерминизмом полностью сохранила свое значение для школы клиодинамики, актуальным осталось разделение обществ на аграрные (традиционные) и модернизированные. Это связано с демографическим подходом, для которого аграрные и модернизированные общества существенно различаются по способам биологического воспроизводства. Тем не менее, организаторы дискуссии делают вывод, размывающий эту границу и признают, что «вступление общества в стадию экономической, культурной и социальной модернизации вовсе не отменяет действие мальтузианских факторов», что доказывается на примерах Эфиопии, Алжира, Ирана и Марокко²⁹.

Вместе с тем признается сложность познавательной ситуации, невозможность ограничиться только демографическим детерминизмом. Учитывается, что «применение неомальтузианских демографических математических моделей, созданных для развитых аграрных обществ, оказывается в ряде отношений некорректным и потому непродуктивным». Указывается на необходимость учета других, плохо исчисляемых факторов, таких как психологическая фрустрация в результате несбывшихся ожиданий при (пусть незначительном) спаде удовлетворения потребностей в результате прекращения искусственного роста государственных расходов при падении цены на нефть,

²⁸ См. *Миронов Б.Н.* Русская революция 1917 года в контексте теорий революции. Ст. 1, 2 // *Общественные науки и современность.* 2013. № 2, 3.

²⁹ *Гринин Л.Е., Коротав А.В., Малков С.Ю.* Заключение. С. 372–383.

как это было в Алжире 1980-х гг. «Мощные социально-политические потрясения» спровоцировала также совокупность обстоятельств, связанных с ускоренной урбанизацией, политической значимостью городских центров и начальной стадией демографического перехода, при которой еще сохраняются высокие темпы роста населения, а значит и городской безработной молодежи (так называемый «молодежный бугор»). Это обстоятельство роднит Алжир с Россией, где в начале XX в. тоже имел место «молодежный бугор», в результате чего студенчество стало одной из активных сил революции. И это делает, по мнению организаторов дискуссии, революцию объективно заданной, объяснимой с точки зрения «экономико-демографической динамики», а не случайной, порожденной заговором «либерально-радикальной интеллигенции»³⁰.

Интересно, что, обращаясь к работам психологов, авторы не пытаются идти дальше в этом направлении или даже использовать сходную по тематике и мировоззрению научную литературу: они не ссылаются на классическую работу социолога и политолога С. Хантингтона (1969), который разрабатывал тему психологической интерпретации напряжений, порожденных модернизацией у мигрантов, – дезинтеграции, аномии и истощения, как результата поиска новых самоидентификаций и лояльностей³¹. Они предпочитают совершенно иной, вполне традиционный для них вектор – к математической модели, способной интерпретировать демографическую и социально-экономическую составляющую этих процессов с учетом влияния Мир-Системы. «Думается, – пишут организаторы дискуссии, – что математическое моделирование могло бы внести реальный вклад в дискуссию о причинах Русской революции начала XX в., тем более что для этого периода имеется достаточно много данных социальной и экономической статистики... Дело стоит за адекватными моделями, позволяющими воспроизвести внутреннюю логику и закономерности происходивших процессов. К сожалению, таких моделей пока нет. Их нет не потому, что их невозможно создать, а потому, что наука только подошла к постановке таких задач»³². Такой подход к междисциплинарности устраняет постановку гуманитарных задач,

³⁰ Там же. С. 383–398.

³¹ Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М., 2004. С. 55–56, 327–328.

³² Гринин Л.Е., Коротаев А.В., Малков С.Ю. Заключение. С. 398–423.

а значит и переход к трансдисциплинарности, немислимой без мультиперспективизации и диалога между вопросниками и методами естественников и гуманитариев. Нельзя не подчеркнуть, что в результате в стороне от внимания клиодинамиков остаются подходы исторической науки, вытесняемые социологией и статистикой.

Заслуживают особого упоминания другие работы С.А. Нефедова по истории России, по ориентации отчасти напоминающие труды Э.С. Кульпина-Губайдуллина. В частности, это обобщающий труд «История России. Факторный анализ» (2 т., 2010), в которой развертывается аргументация, частично представленная уже в книге «Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России» (2005), которая дополняется содержанием глав II и III труда, посвященных ранним этапам российской истории³³. Двухтомник расширяет аргументацию Нефедова в отношении причин российской революции, вводя большой фактический материал по истории северной Евразии начиная со скифов, а круг инструментов анализа – не только за счет структурно-демографического подхода, но и за счет изучения роли технологического фактора (теория военной революции) и фактора внешних влияний (диффузионизм). Введение в анализ социологических понятий позволяет автору опираться на работы крупных современных социологов и использовать их представления для интерпретации явлений отечественной истории.

Речь идет также о взаимодействии этой трехфакторной модели и теории модернизации, которую С.А. Нефедов понимает в европоцентристском ключе, далеком даже от позиции его теоретического единомышленника Дж. Голдстоуна, опирающегося на труды А.Г. Франка и Калифорнийской школы (см. выше). В частности, уже вызов России XVI–XVIII вв. понимается Нефедовым как вызов научно-технической революции Запада, а не богатых восточных обществ, как полагал Дж. Голдстоун. Диффузия и модернизация России описываются, прежде всего, как вестернизация в духе Т. фон Лауэ, роль которого в исторической науке С.А. Нефедов преувеличивает, и даже еще радикальнее – как подрывная империалистическая сила, разрушающая извне неевропейские традиции и порождающая экзогенные революции в соседних странах (что позволяет отчасти сравнивать революции в России с «бархатными революциями»). Однако в понятие «модернизация»

³³ Нефедов С.А. Демографически-структурный анализ... С. 22.

С.А. Нефедов, в духе демографически-структурной теории, вкладывает особый смысл: это также и трансформация структуры «государство – элита – народ», сопровождающаяся перераспределением ресурсов³⁴.

Фактически в этой работе Нефедова намечается переход от стратегии верификации одной теории (модель-ориентированный подход) к многофакторному анализу исследуемого предмета, т.е. классической, профессиональной истории России (предмет-ориентированный и процесс-ориентированный подход). Но сам автор ограничивает свою программу исследований «анализом возможности трехфакторной модели для объяснения социально-экономической истории России, в частности, социального и политического кризиса начала XX века»³⁵. Поэтому необходимый историку анализ истоков, места и значимости используемых теорий у него практически отсутствует. Имеются лишь оговорки в духе того, что это не единственно возможный подход к теме, в то время как тема диффузии (трансферов) и пограничья хорошо развита и давно обсуждается в рамках мир-системного анализа, транскультурной и перекрестной историй, что позволяет критически относиться к позиции Т. фон Лауэ и обрисовать картину взаимовлияний более подробно, а порой и совершенно иначе³⁶.

Логика в этом есть – ведь верификация трехфакторного анализа должна быть результатом всей работы. Но здесь не решается задача, на которую указывал историк и историограф мировой и глобальной истории П. Мэннинг, – не происходит верификация знания о России как предмете, в которую включалась бы многоуровневая проверка фактов, их релевантности на нескольких уровнях общности, логика интерпретации, использование контрфактических моделей, учет взаимовлияния факторов, связь уровней факторов, влияние контекста, соединение микроистории и макроистории. Пожалуй, единственное условие, которое исполнено С.А. Нефедовым – это моделирование

³⁴ Нефедов С.А. История России. Факторный анализ. Т. 1. С древнейших времен до Великой Смуты. М., 2010. С. 10–31; Т. 2. От окончания Смуты до Февральской революции. М., 2011. С. 450–452. О Т. фон Лауэ см. Нефедов С.А. Демографически-структурный анализ. С. 33 и История России. Т. 1. С. 27–28 и Т. 2. С. 450–451.

³⁵ Там же. С. 449.

³⁶ Ср. Нефедов С.А. Демографически-структурный анализ. С. 30–36 и Нефедов С.А. История России. Т. 1. С. 28–29. См. также о работах Т.Д. Холла, М. Вернера и Б. Циммерманн: Ионов И.Н. Мировая история в глобальный век: новое историческое сознание. М., 2015. С. 234–238; 312–320.

структуры и динамики исторической ситуации. И то, здесь мы имеем дело с позитивистской моделью, в которой объект разделен на части и причинно-следственные связи (в данном случае, социально-экономические), как указывал Мэннинг, исследуются как независимые переменные (например, от культуры и социальной психологии)³⁷.

В целом, можно сказать, что мобилизация исторических знаний по отечественной истории переводит их обсуждение на новый уровень рефлексии, однако приравнивание автором вторичных материалов статистики и наблюдений, превращенных в исторический нарратив, к «наблюдаемым фактам», как это сделано в заключении ко второму тому, и их интерпретация как «индуктивной эмпирической базы» неправомерны и свидетельствуют об игнорировании произошедших в историческом знании, начиная с 1960-х гг., многочисленных «поворотов», выделивших в этих «наблюдаемых фактах» существенную воображаемую составляющую и четко разграничивших факты прошлого, факты источника и факты исторического нарратива. Математик по образованию, С.А. Нефедов их не различает (и, судя по общению с ним, не собирается), оправдывая это общей практикой окружающих его историков. Негативные последствия такой практики все более четко проявляются в новых работах автора, ориентированных на интерпретацию конкретных исторических событий 1905 и 1932–1933 гг., в которых он акцентирует внимание на роли подкупивших Г. Гапона либералов и революционеров как провокаторов Кровавого воскресенья и роли мышей как прямых виновников Голодомора³⁸. Хотелось бы напомнить в связи с этим замечание основоположника современного критического рационализма К.Р. Поппера, который указывал на то, что даже сильные подтверждения вне фальсификационистской, критической перспективы не имеют значения, и связывал верификационистскую тенденцию с догматической, порой патологической, установкой на поиск регулярностей³⁹.

³⁷ Manning P. Navigating World History: Historians Create a Global Past. N. Y., 2003. P. 297–298.

³⁸ См. Нефедов С.А. Биологические причины голода 1933 г. // *Общественные науки и современность*. 2013. № 1. С. 135–140; и особенно: Нефедов С.А. Великая провокация. 9 января 1905 года // *Новый мир*. 2015. № 1. С. 153–166.

³⁹ Поппер К.Р. Предположения и опровержения. Рост научного знания. М., 2008. С. 51, 88–89. См. подробнее: Ионов И.Н. Мировая история... С. 97–100, 105–106.

Это не отдельный недостаток отдельной работы. В нем проявляется игнорирование всей российской школой клиодинамики гуманитарных аспектов исторического знания. Примером может служить книга С.А. Нефедова «Аграрные и демографические итоги сталинской коллективизации» (2013). В ней дело не сводится к верификации моделей, речь прямо идет о предмет-ориентированном историческом исследовании. Цель исследования автор характеризует так: «В конечном итоге, поставленная задача сводится к вопросу: стало ли население России жить лучше и зависели ли изменения от конкретного региона?» (выбраны Центральное Черноземье и Урал). Но уже во введении задача сужается до анализа потребления продуктов питания⁴⁰. Да и эта цель оказывается лишь промежуточной. Оговорив, что в искомом показателе «прогресса не было» и «успехи» «модернизации сельского хозяйства» сталинского образца из-за географического, экологического и неомальтузианского факторов не смогли помочь крестьянам жить лучше, автор пускается в рассуждения о других, очевидных для него успехах политики коллективизации, о резком увеличении производительности труда в деревне, «особой заботе» советской власти (а это кто персонально?) об улучшении уровня жизни советской молодежи, о «высвобождении» миллионов крестьян для промышленных строек, что в конце концов смогло спасти СССР от предполагаемой войны с Японией в 1933 г.⁴¹.

Вторжение этой идеологизированной, полной метафорами риторики не случайно. Автор банально пошел за источником, не делая разницы между земской статистикой, с которой он имел дело ранее, и государственной статистикой сталинского образца. Это движение начинается в самом начале книги. Автор не анализирует идеологического характера источников, не выясняет, ради чего, собственно, фиксировались те или иные данные тем или иным советским чиновником, как сочетались их противоречивые цели (не попасть в лагерь или получить орден). Тезис «в источниках прямо указывается» – родной брат тезиса о «наблюдаемых фактах» из предыдущей книги⁴². Отсюда уже один шаг до утверждения, что коллективизация имела большой успех на Урале потому, что уровень смертности там «значи-

⁴⁰ Нефедов С.А. Аграрные и демографические итоги сталинской коллективизации. Тамбов, 2013. С. 10.

⁴¹ Там же. С. 247, 250, 252.

⁴² Там же. С. 30.

тельно понизился; благодаря относительно высокому уровню жизни регион стал центром прибытия для огромного количества мигрантов из других районов – в том числе из ЦЧР»⁴³. О том, почему до Урала доезжали в основном молодые раскулаченные крестьяне и ссыльные и почему вдруг они так активно потянулись в этот край, автор не упоминает. Или этого нет в источниках, которые ему приятно анализировать? Вот так из-за смены характера источников «демократ» смог внезапно превратиться в сталиниста.

Надо отметить, что в условиях доминирования детерминистских представлений эти идеологические тенденции развиваются крайне быстро, уводя в сторону от описания истории к обоснованию своих политических предпочтений, о чем свидетельствует статья С.А. Нефедова «Биологические причины голода 1933 г.» (2013), в которой акцентируется значение ближайших, но не существенных биологических причин Голодомора (размножение мышей, уничтоживших зерновые зачатки крестьян) при дистанцировании от более отдаленных, но крайне важных политических причин, в частности идеологии классовой борьбы, являвшейся оправданием политики социально-идеологического геноцида. Этот гуманитарный аспект вовсе не интересует автора⁴⁴. В данном случае ближайшие биологические причины позволяют игнорировать более отдаленные, но более существенные социально-политические причины. Для автора они равнозначны, так как подтверждены источниковыми данными, а для него факт источника равен факту прошлого.

На логическую дефектность исследований такого рода еще в 1967 г. указывал один из классиков системного подхода, глава американской школы Пало-Альто П. Вацлавик, который выяснил, что сосредоточенность на причинно-следственной связи в подобных случаях – пример *типичной логической ошибки*, обычно используемой для манипуляций. Смысл последней заключается в том, что происходит «искажение хронологии» – круг взаимодействий в системе разрывается в произвольном месте и один из взаимодействующих факторов (у Нефедова – как правило, вторичный, малозначимый фактор) провозглашается причиной, а другой (возможно, более значимый) – следствием. Один из участников коммуникации марки-

⁴³ Там же. С. 251.

⁴⁴ Нефедов С.А. Биологические причины голода 1933 г. С. 135–140.

руется как *отвечающий* на поступки другого, но не являющийся *стимулом* для поступков другого. Этот простой механизм помогает мгновенно изменить трактовку событий на противоположную, в результате чего каждый из участников коммуникации обзаводится собственным образом реальности и настаивает на объективности своего видения происшедшего. Параллельно растет взаимная агрессия. Причем при конъюнктурном изменении интересов эту процедуру можно производить бесконечное количество раз: ведь круг взаимовлияний в циркулярно-связанной системе можно разорвать и в любом другом, более подходящем месте⁴⁵.

Подобная тенденция приобретает катастрофические масштабы у авторов-клиодинамиков, лишенных гуманитарного образования и не отдающих себе отчета в своем месте в традиции истории идей, семиотическом и прагматическом смысле своих высказываний, таких как известный физик-теоретик Д.С. Чернавский. В своем нашумевшем докладе «Модель целеполагания и идеологическое единство России» (2002), он ничтоже сумняшеся редуцировал глобализацию к биологической эволюции, охарактеризовав ее как унификацию всех средств коммуникативной информации, в частности языка и денег, и высказал мысль, что в результате глобализации «ценность вытесняемых языков понижается», как и ценность вытесняемых с рынка валют. В этих условиях происходит «борьба за сохранение своей информации», т.е. «борьба за мировое господство». Мирная глобализация таким образом – это тупик, путь отказа от своих собственных интересов, культуры, цивилизации. Она немыслима как продуктивная политика, а поэтому реальной перспективой объявляется объединение близких по духу стран для борьбы с силами унификации как империализации. Сочиненная им самим pejоративная метафора «империализация» рассматривается Чернавским как отражающая реальное положение дел, а термин «глобализация» – как злонамеренно внедренный западными идеологами с целью манипуляции сознанием жертв их политики. Эксплицитная цель его выступления – поднять до уровня науки знание о России, мифологизированное гуманитариями, использующими «наиболее часто <то, что> наименее понятно». Поэтому для «уточне-

⁴⁵ Вацлавик П., Бивин Дж., Джексон Д. Прагматика человеческих коммуникаций. Изучение паттернов, патологий и парадоксов взаимодействия. М., 2000. С. 23–24, 93.

ния смысла» гуманитарных понятий Д.С. Чернавский практически приравнивал термины «цивилизация», «идеология» и «религия». Эта совокупность идей может трактоваться либо позитивно: православная религия – традиция – веротерпимость, либо негативно: демократия – ограбление страны – мировое господство Запада. Западные и российские ценности выстраиваются им дихотомически, как бинарная оппозиция. Вывод, подтвержденный приводимыми им математическими формулами: «Надо осознать, что демократическая идеология и ценности (включая либеральную экономику) враждебна России, ее целостности, ее культуре, ее цивилизации. Если наша цель – сохранить и защитить Россию, то демократическая идеология с ней несовместима»⁴⁶. Эти идеи получили широкое распространение в работах различного рода, особенно в последние годы – у математика С.Ю. Малкова, руководителя научного направления Центра проблем стратегических ядерных сил Академии военных наук РФ⁴⁷.

Здесь мы сталкиваемся с характерным для математиков явлением – *формализацией ресентимента*, которое известный философ К.А. Свасьян охарактеризовал как «психологическое самоотравление»⁴⁸, когда идеологические предпочтения обосновываются при помощи редукции одних смыслов к другим и при помощи логико-математических манипуляций выстраиваются в фантастические цепочки. Эти стратегии обоснования ошибочных силлогизмов и подмены смыслов энциклопедии называют демагогией⁴⁹. Для историка комментарием к работе Д.С. Чернавского может служить замечание, что ряд участников школы клиодинамики (даже социологи) являются сторонниками «новой исторической хронологии» А.Т. Фоменко и Г.В. Носовского. Это связано с такими недостатками клиодинамического подхода к истории России как слабый качественный анализ

⁴⁶ Чернавский Д.С. Модель целеполагания и идеологическое единство России // О социально-экономических проблемах России. Вып. 7. М., 2002. С. 41-59.

⁴⁷ Малков С.Ю. Мировая роль России: право на существование и исторические проявления // Мировая роль России: право на существование и исторические проявления. Материалы научного семинара. Вып. 6. М., 2011. С. 4-67, 116-117; Малков С.Ю. Взаимодействие элиты и общества: эволюционный аспект // Природа и общество в процессах взаимодействия (Социоестественная история. Вып. XXXVII) / Под ред. Э.С. Кульпина-Губайдуллина. М., 2013. С. 16-47.

⁴⁸ Свасьян К.А. Комментарий к работе Ф. Ницше «К генеалогии морали» // Ницше Ф. Сочинения в двух томах. Т. 2. М., 1990. С. 785.

⁴⁹ Демагогия // <https://ru.wikipedia.org/wiki/Демагогия>.

источников и недостаток уважения к традиции изучения вопроса. В результате стремление к мультидисциплинарности и трансдисциплинарности затруднено ограниченностью диалога с гуманитариями и особенно с профессиональным сообществом историков.

3. Гуманитарные подходы к истории России. На пути к сравнительной социальной истории: крестьяноведение

Прорывным явлением 1990-х гг. было переосмысление ключевой составляющей социальной истории России – истории крестьянства. Под влиянием Т. Шанина и В.П. Данилова, с 1950-х гг. стремившегося к переосмыслению истории коллективизации, началось сближение взглядов на предмет отечественных и зарубежных специалистов, что впервые ставило историю российского крестьянства в контекст мировой истории. Оно было связано с перестроечной реабилитацией крестьянства, которое в рамках марксизма-ленинизма от имени теории прогресса обвинялось в отсталости и бесперспективности. Большое значение имели работы американского ученого Дж.С. Скотта, выстраивавшего свое восприятие истории крестьянства и крестьяноведения как междисциплинарного знания на базе всемирно-исторических представлений о приручении огня, растений, животных и людей, особого рода «моральной экономики». На возникновение крестьяноведения оказали воздействие и некоторые основоположники миросистемного подхода и постколониальной критики, такие как Э. Вульф, а также предтечи перекрестной истории, такие как Р. Редфилд (в частности, его теория «бинокулярного зрения» исследователя, в которой «взгляд изнутри» преобладает над «взглядом снаружи»)⁵⁰. Было осмыслено мировое значение работ А.В. Чаянова, Н.П. Макарова, А.Н. Челинцева, их «организационно-производственной школы» 1920-х гг., разгромленной в период коллективизации. В 1992 г. Т. Шаниным была выпущена хрестоматия «Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире», в которой опубликованы наряду с классическими трудами иностранцев работы этих авторов. Так складывалась на отечественной почве

⁵⁰ *Бабашкин В.В., Никулин А.М., Шанин Т.* Крестьянство и современность: крестьяноведение // Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке / Под ред. В.В. Бабашкина. М., 2015. С. 7, 10, 18-19; *Скотт Дж. С.* Четыре опыта приручения в истории человечества: огня, растений, животных и... нас // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Вып. 7. М., 2012. С. 9–56.

новая социальная история, «история снизу», вводившая понятие «крестьяноведения» как особого рода социального знания, включающего комплексное изучение форм жизни и ее осмысления крестьянами, в частности «экономики выживания» с ее специфическим отношением к миру, жизни, культуре⁵¹.

Данная линия исследований продолжалась в рамках междисциплинарного семинара «Современные концепции аграрного развития» (с 1995 по 2010 г. он работал при Центре крестьяноведения и аграрных реформ Московской высшей школы социальных и экономических наук под коллективным руководством В.П. Данилова – до его кончины в 2004 г., Т. Шанина и А.М. Никулина). Этот семинар стал явлением не только научной, но и культурной жизни страны, попыткой переосмысления трагической истории исчезающего крестьянства. Появились работы его участников В.П. Данилова, Л.В. Милова, И.Е. Зеленина, Н.А. Ивницкого, П.Н. Зырянова, Ю.А. Александрова, А.П. Корелина, М.А. Вылцана, Ю.А. Мошкова, А.В. Гордона, Н.Л. Рогалиной, В.В. Бабашкина, посвященные истории крестьянской поземельной общины как мирового явления, особенностям крестьянской «экономики выживания» и связанным с ней морально-экономическим проблемам истории России. С 1995 г. выпускается ежегодник «Крестьяноведение. Теория. История. Современность»⁵².

В трудах В.П. Данилова (секретаря «мятежного» парткома Института истории АН СССР в 1965–1968 гг.), на основе развития теории многоукладности была разработана концепция Крестьянской революции в России (1902–1922), сосредоточившая внимание на борьбе вокруг аграрного вопроса и описывавшая революционное движение за пределами противостояния «красных» и «белых». Эта революция, по мнению Данилова, явилась стержнем масштабных преобразований в стране и привела к нэпу и значительному повышению жизненного

⁵¹ Великий незнакомец: Крестьяне и фермеры в современном мире / Сост. Т. Шанин. М., 1992.

⁵² Бабашкин В.В. Крестьянская революция в России и концепции аграрного развития // *Общественные науки и современность*. 1998. № 2. С. 84–94; Кознова И.Е. Социальная память русского крестьянства в XX веке // *Исторические исследования в России. Тенденции последних лет* / Под ред. Г.А. Бордюгова. М., 1996. С. 393; *Современные концепции аграрного развития: теоретический семинар* / В.П. Данилов, С.А. Никольский, Т. Шанин и др. / Сост. В.В. Бабашкин // *Отечественная история*. 1998. № 1. С. 118–139.

уровня и численности населения. Это была первая отечественная история, написанная с точки зрения крестьянства, история, которая учитывала особенности развития аграрного вопроса в пореформенной России на отдельных этапах ее истории, по-разному оценивала внешне сходные реформы Н.Х. Бунге и П.А. Столыпина, обращала внимание на появление в 1902 г. в России нового крестьянина, утратившего привычное терпение – крестьянина эпохи революции, уничтожившего к 1907 г. до 10% помещичьих усадеб. Новый смысл получила общинная организация крестьянина. Указывалось, что община с 1905 г. зачастую присваивала себе всю власть и конфисковала помещичьи земли. Ускорил революционный взрыв принудительный характер осуществления столыпинской реформы, грозившей завести землевладение в тупик прусского помещичьего капитализма и пауперизации крестьянства. Каратели безоружных крестьян, подготовили ответный удар 1917 г., ликвидировавший помещичье землевладение. Продолжением революции была борьба крестьянства против продразверстки. По мнению В.П. Данилова, движение против помещиков и против продотрядов имело сходный характер. Но в конечном счете крестьяне потерпели поражение. Несмотря на введение нэпа, крестьянская революция, одержав победу, не смогла создать отвечающую ее интересам государственную власть и стала жертвой государственной диктатуры. Результатом был поворот с пути кооперации, разгром государственной статистики в 1925 г. (который не заметил С.А. Нефедов), грубо поставленной на службу антикрестьянской власти и политике, приведший к неподготовленной и направленной против крестьянства насильственной коллективизации, этой «революции сверху», которая окончательно разрушила крестьянскую общину и определила кровавый и тупиковый путь развития страны в XX в.⁵³

Как и всякая «история снизу», крестьяноведение, в традиции его основоположника Дж. Скотта, оказалось пронизано постколониальными идеями, направленным против идеалов цивилизации, модерни-

⁵³ Кузнецова Т.Е., Никифоров Л.В. Трудный путь познания истины // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. Вып. 7. М., 2012. С. 454–466; Кондрашин В.В. Виктор Петрович Данилов — выдающийся исследователь аграрной истории России XX века // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. Вып. 8. М., 2013. С. 160–186; Данилов В.П. Крестьянская революция в России, 1902–1922 гг. // Крестьяне и власть. Материалы научной конференции. М.; Тамбов, 1996. С. 4–23.

зации и прогрессизма, в том числе вульгарно-марксистской и либеральной (и особенно коммунистической и антикоммунистической) версий истории. Оно отстаивало ценности крестьянской общины, альтернативные пути перехода от традиционного аграрного к современному индустриальному обществу, исследовало способы применения крестьянского бунта как «оружия слабых», идеалы сопротивления крестьянства государственному насилию, которое продолжалось и после коллективизации. С этих позиций роль революционеров в развитии крестьянского движения, очевидная для марксистов, и потенциал столыпинских реформ для модернизации России, очевидный для либералов, описывались как спорные и подвергались критике. Сложились новые направления исторических исследований в рамках крестьяноведения, такие как изучение «неформальной экономики», «семейных историй», позволяющих взглянуть на русский крестьянский двор и на «фамилиализм» (семейный характер) крестьянского производства как на особые феномены российской экономики и культуры. В ряде случаев крестьяноведение помогало интерпретировать материал, собранный историками несхожих взглядов, таких как Б.Н. Митронов. Но к 2010-м гг. оказалось, что предложенные крестьяноведением перемены оказались слишком радикальны для отечественной истории. Крестьяноведение как «западная теория» подвергалось критике будто бы за несоответствие специфике истории России. Сложилось представление, что В.П. Данилов был единственным, кто посмотрел на историю России сквозь призму крестьяноведения. По мнению Л.И. Люкшиной, крестьяноведческий дискурс не состоялся⁵⁴.

Тем не менее, крестьяноведение принесло новые методологические, эпистемологические и мировоззренческие подходы, деконструировало застойный и идеологизированный дискурс изучения истории отечественного крестьянства. Характерно, что историографическое исследование этого направления И.Е. Козновой связано прежде всего с актуальными проблемами исторической памяти, *case-studies* и устной истории. Подчеркивается необходимость изменения в связи с задачами крестьяноведения представлений о социальной задаче истории и о ее отношении к персонажу и адресату – социаль-

⁵⁴ Бабашкин В.В. Концепция «моральной экономики» крестьянства и российская деревня начала XX в. // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. Вып. 6. М., 2011. С. 135–156.

ному актору. История теперь призвана не отражать прошлое, не оправдывать существующую политику и не убеждать людей в их беспомощности перед властью и традицией, а помогать проблемным социальным слоям, таким как крестьянство, и конкретным людям взаимодействовать с ними, воспроизводить традицию в условиях «здорового консерватизма», сохраняя смыслы и значения культуры, чтобы выстоять в условиях ускоренной модернизации, разрушительной для села. Ментальность в этом варианте представлена не как структура, довлеющая над человеком, а как его собственность, «непрерывный опыт» или даже «цепь опытов поколений», как его инструмент для выживания в данной конкретной обстановке⁵⁵.

В последнее время стало очевидным осознание традиции отечественного крестьяноведения как особой ценности, как историографической структуры, ключевой для понимания российского исторического процесса в целом, а потому нуждающейся в сохранении и осмыслении. Материалы 15-ти заседаний междисциплинарного теоретического семинара «Современные концепции аграрного развития» его классического периода (1992–2000 гг.) опубликованы в книге «Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке» (2015). Это издание имеет принципиальное значение для понимания векторов развития западной и отечественной истории в революционные 1960–1970-е гг., в последующий и современный периоды. Подобные проблемы дискутировались уже на первых заседаниях семинара. Современники и участники политических и историографических событий 1960–1970-х гг. по обе стороны «железного занавеса» вспоминали тогда, что происходило, когда на волне деколонизации на Западе и в постколониальных странах возникало крестьяноведение, а в СССР на основе ресталинизации подобные тенденции беспощадно подавлялись. Анализируя последующие события, публикаторы книги показывают, как получилось, что этот последний негативный вектор сохранился, несмотря на усилия В.П. Данилова и его соратников. Редакторы книги В.В. Бабашкин, А.М. Никулин и Т. Шанин ставят в связи с этим вопрос о нежелании историков советского и постсоветского периодов создавать собственно исторические «теории среднего уровня и неготовность соотносить результаты своих исторических поисков и с уже разработанными такими историко-

⁵⁵ Кознова И.Е. Указ. соч. С. 386–391. Особенно С. 389.

социологическими теориями». Вспоминая о планах создания единого учебника истории для школ, они сетуют, что вне системы школьного образования осталась даниловская концепция Крестьянской революции, которую некоторые считают полностью забытой. Отказываясь от возможности немедленного создания большой концепции истории коллективизации или Голодомора, они призывают к отходу от однозначных позиций (типа «превозносим или клеймим») и разработке междисциплинарного, многофакторного анализа истории крестьянства, сочетающего макро- и микроуровни рассмотрения вопросов на основе исторической теории среднего уровня⁵⁶.

В своих лучших проявлениях современное российское крестьяноведение смыкается с высшими достижениями мировой исторической науки. Характерно в этом смысле название книги «Рефлексивное крестьяноведение. Десятилетие исследований сельской России» (2002). В ней развивается теория «двойной рефлексивности», основанная на идеях Р. Редфилда, метод включенных наблюдений, который предполагает «поиск оптимального сочетания качественных и количественных исследований, “близости” и “отдаленности” исследователя <к предмету исследования>, особое внимание к личностному значению действий объекта исследования, взаимообогащение объекта и субъекта научного поиска». В числе приемов крестьяноведения Т. Шанин выделяет качественную методологию, качественно-количественный интерфейс и двойную рефлексивность. Он подчеркивает «интерактивность полевого исследования», связанную с вживанием в изучаемое общество и «глубокое интервью с помощью “полуструктурированных” (*semi-structured*) опросников, а также метод подготовки, взаимной поддержки, взаимопроверки и коллективного вклада в развитие программы исследований», которые осуществляются при помощи т.н. «длинного стола» исследователей, который не позволяет «вживающемуся» в крестьянское сообщество ученому оторваться от исследовательского коллектива. Результатом реализации этих принципов стала книга В.Г. Виноградского, О.Я. Виноградской, А.М. Никулина и О.П. Фадеева «Крестьянские жизненные практики. Россия, 1991–2012» (2013)⁵⁷. Но надо признать, что до сих пор суще-

⁵⁶ Бабашкин В.В., Никулин А.М., Шанин Т. Крестьянство и современность: крестьяноведение. С. 10–16, 24.

⁵⁷ Там же. С. 20–22; Шанин Т. Методология двойной рефлексивности в исследовании современной российской деревни // Рефлексивное крестьянове-

ствуется значительный разрыв между уровнем работ иностранных авторов, представленных в сборниках «Крестьяноведение», и уровнем и масштабом работ отечественных авторов.

4. Цивилизационная компаративистика

Наиболее массовым теоретическим подходом к истории России в постсоветскую эпоху стал цивилизационный, получивший статус официально одобренного благодаря авторитету крупнейших методологов конца советской эпохи, таких как М.А. Барг и И.Д. Ковальченко. Это массовое явление, на эту тему написаны монографии и диссертации, так что в главе возможно отразить лишь его отдельные черты⁵⁸. Понятие «цивилизация», как подчеркивают французские исследователи М. Вернер и Б. Циммерманн, тесно связано с колониальной эпохой, идеологизировано, несет тяжелую догматическую нагрузку⁵⁹. Лишь в условиях доминирования еще более идеологизированного марксистского формационно-классового подхода такая модель могла казаться привлекательной. Тем более что в условиях дистанцирования от конкретно-исторического источникового знания эта область макроистории стала полем антиисторических философских спекуляций, связанных с попытками оформления новой (западнической и самокритичной или националистической и восхваляющей власть и традицию) национальной самоидентификации. Крайняя затруднительность диалога между этими двумя группами носителей таких идентификаций делала уточнение позиций в продуктивном споре очень затруднительной⁶⁰.

Тем не менее цивилизационный подход был шагом вперед в сторону диалога разных методов анализа и исследовательских моде-

дение. Десятилетие исследований сельской России / Под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. М., 2002. С. 69–90; *Виноградский В.Г., Виноградская О.Я., Никулин А.М., Фадеев О.П.* Крестьянские жизненные практики. Россия, 1991–2012. Саратов, 2013.

⁵⁸ *Ионов И.Н.* Цивилизационное сознание и историческое знание: проблемы взаимодействия. М., 2007; *Шемякина О.Д.* Цивилизационный подход к истории как факт историографии и метод познания. Дисс... канд. ист. наук. М., 2011; *Морозов Н.М.* Концептуализация исторического знания о российской цивилизации на рубеже XX–XXI вв. Кемерово, 2014.

⁵⁹ *Werner M., Zimmermann B.* Beyond Comparison: *Histoire Croisée* and the Challenge of Reflexivity // *History and Theory*. 2006. Vol. 45. № 1. P. 34.

⁶⁰ *Scherer J.* Kulturologie: Russland auf der Suche nach einer zivilisatorischen Identität. Göttingen, 2003; *Западники и националисты: возможен ли диалог? Материалы дискуссии* / Ред.-сост. А. Трапкова. М., 2003.

лей. Он позволял радикально переосмыслить догматизированное содержание исторического образования, показать отечественную историю, поставив ее в разные внешние и внутренние контексты⁶¹. Создается впечатление, что в рамках цивилизационного подхода постсоветские исследователи стремились исчерпать все возможные способы моделирования и концептуализации, нагромождали исторические сведения и мифы, пытаясь представить все возможные смыслы российской истории. Это был «пир духа» после чрезмерно долгого воздержания, ну, а выбор блюд характеризовал скорее убогий духовный опыт его участников, а не реальные возможности и перспективы отечественной историографии.

В этом плане характерно созвучное пространственному повороту развитие представлений о пространстве российской цивилизации: от сочетания у Б.В. Самсонова территориальных, акваториальных, атмосферных компонентов социально-экономического, административно-управленческого, геополитического и физико-химического районирования страны и экономического, социального, духовного, культурного, демографического, личностного, правового, географического, экологического, ресурсного пространства как «закона цивилизационного месторазвития страны» о – к анализу взаимодействия при изучении локальных цивилизаций детерминистского, POSSИБИЛИСТСКОГО и КОНСТРУКЦИОНИСТСКОГО (ГЕОСПАЦИАЛЬНОГО) подходов к географическим факторам у Д.Н. Замятина⁶². Характерно, что в обоих случаях присутствуют как объективные, так и субъективные компоненты, но во втором случае модель грамотно встроена в интеллектуальную историю и традицию гуманитарного знания.

История российской цивилизации как бы ищет путь между подходами Ф. Броделя и А.Я. Гуревича, пытаясь нащупать привычную прочную почву неподалеку от формационного подхода. Такую базу находили в структурном анализе – отсюда и антиисторизм концепций.

⁶¹ Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. Учебное пособие для вузов. М., 1994; Ионов И.Н. Российская цивилизация и истоки ее кризиса. М., 1994; Ионов И.Н. Российская цивилизация. Учебник для 10–11 классов общеобразовательных учреждений. 5-е изд., переработ. и дополн. М., 2003.

⁶² Самсонов В.Б. Пространственно-временная мера // Российская цивилизация: пространственно-временные характеристики / Под ред В.Б. Самсонова. Саратов, 2001. С. 18; Морозов М.Н. Указ. соч. С. 149; Замятин Д.Н. На пути к геоспациализму: пространство и цивилизация в зеркале гуманитарной географии. Ст. 1, 2 // Общественные науки и современность. 2011. № 5. С. 129–138; № 6. С. 165–173.

Это корень рассуждений о ценностных структурах и кодах цивилизаций и попыток их сравнения, и в особенности – споров о структурах русского менталитета. Историограф цивилизационного подхода к России Н.М. Морозов совершенно верно отмечает характер понятия менталитета как «умозрительной конструкции» и множество «априорных предположений о структуре менталитета», а также «ахиллесову пяту» всей теории – «отсутствие надежных критериев для построения соответствующей системности»⁶³. Однако он недооценивает характеристики ментальностей, близкие к оцененной А.Я. Гуревичем динамической теории эволюции ментальностей Элиаса. Речь идет о выделении В.Е. Ветровым «базовых российских, русских менталитетов»: православно-христианского (как возрождающегося), коллективистски-социалистического и индивидуалистско-капиталистического, криминально-мафиозного⁶⁴. При всей бедности и явной идеологизированности этой схемы в ней видны важнейшие составляющие истории российских ментальностей: изобилие форм и сложная динамика процесса.

Как пример сравнительно-исторического использования цивилизационного подхода приведу один из его лучших образцов: разработку Я.Г. Шемякиным концепции «пограничной цивилизации» планетарного масштаба, к которым он относит Россию-Евразию и Латинскую Америку. Это критическая версия история России, позволяющая анализировать недостатки развития нашей страны. Вместе с тем она не имеет последовательно европоцентристского характера и не использует колониальной риторики, свойственных, скажем, философским и культурологическим концепциям А.С. Ахиезера и И.Г. Яковенко⁶⁵.

⁶³ Морозов Н.М. Указ. соч. С. 221, 229.

⁶⁴ Семенов В.Е. Полиментальность как новый концепт в социально-психологических исследованиях // Современная психология: состояние и перспективы. Тезисы докладов научной конференции, посвященной 30-летию ИП РАН и 75-летию его основателя Б.Ф. Ломова. М., 2002. С. 226–229.

⁶⁵ Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. В 2 т. Новосибирск, 1998; Яковенко И.Г. Познание России: цивилизационный анализ. М., 2008. Подробнее о цивилизационном подходе, его вариантах и судьбах см.: Ионов И.Н. Кризис исторического сознания и логико-лингвистические зигзаги цивилизационных концепций // Диалог со временем. 2010. Вып. 33. С. 5–21; Он же. Глобальная история, универсальная этика и основания для оптимизма // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. / Отв. ред. О.В. Воробьева, З.А. Чеканцева. М., 2012. С. 75–92; Он же. Эволюция цивилизационных представлений: современный взгляд // ЭНОВЖ «История». 2013. Вып. 2 (18). URL: <http://mes.igh.ru/s207987840000487-4-1>; Он же. Идеал цивилизации, его эмоцио-

Она более гибкая, историчная, в ней сочетаются две иерархии цивилизаций, два социокультурных идеала: это классические цивилизации или ойкумены, в смысле Г.С. Померанца, т.е. цивилизации «Осевого времени» – и «цивилизация Модерна» (прежде всего Запад), прошедшая через научную революцию XV–XVII вв. и буржуазные революции XVIII–XIX вв. как «второе Осевое время», по Ш.Н. Айзенштадту. Важную роль играет также представление о модернизации, возводимое к М. Веберу и «веберовскому ренессансу». Смысл понятия «пограничной цивилизации» – в неполном усвоении пограничным обществом опыта первой или второй «Осевых революций», наличие в нем «до-осевых», языческих элементов, а также элементов традиционализма. Особенность пограничных цивилизаций – то, что эти элементы не вступают в культурный синтез и образуют особое социокультурное качество, основными чертами которого являются противоречивость и дихотомичность. Эти негативные черты приобрели системный характер, что сказывается на способности системы развиваться.

В книге «Европа и Латинская Америка: взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории» (2001) Я.Г. Шемякин поставил сравнительное исследование «пограничных цивилизаций» на междисциплинарную основу, отмечая общие черты природной среды России и Латинской Америки (территориальное однообразие, крайности климата и природных условий, особенно в восприятии недавних иммигрантов) и сходное влияние этой среды на культуру (доминирование пространства над временем). В остальном это мир столкновения противоположностей. В общественной жизни Шемякин отмечает альтернативные ориентации на личность и общество. В верованиях – религиозный синкретизм, большое влияние мифологии и архаики вообще (вплоть до эпохи большевизма). В культуре – слабую способность к формообразованию, при ориентации ее создателей на «первотворчество», создание масштабных мифологических образов. Логос и Бытие в этих цивилизациях не сведены в универсальном законе, а противопоставлены друг другу как равные силы, Логос и Алогон. Роль категории меры принижена, синтез невозможен в условиях доминирования

нальная окрашенность и перекрестная история // Цивилизации. Вып. 9. Цивилизация как идея и исследовательская практика / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 2014. С. 58–83; *Он же*. Цивилизационное сознание и цивилизационное пограничье: путь к катастрофе и путь к знанию // Проблемы культурного пограничья. Памяти Валерия Борисовича Земскова (1940–2012) / Отв. ред. Ю.Н. Гирин. М., 2014. С. 69–89.

противостояния или симбиоза. Эти цивилизации олицетворяют крайности, пределы, границы цивилизации и варварства⁶⁶.

При этом отношение к «варварству» у Я.Г. Шемякина не обязательно отрицательное, как у И.Г. Яковенко, оно может быть амбивалентным, как у Л. Сеа и Р. Хаймеса Фрейре – применительно к Латинской Америке: у них ведь встает вопрос о «логосе варварства» и даже «варварской Касталии»; те же мотивы автор находит у Г.П. Федотова, П.Н. Савицкого, Л.Н. Гумилева в описании России⁶⁷. Однако историк порой встает при характеристике «пограничных цивилизаций» на позицию явных и последовательных носителей европоцентристского сознания, таких как известный аргентинский писатель и государственный деятель Д.Ф. Сармьенто, ставший классиком в описании местных традиций как «варварских» и «диких», примером неисторического подхода к реалиям страны и палачом местного индейского и метисного населения⁶⁸. Поэтому можно отметить явное влияние на автора европоцентристской традиции исследователей этого материала, проявляющееся в интерпретации явлений истории России и Латинской Америки и особенно – в отношении к работам авторов, развивающих идеи постколониальной критики. Книга Шемякина представляет собой подробное изложение взглядов многих поколений российских и латиноамериканских мыслителей и отражает наряду с выявленной ими реальностью специфику их мировоззрений и способов описания виденного, которые тщательно собираются, но порой недостаточно глубоко анализируются.

Поэтому не случайно наличие в его собственной концепции следов европоцентризма и ориентализма. Объективистски характеризуя природные факторы развития «пограничных цивилизаций», Я.Г. Шемякин почти не различает реальные явления и продукты географического и исторического воображения, конструирования, интерпретации, привнесенные европейцами и утвердившиеся в форме зависимого сознания у латиноамериканских и русских интеллектуалов (сочетание меры и безмерности, прогресса и застоя). Он не учитывает влияния на авторов его источников таких стереотипов сознания XVIII–XIX вв., как мышление в форме реификаций, поиск сущ-

⁶⁶ Шемякин Я.Г. Европа и Латинская Америка: взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории. М., 2001. С. 192–344.

⁶⁷ Там же. С. 213–215.

⁶⁸ Там же. С. 210–216.

ностей и бинарных оппозиций. Воображаемая история и география, которые выделил Э.В. Саид, то что он называл «ориенталистским видением»⁶⁹, у Шемякина не выделены из общего образа реальности, что точно соответствует описанию ориентализма. Тем самым возникает опасность вторичной реификации ориенталистских образов.

Более того, Я.Г. Шемякин отказывается принять признанные способы осмысления генезиса такого рода образов, предложенные, скажем, в ставшей классической работе Л. Вульфа «Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения» (1994), написанной на большом фактическом материале записок иностранных путешественников XVIII века. Л. Вульф показал, как конкретно и в каких политических, идеологических, идентификационных интересах формировался пограничный статус России и Восточной Европы, насколько он был непрочен и как он изменялся с течением времени. В противовес Л. Вульфу Шемякин отстаивает взгляд на пограничность России как реальность, а не теоретический конструкт⁷⁰. Что настораживает, не встает даже вопрос о *мере* сконструированности образов России; критики ориентализма обвиняются в нарочитом педалировании роли исторического воображения, которое связывается с их постмодернистскими и релятивистскими познавательными установками. Тем не менее Я.Г. Шемякиным была создана беспрецедентная подборка образов России, созданных за века русскими и иностранцами, она была им систематизирована, приведена в сравнение с подобным же латиноамериканским материалом и в существующем виде предлагает бесценный материал для размышлений историков.

Выход из познавательных затруднений создало стремление его соавтора О.Д. Шемякиной позитивно оценить особенности «пограничных цивилизаций». При этом картезианская логика была заменена ею на эстетику барочного мировосприятия, на идеал «кардиогнозии», которые интерпретируются как свойственные культуре России. Взаимодействие познавательных перспектив и компетенций в цивилизационном анализе Я.Г. Шемякина и О.Д. Шемякиной (в духе перекрестной истории) с их дополняющей друг друга ориентацией на рационализм и эмоциональность, европоцентризм и специфику ста-

⁶⁹ Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006. С. 87, 109, 278.

⁷⁰ Шемякин Я.Г. Динамика восприятия образа России в западном цивилизационном сознании // Общественные науки и современность. 2009. № 2. С. 5–22.

рообрядчества, Латинскую Америку и Россию, критику и апологию пограничности создают в работах Шемякиных атмосферу диалога. Возникающие при этом двоение образов Латинской Америки и России, сочетание критической и апологетической составляющих имеют продуктивный характер, позволяют построить объемный образ цивилизационной реальности, обратиться к субалтерному знанию (прежде всего мировоззрению русских старообрядцев). Упор при этом делается на языковую картину мира при растущем интересе к познавательным стратегиям лингвистического поворота⁷¹.

В результате возникли интересные работы о диалектике мироотречности и приятии мира у старообрядцев. Причем в начале совместной статьи эти явления характеризуются по логике Я.Г. Шемякина как инверсия от мистицизма к материализму, от потусторонней к посюсторонней ориентации, способствовавшая созданию в России некоего аналога протестантской этики в ее понимании М. Вебером, как проявление социальной и хозяйственной адаптивности в условиях политического преследования, как форма развития рационального сознания и риторических приемов, в частности, системы доказательств для отстаивания своих прав в судах, как импульс для распространения грамотности даже среди женщин. Показано, что развитие сектантских движений, близких старообрядчеству, позволяло рационально переосмысливать даже канонические нормы. В этих условиях было возможно и рациональное отношение старообрядцев к собственному внелитургическому времени и мирской деятельности. Принадлежавшая старообрядцу фабрика в глазах его единоверцев воспринималась как аналог конфессиональной общины. Существовала религиозная санкция штрафов, налагавшихся на рабочих. Техника хоть и осуждалась как сатанинская, но использовалась на пользу людям. Результатом всего этого был подъем старообрядческого предпринимательства, сыгравшего важную роль в промышленной революции и индустриализации России, обеспечившего их местными культурными корнями.

⁷¹ *Шемякина О.Д.* Аристотелизм в руссеедении и поле сакральных смыслов старообрядчества // Диалог со временем. 2008. Вып. 24. С. 91–120; *Шемякина О.Д.* Концепция барочности Алехо Карпентьера и типы творческой активности российских предпринимателей // Общественные науки и современность. 2009. № 4. С. 114–125; *Шемякина О.Д.* Разрыв и преемственность в русской культурной традиции: опыт диалога // Общественные науки и современность. 2011. № 1. С. 106–116.

Однако в конце статьи эти процессы характеризуются уже в логике О.Д. Шемякиной не как инверсия, а как *баланс, взаимодействие* мироотречения и приятия мира⁷².

5. Политическая компаративистика

Сравнительная политология зародилась в России параллельно с цивилизационным подходом и первоначально пересекалась с ним, так как государственный строй рассматривался в контексте истории данной цивилизации. Нередко история российской цивилизации у государственников фактически сводилась к сравнительной истории российского государства⁷³. Составляющей частью политологии была историческая политическая компаративистика, которая позволила по-иному взглянуть на историю власти и общества в нашей стране. Правда, работы по этой теме были относительно немногочисленны по сравнению с валом работ по политологии.

Яркими примерами исторической политической компаративистики являются книги А.Н. Медушевского «Утверждение абсолютизма в России. Сравнительное историческое исследование» (1994); «Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе» (1998); «Сравнительное конституционное право и политические институты» (2002). Первая из книг представляла собой исследование по политической и исторической социологии, попытку в духе происходивших в стране реформ пересмотреть петровское время в международном контексте, с учетом перспективы тоталитарного перерождения российского государства, а также роли в его истории харизматических вождей. Объектом исследования служили отношения власти, правящего класса и бюрократии. Автор опирался на традицию правоведов государственной школы и типологию абсолютистских режимов. Важнейшими инструментами исследова-

⁷² Шемякин Я.Г., Шемякина О.Д. Старообрядчество и процесс формообразования в российской цивилизации // *Общественные науки и современность*. 2006. № 2. С. 98–106, особенно см.: С. 98, 104, 107–108; Шемякина О. Д. Противоречия российского модерн-проекта и традиционная культура. Историческое наследие и современный контекст // *Диалог со временем*. 2010. Вып. 33. С. 298–320.

⁷³ Чешков М. Государственность как атрибут цивилизации: кризис, угасание или возрождение // *Мировая экономика и международные отношения*. 1993. № 1. С. 29–31; Шепотко Л.В. История России в сравнительном освещении. Владивосток, 2003.

ния выступали единовременные горизонтальные срезы, позволявшие сравнивать реформы, шедшие в разных странах Европы и Азии, и стадийные сравнения однотипных фаз схожих реформ, проводимых в разных государствах. Источниками служили законодательные акты, делопроизводственные документы и воспоминания современников. В рамках теории модернизации петровские реформы были проанализированы как переход от традиционной системы управления к рациональной. Стратегия догоняющего развития была изучена на примере сравнений России с Пруссией, Австрией, Данией, Турцией, Египтом, Японией и другими развивающимися странами, проанализированы сопровождающие ее крупные кодификационные инициативы XVIII – начала XIX в. В сравнительном анализе петровской Табели и иностранных Уставов о рангах были выявлены общие черты нового социального порядка, ставшего результатом петровских реформ, в частности, преобладание чиновного неравенства перед имущественным⁷⁴.

В других работах на подобном материале рассмотрены общие черты и особенности российского и иностранного конституционализма и политических институтов. В частности, была создана типология конституционно-монархических режимов, которые анализировались с точки зрения синтеза либеральных идеалов и традиционных политических отношений, борьбы народного представительства, правительственной бюрократии и монархии. Российская модель конституционной монархии рассматривалась как синтез западных и восточных ее черт, от французской Хартии 1814 г. до конституции Японии 1899 г., синтез, близкий германской модели, которая превращала конституционные ограничения власти монарха в фикцию. Отечественная разновидность политического строя определялась автором как «мнимый конституционализм», при котором западные политические и юридические формы используются для легитимации самодержавия. Противоречия этого режима не были разрешены до революции, что позволило большевикам оформить новую авторитарную власть, легитимированную при помощи идеала «народного суверенитета»⁷⁵.

⁷⁴ Медушевский А.Н. Утверждение абсолютизма в России. Сравнительное историческое исследование. М., 1994. С. 3–6, 291–299.

⁷⁵ Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1998; Медушевский А.Н. Сравнительное конституционное право и политические институты: Курс лекций. М., 2002; Медушевский А.Н. Конституционная монархия в Европе, Японии и России

Другое направление работы Медушевского – сравнительное исследование Октябрьской революции и большевизма. Основой его рассуждений служит когнитивная история, напоминающая когнитивную социологию А. Шюца, ориентированную на выявление мировоззрения и внутренних мотиваций акторов, а также психотерапевтические теории о неврозах и их лечении, напоминающие теории психоанализа и гештальт-терапии⁷⁶ (как и в постнеклассическом проекте В.И. Аршинова). В рамках теории модернизации Медушевский рассматривает большевизм в сравнении с другими формами экстремизма, проявившимися в европейских революциях XVII–XIX вв., с одной стороны, как форму «революционной святости», обозначавшей разрыв с укладом жизни и социальной организацией старого общества, а с другой – как форму традиционалистского протеста, воплощенную в коммунистическом стремлении к равенству.

Особенности большевизма автор ищет на путях исследования соотношения и противоречий разных частей коммунистической идеологии, вызовов со стороны общества и решения управленческих задач. Подчеркивается рациональная и социально-конструктивистская направленность большевиков, отличавшая их от эмоциональных экстремистских движений, таких как фашизм. Однако попытка соединить науку и идеологию (как единственно верную) привела к неразрешимым противоречиям, в том числе социальным. Практику большевизма определяло несоответствие завышенных ожиданий и неудобной реальности, а также порожденная ею психологическая дезориентация, которую большевики пытались преодолеть при помощи внешних средств: нарастающего ограничения свободы выражения мнений, а потом и внутрипартийной демократии, усиления партийной дисциплины, поддержанного репрессиями запрета на нежелательные образы и воспоминания, создания культа Ленина, фанатизма и террора, что обозначало перерастание большевизма в сталинизм⁷⁷.

(сравнительное исследование конституционных актов) // *Общественные науки и современность*. 1994. № 6. С. 71–88.

⁷⁶ См. о когнитивной истории: *Ионов И.Н.* Проект «когнитивной истории»: археология и экология идей (Размышления над очередной публикацией О. Медушевской) // *Общественные науки и современность*. 2015. № 2. С. 84–95.

⁷⁷ *Медушевский А.Н.* Феномен большевизма: логика революционного экстремизма с позиций когнитивной истории. Ст.1, 2 // *Общественные науки и современность*. 2013. № 5. С. 114–126, № 6. С. 111–120.

6. Новая имперская история

Прорывом в изучении истории многонационального Российского государства с позиций современной мировой истории стала деятельность журнала «*Ab Imperio*», основанного талантливыми историками М.Б. Могильнер и И.В. Герасимовым в 2000 г. Авторы произвели радикальный поворот в изучении отечественной истории, прежде всего острейших вопросов политической истории государств, империй, этносов, национальностей, национальных движений на постсоветском пространстве. Убедившись в общем кризисе русистики, исчезновении исследовательской рамки, позволяющей сочетать локальную и глобальную перспективы, в неререформируемости старых исторических журналов и застойности в развитии профессионального сообщества историков, они создали не просто журнал, а международный научный форум, собравший историков из многих стран СНГ и дальнего зарубежья. В некотором роде (по отсутствию ангажированности, смелости замысла, глубине анализа, эпистемологической грамотности) он был задуман и во многом стал аналогом «Нового литературного обозрения», революционизировавшего культурную среду России, но только для историков. К сожалению, историки оказались менее восприимчивы к такого рода изданию, чем филологи⁷⁸.

Журнал всегда начинается с рубрики «Методология и теория», он ориентирован на действительно новые исследовательские подходы, их сочетание, что позволяет при разработке каждой темы маркировать объем и специфику новой познавательной ситуации. Более того, его создатели ясно осознают гетерогенность исследуемого предмета и потому каждый раз заново конструируют его, выявляя в нем неизвестные грани, появляющиеся при перемещении его в новый контекст. Собственно, ускользающие от традиционных подходов облики национальности и имперскости и представляя собой наиболее интересное содержание опубликованных в журнале исследований. М.Б. Могильнер и И.В. Герасимов начали с рефлексии по поводу основных метанарративов, «таких как модернизация; грани и границы; историческая память; языки самоописания; антропология группности; социология знания, чтобы понять, насколько приложимы они

⁷⁸ Что такое новая имперская история, откуда она взялась и к чему она идет? Беседа А. Смирнова с редакторами журнала *Ab Imperio* Иллей Герасимовым и Мариной Могильнер // Логос. 2007. № 1 (58). С. 218–219, 222.

к современным задачам исторического описания пространства Российской империи / СССР». Они используют опыт всех поворотов исторического знания (лингвистический, культурный, пространственный, прагматический и др.), внимательно относятся к различению категорий практики и категорий анализа, они признают необходимость сочетать «взгляд сверху» и «взгляд снизу», иерархические и горизонтальные модели, сочетание частных перспектив: национальных, конфессиональных, политических, социальных. Они прямо опираются на деконструкцию и конструктивизм, рефлексивный подход, перекрестную историю (статья о ней была впервые опубликована в русском переводе в их журнале⁷⁹), постколониальную критику и т.п. В постановке проблем им свойствен презентистский подход, введение в аналитический инструментарий понятий «суверенного государства, общества горизонтальной солидарности и вертикальной мобильности, транспарентного поля культуры». Вместе с тем при описании исторических явлений они часто пользуются антикваристским словарем. Не чуждо им и обращение к идеям синергетики⁸⁰.

Стремление к деэссенциализации предмета исследования проявляется и в названии «новая имперская история», которое, как указывают авторы, звучит «по-империалистически» не потому, что они не захотели писать историю конкретных империй или империологию, а так как они *не желали эссенциализации* представления об империи, характеризуя *имперскую ситуацию* как идеальный тип или концепт, соответствующий определенной системе отношений. Тем самым они принципиально возражают против попыток клиодинамики и политологов «создать теорию империи, вычислить некий цикл ее развития (упадка и возрождения), выявить имманентно присущие империи черты». Для них прошлое не ограничивается тем или иным масштабом, «это открытая динамическая система в состоянии неустойчивого равновесия, где невозможны однозначные и предсказуемые “термодинамические” уравнения»⁸¹. «Мы предлагаем изучать в рамках Новой имперской истории, – продолжают авторы, – не структуры, а практики и дискурсы, которые переплетаются в динамичную открытую систему имперской ситуации... <Последняя> характеризуется параллельным

⁷⁹ Вернер М., Циммерманн Б. После компаратива: *histoire croisée* и вызов рефлексивности // *Ab Imperio*. 2007. № 2. С. 59–90.

⁸⁰ Что такое новая имперская история... С. 222–223, 230, 232, 236.

⁸¹ Там же. С. 224–226, 235.

существованием несовпадающих социальных иерархий и систем ценностей, с очень приблизительно устанавливаемым обменным курсом статуса – в то время как идеальная модель современного национального государства предполагает универсальность и равнозначность социальных категорий во всех уголках общества... Новая имперская история – это не история конкретного региона или политики, это способ описания исторической реальности принципиально гетерогенного, полиэтнического и мультикультурного общества»⁸². В результате история России от Киевской Руси до современности у Могильнер и Герасимова превратилась в исследуемую при помощи совмещенных оптик и многофакторного анализа калейдоскопическую картину локальных проявлений гетерогенной имперской ситуации (до общины включительно), «сложного баланса факторов и интересов» в их сочетании с механизмами взаимодействия и синтеза локального опыта (не упуская реалий Польши или Финляндии). Первичное описание стратегий и возможных результатов такого исследования содержится уже в книге «Новая имперская история постсоветского пространства» (2004). В ней сочетаются эпистемологический и исторический анализ: выясняется, как биография исследователя помогает ему «увидеть» империю, как влияет на изучение истории России утрата общепризнанных масштабов анализа; микроисторические исследования на локальном уровне помогают пересмотреть представления об унифицированном пространстве империи; имперское пространство анализируется как сеть социальных и культурных взаимодействий социальных и этнических групп, а локальная история описывается в многообразном имперском окружении. На этой основе анализируются такие темы, как проблема генезиса Российской империи, соотношение имперского опыта России и СССР, роль концепта «Евразия» как «антипарадигмы», создание истории татар, история русской колонизации Сибири, описание мусульманского Востока в русской этнографии XIX в., столкновение русской цивилизаторской миссии и национализма в Закавказье, еврейская преступность в Одессе начала XX в.⁸³

В последние годы вышел целый ряд сборников статей, опубликованных в «Ab Imperio» и отметивших достижения журнала в обла-

⁸² Там же. С. 224-226.

⁸³ Там же. С. 228-236; Новая имперская история постсоветского пространства / Ред. и сост. И. Герасимов, С. Глебов, А. Каплуновский, М. Могильнер, А. Семенов. Казань, 2004.

сти наиболее сложных проблем истории России. Это проблемы конструирования Российской империи, политик памяти и соотношения имперского, национального и конфессионального. В антологии «Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма» (2010) эта теоретическая проблематика представлена на большом (в основном иностранном) материале, начиная с пионерских работ Х. Кона до современных исследований, проведенных в лингвистически-когнитивном ключе, контекстах постколониальной критики (в продвинутом варианте Б. Ашкрофта) и сравнительной истории империй (история Российской империи А. Каппелера и др.). Новизна подхода состоит в отказе от хронологического противопоставления «архаических» империй и национальных государств, национального строительства в метрополиях и имперской политики в колониях, в сближении понятий национального государства и империи и в его обосновании. У авторов тем самым «появилась возможность осмыслить империю и нацию не как воплощенные в реальности политические и социальные явления, а как категории анализа, которые позволяют описывать отличные векторы исторического процесса и диспозиции исторических сил»⁸⁴.

В сборнике статей «Изобретение империи: языки и практики» (2011) характеризуется аналитический язык, при помощи которого империя описывается ее современниками. Авторы стремятся разделить объективные отношения внутри государств, часто общие для империи и национального государства – и «ощущение империи», которое придает ей жизнь. Теоретически и исторически изучается сама возможность конструктивистского подхода к империи, стратегии создания ее ментальных карт, пространства власти (Россия с точки зрения Запада, имперская топография Москвы и Петербурга, образ России, созданный бурятскими буддистами, преподавание географии в дореволюционной школе, антиколониальная риторика евразийства)⁸⁵.

В сборнике статей «Империи и нации в зеркале исторической памяти» (2011) анализируется вопрос о том, как обретают генеалогию феномены современной политики и идеологии, чья память доминирует на многоуровневом имперском и постимперском пространстве, что обеспечивает это доминирование? В чем особенности

⁸⁴ Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма / И. Герасимов, М. Могильнер, А. Семенов. М., 2010. С. 12.

⁸⁵ Изобретение империи: языки и практики / Ред.-составители И. Герасимов, М. Могильнер, А. Семенов. М., 2011.

исторической памяти в посткоммунистических обществах? Этот сборник статей начинается работой классика этой области исследований Я. Зарубавель, анализирующей динамику исторической памяти; в нем сравниваются практики памяти в посткоммунистических и постколониальных странах, исследуется межвоенная эмигрантская историография, рассматривается вопрос об истоках казачества, конструирование образа исторического врага, политическая роль древности в СССР и постсоветской России, приводится перевод и анализ песни о Хочбаре – жемчужины аварской народной поэзии⁸⁶.

В сборнике статей «Конфессия, империя, нация. Религия и проблема разнообразия в истории постсоветского пространства» (2012) определяется, насколько применима к российской истории концепция «конфессионального государства». Как сочетаются религиозные ментальные карты с их представлениями о своем и чужом – с этническими или политическими ментальными картами нации, религиозная традиция и мифологема «национальных корней»? Стержневая тема сборника – роль религии в разрешении проблемы примирения многообразных этнических и социальных составляющих империи. Рассматриваются такие религиозные модели империи, как «Новый Израиль» и «Святая Русь» у секты жидовствующих, роль православной церкви в русском национальном самосознании, роль православных коллигиумов в Российской империи, конструирование образа верующего в Казани, роль ислама в дагестанском колхозе⁸⁷.

Размышления членов редколлегии над проблемами истории России подытожены в обширном курсе «Новая имперская история Северной Евразии» (публикуется с целью обсуждения на правах препринта, 2014–2015), первом курсе российской истории, написанном на современном научном языке, в котором проблемы и подходы поставлены в контекст мирового гуманитарного знания. Он прямо ориентирован на создание нового вопросника для историков и на широкий межнациональный и профессиональный диалог, воплощенный в идеале многомерного разнообразия. Это делает его поворотным моментом в отечественной историографии российской истории. В курсе на большом

⁸⁶ Империи и нации в зеркале исторической памяти / Ред.-составители И. Герасимов, М. Могильнер, А. Семенов. М., 2011.

⁸⁷ Конфессия, империя, нация. Религия и проблема разнообразия в истории постсоветского пространства / Ред.-составители И. Герасимов, М. Могильнер, А. Семенов. М., 2012.

фактическом материале решаются новаторские задачи изучения политических дискурсов, обеспечивавших развитие государственности в России, а также складывания и развития имперской ситуации. Работа учитывает практику международного диалога по проблемам национальных историй, который ведется на постсоветском пространстве с 1990-х гг. и уже на уровне системы понятий предполагает оптимизацию такого диалога. Это, прежде всего, сочетание русскоязычной традиции прочтения имен исторических деятелей и иноязычных, в т.ч. тюркоязычных традиций (Гирей – Герай), учет разницы транскрипций самоназваний в Древней Руси (*Роуськая* земля) и ее наследников (*русьские* на Западе и *русские* на Востоке), а также деконструкция порождений национально-исторической мифологии и понятий, представляющих собой не столько определения, сколько объясняющие схемы (славянство, монголы, дань, государство, цивилизация и т.п.). Авторы дистанцируются от позиции универсального наблюдателя, стараясь сочетать презентистские определения («дружинная экономика набегов») и описания ситуации с позиций разных вовлеченных в нее персонажей в духе К. Гирца. История Руси-России нигде не рассматривается изолированно (на страноведческом уровне), ставится в региональный, а порой и в глобальный контекст. При этом чувствуется сильное воздействие различных влиятельных «дискурсивных сообществ», так что в итоге описания явлений, как правило, даются с позиций письменных, а не дописьменных культур (китайской, а не ненецкой, княжеской или бюрократической, а не крестьянской)⁸⁸, что несколько ограничивает диалогический потенциал курса: в результате одна группа источников приобретает привилегированный характер.

Несмотря на все нововведения история Северной Евразии становится узко-политической и государственнической (географические, экологические, этнографические, экономические, социальные, религиозные и культурные обстоятельства описываются постольку, поскольку это важно для характеристики истории власти). Идеалы власти (империя) отчасти обеляются, отделяясь от анти-идеалов публицистики (империализм) и даже противопоставляясь им. История «сверху» доминирует над историей «снизу», что определяет переоценку политики Екатерины II, «культу просвещения» у дворянства, недооценку роли крепостного права в условиях отсутствия правового со-

⁸⁸ Новая имперская история Северной Евразии. Как узнать новую историю и чего от нее ждать? // *Ab Imperio*. 2014. № 1. С. 246, 289, 322–323, 370 и др.

знания, а также агрессивности Российской империи как милитаристского государства. Характерна странная для противников эссенциализма попытка создать «объективный» образ европейца, живущего вне Западной Европы⁸⁹. Актуальная для отечественных постколониальных критиков тема российского субалтерна отсутствует как таковая. Все это позволяет характеризовать курс как модель-ориентированный (в центре находится авторский конструкт – *имперская ситуация*).

Позитивный результат – убедительная, проведенная на широком сравнительном материале *нормализация* образа России, которая предстает в ряду европейских и евразийских держав как равная, вне рассуждений о ее «цивилизационной» отсталости или особости, основой чему служит релятивизация модернизационных идеалов (как регулярности, единообразия, стандартизации). Курс содержит много интересных замечаний по конкретным проблемам прошлого Северной Евразии, которые являются ключевыми для нового понимания ее истории (описание съезда правителей в 1429 г. в Луцке; самозванчества как результата обособления феномена власти от феномена господства; идеала камерализма для XVII в., понятия «камералистское государство» применительно к практике XVIII–XIX вв.; мифа о засилье немцев как показателя аномии в период формирования имперской ситуации; сохранения гибридности как успеха имперской политики; имамата Шамиля и шариата как форм модернизации; тупиков суверенизации в политике Николая I и Александра III, моды на колонии в IX в.). Привлекателен тонкий семантический анализ социального воображения и особенно политических понятий, как указывающий на внутренние противоречия политических представлений, в основном до-рационалистской эпохи (князь-государь и князь приглашенный, этнический национализм и многоплановое разнообразие), так и свидетельствующий о разграничении различных сценариев и дискурсов

⁸⁹ Новая имперская история Северной Евразии. Глава 7. Долгий XVIII век и становление модернизационной империи. Часть 2. От современного государства к современной империи // *Ab Imperio*. 2015. № 1. С. 430–444; Новая имперская история Северной Евразии. Глава 8. Дилемма стабильности и прогресса: империя и реформы, XIX век. Часть 1. Современная империя в поисках нации // *Ab Imperio*. 2015. № 2. С. 259, 262, 269. Исключение – одинокое указание на экспансионизм России после множества противоположных утверждений. Новая имперская история Северной Евразии. Глава 8. Дилемма стабильности и прогресса: империя и реформы, XIX век. Часть 2. Проектирование национальной империи // *Ab Imperio*. 2015. № 3. С. 201.

власти (господство – власть, владение – собственность, общинные привилегии – индивидуальные свободы, правомерное государство и конституционное государство)⁹⁰.

Но очевидно, что рефлексивный идеал перекрестной истории реализован при этом далеко не полностью. В некоторых случаях в курсе ощущается острая нехватка смежных подходов. Характеристика православия как «универсального культурного кода»⁹¹ возможна только при игнорировании противоречия его универсалистских претензий и огромного влияния внелогических дискурсов и многочисленных случаев его локального смешения с язычеством (двоеверие, обрядоверие, цареславие и шире – властеславие). Привлекает внимание почти полное игнорирование миросистемного подхода с его концепцией Азиатского мира (при указании на некоторые ее следствия). Между тем большее внимание к азиоцентрической картине мира XIV–XVII вв. помогло бы авторам разрешить некоторые малопонятные для них самих вопросы, например, о причинах искажений византийского чина коронования в практике московских царей, позволяющих придавать им божественный статус⁹².

Слабо используются достижения перформативного поворота, в частности политика интерпретируется авторами, несмотря на их собственную критику этой позиции, как реакция на реальную или «объективную» вербальную ситуацию (идеал «современного»). При этом игнорируется диалогический контекст, выраженный в постколониальной концепции М.В. Тлостановой о России как «двуликой... квазизападной подчиненной империи на вторых ролях»⁹³. Между тем важнейшим стимулом политики страны была и «война дискурсов», в которой ответ на вызов изменяющейся политической моды, как показал еще Н. Элиас, мог быть не только прямым и рациональным, но и асимметричным и вполне иррациональным, заведомо неадекватным

⁹⁰ Новая имперская история Северной Евразии // *Ab Imperio*. 2014. № 4. С. 232; Новая имперская история Северной Евразии. Глава 2. Механизмы политической и культурной самоорганизации первых политий Северной Евразии: формирование Роуськой Земли // *Ab Imperio*. 2014. № 2. С. 350–351.

⁹¹ Там же // *Ab Imperio*. 2014. № 1. С. 356.

⁹² Новая имперская история Северной Евразии. Глава 3. Новые времена: проблема обоснования суверенитета и его границ в Великом княжестве Московском // *Ab Imperio*. 2014. № 3. С. 396.

⁹³ *Тлостанова М.В.* Постсоветская литература и эстетика транскulturации. Жить никогда, писать ниоткуда. М.: УРСС, 2004. 416 с. С. 6, 16, 40–46.

(«левантинистским» или «боваристским»). Особенно важным данный аспект становится с ростом влияния идеалов «Запада», «прогресса» и «современного», когда манипулирование этими идеалами превращается в часть дискурсивной политики Запада, т.е. с середины или по крайней мере с конца XVIII в.⁹⁴ и, вероятно, неслучайно анализ цивилизационных ментальных карт этого времени неоправданно поставлен в курсе *после* описания объективных предпосылок политики России конца XVIII – начала XIX в.⁹⁵ «Психотерапевтические» аналогии 7-й и 8-й глав курса (близкие идеям А.М. Медушевского) связаны с невротической реакцией на постоянно изменяющееся отношение Запада к России (невротизирующее «двойное послание» по Г. Бейтсону) и свидетельствуют об огромной роли позиции Запада (как воображаемого культурно «старшего» или даже духовного «родителя») для власти и общества в Российской империи⁹⁶.

Масштаб проблематики журнала и разносторонней деятельности его актива столь велик, что более подробное описание невозможно. Коснемся лишь трех работ, которые кажутся принципиально важными. В книге «Мифология “подпольного человека”. Радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа» М. Могильнер анализирует феномен «Подпольной России» (автор возводит его к литературной деятельности С.М. Степняка-Кравчинского) и процесс создание мифологии, под влиянием которой находились революционеры начала XX в., возникшей в процессе самоописания радикальной интеллигенции и помогавшей ей выдерживать неимоверное напряжение от неприятия интеллигенции властью и борьбы с всесильным самодержавием. Но эта же мифология, придя в конце концов в противоречие с реальностью, превратила героев рево-

⁹⁴ Подробнее см. *Ионов И.Н.* Цивилизационное сознание и цивилизационное пограничье: путь к катастрофе и путь к знанию // Проблемы культурного пограничья. Памяти Валерия Борисовича Земскова (1940–2012) / Отв. ред. Ю.Н. Гирин. М., 2014. С. 69–77.

⁹⁵ Новая имперская история Северной Евразии. Глава 8. Дилемма стабильности и прогресса: империя и реформы, XIX век. Часть 1. Современная империя в поисках нации // *Ab Imperio*. 2015. № 2. С. 253–260.

⁹⁶ См. также: *Ионов И.Н.* Глобальная история и изучение прошлого России. Статья 4 // *Общественные науки и современность*. 2014. № 6. С. 123–140. По поводу отношения Западной и Восточной Европы см.: *Melegh A.* On the East–West Slope: Globalization, Nationalism, Racism and Discourses on Eastern Europe. Budapest, N.Y., 2006.

люции в палачей и жертв сталинского режима. Автор решает и не менее сложную проблему работы с героическим мифом о революционной интеллигенции, который в течение многих десятилетий влиял на историков, будучи создан как познавательная модель персонажами их произведений. Объектом исследования стали литературные образы (из писем, песен и стихов, романов), которые в условиях отсутствия официальных институтов, организовывавших мировосприятие радикалов в литературоцентричной России формировали образ реальности и одновременно мешали ее адекватному восприятию⁹⁷.

Книга А.М. Эткинды «Внутренняя колонизация. Имперский опыт России» (2013) представляет собой великолепный образец диалога естественнонаучных и гуманитарных подходов к истории России: в ней тесно сочетаются описание строительства Российской империи в погоне за мехом, прежде всего соболиным, а затем и за менее ценными мехами; постколониальный анализ ситуации, в которую попало местное население, ставшее объектом колонизации и цивилизаторства со стороны возмужавшей империи; литературоведческий и психологический анализ последствий этого взаимодействия центра и внутренней периферии, породившего «двойное сознание» и двойничество вообще. Пожалуй, это первая история России, написанная с последовательно постколониальных позиций, позволяющих раскрыть много темных сторон и в отношениях русских казаков и местного населения Востока, и в отношениях дворян и крепостного крестьянства, и в отношениях рядового обывателя и власти, заставляющая задуматься над особенностями применения к истории России постколониальных понятий амбивалентности, гибридности, мимикрии, экзотизации и т.п.⁹⁸

Наконец, большое впечатление производит статья И.В. Герасимова, С.В. Глебова и М.Б. Могильнер «Встреча постимперского с постколониальным: Российский исторический опыт и постколониальная ситуация» (2013). В ней универсализируются традиционные сравнения славянофильства с афроцентризмом: показано, что колониальная ситуация (в форме культурной зависимости) может быть осмыслена как эпистемологическая проблема вне реальной колониальной зависимо-

⁹⁷ Могильнер М.Б. Мифология «подпольного человека». Радикальный микроскоп в России начала XX века как предмет семиотического анализа. М., 1999.

⁹⁸ Эткинд А.М. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М., 2013. См. также: Ионов И.Н. Глобальная история и изучение прошлого России. Ст. 4. С. 134–136.

сти (у славянофилов); без наличия «колонизированного» субъекта представителями общественной элиты (у евразийцев), как она может порождать «глубоко консервативные сценарии эмансипации и нести в себе скрытую реставрационную программу».

Обращаясь к советскому опыту, авторы показывают, что политическая борьба не изменяет отношения доминирования и контроля; что «колониальная ситуация стремится к самовоспроизводству, лишь меняя гегемонные дискурсы и выдвигая новых гегемонов и субалтернов или их новые комбинации». В постсоветском мире вместо того, чтобы стремиться обосновать право на собственную активность, «нации заявляют о собственной субалтерности ради отказа от исторической субъективности и ответственности за прошлое». Это позволяет авторам развернуть критику постколониального подхода с позиций опыта российской истории и концепции имперской ситуации⁹⁹.

И все же представляется важным обратить внимание на два обстоятельства: в статье опять-таки игнорируются работы российских постколониальных критиков (например, таких как М.В. Глостанова), которые ставят вопрос о субалтернизации по-иному, и альтернативные подходы к зависимому сознанию, восходящие к исследованиям Н. Элиасом и его школой психологических результатов взаимодействий истеблишмента и аутсайдеров¹⁰⁰.

7. Глобальные аспекты эпистемологии российской истории

Остается вопрос: насколько мощь примененных методов, совершенство современных способов концептуализации способны продвинуть нас в изучении истории России? Радикальную постановку этого вопроса предлагает деколониальный поворот В. Миньоло и М.В. Глостановой. В центр анализа познавательной ситуации они выводят диалогическую проблематику, вопрос о доступе к глобальному диалогу ученых представителей незападных, в особенности постколониальных культур, но также культур второразрядных, потерпевших поражение

⁹⁹ *Gerasimov I, Glebov S., Mogilner M.* The Postimperial Meets the Postcolonial: Russian Historical Experience and the Postcolonial Moment // *Ab Imperio*. 2012. № 2. P. 97–135.

¹⁰⁰ *Глостанова М.В.* Указ. соч.; *Ионов И.Н.* Глобальная история и изучение прошлого России. Ст. 4; *Ионов И.Н.* Мировая история в глобальный век. С. 105–117, 135–148; *Ионов И.Н.* Проблемы современной макроистории. Статья 2. Память, идентификация и предпосылочное знание // *Диалог со временем*. 2016. Вып. 54. С. 32. Вып. 54.55.

империй. Для этого они принципиально отделяют подлинный диалог, в котором учитываются мнения обеих сторон, от асимметричной *колониальной коммуникации*, акцентируют внимание на особенностях географического положения и восприятия его участников. Рассуждения авторов выстраиваются на основе анализа конкретного опыта развития высшего образования среди коренных народов Эквадора, а также осмысления исторического опыта народов Средней Азии и Северного Кавказа, просветительского движения татар за обновление ислама (джадидов). На этой почве возникает целый ряд подходов, которые позволяют совершенно по-новому осмыслить познавательную ситуацию в России и связанные с ней проблемы¹⁰¹.

Миньоло и Тлостанова критикуют теорию модернизации и классические подходы к истории как форму замалчивания колониальной «темной стороны» Модерна. Ведь для носителей многих незападных культур Новое время и эпоха колонизации неразделимы, *модерность* (в т.ч. Возрождение, Просвещение и индустриальная революция) *равна колониальности*. В условиях глобального доминирования самосознание Запада конституируется за счет периферизации и аннигиляции культур не-Запада, их маргинализации как субалтерных, этнографических, лишенных права собственного голоса. Забвение этого связано с зависимым сознанием и *самоколонизацией*, деформирующими самовосприятие и историческое развитие. Авторы пытаются выстроить такое смысловое пространство, в котором можно было бы соединить идеалы эффективности и справедливости, развития и демократии¹⁰². Первым шагом к равноправному диалогу становится «*демодернизация*» – стратегия периферизации и провинциализации образа Модерна, отстранения (*delinking*) от иерархических схем, пронизывающих западное и зависимое от него знание, основанное на бинарных схемах (дикость – варварство, Запад – Восток, развитие и прогресс – архаизация и отсталость)¹⁰³. Первым условием академического диалога у Тлостановой и Миньоло оказывается пересмотр тезиса Айзенштадта о Втором осевом времени (1500–1800) как эпохе становления универ-

¹⁰¹ Tlostanova M.V., Mignolo W.D. Learning to Unlearn: Decolonial Reflections from Eurasia and the Americas. Columbus, 2012. P. 137-138, 180, 183. См. также: Ионов И.Н. Проблемы планетарного диалога и новые горизонты гуманитарного знания // Международный журнал социальных и гуманитарных наук “Личность. Культура. Общество”. 2012. Вып. 4 (75–76). С. 260–266.

¹⁰² Tlostanova M.V., Mignolo W.D. Learning to Unlearn. P. 214.

¹⁰³ Ibid. P. 14, 78–79, 124, 177, 198.

сального научного знания. Тезисы об универсальности, объективности и нормативности знания для них неприемлемы, так как возникают из гордыни первооткрывателя, охватившей одну из локальных культур (европейскую), которая произвольно и неоправданно наделила производимое ею знание этим свойством¹⁰⁴. Поэтому данная эпоха ассоциируется у авторов скорее с уничтожением многообразия способов познания мира, в т.ч. истории. Она дала толчок развитию системы образования и знания *имперского и колониального типа*, движению от ренессансного к кантовско-гумбольдтовскому университету и корпоративному университету эпохи глобализации¹⁰⁵.

В недавней статье М.В. Тлостанова ставит этот вопрос донельзя радикально, в духе классика субалтерных исследований Г.Ч. Спивак: «Существует ли постсоветская мысль?» (буквальный перевод английского названия: «Может ли постсоветский <ученый> мыслить?») Речь идет о проблемах колониальности знания (зависимости российских исследователей от западных научных традиций), внешнем имперском и двойном колониальном различиях. Ставится вопрос о колониальности постсоветского исторического знания, как в его западническом («открытая или скрытая ориентализация»), так и в славянофило-евразийском вариантах. «Это типичный случай российского историка, – пишет автор, – заимствующего западную методологию, транслирующего западные ориенталистские мифы и цивилизационные конструкции с тем же рвением, с каким ранее он был вынужден твердить догмы исторического материализма»¹⁰⁶. Невнимание к постколониальной критике, пережитки структурализма, воспроизводство «устаревших западных методов и инструментов», по мнению филолога, «тревожный признак более тяжелого (даже по сравнению с глобальным Югом) случая колониальности знания в условиях краха социалистической модерности». Это затрудняет изучение целого ряда проблем, в частности, критическое осмысление советской модерности. Зависимость сознания исследователей – причина «психологических тревог, шизофренических коллективных комплексов, идеологии осажженного лагеря или попыток представить свое поражение как победу... имперского шовинизма и мстительности». Существенным пре-

¹⁰⁴ Ibid. P. 43, 73.

¹⁰⁵ Ibid. P. 200–203.

¹⁰⁶ Однако националисты мягко маркируются М.В. Тлостановой позитивно, как «попытка восстать против западного интеллектуального господства».

пятствием для развития исторических знаний признается порожденная корпоративным университетом узко-дисциплинарная позиция университетов и ВАК, их сопротивление междисциплинарности и трандисциплинарности. Эпистемология таким образом связывается с *геоисторической позицией* исследователя. Идеалом Тлостановой становятся в духе перекрестной истории пересекающиеся познавательные пространства, и западные, и незападные одновременно, постстрановедческий подход, базирующийся на тематических кластерах и процесс-ориентированности¹⁰⁷.

Несколько мягче эта ситуация описана И.Н. Ионовым в серии статей «Глобальная история и изучение прошлого России» (2011–2014), анализирующей применимость разных моделей глобальной истории к изучению прошлого России. Автор акцентирует проблемы зависимого сознания и искаженного централизованного знания, возникающие постоянно в асимметричных взаимоотношениях мирового истеблишмента и аутсайдеров, на что указывал еще Элиас. Парадокс в том, что такая форма сознания возникает внутри самого «процесса цивилизации», который разделяет сословия, страны и, в конечном счете, весь мир на тех, кто устанавливает правила поведения, и тех, кто им повинует, испытывая невроз от такого внешнего воздействия. Результатом может быть создание авторитарной личности (по Э. Фромму), охваченной «псевдочувствами» и «псевдомыслями», ориентированной не на рациональность, а на рационализации и мифотворчество. Однако переход от западничества к славянофильству, по его мнению, не создают условия для устранения колониальности знания. Как показал венгерский социолог А. Мелег, «несбалансированность дискурсивной власти» остается непреодоленной, двойное сознание как форма зависимого сознания актуализирует то западнический, то славянофильский дискурс, среди которых нельзя выбрать предпочтительный вариант, и переполусовку которых можно характеризовать как невротическую инверсию¹⁰⁸.

¹⁰⁷ Tlostanova M.V. Can the Post-Soviet Think? On Coloniality of Knowledge, External Imperial and Double Colonial Difference // *Intersections*. 2015. Vol. 1. No 2. P. 38–58. См. перевод: Тлостанова М.В. Существует ли постсоветская мысль? О колониальности знания, внешнем имперском и двойном колониальном различиях // Гефтер. Электрон. ресурс. Режим доступа: <http://gefeter.ru/archive/16006>.

¹⁰⁸ Ионов И.Н. Глобальная история и изучение прошлого России Статья 3, 4 // *Общественные науки и современность*. 2013. № 5. С. 141–148; 2014. № 6.

Вообще процесс развития исторического сознания, по мнению Ионова, имеет циклические формы и связан с «процессом цивилизации». Как показал ученик Элиаса голландский социолог К. Вутерс, наиболее благоприятны для диалогического взаимодействия культур (и научных школ) эпохи информализации поведения, когда границы истеблишмента оказываются нечеткими, ценность нормативной идентичности утрачивается, само понятие аутсайдера расплывается, распространяются исторический релятивизм и «повороты» исторического сознания, в т.ч. пост-колониальный (в 1890-е, 1920-е, 1960–1970-е гг.). Напротив, в эпохи реформализации поведения истеблишмент восстанавливает свою власть, появляются попытки манипуляции историческим сознанием и идентификациями аутсайдеров, выстраивания многоступенчатой лестницы эпистемологических колониальностей, усиливается нормативность исторических теорий, процесс релятивизации исторического знания замедляется или переживает инверсию (в 1900–1910-е, 1930–1950-е, 1980–2010-е гг.). Вутерс связывает это с разными формами ментальности, актуализирующими те или иные стороны личности и механизмы регулирования поведения человека¹⁰⁹.

Поэтому вопрос о субалтернизации и десубалтернизации российского исторического сознания – это не только частный вопрос о познавательных идеалах, но и глобальная проблема их достижимости, в частности, готовности обеих сторон диалога к отходу от признания универсальности своих достижений, к признанию ценности гибридности и релятивизации собственной самоидентификации, т.е. проблема глобального диалога. Методы перекрестной истории безусловно способствуют ее решению, но для этого еще нужны и объективные предпосылки.

С. 124–128, 131–132; *Melegh A.* On the East–West Slope: Globalization, Nationalism, Racism and Discourses on Eastern Europe. Budapest, 2006. P. 29–30, 168, 183, 187.

¹⁰⁹ *Ионов И.Н.* Глобальная история и изучение прошлого России. Ст. 4. С. 128–130; *Ионов И.Н.* Мировая история... С. 135–148; *Wouters C.* Informalisation: Manners and Emotions since 1890. L., 2007. P. 56, 93, 167–170, 174–175, 187.

ГЛАВА 4

Универсальное и локальное в современной мировой истории

1. Глобальная, региональная, локальная история и проблема локальных цивилизаций

В 2000 г. на XIX Международном конгрессе исторических наук в Осло Э. Ниemi заявил: «В последнее время историки все больше интереса проявляют к формированию современных регионов и к региональным процессам... Отмечается движение в сторону междисциплинарного изучения процессов региональной интеграции, с концентрацией на культурных барьерах, культурном разнообразии, идентичности и этничности»¹. Однако соотношение исторической регионалистики и истории цивилизаций, а также глобальной истории понимается далеко не однозначно. Скорее его можно охарактеризовать как одну из сложнейших проблем современной историографии и теории истории. Тема связана с локальными влияниями, трансферами, смещениями, гибридизациями, циркуляциями, интерпретациями, которые и образуют в результате глобальное целое, а также с восприятием локальных цивилизаций как носителей глобального опыта².

Дело в том, что этот процесс происходит в сложных, пересекающихся, порой противоречащих друг другу культурных контекстах. Это транснациональные и транскультурные проявления историографической революции, открывающей разные пути к *новой историче-*

¹ Цит по: *Большакова О.В.* Регионы и регионализация (Обзор материалов) // XX век: Методологические проблемы исторического познания. Сб. обзоров и материалов. В 2 ч. Ч. 2. М., 2002. С. 284.

² О масштабах и проблемах этого направления см.: *Ионов И.Н.* Основные направления и методология глобальной истории // Новая и новейшая история. 2003. № 1. С. 18-29; *Douki C., Minard Ph.* Histoire globale, histoires connectées: un changement d'échelle historiographique? // Revue d'Histoire Moderne et Contemporaine. 2007/5. № 54-5. P. 7-21; о локальных и региональных аспектах глобальной истории см.: *Competing Visions of World Order. Global Moments and Movements, 1880s–1930s* / Ed. S. Conrad, D. Sachsenmaier. N.Y., L., 2007; о созданном на основе истории цивилизаций действующем курсе мировой истории: *World Civilizations: The Global Experience* / Ed. P.N. Stearns, M.B. Adas, S.B. Schwartz, M.J. Gilbert. Harlow, 2007.

ской науке, основные параметры которой заданы антропологическим и культурным поворотами и которая заставила коренным образом изменить точку зрения на исторический процесс в целом. Важная ее составляющая – победоносное шествие «истории снизу», начатое книгой Э.П. Томпсона о становлении рабочего класса в Англии (1963), где этот процесс был показан в контексте местной, английской социокультурной традиции, и продолженное постколониальной критикой, универсализировавшей интерес к *субалтернам* – лишенным права на самовыражение подчиненным народам и социальным аутсайдерам, находящимся в сложных отношениях с международным и социальным истеблишментом³. В результате предмет региональной истории стал глобальным и трансрегиональным; в нем переплелись истории центра и периферии, доминирования и подавления.

На месте всеобщей истории под влиянием идеала «истории снизу» возникли глобальная, переплетенная, связанная, транскультурная истории, но они не заместили региональную историю: ведь основной проблемой современной глобальной истории является ее *децентрация*, а значит интерес к локальным проявлениям прошлого. Соответственно, глобальная история, как показывает синолог и теоретик истории П. Кроссли, тоже выстраивается «снизу», от региональной и даже локальной историй, через явления объективной и субъективной (дискурсивной) дивергенции, конвергенции, заражения и системности. Ведь как дискурс глобальная история восходит к локальным, а именно – к традициям вписания своей истории странами, конфессиями и цивилизациями в универсальный контекст. Важнейшая проблема децентрации глобальной истории – как не устранить вместе с центрирующим и доминирующим образом Европы как претендента на центральное положение в мире и истории еще и множество других образов местных претендентов с этноцентристскими запросами⁴.

Это обстоятельство только отчасти пошло на пользу концепции локальных цивилизаций, которая испытала некоторый подъем в 1940–1970-е гг. После появления работ Э.В. Саида и других сторонников деконструкции колониального дискурса, цивилизационные

³ Могильницкий Б.Г. История исторической мысли XX века. Вып. III. Историографическая революция. Томск, 2008; Thompson E.P. The Making of the English Working Class. N.Y., 1966; Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006.

⁴ Crossley P.K. What is Global History? Cambridge, 2008.

представления подверглись уничтожающей критике как неотъемлемая часть «истории сверху». Они были причислены к имперской идеологии и рассматриваются в рамках постколониальной критики как форма позитивной самоидентификации колонизаторов, обоснование для интерпретации колонизируемых как «варваров» и «дикарей»⁵.

«История сверху» – универсальная по своей сути всеобщая история, описывавшая прошлое национальных государств и империй, деяния их элит и правящих классов с позиций объективности и истинности, насколько это возможно в рамках европоцентризма, доминировавшая в XIX в., в 1960–1980-е гг. начала понемногу сдавать свои позиции, и это сказалось на содержании региональной истории. В рамках «истории снизу» размываются темы «цивилизаторской миссии» Запада, цивилизации как победоносной силы, противостоящей варварству. Локальные контексты «истории снизу» ставят под сомнение универсалистские, линейно-стадиальные подходы к историческому процессу как целому, разнообразные версии однолинейных «модернизации» и «архаизации» обществ, связывая их с дискурсами господства и принуждения.

«Идея дикаря, – подчеркивается в словаре терминов постколониальной критики (2000), – могла возникнуть только если существовал концепт цивилизованности». Именно на основе представления о цивилизации сформировался ориенталистский, колониальный исторический дискурс, в рамках которого доминировало историческое воображение, а логика заменяла и заменяет конкретно-исторические исследования. Логически в рамках всеобщей истории все сводится к простой дихотомии – цивилизация есть отсутствие дикости и варварства, дикость и варварство – отсутствие цивилизации. Эти понятия прочно связывались поэтому с метафизическим и физическим образами Европы, ее «цивилизаторской миссией» и вообще цивилизационной риторикой империализма, осмысливавшего колонизацию как вовлечение маргинализованной периферии в сферу влияния просвещенного центра. Все, что лежало за пределами Европы, по определению, находилось на периферии культуры, власти и цивилизации. Постколониальные критики подчеркивают, что идея цивилизованности, как она возникла в Англии и Франции начала XVII в., идентифи-

⁵ *Pitts J.* A Turn to Empire: The Rise of Imperial Liberalism in Britain and France. Princeton; Oxford, 2005.

цировалась прежде всего с жизнью империи и такими ее проявлениями, как государственность, жизнь двора, хорошие манеры и опыт манипулирования мнением света и государя, т.е. «жизненная умудренность» того рода, который по определению недоступен «дикарям»⁶.

Однако вместе с тем в начале XXI века сравнительная история цивилизаций получает признание в рамках некоторых направлений глобальной истории. Так, немецкие историки С. Конрад и А. Эккерт в книге «Глобальная история. Теории, исходные положения, темы» (2007) утверждают, что теория локальных цивилизаций, возникавшая в XIX в. в работах Г.Т. Бокля, Ф. Гизо, Н.Я. Данилевского, переживает после окончания «холодной войны» Великий Возврат. Они связывают этот факт с обсуждением книги С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций» (1996) и ростом интереса к геостратегическим перспективам развития мира. Глобальность подходу Хантингтона придает равное распространение понятия «цивилизация» как на западные общества и культуры, так и на исламский мир, Индию и Китай. Происходит конкретизация цивилизационных подходов как метода конкретно-исторического знания, связанная с новаторской концепцией сравнительного изучения цивилизаций Ю. Остерхаммеля⁷.

Эта существенная разница интерпретаций роли цивилизационных исследований связана не только с тем, что постколониальные критики выделяют в теории цивилизаций ее *линейно-стадиальную* составляющую, а немецкие глобальные историки опираются на традицию сравнительной истории *локальных* цивилизаций. Разнобой мнений связан с более глубокими разногласиями, касающимися соотношения универсального и локального в современной «пост-всеобщей» или «пост-национальной» истории. Эти разногласия во многом сводятся к дисциплинарным спорам философов, социологов и историков, к соотношению таких ответвлений «истории снизу» как *глобальная история*, которая соотнесена с различными, высоко идеологизированными формами теории глобализации, и *новая локальная история*, развивающаяся в контакте с микроисторией и историей по-

⁶ Post-Colonial Studies: the Key Concepts / Ed. B. Ashcroft, G. Griffiths, H. Tiffin. L., N.Y., 2004. P. 5, 32; Post-Colonial Studies Reader / Ed. B. Ashcroft, G. Griffiths, H. Tiffin. L., N.Y., 2003. P. 209.

⁷ Conrad S., Eckert A. Globalgeschichte, Globalisierung, multiple Modernen. Zur Geschichtsschreibung der Moderne Welt // Globalgeschichte: Theorien, Ansätze, Themen / Hgs. S. Conrad, A. Eckert, U. Freitag. Fr.-am-Main, 2007. S. 17-19.

вседневности. Последняя все более активно заявляет свои права на роль носителя профессионального стандарта исторического знания.

О равном научном статусе и взаимодействии глобальной и новой локальной истории (особенно при доминировании глобальной истории) чаще всего пишут *не-историки*. Так, географ и культуролог Д.Н. Замятин утверждает, что «всякая локальная история является элементом истории общей, глобальной, масштабной. Однако при этом локальные истории создают свои образные историко- и культурно-географические пространства, не сводимые к традиционным пространствам больших регионов, стран и цивилизаций»⁸. Подобным образом социолог Р. Коллинз заявляет: «Микроситуация... проникает сквозь индивидуальное, и ее последствия распространяются вовне через социальные сети к макро- сколь угодно большого масштаба... Макроуровень общества должен быть понят не как слой, расположенный вертикально над микро- (как если бы он находился в другом месте), но как развертывание спирали микроситуаций. Микроситуации встроены в макропаттерны, являющиеся именно теми способами, которые связывают ситуации друг с другом; причинность, – если угодно, деятельность (*agency*) проистекает извне вовнутрь так же, как и изнутри вовне... Мы можем понимать макроструктуры, не реифицируя (не овеществляя) их, как если бы они были сами по себе существующими объектами, но рассматривая макро- как динамику сетей, объединение цепочек локальных столкновений...»⁹.

С историками все сложнее. Далеко не все они признают собственно исторический, а не историософский статус глобальной истории. Им свойственно акцентировать идеологическую нагруженность глобальной истории и истории цивилизаций. Довольно редким явлением в мировой и особенно отечественной историографии и теории истории является сближение этих направлений на едином профессиональном поле, особенно с выведением глобальной истории на первый план как более поздней и «продвинутой» по сравнению с новой локальной историей, основанной на опыте постмодернизма и пост-

⁸ Замятин Д.Н. Локальные истории и методика моделирования гуманитарно-географического образа города // Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах / Под ред. Д.Н. Замятина. Вып. 2. М., 2005. С. 276.

⁹ Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуально-го изменения. Новосибирск, 2002. С. 67.

колониальной критики, и соответственно учитывающей недостатки первых, как это делает классик современной историографии Г. Иггерс¹⁰. Близким путем идет Л.П. Репина, которая, сосредоточив внимание на поисках путей взаимодействия макро- и микроподходов, демонстрирует как трудности, так и некоторые успехи на этом пути, связанные с сочетанием транскультурных и трансдисциплинарных подходов, перспективами многомерной мультиперспективизации исторического знания (в форме *перекрестной истории*)¹¹.

Но такие операции требуют особого типа мышления, связанного не с традиционным для гегельянской традиции противопоставлением, а с аккуратным различием (в духе Ж. Деррида) направлений исторического знания. Это диалогический способ интерпретации, в рамках которого данные направления исходно рассматриваются как близкие друг другу, как соположенные модели или дискурсы, используемые профессиональным сообществом историков для многостороннего осмысления прошлого и постановки новых вопросов как к текстам источников, так и живым носителям исторической памяти (особенно в устной истории). Между тем, многие локальные историки одновременно клянутся в верности идеям постмодернизма и пытаются обосновать свое отрицание метанарративов путем выстраивания вполне модернистских и объективистских схем, в которых истории цивилизаций не находится места.

Крупные российские историки, такие как Б.Г. Могильницкий, учитывают сложность и противоречивость процессов историографической революции и выстраивают иерархические или эволюционистские модели историографии, определяя глобальную историю как более ранний этап историографической революции, «объективистский (сциентистский), связанный с широкими историко-социологическими построениями», а новую локальную историю как более поздний, субъективистский (постмодернистский) этап этого процесса, озаглавленный «поворотом к субъективности» и ««открытием» микроистории как ведущего жанра исторического исследования»¹². Более

¹⁰ Iggers G., Wang Q.E., Mukherjee S. A Global History of Modern Historiography. L., N.Y., 2008. P. 275-280, 387-401.

¹¹ Репина Л.П. Новые исследовательские стратегии в российской и мировой историографии. М., 2008. С. 7-27.

¹² Могильницкий Б.Г. История на переломе: некоторые тенденции развития современной исторической мысли // Междисциплинарный синтез в истории и

молодые историки, несмотря на эксплицитное нежелание противопоставлять «новое» и «старое», провоцируя их взаимоотрицание, часто подразумевают противопоставление «модерна» и «постмодерна», утверждая устарелость и преодоленность таких инструментов историка, как формационные или цивилизационные схемы исторического процесса, и превознося в противовес им идеал точности и научности новой локальной истории (М.Ф. Румянцева), или противопоставляя собственно познавательные и конструктивистские функции исторического знания, реализуемые соответственно новой локальной историей и глобальной историей, как это делает С.И. Маловичко, разделяющий «новую историографическую культуру» локальной истории и «очередные “мировые теории” (*world theory*) или очередные мифы... эпохи модерна (периода упадка)»¹³. Все это выглядит довольно странно на фоне постоянных уверений в приверженности полидисциплинарному или постдисциплинарному подходам.

Признавая частичную справедливость многих из этих замечаний, необходимо дистанцироваться от позитивистской по сути попытки найти объект, *онтологически* адекватный задаче объективного и точного исторического изучения. Проблема в том, что не бывает объекта настолько локального, казуса такого единичного, чтобы по их поводу нельзя было сформировать хотя бы двух разных интерпретаций, актуальных в разных политических, культурных, метафизических контекстах, основанных на разных «фантазиях»¹⁴. Как известно, М.М. Бахтин считал, что диалог – это минимальная модель жизни или бытия¹⁵. Поэтому объективизм(ы) и истинность(и) применительно даже к самой локальной из историй множественны, взаимодополнительны и взаимозависимы. Они являются результатом определенных форм идентификации и коммуникации. Особенно это

социальные теории: теория, историография и практика конкретных исследований / Под ред. Б.Г. Могильницкого, И.Ю. Николаевой, Л.П. Репиной. М., 2004. С. 6.

¹³ Румянцева М.Ф. Событийность – повседневность – каузальность (К вопросу о типологии исторического знания). URL: <http://www.newlocalhistory.com/content/rumyanceva-mf-g-moskva-sobytiynost-povsednevnost-kazualnost-k-voprosu-o-tipologii> 12/09/2010; Маловичко С.И. Современная историческая наука и изучение локальной истории. URL: <http://abuss.narod.ru/Biblio/malovichko.htm>.

¹⁴ Маловичко С.И. «Рациональные» процедуры произвольных фантазий в отечественной рационалистической историографии // Ставропольский альманах Общества интеллектуальной истории. Вып. 3. Ставрополь, 2003.

¹⁵ Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972. С. 434.

ясно, если говорить о современном подходе к локальной истории, вся тематика которого вертится вокруг социокультурных явлений и представлений о пограничности, о *Своем* и *Чужом*. Обычный для локальной истории акцент на взаимопроникновение культур и дружбу народов предполагает *транскультурный подход к контактным зонам*, тесно связанный с теорией глобальной истории, а, следовательно, делает создаваемые ею локальные образы прошлого опосредованно глобальными¹⁶. Границы становятся гноящейся раной, местом разделения не там, где хочет историк, а там, где ранее прошли конфликты; и земли империй (бывших и настоящих) исполосованы такими разделяющими границами вдоль и поперек. Сейчас очевидно, что идеологизация локальной и региональной истории происходит так же легко, как и глобальной истории или истории цивилизаций. Недаром директор Института политического и военного анализа А.А. Шаравин пишет о проблеме региональных учебников истории, которые создают у приверженцев разные образы России, что мешает функционировать армии¹⁷.

В этом локальная история мало отличается от истории цивилизаций. Более того, надо помнить, что именно в рамках истории цивилизаций те или иные государства, страны, культуры меняли статус *абсолютно Иного*, отвратительного «варвара» – на статус культурно значимого своего, *значимого Иного* и становились объектом конкретно-исторического изучения. Ведь «цивилизация» в рамках имперско-государственнической традиции – это культура, имеющая «право» на универсальную значимость и «собственную» историю. Поэтому приобщение к кругу «цивилизаций» – это способ инициализации исторического изучения данной культуры и актуализации ценностей и идеалов, носителем которых она является. Одновременно появляется возможность учета ее влияния в транскультурном анализе. В течение XIX века такой статус приобрели российская, арабо-мусульманская,

¹⁶ Булыгина Т.А. Региональная история: поиски новых исследовательских подходов (http://www.history.vuzlib.net/book_o064_page_75.html); Butt N. Inventing or Recalling the Contact Zones? Transcultural Spaces in Amitav Ghosh's "The Shadow Lines" // Postcolonial Text, Vol 4. № 3. 2008. P. 1-16; Tomas D. Transcultural Space and Transcultural Beings. Boulder; Oxford, 1996. Не говоря уже о внутреннем родстве дискурсов глобальной, интернациональной и транскультурной историй, которые обычно изучаются в рамках одного академического подразделения.

¹⁷ См. запись новостного сообщения от 27 марта 2011 г. на сайте радиостанции «Эхо Москвы» (<http://www.echo.msk.ru/news760928-echo.html>)

китайская и индийская цивилизации, что открыло путь к их историческому изучению на Западе, а затем и к созданию исследований транскультурных, связанных межкультурных феноменов «от Португалии до Индии»¹⁸. Превращение образов Кавказа, Приполярья, Сибири из предмета этнографии в предмет истории реализуется в России XXI века в той же традиции. Недаром при этом используются понятия горской, циркумполярной, татарской или даже «новочувашской (национально-региональной) цивилизации»¹⁹.

Современным оправданием этого последнего расширительного толкования понятия «цивилизация» является его перемещение из национально-имперского контекста всеобщей истории в региональный контекст транскультурной и глобальной истории, для которых теряют значение границы национальных государств, и внимание перемещается на историю и взаимодействие обществ. Полезно напомнить, что начало традиции изучения социокультурных взаимодействий такого рода положил классик истории цивилизаций и одновременно глобальной истории У. Макнил. Он покончил с представлением о замкнутости социокультурных образований и начал диалог макроистории и профессиональной историографии, который Ю. Остерхаммель определяет как «эмпирический поворот» в сравнительной истории цивилизаций²⁰.

В этих новых условиях эпистемологически невозможно при построении образа региональной истории разделение глобальной и локальной истории или глобальной истории и истории цивилизаций, так как истории становятся множественными, пересекающимися, переплетающимися. На это указывал еще Ж. Деррида, который пи-

¹⁸ Subrahmanyam S. Explorations in Connected History: From the Tagus to the Ganges. Delhi, 2005.

¹⁹ Tatar History and Civilization. Sources and Studies on the History of Islamic Civilisation. Istanbul, 2010; Выступление президента Якутии М.Е. Николаева на Международной конференции ЮНЕСКО «Циркумполярная цивилизация в музеях мира: вчера, сегодня, завтра» (г. Якутск, 29 июля 2009 года). URL: <http://www.1sakhapresident.ru/index.php/ru/2008-11-03-08-01-16/411-300709>, Тафаев Г.И. Религиозно-тотемные символы новочувашской (национально-региональной) цивилизации (http://tafaj.blogspot.com/2011/03/blog-post_5422.html).

²⁰ Мак-Нил У. Восхождение Запада. История человеческого сообщества. Киев; М., 1963. О роли книги Макнилла см.: Osterhammel J. Geshichtswissenschaft jenseits des Nationalstaats. Studien zu Beziehungsgeschichte und Zivilisationsvergleich. Göttingen, 2001. S. 54.

сал: «...имеет место не единая история, общая история, но истории различные по своим типам, своим ритмам, своим модусам вписания, истории смещенные, дифференцированные и т.д.»²¹.

2. Образы локального в глобалистике. Глобальное и локальное в теории информационного общества

Чтобы более объективно оценить соотношение подходов глобальной и локальной истории в региональной истории и в частности, в современной истории цивилизаций, необходимо обратиться к другой стороне – футурологическим, социологическим и коммуникативным теориям, на которые так или иначе опираются создатели глобальной истории. Для начала можно хотя бы вспомнить, что *идеал локальности* применительно к современности был выдвинут в 1964 г. основателем теории массовой коммуникации Г.М. Маклюэном, который связал его с представлением о «мировой деревне» тогда, когда и само понятие деревни, и идея локальности были далеко не в почете у сторонников теории однолинейной модернизации (по западному образцу). Он полагал, что глобальное общество при помощи электронных средств связи возвращается в первобытное общинное состояние, а у человека возрождается естественное аудиовизуальное многомерное восприятие мира и коллективности²². Впоследствии эти идеи нашли воплощение в процессе преодоления неконтактности «большого общества» и неоконтактной практике Интернета.

Революционная (в условиях господства в общей теории систем идеала холизма) мысль Д. Слейтера о том, что *глобальность плюрально*²³ была развернута в работах Э. Тоффлера и Р. Робертсона 1980-х – 1990-х годов. Пора напомнить, что борьба с историческим метанарративом не была привилегией постмодернистов. Она укладывалась отчасти и в рамки интересов футурологов, которые предлагали стратегию не разрушения, а смены формы метанарратива. Тоффлер критиковал всеобщую историю как часть «индуст-реальности», идеологию второй, промышленной волны цивилизации, для которой «империализм был более чем экономической, политической или общественной системой. Он стал также способом жизни и способом

²¹ Деррида Ж. Позиции. Беседы с Анри Ронсом, Юлией Кристевой, Жаком-Луи Удбином, Ги Скарпетта. М., 2007. С. 70.

²² McLuhan G.M. Understanding Media. N.Y., 2001. P. 41.

²³ Чешков М.А. Глобальное видение и Новая наука. М., 1998. С. 15.

мышления. Он породил менталитет Второй волны... Цивилизация Второй волны не просто поделила время на более точные и стандартные части. Она разместила эти части в прямую бесконечную линию, которая протянулась назад, в прошлое и вперед – в будущее»²⁴. Индустриальный менталитет Второй волны, ее «воинствующая суперидеология» требовала целостного образа мира, в котором возможно было «инженерное решение любой проблемы», мира-фабрики, связанного системой каузальных связей. Но Э. Тоффлер напоминал, что «другие общества исходили не из целостности или единства мира, а из его разделенности»²⁵.

Производной целостного, универсалистского видения прошлого являются попытки воспроизвести путь европейской индустриальной революции в других частях света. Однако, по мнению футуролога, «большинство подобных попыток потерпели поражение», чем бы оно не объяснялось: неокOLONиализмом, плохим планированием, коррупцией, отсталой религией, трайбализмом, ролью транснациональных корпораций, разведки, слишком медленным или слишком быстрым движением вперед. Тоффлер считал, что индустриальная цивилизация «сама себя загнала в такой чудовищный тупик» из-за примитивности принятой ею исторической модели. «Пока “развитие” означает наложение абсолютно чуждой культуры на существующую... у человека есть веская причина цепляться за то малое, что он имеет». Однако вместе с тем Тоффлер не верил и в деревенские, сугубо локальные «промежуточные» или «альтернативные» технологии, которые помогли бы недоразвитым странам добиться самообеспечения. Ведь они предполагают сохранение массовой нищеты²⁶.

«Практопическим» идеалом Тоффлера была цивилизация, «поощряющая индивидуальное развитие, приветствующая (а не подавляющая) расовое, региональное, религиозное и культурное разнообразие»²⁷. Третья волна цивилизации совмещает признаки локальности и глобальности: децентрализация, уменьшение масштабов производства, возобновляемые источники энергии, дезурбанизация, надомная работа и т.п. «Наши занятия становятся все менее взаимозаменяемы, поведение людей тоже меняется. Вопреки принципу взаимозаменяе-

²⁴ Тоффлер Э. Третья волна. М., 2004. С. 173.

²⁵ Там же. С. 186-192, 200, 202.

²⁶ Там же. С. 527, 532-537, 555.

²⁷ Там же. С. 570.

мости, они приходят на свои рабочие места с острым осознанием своих этнических, религиозных, профессиональных, сексуальных, субкультурных и индивидуальных различий... они специально подчеркивают свои особенности... Удар изменений Третьей волны направлен на увеличение разнообразия, на отход от стандартизации жизни»²⁸. Это не исключает представления о глобальности. Однако Тоффлер показывает, что термины «глобальность», «целостность» или просто «холизм» парадоксальным образом соотносятся с понятиями, отражающими локальные и даже кажущиеся архаичными феномены, такие как «буддийская медитационная медицина». Для него, в отличие от С.И. Маловичко, все это не проявления модерна «периода упадка», а «составляющие атаки культуры на интеллектуальные постулаты Второй волны цивилизации»²⁹.

Но самое главное то, что Тоффлер параллельно с основателями субалтерных исследований Р. Гухой и П. Чаттерджи поставил проблему раскола наций и самоопределения в рамках нации-государства. Он обозначил такие точки развития разлома национального целого и сепаратизма Третьей волны, как Эфиопия и Филиппины, о-ва Доминика и Фиджи, Абхазия, Техас, Корсика, Квебек, Западная Австралия. Все это реакции на устаревшую «однородную стандартную политику, пригодную для массового общества, в отношении общества, которое все больше дифференцируется и сегментируется. Местные и личные интересы игнорируются, что ведет к нарастанию возмущения». Тоффлер пророчески предсказал в 1980 г., что «если бы разразилась... серия восстаний в Восточной Европе, Москва оказалась бы перед лицом открытых выступлений за отделение или автономию во многих советских республиках»³⁰. Он видел глубинную причину регионализации в том же, что и М. Маклюэн – в транскультурном развитии глобального целого: «новая система коммуникации еще больше открывает каждую нацию для воздействия извне». Таким образом глобализация имеет следствием регионализацию и локализацию, планетарное сознание оборачивается против нации-государства. Нацию с ее традиционными ценностями и суверенитетом можно в этих условиях только временно «запломбировать»³¹.

²⁸ Там же. С. 538, 377, 416.

²⁹ Там же. С. 487-489, 539, 550.

³⁰ Там же. С. 509, 500-505.

³¹ Там же. С. 511, 522.

Однако поставить вопрос о соотношении универсализации и локализации недостаточно. Необходимо создать теоретический контекст, в рамках которого можно осмыслить подобного рода взаимодействие. В этом слабость идей М. Маклюэна и Э. Тоффлера, попытавшихся напрямую примирить модернизацию и архаизацию. Для того чтобы добиться цели, необходимо выйти из поля мифологических представлений о пространстве (о Западе и Востоке, центре и периферии, фантазиях теории цивилизаций и точности локальной истории) как особых стихиях или сущностях. Ведь уже Запад с его признаками целостности, центра, современности, историчности конструировался в концепциях всеобщей истории мифологически, как место стихий силы, развития, культуры, формы, а Восток (или Юг) с его признаками раздробленности, периферии, первобытности, пространственности – как место стихий слабости, отсталости, бесформенности. Эти идеи полностью дискредитировали себя не только с возникновением постколониальной критики, но и с возвышением Японии и стран Юго-Восточной Азии – полуязыческой периферии как западного, так и китайско-конфуцианского мира, достигших высоких позиций в современной цивилизации³². Необходимо найти способ преодоления этой эссенциалистской мифологии, которая обзавелась в XIX–XX вв. целой системой рационализаций. Однако это равноценно борьбе с наркозависимостью. «Человек постоянно жил в эйфории от сакральных сил, спроецированных на мир его собственной ментальностью», – пишет исследователь мифологического мышления Е.Я. Режабек³³. Для того, чтобы найти новый источник положительных эмоций, замещающий эйфорию от мифов, нужна *когнитивная революция*. Нужно сломать старую норму патологического, разрушающего мышления о прошлом и выстроить новую норму позитивного мышления.

3. Теория глокализации

Решающий шаг в преодолении мифологии всеобщей истории сделал английский социолог Р. Робертсон, выдвинувший концепцию *глокализации*. Его не удовлетворяли линейные и холистские схемы глобализации и модернизации, близкие идеям всеобщей истории, которые предлагали рассматривать глобальную социологию как уни-

³² Режабек Е.Я. Мифомышление. Когнитивный анализ. М., 2003. С. 97, 127.

³³ Там же. С. 140.

версальную социологию, полагали неизбежным снижение интереса к локальности. Он называл такие идеи «устаревшими» и «опасными». Его версии концепций глобальности и глобальной социологии были совершенно иными. Их императивом было сочетание макро- и микросоциологии, идей универсального и особенного, гомогенизации и гетерогенизации, историзации, инкорпорация местных социологий в глобальную³⁴. Замечу, что последняя идея была высказана за 13 лет до создания глобальной историографии Г. Иггерсом.

Р. Робертсон опирался, в том числе, на идеи постмодернизма, показавшие слабость историцистской концепции «универсального времени» и силу «партикуляристской [концепции] пространства» и проложившие тем самым путь к «пространственному повороту». Поэтому для него глобализация не равнялась, как для Э. Гидденса, развитию модернизации. Робертсон был готов говорить о глобальности (*globality*) или глокализации (сочетании тенденций к глобализации и локализации), чтобы подчеркнуть дистанцированность этих понятий как от идеала Модерна, так и свойственного последнему оппозиционного (*polar-opposite*) способа осмысления явлений по противоположности. Ведь «идея Модернити обычно предполагает общую гомогенизацию институтов и базового опыта в темпоральном, историческом смысле». Робертсон указывает на возникновение множества *разнонаправленных* вариантов модернизации, вызванных самыми разными причинами, среди которых социолог перечисляет истребление индейцев колонистами в США, ответ на внешний вызов в Восточной Азии и империалистическое принуждение в Африке. Модернизация, как впоследствии у Ш.Н. Айзенштадта, становится многовекторной.

Понятие *глокальность* означает разрыв Робертсона с идеей, что глобализация может быть прямым последствием модернизации³⁵. Но отстранение от идеала гомогенности не означало для Робертсона, как и для Э. Тоффлера, прямой переход на сторону идеала гетерогенности, локальности. Он принципиально уходит от решения вопроса в терминах «или – или», предлагая преодолеть эту оппозицию, поразмыслив о путях, которыми обе эти тенденции проявились в жизни конца XX века. Робертсон считает, что они «взаимно имплектив-

³⁴ Robertson R. Globalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity // Global Modernities / Ed. M. Featherstone, S. Lash, R. Robertson. L., 1995. P. 25-26.

³⁵ Ibid. P. 26-27.

ны», а их конкретные комбинации необходимо определять эмпирически и исторически, анализируя, как в данном случае соотносятся универсальное и локальное, глобальное и племенное, интернациональное и национальное, гомогенность и гетерогенность, модерное и постмодерное. И тут социолог использовал локализирующий потенциал далеко не родственной глобалистам идеи локальной цивилизации. Глобальность, в представлении Робертсона, это «взаимопроникновение географически различающихся “цивилизаций”»³⁶. Эта идея *взаимопроникновения цивилизаций* очень важна. Впоследствии она станет ядром теоретического и онтологического идеала инклюзивности и мостиком между идеями глобальности и локальности.

Для Р. Робертсона важно, что глобальное и локальное в целом равноценны. Их нельзя рассматривать как бинарную оппозицию, как стороны противоречия, находящиеся в напряжении друг относительно друга. Мода на локальное и глобальное формируется параллельно. И тот, и другой путь – это пути побега из «железной клетки» (*stahlhartes Gehäuse*) инструментальной (прежде всего бюрократической) рациональности, как она описана у М. Вебера. Поэтому концепции «дома», «общины» (*community*), локальности у Робертсона созвучны не только идее локального, но и идее глобальности. Для него это в высшей степени взаимосвязанные явления. Он показал, что современные формы локальности (в том числе националистические формы самосознания и движения) конструируются зачастую под влиянием глобальных факторов. С другой стороны, глобальная культура создается на основе «растущей взаимосвязи многих локальных культур, больших и маленьких». Однако Робертсон призывает не путать коммуникативные и интеракционистские связи культур, симметричные и асимметричные их формы³⁷.

Конечно, для Робертсона как глобалиста конца XX в. важна идея целостности. Он несколько недооценивал идею межкультурной коммуникации и ее роль в репродукции гетерогенности, идеи транскультурности и культурного плюрализма. Он указывал на относительность меры локальности, подчеркивая, что образ общины является локальным по отношению к образу региона, а тот – локальным по отношению к образу цивилизации. Робертсон показал, что понятие

³⁶ Ibid. P. 27-29.

³⁷ Ibid. P. 30, 32, 40.

локального и коренного (населения) выработано в ходе глобальных конфликтов и неразрывно с их опытом и травмами от них. По мнению Робертсона, наиболее радикальные локалистские идеи (такие, например, как пан-африканизм), наименее локальны, сильнее всего связаны с западной традицией. Глобальное пространство социологических репрезентаций для него важно тем, что в нем может происходить пролиферация нарративов любого рода, от сугубо частных до универсальных.

Однако основной пафос работы Р. Робертсона связан с анализом дискурсов меньшинств, акцентированием самостоятельности проявлений локального, несводимости последнего к функции элемента глобального. Он подчеркивал, что выступления новых левых за права меньшинств, мигрантов, за возврат к общине и природе имеют глобальную форму, осуществляются глобальным способом. Дух националистического и локального партикуляризма и сепаратизма, напротив, вырабатывается в ходе империалистических взаимодействий. Именно они порождают «растущую глобальную “институционализацию” ожиданий и конструирования локального партикуляризма»³⁸.

Локальное при этом выступает как *микро-манифестация* глобального, как оппозиция предвззудке о том, что локальное – лишь проявление культурной, этнической, расовой гомогенности в анклавах, изолированных от глобальных процессов. Различие в эпоху глобализации, утверждает Р. Робертсон, вслед за К. Гирцем, перестает быть тем, чем оно было до этого. Культуру нельзя больше рассматривать как систему, «органически целостную и жестко отграниченную» от других. Иначе гибридную культуру креолов (*halfies*, как их называла Дж. Абу-Лугод), по определению нельзя было бы называть подлинной культурой. Все эти особенности мышления воплощаются в термине «глокализация», который выводит размышление о глобализации за рамки гегелевской традиции, актуализирует темы взаимодополнения и взаимопроникновения оппозиций, однородности и разнородности, пространства как фокуса темпоральности, подчеркивает универсальность глобальности как ситуации, в которой находится человечество (*global condition*)³⁹.

³⁸ Ibid. P. 32-34, 37.

³⁹ Ibid. P. 39-41.

4. Глобальная история и ее отношение к локальной истории и микроистории

Преодолевая наследие всеобщей истории, макроистория все более тесно взаимодействует с микроисторией. Это является способом дистанцирования от философии и социологии. Мировая и формирующаяся глобальная история больше не ограничиваются сравнением социокультурных систем или исследованием культурных трансферов, как в традиционной истории цивилизаций, что предполагало их противопоставление и иерархизацию. Напротив, образы культур сближаются до такой степени, что в центр выходит некий *отдельный транскультурный казус*, который вырисовывается наиболее ярко и отчетливо, и который может быть герменевтически «прочитан» из разных культурных перспектив, в стиле К. Гирца. Общее познается через уникальное и личное, методами наук о культуре. Такими казусами в книге Р. Празняк «Диалоги цивилизаций: Эссе о европейском и китайском опыте мировой истории» (1996) выступают биографии Сократа и Конфуция, св. Августина и основателя одного из китайских направлений Махаяны Ху Яна, Фомы Аквинского и основателя неоконфуцианства Чжу Си, а также художников Клода Моне и Ци Байши. При этом автор постепенно расширяет предмет и углубляет исторический анализ, уходя от образа конкретного человека к образу города, где он жил, к стилю общественной жизни и характеру цивилизации, не удаляясь при этом от конкретной истории к эссенциалистской культурологии или философии, не теряя связи с уникальностью проявлений жизни и культуры⁴⁰.

Уже в раннем основополагающем исследовании по глобальной истории «Концептуализируя глобальную историю» (1993) этот проект был тесно связан с микроисторией. Наиболее ярко это выразил В. Шефер в статье «Глобальная история: историографическая возможность и экологическая реальность». У Шефера как методологические представления, так и видение реальности глобальной истории изначально резко дистанцированы от стереотипов всемирной (универсалистской) истории с ее уклоном в историософию и от исторической социологии с ее идеалом холизма. Глобальная история, по его мнению, это история человеческих взаимодействий, но – что не ме-

⁴⁰ Prazniak R. Dialogues across Civilizations: Sketches in World History from the Chinese and European Experiences. Boulder, 1996.

нее важно – это история разнообразных *пределов* человеческой деятельности, прежде всего в области экологии. Именно исследование уникальных по своей сути локальных вариантов этих пределов придает глобальной истории свойства эмпирического исследования. Поэтому, признавая реальность процесса глобализации, Шефер принципиально отрицает утопическую составляющую глобалистики, которая может оправдать присутствие в ней метафизических обобщений⁴¹. Для него интегрирующая роль микроистории в профессиональном историческом знании – часть мировоззрения, и глобальная история как эмпирическое исследование возможна только на микроисторическом фундаменте. Не случайно исследовательский центр, созданный им в 2003 г. в Университете Стоуни Брук (США), стал называться Центром глобальной и локальной истории.

Именно в области истории экологических проблем, подчеркивает Шефер, глобальная картина прошлого нуждается не в прозрениях «глобального разума», а в анализе «множества микроакторов», объяснении, как они действуют в конкретных обстоятельствах времени и географических зонах. К этому прибавляется плюральность экологических проблем и способов их решения. Маловероятным представляется ему существование некоего глобального вывода из локально сфокусированных практик и верований. Так при соприкосновении с экологической проблематикой глобальное превращается из метафизического в историческое, из холистского в плюральное, включающее анализ множественных реальностей и множественных решений. Шефер видел отличие глобальной истории от всемирной (универсалистской) именно в том, что она необходимо вторгается в область микроистории. Это включает парадокс одновременного принципиального преодоления и частичного сохранения универсализма, согласно которому «глобальная история должна быть достаточно большой, чтобы схватить планетарные процессы современности, и достаточно малой, чтобы удовлетворить требованиям нормального академического исследования... (так что) глобальная история является историей частных, изучающей глобальные процессы XX века»⁴².

⁴¹ Schäfer W. Global History. Historiographical Feasibility and Environmental Reality // *Conceptualizing Global History* / Ed. B. Mazlish and R. Buultjens. Boulder, 1993. P. 47-48.

⁴² Ibid. P. 63-64.

В книге Дж. Уиллса «1688. Глобальная история» (2001) события, бросавшие свой отблеск на современную историю, описываются как связанная сеть казусов. Это время, когда «глобальные связи власти, денег, верований начали придавать миру его современную форму». Он описывает биографии пионеров глобализации, в личности или деятельности которых пересекались судьбы народов и которые так или иначе пытались выстроить свою собственную идентификацию, а также отношение к *Другому*. Их объединяет образ времени, эпохи барокко (букв. *порт.* – неправильная по форме жемчужина), утратившей равновесие классики и еще не нашедшей новое. Этот стиль характеризует сочетание очевидных противоречий с частичными и временными, игривыми перекличками и согласованиями. В этом контексте выстраивается образ *мира миров*, сосуществование которых делает возможным сравнения. В основе книги лежит концепция Ф. Броделя о миросистемах. Это глобальная история, опирающаяся на *региональные* модели: «мир деревянных кораблей», «мир островов», «много Африк», «мир великой (Голландской Ост-Индской) компании», «изолированные миры» России, Китая и Японии, «мир Великого Султана», «миры слов» в Европе, центр мира, к которому стремятся многие – Иерусалим. Все эти миры автор пытается показать не в логической, а в эмпирической последовательности наблюдения, подобно тому как Солнце последовательно освещает те или иные земли. Такое изображение подается как заведомый конструкт, обогащенный авторским воображением и домыслами, а потому принадлежащий отчасти художественной литературе, что не делает его менее продуктивным с познавательной точки зрения⁴³. Уиллс не просто описывает жизнь людей, но и ставит важные транснациональные и транскультурные проблемы, такие как возникновение трансокеанских взаимодействий (между Англией и ее Северо-Американскими владениями), а также несопоставимость исторических представлений африканцев и европейцев, идентификаций столичной и колониальной элит, которые затрудняли взаимопонимание и создавали предпосылки для появления в дальнейшем глобальных проблем⁴⁴.

Важным этапом в сближении глобальной и локальной истории было появление книги «Глобальная история: взаимодействия между

⁴³ Wills J. E. 1688. A Global History. N.Y., 2001. P. VII–IX, 1-7, 15.

⁴⁴ Ibid. P. 17, 38, 68, 74, 86, 89, 94, 99, 102, 129, 238-241.

всеобщим и локальным» (2006), изданной под редакцией Э. Хопкинса⁴⁵. Ее особенностью было стремление соединить глобальную постановку вопросов и конкретный, вписанный в историографическую традицию, профессиональный подход к их изучению. Объектом стали способы, которыми отдельные люди, региональные и локальные сообщества Европы, Ближнего Востока, Китая, Японии и Вьетнама оказываются втянуты в национальные, региональные, глобальные процессы в разных областях – экономической, социальной, культурной. Тем самым осуществлялся проект историзации изучения процесса глобализации и создания для этой цели междисциплинарного коллектива. По своей интенции и тематике этот сборник очень близок созданному в том же году «Журналу глобальной истории», так же сочетающему глобальную постановку вопросов и локальный характер анализа. Для авторов книги важны процессы столкновений, связей, ассимиляции и интеграции обществ раннего Нового времени, которые характеризуют и современную глобализацию, но осуществлялись в гораздо меньших масштабах, с меньшей скоростью и интенсивностью. Это позволило показать, что процесс глобализации ни в одну эпоху не был процессом конвергенции или гомогенизации.

Влияние Запада в Азии было частью сложных транскультурных связей и взаимодействий, которые нельзя рассматривать односторонне. Данная тема ставится в контекст различных историографических традиций, географических и культурных представлений, языковых форм репрезентации. В книге выстраивается диалог прошлого и настоящего, универсального и локального, Востока и Запада, который опирается на традицию изучения перекрестных, взаимных сравнений, начатую в первой половине XX столетия классиком «Анналов» Марком Блоком. В результате авторам удастся показать, что сложившиеся в рамках модернизационной версии всеобщей истории взгляды на такие политически острые вопросы, как природа исламского фундаментализма, влияние Холодной войны на войну США во Вьетнаме или на процесс формирования мирового гражданства в XX в., можно и нужно оспаривать⁴⁶.

⁴⁵ Global History: Interactions between the Universal and the Local / Ed. by A.G. Hopkins. Basingstoke, 2006.

⁴⁶ O'Brien P. Review of Global History: Interactions between the Universal and the Local (Review № 648). URL: <http://www.history.ac.uk/reviews/review/648>.

К 2010-м годам сформировалось представление о том, что изменившееся соотношение глобальной и локальной историй предполагает необходимость трансформации региональной истории, и прежде всего истории локальных цивилизаций. В. Шефер в статье «Перестраивая региональные исследования для Глобального века» пишет о существовании по крайней мере двух проектов региональной истории, связанных соответственно с всемирной (универсалистской) и глобальной историей. Первый из них, запущенный в 1950-х гг., определялся задачами Холодной войны, потребностью США эффективно действовать в таких разных регионах, как Центральная Европа и Дальний Восток. Второй, зародившийся в 1990-е и сформировавшийся к 2010-м годам, связан с вызовами глобализации, с деконструкцией геополитических и академических (дисциплинарных) границ. Он принуждает к «стратегической дефрагментации» региональных исследований, природу которой Шефер видит в изучении глобальных проблем в локальных контекстах и наоборот. Представления об объектах исследований, которые ранее были достаточно четкими, чтобы не только выстраивать линии их границ, но и говорить об их сущности, теперь оказались предельно размытыми, в результате чего смена идеологической или культурной идентификации приводит к радикальному пересмотру границ не только на локальном уровне, но и в глобальном масштабе (распад Варшавского договора, СССР и Югославии). При этом особенно важным В. Шефер (как и Э. Хопкинс) считает способность историков сохранить накопленное знание о региональной истории, их лингвистическую компетенцию и навыки работы с локальным, часто уникальным материалом (*cultural Fingerspitzengefühl*)⁴⁷.

Для В. Шефера это означает разрыв с универсалистской традицией истории локальных цивилизаций от Шпенглера и Тойнби до Макнила, которого он рассматривает исключительно как имперского мыслителя, европоцентриста и сторонника теории культурной гомогенизации. На место представлений о локальных цивилизациях как системах (а на деле – в противовес реифицированным конструктам имперского исторического воображения) приходит репрезентация глобальных проблем и их истоков – локальных культурных особен-

⁴⁷ Schäfer W. Reconfiguring Area Studies for the Global Age // *Globality Studies Journal: Global History, Society, Civilization*. № 22. December 22. 2010. P. 1, 4.

ностей, которые изучаются в контексте мировых культур, таких как китайская, индийская, египетская и т.п. Но, как правильно отмечает сам Шефер, это по сути дела означает лишь смену вывески, и не только традиционные мировые историки, такие как отец и сын Макнилы⁴⁸, но и те, что причисляют себя к глобальной истории, не собираются бросать изучение цивилизационных явлений. Реальное отличие современной теории цивилизаций от старой состоит, по мнению Шефера, в том, что история культур стала принципиально мультипарадигмальной, ее объекты – конструируемыми и ситуативными, так что можно говорить не о региональной истории, а скорее о *региональных историях* (вспомним слова Деррида). На первый план выходят не локальные цивилизации, а глобальная научно-техническая цивилизация, как особая историческая сила, не сравнимая с другими культурами. Ее нельзя локализовать, она принципиально детерриторизована, является транскультурной сетью практик и служит «нервной системой» современного мира, «мясом и костями» которого являются локальные культуры. В ее основе – практика человеческого взаимодействия и коммуникации от Каменного века до Глобального века. Такой подход позволяет В. Шеферу соединить глобальную и локальную историю, разграничив при этом представления о цивилизации (глобальной) и культурах (локальных)⁴⁹.

Таким образом к началу XXI в. в рамках глобалистики сформировалось представление о «новом универсализме», в котором соединились в диалоге представления об универсальном и локальном. Идеал системности, который у основоположника миросистемного подхода И. Валлерстайна в 1970-е гг. выражал нечто данное и неизменное, сущностное условие представлений о глобальности, превратился в образ, рисующий скорее цель глобализации, но «никак не данное, актуальное состояние этого процесса»⁵⁰. Р. Робертсон перенес акцент изучения глобализации на развитие местных форм *глобального сознания*, восходящих к Полибию или исламу как источни-

⁴⁸ McNeill J.R., McNeil W.H. The Human Web. A Bird's Eye View of World History. N.Y., 2003.

⁴⁹ Schäfer W. Reconfiguring Area Studies for the Global Age... P. 5-10. См. также: Schäfer W. Global Civilization and Local Cultures: A Crude Look at the Whole // International Sociology. Vol. 16. № 3. 2001. P. 301-319.

⁵⁰ Чешков М.А. Глобальное видение и Новая наука. С. 11.

кам разных локальных *образов* мироцелостности. Он указал на многообразие *исторических форм* глобализации, начиная от торговых компаний и империй до идеологий и церкви, представляющих различные *исторические траектории* становления глобальности. Элементами глобализации стали в равной степени индивиды и государства, цивилизации и человечество в целом.

В докладе международной Гюльбенкяновской комиссии по развитию социального знания (1996), подготовленном под руководством Валлерстайна, было признано значение региональной истории как формы преодоления свойственных западной социальной науке эпистемологических и онтологических антитез: противоположности прошлого и настоящего, современного и традиционного, «варварства» и цивилизации, номотетического и идиографического знания. Дальнейшее развитие социального знания представлялось как деколонизация его оснований, создание инклюзивной социальной науки в сочетании с «плюралистическим универсализмом» и преодолением фрагментации знаний⁵¹. Представление о гомогенности мироцелостности, хотя бы структурной, сменилось представлением о ее радикальной гетерогенности (вплоть до масштаба элементов). Это позволило глобальной истории с момента ее возникновения не замыкаться на историософии и социологии, а идти навстречу локальной истории, что наиболее ярко проявилось в работах Р. Празняк, Дж. Уиллса, Э. Хопкинса и в проекте региональной истории В. Шефера.

5. Региональная история и сравнительная история цивилизаций

Современная региональная история также не замыкается на философском или культурологическом уровнях. Она формируется на основе конкретно-исторического интереса к разнообразным *Иным*, на основе преодоления отчуждения, порожденного имперскими дискурсами, противостоянием империй центра и периферии (противоцентров модернизации, по определению В.И. Пантина и В.В. Лапкина⁵²), центров власти и культуры (Франция и Окситания у Э. Ле Руа Ладю-

⁵¹ Wallerstein I., Casteous J., Keller E.F., Kocka J., Lecourt D., Mudimbe V.Y., Kinhide M., Prigogine I., Taylor P.J., Trouillot M.-R. Open the Social Sciences: Report of the Gulbenkian Commission on the Restructuring of the Social Sciences. Stanford, 1996. P. 36-37, 56-60, 95.

⁵² Лапкин В.В., Пантин В.И. Феномен «противоцентра» в глобальной политической истории Нового времени // Цивилизации. Вып. 5. Проблемы глобалистики и глобальной истории / Под ред. А.О. Чубарьяна. М., 2002. С. 204.

ри) и т.п. Это отчуждение — продукт культурной травмы, реакция на осознание того ущерба, который нанесли западные имперские представления о периферийности окраинам национальных государств Европы, колониям, соседним империям. При этом, как уже указывалось, понятие «цивилизация» теряет свою смысловую устойчивость, распространяется на новые объекты исследования, что является, помимо прочего, основанием для применения методов истории локальных цивилизаций к микрообъектам.

Эти тенденции стали очевидными с самого возникновения микроистории. Э. Ле Руа Ладюри в классической для микроистории и локальной истории книге «Монтайю, окситанская деревня (1294–1324)» (1975, 1982) существенно расширил применение понятия «цивилизация», реметафоризировал его и употреблял как для обозначения межцивилизационных взаимодействий между языческими, христианскими и мусульманскими культурами («средиземноморские цивилизации», «архаическая общность аграрных и горных цивилизаций Западного Средиземноморья», «киберийская зона пиренейских цивилизаций»), так и для обозначения отдельных стилей культуры («цивилизация рококо») и одновременно — для характеристики сугубо локальных социокультурных феноменов («соседняя или отгонно-пастушеская цивилизация людей Монтайю», и даже «холостяцкая цивилизация пастухов»)⁵³. При этом статус пиренейской «глубинки» возвышается им при помощи понятия «цивилизация» за счет статуса центра страны: король Франции и (северные) французы характеризуются у Ле Руа Ладюри крайне негативно⁵⁴. Церковь описана как «тоталитарная» сила, сопротивление которой интегрирует местное сообщество, исповедующее иные верования⁵⁵.

Благодаря этой переоценке статусов, Ле Руа Ладюри, развивая междисциплинарную традицию истории цивилизаций Ф. Броделя, впервые применил к исследованию локального объекта — горной деревни на границе современных Франции и Испании — весь арсенал историографии, антропологии, географии и социологии. Это опирающиеся на принципы исторической антропологии «человеческая география», экология жилища, история социальных связей и контак-

⁵³ Ле Руа Ладюри Э. Монтайю, окситанская деревня. (1294–1324). Екатеринбург, 2001. С. 235, 45, 492; 126, 67, 293.

⁵⁴ Там же. С. 30, 35, 348, 354–360, 371.

⁵⁵ Там же. С. 36.

тов (в том числе сексуальных), история религии (жители исповедовали манихейские идеи), история ментальностей. Предметом микроисторического исследования Ле Руа Ладюри была макроисторическая тема. Речь шла о том, чем цивилизационная периферия может принципиально отличаться от центра, т.е. о *цивилизации периферии* или о *цивилизации аутсайдеров* (ранее о них принято было говорить как о «варварах»). Эта цивилизация рассматривается историком как особая, нередуцируемая ценность. Поэтому в книге доминирует идея об ограниченной применимости моделей, созданных историками для описания центра государства⁵⁶. Географическая и ментальная экзотичность объекта исследования обещала максимальное удаление от метафизических идей (как сказано в эпитафье, «видоизменений, основанных на словах»⁵⁷) и максимальное (по крайней мере, для истории Франции) приближение к исходному нарративу прошлого, а значит и к исторической реальности.

В результате оказывается, что исследование Монтайю ставит серьезные конкретно-исторические вопросы о мере применимости к описываемым реалиям представлений о сеньориальной и феодальной зависимости, дихотомий община/общество или язычество/христианство, образа классовой борьбы как двигателя истории⁵⁸. Хотя микроистория вскоре прямо противопоставила свои цели макроистории, в варианте «Монтайю» она выбрала путь, близкий глобальной истории, провозгласив такие идеалы исследования, как сложность исторических образов, субъект–субъектный диалог и реметафоризация понятий. Тем самым микроистория возвысила *коммуникативную стратегию* как основание когнитивной.

Встречным путем шло Американское общество сравнительного изучения цивилизаций. Если в 1980-е гг. оно имело четкую тойнбианскую проблематику, связанную с исторической интерпретацией представлений иностранных и отечественных классиков теории цивилизаций (О. Шпенглера, А.Дж. Тойнби, К. Куигли, Р. Кулборна, Ф.Дж. Теггарта, К. Боулдинга, М. Ходгсона) о возникновении, расцвете, надломах и распаде локальных цивилизаций, их границах и взаимодействии, то работы его руководителей 2000-х гг. показыва-

⁵⁶ Гуревич А.Я. О кризисе современной исторической науки // Вопросы истории. 1991. № 2/3. С. 30.

⁵⁷ Ле Руа Ладюри Э. Монтайю... С. 5.

⁵⁸ Там же. С. 82, 334–335, 394.

ют, что общее предметное поле распалось, ориентация на историсофский, холистский подход сочетается со стихийным поиском новых методологических союзников. Для главного спонсора цивилизационного проекта К.Л. Гилб методологический холизм связан с представлением не о целостности как структуре, а о познавательном единстве как рамке, маркирующей полинуклеарное содержание, связи между подвижными, внутренне гетерогенными и плюральными духовными пространствами людей⁵⁹. В изучении истории цивилизаций для Гилб большую роль играет не только образ цивилизации, но и образ историка как *лица*, принимающего решения, определяющего познавательный процесс⁶⁰. Поэтому в истории цивилизаций ее интересуют прежде всего переходы от сословной к личностной самоидентификации, культурные ценности и способы их воплощения в локальной истории таких городов как Пекин, Киото или Флоренция; столкновение социальных ролей и наложение друг на друга культурных масок, встречающееся в городах-метрополиях. Для Гилб крупные города – ключевые объекты для понимания цивилизаций, исконное место диалога, в которых пересекаются разные системы политики, экономики, общественного устройства, религии⁶¹.

Не случайно, что даже в условиях кризиса цивилизационных представлений стали появляться приметы того, что региональная история может возродиться на базе обновленной теории цивилизаций. Об этом говорилось, в частности, в проекте новой региональной истории «Локальные исследования, региональные миры», составленном в 1997 г. для Фонда Форда группой под руководством ланкийского этнолога А. Гунератне, в которую входили А. Аппадурай, Дж. Баба и С. Коллинз. Они предложили две новые парадигмы: не только для теории цивилизаций, которая должна быть переосмыслена и избавиться от своей иерархической, линейно-стадиальной составляющей (прежде всего от дистинкции «варварство – цивилизация»), но и, что очень характерно, для географии. Последняя должна была соединить представления о пространстве и времени на конструктивистской основе, описывать не черты локального, а процесс его конструирования и реконструирования, результатом чего являет-

⁵⁹ *Gilb C.L. Toward Holistic History. The Odyssey of an Interdisciplinary Historian.* Atherton, 2000. P. X, 4–12, 14, 540.

⁶⁰ *Ibid.* P. 24.

⁶¹ *Ibid.* P. 57–58, 66, 115, 537.

ся представление о регионе (в частности, о локальной цивилизации). Как аксиома, было принято представление о том, что «регионы – это не факты, а артефакты – наших интересов, фантазий, нашей потребности знать, помнить, забывать». Параллельно было признано, что и истории этих регионов – «не факты, а артефакты»⁶². Допуская неполное равенство культур, в частности, отсутствие в некоторых из них тех или иных форм поддержания традиции, авторы доклада тем не менее подчеркивали, что это связано не с превосходством той или иной культуры в этическом, эстетическом, когнитивном или любом другом смысле: «Любое такое различие может быть только временным, относящимся к описанию или эвристике, применяемым для определенных [познавательных] целей»⁶³.

Надо отметить, что идеи доклада получили развитие в современном *пространственном повороте*, в рамках которого актуализируется рефлексия о границах между воображаемыми пространствами, мешающими или способствующими межкультурному диалогу и взаимодействию и создается представление о некоем идентификационном и коммуникативном *метапространстве как пространстве диалога*, в том числе диалога локальных цивилизаций. В сущности, речь идет о формировании таких способов ориентации в мире (*ментальных карт*), которые не препятствовали бы коммуникации, акцентируя разделяющую роль границ, а помогали бы ей. Тем самым коммуникация выдвигается в центр современных региональных проектов и исследований. Особенно ярко это видно в проекте диалога цивилизаций, выдвинутого ООН в 2001 г. В нем идея изучения истории тесно связана с анализом взаимозависимости и взаимодействия цивилизаций как формой противостояния идее «столкновения цивилизаций». В результате противопоставление тупиковых альтернатив гегемонизма и замкнутости, абстрактного, «анонимного универсализма и этноцентричного шовинизма» дополняется стремлением к равноправному диалогу как «взаимному обучению» сторон (не предполагающему «убеждения или обращения в свою веру»), сочетанием идеалов самобытности и общности цивилизаций как основы устойчивой и плодо-

⁶² Guneratne A., Appadurai A., Bhabha J., Collins S. Area Studies, Regional Worlds: A White Paper for the Ford Foundation. Chicago, 1997. P. 5, 23. URL: regionalworlds.uchicago.edu/areastudiesregworlds.pdf

⁶³ Ibid. P. 7-8, 14, 23.

творной глобализации. Этот многоуровневый диалог предполагается сделать фундаментом для разработки глобальной истории⁶⁴.

Под влиянием этих идей происходит специализация проблематики интеллектуальной истории в области истории цивилизаций, ее переориентация на изучение ментальных карт, структурирующих географическое воображение и, в частности, цивилизационные представления. Наиболее интересным в этом смысле является изучение смены одной ментальной карты другой, связанное с переменной цивилизационных идеалов. Один из примеров многочисленных исследований на эту тему – книга Д.Л. Хоуэлла «Географии идентичности в Японии XIX века»⁶⁵. Автор исследует три слоя цивилизационного сознания японцев – языческий, китайско-конфуцианский и европейско-модернизаторский. Традиционно окружающий мир делился для японца на мир человеческий и мир, принадлежащий демонам: к первому миру относились острова, а ко второму – окружавший их океан. Но к XVII–XIX вв. это деление изменилось: в соответствии с китайским конфуцианским канонам цивилизованными стали считаться лишь люди, которые едят, употребляя иероглифы, а также едят, используя палочки. Большую роль играли и обычаи местной знати, в частности, мужские прически, ставшие нормативными с XVII в., и обычай благопристойных женщин чернить зубы и брить брови. Поэтому крестьяне интерпретировались как «варвары». Зарубежные страны делились на цивилизованные, «где принят конфуцианский ритуал», и «варварские». В частности, айны считались «варварами» потому, что не сеяли зерно, а занимались рыболовством, охотой и собирательством. Айнам запрещалось говорить по-японски, это рассматривалось как «несмываемое оскорбление»⁶⁶.

Под влиянием взаимодействия культур подобные воззрения динамично трансформировались. Если в XVII в. в соответствии с неоконфуцианским канонам считалось, что на «варваров» и простых людей не действует моральное увещание, то в XVIII в. все состав-

⁶⁴ Абулмагд А.К., Ариспе Л., Ашрави Х. и др. Преодолевая барьеры: Диалог между цивилизациями / Под ред. С.П. Капицы. М., 2002. С. 56-59, 63-76, 90-95, 115; см. также: *Следзевский И.В.* Диалог цивилизаций как смысловое поле мировой политики // Диалог в полицивилизационном мире: философско-культурные, исторические, политические и коммуникативные проблемы. М., 2010.

⁶⁵ Howell D.L. *Geographies of Identity in Nineteenth-Century Japan*. L., 2005.

⁶⁶ Ibid. P. 1, 135-139, 140, 157.

ляющие части японского общества были включены в сферу цивилизации. Она была провозглашена отличной от цивилизаций Китая и Кореи. Даже население островов Рюкю в течение XIX в. стало рассматриваться как цивилизованное, причем в значительной степени это определялось экономическими интересами государства и знати. Когда в 1855 г. угроза захвата Курил и о. Хоккайдо русскими стала очевидной, айнов заставили принимать японские имена, говорить по-японски и носить японскую одежду. Цивилизаторская политика в отношении айнов самими японцами осознавалась не как поразительное нововведение, а как их «возвращение к нормальной жизни»⁶⁷.

В результате реформ Мейдзи во второй половине XIX – начале XX в. понятие цивилизации было радикальным образом переосмыслено в западном смысле. Цивилизационный идеал теперь связывался не с китайцами, а с европейцами, позднее — с американцами. Его воплощением стали в первую очередь современное государство и его политика. Целью было обеспечение экономического и военного паритета с империалистическими государствами Запада путем заимствования военных, промышленных и управленческих технологий. Ведь в эпоху колониализма только цивилизованные государства считались достойными того, чтобы самостоятельно управлять своей жизнью. Остальные требовали западного вмешательства и опеки, пока не будут достаточно цивилизованы⁶⁸.

В новом цивилизационном сознании образ варвара был транслирован из периферии в центр страны, из деревни в город, прежде всего на городские окраины. В круг примет «варварства» включались не только одежда, но и практики и верования, составлявшие ядро повседневной жизни рядовых японцев, такие как религия, личная гигиена, социальное взаимодействие. В сущности, это была колониальная политика цивилизаторства (в форме самопринуждения, самоцивилизации), адаптированная к традиционным представлениям японцев о цивилизации как формах повседневной жизни. Последовали многочисленные запреты, в частности на появление на улицах без одежды, нанесение татуировок, испражнение на улицах, совместное мытье в бане, ношение одежды противоположного пола (в театре кабуки), стрижки волос у женщин, а также на собачьи бои,

⁶⁷ Ibid. P. 130-139, 145-146.

⁶⁸ Ibid. P. 155, 158.

закливание змей, нелегализованные схватки борцов сумо. Изменением обычаев занималось Министерство юстиции. Тем самым государственная власть в рамках политики цивилизаторства приобретала тоталитарную силу. Она претендовала на влияние на самые интимные телесные отправления⁶⁹.

Представление о цивилизации постепенно переставало быть способом этнической и социальной дифференциации, превращаясь в форму личностной идентификации, но это привело к тому, что у неприкасаемых больше не оставалось никакого законного места в общественной жизни, и их статус, соответственно, еще более упал. Уравнение японцев и айнов породило «текучесть» представлений о личности и государстве, которую пытались интерпретировать положительно, как динамизм японской культуры, но которая на деле была проявлением неопределенности, культурной энтропии. Это было время тотальной дезориентации, аномии, которую необходимо было радикальным образом преодолеть, обеспечив позитивный эмоциональный фон перестройке общественного самосознания⁷⁰.

Ответом на неопределенность, возникшую в ходе цивилизационного переопределения, по мнению Хоуэлла, стал японский империализм. Японцы видели, что в рамках колониалистского дискурса белые считают «варварами» всех, кто не имеет сил сопротивляться им, и полагают цивилизованными народы, не обладающие высокой культурой, но имеющие сильную армию (например, русских, которые у японцев проходили как «варвары»). Поэтому вхождение в круг милитаризованных великих держав стало рассматриваться как необходимое условие цивилизации. Цивилизационный дискурс приобрел формы *мобилизационной идеологии*, спланировавшей население ради борьбы за цивилизационное равенство с Западом. Способом обеспечения этого равенства стало создание мощной армии и завоевание колоний, а инструментом распространения цивилизации – воспитание солдат, а также развитие военной промышленности. Милитаризм и колониализм в рамках традиционных представлений о цивилизации рассматривались японскими властями как своего рода бытовая примета цивилизации, например, как обычай мыть руки перед едой⁷¹.

⁶⁹ Ibid. P. 157-159, 163.

⁷⁰ Ibid. P. 168-169.

⁷¹ Ibid. P. 168.

Таким образом, цивилизационные представления рассматриваются теперь, прежде всего, как функция внутриобщественной или международной коммуникации, проявление взаимозависимости людей, вне связи с «сущностью» цивилизации или ее «неслиянностью» с другими. На этом фоне крайне странными выглядели бы рассуждения о «культурном генотипе» цивилизации или коммуникативных трудностях, вплоть до невозможности диалога цивилизаций, столь популярные в России⁷². Сомнительной ценностью выглядела бы и «смена цивилизации» в процессе модернизации. Само содержание региональной истории подвергается радикальному переосмыслению.

6. Эволюция модернизационных теорий и цивилизационных представлений

Иными путями шла эволюция традиционных версий теории модернизации и социологической теории цивилизации. Наиболее популярной стала концепция социолога Ш.Н. Айзенштадта, показавшего, что модернизация отнюдь не была односторонней и линейной и не сводилась к повторению западных образцов как единственно «подлинных» истоков Модерности. Он ввел в теорию модернизации представление о ее многолинейности, по крайней мере о возникновении вторичных ее направлений вне Западной Европы: в Германии, России, Японии, Китае и т.п. Тем самым он начал диалог между сторонниками линейно-стадиальной теории модернизации и сторонниками многолинейности исторического развития, показав, что проект Модерности не то что «не завершен», как писал Ю. Хабермас, но что он разрастается вширь, становясь транскультурным, вбирая в себя творческие возможности все новых и новых культурных программ. Тем самым он избегал ставшего притчей во языцех идеала «западной цивилизации». Но, как отметил В. Шефер, одновременно он уходил от представления о мировых цивилизациях. Главный объект его исследования – «Второе осевое время» и созданная на его основе «современная цивилизация» (*civilization of modernity*)⁷³.

⁷² См. Пелипенко А.А. Смыслогенетическая концепция истории цивилизаций // Цивилизации в глобализирующемся мире. Предварительные итоги междисциплинарного проекта. Под ред. В.Г. Хороса. М., 2009. С. 26; Ахиезер А.С. Возможен ли диалог цивилизаций? // Цивилизации. Вып. 7. М., 2006. С. 51-61.

⁷³ Eisenstadt S. N. Multiple Modernities // Daedalus. Vol. 129. №. 1. 2000. P. 1-7. См. также: Schäfer W. Reconfiguring Area Studies for the Global Age. P. 16.

При этом Айзенштадт сделал большой шаг вперед, отстранившись от объективистского, субстанционалистского и холистского метода, свойственного и сторонникам миросистемного подхода, и американским исследователям локальных цивилизаций. Он принял конструктивистскую концепцию культурных программ как «известную интерпретацию (набор интерпретаций) мира, или... определенную [форму] социального воображения, с которой связаны известные культурные и политические программы и институты». Исходя из этих принципов, он писал о «постоянном формировании (*constitution*) и реконструкции множества культурных программ». В результате современная цивилизация интерпретируется им очень расширительно. Вместо рациональности ее свойством считается рефлексивность; вместо прогресса – наличие разнообразных возможностей, реализуемых человеком как активной силой; вместо гомогенизации мира – создание транслокальных изменяющихся сообществ с новыми ролями и идентификациями; вместо противостояния с «варварством» она характеризуется инкорпорацией периферийных движений протеста; сущностные формы легитимации меняются в ней на процедурные; порождение все новых видов Модерности сопровождается постоянными возможностями самокоррекции; изначальная опора на Запад сменяется анализом де-вестернизации как пути преодоления гомогенизирующих тенденций⁷⁴.

Айзенштадт выявляет недостатки и противоречивый характер проекта Модерна, пронизанного антиномиями: между плюралистическим и тоталитаристским видением, признанием разных типов рациональности и утверждением лишь одного ее типа – рационалистического; между предпосылками Модерна и их реализацией в социальных институтах (например, идеей человеческой свободы и автономии – и бюрократизацией общественной жизни, усилением контроля за всеми ее составляющими); между существованием единой системы ценностей и смыслов – и ее фрагментарной представленностью в институционализированных сферах жизни⁷⁵. Таким образом, идея множества Модерностей включает самокритику Запада и даже рационального научного знания как продукта «Второго осевого времени».

⁷⁴ Eisenstadt S. N. Multiple Modernities. P. 3-4, 6-7, 11, 13, 24.

⁷⁵ Цит. по: Сокулер З.А. Столкновение или диалог цивилизаций? Современные цивилизационные исследования (Реферативный обзор) // Россия и современный мир. 2003. № 3 (40). С. 203-204.

Как следствие, концепции Р. Робертсона и Ш.Н. Айзенштадта помогли вывести изучение в США истории российской цивилизации из привычного контекста противопоставления России и Запада и создать более сложные модели, предполагающие разнообразные трансграничные взаимодействия и интернационализацию россияневедения. Они анализируются М. Дэвид-Фоксом в его статье «Множественные Модерности против неотрадиционализма: о недавних дебатах по российской и советской истории» (2006)⁷⁶. Основным предметом рассмотрения является интерпретация феномена сталинизма как формы модернизации или архаизации.

Расширительно, в духе Айзенштадта, толкуя Модерность, представитель ревизионистского направления в русистике С. Коткин, автор книги «Магнитная гора: сталинизм как цивилизация» связывает модернизацию с массовым производством, массовой культурой и массовой политикой, разрывая с такими признаками, как либеральная демократия и рынок. Примеры Коткин находит не только в России, но и в Японии. Для него советская цивилизация потерпела крах не потому, что породила тоталитарное государство, а потому, что была слишком модернистской, в смысле — радикальной, индустриалистской, из-за чего она и не нашла себе места в современном постиндустриальном и информационном, постмодернистском мире XXI века⁷⁷. «Из этого следует, — пишет Дэвид-Фокс, — что Россия создала свою собственную, отличную от других, модель модернизации, исходя или из ее собственного долгосрочного исторического пути... или из ее коммунистической системы», а не просто использовала лозунги модернизации для маскировки реальных архаизации и неотрадиционализма. Причем одним из факторов этой политики было «западничество» большевиков во главе с В.И. Лениным, понять которое можно лишь в более широком культурном контексте⁷⁸.

⁷⁶ *David-Fox M. Multiple Modernities vs. Neo-Traditionalism: On Recent Debates in Russian and Soviet History // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Vol. 55. № 4. 2006.*

⁷⁷ *Kotkin S. Magnetic Mountain: Stalinism as Civilization. Berkeley, 1995; Russian Modernity / Ed. D. L. Hoffman, Ya. Kotsonis. N.Y., 2000.*

⁷⁸ *David-Fox M. Multiple Modernities... P. 7, 35-36. Хорошим полем для интерпретации этих идей может служить постколониальная критика с ее представлениями о колониальности власти (А. Кихано) и темной стороне модернизации (Э. Дуссель). — Quijano A. Coloniality of Power, Eurocentrism, and Latin America //*

В отечественной историографии утвердилось мнение о противоречивом значении ревизионистских подходов к истории России, которые, стремясь сблизить образы России и Запада, добиться диалога с советской и постсоветской историографией, заведомо преуменьшали негативные, прежде всего авторитарные и агрессивные проявления в прошлом нашей страны. Их опасность становится особенно ясна теперь, когда западными авторитетами подкрепляются неосталинистские популизмы в трактовке советской эпохи. Для того, чтобы разобраться в этом, полезно отойти от профессионального исторического дискурса и обратиться к историософскому и политическому, к тем ментальным картам, которые характеризуют ревизионистский проект в наиболее чистом виде. Пример представлен книгой бывшего президента Финляндии социал-демократа М. Койвисто «Русская идея» (2001). Главная ее задача – деконструкция возникшей еще в эпоху Просвещения и утвердившейся в годы Холодной войны жестко европоцентристской ментальной карты и дистанцирование от образа России как «образа врага», воспринятого им в процессе образования. Эта задача решается в рамках мягкого европоцентристского дискурса о принадлежности России к Востоку или Западу. Для благожелательного ответа на этот вопрос (граница между современной Финляндией и Россией признается внутриевропейской) тема агрессивности и экспансионизма России рассматривается в контексте ее отношения с Финляндией, для которой Россия была «завоевателем поневоле», гарантом национальных прав и источником нежданной независимости, на которой никто особенно не настаивал. Большинство других направлений имперской политики России игнорируются (при этом четко выделяется империалистическая составляющая участия СССР во Второй Мировой войне и критикуется мифотворчество по поводу ее оборонительного характера)⁷⁹. Для этого финская позиция постоянно переключается с российской, основанной на курсе русской истории С.Ф. Платонова. Не только тема модернизации, но и вся наиболее критикуемая на Западе проблематика истории России транснационализируется. Тема «Москва – Третий Рим» (а четвертому

Nepantla. Vol. 1. № 3. P. 533-580; Dussel E. The Underside of Modernity: Apel, Ricoeur, Rorty, Taylor and the Philosophy of Liberation. N.Y., 1996.

⁷⁹ Койвисто М. Русская идея. М., 2002. С. 7, 80-90, 180-182, 206, 211, 218-219, 240.

не быть) ставится в общий контекст с рассуждениями Г.В.Ф. Гегеля о том, что «Пруссия была вершиной и концом всего [исторического] развития» и К. Маркса о том, что социализм является последней из социально-экономических формаций. Все они трактуются как распространённый дефект познавательных моделей (М. Койвисто, по образованию, философ-гносеолог). В результате имперская политика России получает транскультурное оправдание благодаря апокалиптической составляющей российского мировоззрения, характеризующейся как свойство культуры, общее со многими другими мировыми культурами. Подобным же образом обосновываются эксцессы советского периода, который двояко характеризуется как «выпадение из истории» и как крайняя форма воплощения «просветительских идей Западной Европы», атеистических идей обуздания человека, «переставшего признавать ограничения, которые должно уважать, чтобы достойно пройти жизнь», а также «идеализации науки и ее возможностей», которые должны были сделать Россию «полигоном для осуществления общеевропейской утопии»⁸⁰.

М. Койвисто видит основы российской модернизации не только в западных идеях, но и в таких противоречивых, ксенофобских религиозных традициях как старообрядчество, ставшее духовным фундаментом московского предпринимательства, и славянофильство, породившее великие духовные достижения – такие как творчество Ф.М. Достоевского и политические реформы, связанные с деятельностью С.Ю. Витте (он представляется Койвисто одной из ключевых фигур в истории России). Автор дистанцируется от идеологических оценок, концентрируя внимание на их продуктивных отдаленных последствиях. Обособление старообрядцев не противопоставляется политике европеизации, как и славянофильство с его предпочтением протекционизма и неприятием римского права не противопоставляется западничеству. Для автора это приметы иного культурного мира, который нельзя судить по нормам католической (универсализм) или протестантской (прагматизм и рационализм) Европы⁸¹.

Соответственно, из поля зрения вытесняются все моменты, которые связаны с «образом врага». Они предполагаются известными финскому читателю, на которого и рассчитана книга. Это проявляет-

⁸⁰ Там же. С. 37-42, 217, 227.

⁸¹ Там же. С. 58-60, 105-113, 143-154.

ся наиболее ярко в главах «Сталинский террор» и «Сталинская диктатура», в которых нет ни слова о ГУЛАГе (это понятие появляется только в связи с десталинизацией)⁸². В результате происходит масштабная *нормализация* образа России, необходимая как переосмысление в современных условиях «конституирующего другого»⁸³ Запада, а следовательно – и самого образа Запада. Целью является скорее построение мягкой (учитывающей авторитет «истории снизу») формы европоцентризма, чем более глубокое понимание истории России (хотя и это порой происходит). Книга позволяет в разной степени нормализовать такие варианты русской идеи как «Москва – Третий Рим», славянофильство, коммунизм и сохраняющиеся до наших дней элементы русской идеи – стремление к величию, мессианство, достижение «крупных целей... ценой лишения и страданий»⁸⁴.

При этом сам термин «русская идея» даже в таких жестких его формах не трактуется как изначально реакционный, а признается совокупностью изменяющихся во времени проектов, среди которых возможен и современный, причем его можно переосмыслить и в какой-то «более глубокой» форме. Представление о русской идее здесь не сводится, как таких профессиональных историков, как Ю. Шеррер, к пропаганде православия, самодержавия, народности, навязчивой эссенциализации русскими своей инаковости⁸⁵. У М. Койвисто присутствует понимание бесперспективности манипуляций идентичностью, конструирования нормативных саморепрезентаций, которые, как показал венгерский политолог и социолог А. Мелег на примере постсоциалистической идентичности в Центральной и Восточной Европе, близки колониальным практикам и формируют зависимое сознание, радикализацию и инверсии политики идентичности. Последний также приводит размышления о том, что Европа для России не просто реальность, но и проект российской культуры, тоже своего

⁸² Там же. С. 195–202, 213–221.

⁸³ Нойманн И.Б. Использование «другого»: образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004.

⁸⁴ Койвисто М. Указ. соч. С. 227.

⁸⁵ Там же. С. 236; Scherrer J. Kulturologie: Russland auf der Suche nach einer zivilisatorischen Identität. Göttingen, 2003; Scherrer J. Idéologie, identité, mémoire: une nouvelle «idée russe»? // Transitions. № 44(2). 2006. P. 123–138; Niquex M. Discours essentialistes dans la Russie d'aujourd'hui, ou le retour de l'âme russe // Colloque La Russie et l'Europe: autres et semblables. Université Paris Sorbonne – Paris IV, 10–12 mai 2007. URL: <http://institut-est-ouest.ens-lsh.fr/spip.php?article133>.

рода «русская идея»⁸⁶. Постановка вопроса из этой же серии: «Кто потерял Россию?» кажется М. Койвисто просто нелепой: ведь она предполагает, «будто Россия принадлежала Западу», то есть сама основана на эссенциализированных предпосылках⁸⁷.

Однако паллиативный уровень самокритики Запада, который считал допустимым Ш.Н. Айзенштадт, казался недостаточным многим выходцам из стран «третьего мира». В частности, Д. Чакрабарты, развивая идеи Э. Томпсона применительно к истории бенгальского рабочего класса, поставил вопрос о провинциализации образа Европы как неадекватного задаче изучения региональных особенностей⁸⁸. Такое видение мира связано как с регионализацией представления о модернизации, так и с локализацией объекта изучения в субалтерных исследованиях постколониальных критиков, в частности, с выделением в качестве основного объекта исследований «фрагментов» – не поддавшихся европеизации индийских крестьянских общин⁸⁹. В целом эта идея является привлекательной даже для некоторых американцев, которые воспринимают ее как критику традиции всеобщей (универсалистской) истории. Характерной в этом смысле является резко критическая в отношении Запада книга типичного американского краеведа, «певца Аппалачей» Р. Осборна (1936–2007) «Цивилизация. Новая история западного мира» (2006)⁹⁰.

Это интеллектуальная история западного мира, в которой идеи определяют судьбы народов. Осборн выделяет в прошлом позитивную культурную традицию, которая несла «общинное, локальное, межличностное, инстинктивное, непосредственное измерения человеческой жизни». Он противопоставляет ей разрушительное для будущего цивилизации стремление к абстрактному и универсальному, которое связано с западной традицией Платона и Аристотеля. Имен-

⁸⁶ Melegh A. On the East–West Slope: Globalization, Nationalism, Racism and Discourses on Eastern Europe. Budapest, 2006. P. 114–116, 154, 182–197. См. также: Chakrabarty D. Provincializing Europe: Postcolonial Thought and Historical Difference. Princeton, 2000. P. 30.

⁸⁷ Койвисто М. Указ. соч. С. 235.

⁸⁸ Chakrabarty D. Op. cit. Новое издание 2008 г. содержит предисловие автора, посвященное проблемам глобализации.

⁸⁹ Regional Modernities: The Cultural Politics of Development in India / Ed. by K. Sivaramakrishnan, A. Agrawal. Stanford 2003; Chatterjee P. The Nation and its Fragments: Colonial and Postcolonial Histories. Princeton, 1993.

⁹⁰ Осборн Р. Цивилизация. Новая история западного мира. М., 2008. С. 5.

но с этим стремлением «искать универсальные ответы на универсальные вопросы», сориентированным на поиск констант и инвариантов, в которых видели «единственную гарантию ясности мысли», и связана, по его мнению, идея западной цивилизации, тот «цивилизационный сюжет», который к рубежу XXI в. оказался «лишенным всякого правдоподобия [и которому] мы больше не верим»⁹¹.

Главная претензия Осборна – всеобщая история Запада мешает изучать историю Америки, ее коренного и рядового населения – индейцев и рабочих. Завоевание Америки европейцами интерпретируется как совершенное во имя идеала цивилизации злодеяние, связанное со слепотой в восприятии культуры местного населения⁹². Монополизация правящими классами образа цивилизованного человека привела к тому, что городская рабочая культура США также не получила позитивной оценки и выпала из поля зрения историков, так как в глазах людей, стоявших выше по социальной лестнице, «рабочие выглядели новым воплощением варварства». В результате американское общество было расколото, а его классы «подходили к концу великого столетия индустриализации, отягощенные взаимными страхами, недоверием и невежеством в отношении друг друга»⁹³. Это расколотое самосознание воплощалось повсюду – за границей, в колониях и в самих США в противостоянии с коренным населением: «Это была история, старая как сама западная цивилизация. Подобно арианам, язычникам, катарам, английским крестьянам, инкам, мексиканцам и ирландским христианам прошлого, коренные американцы были вынуждены либо соответствовать строго определенной идее цивилизованного существования, либо жить в качестве пленников или слуг у тех, кто ее олицетворял. Альтернативы не существовало – западная цивилизация не могла себе представить, что такое сосуществовать с обществами другого типа на равных условиях»⁹⁴.

Западное наследство сохранило свое значение и в эпоху деколонизации и глобализации. Заимствовав европейское изобретение –

⁹¹ Там же. С. 69, 126, 130, 156-157, 745-746.

⁹² «Повадки американцев были совершенно непредсказуемы и потому объяснимы лишь с точки зрения недоразвитой человеческой природы... жертвам худших желаний и низменнейших инстинктов, нецивилизованным людям было суждено либо приобщиться к цивилизации, либо быть уничтоженными» (С. 405).

⁹³ Там же. С. 554-555.

⁹⁴ Там же. С. 582.

национальное государство, местное население бывших колоний вновь попало в зависимость от универсалистской западной традиции. Национальное государство «не оставляло следа от сложных традиционных способов делегирования и ограничения власти и на их месте утверждало систему, которая позволяла завладеть огромными полномочиями всякому человеку или группе, оказавшимся в ее центре [при том, что] национальные правительства попали в зависимость от людей, занимающихся покупкой и продажей акций... в погоне за краткосрочным выигрышем»⁹⁵. Национальная независимость привела лишь к обновлению субъектов колониальной власти, но не изменила характера самой власти.

Р. Осборн полагает, что как идеологическая конструкция «цивилизационный сюжет, излагаемый сегодня с высоких трибун, лишен всякого правдоподобия». Об это свидетельствует примитивная риторика рассуждений о добре и зле, о священном долге Запада, в стратегии «погони за универсалиями... в распространении его прямолинейных, универсалистских, "прогрессивных" методов правления, хозяйствования, поддержания порядка, правосудия и нравственности». Приходит осознание того, что «фундаментальная вера западной цивилизации в возможность разумного переустройства мира ко всеобщему благу лежала в корне каждой пережитой нами антропогенной катастрофы»⁹⁶.

Наряду с критикой западной цивилизации проявляется позитивное влияние идеи локальных цивилизаций на глобальную историю, в частности на ее историографическое направление, близкое идеям интеллектуальной истории, которое видит в развитии глобальной исторической мысли результат диалога историографических традиций локальных цивилизаций. При этом написание такого рода глобальной историографии становится совместным делом историков, принадлежащих к разным цивилизациям, осознающих свою принадлежность и вместе с тем обладающих современной историографической культурой и способных на диалог.

Характерный пример – книга Г. Иггерса, Э. Вана и С. Мукерджи «Глобальная история историографии Нового времени» (2008). В ней впервые формирование историзма, профессиональных норм истори-

⁹⁵ Там же. С. 702.

⁹⁶ Там же. С. 744-748.

ков и, как следствие, современной историографии рассматриваются не только как западное предприятие, но как продукт совокупных усилий основных цивилизаций: западной, китайской, арабо-мусульманской, индийской и, уже в XX в., африканской. Контекстом, в котором рассматривается история исторической мысли, является процесс модернизации и глобализации, причем глобализация, в соответствии с позицией Р. Робертсона, предшествует модернизации и опирается на культурные взаимовлияния в мировой истории начиная с древности. Глобализация не сводится к гомогенизации, ибо предполагает как наличие множества западных моделей развития, так и их творческое освоение в разных странах, а также продуктивное сопротивление их влиянию. Поэтому не только понятие «модернизация», но и термин «вестернизация» употребляется во множественном числе. Особенно опасным авторы считают представление о культуре как интегрированной системе, игнорирование ее противоречивых аспектов, в частности, сочетание в историческом сознании мифологического и познавательного аспектов. Однако они считают пока неосуществимым «глубокое прочтение» историографических традиций по методу К. Гирца, предполагающее реконструкцию всей сети смыслов, в которой существовал каждый из вариантов исторического сознания⁹⁷.

В этой сложной познавательной ситуации появляются попытки оформить новые дисциплинарные правила цивилизационных исследований. Они далеко не всегда бывают достаточно убедительными, чтобы соответствовать запросам *новой исторической науки*. Но они всегда интересны. В частности, немецкий историк и теоретик исторического знания Ю. Остерхаммель, вслед за Й. Хейзингой, Ф. Боасом, Ф. Хертцем, Ф. Хэнкинсом и Э. Калло, выступил против географического, биологического или менталистского редукционизма и эссенциализма, подчеркивая, что цивилизационная специфика подразумевает различия не в сущности или природе культур, а «неопределенную и неточную связь» в мере проявления тех или иных культурных, психологических, ментальных особенностей. Ю. Остерхаммель признает

⁹⁷ *Iggers G., Wang Q.E., Mukherjee S. A Global History of Modern Historiography.* Harlow; N.Y., 2008. P. 1, 3-6. Авторы признают дискредитированность идеи модернизации как реализации единственно возможной формы современности, легитимирующей капиталистический контроль над миром и указывают на ее критику Д. Чакрабарты. Формой преодоления этой критики они, вслед за Айзенштадтом, считают признание множественности модернизаций. С. 11, 13.

самостоятельное значение микроистории, выступает против «сведения микроистории к макросхемам», но вместе с тем убежден, что умеренный скепсис по поводу метанарративов, таких как цивилизационные, может помочь повысить их научно-познавательное значение⁹⁸. Это не мешает ему видеть величие идеала Цивилизации, как его трактовал Д. Юм, понимавший под этим понятием свободу безнаказанной борьбы гражданина против бюрократии⁹⁹. Историк продолжает методологическую борьбу с догмами всеобщей истории, начатую основателем американской антропологии Ф. Боасом в начале XX века, и подчеркивает бесперспективность стремления «подвести историю под несколько общих принципов», разделить «цивилизации» и «примитивные культуры». Более того, он признает, что у него нет никакой «программы» или «новой парадигмы» для изучения истории цивилизаций. Ведь неевропейская история для него, как специалиста по истории Дальнего Востока, скорее проблема, чем поле ее решения. Исследователи этой проблематики – скорее эксперты-страноведы, они часто не понимают логики исторического исследования, в их работах мало рефлексии. А ведь неевропейский мир – огромное гетерогенное пространство, объединенное только тем, что в Новое время оно стало целью европейской экспансии¹⁰⁰.

Однако идеал всеобщей истории для Остерхаммеля сохраняет ценность свою ценность как порождение немецкого историзма. Интеграция истории доколумбовой Америки, Азии, Африки, Океании в горизонт «нормальной» истории представляет для него важнейшую задачу именно потому, что только в результате этого история действительно становится «всеобщей», «универсальной»¹⁰¹. Но его путь решения этой проблемы отличается от стандартов объективности и истинности всеобщей истории – это прежде всего транскультурный диалог историков мира по поводу глобальной истории и взаимодействие культурной антропологии и сравнительной макросоциологии. Ведь для него именно социологи – конечные адресаты конкретно-исторического знания и инициаторы новых направлений исследований прошлого. Тем не менее и этот диалог не гарантирует успех, так

⁹⁸ *Osterhammel J. Geschichtswissenschaft jenseits des Nationalstaats. Studien zu Beziehungsgeschichte und Zivilisationsvergleich. Göttingen, 2001. S. 7.*

⁹⁹ *Op. cit. S. 89.*

¹⁰⁰ *Op. cit. S. 47, 178.*

¹⁰¹ *Op. cit. S. 8, 18, 46.*

как связан со сложностями процесса глобализации в рамках исторического знания, с поиском *культурно-нейтральной* терминологии¹⁰².

История локальных цивилизаций, по Остерхаммелю, никак не «царский путь» в изучении истории, а лишь один из подходов к историческому знанию, «который только тогда может быть полезен, когда отдаешь себе отчет в опасности эссенциализации культурных понятий». Рефлексию по поводу последней задает важнейшая область истории – история культурного трансфера (переноса смыслов, идеалов, культурных достижений), позволяющая рефлексировать смысловое содержание концептов и его изменения в ходе переноса из одного культурного контекста в другой. В этой области нет еще адекватного предпосылочного знания, нет учения о методе и элементарного нормативного набора (канона) тем¹⁰³. Однако в условиях глобализации европоцентризм окончательно изжил себя, и появилась потребность в переориентации с этой устаревшей схемы на «глобальный горизонт проблем». Отсюда полная невозможность по старинке использовать при формировании современных образов стран и цивилизаций бинарные классификации (Европа/Неевропа) или холистские образы, которые неизменно ведут к ошибкам и фальсификациям. Остается неясным, что же можно считать «европейским» или «современным», если не замыкаться на идее прогресса. В этом смысле революционны, по его мнению, сравнительные исследования Д. Гуды о европейской семье и Ш.Н. Айзенштадта о неевропейской модерности¹⁰⁴.

Как основу для реформы сравнительного изучения цивилизаций Ю. Остерхаммель использовал классификации подходов, предложенные Т. Скокпол, М. Сомерсом, Ч. Тилли, К. Лоренцем и в особенности А.А. ван ден Брембуше, который разделил компаративные истории на контрастирующие, генерализирующие, макрокаузальные, инклюзивные и универсализирующие типы¹⁰⁵. Остерхаммель объ-

¹⁰² Op. cit. S. 9. См. также: *Matthes J.* Zwischen den Kulturen? // *Zwischen den Kulturen? Die Sozialwissenschaften vor dem Problem des Kulturvergleichs* / Hg. J. Matthes. Göttingen, 1992. S. 3-12.

¹⁰³ *Osterhammel J.* Op. cit. S. 9-16.

¹⁰⁴ Op. cit. S. 49. *Patterns of Modernity. Beyond the West* / Ed. by S.N. Eisenstadt. New York, 1987; *Goody J.* The Oriental, the Ancient, and the Primitive: Systems of Marriage and Family in the Preindustrial Societies of Eurasia. Cambridge, 1990.

¹⁰⁵ *Braembussche A.A.* Historical Explanation and Comparative Method: Toward a Theory of Society // *History and Theory*. 1989. Vol. 28. S. 13-14.

единил и упростил их схемы, выделив главный референт сравнения, синхронный и диахронный подходы, интра- и интерцивилизационные сравнения, структурные сравнения и истории связей цивилизаций, тотальное или частичное сравнение (последнее «менее произвольно»), асимметричное или симметричное, конвергентное или дивергентное сравнение (последнее позволяет преодолевать «неосознанное стремление к дихотомизации»)¹⁰⁶. От субъекта познания такое взаимодействие подходов требует двойной компетенции, сочетания философских (социологических, культурологических) и специфически исторических, страноведческих, в том числе языковых знаний. Господствующей при этом становится не тотальная, холистская, а дифференцированная, частичная, конвергентная, симметричная версия сравнительного описания, учитывающая как общие черты, так и различия цивилизаций, их отдельных регионов, институтов, уровней и секторов. Остерхаммель ставит проблему *пределов сравнительного анализа*: чем большее количество объектов в него вовлечено, тем менее подробно может быть представлен каждый из них. Поэтому важнейшую роль играет *фрактальный анализ*, проводимый по уровням и секторам политики, общества, экономики. В рамках неклассической логики аналитичность и эмпиризм, холизм и парциализм, конвергенция и дивергенция могут сосуществовать на основе принципа дополнительности, но при этом поиск общих конкретных черт различных цивилизаций остается доминирующим, так как он имеет методологическое значение для цивилизационного подхода¹⁰⁷.

Остерхаммель строит свои взгляды на широком анализе цивилизационных представлений начиная с античности, в том числе отношений с «варварами» в Риме и Китае (граница цивилизации) и язычниками у ранних христиан. Он прослеживает такие стратегии взаимодействия на границах империй, как инклюзия (интеграция), аккомодация (с изменением образа жизни), ассимиляция, сегрегация (или эксклюзия с закрытием границ), экстерминация (геноцид)¹⁰⁸. Его особое внимание привлекает история XVI в., когда Европа еще находилась в тени *Других*, таких как Османская империя, и идентифицировала себя в ряду прочих культур как равную. Он исследует прежде

¹⁰⁶ Osterhammel J. Op. cit. S. 47-66.

¹⁰⁷ Op. cit. S. 54.

¹⁰⁸ Op. cit. S. 224-232.

всего когнитивный потенциал таких эгалитаристских форм самоидентификации, которые, по его мнению, переживали рост вплоть до конца XVIII в. До 1830 г. Европа еще продолжала сравнивать себя с Азией, но затем испытала катастрофическое падение уровня исторического знания в эпоху формирования европоцентризма и ориентализма. Этот процесс был особенно острым в колониальных странах – во Франции и Англии, но проходил также в Германии и немного позже в России. Тогда в рамках империалистических теорий Азия была противопоставлена Европе, возникли «великие теории мирового развития», появились представления о «неисторических народах», различия стран были во многом сведены к уровню их наук и технологий, а конкретное историческое исследование высоких неевропейских культур было заменено у Шпенглера их «физиогномическим обозначением»¹⁰⁹. Рубеж этой эпохи – 1920-е гг. (в Германии позже), когда возникает интерес к новой неевропейской истории.

Однако при этом Ю. Остерхаммель далек от последовательной критики ориентализма и приверженности релятивизму. Он считает, что культурный релятивизм – это своего рода «закрытый космос», он «не создает пространства для убедительной транскультурной точки зрения», в том числе почвы для оберегаемого историком немецкого идеала всеобщей истории¹¹⁰. Для него важны не только проблемы ориентализма, построения образа Востока, но и проблемы оксидентализма, построения образа Запада. Остерхаммель подчеркивает: «у каждой колонии своя Европа», образы которой диктуются интересами местной интеллигенции¹¹¹. Поэтому его подход к постколониальной теории Э. Саида и особенно его последователей, таких как филологи Х. Баба и Г.Ч. Спивак, далекие от исторической эмпирии и историзма, – деконструкционистский, резко критический. Он видит в учении Саида эссенциализм (эссенциализацию Иного) и его корни – воображение, порождающее самоочевидное видение, озарение (*Vision*), стимулирующее догматизм эпигонов, что не оставляет места для самокритики. Остерхаммель считает, что учение Саида имеет главной функцией позитивную самоидентификацию за счет демонизации власти Запада. Поэтому оно не может быть релевантно когни-

¹⁰⁹ Op. cit. S. 81-84, 206, 238. Ср.: Tomlinson J. Cultural Imperialism. L., 1991.

¹¹⁰ Osterhammel J. Op. cit. S. 18.

¹¹¹ Op. cit. S. 87.

тивной задаче, особенно если иметь ввиду ранние претензии Саида на монополию мусульман изучать исламскую культуру. Остерхаммель пытается опереться на авторитет Э. Геллнера, который в дискуссии 1993 г. критиковал Саида по несколько иному поводу. При этом упреки Саида в эссенциализме парадоксальным образом сливаются с упреками в релятивизме. «Предостережение [Геллнера] против интеллектуального нигилизма и политического анархизма» как следствий «культурного релятивизма постмодерна и пермиссивной мультикультурности» Остерхаммель не противопоставил осуждению эссенциализма Саида, а добавил к нему. Однако тезис о релятивизме относится только к одному из его обвинений Саида – в неприятии мышления в категориях сущностей, растворении сущностей в отношениях и практиках, что действительно свойственно постмодернизму и постколониализму, но исключает принципиальный эссенциализм¹¹². Правда, в конце концов резкость критики Саида Остерхаммелем несколько снижается, он дает высокую оценку его самоиронии и самокритике, неприятию эссенциалистской реификации в других культурах, его выходам за пределы теории власти-знания М. Фуко, его учению о предпосылочном знании, создающем основание для «культуры непонимания» и «права на собственное непонимание»¹¹³.

Для Остерхаммеля, в отличие от Саида, западная традиция всеобщей истории цивилизаций ущербна лишь отчасти и не потому, что связана с «власть-знанием». Власть-знание, по мнению Остерхаммеля, может быть «эмпирически верным»¹¹⁴. Когнитивная функция цивилизационного знания не противостоит идентификационной потому, что потребность в стабилизации своей идентификации свойственна сейчас не только Европе или Западу, но и Китаю, Японии, Ближнему Востоку¹¹⁵. Поэтому он стремится опереться на традицию изучения истории цивилизаций в XX в., прежде всего на работы Тойнби, с которыми он связывает отход от жестких линейно-стадиальных схем, а также Макнила, который первым демистифицировал задачу написания мировой истории, стал согласовывать теоретические задачи макроистории со стремлением привести их в соот-

¹¹² Op. cit. S. 256, 257-260.

¹¹³ Op. cit. S. 262-265.

¹¹⁴ Op. cit. S. 259.

¹¹⁵ Op. cit. S. 260-261.

ветствие с данными современных конкретно-научных исследований. Из школы «Анналов» в число историков цивилизаций у Остерхаммеля попал только Ф. Бродель с его «Грамматикой цивилизаций». Он высоко оценивает и работы социологов, в частности Айзенштадта по цивилизациям «Осевого времени» и Дж. Голдстоуна по истории европейских и азиатских революций и реформ XVII–XVIII вв.¹¹⁶

Остерхаммель не отбрасывает, подобно многим историкам цивилизаций, прогрессизм и европоцентризм, но исследует их исторически, указывая, в частности, на разницу между эксклюзивистским европоцентризмом XIX века, сложившимся в континентальной Европе и изображавшим иерархическую «лестницу цивилизаций» как «лестницу рас», и инклюзивистским нерасистским европоцентризмом, утвердившимся в Англии и США во второй половине XX в. и провозглашавшим всепроникающий характер модернизации¹¹⁷. Он тем самым создает стертую и паллиативную, во многом западническую картину соотношения идей гомогенности цивилизаций, иерархии локальных цивилизаций и цивилизаторства.

Глобальный подход Остерхаммеля в присутствии идеала всеобщей истории при всех его оговорках достаточно традиционен и связан с классической рациональностью XVIII–XX вв. Он оставляет место для неоконсервативной трактовки международных отношений в интернациональной и мировой истории. Методологическая проблематика сравнительного изучения цивилизаций сводится им к взаимодействию двух догматически описываемых подходов: *когнитивного*, связанного с универсальностью познавательных принципов историзма, позволяющих изучать цивилизации не только «изнутри», но и «извне», и *морального*, задающего универсальные ценностные нормы, позволяющие осуществлять самоидентификацию, такие как права человека, дающие вместе с тем возможность подвергать страны и культуры критике извне¹¹⁸. Поэтому его теоретическая схема, при всей подробности ее разработки, далека от учета опыта историографических «поворотов» второй половины XX – начала XXI в., она не открывает новых возможностей диалога с неклассической рациональностью, что оставляет чувство неудовлетворенности.

¹¹⁶ Op. cit. S. 54, 177–178.

¹¹⁷ Op. cit. S. 82.

¹¹⁸ Op. cit. S. 257–258.

Правда, у Остерхаммеля есть кое-что общее с Саидом и постмодернистами, так как одной из важнейших тем в истории цивилизаций он считает анализ в рамках интеллектуальной истории современных текстов о неевропейских цивилизациях («японцах», «исламе», «конфуцианстве»), в которых проявляются старые клише о народном характере и «менталитете». Обосновывая ключевое значение этой темы, он описывает такого рода нарративы как источник культурного непонимания и транскультурной власти, который используется по всему миру для создания национальной, религиозной, этнической идентичности¹¹⁹. Однако эта линия, ориентированная на развитие мультиперспективизации в истории цивилизаций, гораздо лучше разработана другими, смежными направлениями исторического знания.

7. История цивилизаций, переплетающиеся и перекрестные истории

Как отметила Л.П. Репина, «...пространственно-темпоральные перспективы "новой локальной истории" в ее социокультурном наполнении, встраиваясь в сетевую структуру глобальной истории, обретают новый эвристический потенциал»¹²⁰. Примером этого является взаимодействие региональной истории и таких направлений исследований, как транснациональные, транскультурные, разделяемые с другими (*shared*) истории, связанные (*connected*) истории, переплетенные, пересекающиеся (*entangled*) истории, а также перекрестная история (*histoire croisée*). Если переплетенные истории предполагают прежде всего транснациональность или транскультурность описываемого материала, исторических ситуаций и их восприятия участниками, критику односторонних подходов, описывающих события с точки зрения одного из акторов, то перекрестная история французских исследователей М. Вернера и Б. Циммерманн ориентируется также на транскультурность историка и трансдисциплинарность его методов, критику привилегированных, догматически заданных, заранее определенных масштабов, методов и даже моделей изучения истории (как цивилизационный подход, компаративистика и трансфер у Ю. Остерхаммеля). Такая стратегия быстро добавляет сложности исследовательской ситуации, которая с каждым шагом в

¹¹⁹ Op. cit. S. 263.

¹²⁰ Репина Л.П. Новые исследовательские стратегии... в российской и мировой историографии. С. 21-22.

этом направлении приобретает дополнительное измерение. Перекрестная история является транснациональным расширением социальной истории, созданным для того, чтобы ответить на вызовы глобализации в постколониальных условиях, когда универсалистские амбиции всеобщей истории остались в прошлом. В рамках перекрестной истории цель социальной истории понимается как работа на границах между нациями, цивилизациями, регионами, а также на границах между универсалиями, при помощи которых эти социальные сообщества осмысливаются, то есть в принципиально неклассическом познавательном пространстве¹²¹.

В рамках перекрестной истории преодолевается стремление сравнительной истории к синхронии, фиксированной точке зрения и «методологическому национализму»¹²², т.е. выстраиванию бинарных оппозиций с иерархической подоплекой, а истории культурных трансферов – к диахронии и предпочтению односторонних культурных воздействий. Она предполагает многостороннюю (мультиперспективистскую) рефлексию и историзацию – как предмета исследования, так и категорий анализа, а также отношений исследователя и предмета (и даже позиций разных исследователей). Тем самым создается возможность конструировать исторические модели, адекватные сложному децентрированному локальному или региональному предмету, пересеченному внутренними границами, а потому трудному для интерпретации, специфике его взаимодействия с исследователем и с другими его интерпретаторами. В частности, речь идет о том, чтобы *перемещать позицию наблюдателя*, делать ее децентрированной и не фиксированной, используя разные иерархии, категориальные системы и точки зрения, что особенно важно для изучения региональной специфики сложных образований, таких как империи

¹²¹ Werner M., Zimmermann B. Penser l'histoire croisée. Entre empirie et réflexivité // *Annales HSS*. Vol. 58. № 1. 2003. P. 7-36. См. также: De la comparaison à l'histoire croisée / Sous la dir. de M. Werner et B. Zimmermann. P., 2004; Werner M., Zimmermann B. Beyond comparison: *histoire croisée* and the challenge of reflexivity // *History and Theory*. 2006. Vol. 45. № 1. P. 30-50; The Making of the Modern World: Connected Histories, Divergent Paths (1500 to the Present) / Ed. by R.W. Strayer. N.Y., 1989; Unraveling Ties: From Social Cohesion to New Practices of Connectedness / Ed. Y. Elkana et al. Fr.-a-Main, 2002; Entangled Histories and Negotiated Universals: Centers and Peripheries in a Changing World / Ed. W. Lepenies. Fr.-a-Main, 2003.

¹²² Chernilo D. Social Theory's Methodological Nationalism: Myth and Reality // *European Journal of Social Theory*. Vol. 9. № 1. 2006. P. 5-22.

и цивилизации, а также истории разного рода локальных, региональных и глобальных пограничий¹²³.

Надо подчеркнуть, что, хотя перекрестная история М. Вернера и Б. Циммерманн изначально создавалась для исследования культурных пограничий внутри Европы (между Германией и Францией), *связанные истории* еще в середине 1990-х гг. вышли на цивилизационный уровень (цивилизационные взаимодействия в процессе модернизации на уровне Евразии)¹²⁴. В этом контексте Э. Вайцем пересмотрена проблема формирования представлений о цивилизаторской миссии стран Запада в XIX веке¹²⁵. Возникла и айзенштадтовская тема множественности модернизаций, которая приобрела своеобразный оттенок, превратившись у Г. Терборна в тему истории «переплетенных модернизаций»¹²⁶, а у Ш. Рандериа применительно к Индии – в «переплетенные предыстории ненадежных модернизаций». Их описание сопровождалось анализом поднятой В. Шивой еще в 1993 г. проблемы «монокультур разума» как примитивизирующей и дезориентирующей познавательной стратегии, насаждающей односторонние подходы к постколониальной ситуации в Индии¹²⁷. Все это напоминает отечественному читателю стремление А.С. Ахиезера исследовать «сферу Между» традиционализмом и модернизацией в истории российской цивилизации, его понимание «частичной модернизации» и медиации как познавательного идеала, а еще больше – интерпретацию его идей С.Я. Матвеевой, стремившейся дистанцировать идеи Ахиезера от классической, однолинейной теории модер-

¹²³ Op. cit. P. 10.

¹²⁴ *Subrahmanyam S. Connected Histories: Notes towards a Reconfiguration of Early & Modern Eurasia* // *Modern Asian Studies*. Vol. 31. № 3. 1997. P. 735-762.

¹²⁵ *Weitz E.D. From the Vienna to the Paris System: International Politics and the Entangled Histories of Human Rights, Forced Deportations, and Civilizing Missions*. URL: http://lapa.princeton.edu/uploads/weitz_lapa_seminar.pdf.

¹²⁶ *Therborn G. Entangled Modernities* // *European Journal of Social Theory*. Vol. 6. № 3. 2003. P. 293-305.

¹²⁷ *Randeria Sh. Entangled Histories of Uneven Modernities* // *Unraveling Ties: From Social Cohesion to New Practices of Connectedness* / Ed. Ye. Elkana, I. Krastev, E. Macamo, Sh. Randeria. Fr. a/Main and N.Y., 2002. P. 284-312; *Randeria Sh. Entangled Histories of Uneven Modernities: Civil Society, Caste Solidarities and Legal Pluralism in Post-Colonial India* // *Civil Society – Berlin Perspectives* / Ed. J. Keane. Cambridge, 2003; *Randeria Sh. Global Designs and Local Lifeworlds* // *Interventions. International Journal of Postcolonial Studies*. Vol. 9. № 1. 2007. P. 12-30.

низации, к которой они были сведены в конце концов в изображении многих его последователей¹²⁸.

Однако здесь мы имеем дело вовсе не только с новым пониманием историософских и эпистемологических подходов к прошлому (хотя чего стоит только принципиальный отказ от фиксированной точки зрения на него!). Это еще и критика привычных постановок конкретно-исторических проблем в национальных историях и историях международных отношений и связей¹²⁹. Но самое главное для профессиональных историков – это и новый подход к формированию источниковой базы и источниковедению пограничных исследований. Проекты транснациональных и переплетенных историй предполагают создание электронных баз данных по разным проблемам пограничных исследований, помогающих освещать ситуацию в духе К. Гирца, с самых разных сторон¹³⁰. Особенно это важно для преодоления наследия колониальных историографий, которые выражают принципиально одностороннюю позицию по отношению к культурам зависимых народов¹³¹.

Ярким отечественным примером такого рода является изучение В.О. Бобровниковым истории российской политики в отношении ислама на Северном Кавказе, в котором автор прямо опирается на методы переплетенных историй и отчасти дополняет, а отчасти и опровергает данные российских архивов (в которых выражена негативная точка зрения по отношению к ситуации правового плюрализма на окраинах империи, к исламскому обществу и праву в той мере, в какой они конкурировали с имперским или советским обществом и правом) при помощи материалов частных и местных архивов, не ис-

¹²⁸ Ахиезер А.С. Об особенностях современного философствования. Взгляд из России // Ахиезер А.С. Труды в 2 т. М., 2006. Т. 2. С.425-446; Матвеева С.Я. Философский анализ социокультурной динамики России // Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. В 3 т. М., 1991. Т. 1. С. 6-7.

¹²⁹ Например, в истории российско-германских отношений. См. *Entangled Histories in the Age of Extremes* // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 10. № 3. Summer 2009. P. 415-422.

¹³⁰ Hitchcock T. Towards a New History Lab for the Digital Past (http://sas-space.sas.ac.uk/2854/1/Hitchcock_-_Towards_a_new_History_Lab.pdf).

¹³¹ Digby A. Waltraud E., Muhkarji P. Crossing Historiographies, Connecting Histories and Their Historians // *Crossing Colonial Historiographies: Histories of Colonial and Indigenous Medicines in Transnational Perspective* / Ed. A. Digby, E. Waltraud, P.B. Muhkarji. Cambridge, 2010. P. IX-XXII.

пользованных ранее документов на арабском языке, которые рисуют совершенно другую версию взаимодействия Российской империи, СССР и жителей Северного Кавказа¹³².

Подобный подход к сравнительному изучению цивилизаций продемонстрировал и японский антрополог Ю. Кавада (2001). Он принципиально отвергает культурный эссенциализм, «характеристику культуры как определенной конфигурации, рассматриваемой как единство, носителем которой является определенная группа людей»¹³³. Кавада показывает, что эссенциализм делает призыв к диалогу цивилизаций бессмысленным и даже вредным. Но и культурный релятивизм он характеризует как привилегию благополучных стран и идеологию, опасную применительно к трудным ситуациям, требующим международного вмешательства¹³⁴.

Альтернативой обоим этим взглядам Ю. Кавада провозглашает мультиперспективистский подход с фиксированным количеством взаимопересекающихся позиций (в данном случае их три). Он связан с отказом от абсолютизации любой из данных позиций. Это объясняется тем, что в цивилизационном исследовании объект и субъект исследования находятся на одном уровне и в когнитивном, и в моральном смысле (т.е. фактически она субъект–субъектна). Следствием является непризнание и даже моральное неприятие любой познавательной позиции в качестве универсальной и догматической. Говоря языком Ю. Остерхаммеля, познавательная ситуация должна быть симметрична. В процессе познания доминирует не субъект, а *коммуникативное сообщество*. Принимая эстафету постколониализма, Кавада принципиально отличает глобальное от универсального, а также локальное от особенного. «Глобальное – это факт, вопрос власти, которая может быть политической, военной или экономической. Универсальное – не факт, потому что невозможно доказать реальную универсальную ценность чего-либо; это только стремление или цен-

¹³² Бобровников В.О. Российские мусульмане после архивной революции: взгляд с Кавказа и из Болгарии // *Ab imperio*. № 4. 2008. С. 313–333. См. также Северный Кавказ в составе Российской империи / Под ред. В.О. Бобровникова, И.Л. Бабич. М., 2007.

¹³³ Kawada J. Beyond Cultural Relativism and Globalism – A Proposal to Deepen Cultural Awareness through «Dialogues». URL: www.unu.edu/dialogue/papers/Kawada-abst-cs.pdf.

¹³⁴ Ibid. P. 1-2.

ностная ориентация для достижения какой-либо цели во всемирном масштабе»¹³⁵. В рамках этого подхода значение ценностей модернизации характеризуется как глобальное, но не универсальное¹³⁶. Тем самым глобальная история дистанцируется от всеобщей.

Развивая идеи критического рационализма К.Р. Поппера, антрополог пытается релятивизировать и объективизировать нашу субъективность, ставя ее познавательные возможности под вопрос с других, внешних по отношению к ней точек зрения. Таким образом в центр внимания Ю. Кавады попадают такие воздействия культуры, как самоидентификация, культурные предубеждения или предпосылочное знание (*cultural bias*), которые он стремится превратить в инструменты исследования, обозревая предмет с позиций вне- и внутринаходимости, сталкивая несколько познавательных продуктов разных цивилизационных самоидентификаций. В результате в его распоряжении оказывается усредненная сумма возможностей разных когнитивных карт, каждая из которых проблематизирует недостатки других. Этот метод Ю. Кавада назвал «методом триангуляции» и он близок методу перекрестной истории¹³⁷.

Ю. Кавада не выстраивает иерархию культур. Он, например, видит в признании культур «архаическими» только иерархизированную проекцию на историческое время тех различий в пространстве обитания и обычаях, которые всегда существовали между народами. Это, по его мнению, грубый насильственный способ вытеснения народов в «параллельный мир... воображаемых дикарей», делающий их познание и тем более диалог с ними невозможным¹³⁸. Тем самым философский, метафизический историзм всеобщей истории преодолевается современным специализированным историзмом, ориентированным на анализ особенностей развития культур. Идеал целостного образа и не менее четкого «фона» заменяется идеалом дробного, хорошо расчлененного образа, элементы которого в когнитивной карте симметричны и связаны возможностью коммуникации. Непременным условием реализации метода триангуляции является последовательное преодоление представления о «варварстве», без которого, как подчеркивает Кавада, «никакой открытый диалог цивилизаций невозмо-

¹³⁵ Ibid. P. 2

¹³⁶ Ibid. P. 9.

¹³⁷ Ibid. P. 2.

¹³⁸ Ibid. P. 4.

жен, особенно если он предполагает участие обществ, которые рассматривались Западом как “дикие”, “первобытные”, “недоразвитые” или “развивающиеся”¹³⁹. Вместе с понятием «варвар» ставится под сомнение (и в кавычки) понятие «модернизация»¹⁴⁰.

В рамках этой системы представлений технологии выращивания риса раннего Нового времени в Японии рассматриваются им как «человеко-зависимые» и сравниваются с механизированными «человеко-независимыми» технологиями Запада, причем те и другие расцениваются как взаимодополняющие, так как в эпоху Мейдзи их элементы были объединены в реальности. Третьей стороной сравнения является подсечная культура выращивания проса в африканской саванне, практикуемая в королевстве Моси на территории современного Буркина-Фасо, основанная на технологии «бриколажа» (использование подручных материалов и спонтанных действий, включая ритуальные, термин К. Леви-Строса), т.е. максимального использования наличных и возникающих ресурсов, как материального, так и магического, ритуального характера. В ее структуре магические «знаки» занимают место логических «понятий» в других сравниваемых культурах, а производственный цикл полностью помещается внутри экологического цикла. Пассивность моси в отношении природы и общества, отличающая их от европейцев, не связывается, как делают многие антропологи, с фантазиями по поводу их «менталитета», в частности с фатализмом, так как она сопряжена с постоянной деятельностью и надеждой на удачу¹⁴¹. Кроме этого, цивилизации подразделяются на «целеориентированные», динамичные (Европа) и «ориентированные на процесс» (*process-respected*, Япония и Моси)¹⁴².

При исследовании методом триангуляции каждая из перечисленных технологических культур и ценности, которые она несет, могут рассматриваться с точки зрения двух других. При этом полностью отрицается возможность анализировать культуры как «конфигурации», обладающие неким объективно существующим «ядром» (культурным генотипом) и порождающие «базовую личность» (типичный человеческий характер). Они сконструированы именно таким образом, чтобы подчеркнуть их операциональную функцию как

¹³⁹ Ibid. P. 3-4.

¹⁴⁰ Ibid. P. 4.

¹⁴¹ Ibid. P. 6.

¹⁴² Ibid. P. 8.

идеально-типических моделей, имеющих только статус теоретического объекта и познавательную ценность для сравнительного исследования данных цивилизаций в контексте их диалога. Антрополог четко фиксирует дистанцию между этой моделью и реальностью, а также предлагает рассуждения по поводу меры ее значимости¹⁴³. Например, она пригодна для того, чтобы решить вопрос о том, почему именно европейцы, а не японцы сумели в XV–XVI вв. покорить океаны. Ю. Кавада предлагает вписать эту рабочую модель в более широкий исторический контекст, большую роль в котором играют (в традиции К. Гирца) отношения между европейцами, евреями и арабами, события Крестовых походов, а также неизменность японской технологии построения судов. При этом Кавада подчеркивает, что триангуляционная схема цивилизационного анализа обладает эвристической силой, которую не способно дать объективистское исследование материала, так как ее можно усилить за счет вовлечения в коммуникативное сообщество представителей других цивилизаций, что делает картину неизмеримо более подробной, чем продукт деятельности каждого отдельного историка-профессионала или национальной школы исторического знания¹⁴⁴.

История человечества, по мнению Кавады, должна описываться не только с точки западных ценностей универсальной экспансии и трудосберегающей технологии, но и с точки зрения критики процессов дегуманизации труда, становящегося чисто экономическим фактом и разрушения природной среды. В связи с этим возникает представление о возрастании роли локальных технологий, в которых воплотился опыт выживания людей в данном экологическом и технико-культурном контексте. «Универсальные стандарты» тут не применимы. Стратегия регуманизации человеческого труда, о которой говорил М.К. Ганди, как и деревенская технология использования подсобных материалов и магии могут приобрести актуальность для самых разных обществ в процессе решения проблем глобализации. После преодоления геоцентризма и этноцентризма в историческом знании встает проблема актуализации антропоцентризма для создания человеко-ориентированных технологий¹⁴⁵. В этом контексте Ка-

¹⁴³ Ibid. P.6–7.

¹⁴⁴ Ibid. P.8.

¹⁴⁵ Ibid. P.10.

вада провозглашает *ценность локальности*, опыта местных культур, который приобретает особое значение в эпоху глобализации¹⁴⁶.

Опыт Ю. Кавады позволяет более широко использовать в сравнительной истории цивилизаций опыт постколониальной критики, чем это возможно в варианте эпистемологии Ю. Остерхаммеля, найти путь от догматических, элитистских и монологических исследовательских моделей старой региональной истории и истории цивилизаций к более современным, инклюзивным, симметричным и диалогическим представлениям о задачах и возможностях социально-гуманитарного знания. Последние помогают вытеснить линейно-стадиальный, целостный, дивергентный, классический, сциентистский подход к истории локальных цивилизаций на периферию размышлений. Центральное значение приобретает рефлексия по поводу *процессов коммуникации* в самых разных их проявлениях — как в онтологическом смысле, сопровождающих конструирование регионального (цивилизационного) самосознания и иллюстрирующих его ментальных карт, так и в эпистемологическом смысле, сопровождающих постановку и решение познавательных проблем, связанных с внутри- и междисциплинарным диалогом исследователей. Интеллектуальная история становится в этих условиях, как у Ю. Остерхаммеля, важнейшим аспектом самоосмысления и самокорректировки цивилизационных представлений и их анализа, неотъемлемой частью сравнительной истории цивилизаций¹⁴⁷.

¹⁴⁶ Ibid. P.11.

¹⁴⁷ См. подробнее: *Ионов И.Н.* Идентификационная, коммуникативная и когнитивная составляющие цивилизационных представлений // История и современность. № 2. 2007.

ГЛАВА 5

Становление глобального информационного общества история и современность

Сегодня все более отчетливо наблюдается становление нового социального уклада, основанного на применении новейших информационно-телекоммуникационных технологий. Суть этого нового образа жизни заключается в том, что теперь решающая роль принадлежит организации и обработке информации и знаний. При этом речь идет не столько о количественном росте информации, сколько о том, «что она стала играть основную, стратегическую роль в нашей деятельности, начиная с отдыха, включая деловую активность и работу правительства»¹.

Центральное место в новой системе отношений отводится компьютеру и современным информационным технологиям. Сложившийся таким образом социальный уклад общественных отношений получил название информационного общества, формирование которого становится одним из основных стратегических приоритетов политики как развитых, так и развивающихся стран.

Сам по себе термин информационное общество никоим образом нельзя считать устоявшимся понятием. Напротив, данный термин находится в постоянном развитии, и его трансформация напрямую связана с происходящими в современном мире социально-экономическими изменениями. Тем не менее, среди большого многообразия определений информационного общества есть и такие, которые наиболее исчерпывающе отражают основные сущностные характеристики изучаемого явления. В этой связи, из всего многообразия понятий, существующих в современном научном дискурсе, мы предлагаем взять за основу дефиницию, предложенную российским исследователем Ю. Нисневичем. Согласно его пониманию, в информационном обществе «экономическое развитие, социальные изменения, качество и образ жизни зависят от научного знания и способа

¹ *Уэбстер Ф.* Теории информационного общества // Пер. с англ. М.В. Араповой, Н.В. Малыхиной. М., 2004. С. 360.

эксплуатации информации и проявления которого характеризуются следующими критериями:

- *технологический* (ключевой фактор) – информационная технология, которая широко применяется в производстве, учреждениях, системе образования и в быту;
- *социальный* – информация выступает в качестве важного стимулятора изменения качества жизни, формируется и утверждается «информационное сознание» при широком доступе к информации.
- *экономический* – информация составляет ключевой фактор в экономике в качестве ресурса, услуг, товара, источника добавленной стоимости и занятости;
- *политический* – свобода информации, ведущая к политическому процессу, который отличается растущим участием и консенсусом между различными классами и социальными слоями населения;
- *культурный* – признание культурной ценности информации посредством содействия утверждению информационных ценностей в интересах развития отдельного индивида и общества в целом»².

Из приведенных выше определений следует, что в информационном обществе информации отводится принципиально иная роль, нежели в обществе индустриальном. В связи с этим напрашивается вполне закономерный вывод о том, что именно производство информационного продукта, а не продукта материального, станет основной движущей силой, обеспечивающей образование и дальнейшее развитие нового общества.

Опираясь на вышеизложенное, можно выделить следующие *отличительные особенности информационного общества*:

- информация становится важным стратегическим ресурсом государства;
- в обществе начинает доминировать собственность на знание и информацию;
- информация приобретает товарный статус;
- материальное производство становится все более автоматизированным и наукоемким, в связи с чем, начинает резко сокра-

² Нисневич Ю.А. Информация и власть. М., 2000. С. 23.

щаться количество работников, занятых в традиционных секторах производства;

- материальное производство постепенно уходит на второй план, уступая место производству нематериальных благ, сфере услуг, прежде всего связанных с производством, распространением и хранением информации, которые становятся источниками новых рабочих мест.

Следует также отметить, что информационное общество непременно должно характеризоваться доступностью информации для граждан, т. е. быть информационно открытым. Государству же надлежит создать технические возможности для доступа своих граждан к национальным информационным ресурсам на недискриминационных условиях бесплатно или за приемлемую плату.

Ни в коем случае нельзя сводить понятие информационного общества к технической стороне – развитию определенных технологий. Информационное общество характеризуется, прежде всего, качественно новой ролью информации в жизни общества. Постепенно начинает меняться структура властных отношений. Главная цель новой элиты, претендующей на доминирующее положение в обществе, – доступ к информации и знаниям. В то же время в обществе начинают складываться новые формы массовой коммуникации, социального общения, образа жизни, методы манипулирования сознанием. Появление широкого круга новых информационно емких профессий и автоматизация традиционных секторов производства требуют от работника и физического труда, большей квалификации, в связи с чем возникает необходимость существенной модернизации всей системы образования и перехода к стандарту «обучение в течение всей жизни». Центральная задача государства в новых условиях заключается в том, чтобы взрастить новое поколение людей, потенциально готовых к жизни и работе в информационном обществе.

Разумеется, помимо повышения уровня компьютерной грамотности населения общество должно располагать определенным набором технологий, и люди должны иметь техническую возможность доступа к открытым глобальным информационно-коммуникационным сетям. Однако при проведении информатизации своей территории государству ни в коем случае не следует забывать об информационной безопасности, особенно принимая во внимание то обстоятельство, что современные информационные технологии легко

покидают национальные границы и их неправомерное использование может затронуть интересы представителей разных государств.

Следует признать, что построение информационного общества является весьма сложной и многомерной задачей. Ее полное решение должно включать следующие компоненты:

- создание адекватной нормативно-правовой базы, способной обеспечить быстрый переход к современной инновационной экономике;
- развитие технологической базы и строительство адекватной современным реалиям информационно-телекоммуникационной инфраструктуры;
- повышение компьютерной грамотности населения.

Однако и так понятно, что только высокоразвитые государства способны предложить такие технологии и решить все задачи для того чтобы обеспечить построение на своей территории информационного общества, в то время как широкому корпусу развивающихся стран заведомо отводится роль информационной периферии.

Создается, таким образом, класс информационно богатых людей (в пределах отдельно взятой страны) и информационно богатых наций (в пределах мирового сообщества в целом), которые используют новейшие информационные технологии и информацию в качестве важного инструмента для установления тотального контроля над другой, «информационно бедной» частью сообщества. Причем, с каждым днем «то, что называют информационной пропастью, имеет тенденцию становиться только глубже: более образованные и состоятельные люди получают дополнительные преимущества в виде доступа к развитым информационным ресурсам, а тех, кто находится на нижних ступенях социальной лестницы, постепенно погребает под собой “информационный мусор”. Этот мусор развлекает, отвлекает, содержит массу сплетен и очень мало ценной информации»³.

Нельзя сказать, что указанная проблема не привлекает внимание мировой общественности. Так, на втором раунде переговорного процесса на высшем уровне в рамках Всемирного саммита по информационному обществу (Тунис, 2005 г.) было отмечено, что «доступ к информации, а также совместное использование и формирование знаний существенным образом способствуют усилению экономиче-

³ Уэбстер Ф. Указ. соч. С. 200.

ского, социального и культурного развития, тем самым помогая всем странам в реализации согласованных на международном уровне целей и задач, включая Цели, сформулированные в Декларации тысячелетия <...> Кроме того, информационно-коммуникационные технологии дают возможность гораздо более широким, чем когда-либо слоям населения принимать участие в совместном использовании и расширении базы человеческих знаний, а также содействовать их дальнейшему накоплению во всех сферах человеческой деятельности и применению в области образования, здравоохранения и науки»⁴.

Таким образом, на международном уровне было принято решение о необходимости дальнейшего развития глобального общемирового информационно-коммуникационного пространства. Однако в последние годы развивающиеся страны стали высказывать озабоченность относительно равноправного характера формирующихся международных информационных отношений и выражать стремление играть в современном глобальном мире более заметную роль.

Именно данным обстоятельством, на наш взгляд, обусловлен тот факт, что руководство многих африканских стран провозгласило развитие информационных технологий одной из наиболее приоритетных задач. В связи с этим в целом ряде государств континента появились специализированные концепции, планы действий и стратегии по развитию информационных технологий, рассчитанные как на долгосрочную, так и на среднесрочную перспективу.

В частности, подобный документ был принят в Кении в 2008 г. Он получил наименование «Кенийское Видение 2030» (Kenya Vision 2030) и представляет собой, по словам Постоянного секретаря Министерства иностранных дел Кении Туита Мванги, программу развития страны на период 2008–2030 гг., нацеленную на превращение Кении «в промышленно развитую страну со средним доходом, обеспечивающим гражданам высокий уровень жизни»⁵.

Понятно, что этот документ охватывает достаточно большой период времени и демонстрирует только общее видение того, какой должна стать Кения к 2030 г. В соответствии с данной программой

⁴ Тунисское обязательство / Всемирный саммит по информационному обществу. Тунис, 2005 // Организация Объединенных Наций [официальный сайт]. URL: http://www.un.org/russian/conferen/wsisis/wsisis_commitment.htm.

⁵ Слово Постоянного секретаря Министерства иностранных дел Кении Туита Мванги // Посольство Кении в Москве [офиц. сайт]. URL: <http://kenemb.ru>.

в развитии страны выделяются три неотъемлемые составляющие – экономическая, социальная и политическая сферы. Главная цель, которую преследует кенийское правительство, заключается в том, чтобы к 2030 г. создать в стране конкурентоспособное на международной арене и процветающее общество с высоким уровнем жизни. В экономической сфере предполагается добиться устойчивого ежегодного 10% экономического роста. В социальной сфере планируется создать благоприятные условия для формирования сплоченного общества, получающего удовлетворение от равного социального развития. Наконец, в политической сфере предполагается создать ориентированную на индивида и его потребности демократическую политическую систему. Информационные технологии лежат в основании всех трех направлений. Без них поступательное социально-экономическое развитие страны не представляется возможным.

В этой связи особенно подчеркивается, что все нашедшие отражение в программе стратегические направления в той или иной степени базируются на применении новейших инновационных технологий. Насущной необходимостью «Видение 2030» называет введение учебных дисциплин, связанных с изучением основ компьютерной грамотности, в систему обучения в начальной и средней школе. Программа также уделяет вопросам компьютеризации кенийских школ, чтобы со временем в Кении выросло целое поколение людей, подготовленных для жизни и работы в информационном обществе. Также рассматриваемый документ предусматривает разработку целого комплекса мер, направленных на стимулирование использования современных информационно-телекоммуникационных технологий в научно-исследовательских центрах, университетах и коммерческих организациях⁶.

Похожий документ был принят и в Нигерии, однако в отличие от Кении, нигерийское правительство разработало программу развития страны до 2020 года. Согласно нигерийскому «Видению 2020» (Vision 2020) к 2020 г. экономика Нигерии должна войти в двадцатку ведущих экономик мира, быть способной играть ключевую роль в социально-экономическом развитии всего африканского континента, а также стать заметным игроком на глобальной экономической и

⁶ Kenya Vision 2030. Nairobi, January 2007. 20 p. // Ministry of State for Planning and National Development and Vision 2030. URL: <http://www.planning.go.ke>.

политической арене⁷. Способствовать решению этой задачи призваны современные информационно-телекоммуникационные технологии, которые должны стать эффективным инструментом, обеспечивающим устойчивое социально-экономическое развитие страны.

Большое внимание развитию информационных технологий в своей национальной политике уделяет и Гана. Еще в 2003 г. был принят специальный программный документ, нацеленный на построение в Гане общества, основанного на знании и информации⁸. В нем были поставлены четыре принципиальных вопроса:

1. Где мы находимся как нация?
2. Каковы наши цели как нации?
3. Когда мы их сможем достичь?
4. Что нам для реализации этих целей следует предпринять?

И на все вопросы дан один ответ – через развитие информационно-телекоммуникационного сектора. Таким образом, правительство Ганы видит в информационных технологиях эффективный инструмент, способный решить все перечисленные в Программе задачи:

- развитие социального сектора (образование, здравоохранение, снижение бедности);
- достижение устойчивого социально-экономического роста;
- реформирование системы органов государственной власти и налаживание более эффективного и быстрого предоставления государственных услуг населению;
- развитие системы электронного правительства и электронной торговли;
- развитие сектора услуг;
- развитие промышленности;
- развитие сельского хозяйства;
- развитие частного сектора;
- рост благосостояния нации;
- сокращение гендерного неравенства в социальной, экономической и политической сферах.

Примечательно, что указанное обстоятельство осознают не только более или менее развитые государства региона, такие как Ке-

⁷ Concept for Nigeria's Vision 2020 // Medical Association of Nigerians across Great Britain. URL: <http://www.mansag.org/downloads/Vision-2020.pdf>

⁸ The Ghana ICT for accelerated development policy. URL: http://www.nca.org.gh/downloads/Ghana_ICT4AD_Policy.pdf.

ния, Нигерия или Гана, но и такие беднейшие африканские страны, как, например, Гамбия⁹. Согласно рассчитанному ООН рейтингу уровня экономического развития в настоящее время Гамбия занимает 160-е место из 179 возможных и является одним из беднейших государств мира с объемом ВВП на душу населения в 360 долл. По данным Всемирного Банка, 67% населения страны живет за чертой бедности – на 1,25 долл. в день¹⁰. Однако, несмотря на достаточно тяжелое экономическое положение, правительство Гамбии предпринимает попытки формирования информационного общества, провозгласив развитие соответствующих технологий одним из важнейших направлений социально-экономического развития страны.

Но ни бедная Гамбия, ни располагающая богатыми нефтяными месторождениями Нигерия не имеют достаточных финансовых и технологических ресурсов для создания отвечающей современным требованиям и стандартам информационно-телекоммуникационной инфраструктуры. Тем не менее, несмотря на очевидное технологическое отставание от развитых государств Западной Европы и США, в последние годы целый ряд африканских стран стал прилагать значительные усилия по развитию и популяризации на своей территории современной системы телекоммуникаций.

1. Существующие модели информационного общества

Дискуссии относительно характера национальных концепций информационного общества между представителями промышленно развитых стран на самом высоком уровне развернулись достаточно давно. Еще в 1993 г., на конференции, проходившей под эгидой Международного телекоммуникационного союза, стали вырабатываться первые рекомендации, которым надлежало следовать государствам при формировании основ своей национальной информационной политики. В частности, рекомендовалось:

1. уделять особое внимание развитию на своей территории системы дистанционного образования для того, чтобы учебные заведения и преподаватели были доступны любому потенциальному студенту вне зависимости от географической удаленности;

⁹ Гамбия – самое маленькое государство в континентальной Африке. Его площадь составляет всего 11,3 тыс. кв. км, а численность населения – 1,7 млн чел.

¹⁰ World Bank. URL: <http://web.worldbank.org>

2. координировать создание электронных библиотек и музеев для того, чтобы произведения литературы и искусства были доступны из любой точки земного шара;
3. развивать систему электронной торговли;
4. создать институт «электронного правительства»;
5. сделать доступным в интерактивном режиме предоставление медицинских и социальных услуг;
6. создавать условия для дистанционных трудовых отношений;
7. создавать условия для активного применения современных информационных технологий в деловых кругах¹¹.

За конференцией 1993 г. последовал целый ряд других международных саммитов и встреч, на которых обсуждались проблемы формирования мирового информационного порядка и пути интеграции в него. Активизация этих дискуссий убедительно свидетельствует о том, что развитие национальной и глобальной информационной инфраструктуры становится стратегической целью государства.

При этом страны Западной Европы, которые стремились занять лидирующие позиции в формирующемся мировом информационно-коммуникационном пространстве, не желая дальнейшего усиления США, стали вырабатывать собственные концептуальные основы информационного общества. Так, в опубликованном в декабре 1993 г. докладе «Рост, конкурентоспособность, занятость – вызовы XXI века и пути в него» подчеркивалась чрезвычайная важность разработки концепции построения информационного общества. В качестве основных преимуществ нового общества указывались, в частности, рост конкурентоспособности, увеличение общего числа рабочих мест и связанное с этим улучшение качества жизни каждого европейца¹².

В 1994 г. Европейская комиссия по интеграции городов в информационное общество разработала план действий «Европейский путь в информационное общество». Этот важный документ во многом и определил дальнейшее развитие европейских концепций информационного общества. Он также известен как «Инициатива Бан-геманна», по имени одного из руководителей этой Комиссии.

¹¹ Чернов А.А. Основные историко-теоретические этапы развития концепций глобального информационного общества // Информация. Дипломатия. Психология / Отв. ред. Ю.Б. Кашлев. М., 2002. С. 43.

¹² Там же. С. 42.

Этот план предусматривал следующие действия¹³.

1. Создание нормативно-правовой базы (системы информационного законодательства).

2. Развитие информационно-телекоммуникационной инфраструктуры.

3. Изучение социальных и культурных аспектов информационного общества. Тем самым признавалось, что не следует сводить понятие информационного общества только к товарному статусу информации. За информационным обществом должно закрепиться представление как о важном культурном феномене.

4. Пропаганда концепции информационного общества среди населения с целью заручиться общественной поддержкой. Это говорит о том, что в условиях информационного общества должна произойти качественная перемена в мышлении людей, которые должны быть потенциально готовы к постоянному внедрению новых, более совершенных информационно-коммуникационных систем.

За «Инициативой Бангеманна» последовало обсуждение проблем информационного общества на встрече «Большой семерки» в Брюсселе в феврале 1995 г., на которой, основываясь на принятых ранее планах действий, были выработаны базовые принципы, которые должны быть учтены при создании национальных концепций информационного общества.

Среди прочего, государству на национальном уровне рекомендовалось:

1. разработать гибкое, способное к адаптации к быстро меняющейся ситуации информационное законодательство;

2. содействовать развитию конкуренции в информационной сфере;

3. поощрять частные инвестиции в развитие информационной инфраструктуры;

4. обеспечить открытый и свободный доступ своих граждан к информационным ресурсам и сетевым технологиям;

5. принимать активное участие в обсуждении международных проблем построения глобального информационного общества.

¹³ Скиден У. Глобальный вызов Бангеманна: о международной программе Европейской комиссии по интеграции городов в информационное общество // Информационное общество. 1999. Вып. 4. С. 11.

Понятно, что все эти предложения должны быть конкретизированы на национальном уровне с учетом местной специфики и культурных особенностей каждого государства. Ведь именно особенности национальной культуры и менталитета во многом определяют дальнейшее развитие информационного общества.

Так, в Европе во второй половине 1990-х гг. появился целый ряд национальных концепций вхождения в информационное общество. В частности, со своими предложениями выступили Германия, Франция, Великобритания, Австрия, Чехия. Основные задачи, сформулированные в перечисленных концепциях, можно свести к следующим:

1. развивать и постоянно совершенствовать имеющуюся информационно-телекоммуникационную инфраструктуру;

2. создать необходимые условия для внедрения института электронной торговли;

3. обеспечить переход к обучению в течение всей жизни, который необходим в условиях информационного общества;

4. создать эффективную нормативно-правовую базу, регулирующую, в частности, права на интеллектуальную собственность, защиту данных и тайну личной жизни, а также распространение информации вредного и незаконного содержания;

5. установить определенные правила построения информационного общества, т. е. выработать основные принципы государственной информационной политики;

6. сотрудничать в этой сфере с другими государствами¹⁴.

Кроме европейских стран и США, со своими национальными концепциями информационного общества выступил целый ряд азиатских государств: Южная Корея, Тайвань, Сингапур, а также Япония и Индия. В последние годы заметно активизировали процесс разработки национальных стратегий по развитию информационных технологий некоторые страны Африки (Кения, Нигерия, Гана, Гамбия, Сенегал, Танзания, Маврикий).

С целью проведения определенной систематизации различных по своему содержательному наполнению национальных концепций информационного общества их принято подразделять на четыре основные типологические модели: англосаксонскую, континенталь-

¹⁴ *Вершинская О. Н.* Существующие модели построения информационного общества // Информационное общество. 1999. Вып. 3. С. 54.

ную, азиатскую и латиноамериканскую, осуществляя группировку по регионально-культурному принципу.

Англосаксонская модель построения информационного общества основывается на полной либерализации рынка информационных технологий. Роль государства сводится исключительно к защите конкурентной среды. Основополагающим принципом всей идеологии построения информационного общества является акцент на техническом обеспечении, на создании сетей, информационных супермагистралей. Отличительной чертой данной модели считается наличие гибкого законодательства, которое обеспечивает главенство личной инициативы. В странах англосаксонской системы «государство должно как можно меньше вмешиваться в процесс развития информационного общества, роль государства ограничивается созданием условий для расцвета рыночных сил»¹⁵. Таким образом, государству в телекоммуникационной сфере отводится весьма незначительная роль.

Однако, по нашему убеждению, чрезмерная либерализация информационного сектора скрывает в себе опасность полной утраты контроля над дальнейшим процессом внедрения и совершенствования современных информационно-телекоммуникационных систем, а самое главное – над содержанием распространяемой посредством новейших информационных технологий информации, тем самым ставя под угрозу информационную безопасность страны.

Надо сказать, что в информационном секторе стран континентальной Европы также наметилась общая тенденция к либерализации данного вида деятельности. При этом европейские страны, и именно в этом заключается отличительная черта **континентальной модели** построения информационного общества, стремятся найти определенный баланс между контролем со стороны государства и рынком, пытаясь сочетать государственные и рыночные силы, роль каждой из которых меняется со временем.

Для этой модели характерно жесткое законодательство, регламентирующее личную инициативу. В целом ряде правительственных отчетов особо подчеркивается, «что рынку нельзя позволить взять контроль над стратегией разработки инфомагистралей, однако эта стратегия должна учитывать возможности рыночных сил»¹⁶. Подоб-

¹⁵ Там же. С. 56.

¹⁶ Там же. С. 55.

ное положение присутствует, в частности, в отчете датского правительства «Информационное общество 2000». Франция также отводит правительству определяющую роль в распространении на своей территории современных информационных технологий. Однако французское правительство выступило с инициативой повсеместного внедрения собственно французской информационной системы Минител как определенного противовеса глобальной сети Интернет. Испанское правительство видит свою основную задачу в том, чтобы Интернет перестал носить элитарный характер, сделался бы общедоступным. Подобной точки зрения придерживаются и в Швеции, в правительственном отчете которой «предлагается введение переходного периода, во время которого правительство берет руководство на себя и является гарантом интересов не только рынка, но и индивидуумов»¹⁷.

Таким образом, европейская континентальная модель построения информационного общества в своей основе строится на жестком государственном регулировании распространения современных информационных технологий с возможностью последующей либерализации и приватизации информационно-телекоммуникационного сектора экономики. Отмечается, что государство ни в коем случае не должно отказываться от своей регулирующей функции. Именно государству, а не транснациональным корпорациям, следует определять «правила игры» на информационном рынке, предотвращать его монополизацию и, посредством развития и постоянного совершенствования системы информационного законодательства, гарантировать свободный и равный доступ всех своих граждан к информационным ресурсам страны. Государству надлежит выполнять регулирующие и контролирующие функции с целью недопущения монополизации информационного рынка, а деловым кругам следует сосредоточиться на осуществлении финансирования информационного сектора экономики, постоянно развивая и совершенствуя современные информационно-телекоммуникационные системы и сети. В результате должно оформиться партнерство между государством и частным бизнесом.

В основе **азиатской модели** также лежит идея сотрудничества государства и предпринимателей. Государство участвует в принятии решений в области крупных вложений частного капитала. Кроме того, государство принимает активное участие в создании матери-

¹⁷ Там же.

альной и социальной инфраструктуры. При этом основной упор в процессе информатизации делается на повседневные нужды людей, на разработку и внедрение информационных технологий, способствующих повышению качества жизни населения.

Азиатские страны основывают свою концепцию информационного общества «на отрицании западных норм, на утверждении собственных ценностных ориентаций и стремлении разработать новый подход к индустриализации и социальному развитию»¹⁸.

Наконец, в основе четвертой, **латиноамериканской модели** построения информационного общества, лежат два принципа: приватизация, т.е. передача государственных предприятий в частные руки, и либерализация – устранение препятствий для вхождения на рынок информационно-коммуникационных технологий новых участников, которые должны составить конкуренцию монопольным производителям тех или иных видов товаров или услуг. Однако развивающиеся страны не имеют возможности контролировать проведение приватизации и либерализации, которые грозят перерасти в стихийный необратимый процесс. «Опыт показал, что те страны, которые пытались одновременно проводить приватизацию и либерализацию, потерпели неудачу и растянули достижение этих целей во времени»¹⁹. Эти страны не располагали тем потенциалом, который необходим для грамотного проведения процессов приватизации и либерализации. Для них, как нам представляется, более целесообразным было сохранение жесткого государственного регулирования информационного сектора при одновременном постепенном расширении конкурентной среды в этой сфере экономики. Но любая частная инициатива должна контролироваться государством.

Можно констатировать, что в современном мире достаточно четко прослеживается общая тенденция к либерализации информационно-телекоммуникационного сектора. Модели построения информационного общества отличаются, по сути, только отношением государства к этому процессу, что неизбежно приведет к размыванию границ между отдельными типологическими моделями и будет свидетельствовать об окончательном закреплении лидирующих позиций в информационном секторе стран англосаксонской системы.

¹⁸ Там же. С. 57.

¹⁹ Там же.

Надо сказать, что для этого сложились определенные предпосылки. Во-первых, концепция информационного общества на теоретическом уровне была разработана и предложена американскими учеными (в качестве примера приведем имена таких выдающихся исследователей информационного общества, как Д. Белл и М. Кастельс). Во-вторых, глобальная информационная сеть Интернет обязана своим появлением американским специалистам Министерства обороны. А лидирующие позиции в мире по продажам программного обеспечения занимает американская корпорация Microsoft.

Понятно, что США не без основания претендуют на статус информационной сверхдержавы. Ни континентальная Европа, ни развивающиеся страны не способны создать США достойную конкуренцию в области информационно-коммуникационного производства. На наш взгляд, изначально представление европейских правительств о сильной роли государства в распространении информационных технологий было верным. Однако дальнейший курс на всеобщую либерализацию информационно-телекоммуникационного сектора скрывает в себе опасность полной утраты государством контроля над процессом внедрения и совершенствования современных информационно-телекоммуникационных систем, а главное – над содержанием распространяемой посредством новейших информационных технологий информации, что ставит под угрозу информационную безопасность страны. Границы континентальной Европы, следующей подобному сценарию, будут открыты для бесконтрольного потока американской информационной продукции и информационных технологий в ущерб национальным производителям данного вида продукции.

Что касается общей оценки приведенной выше классификации, то, с нашей точки зрения, она является достаточно подробной и в полной мере отражает, с одной стороны, цивилизационные особенности тех или иных регионов, стран и народов, а с другой – некоторые общемировые тенденции, наметившиеся в информационно-коммуникационной сфере. Однако и у нее есть определенные недостатки. В частности, она не учитывает страны Африки, тогда как на самом деле было бы ошибкой попросту игнорировать этот большой по территории, богатый природными ресурсами, имеющий высокую плотность населения и одновременно наименее развитый континент.

В этой связи, для того чтобы приведенная классификация имела законченный характер и учитывала в той или иной степени все регио-

ны планеты, представляется необходимым выделить пятую модели построения информационного общества – **африканской**. Ее ключевая особенность состоит, на наш взгляд, в самом отношении африканских политических лидеров к современным информационно-телекоммуникационным системам. С одной стороны, странами Африки изначально был взят курс на осуществление жесткого государственного регулирования информационно-телекоммуникационного сектора экономики. С другой стороны, во многом под давлением ведущих мировых держав, стремящихся закрепиться на африканском информационном рынке и оказывающих широкую поддержку в создании современной информационно-коммуникационной инфраструктуры в Африке, большинство африканских государств были вынуждены пойти на известную либерализацию этого сегмента. Однако процесс либерализации имеет как положительную, так и отрицательную сторону.

Как либерализация, так и глобализация «мировой экономики открывают широкие возможности для повышения темпов экономического развития, что обусловлено расширением рыночных возможностей для экспорта и содействия притоку иностранных инвестиций. В то же время большинство африканских стран могут оказаться не в состоянии пользоваться этими возможностями, т.к. последние, в конечном счете, зависят от конкурентоспособности в международном плане. Экономический потенциал африканских стран очень слаб в этом отношении по ряду причин, и этот фактор может явиться основным препятствием, ограничивающим использование возможностей либерализации и глобализации»²⁰.

Нельзя сказать, что африканские страны на момент начала реформ по либерализации рынка не осознавали указанного обстоятельства. Сначала они пытались контролировать процесс либерализации и приватизацию находящихся в собственности государства предприятий. Однако на примере телекоммуникационного сектора многих африканских стран отчетливо видно, что при видимом сохранении у государства отдельных рычагов управления информационным рынком, де-факто, во многих странах рассматриваемого региона «контролируемая либерализация» телекоммуникационной индустрии сменилась полной либерализацией; в ходе которой информационно-

²⁰ Африка в современном мире и российско-африканские отношения / Под ред. Т.Л. Дейча. М., 2001. С. 53.

телекоммуникационный сектор экономики большинства африканских стран практически полностью перешел под контроль крупных транснациональных телекоммуникационных предприятий.

Это может свидетельствовать лишь о том, что у стран Африки нет четко выраженных национальных приоритетов и стратегий в развитии информационных технологий. Вместо этого они предпочитают перенимать зарубежный, прежде всего западный и, отчасти, азиатский, опыт построения информационного общества. Однако слепое просеивание континентальной, англосаксонской или азиатской моделей без учета африканской специфики не может привести к положительным результатам.

Это значит, что странам Африки необходимо разработать свой самобытный путь в информационное общество, который, с одной стороны, может и, безусловно, должен учитывать западный опыт, но, с другой, африканским странам, исходя из своих национальных стратегических интересов, необходимо выработать собственное представление о том, каким образом и в каком объеме на их суверенной территории будут развиваться новейшие информационные технологии в целом и глобальная сеть Интернет в частности.

Понятно, что в масштабах целого континента выработка единой общафриканской модели информационного общества маловероятна. Этому препятствует целый ряд как объективных, так и субъективных обстоятельств. Назовем лишь некоторые из них: это и общий не очень высокий уровень социально-культурного и экономического развития большинства африканских государств, и время от времени возникающие в Африке вооруженные конфликты, из-за которых об этом регионе сложилось представление как о континенте перманентной напряженности. Однако, несмотря на изложенные выше факты, можно с определенной долей уверенности утверждать, что большинство африканских стран видят в развитии на своей территории современных информационных технологий одно из неперенных условий обеспечения устойчивого социально-экономического роста.

По понятным причинам из всех стран континентальной Африки наиболее впечатляющих успехов в развитии информационных технологий добилась Южноафриканская республика, где действует целый ряд Интернет-провайдеров, в числе которых выделяются M-Web и Kalahari.net. К тому же правительство ЮАР взяло курс на усиление конкуренции телекоммуникационных компаний и развитие Интернет-

экономики. Основные составляющие этой новой политики – снижение тарифов и облегчение процесса лицензирования новых Интернет-провайдеров. Эти меры, по мнению правительства, должны способствовать созданию новых компьютерных сетей, появлению новых Интернет-компаний, что, в конечном итоге, должно обеспечить быстрое развитие Интернета и электронной коммерции в стране.

Определенных успехов в развитии информационных технологий добились и страны Северной Африки, среди которых лидером является Тунис, следом за ним идут Египет и Марокко. Таким образом, можно выделить южноафриканскую и североафриканскую модели построения информационного общества.

Что касается стран Тропической Африки, следует признать, что по уровню развития информационных технологий они существенно отстают от ЮАР и государств Северной Африки. Выделение самостоятельной тропеоафриканской модели информационного общества, возможно преждевременно, но определенные предпосылки к ее возникновению имеются: некоторые государства рассматриваемого региона добились определенных успехов в этом направлении. Однако в Тропической Африке, как ни в каком другом регионе континента, прослеживается неравномерность в распространении информационных технологий, что в конечном итоге препятствует полноценному включению этого региона в глобальный информационный обмен.

В Западной Африке лидирующие позиции в информационно-коммуникационной сфере занимают Сенегал, Гана, Камерун и Габон, а Гвинея и Либерия отстают. В Восточной Африке наибольшее распространение Интернет получил в Кении и Уганде, а также в Танзании и Эфиопии. Самым же слабо развитым субрегионом является Центральная Африка, государства которой (Чад, ЦАР) существенно отстают по уровню развития информационных систем.

Сложившаяся ситуация представляется достаточно закономерной. «Столь примечательное географическое распределение Интернет-населения с его концентрацией на юге и на севере Африки объясняется, прежде всего, более развитой инфраструктурой в этих регионах и более высоким уровнем экономического развития, а, следовательно, и доходов граждан»²¹.

²¹ *Абрамова И., Поликанов Д.* Африка в век информационных технологий: возможность прорыва // *Азия и Африка сегодня*. 2001. № 8. С. 16.

К интеграции в глобальное информационно-коммуникационное пространство на сегодняшний день готовы только ЮАР, Маврикий, Сейшельские острова и отчасти страны Северной Африки. Что же касается даже наиболее развитых государств Тропической Африки, основным препятствием на пути к построению информационного общества является отсутствие четкого представления о том, каким в конечном итоге это общество должно быть.

В целом, давая общую оценку будущего информационных технологий в странах Тропической Африки, принято выделять три основных подхода²². Первый, который можно назвать оптимистическим, предполагает, что дальнейшее развитие информационных технологий неизбежно приведет к положительным результатам и что африканские страны за счет новейших технических средств связи смогут повысить свое благосостояние. Однако это нам представляется маловероятным. Очевидно, что без поддержки западных держав государства Тропической Африки не смогут решить стоящие перед ними задачи создания новейших высокотехнологичных информационных систем. Определяющая роль в этом процессе отводится Всемирному банку и таким глобальным международным организациям, как ООН и ЮНЕСКО.

Всемирный банк, например, объявил о своем решении начать первый этап построения телекоммуникационной системы на юго-востоке Африки. Банк планирует инвестировать сумму в размере 164,5 млн. долл., которой, по мнению его экспертов, должно хватить на построение широкополосной сети в трех странах континента — Кении, Бурунди и Мадагаскаре. Помимо вышеназванных стран, Всемирный банк намерен обеспечить Интернетом Анголу, Ботсвану, Коморские Острова, Демократическую Республику Конго, Джибути, Эритрею, Зимбабве, Лесото, Малави, Маврикий, Мозамбик, Намибию, Руанду, Сомали, Судан, Свазиленд, Танзанию, Уганду, Замбию, увеличив размер инвестиций до 420 млн. долл. Дату завершения строительства «всемирной паутины» во Всемирном банке не называют, но отмечают, что регион станет последней точкой на Земле, которая будет подключена к Интернету. Эта программа получила название «Regional Communications Infrastructure Program» (RCIP) и является рекордной по своим масштабам. На ее долю приходится

²² Там же. С. 15.

около 10 % от всего объема финансирования, которое выделяется Всемирным банком Африке²³.

Второй подход – пессимистический – предполагает дальнейшее увеличение «цифрового разрыва» между информационно богатыми и бедными странами. Сторонники данной точки зрения считают, что государства, которые не располагают на своей территории развитой телекоммуникационной инфраструктурой и не имеют возможности в кратчайшие сроки ее создать, будут продолжать скатываться на периферию мировых информационных процессов и подвергаться дальнейшей маргинализации²⁴.

В основе третьего подхода лежит идея о том, что не информационные технологии должны менять общество, а самому обществу следует их адаптировать в соответствии со сложившимися условиями. На наш взгляд, данная точка зрения представляется достаточно оправданной, и только в этом случае у африканских стран появляется возможность построить на своей территории информационное общество, приспособив находящиеся в их распоряжении информационные технологии к нуждам местного населения, поскольку именно от того, как ими распоряжаться, будет зависеть и получаемый эффект. И только в этом случае сохраняется надежда на появление в странах Африки такой концепции информационного общества, которая наиболее полно отражала бы культурную идентичность африканских народов и не являлась бы простым копированием западных аналогов, давая ведущим мировым державам возможность укрепить свои позиции в регионе.

2. Проблемы цифрового разрыва: попытка теоретического осмысления

Известный американский социолог Д. Белл еще в 1973 г. в своем фундаментальном труде «Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования» предсказал, что со временем произойдет постепенная переориентация производства от материаль-

²³ Всемирный Банк выделит \$420 млн на интернетизацию последних уголков мира, не имеющих выхода в Сеть // Новая политика: Интернет-журнал. 04.04.2007. URL: <http://www.novopol.ru/-vsemirnyiy-bank-vyidelit-mln-na-internetizatsiyu-posl-text18690.html>

²⁴ Лебедева Э., Эльянов А. Тропическая Африка: вечный маргинал? // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 6. С. 97-104.

ной сферы в сторону сферы услуг²⁵. А в 1980 г. в своей новой работе Белл уже очерчивал «социальные рамки информационного общества». Именно в этом труде он впервые охарактеризовал постиндустриальное общество как информационное, основанное на телекоммуникациях, в котором знание и информация приобретают товарный статус²⁶.

Однако изначально было очевидно, что быстрое развитие информационных технологий будет характерно, прежде всего «для стран с динамично развивающейся экономикой и сравнительно развитой социальной структурой обществ. В этих странах, как правило, развиты те сектора народного хозяйства, которые получают наибольшую выгоду от интернета, например, туризм или внешне-торговый сектор»²⁷. Закономерно, таким образом, что новейшие информационно-коммуникационные технологии могут появиться только в развитых благоустроенных обществах.

Как следствие, за очень короткий срок на Западе произошел качественный прорыв в развитии новейших информационных технологий, средств связи нового поколения, глобальной сети Интернет; было создано огромное количество сетевых газет и журналов, теоретически доступных любому пользователю сети из любой точки мира. Что же касается стран Африки, то очевидно, что в большинстве своем аграрные африканские общества вряд ли обладают или в ближайшей перспективе будут обладать собственной развитой самобытной социальной структурой, имеющей потребность в постоянном использовании современных информационных технологий.

«Рост информационных супермагистралей возобновил дискуссии относительно характера международных новостных потоков. Пока многие на Западе считают, что информационные супермагистралю способны ускорить глобализационные процессы, их коллеги из развивающегося мира в большинстве своем сходятся во мнении, что они стимулируют развитие глобальных медиа и культурного империализма»²⁸. Таким образом, информатизация, затронувшая пре-

²⁵ *Bell D. The Coming of Post-industrial Society. A Venture in Social Forecasting. New York, 1973.*

²⁶ *Bell D. The Social Framework of the Information Society. Oxford, 1980.*

²⁷ *Абрамова И.О., Поликанов Д.В. Интернет и Африка: параллельные реальности. М., 2001. С. 105.*

²⁸ *Nyamnjoh F.B. Africa's Media: Democracy and the Politics of Belonging. Pretoria, 2005. P. 7.*

имущественно развитые западные государства, привела к появлению нового типа неравенства – информационного.

Дело в том, что в своей основе концепция глобального взаимозависимого информационного общества исходит из следующей максимы: «информационная сеть имеет стандартные входы и выходы, допускающие подключение любых пользователей, а не только тех, кто обладает каким-нибудь особым статусом. Всякий, кто не может участвовать в этом обмене сигналами, рассматривается как помеха, как отщепенец. Такой человек вызывает раздражение, враждебность и вынужден обычно испытывать унижения»²⁹.

На наш взгляд, данное утверждение Эрнеста Геллнера применимо не только и не столько к конкретному индивиду, отказывающемуся в век информационных технологий от их повсеместного применения, но и к целым народам, которые в силу неблагоприятно сложившихся обстоятельств (географической удаленности, слабо-развитости) оказались не включенными в глобальное мировое информационно-коммуникационное пространство. В этом и заключается суть «цифрового разрыва», который как раз и отделяет тех, кто имеет доступ к информационно-коммуникационным технологиям и «может пользоваться их преимуществами, от тех, кто не имеет доступа к современным технологиям или по той или иной причине не может использовать их»³⁰. Подобной точки зрения придерживается, в частности, и Герберт Шиллер, который утверждает, что в эру высоких технологий информация сама по себе и информационные технологии как таковые создаются, прежде всего, для обеспеченной верхушки (как правило, таких людей меньшинство в процентном соотношении к общей численности населения) общества, которая и создает платежеспособный спрос на указанную продукцию³¹.

Наиболее отчетливо информационное неравенство между развитым Севером и бедным Югом стало проявляться во второй половине 1990-х гг. Однако следует особенно подчеркнуть, понятие «цифровой разрыв» характеризует не только технологическое отставание разви-

²⁹ Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Нации и национализм. М., 2002. С. 159.

³⁰ Питерс Т. Ликвидация «цифрового разрыва» // Глобальные проблемы. Эволюция Интернета: Электронный журнал государственного департамента США. 2003. Т. 8. № 3. Ноябрь. С. 29. URL: <http://usinfo.state.gov/journals/journalr.htm>.

³¹ Уэбстер Ф. Указ. соч. С. 165–216.

вающихся стран от развитых. «Цифровой дисбаланс» возникает и на региональном уровне, между странами континента, добившимися определенных успехов в развитии информационных технологий (ЮАР, государства Северной Африки), и менее развитыми государствами. Примечательно, что «цифровой разрыв» проявляется и в отдельно взятых обществах, например, между городским и сельским населением. Именно преодоление этого локального «цифрового разрыва» является, на наш взгляд, наиболее приоритетной задачей.

На сегодняшний день существует достаточно много определений, объясняющих природу «цифрового дисбаланса». Многие исследователи, в том числе и эксперты международных организаций, измеряют «цифровой разрыв» исключительно количеством телефонных линий, компьютерных сетей, общим числом абонентов сотовой связи и пользователей сети Интернет. Однако существует и целый ряд «социально-экономических признаков. Это пол, географическая принадлежность (городское или сельское население), уровень доходов и образования, возраст, род занятий»³².

Наиболее заметно «цифровой дисбаланс» проявляется на следующих уровнях: поколенческом (между молодым поколением, легко осваивающим современные инновационные технологии, и более пожилыми людьми); географическом (между технически оснащенными, имеющими доступ к современным информационно-телекоммуникационным системам крупными промышленными центрами и отдаленными сельскими территориями); образовательном (между высокообразованной элитой и малообразованными слоями населения); физиологическом (между физически полноценными и физически неполноценными людьми); лингвистическом (между англоязычными нациями и представителями других лингвистических культур)³³, а также гендерном (по уровню доступа к информации мужчин и женщин)³⁴. При этом каждое общество обладает собственным набором признаков.

³² Абрамова И., Поликанов Д. Африка в век информационных технологий... С. 18.

³³ Общество знания: от идеи к практике. В 3 ч. Ч. 1. Основные контуры концепции общества знаний / Под ред. В.В. Васильковой, Л.А. Вербицкой. СПб., 2008. С. 8.

³⁴ Плимо Н. Гендерные проблемы в информационном обществе. СПб., 2004. 102 с.

Таким образом, начавшаяся в 1990-х гг. «всеобщая информатизация» привела к известной маргинализации, дальнейшему увеличению разрыва между имеющим доступ к современным информационным технологиям Северу и информационно бедным Югом. Мир теперь стал делиться не только на экономически развитые и экономически отсталые регионы, но еще и на информационно богатые страны, имеющие доступ к современным компьютерным технологиям, и информационно бедные государства, развитие компьютерных систем и сетей в которых находится в зачаточном состоянии. Примером таких информационно бедных стран может служить подавляющее большинство стран Африки.

К сожалению, приходится констатировать, что «в последние десятилетия глобализация оказалась сопряжена с резким нарастанием материального, экономического и технологического неравенства, в результате чего в начале XXI столетия мир выглядит гораздо менее единым, нежели прежде»³⁵. Сегодня далеко не каждый человек имеет свободный доступ к современным информационно-телекоммуникационным системам. Это говорит о том, что к началу XXI в. Интернет так и не стал действительно *массовым* средством коммуникации. Наиболее значительных успехов в развитии современных информационных технологий добились страны с высоким уровнем доходов, в которых проживает всего 15% населения Земли. Именно в них сконцентрировано 96 % узлов Интернета, в том числе в США с 4,6% населения – 61,5%! Интернет практически все еще недоступен странам с низким уровнем доходов, где проживает 40,5% населения планеты и имеется всего 0,6% узлов. На 10 тыс. чел. здесь приходится всего 0,3 узла. Жители этих отсталых густонаселенных территорий оказываются практически полностью лишенными доступа к современным информационным технологиям, за исключением лишь узкого круга деловой и политической элиты³⁶. Согласно последним статистическим данным на долю Африки приходится всего 9,8% интернет-пользователей³⁷, что свидетельствует о том, что африкан-

³⁵ Иноземцев В. Л. Гуманитарные интервенции. Понятие, задачи, методы осуществления // Космополис. 2005. № 1. С. 22.

³⁶ Яковец Ю. В. Интернет в диалоге цивилизаций и становление интегрального социокультурного строя // Информационное общество. 2002. Вып. 1. С. 6.

³⁷ Internet World Stats. 2015. Internet users in Africa.

URL: <http://www.internetworldstats.com/stats1.htm>

ские страны продолжают оставаться на периферии мировых информационно-коммуникационных процессов.

Чтобы преодолеть технологическое отставание, государству надлежит проделать достаточно большой объем работы, направленной на сокращение «цифрового дисбаланса» между крупными промышленными центрами и отдаленными сельскими территориями, разработать целую систему мероприятий по внедрению основ компьютерной грамотности в средних и даже начальных учебных заведениях, а также активизировать процесс создания местного цифрового контента на местных языках.

Нельзя сказать, что страны Африки не осознают это обстоятельство. Во многих из них внедрению и популяризации современных информационных технологий отводится ключевая роль во всей системе социально-экономического развития. Страны Африки пытаются проводить реформирование системы среднего и начального образования, развивать собственную научно-технологическую базу, обеспечить всеобщий доступ к сети Интернет даже в самых отдаленных и труднодоступных территориях.

При этом, оценивая степень развитости африканских информационно-телекоммуникационных систем, следует не проводить сравнительный анализ с другими более развитыми регионами, но оценивать динамику развития информационных технологий в границах континента. Подобный подход дает возможность говорить о том, что определенных успехов в развитии на своей территории информационных технологий африканским странам добиться все-таки удалось.

Тем не менее, уровень развития Интернет-технологий даже в наиболее развитых в информационном плане африканских государствах, если не брать во внимание отдельно взятые крупные промышленные центры, вряд ли может свидетельствовать о готовности этих стран к равноправному участию в международном информационном обмене и к интеграции в глобальное информационное пространство.

Очевидно, что путь той или иной страны в информационное общество лежит не только и не столько через простое количественное увеличение телефонных линий и компьютерных сетей. На сегодняшний день Интернет в той или иной степени развит практически во всех африканских государствах. Однако сам по себе этот факт не может свидетельствовать о построении в Африке информационного общества. С нашей точки зрения, это может произойти только в том

случае, если Интернет в странах Африки превратится из информационного ресурса, изобретенного в государствах развитого мира и привнесенного в Африку наряду с другими, традиционными средствами массовой коммуникации (газетно-журнальная периодика, радио, телевидение) для нужд белого меньшинства, бывших колонизаторов, в самостоятельный социокультурный феномен с африканской спецификой. Достижение этой цели напрямую зависит от наличия в развивающихся странах четко продуманных государственных программ, стратегий и концепций развития с опорой не на западные образцы и стандарты, приводящие в большинстве своем к известной стандартизации культуры, а на национальные традиции и типологические модели. К сожалению, приходится констатировать, что в развивающихся странах большинство принимаемых концепций и стратегий по развитию информационных технологий в той или иной степени создаются под давлением либо с оглядкой на западные государства, заинтересованные в открытии новых перспективных медиарынков для своих компаний. Подобное обстоятельство создает серьезное препятствие на пути к равноправной интеграции стран Африки в глобальное информационно-коммуникационное пространство.

Интернет в странах Африки продолжает носить преимущественно элитарный характер. Его развитию препятствует целый ряд факторов. И главный из них – высокие затраты на доступ к сети, в связи с чем круг пользователей значительно сужается. В результате, основными пользователями сети Интернет в Африке по-прежнему остаются иностранцы, работающие в Африке, бизнесмены и представители политической элиты. За последние годы ситуация в регионе если и улучшилась, то незначительно. Африка по-прежнему является информационно отсталым регионом. «Это связано с высоким уровнем неграмотности, низким уровнем доходов населения и экономического развития государств и, как следствие, небольшой степенью распространения компьютерных технологий»³⁸.

Подобная картина выглядит весьма пессимистично, что, разумеется, не может не пугать сами государства рассматриваемого региона. В сложившихся условиях резонно возникает вопрос о роли государства в регулировании развития Интернета в Африке, по-

³⁸ *Абрамова И., Поликанов Д. Африка в век информационных технологий...*
С. 17.

скольку если оно будет и в дальнейшем занимать в распространении на своей суверенной территории современных информационных систем весьма пассивную позицию, это может привести к серьезному ослаблению его роли в информационной сфере и, как следствие, к усилению иностранного контроля над коммуникациями Африки. Крупнейшими поставщиками Интернет-услуг для Африки на сегодняшний день продолжают оставаться транснациональные корпорации: British Telecom, France Telecom, World Communications, Sprint и Cable and Wireless. Что касается хостинга, то значительная его часть (около 70%) осуществляется в США³⁹.

В настоящее время меньше 0,4% содержания Интернет-сайтов создается в Африке. При этом «большую часть этой продукции в широком смысле можно отнести к деловой информации. Это рассказ об инвестиционных возможностях, туристических маршрутах, гостиницах, природных красотах, животном мире»⁴⁰. Все вышеперечисленные факты, бесспорно, способствуют укреплению влияния индустриально развитых стран в регионе.

Сомнительно, что в ближайшее время сложившаяся ситуация кардинальным образом переменится. Самое главное, что к африканским государствам постепенно приходит понимание того, что развитию и продвижению Интернета от крупных экономических центров вглубь региона следует уделять приоритетное внимание.

В настоящее время во многих африканских государствах постепенно появляются национальные стратегии по развитию информационных технологий, однако их реализации препятствуют типичные для Африки проблемы – недостаточное финансирование, слабо развитая архаичная доиндустриальная инфраструктура, низкий уровень грамотности широких масс населения. Еще преждевременно говорить о полномправном включении Африки в систему международных информационных отношений. Пока можно только сделать вывод о том, что Интернет как культурный феномен в странах Африки известен. Но наличие Интернета в крупных городах явно не может свидетельствовать о готовности африканских государств к интеграции в глобальное информационно-коммуникационное пространство.

³⁹ Там же. С. 19-20.

⁴⁰ Поляков А. Виртуальная Африка // Эхо планеты. 2001. № 2-3. URL: http://www.africana.ru/konkurs/raboti/polyakov/Internet_Africa.htm.

3. Конструирование нового международного информационного порядка: проблемы и перспективы

В современном мире бытует мнение, что новейшие информационные технологии в своей совокупности образуют материально-техническую базу и инфраструктуру взаимозависимого и целостного международного сообщества XXI в., отличительная черта которого – глобализация. Благодаря возможностям инновационных технологий «современный производитель в большей степени вовлечен в управляемые производственные процессы и привязан к гигантам современной экономики. Он лучше образован и более информирован о глобальных экономических и политических тенденциях, макроэкономической конъюнктуре, о положении в своей отрасли»⁴¹.

Как известно, о глобализации впервые заговорили в экономической среде, после того как в мире усилились процессы интеграции рынка товаров и услуг, финансового капитала, активизировалась деятельность транснациональных корпораций. В этой связи, под глобализацией следует понимать «формирование глобального финансового рынка и рынка капиталов, свободный и эффективный перелив капиталов между странами и регионами, становление единой интегрированной системы наднационального регулирования международных валютных отношений, деятельность транснациональных компаний, транснациональных банков и международных многонациональных финансовых институтов и фондов»⁴². Совершенно очевидно, что подобное глобальное развитие мировой экономики не могло не сказаться и на других сферах жизнедеятельности человека, в том числе и на информационной.

Однако глобализацию можно также представить и как некий «странный процесс, ход которого подстегивается двумя противоположными позициями: либо выступлением за нее, либо выступлением против нее. Все противники глобализации пользуются вместе с ее сторонниками глобальными средствами коммуникации»⁴³.

⁴¹ Фитуни Л.Л. Проблемы развития сектора телекоммуникаций в экономике стран Африки: Автореф. канд. дис. М., 2005. С. 12.

⁴² Аверькова И. В. Адаптация стран Африки к процессам финансовой глобализации: Автореф. канд. дис. М., 2005. С. 10.

⁴³ Бек У. Политическая динамика в глобальном обществе риска // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 5. С. 16.

Критики современных глобализационных процессов высказывают не лишнее оснований предположение о том, что современная глобализация неизбежно приведет к «трансформированию мирового пространства в единое гомогенное образование, в котором находят свое отражение и свободно циркулируют потоки капиталов, товаров, услуг, идей и информации, формирующие собой международное институциональное, правовое и культурно-информационное поле»⁴⁴, в котором «весь мир выстраивается в соответствии с западной моделью»⁴⁵. На это обстоятельство указывают многие исследователи. В частности, они сходятся во мнении, что «современный глобализационный процесс характеризуют три универсальных признака: *интеграция* (объединение), *транспарентность* (проницаемость), *гомогенность* (однородность). Они также едины в том, что важной особенностью глобализации является тенденция, направленная на формирование единого информационного пространства»⁴⁶.

Однако мы предлагаем взглянуть на процесс глобализации с несколько иной точки зрения. Глобализация действительно означает интеграцию и известную транспарентность, поскольку одним из ключевых ее посылов является стремление к формированию единого финансово-экономического и информационно-коммуникационного пространства. Гомогенность же означает определенную унификацию, стандартизацию, в результате которой большинство стран неизбежно утратит свою культурную идентичность. Чтобы этого не произошло, необходимо более активное включение развивающихся государств в международный диспут о характере формирующегося нового международного порядка в целом и информационного общества, в частности. По большому счету, глобальное информационное общество должно явить собой совокупность его национальных и региональных вариантов. Подобную точку зрения впервые высказал Джон Мокир, определив знание на уровне общества как совокупность знаний всех индивидуальных членов общества⁴⁷. Рассуждая же о месте новейших

⁴⁴ Бусыгина И., Захаров А. Глобализация // Общая тетрадь. 2003. № 4. С. 93.

⁴⁵ Уэбстер Ф. Указ. соч. С. 366.

⁴⁶ Виноградова С. М., Мельник Г. С. Российское информационное пространство в условиях глобализации: некоторые аспекты развития // Глобализм в системе категорий современной культурологической мысли. СПб., 2005. С. 219.

⁴⁷ Мокир Дж. Общество знания: теоретические и исторические основы // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2004. Т. 2. № 1. С. 10.

информационных технологий в современном глобальном взаимосвязанном мире, можно с определенной долей уверенности утверждать, что «информационная революция и глобализация экономики трансформируют и как бы “сжимают” мир. В начале XXI века эти две силы придали новый импульс мощи Америки. Но со временем высокие технологии доберутся и до других стран и народов, а американское относительное преимущество уменьшится. Сегодня американцы представляют всего одну двадцатую населения земного шара, но почти половину пользователей Интернета в мире»⁴⁸.

Над этими весьма неутешительными статистическими данными стоит задуматься. Однако надо сказать, что в этом нет ничего удивительного. США, разработавшие глобальную сеть Интернет и новейшие наиболее популярные в мире компьютерные технологии, по вполне понятным причинам превратились в ведущую информационную супердержаву, расположенную на пересечении всех информационных магистралей. В частности, именно в США находится корпорация, имеющая полномочия регистрировать новые доменные имена – Internet Corporation for Assigned Names and Numbers (ICANN).

Практически все страны мира, которые претендуют на равноправные позиции в современном глобальном мире, не могут не осознавать указанное обстоятельство, в связи с чем, распространению новейших информационных технологий в национальных концепциях и стратегиях социально-экономического развития уделяется повышенное внимание. В частности, на сайте одной из африканских телекоммуникационных компаний размещен лозунг о том, что «Будущее Восточной Африки в развитии цифровых технологий» (East Africa's future is digital)⁴⁹.

Анализируя африканскую действительность, основываясь, в том числе на наших личных наблюдениях, сделанных во время предпринятых нами полевых исследований в Кении в апреле 2010 г., хотелось бы отметить, что информационные технологии в странах Африки за последние годы действительно сделали качественный рывок в своем развитии. Однако, с одной стороны, они так и не стали общедоступными, а с другой, они в большинстве своем основываются на западных образцах и стандартах и внедряются в африканское общество, прежде всего, за счет средств, поступающих из

⁴⁸ Най Дж. С. Гибкая власть. Новосибирск, 2006. С. 62.

⁴⁹ Eastern Africa Submarine Cable System (EASSy). URL: <http://www.eassy.org>.

западных стран, что ставит нарождающийся африканский информационно-телекоммуникационный рынок в прямую зависимость от иностранного капитала.

В этой связи представляются не лишними основания определенных опасения стран Африки относительно дальнейшего усиления мировых интеграционных процессов, поскольку они боятся оказаться быть выброшенными на периферию этих процессов. И именно с этим, на наш взгляд, связан тот факт, что на протяжении уже нескольких десятилетий развивающиеся страны выступают за пересмотр характера современных международных информационных отношений с тем, чтобы играть в них более заметную роль.

Первые подобные дискуссии начались еще в 1970-х гг., т.е. практически сразу после начала теоретического и политического диспута относительно природы информационного общества, еще задолго до того, как информатизация и обмен информацией стали принимать глобальный характер ввиду быстрого развития современных компьютерных технологий. Как теоретики международных отношений, известные экономисты, социологи и политологи, так и политические лидеры на многочисленных саммитах и конференциях, «пытались выработать принципы демократического и двустороннего обмена в области информации»⁵⁰. Эти дискуссии были обусловлены опасениями многих стран относительно того, что бурное развитие информационных технологий приведет к усилению полюсов богатства и бедности, которое примет новое измерение – информационное: за значительным усилением признанных лидеров информационно-коммуникационного производства – США, некоторых стран западной Европы (Великобритании, Германии, Франции) и Японии – последует неизбежное скатывание прочих государств на периферию мировых информационных процессов. Разумеется, ввиду чрезмерной материально-технической зависимости от зарубежного финансового капитала, первыми за пересмотр информационных отношений выступили страны Тропической Африки и прочие развивающиеся государства.

Возникновению самой идеи концепции нового международного информационного порядка предшествовала прошедшая в 1973 г. в Тампере (Финляндия) международная конференция по вопросам международного обмена кинопрограммами, на которой было приня-

⁵⁰ Шестаков В.П. Мифология XX в.: критика теории и практики буржуазной «массовой культуры». М., 1988. С. 208.

то заявление, в котором мировое сообщество признавало необходимость применения усилий с целью придания большего «равновесия и двусторонней направленности международным потокам в области коммуникации, в особенности в слаборазвитых странах земного шара <...> Право и долг каждого народа утверждать свою культурную судьбу в сбалансированном коммуникационном потоке как внутри отдельных стран, так и в глобальном масштабе»⁵¹.

Эти дискуссии во многом предопределили возникновение концепции нового международного информационного порядка, основное содержание которой сводится к «перестройке информационных отношений на принципах справедливости, демократии, ненасилия, высокой нравственности и духовности»⁵². При строительстве международных информационных отношений важно учитывать интересы всего мирового сообщества наций, а не привилегированных элит.

Примечательно, что идея нового мирового информационного порядка нашла своих сторонников и среди западных ученых. В частности, Герберт Шиллер заявил, что новый мировой порядок представляет собой попытку стран третьего мира поставить под свой контроль распространение информационной продукции на своей суверенной территории, но на Западе это вполне естественное стремление развивающихся стран установить контроль над своим культурным развитием, воспринимается как желание авторитарных, диктаторских режимов африканских стран лишить свои народы свободного доступа к информации, исходящей от более развитых, демократических западных государств⁵³. С похожими предложениями выступают представители немецкой политической науки П. Линке и А. Хофман, которые, проанализировав ситуацию, сложившуюся на африканском континенте в условиях мирового финансового кризиса 2008 г., пришли к выводу, что ни в коем случае «нельзя сидеть, сложа руки, надо анализировать ситуацию и искать альтернативу нынешней модели развития»⁵⁴.

Таким образом, в академических кругах также видят необходимость пересмотра сложившегося мирового порядка, поскольку толь-

⁵¹ Там же.

⁵² Яценко Н.Е. Толковый словарь обществоведческих терминов. СПб., 1999. С. 351.

⁵³ Цит. по: Уэбстер Ф. Указ. соч. С. 180.

⁵⁴ Цит. по: Сидорова Г.М. Мировой кризис, Африка и страны «Севера» // Азия и Африка сегодня. 2009. № 10. С. 56.

ко в этом случае, по мнению ученых, возможно в полной мере решить проблему социально-экономического развития африканских стран, с тем, чтобы они стали равноправными членами мирового сообщества, а не мировой периферией, сателлитами, сырьевыми придатками высокоразвитых государств. Однако, к сожалению, «объем участия Африки в мирохозяйственных связях определяется ее сырьевым потенциалом, и дальнейшая интеграция ее в мировую экономику еще долго будет связана с добычей минерального сырья и поставками на мировой рынок сельскохозяйственной продукции»⁵⁵.

Сам по себе термин «мировой порядок» появился достаточно давно. Еще в 1941 г. президент США Франклин Рузвельт охарактеризовал мировой порядок как «сотрудничество свободных стран, работающих вместе в дружеском цивилизованном обществе»⁵⁶. Однако дальнейшее развитие событий, крах колониальной системы и образование полюсов богатства и бедности, убедительно продемонстрировали невозможность создания подобного цивилизованного общества всеобщего благоденствия, о котором говорил Ф. Рузвельт.

В основе понимания концепции нового международного информационного порядка, на наш взгляд, лежит двоякая его интерпретация. С одной стороны, под этим термином следует понимать классическую концепцию постиндустриального информационного общества, предложенную Д. Беллом в его работах «Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования» (1973) и «Социальные рамки информационного общества» (1980), отличительной чертой которого является переход от производства максимального количества машин и вещей (материального производства) к производству в сфере услуг, когда информация становится главным товаром и сырьем одновременно. Однако, в основе западной концепции информационного общества изначально заложен принцип технологического превосходства. Связано это с тем, что именно страны Западной Европы, США и Япония наиболее активно занимаются разработкой новейших информационных технологий и систем связи и, ввиду этого, имеют возможность диктовать правила нового мирового информационного порядка, пришедшего на смену индустриальному.

⁵⁵ Николаев А. В. Проблемы формирования механизмов внешнеэкономической деятельности России в Африке: Автореф. канд. дис. М., 2005. С. 5.

⁵⁶ Лунд М. В защиту либерального интернационализма // Космополис. 2007. № 3 (19). С. 144.

Другая точка зрения на новый международный информационный порядок сводит это понятие к борьбе развивающихся стран за пересмотр современных информационных отношений в сторону учета их интересов при создании международных информационно-телекоммуникационных систем и внедрении информационных технологий. Таким образом, основная задача концепции нового международного информационного порядка сводится к некоторой структурной перестройке всей системы международных информационных отношений, направленной на то, чтобы предоставить развивающимся странам возможность равноправного участия в международном информационном обмене, а не выступать в роли пассивных получателей информации, предоставляемой ведущими западными информационными агентствами.

Еще в 1976 г. развивающиеся страны «высказались за расширение сотрудничества и укрепление международной безопасности, создание национальных и региональных систем подготовки журналистов, развитие обмена между неприсоединившимися странами в целях повышения доли их участия в международном обмене информацией, ограничение деятельности печатных монополий»⁵⁷.

А в 1979 г. в Гаване (Куба) на 6-й Конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран была принята резолюция о принципах нового международного информационного порядка. Эта резолюция провозгласила целый ряд основополагающих принципов, которые должны были быть заложены в основу международных информационных отношений. Среди них, в частности, принцип суверенитета и территориальной целостности государств, невмешательства во внутренние дела государств, права каждого государства развивать свою собственную систему информации, права каждого народа на быструю, объективную и полную информацию, равенства в международном информационном обмене и т.п. В резолюции «отмечается также стремление к более справедливому распределению средств информации в мире, развитию сотрудничества во всех областях информации на основе равенства и на всех уровнях – двустороннем, региональном и международном»⁵⁸.

⁵⁷ Михайлов С. А. Современная зарубежная журналистика: состояние и перспективы. СПб., 1998. С. 83.

⁵⁸ Ермишина Е. В. Международный обмен информацией. М., 1988. С. 57.

Однако при более детальном рассмотрении становится очевидным, что все эти принципы перекликаются с основополагающими принципами международного права, на основе которых должны строиться все международные отношения, в том числе и информационные. В этом смысле, развивающиеся страны не вырабатывают каких-либо новых совместных путей решения поставленных проблем. Таким образом, подобную резолюцию можно считать своего рода генеральной декларацией неприсоединившихся государств, выступающих за равноправные информационные отношения с развитым миром.

Следует также отметить, что резолюция эта принималась в непростых экономических условиях. В начале 1980-х гг. в странах Тропической Африки разразился глубокий промышленный кризис, и преодолеть его последствия странам рассматриваемого региона пришлось на протяжении довольно длительного времени, благодаря чему 1980-е гг. вошли в историю как «потерянное десятилетие» для африканских стран. Очевидно, что в сложившихся крайне неблагоприятных условиях не могло быть и речи о попытках претворения в жизнь основных принципов, изложенных в резолюции 1979 года. Африканские государства просто не имели никакой возможности, прежде всего финансовой, развивать свою собственную систему информации.

На встрече в Гаване была также принята Программа сотрудничества неприсоединившихся стран в сфере информационных технологий. Сотрудничество предусматривалось как на двустороннем, так и на многостороннем уровне. Однако наличие в африканском обществе огромного количества культурных, социально-экономических и этнических различий и противоречий препятствует усилению процессов внутриафриканской интеграции, которая бы способствовала созданию panaфриканской информационной системы.

На 7-й конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран, которая состоялась в Дели (Индия) в 1983 г., было принято решение о поэтапном снижении тарифов в области коммуникации, создании новых и укреплении существующих информационных агентств. Однако данные цели так и не были реализованы в полном объеме. Очевидно, что без развитой инфраструктуры странам Африки нечего и думать о снижении тарифов на коммуникацию. Этот вопрос африканские государства еще будут неоднократно поднимать на межправительственных конференциях различных уровней, об этой проблеме будет указано в программе Нового партнерства для развития Африки (НЕПАД), но реальных способов ее решения на сегодняшний

день так и не найдено. Можно давать сколько угодно поручений Африканскому Телекоммуникационному Союзу взять ситуацию под свой контроль, но от этого мало, что изменится. Все упирается в отсутствие на территории африканских стран развитой, современной информационно-телекоммуникационной инфраструктуры, системы коммуникаций, что не может не сказываться на существующих в регионе системах тарифных планов. Поэтому вполне понятно, что государства Тропической Африки намерены тесно сотрудничать в этом вопросе с ООН и ЮНЕСКО. Однако ведущая роль в этих организациях опять-таки принадлежит развитым западным державам, прежде всего Великобритании, Франции и США, которые будут и впредь лоббировать в регионе исключительно свои стратегические интересы.

Вот почему страны Африки с некоторым недоверием относятся к инициативам развитых стран, даже если те и действуют от имени международных организаций. На самом же деле, «одним из основных принципов оказания помощи развивающимся странам в их информационном развитии должен стать принцип всестороннего учета национальной специфики и конкретных нужд каждого государства»⁵⁹. Только в этом случае африканские государства смогут преодолеть свою информационную отсталость.

На 8 Конференции глав и правительств неприсоединившихся стран, которая состоялась в 1986 г. в Хараре (Зимбабве), был учрежден Межправительственный координационный совет неприсоединившихся стран по вопросам информации, приоритетное направление деятельности которого сводилось к укреплению сотрудничества «между неприсоединившимися странами в области информации и коммуникации в духе коллективной опоры на собственные силы»⁶⁰.

Но политика опоры на собственные силы оказалась несостоятельной, так и оставшись своего рода «декларацией о намерениях». Как известно, суть данной концепции сводилась к таким важным направлениям деятельности, как самообеспечение продовольствием, создание индустриальной базы, обеспечение суверенитета государства над природными ресурсами, увеличение объема внутриафриканской торговли, развитие транспорта и связи в целях региональной интеграции; а также «уменьшение привязанности экономики африканских стран к мировому хозяйству, ослабление негативного влия-

⁵⁹ Там же. С. 67

⁶⁰ Там же. С. 60.

ния внешних факторов роста и запуск внутренних движущих сил и механизмов регулирования общественного развития, опора на собственную материально-техническую базу»⁶¹. Однако слишком много факторов препятствовало успешной реализации данной стратегии, и прежде всего – социально-экономическая отсталость стран Африки, однотипная сырьевая ориентация национальных экономик, крайняя зависимость местных хозяйственных комплексов от бывших метрополий и других развитых государств, а также огромное количество противоречий, как идеологического, так и политического характера между отдельно взятыми африканскими странами «в условиях превращения Африки в плацдарм противостояния сверхдержав»⁶². С распадом Советского Союза противостояние закончилось, Россия на время покинула Африканский континент, но это не принесло значительного улучшения общего социально-экономического климата в регионе. Скорее, наоборот. Теперь африканским государствам пришлось рассчитывать исключительно на финансовую и технологическую помощь на нужды развития со стороны западных держав. И только активизация в последние годы африканской политики Китая и возвращение России в Африку привело к известному перераспределению баланса сил на континенте, но не к решению насущных проблем, стоящих перед большинством африканских государств.

На рубеже XX–XXI вв. дискуссии о месте стран Африки в современном глобальном взаимозависимом мире развернулись с еще большей интенсивностью. Они нашли отражение во всевозможных программных документах, принятых на конференциях, проходивших под эгидой ООН, ЮНЕСКО, а также на саммитах «Большой Восьмерки» и в рамках диалога ЕС-Африка.

Наконец, в 2001 г. была принята программа Нового партнерства для развития Африки (НЕПАД), цель которой – «помочь африканцам, посредством выработки единого представления о проблемах континента, снизить бедность и наставить свои страны на путь, ведущий к устойчивому росту и развитию»⁶³. В программе НЕПАД

⁶¹ Африка в 70-80-е гг.: становление национальной экономики и стратегия развития / Под. ред. Ан.А. Громыко. М., 1980. С. 33.

⁶² Лебедева Э. Плюсы и минусы модернизации // Азия и Африка сегодня. 1999. № 9. С. 39.

⁶³ NEPAD and the Future of Economic Policy in Africa / Ed. Sylvain H. Boko and Diery Seck. Trenton, USA. 2008. P. 9.

страны Африки впервые представили стратегию дальнейшего развития континента, а также платформу, которую, по их мнению, следовало положить в основу дальнейшего диалога Север-Юг.

Отличие программы НЕПАД от принятых ранее инициатив по развитию африканского континента, заключается в том, – и это обстоятельство признают, в том числе, ведущие мировые державы, – что в решении всех стоящих перед континентом проблем главную роль должны играть африканские страны. Именно им следует разрабатывать стратегии развития континента, а также различные Повестки Дня и Планы Действий. Задача же мирового сообщества, возглавляемого ведущими державами, заключается в том, чтобы помочь африканским странам, в том числе посредством значительной финансовой поддержки, в решении их наиболее насущных проблем.

Однако, как показала практика, африканские страны в большинстве своем открыли свои границы для крупных финансовых вливаний в область «высоких» технологий и пошли по пути простого проецирования западной модели развития. В результате, в Африке, среди обывателей, понятие «модернизация» зачастую подменяется термином «вестернизация» (“westernization” is “modernization”)⁶⁴.

При этом представляется очевидным, что для того чтобы занять в условиях глобализации мирового порядка более равноправные позиции странам Африки надлежит противопоставить свою самобытную африканскую культуру западным ценностям и стандартам, предложить свой альтернативный путь развития, основанный на глубоком понимании стоящих перед континентом проблем. Так, большинство лидеров африканских государств сходятся в том, что развитию информационных технологий на континенте следует уделять повышенное внимание. На наш взгляд, именно необходимость развития информационных технологий и выработка совместных путей формирования информационного общества в Африке могут стать той общей идеей, которая бы объединила страны региона.

Множество разногласий между африканскими странами препятствуют интенсификации процессов внутриафриканской интеграции, но некоторые успехи в этом направлении были достигнуты.

⁶⁴ См.: *Иноземцев В.Л.* Вестернизация как глобализация и «глобализация» как американизация // Вопросы философии. 2004. № 4. С. 58-69; *Adamu A.U.* Transglobal Media Flows and African Popular Culture. Kano, Nigeria, 2007. P. 85.

29 августа 2006 г. в Кигали (Руанда) группа африканских стран (Ботсвана, Демократическая Республика Конго, Лесото, Мадагаскар, Малави, Маврикий, Руанда, ЮАР, Танзания, Уганда, Замбия и Зимбабве) подписала особый протокол, направленный на развитие высокоскоростных линий связи на Востоке и Юге континента. Вступил в действие протокол в феврале 2008 года, после того, как он был ратифицирован большей частью стран, его подписавших. Кигалийский протокол был направлен, прежде всего, на содействие развитию линий широкополосной связи в Восточной и Южной Африке и создание благоприятных условий для деятельности частных инвесторов⁶⁵. Сам факт подписания соглашения убедительно свидетельствует о том, что африканские страны, по крайней мере, расположенные на Востоке и Юге континента, стремятся выработать единую стратегию развития новейших информационных технологий в своем регионе.

Что же касается стран Западной и Центральной Африки, то им не удалось выработать такого документа, как кигалийский протокол. В июле 2005 г. в Дакаре (Сенегал) состоялся международный симпозиум, на котором было принято решение о развитии в регионе системы современных широкополосных линий связи, но в связи с отсутствием ресурсов для реализации этого проекта не было выработано никаких конкретных предложений. Впрочем, такой сценарий развития событий был вполне предсказуем, хотя бы потому, что в Центральной Африке расположены наименее развитые африканские государства, включить которые в panaфриканское информационно-телекоммуникационное пространство достаточно сложно.

Принимая во внимание данное обстоятельство, страны, подписавшие кигалийский протокол, решили расширить его действие на другие африканские государства, объяснив это тем, что они преследуют цель развития системы широкополосной связи по всей Африке. Соответствующая резолюция была принята 15 октября 2007 г. в Йоханнесбурге (ЮАР) на встрече министров, отвечающих за развитие информационно-телекоммуникационного сектора стран, подписавших Кигалийский протокол. На этой встрече было подчеркнуто, что подписанный в Кигали протокол предусматривает развитие системы широкополосной связи не только на Юго-Востоке континента. К нему могут присоединиться и другие африканские государства.

⁶⁵ NEPAD E-Africa Commission [official site]: <http://www.eafricacommission.org>

Тем самым, есть надежда, что кигалийский протокол может в перспективе стать документом, положившим начало процессам реальной внутриафриканской интеграции и сотрудничеству между странами континента, поскольку этот документ направлен на решение общей для всех африканских государств проблемы, а именно, на развитие информационно-телекоммуникационной инфраструктуры и существенное улучшение качества связи как внутри Африки, так и с другими континентами. Принимая во внимание высокую затратность указанного проекта, ограниченный финансовый потенциал отдельных африканских стран и его чрезвычайную значимость для Африки в целом, представляется очевидным, что «планирование на наднациональном уровне и объединение ресурсов для финансирования приоритетных региональных проектов является наиболее реалистичной стратегией углубления региональной интеграции»⁶⁶.

По нашему мнению, только в случае интенсификации процессов внутриафриканской интеграции станет возможным создание единого panaфриканского информационно-коммуникационного пространства, в построении которого роль развитых западных держав, и это является неперенным условием, должна быть сведена к минимуму. При этом странам Тропической Африки не следует стремиться перенимать зарубежный, преимущественно западный, опыт построения информационного общества. Многолетний печальный опыт показал несостоятельность концепции «догоняющего развития» и сменившей ее «структурной перестройки» экономик африканских стран. Напротив, африканским государствам следует придать концепции информационного общества самобытные черты, основываясь на своих культурных ценностях и представлениях.

В последние годы страны Африки все чаще заявляют о своем стремлении самим определять ключевые направления дальнейшего хода своего социально-экономического развития и искать способы решения наиболее насущных африканских проблем. Ведущие мировые державы поддержали эту инициативу, выразили согласие оказывать поддержку разработанным самими африканскими государствами планам действий и стратегиям. Однако, как показывает практика, все инициативные предложения, с которыми выступают страны Аф-

⁶⁶ *Можаров А.Н.* Африка. Укрепить региональную экономическую интеграцию // *Азия и Африка сегодня*. 2009. № 11. С. 6.

рики – это, в большинстве своем, простое следование рекомендациям, выработанным на саммитах «Большой восьмерки» и в рамках диалога «ЕС-Африка». Последнее обстоятельство означает, что Африка по-прежнему продолжает ждать, когда мировое сообщество найдет приемлемое решение насущных проблем континента, в том числе и связанной с преодолением «цифрового разрыва». Но даже если такое решение, в конце концов, будет найдено, оно, скорее всего, будет означать исключительно глобальное решение глобальной проблемы, но не африканское решение африканской проблемы, и приведет к построению квазиинформационного общества, в котором реальную выгоду от использования информационных технологий получит политическая и деловая элита, в то время как широкие слои населения по-прежнему не будут иметь доступа к новейшим информационно-телекоммуникационным системам и средствам связи.

Наблюдается, таким образом, замкнутый круг. Страны Африки признают важность и необходимость развития на своей территории современных информационных технологий. Они верят, что последние сумеют изменить жизнь простых африканцев к лучшему, помогут встать на путь социально-экономического роста, но, не имея достаточного финансово-технологического потенциала, им так или иначе придется прибегнуть к помощи своих западных партнеров, которые, предоставляя указанную помощь, заставляют проводить выгодные им реформы по либерализации телекоммуникационного сектора с тем, чтобы на африканский рынок пришли западные телекоммуникационные предприятия со своими технологиями.

Сегодня можно констатировать, что к руководству стран Африки пришло понимание того, что современные информационные технологии следует рассматривать как эффективный инструмент, способный обеспечить устойчивый социально-экономический рост в регионе и решить многие стоящие перед континентом проблемы. Однако в то же самое время при определенном количественном росте общего числа линий высокоскоростной оптоволоконной связи, пользователей ПК, абонентов сотовой связи, локальный цифровой разрыв между городом и деревней по-прежнему остается достаточно большим, несмотря на многочисленные меры, направленные на его сокращение. На наш взгляд, указанное отставание является главным препятствием на пути поступательного развития сферы информационных технологий в Африке, поскольку реальную пользу от исполь-

зования новейших информационных систем получает только политическая и бизнес-элита, тогда как широкие слои населения по-прежнему остаются на периферии мировых информационно-коммуникационных процессов.

4. Формирование глобального информационно-коммуникационного пространства: международные стратегии развития

Сегодня существует много международных форумов, как на глобальном, так и на региональном уровне, на которых поднимаются актуальные вопросы конструирования мирового информационно-коммуникационного пространства. Определяющая роль в этом вопросе принадлежит ООН. В частности, «в рамках Специальной всеобъемлющей инициативы ООН для Африки предполагается выделение 11,5 млн. долл. на программу, направленную на применение информационных технологий для целей развития»⁶⁷. Подобные меры должны привести к сокращению разрыва между «информационно богатыми» и «информационно бедными» странами.

Важную роль в продвижении Интернет-технологий по африканскому континенту играет и Программа развития ООН (ПРООН), которая «выделила 6 млн. долл. на подключение африканских стран к интернету в рамках интернет-инициативы для Африки»⁶⁸.

Наконец, в 1996 г. по инициативе африканских стран Экономическая комиссия ООН для Африки (ЭКА) разработала Инициативу по созданию африканского информационного сообщества (Africa Information Society Initiative – AISI), общее содержание которой предписывало каждому африканскому государству, одоббившему данную Инициативу, разработать национальный план развития информационно-телекоммуникационной инфраструктуры, основываясь на своих национальных приоритетах. По смыслу своих разработчиков AISI – это не технология, но достаточно эффективное средство по улучшению качества жизни в африканских странах и по борьбе с бедностью.

Главная цель данной инициативы сводилась к тому, чтобы к 2010 г. каждый африканец, вне зависимости от пола, возраста, рода

⁶⁷ *Абрамова И., Поликанов Д.* Африка в век информационных технологий... С. 20.

⁶⁸ *Абрамова И., Поликанов Д.* Интернет и Африка: параллельные реальности. М., 2001. С. 137.

занятий, места проживания (город или деревня) имел бы доступ к современным информационным технологиям⁶⁹.

Основное внимание AISI уделяет анализу уровня развития новейших информационных технологий в разных африканских государствах. В этих целях в ноябре 2000 г. Международным исследовательским центром по проблемам развития совместно с Комиссией ООН для Африки при финансовой поддержке Европейского Союза была разработана инициатива по детальному анализу информационно-коммуникационных технологий (Scan-ICT initiative), в задачи которой входило изучение степени проникновения, воздействия и эффективности информационных технологий в африканских странах⁷⁰.

Значение подобной инициативы трудно преувеличить, поскольку только на основе детального изучения степени проникновения новейших телекоммуникационных технологий вглубь региона и отношения к ним простых африканцев можно разработать действительно эффективные национальные и региональные программы по внедрению информационных технологий на континенте. Но реализация этой инициативы столкнулась с нежеланием или неспособностью многих африканских государств принять участие в разработке национальных проектов и стратегий по созданию своих собственных независимых информационно-коммуникационных комплексов.

На сегодняшний день наиболее авторитетным международным форумом, на котором предпринимаются попытки поиска конкретных решений по сокращению «цифрового разрыва» и конструированию информационного общества, является инициированный Международным Телекоммуникационным Союзом Всемирный саммит по вопросам информационного общества (World Summit on the Information Society – WSIS). Задача этой встречи сводится к выработке конкретных предложений по развитию информационно-коммуникационных технологий в отдельных странах и регионах. Саммит проходил в два этапа. Первая встреча состоялась в Женеве в декабре 2003 г. По итогам была принята Декларация принципов построения информационного общества и основанный на них План

⁶⁹ Adesina J. O., Yao Graham, A. Olukoshi. Africa and Development. Challenges in the New Millennium: the NEPAD Debate. Pretoria-Dakar, 2005. P.185.

⁷⁰ Evaluation of the Implementation of the Geneva Plan of Action and Information Society Indicators // The African Regional Preparatory Conference for the WSIS. 31 January – 1 February 2005. URL: <http://www.moc.gov.gh/moc/wsis/accra/evaluation.PDF>

Действий. Построение информационного общества было признано глобальной задачей в новом тысячелетии. Участники саммита выработали целый ряд основополагающих принципов построения информационного общества, которые, впоследствии нашли свое отражение в принятом на том же саммите в Женеве Плане Действий.

Согласно одному из определяющих принципов, указанных в Декларации, за органами государственной власти закрепляется решающая роль в формировании информационного общества.

Другой принцип декларирует необходимость надлежащего развития информационно-телекоммуникационной инфраструктуры, которая является ключевым фактором построения информационного общества. Согласно этому положению государство должно взять на себя обязательство подключения к глобальной сети Интернет всей своей территории, включая отдаленную и порой труднодоступную, как в ряде стран Тропической Африке, сельскую местность.

Третий принцип построения информационного общества – это принцип открытости, подразумевающий обеспечение каждому равному доступа к информации и знаниям. Реализация данного принципа, с одной стороны, напрямую зависит от степени развитости информационно-телекоммуникационной инфраструктуры, предоставляющей техническую возможность для доступа к информационным ресурсам страны, а с другой стороны, от развития системы образования в обществе, дающей возможность индивиду освоить современные информационные технологии. Таким образом, без специальных знаний и технической возможности подключения к глобальной сети индивиду вряд ли удастся реализовать свое конституционное право на доступ к информационным ресурсам страны.

Именно необходимостью создать условия для того, чтобы индивид мог овладеть навыками, необходимыми для жизни и работы в информационном обществе, участники саммита в настоящей Декларации объяснили принцип наращивания потенциала, согласно которому за государством закрепляется обязанность создания таких условий.

Пятый принцип построения информационного общества связан с обеспечением безопасности в информационной сфере. Речь идет о том, что регулированию, как на национальном, так и на международном уровне, подлежат вопросы, связанные с правом свободного доступа к информации и знаниям, с тем, чтобы ненадлежащее выполнение указанного конституционного принципа не подрывало ос-

новы международной и национальной стабильности и безопасности. Отдельное внимание уделяется борьбе со спамом.

Следующий определяющий принцип построения информационного общества – формирование благоприятной среды, под которой следует понимать создание нормативно-правового поля, как на национальном, так и международном уровне, которое бы в полной мере регулировало информационные правоотношения.

Не менее важен провозглашенный в декларации принцип культурного разнообразия, согласно которому «информационное общество должно основываться на уважении культурной самобытности, разнообразия культур и языков, традиций и религий, стимулировать это уважение и содействовать диалогу культур и цивилизаций»⁷¹.

Отдельно в Декларации упоминаются и этические аспекты информационного общества, которые также отнесены к основополагающим принципам построения нового общества. В частности, вышеуказанный принцип предполагает соблюдение в условиях информационного общества при использовании информационных технологий основных прав и свобод людей, включая неприкосновенность частной жизни, право на свободу совести, мысли, вероисповедания, а также охрану банковской и коммерческой тайны.

Наконец, еще один важный принцип построения информационного общества – международное и региональное сотрудничество в этой сфере, согласно которому участники саммита взяли на себя обязательство оказывать всестороннюю поддержку созданию глобального информационного общества, в том числе предоставляя финансовую и техническую помощь менее развитым регионам планеты. При этом в Декларации особенно отмечалось, что способствовать этому процессу должна региональная интеграция. «Региональный диалог должен содействовать наращиванию потенциала на национальном уровне и приведению национальных стратегий в соответствие с целями настоящей Декларации принципов с учетом национальных и региональных особенностей»⁷².

Все провозглашенные в Декларации принципы были конкретизированы в принятом на саммите Плате Действий, который выносит

⁷¹ Декларация принципов построения информационного общества // Всемирный саммит информационного общества. Женева, 2003.

⁷² Там же.

на повестку дня целый ряд задач, связанных с подключением к современным информационно-телекоммуникационным системам и сетям деревень, сел, университетов, колледжей, школ, научных и научно-исследовательских центров, а также публичных библиотек, культурных центров, музеев, архивов, учреждений здравоохранения и больниц, органов государственной власти всех уровней. Отдельно в Плате Действий говорится о необходимости органичного инкорпорирования предметов, связанных с изучением современных информационно-коммуникационных технологий в учебные планы как высших, так и средних и даже начальных учебных заведений. Кроме того, разработчики рассматриваемого документа указывают на необходимость создания технических возможностей для того, чтобы как можно большее количество языков было представлено в сети Интернет. Отдельно в Плате Действий говорится о том, что все население планеты должно иметь возможность пользоваться радиоприемниками и телевизорами, и что хотя бы половина людей должны иметь доступ к современным информационным технологиям, вне зависимости от их достатка⁷³.

Однако понятно, что в полной мере представленные задачи способны реализовать только высокоразвитые государства, тогда как большинство африканских стран, по-видимому, будет довольствоваться тем лимитированным объемом помощи, которую им оказывают ведущие мировые державы. Данное обстоятельство заставило президента Сенегала А. Вада выступить с инициативой создания «Фонда цифровой солидарности». Средства Фонда предполагалось пополнять за счет средств частных поставщиков Интернет-услуг в размере 1% от сумм заключаемых ими контрактов. Взамен Интернет-провайдеры получали возможность использовать бренд «цифровая солидарность». Большая часть средств Фонда (60%) должна была идти на ликвидацию «цифрового разрыва», 30% планировалось использовать для финансовой поддержки развития информационных технологий в странах с переходной экономикой, а 10% - для финансирования глобальных информационных проектов, инициированных развитыми странами⁷⁴.

⁷³ Action Plan / World Summit on the Information Society. Geneva, 2003 // International Telecommunication Union [official site].

URL: <http://www.itu.int/ws/s/docs/geneva/official/poa.html>

⁷⁴ Сайт Посольства Сенегала в Москве: <http://www.ambassen.ru/eco/telecom.htm>

Фонд был зарегистрирован в Женеве в марте 2004 года.

Идея создания такого Фонда имела большой общественный резонанс и нашла достаточно широкую поддержку у целого ряда развитых и развивающихся стран. Первыми спонсорами этой новой финансовой организации стали Швейцария, Франция и Всемирный Банк. Правительство Швейцарии дополнительно перечислило по 1 млн. швейцарских франков Сенегалу, Мозамбику и Мали на строительство в этих странах мультимедийных центров.

Следующий раунд обсуждений проблемы конструирования информационного общества прошел 16-18 ноября 2005 г. в Тунисе. На нем было принято Тунисское обязательство и Тунисская Программа для информационного общества.

В Тунисском обязательстве стороны в очередной раз заявили о своем намерении создать «ориентированное на интересы людей, открытое для всех и направленное на развитие информационное общество», тем самым подтвердив свои обязательства, принятые в Женеве, по оказанию финансовой и технической помощи, направленной на сокращение «цифрового разрыва». Кроме того, было отмечено, что стороны будут и в дальнейшем продолжать планомерную работу, направленную на то, чтобы каждый индивид, вне зависимости от пола, возраста, расовой и социальной принадлежности из любой точки земного шара имел бы доступ к современным информационным технологиям и системам связи⁷⁵. В этой связи в Тунисе была разработана Программа для информационного общества, предложившая конкретные механизмы решения задач в области конструирования информационного общества в целом, и развития информационно-коммуникационных технологий и систем связи, в частности.

Особый упор в Программе делается на необходимость ликвидации «цифрового разрыва», требующей, по мнению участников саммита, «адекватных и устойчивых инвестиций в инфраструктуру ИКТ и услуги на базе ИКТ, а также создания потенциала и передачи технологии в течение многих предстоящих лет»⁷⁶.

В Программе указывается на ряд приоритетных областей в сфере развития информационных технологий, требующих значительных финансовых вливаний. В первую очередь, поднимался вопрос об

⁷⁵ Тунисское обязательство...

⁷⁶ Тунисская программа...

оказании финансовой поддержки таким важным для континента программам, как глобальное реформирование системы образования в Африке, связанное с внедрением в процесс обучения современных инновационных технологий, с модернизацией школ и высших учебных заведений, а также с организацией специализированных IT-курсов, ориентированных на обучение навыкам работы с современной компьютерной техникой профессорско-преподавательского состава, работников государственного аппарата, простых служащих.

Отдельно указывается на необходимость обеспечения доступа к современным информационно-коммуникационным технологиям в отдаленной сельской местности; на создание региональной магистральной телекоммуникационной инфраструктуры, которая бы связала соседние государства в единую региональную сеть; на дальнейшее развитие широкополосной системы связи; а также на разработку и внедрение компьютерных приложений, которые бы позволили более активно применять современные информационные технологии во всех сферах жизнедеятельности общества. При этом, в настоящей программе особенно подчеркивалась необходимость и важность ведения, в том числе и развивающимися государствами, местных разработок компьютерных программ и новых видов информационных технологий с учетом национальных социокультурных особенностей и нужд местного населения и предпринимателей. Отдельно говорилось и о важности создания нормативно-правовой базы, регулирующей правоотношения, возникающие в информационной сфере.

Однако и так очевидно, что в полной мере африканские страны не в состоянии самостоятельно реализовать указанные в Программе направления по развитию современных информационных технологий, поскольку они требуют огромных финансовых ресурсов и значительного научно-технического потенциала, которым большинство африканских стран не располагает. В этой связи, ведущие информационные державы берут на себя обязательство оказывать содействие развитию местного цифрового контента, в том числе, «актуальных для местных условий информации, приложений и услуг, которые были бы полезны развивающимся странам»⁷⁷.

Давая оценку степени исполнения странами Африки прозвучавших в Тунисе в 2005 г. рекомендаций и предложений, следует

⁷⁷ Там же.

отметить, что существенного сокращения «цифрового разрыва» между развитыми и развивающимися странами не произошло. Несмотря на разработанные многими африканскими государствами стратегические планы по развитию информационных технологий, «цифровой разрыв» между африканскими странами и их европейскими партнерами по-прежнему остается достаточно большим. Таким образом, представляется очевидным, что указанная проблема должна стать предметом обсуждения, по всей видимости, еще не на одной встрече на высшем уровне.

При этом следует указать на то обстоятельство, что африканским лидерам не следует рассчитывать исключительно на помощь мирового сообщества при решении всех наиболее насущных проблем континента. Иными словами, к правящим элитам африканских стран должно прийти осознание того, что, если они стремятся к равноправной интеграции в глобальное мировое информационное пространство, им необходимо взять курс на сотрудничество внутри африканского региона, опираясь, прежде всего, на собственные силы.

На сегодняшний день приходится констатировать, что в странах Африки существует понимание глобальных проблем, стоящих перед континентом, но конкретных эффективных совместных путей их решения так до сих пор и не выработано. В настоящий момент Африка по-прежнему «занимает последнее место в мире по показателям внутрирегиональной торговли и инвестиций»⁷⁸.

Анализ современной ситуации позволяет сделать вывод о том, что в среднесрочной перспективе в Африке вряд ли следует ожидать появления мощной и влиятельной интеграционной группировки. Сегодня наиболее эффективной субрегиональной интеграционной группировкой в Африке является экономическая Организация общего рынка для Восточной и Южной Африки (Common Market for Eastern and Southern Africa – COMESA), объединившая ряд восточноафриканских и южноафриканских стран. В рамках этой организации были разработаны некоторые директивы и рекомендации по формированию национальной информационной политики стран-членов организации⁷⁹. Этот документ, как указано в преамбуле, направлен

⁷⁸ Можаров А.Н. Указ. соч. С. 6.

⁷⁹ Policy Guidelines on Universal Service/Access. August, 2004 // Association of Regulators of Information and Communications for Eastern and Southern Africa. Com-

на развитие информационных технологий в наименее развитых регионах африканских стран, находящихся вдали от крупных промышленных центров. При этом особо подчеркивается, что главная задача организации заключается в создании единого регионального рынка товаров и услуг, в котором люди могут свободно перемещаться, чтобы найти применение своим профессиональным навыкам по производству, покупке и продаже товаров и услуг надлежащего качества по рыночной стоимости. Понятно, что эта деятельность должна поддерживаться созданием современной и эффективной транспортной и информационно-коммуникационной инфраструктуры.

По большому счету, этот документ следует рассматривать как своего рода инструкцию по разработке национальной информационной политики африканских стран. В нем указывается на необходимость создания технических условий для доступа широких слоев населения к наиболее популярным коммуникационным сервисам, таким как голосовая почта, радио, телевидение, факс, Интернет, базы данных и т.п. Разумеется, не следует ожидать, что в обозримом будущем каждая африканская деревня будет подключена к сети Интернет, и в каждом доме появится персональный компьютер. Поэтому, принимая во внимание африканские реалии, встает вопрос о создании разветвленной системы общественных Интернет-центров, которые, и это особенно подчеркивается в программе, должны находиться в пешей доступности из любого места. Функции общественных телекоммуникационных центров, предоставляющих широкий спектр коммуникационных услуг, могут выполнять многоцелевые телецентры, общественные телефонные центры, общественные терминалы, предоставляющие доступ к сети Интернет, кибер-кафе и т.п.

В то же время в программе указано, что одно только наличие общественных Интернет-центров, которые вряд ли будут пользоваться спросом среди подавляющего большинства африканского населения, недостаточно; параллельно с внедрением всех инициатив, связанных с развитием сети Интернет в африканской провинции, необходимо проводить последовательную политику по повышению компьютерной грамотности среди широких слоев населения. Предлагается также

продумать систему финансирования всех мероприятий по развитию информационно-телекоммуникационной индустрии. В программе указано, что в большинстве развивающихся стран финансирование информационной отрасли практически полностью осуществляется за счет сборов, которые уплачивают поставщики телекоммуникационных услуг. Разработчики же программы предлагают создать специальный фонд, средства которого могут формироваться за счет правительственных субсидий, сборов за выдачу лицензий, вырученных средств от приватизации государственных предприятий, обязательных взносов, которые уплачивают телекоммуникационные компании, а также субсидий, предоставляемых международными организациями и т.п. В частности, такой Фонд был создан в 2009 г. в Кении.

Сама по себе идея создания такого фонда хороша, но сразу встает вопрос о выработке эффективного механизма контроля за расходованием его средств. Разработчики программы предлагают осуществлять общее руководство фондом специализированным правительственным комиссиям и комитетам, которые ответственны за проведение информационно-телекоммуникационных реформ в стране. Но, принимая во внимание то, что во многих африканских странах наблюдается высокий уровень коррумпированности государственных чиновников, представляется сомнительным, что предлагаемый механизм контроля окажется эффективным.

Разработка и принятие подобных документов и региональных стратегий по развитию системы телекоммуникаций, свидетельствует о том, что страны Африки стремятся к построению на своей территории развитого информационного общества. Однако в тот же самый момент при определенном росте общего числа линий высокоскоростной оптоволоконной связи, пользователей персональными компьютерами, абонентов сотовой связи, локальный цифровой разрыв между городом и африканской деревней по-прежнему остается большим, несмотря на многочисленные меры, направленные на его сокращение, которые предпринимают национальные правительства.

5. Современные информационные технологии в странах Африки: тенденции развития

С учетом известных трудностей, нельзя не отметить, что за последние пятнадцать лет странам Африки в развитии информационных технологий некоторых успехов добиться все-таки удалось.

Еще 9 марта 2003 г. главы государств и правительств африканских стран приняли Программу развития системы широкополосной связи в Африке, которая в перспективе должна соединить между собой все государства континента. Программа развития широкополосной системы связи в Африке состоит, по сути, из двух программ: программы развития широкополосной связи в Восточной и Южной Африке и аналогичной программы для Западной, Центральной и Северной Африки. Согласно предварительной оценке, в Африке предстояло провести около 30 000 км. оптоволоконных линий⁸⁰.

В настоящее время можно утверждать, что большинство оптоволоконных линий связи вдоль африканского побережья было проведено, что привело к резкому снижению расходов на предоставление телекоммуникационных услуг в странах Африки. Африканская подводная кабельная система берет свое начало в Лиссабоне (Португалия) и следует вдоль побережья Западной Африки до Кейптауна (ЮАР). Затем, в Йоханнесбурге (ЮАР) начинается Восточноафриканская подводная кабельная система, которая проходит через все восточноафриканское побережье, делает остановку в Момбасе (Кения) и далее следует в Объединенные Арабские Эмираты.

Судя по объему проделанной работы, представляется очевидным, что страны Африки не сумели бы завершить столь масштабный инфраструктурный проект без финансовой помощи зарубежных инвесторов и международных финансовых институтов, таких как Международный валютный фонд и Всемирный банк.

Создание благоприятного климата для частных капиталовложений стало отличительной приметой экономических реформ, проводимых во многих африканских государствах, что вынудило их отказаться от политики жесткого регулирования информационного сектора и объявить полную либерализацию отрасли, которая, на первый взгляд, дала положительные результаты. Так, например, в Нигерии в настоящий момент суммарный размер частных вложений в информационный сектор превысил 12 млрд. долларов. Для сравнения, в 2001 г. общая сумма частных инвестиций едва достигала 50 млн. долл. Сегодня инвестиции в отрасль по своему размеру занимают второе место и уступают только инвестициям в нефтяной сектор⁸¹.

⁸⁰ NEPAD E-Africa Commission. URL: <http://www.eafricacommission.org>

⁸¹ *Ndukwe E.* ICT Revolution and Vision 2020: the Position of the Nigerian Editor. Nigeria, Kaduna – 2009. URL: www.nigerianguildofeditors.com

Полная либерализация привела к резкому притоку инвестиций в отрасль, и частные компании взяли на себя задачу развития африканской информационно-коммуникационной инфраструктуры. В частности, нигерийская компания Globacom приняла участие в прокладке подводного оптоволоконного кабеля из Великобритании в Нигерию. Этот проект общей стоимостью в 800 млн. долл., получил название Glo-1⁸². А компания MTN Nigeria завершила недавно конструирование современной наземной оптоволоконной кабельной сети общей протяженностью в 3 500 км. Это один из наиболее значимых для Нигерии инфраструктурных проектов, наряду с прокладкой подводного оптоволоконного кабеля из Великобритании в Нигерию. Реализация проекта Glo-1 должна была привести к существенному снижению стоимости телекоммуникационных услуг в стране, а прокладка наземных высокоскоростных линий связи – к предоставлению технической возможности для доступа к сети подавляющего большинства нигерийского населения. Крупнейшим инфраструктурным провайдером Сенегала является телекоммуникационная компания Sonatel, которая имеет доступ к трансатлантическому оптоволоконному кабелю Atlantis 2, проложенному по дну Атлантического океана из Португалии в Латинскую Америку, а также к подводному кабелю SAT-3, идущему вдоль побережья Западной Африки. Похожая ситуация наблюдается и в Кении, в которой ведущими сервисными провайдерами, располагающими разветвленной системой оптоволоконных кабелей, продолжают оставаться Kenya Data Network и Telcom Kenya. И именно на эти две компании возложена задача подключения 80 % территории страны к широкополосным высокоскоростным линиям связи. Общая стоимость проекта оценивается в 200 млн. долл. При этом планируется провести около 5 000 км. оптоволоконных кабелей.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что провозглашение полной либерализации телекоммуникационного сектора во многих африканских странах привело к резкому притоку инвестиций в отрасль и частные компании взяли на себя задачу развития крайне отсталой, во многом архаичной, африканской информационно-коммуникационной инфраструктуры. Однако, как и следовало ожидать, подавляющая часть компаний создается при участии иностранных, в первую очередь западных, транснациональных корпораций,

⁸² Globacom [official site]. URL: <http://www.gloworld.com>.

что ставит под угрозу независимое развитие африканского информационно-коммуникационного пространства. Так, французская телекоммуникационная корпорация *France Telecom* получила контрольный пакет акций кенийской *Telcom Kenya*. А в Сенегале, когда встал вопрос о необходимости технической модернизации мощностей телекоммуникационной компании *Sonatel*, контрольный пакет ее акций был выкуплен французской корпорацией *France Cables Radio*, являющейся филиалом той же *France Telecom*. Совладельцем же крупнейшего кенийского оператора сотовой связи *Safaricom* является британский телекоммуникационный концерн *Vodafone*.

Африканские же бизнесмены в создании информационно-телекоммуникационной инфраструктуры своих стран и организации всеобщего доступа к сети Интернет пока не принимают активного участия. Из чисто африканских телекоммуникационных предприятий, с нашей точки зрения, наиболее заметных успехов сумела добиться только нигерийская корпорация *Globacom*, принадлежащая Майку Аденуга, который по праву считается одним из наиболее влиятельных и богатых африканцев, проживающих в Африке.

Принимая во внимание вышеприведенные факты, можно усмотреть в либерализации определенную угрозу экономической независимости африканских государств. В свете общего курса на развитие частного предпринимательства в странах Африки их национальное информационно-коммуникационное пространство практически полностью перешло под контроль зарубежных инвесторов.

Обусловлено это тем, что создать в Африке адекватную информационную инфраструктуру, которая бы в той или иной степени соответствовала общепринятым мировым стандартам, возможно только в случае привлечения в эту сферу обширного потока инвестиций. Для этого африканским государствам следует продолжать общий курс либерализации экономики, поощрять частные инвестиции в информационный бизнес, устранять барьеры на их пути. При этом в целях привлечения частного и государственного капитала неизбежно тесное сотрудничество с международными финансовыми институтами, в частности, Всемирным банком и Международным валютным фондом.

Однако, на наш взгляд, странам Африки следует с определенной осторожностью относиться к проектам, инициированным такими глобальными международными финансовыми структурами, как МВФ и Всемирный банк. Для этого есть свои основания. «Займы

МВФ всегда сопровождаются условиями, означающими по сути дела, вмешательство во внутренние дела и экономическую политику государства-получателя займа»⁸³.

Страны Африки не могут не осознавать данного обстоятельства. И в последние годы они все чаще заявляют о своем стремлении самим определять ключевые направления дальнейшего хода социально-экономического развития африканского континента и искать способы решения наиболее насущных африканских проблем, ставя перед собой весьма амбициозные цели.

Так, в Кении в начале 2013 г. был дан старт строительству современного высокотехнологичного инновационного комплекса – технопарка *Konza Techno City*, который должен разместиться в саванне на 2 тыс. га примерно в 70 км к юго-востоку от Найроби. Новый город и научно-технологический центр стали именовать «Кремниевой саванной»; по замыслу его создателей, со временем он должен составить конкуренцию всемирно известной американской «Кремниевой долине». В Конза планируют разместить компании, занимающиеся аутсорсингом бизнес-процессов, разработкой программного обеспечения, центры обработки и аварийного восстановления данных, кол-центры, а также несколько предприятий легкой промышленности. В новом городе будут построены жилые кварталы, больницы, школы, гостиницы и другие объекты инфраструктуры⁸⁴.

Примерная стоимость строительства «Кремниевой саванны» в Кении оценивается в 800 млрд кенийских шиллингов (согласно действующему курсу, это примерно 9 млрд долл.). При этом правительство собирается взять на себя только около 5% расходов. Основные надежды на успешное завершение этого амбициозного проекта возлагаются на частный бизнес. Государство планирует сдавать участки земли, отведенные под строительство, в лизинг частным инвесторам, которые и будут заниматься возведением конкретных объектов.

Проект создания своего технопарка существует и в Гане. Об этом официально заявил президент страны Джон Махама в начале марта 2013 г. Надо полагать, что заявление о начале строительства инновационного комплекса в Гане, стоимость которого оценивается в 10 млрд долл. – своего рода ответ на заявления кенийского прави-

⁸³ Тетекин В. Н. ЮАР сегодня: демократия и власть // Азия и Африка сегодня. 2009. № 4. С. 26.

⁸⁴ Konza Techno City: Официальный сайт. URL: <http://www.konzacity.co.ke>

тельства относительно начала строительства «Кремниевой саванны». При этом планы правительства Ганы не менее грандиозны. В частности, планируется возвести вблизи Аккры новый небоскреб с весьма привлекательным названием «Город надежды», который должен стать самым высоким зданием в Африке (270 м). В нем как раз и должны разместиться основные ИТ-компании, занимающиеся развитием информационного сектора страны. Также планируется построить еще и Технологический университет, который и должен готовить высококвалифицированные кадры в сфере высоких технологий.

Очевидно, что реализация столь амбициозных проектов, имеющих большое значение не только для Кении и Ганы, но для всего континента в целом, возможна только при помощи частных, преимущественно зарубежных инвесторов, и это создает известные препятствия развитию в странах Африки собственных НИОКР и технопарков. Решение проблемы мы видим в создании такого партнерства между государством и частным бизнесом, при котором за государством была бы сохранена регулирующая роль в управлении данными инновационными комплексами.

В конечном итоге «Кремниевая саванна» в Кении и «Город надежды» в Гане должны превратиться в технологические гавани, в которых производился бы местный цифровой контент для всей Африки. Конечно, на начальном этапе возможно использование западных технологий, но затем (и в этом мы видим главную задачу) необходимо наладить производство собственных компьютеров и программного обеспечения, которое было бы максимально адаптировано к нуждам местного населения. Только в случае реализации этих двух проектов в Кении и Гане, и лишь при условии налаживания производства собственных африканских технологий, страны Африки смогут интегрироваться в глобальное информационно-коммуникационное пространство на равноправной основе. Но если работа этих высокотехнологичных инновационных комплексов будет основана на зарубежных (западных) инвестициях и технологиях, *Konza Techno City* и «Город надежды» превратятся в новое и крайне эффективное средство удержания западного влияния в регионе.

На основе вышеизложенного можно сделать вывод о том, что в современном мире наблюдаются две противоречивые тенденции. С одной стороны, мы можем говорить о том, что в наиболее разви-

тых странах мира уже осуществлен переход к информационному обществу, однако, с другой, продолжают оставаться целые регионы, которые находятся на периферии мировых информационно-коммуникационных процессов. Очевидно, что наличие Интернета в крупных городах явно не может свидетельствовать о готовности стран Африки к равноправной интеграции в глобальное информационно-коммуникационное пространство.

Чтобы преодолеть технологическое отставание развивающимся государствам надлежит проделать достаточно большой объем работы по следующим ключевым направлениям:

1. Создать надлежащую информационно-коммуникационную инфраструктуру, которая должна стать технологическим базисом будущего общества и сократить, в конечном итоге, «цифровой дисбаланс» между крупными промышленными территориями и сельской местностью. При этом особое внимание следует уделить созданию в деревнях разветвленной системы современных телецентров и Интернет-кафе, а также проведению линии высокоскоростной широкополосной и традиционной фиксированной телефонной связи.

2. Создать целую систему курсов для широких слоев населения, в том числе и для безработных, направленных на изучение основ компьютерной грамотности.

3. Разработать и начать процесс реализации основных принципов концепции «электронного правительства».

4. Активизировать процесс создания местного цифрового контента на местных языках с целью «внедрения современных информационных технологий и информационных систем во все процессы, связанные с модернизацией и освоением культурного наследия и созданием новых культурных ценностей и достижений, а также с превращением их в достояние массового сознания и поведения»⁸⁵. А. Ракизов назвал данный процесс «информатизацией культуры». С его точки зрения, без проведения комплекса мероприятий, связанных с информатизацией культуры, которые должны стать важным элементом национальной политики социально-экономического развития любого государства, модернизация того или иного общества представляется невозможной.

⁸⁵ *Ракизов А.И.* Новый подход к взаимосвязи истории, информации и культуры: пример России // Вопросы философии. 1994. №4. С. 24

На наш взгляд, реализуя план перехода к информационному обществу сложно выделить какой-либо один приоритет. Только всесторонняя реализация всех рассмотренных выше направлений в сфере развития информационных технологий может привести к построению такого общества, в котором знание и информация становятся не только товаром, прибыльным бизнесом, но еще и важным культурным, духовным феноменом, главным генератором социального прогресса.

Однако достижение указанных целей напрямую зависит от наличия в государстве четко продуманных программ, стратегий и концепций развития с опорой не на западные образцы и стандарты, которые приводят в большинстве своем к известной стандартизации культуры, а на национальные традиции и типологические модели. Таким образом, очевидно, что «для гармоничного вхождения в информационное общество необходимы координирующие и направляющие усилия со стороны государства как органа, выражающего интересы всего общества»⁸⁶.

С нашей точки зрения, в условиях, когда информация и знания приобретают не только товарный статус, но становятся важным стратегическим ресурсом, государству следует отказаться от наметившейся в современном мире тенденции к полной либерализации информационно-телекоммуникационного сектора, когда роль государства сводится исключительно к созданию благоприятных условий для частных инвестиций в отрасль и защите конкуренции.

При этом речь не идет о создании государственных монополий, вовсе нет. Здоровые рыночные отношения должны присутствовать. Потребитель должен иметь возможность самостоятельно выбрать поставщика Интернет-услуг, основываясь на своих личных предпочтениях и руководствуясь формулой «цена–качество».

Государству следует установить определенные «правила игры» на информационном рынке и осуществлять общие надзорные функции. При этом мы бы предложили четко разграничить сферу компетенций. Магистральные телекоммуникационные линии должны оставаться в собственности государства, и ни при каких условиях не передаваться в частные руки. Именно государству следует заниматься созданием информационно-коммуникационной инфраструктуры и осуществлением ее технического обеспечения и модернизации.

⁸⁶ Мелюхин И. С. Информационное общество и баланс интересов государства и личности // Информационное общество. 1997. Вып. 4-6. С. 9.

Возможно также создание специализированных консорциумов по управлению информационно-коммуникационной инфраструктурой, в работе которых могут принимать участие частные инвесторы. Однако контрольный пакет акций в указанных консорциумах должен оставаться в собственности государства. Частным же компаниям, в том числе поставщикам Интернет-услуг, государство может передавать указанные линии связи в аренду на общих условиях и по единому тарифу. Компаниям надлежит сосредоточиться на предоставлении качественных телекоммуникационных услуг населению и на решении целого ряда технических проблем по организации всеобщего доступа к современным информационным технологиям, в том числе и на разработке технологии «последней мили». Доля иностранного участия в телекоммуникационных предприятиях должна быть строго регламентирована законом с тем, чтобы был создан благоприятный климат для развития местного предпринимательства.

Только в этом случае возможно установление эффективных партнерских отношений между частным бизнесом и государством и может быть найден баланс интересов между государством, обществом и личностью, что будет способствовать встраиванию государства в систему современных международных информационных отношений на равноправной основе.

УНИВЕРСАЛИЗМ И ПУТЬ К ДИАЛОГУ В ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

ГЛАВА 6

Способы постижения прошлого в философии истории А.Дж. Тойнби

Среди написанных в XX столетии книг «Постижение истории» А.Дж. Тойнби – одна из самых провокативных для историка. Можно ли *так* писать историю, да и история ли это? Ответы, даваемые на эти вопросы на протяжении всего прошлого века, были различными, а иногда и диаметрально противоположными. И это естественно, поскольку, как любил повторять Тойнби (и в этом он, пожалуй, как нельзя лучше созвучен современности), любая история всегда вершится в настоящем: «Единственное, что высвечивается нам [нашим воображением] постоянно и особенно, – это наше настоящее, наш собственный мир, который сконцентрирован вокруг нас и существует рядом с нами. Это единственное, что доступно нам ощутимо и в деталях. И не удивительно, что мы способны окроплять брызгами из этого волшебного фонтана мир, *который нам не принадлежит*» (курсив мой. – *О.В.*), т.е. наше прошлое. Тойнби написал эти слова в своем юношеском эссе во время учебы в Бейлиол-колледже в 1911 г. и оставил неизменными в конце 1960-х, когда за несколько лет до смерти перепечатывал и редактировал этот рукописный текст, специально оговорив в примечании свою верность этим представлениям на протяжении всей жизни. Это заставляет частично переформулировать поставленный вопрос, а именно: *зачем* так писать историю, и какую пользу (или вред) может такой способ реконструкции всемирной истории принести сегодня? Ответ на него следует искать в двух контекстах – создания и прочтения книги, причем второй из этих контекстов постоянно меняется, высвечивая в каждый момент времени ту или иную специфику тойнбианского дискурса.

Тойнби приступил к написанию книги в 1929 г., хотя ее замысел возник у него вскоре после окончания Первой мировой войны. В небольшом эссе, написанном во время работы над последними четырьмя томами «Постижения истории», он формулирует основные причины появления книги и частично описывает способ ее написа-

ния¹. Одна из самых важных – попытка достичь баланса между изучением истории в деталях и в целом. Для Тойнби проблема предпочтения микро- или макро-исторических исследований никогда не рассматривалась в плоскости «или – или». По мнению Тойнби, историк должен уметь хорошо работать сразу с двумя инструментами: микроскопом и телескопом. Работа с микроскопом – это источниковедческая работа, создающая «материальную базу» исследования: «Факты для историка – это запас сырья, и он должен добывать его в таких количествах, что сам процесс вызвал бы у него отвращение, не любил он эту работу...»². Работа с телескопом предполагает глубокое знакомство с теорией и методами науки, собственные теоретические обобщения, одним из уровней которых является проекция накопленного эмпирического и типологического материала на объемную голографическую картину мировой истории³.

Однако к тому времени, когда Тойнби вступал в научную жизнь, западные ученые уже «начинали разрывать цельную паутину людских дел на кусочки, столь же крохотные, сколь и многочисленные, и рассматривать каждый кусочек под микроскопом, словно каждый из них был изолированным миром, а не неотъемлемой частью одного большого целого...»⁴ Его поколение выбрало факты, оно видело деревья, но не видело леса. Именно поэтому он решил поместить в центр лес⁵: «Людские дела можно понять, только рассматривая их в целом, и вследствие этого я всю жизнь старался выработать у себя всеобщий взгляд на историю»⁶.

Сам Тойнби считал это следствием своего классического образования, но дело не только в этом: ведь многие его сокурсники пошли другим путем. Дело – в сочетании, с одной стороны, его личных

¹ Имеются в виду 7–10 тт., т.к. 11-й том представляет собой карты, а 12-й – «Пересмотры» – был написан уже в 1961 г. как ответ на критику оппонентов и не входил в замысел книги. – *Toynbee A.J. A Study of History. What the book is for: How the book took shape?* // Montagu Ashley (ed.). *Toynbee and History. Critical Essays and Reviews*. Boston: Porter Sargent, 1956. P. 10.

² *Тойнби А. Пережитое* // *Цивилизация перед судом истории*. М.; СПб., 1997. С. 258.

³ *Toynbee A.J. What I am Try to Do?* // *International Affairs*. 1955. Vol. 31. № 1. P. 1–4.

⁴ *Тойнби А. Дж. Мои встречи. Пережитое*. М.: Айрис-пресс, 2003. С. 104.

⁵ *Toynbee A.J. A Study of History: What the book is for...* P. 10.

⁶ Там же. С. 270.

обстоятельств⁷, с другой – в постепенном разрушении того подхода к истории, который был выработан в Германии и преобладал в Европе в XIX – первой половине XX в., с третьей – в колоссальном изменении мира в XX в., буквально на протяжении жизни одного поколения, вкупе с появлением огромного массива новой информации, включая открытие ряда неизвестных ранее цивилизаций. Все это порождало желание бросить новый взгляд на историю в целом, подтверждением чему может служить настоящий всплеск философско-исторических исследований в это время, а также тот позитивный настрой, с которым были встречены первые шесть (предвоенных) томов книги. Еще бы, ведь приход Гитлера к власти в Германии привел к появлению новых угроз Западному миру, особенно после установления альянса с Италией и оккупации Эфиопии. И книга, в центре которой в качестве ключа к пониманию брейкдауна цивилизаций стояла война, воспринималась с особым вниманием и тревогой. Находится ли Западная цивилизация уже в брейкдауне или стоит на пороге его? Ответ зависел от того, останется ли мировая война единственной в истории или станет только *первой*. Другими словами, все отдаленные прогнозы, которые Тойнби инкорпорировал в «Постижение истории», были тогда чрезвычайно актуальны для западного читателя, особенно для читателя европейского⁸.

Не менее теплой оказалась первая встреча Тойнби с российским читателем. Пик его популярности в России пришелся на рубеж 80-х – 90-х годов прошлого столетия. Более того, довольно скоро многие российские интеллектуалы увидели в Тойнби одного из самых авторитетных наставников в деле вывода отечественной историографии на новые научные рубежи. Думается, что такое особое отношение было сформировано под воздействием целого ряда факторов, имеющих одно общее начало. Как точно подметила В.И. Уколова, «размышления Арнольда Тойнби... органично влились в ментальность “великих российских перемен”⁹.

⁷ См.: Воробьева О.В. Три возраста Арнольда Джозефа Тойнби (очерки интеллектуальной биографии) // Идеи и люди: интеллектуальная культура Европы в Новое время / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2014. С. 773-842.

⁸ Среди откликов на первые тома «Постижения истории» американцев было очень мало. Ситуация совершенно изменится после Второй мировой войны.

⁹ Уколова В.И. «Старомоден» ли профессор Тойнби? // Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. С. 5.

Дело в том, что, оказавшись в очередной раз на грани выбора дальнейших путей общественного развития, наши соотечественники вынуждены были решать сразу несколько задач. Во-первых, искать тот «аршин», которым можно было бы измерить российскую цивилизационную идентичность. После почти десятилетнего периода не очень плодотворных попыток внедрить на российской почве западные институты стало ясно, что предостережение А. Тойнби относительно опасности увлечения европоцентризмом и вообще любого рода центризмом, пришлось как нельзя кстати. Не случайно из всего огромного тойнбианского наследия для публикации на русском языке были выбраны те очерки и эссе британского историка, которые так или иначе касались вопросов содержания самого понятия «Россия» и его соотношения с полярными понятиями «Запада» и «Востока»¹⁰. И хотя многие высказанные Тойнби идеи воспринимались как достаточно спорные, одно все же не вызывало сомнений: чтение его трудов перестало тогда быть для наших соотечественников чисто академическим занятием. Во-вторых, вынужденная заниматься поисками собственного пути Россия не могла остаться в стороне и от глобальных потрясений современности и сопряженных с ними поисков смысла истории. Глубокие философско-исторические раздумья Тойнби о прошлом и будущем мирового сообщества, к тому времени столь раздражавшие зарубежных и особенно западных узкоспециализированных историков-профессионалов, оказались созвучными «наиболее распространенному в российской традиции ощущению и переживанию истории от Н.М. Карамзина и В.О. Ключевского до наших дней», и в этом отношении «“старомодный” А. Тойнби был для нас более понятен, чем многие современные, но менее “метафизичные” представители исторического ремесла»¹¹.

Однако вскоре маятник интереса к Тойнби и вообще к глобальным построениям сначала медленно стал двигаться в обратную сторону, а затем и вовсе оказался где-то в противоположной позиции, в которой пребывает и поныне. В немалой степени этому способствовала ситуация постмодерна, сильно девальвировавшая ценность теоретической истории и призывавшая к отказу от генерализаций, по-

¹⁰ Имеется в виду книга А.Тойнби «Цивилизация перед судом истории», представляющая собой дайджест ряда его работ на эту тему.

¹¹ Уколова В.И. Указ. соч. С. 7.

скольку ни одна априорная система не должна властвовать над человеком, а любое метаповествование зависит от системы власти, средств языка и культурного наследия. Негативные последствия такого отказа не заставили себя долго ждать. Чем больше расширялось исследовательское поле истории и росли ее познавательные возможности, тем труднее становилось интегрировать индивидуальное в общее, а разрозненное – в целое¹². Как заметил Питер Новик, «к концу 1980-х гг. многие практикующие историки сжились с идеей, что даже по самым общим меркам история перестала представлять собой единую дисциплину. Целое не просто предстало в виде суммы своих частей: вместо целого остались одни разрозненные части»¹³. Некоторые исследователи полагают, что последствия отказа от глобальных построений повлияли не только на результаты исследований, но и на идентичность интеллектуалов: «Раньше интеллектуал был автором больших работ, чаще всего философских», но как только «появился скепсис по поводу необходимости больших работ... интеллектуалы исчезли»¹⁴. В результате настроения, преобладающие сегодня в академической среде, можно определить как “тоска по упорядоченности”, а создание перспективной интегральной парадигмы является одной из главных потребностей научных поисков. В этой ситуации некоторые идеи А. Тойнби, равно как и его размышления о способе конструирования истории, могут исполниться новой значимости, а в чем-то и послужить уроками для новых поколений историков.

На самом деле вопрос о допустимости генерализаций, подобных тойнбианским, только на первый взгляд кажется одним вопросом. По сути, он включает в себя целый ряд аспектов: возможность теоретизирования в историческом исследовании и его соотношение со знанием фактическим, эмпирическим; научность и допустимость философско-исторических исследований; объективность конкретно-

¹² См.: Историк в поиске: микро и макро- подходы к изучению прошлого / Отв. ред. Ю.Л. Бессмертный. М., 1999; Споры о главном: дискуссия о настоящем и будущем исторической науки вокруг школы “Анналов”. М., 1993. Из последних рассуждений на эту тему см.: Белл Д.А. Что происходит, когда историки злоупотребляют идеей глобальной сети. Глобализация обыденности как проблема исторического знания. URL: <http://gefter.ru/archive/12156>.

¹³ Novick P. That Noble Dream. The “Objectivity Question” and the American Historical Profession. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. P. 577.

¹⁴ Хапаева Д. Герцоги пятой республики // Новое литературное обозрение. 2004. №. 67. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/67/hap2.html>.

исторического и философско-исторического знания и т.д. И каждый из этих важных для современного историка вопросов, так или иначе, нашел свой ответ, свое преломление в творчестве А. Тойнби.

Как видно из приведенной выше синусоиды, отмечающей колебания в отношении к тойнбианским построениям, эти колебания в значительной мере были обусловлены *философско-историческим* характером «Постижения истории», а с философией и с неизбежно сопутствовавшей философско-историческим исследованиям метафизикой у исторической науки долгое время были (и до сих пор сохраняются) напряженные отношения. В значительной мере это обусловлено позитивистским наследием, в рамках которого признавалось верховенство науки по отношению к другим способам познания реальности и предлагалось элиминировать метафизику из науки и обозначить между ними четкую демаркационную границу. Показательно, что до XIX века философия рассматривалась как часть (причем, необходимая!) рационалистической научной установки, и лишь в XIX и XX столетиях становится популярным мнение о ненаучности философии и необходимости устранения философских пережитков из системы знания. Согласно этой точке зрения, метафизика бессодержательна, бессмысленна, а ее термины не имеют эвристической ценности. В качестве основных недостатков отмечается ее интерес не только к прошлому, но и к настоящему, и – что еще опаснее – к будущему времени; допущение контрфактических, условных высказываний; попытка обнаружить в событиях прошлого некоторые общие закономерности и структуры, или же выявить в них общий смысл, познав, таким образом, назначение истории. Как заявил в 1991 г. А.Я. Гуревич, «философия истории, какой бы она ни была, всегда рисует некую схему, поневоле упрощающую бесконечно красочную и многообразную действительность»¹⁵.

Согласна, что любая попытка структурировать историю, будь то деление на локальные сообщества или периоды, неизбежно ведет к значительным упрощениям. Ведь любая итоговая схема – это догма, которая всегда может быть оспорена. Можно согласиться с мнением В.П. Филатова: «Сколь бы велика ни была историческая интуиция и эрудиция их авторов, они поневоле вынуждены интерпрети-

¹⁵ Гуревич А.Я. Теория формаций и реальность истории // Вопросы философии. 1990. № 11. С. 41.

ровать значительную часть исторического материала через свои априорные схемы»¹⁶. И опыт Тойнби здесь – не исключение. Кстати, он это хорошо понимал и неизменно подчеркивал, что «Постижение истории» – это именно *его* попытка бросить свой взгляд на историю. Другие тоже могут это сделать, и «каждый из этих новых взглядов нарисует новую картину и в другой перспективе». Но «спустя какое-то время <эти> попытки будут скорректированы и пересмотрены»¹⁷. Другими словами, он утверждал такое понимание процесса исторического познания, в ходе которого конструируется не объективная реальность, а познавательный ход, интеллектуальная конструкция, выражаясь словами самого Тойнби – «интелигибельное поле» исследования, при помощи которого можно увидеть полноту жизни. Игнорирование этой особенности тойнбианской методологии, выразившееся в онтологизации созданных им интеллектуальных конструкций, привело к трудностям в понимании его творчества большей частью ученых XX века. Впрочем, как теперь стало понятно, таким же «упрощением» действительности занимаются и конкретные историки, также предлагающие достаточно субъективный взгляд на историю, опосредованный их собственным настоящим. Парадокс состоит в том, что, девальвируя метанарративы, постмодернизм одновременно релятивизировал само понятие научности, уравнивая тем самым разные способы познания реальности. Стало быть, дело не в условности и упрощениях философско-исторических построений – в силу своей историчности упрощения также могут «служить стрелками, указывающими на существенные моменты»¹⁸. А, во-первых, в специфике философско-исторического дискурса по сравнению с дискурсом историческим, и, во-вторых, в необходимости внимания не только к итоговой схеме, но и к предшествующему ее созданию мыслительному процессу, в котором, как правило, и заключена вся эвристика философско-исторических построений.

При обозначении специфики философско-исторического дискурса, чаще всего подчеркивается его более тесная взаимосвязь со всеми тремя измерениями исторического времени: «Выявляя определенные линии развития событий в прошлом, философия истории

¹⁶ *Филатов В.П.* История, историософия и методология истории. URL: http://spf.ff-rsggu.ru/prepod/filatov_v_p/istor_istoriosof_i_met_istor/.

¹⁷ *Toynbee A.J.* What I am Try to Do? P. 7.

¹⁸ *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М., 1994. С. 52.

стремится продолжить их в будущее. Представления не только о настоящем, но и о будущем важным образом определяют общие рамки философско-исторического рассуждения»¹⁹. В целом, с этим можно согласиться, делая, однако, поправку на то, что если раньше историки сознательно акцентировали свою направленность именно в прошлое, то XX век внес существенные коррективы в эти представления. В частности, стала очевидной тесная взаимосвязь изучаемого прошлого с собственным временем историка²⁰, а также возможные потери от сознательной установки историков не артикулировать эту взаимосвязь, в результате чего прошлое может оказаться существующим само по себе, вне связи времен. В отличие от историков, задача философов истории не только не утаить эта взаимосвязь, но, напротив, подчеркнуть ее, более открыто высказавшись о настоящем как о моменте между прошлым и будущим.

Тойнби не раз писал о том, что параллельная работа над «Обзорами» и «Постижением истории» была большой удачей в его жизни, без чего «Постижение истории» попросту не состоялось бы²¹. «Широкомасштабные “Обзоры” могли бы быть сделаны только с учетом багажа всемирной истории, а изучение мировой истории осталось бы мертвым, если бы в него не вдохнули жизнь современные события»²². В результате, размышления историка о прошлом мировых цивилизаций оказались пронизаны всеми насущными проблемами современности. Работа строилась следующим образом: Тойнби сталкивался с определенными явлениями и событиями в настоящем, и по мере того, как он пытался найти им объяснение, его воображение (в значительной мере направляемое замыслом будущей книги) выстраивало серию широкомасштабных исторических сравнений и рождало яркие метафоры, украсившие впоследствии главный труд его жизни²³.

¹⁹ *Ивин А.* Философия истории: Учебное пособие. М.: Гардарики, 2000. С. 7.

²⁰ Как писал Р. Коллингвуд, «каждое настоящее располагает собственным прошлым, и любая реконструкция в воображении прошлого нацелена на реконструкцию прошлого этого настоящего, настоящего, в котором происходит акт воображения, настоящего, воспринимаемого “здесь и теперь”». — *Коллингвуд Р. Дж.* Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 235-236.

²¹ *Тойнби А. Дж.* Пережитое // Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. С. 256; *Toynbee A. J.* What I am Try to Do? P. 6.

²² *Toynbee A. J.* What I am Try to Do? P. 6.

²³ Кстати, именно повышенная чувствительность Тойнби к настоящему является одной из причин неоднородности, а в некоторых случаях даже гибрида-

Безусловно, широта философско-исторической точки зрения тоже таит в себе множество рисков, связанных с перекосами в пользу настоящего, но есть в ней и определенные преимущества, а именно она создает широкую перспективу историческому изображению и в большей мере, по сравнению с историей, упорядочивает реальное историческое пространство. Очевиден и не отрицается идеальный характер подобных генерализаций, но, как любые «идеальные типы», они выполняют важную функцию, где-то проясняя суть событий, а где-то выявляя неточности и односторонности в их трактовке, и тем самым показывая существующие лакуны и намечая дальнейшие направления исследований.

Акцент на роли настоящего в конструировании истории позволил пересмотреть и другое категорическое утверждение историков, которым они всегда так гордились, и которое традиционно разводило их с философами истории, – невозможность использования сослагательного наклонения и неправомерность переигрывания истории в уме. Между тем, как показывает практика, условные сослагательные высказывания неизбежно присутствуют в любом историческом исследовании, в частности, при установлении причин и описании событий. Как заявил еще на заре XX века президент Американской исторической ассоциации К. Беккер, историк не способен представить в целостности никакого события, даже простейшего, он всегда неизбежно выбирает некоторые утверждения о событиях прошлого, причем не только потому, что источники не содержат полной информации о них, но и вследствие обусловленности деятельности историка его целями, взглядами и предрассудками, являющимися продуктами настоящего²⁴. По ходу этой процедуры историк неизбежно

ности тойнбианского текста (если в первых 6-ти томах единицами изучения истории провозглашаются цивилизации, то в последних – церкви; при этом VII–X тома вообще больше посвящены анализу мировой политики, нежели изучению истории), за которые его так много критиковали. «Прошло более 27 лет с того момента, как я приступил к написанию моих первых набросков к ПИ, – писал Тойнби, – и я осознаю, что в течение этих лет мой взгляд изменился» (*Toynbee A.J. What I am Try to Do? P. 10*). Однако его интерпретаторы, за редким исключением, исходили из цельности и статичности тойнбианского текста, все элементы которого в каждый момент были равно удалены от их создателя и потому могут быть без труда извлечены.

²⁴ См об этом: *Гуревич А.Я.* Что такое исторический факт // *Источниковедение: теоретические и методологические проблемы.* М., 1969. С. 72-73.

перебирает различные варианты развития события в уме. В доказательство этой мысли сошлюсь на еще одного классика XX века: «Если мы ищем причину какого-либо явления, – пишет Р. Арон, – мы не ограничиваемся сложением или сопоставлением предшествующих событий. Мы пытаемся взвесить истинное влияние каждого из них. Для этого мы берем одно из предшествующих событий, мысленно представляем, что оно исчезло или видоизменилось, и пытаемся сконструировать или вообразить, что бы произошло в этом случае. Если мы вынуждены признать, что изучаемое явление было бы другим в отсутствие этого antecedента или при его модификации, мы сделаем вывод, что это предшествующее событие является одной из причин той части данного явления, которую мы предположили измененной». И далее: «каждый историк, чтобы объяснить то, что было, спрашивает – что могло бы быть?»²⁵.

Тойнби также задумывался о значимости «мысленных экспериментов» для лучшего проявления сущности события и несколько раз ставил их в своих трудах. Одним из сконструированных им возможных сценариев стала небольшая заметка под названием «Если бы Александр Македонский не умер тогда», в которой он рассматривает возможный путь мировой истории, если бы Александр Македонский не умер в 323 г. до н.э. в Вавилоне. Тойнби задумался над этим вопросом в ходе работы над своей монографией «Эллинизм», полагая, что излагаемая им история греческого мира оставляет за пределами внимания другие возможные конstellляции событий. Это эссе было опубликовано в Англии в 1969 г. и частично переведено на русский язык и напечатано в 12-м номере журнала «Знание-сила» за 1979 год²⁶. Конечно, в историческом сообществе тех лет, как английском, так и российском, это вызвало много вопросов и несогласий, ведь методологический идеал исторической науки требует элиминировать подобные предположения из исторического исследования²⁷.

²⁵ Арон Р. Введение в философию истории // Диалектика: проблемы и поиски. М., 1988. С. 8.

²⁶ Тойнби А. Если бы Александр не умер тогда // Знание-сила. 1979. № 12. Спустя пятнадцать лет журнал вновь вернулся к обсуждению этой проблематики, напечатав очередное эссе английского историка: Тойнби А. Если бы Филипп и Артаксеркс уцелели... // Знание-сила. 1994. № 8.

²⁷ См. обсуждение идей Тойнби по поводу возможности альтернативной истории на круглом столе, материалы которого были позже опубликованы на

Однако в последнее время отношение к возможности и роли альтернативных моделей развития событий начало меняться, и в западной исторической науке все чаще начинают звучать призывы к пересмотру утверждения о методологической бесполезности проведения мысленных экспериментов в истории, что в будущем, по мнению одного из авторов, позволит избежать трех ошибочных представлений: «о необходимости, каузальной обусловленности и неизбежности» исторических событий²⁸.

Наконец, следует отметить чрезвычайную озабоченность философии истории т.н. предельными основаниями человеческой жизни и истории, что собственно, и делает ее философией. А потребность человека найти в истории какой-то смысл, дать связанное описание генезиса современной ситуации, как показывает опыт всей предшествующей истории человеческой мысли, настолько велика, что, как бы историки скептически не оценивали теоретическую возможность метафизических построений, их культурное и прагматическое значение вряд ли когда-нибудь исчезнет. Тем более что историки гораздо больше других представителей социальных и гуманитарных наук пишут не только для своих собратьев по цеху, но и для читающей публики. Мне чрезвычайно дорога мысль Е.Б. Рашковского о смысле истории как реализации человеческого достоинства в преемственности исторического опыта людей – мысль, рожденная в ходе работы над монументальным трудом А. Тойнби²⁹. Согласно Тойнби, история открыта как для соучастия человека в процессе ее развертывания, так и для ее познания. Разделение онтологической и гносеологической сторон жизни индивида здесь, конечно, весьма условно, ибо одно немыслимо без другого.

страницах того же журнала: История: неизбежное и случайное // Знание-сила. 1980. № 1. С. 38-40. В круглом столе участвовали доктора исторических наук С.А. Арутюнов (Институт этнографии АН СССР), Э.О. Берзин (Институт востоковедения АН СССР), В.Т. Логинов (Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС), Г.А. Федоров-Давыдов (Московский государственный университет), Е.Н. Черных (Институт археологии АН СССР).

²⁸ *Kaye, Simon T. Challenging Certainty: The Utility and History of Counterfactualism // History and Theory. Vol. 49 (February 2010). P. 38-57. P. 38. См. также: Rosenfeld G.D. The World Hitler Never Made. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 196; Rosenfeld G. Why Do We Ask 'What If? Reflections on the Function of Alternate History // History and Theory, Vol. 41 (Dec. 2002). P. 90-103.*

²⁹ *Рашковский Е.Б. Читаем Тойнби // Постигание истории. М., 1991. С. 652.*

В первом случае акцент делается на особом личностном статусе человека, не просто взирающего на действительность со стороны, но являющегося важным конституирующим элементом этой действительности, постоянно изменяющего ее и одновременно самого себя. Этот упор Тойнби на взаимосвязь объективного хода истории с познавательной и духовной практикой личности выдает в нем сторонника антропоцентрического взгляда на историю. Правда, говоря об антропоцентризме, следует сделать два существенных уточнения. Первое: ставя в центр истории человека, Тойнби не забывал при этом о важности изучения различных форм социального целого. Исключительный упор на один из компонентов антиномии «индивидуальное – социальное», является, по его мнению, недиалектическим. Одно не может существовать без другого, хотя в картине социального бытия А. Тойнби при всей диалектичности его мышления основная роль отводилась все же индивиду³⁰. И второе: антропоцентризм Тойнби не означал признание опосредованности объективного процесса истории только историческими персонажами, людьми чрезвычайно одаренными и известными. Согласно Тойнби, каждый человек вносит свой вклад в динамику общественно-исторического развития.

Во втором случае речь идет о свойстве человеческого разума входить в состав бытия, сопричастствовать ему, находясь с ним в ситуации постоянного диалога, взаимодействия и взаимопроникновения. Отсюда и уникальная роль историка – не стороннего исследователя прошлого, а опять-таки его активного со-творца, выявляющего истину в процессе своей толковательно-конструктивной деятельности. Поскольку истина в истории, в понимании Тойнби, это постоянный процесс выявления смысла, она не может быть раз и навсегда данной. «Ни одно собрание фактов, равным образом, как и ни одно обобщение, не может быть окончательным, потому что Вселенная разомкнута», – писал он, завершая свой эпохальный труд³¹.

Другой пример. Когда читаешь произведения Тойнби, то начинаешь понимать, что наряду с чисто академическим универсализмом существует и универсализм боли, скажем, за исчезнувшие цивилизации, за богатство, которое в какой-то своей части уже никогда не станет достоянием человечества. Оба эти универсализма составляют

³⁰ См.: Мучник В.М. В поисках утраченного смысла истории. Генезис и эволюция исторических взглядов А. Тойнби. Томск, 1986. С. 90.

³¹ Тойнби А. Постигание истории. М., 1991. С. 41.

то, что можно условно назвать историческим чувством. Историческое чувство – это осознание, переживание истории человечества как собственной истории. Это чувство только рождается, но у него есть огромное будущее – оно способно сообщить человечеству и личности новую духовность. Иногда ищут ключ к истории человечества, а о человеке забывают. Философия истории Тойнби тем и дорога, что она насквозь гуманистична и антропоцентрична; что, создавая свою систему, он никогда не забывал, что ключ ищут все-таки к истории человечества, а не к сейфу. «Мир, – писал Тойнби, – становился все более единым. Цивилизации, которые ранее жили в изоляции, вдруг вылезли наружу, начали сталкиваться друг с другом. Их атомные боеголовки стоят сегодня рядом, но их сердца далеко друг от друга. И здесь историк может помочь сделать одну вещь: помочь людям стать ближе друг к другу, терпимее (практическая функция истории), меньше бояться друг друга, меньше воевать друг с другом, больше понимать и принимать историю друг друга и рассматривать эти локальные истории как всеобщее достижение человечества»³².

Наверное, в русле постмодернистских представлений концепцию Тойнби (впрочем, как и любую другую) можно считать вымышленной. Но Тойнби полагал, что сам вымысел при этом остается историчным³³. Его идея истории возникла не вдруг, как фантом из воздуха, а стала выражением особых умонастроений эпохи, концептуальным ответом на вызов времени и обстоятельств. Она обнажила то, обо что спустя тридцать лет споткнулся постмодернизм: безусловную ответственность человека за судьбы истории, его способность к творческой инновации и духовному отклику на жизнь. Тойнбианский человек – не винтик и не слепой исполнитель железных законов исторической необходимости, а «безусловный и ответственный ее сопричастник»³⁴. Это, пожалуй, одно из самых ценных завоеваний тойнбианской мысли. Не нужно даже слишком пристально всматриваться, чтобы увидеть, насколько такое понимание истории созвучно современности. По сути, налицо и признание субъективно-толковательной природы человеческого знания, и стремление преодолеть механически-враждебное противостояние субъекта и объекта исследования, поставив их в состояние диалектического взаимодей-

³² *Toynbee A.J.* A Study of History: What the book is for... P. 11.

³³ *Тойнби А.* Постижение истории. С. 20-21.

³⁴ *Рашковский Е.Б.* Читаем Тойнби. С. 650.

ствия. Но и здесь мы сталкиваемся с определенным парадоксом: постмодернизм, отмеченный обостренным вниманием к проблеме человека, его внутреннему миру, почему-то не востребовал эти глубинные интенции английского историка.

Можно, конечно, признать эти «онтологические» параметры человеческого познания несущественными и даже мешающими его логическому развертыванию. Но, во-первых, так ли уж исторические термины на деле свободны от метафизического содержания? А во-вторых, читая Тойнби, иногда кажется, что «антропологическая» традиция познания (назовем ее так) в исторической науке еще только начинает складываться. Из-за того, что на протяжении продолжительного времени история прежде всего заботилась о том, чтобы отстоять свой научный статус, еще не сложился, видимо, ни комплекс идей, ни понятийный аппарат, позволяющий показать всю сложность «живого» исторического познания. Полагаю, что в этой традиции метафизические предпосылки и составляющие процесса познания, равно как и эпистемологические предпосылки, окажутся тесно связанными с конкретно-историческими. Собственно, начало этому уже положено. Например, М. Вартофский так описывает роль метафизики: метафизика есть «эвристическое средство для научного исследования» благодаря тому, что она «представляет собой наиболее общий метод критического и систематического формирования альтернативных концептуальных структур, в рамках которых только и возможно теоретическое познание», и тем самым «создает основные модели научного понимания. Являясь своего рода упражнением для получения навыков самокритичного построения теорий, метафизика не только создает для науки ее первичные модели, но – что, может быть, еще более важно – формулирует условия концептуальной структуры любой модели как условия понимания»³⁵. Поэтому вполне вероятно, что философии истории, являясь своего рода «историческими метафизиками», выполняют еще одну важную функцию – они апробируют и представляют нам различные формы исторического воображения, различные структуры и модели общего видения истории.

Таким образом, если на протяжении второй половины XIX и практически всего XX века превалирующим вектором развития исторической науки было стремление обозначить четкую демаркацию

³⁵ Вартофский М.С. Эвристическая роль метафизики в науке // Структура и развитие науки. М., 1978. С. 43-44, 107.

между, якобы, эмпирически верифицированными историческими знаниями, с одной стороны, и принципиально неверифицируемыми философско-историческими построениями, то достижения неклассической и тем более постнеклассической рациональности свидетельствуют о том, что философия и метафизика не только неустранимы из науки, более того – они выполняют важные функции. В том числе вырабатывают особый, междисциплинарный по своей сути язык, позволяющий осуществлять исторический синтез. Поэтому, вероятно, Тойнби был прав, когда писал, что междисциплинарные связи должны быть не только горизонтальными, но и вертикальными, т.е. иметь отношение к метарефлексии³⁶. Для историка в этом нет ничего удивительного, поскольку любая наука стремится к логической универсализации своих достижений. А.Я. Гуревич однажды высказал опасение, что контакты историографии с историософией приведут к тому, что историческая наука вновь окажется погребенной под глыбами «глобальных генерализаций, которые мешают историку увидеть конкретное, а не иллюстрировать эти общие законы»³⁷. Представляется, что историческая наука в XX в. уже отстояла свою автономию и приобрела устойчивый иммунитет от подобного рода посягательств на ее суверенитет. Но не надо забывать и о другой опасности: потеря связи между двумя способами историко-теоретического дискурса может обернуться обесмысливанием самого исторического знания³⁸. И этот риск уже проявил себя в полной мере, когда встал вопрос о сведении воедино того, что написано «глобальными историками».

В этой связи не вполне понятны попытки некоторых современных философов исключить из числа философско-исторических проблем вопросы, связанные со спецификой исторического познания. Так, например, А. Ивин, справедливо критикуя мнение о том, что «философское исследование истории не способно породить никаких общих идей, касающихся человеческой истории, и тем более связанных концепций исторического развития», и считая (перефразируя известное выражение И. Лакатоса), что «Философия истории без науки истории пуста; наука история без философии истории слепа»,

³⁶ *Toynbee A.J.* What I am Try to Do? P. 2-3.

³⁷ *Гуревич А.Я.* Не «Вперед, к Геродоту!», а назад – к анекдотам // Историк в поиске... С. 237.

³⁸ См. об этом: *Межуев В.М.* Философия истории и историческая наука // Вопросы философии. 1999. № 4. С. 74-86.

тем не менее, полагает, что проблема своеобразия исторического познания должна быть исключена из области философии истории. Он аргументирует это тем, что «если пойти по этому пути, придется для каждой из многочисленных социальных и гуманитарных наук создавать свою собственную “теорию познания”, изучающую эпистемологическое своеобразие конкретной науки. Нужны будут “теория экономического познания”, “теория социологического познания”, “теория психологического познания” и т.п. Но таких теорий нет и очевидно, что их никогда не будет»³⁹.

Разумеется, «обсуждать проблемы исторического познания нужно не в изоляции, а в общем контексте гуманитарного и социального познания, сопоставляя и сравнивая методы разных дисциплин»⁴⁰, однако непонятно, каким образом это мешает историкам или философам истории задумываться над этими вопросами, эксплицируя, таким образом, свою мастерскую, более того, избежать такой рефлексии невозможно. Это вовсе не означает, что тем самым они ставят своей задачей построение какой-то единой теории исторического познания. Скорее, это связано с неизбежной эпистемологической нагруженностью любого базового понятия или теории, и тем более – философско-исторической. Другими словами, когда мы говорим общество (цивилизация, время, пространство, культура, история и т.д.), мы имеем в виду не реальное общество, а его познавательный конструкт, способ упорядочивания, интеллигибельное поле исследования, скрывающие в себе определенный познавательный ход. Например, если считать общество реальной совокупностью индивидов, понадобятся одни способы его познания, а если, скажем, считать его процессом и результатом взаимодействия индивидов, то совершенно другие. У них не объективная, а метафорическая, риторическая природа. Именно эта онтологическая и эпистемологическая нагруженность понятий и заставляет рефлексизирующих по этому поводу историков со всей остротой ставить сегодня вопрос о пересмотре унаследованных от эпохи нового времени понятий, непосредственно влияющих на логику исторического дискурса. Рефлексивный поворот тем и привлекателен, что направлен на выявление того, как думает и работает историк⁴¹. Кстати, подзаголовок такого всемирно известного журнала, как *History and Theory*

³⁹ Ивин А. Философия истории. С. 12.

⁴⁰ Там же. С. 12-13.

⁴¹ См., особенно: Копосов Н.Е. Как думают историки. М.: НЛЮ, 2001.

(*Studies in Philosophy of History*), не говоря уже о его содержании, свидетельствует о том, что его редколлегия тоже не считает правомерным разведение философских и теоретических проблем истории. Примечательна в этом отношении мысль, высказанная в опубликованной недавно статье с симптоматичным названием «Возвращение философии истории», которая, по мнению автора, призвана «восстановить отношения между философской рефлексией и исторической практикой»⁴².

Когда Тойнби приступил к написанию «Постижения истории», его тоже не мог не волновать вопрос о методе – центральный для исторического и тем более философско-исторического исследования.

Как известно, путь философско-исторического познания весьма сложен и наталкивается вплоть до наших дней на огромные трудности, создаваемые сторонниками узкой специализации, с одной стороны, и абстрактно-философской схоластики, с другой. Мы имеем дело либо с подгонкой фактов под некую теоретическую схему, либо видим попытки вывести теорию непосредственно из фактов. В обоих случаях имеет место разорванность и эклектичность в понимании структур мира, типичным примером чего являются многочисленные всемирные истории, появившиеся у нас и на Западе в XX веке. Кроме механического соединения огромного фактического материала, снабженного иногда весьма шаткими и банальными теоретическими скрепами, в подобных сочинениях мало полезного.

У молодого Тойнби не было нашего опыта, но и он чутьем угадывал, что критический метод Нибура, усвоенный им в процессе исторического образования, мало подходит для реализации намеченной цели. К тому времени новые теоретические веяния, преимущественно в философии, политике и экономике, уже начинали подрывать устоявшиеся доктрины и исследовательские традиции XIX столетия. Речь идет, прежде всего, о той внутренней критике позитивизма, которая зародилась на рубеже веков и в рамках которой стали появляться сомнения в объективном и позитивном характере социально-исторического познания, а также предприниматься попытки утвердить идею отличия исторического познания от естественнонаучного и одновременно защитить его научный статус. Тойнби неоднократно ставил эту проблему в своих трудах. «Первая вещь, кото-

⁴² *Harootunian, Harry. Philosophy of History's Return // History and Theory. Vol. 54. No. 1. P. 96-105.*

рую мы должны здесь понять, каким образом мы можем перенести в нашу область естественнонаучные методы исследования законов, регулярностей, единообразия, повторения. Некоторые западные историки утверждают, что при изучении истории такие регулярности отсутствуют, и утверждают, что такие паттерны не существуют в их головах. Но использование историками таких паттернов, как “Европа” или “Британия”, показывают, что они ошибаются относительно природы их собственных интеллектуальных операций. Они есть. Фактически это классический христианско-мусульманский паттерн, только переодетый в современное секулярное платье. Разница между современными историками и их предшественниками заключается в том, что они не позволяют осознать эти паттерны в своей голове, а их предшественники осознавали это. Если невозможно мыслить без интеллектуальных моделей, – а, по-моему, это невозможно, – лучше знать, что они есть, ибо модель, которая не осознана, властвует в человеческой голове бесконтрольно»⁴³.

Одна из задач, по мнению Тойнби, как раз и состояла в том, чтобы проверить, как далеко может завести научный подход при изучении человеческих дел. Вопрос не в том, считал он, существуют ли интеллектуальные модели («никто не может утверждать серьезно, что в мышлении нет моделей; существуют интеллектуальные модели типа “общество”, “человечество”, “церковь”, “война”, “человек”»), а в том, могут ли они а) пронизывать всю сферу человеческих отношений; б) напрямую выводиться из всей толщи эмпирического материала? Ответ на оба вопроса – в основоположениях тойнбианской философии, и этот ответ отрицательный.

Тойнби неоднократно писал о неизбежной ограниченности научно-рациональных методов при изучении «истории людей» и наличии элементов непредсказуемости и спонтанности в духовном мире человека. В конце своей неопубликованной заметки «Как работает историк» он утверждает, что историк должен иметь нечто подобное второму зрению, своего рода интуицию, чтобы видеть прошлое так, как будто бы оно находится перед ним. И потом добавляет: *«Искусства и историописание схожи друг с другом, поскольку оба представляют собой попытку воображения влиять на опыт»*⁴⁴.

⁴³ Toynbee A.J. What I am Try to Do? P. 9.

⁴⁴ Toynbee A.J. What the Historian Does. P. 8.

Только для историка воображение – это средство, а для художника – цель. Необычность работы Тойнби как раз в том и состояла, что он сделал эту «художественность» в работе историка более явной, чем это было принято в академической истории (по тому, как она определялась в XIX веке в Германии). Не случайно он специально замечает: *«Я благодарен моему старомодному классическому образованию, что оно уберегло меня от понимания человеческих проблем в духе немецкого XIX века»*⁴⁵. Эти взгляды Тойнби не только остались неизменными на протяжении его жизни – он культивировал их в своих изысканиях, и долгое время именно этот пункт в его философии истории был предметом ироничной критики со стороны советских ученых. Но сегодня некоторые отечественные историки не исключают, что именно сочетание рациональных (объяснение) и интуитивных (понимание) методов познания представляет преимущество концепции Тойнби, а вовсе не ее недостаток⁴⁶. Несамодостаточность разума, проявившаяся особенно четко в XX веке, также способствует методологической реабилитации идей британского ученого.

Однако, вскрывая теоретическую заданность исторического факта, а также возможность использования воображения и интуиции в процессе исторической реконструкции, Тойнби вместе с тем верил и в объективность истории. Объективистские установки А. Тойнби вскрываются в его споре с Р. Коллингвудом, который, как известно, утверждал, что вся история – это история мысли. Тойнби же констатировал множество факторов, обуславливающих деятельность историка, и тем самым в неявной форме отстаивал объективную обусловленность истории. Он полагал, что если деятельность источника-творца опосредована современной ему реальностью, то эта реальность неизбежно присутствует в источнике и, стало быть, поддается расшифровке. Возможно, данная позиция была недостаточно четко артикулирована Тойнби, но она легко выявляема при чтении «Постижения истории» и автобиографических работ британского историка⁴⁷. Отсюда столь напряженные источниковедческие штудии Тойнби, обеспечившие его главному труду мощную фактологическую

⁴⁵ Тойнби А. Пережитое. С. 104.

⁴⁶ Каспэ С.И. Российская цивилизация и идеи А.Дж. Тойнби // Свободная мысль. 1995. № 2. С. 78.

⁴⁷ Там же. С. 20-21.

базу. Однажды в противовес догматизму Шпенглера он даже провозгласил себя эмпириком. Однако в 12-м томе «Постижения истории» Тойнби поясняет, что под т.н. эмпирическим подходом, приверженность которому он декларировал, он понимает: а) теоретическую заданность собственно исторического факта, его рукотворную природу; б) принципиальную невыводимость теории из эмпирики и в) неполноту системы рациональных категорий для осмысления истории.

Подход Тойнби к проблеме объективности скорее напоминает веберовский. Как и М. Вебер, он понимал субъективность любого исторического исследования и неизбежность присутствия в нем оценки, потому что «*“научное” изучение... по самой своей природе не может быть самоцелью, хотя оно может стать необходимым инструментом для достижения той цели, ради которой оно проводится... <...> Если человек, занимающийся изучением отношений между людьми, воображает, будто их можно анализировать, не привнося в этот анализ свое личное пристрастие, то он обманывается. Самое большое, что может сделать исследователь человеческих дел, – это обнаружить в себе это пристрастие и объявить о нем во всеуслышание*»⁴⁸. И далее: «Я верил и всей душой верю в ценность научного подхода. <...> Но как быть с вопросом отношения итальянских властей к немецкоязычному населению Южного Тироля после перехода Южного Тироля из-под суверенитета Австрии под власть Италии? Как быть с человеческими (а не просто юридическими) правами арабского населения Палестины? Как быть с нападением Италии на Эфиопию? И если взять экстремальный случай: как быть с нацистским геноцидом еврейской диаспоры в континентальной Европе? Насколько возможно – и если возможно, то насколько правильно – стремиться в подобных случаях к «научности»? <...> Следует ли ради соблюдения “объективности”, излагать историю газовых камер тем же ровным и лишенным эмоции тоном, каким он (историк. – О.В.) стал бы излагать противоположные доводы голландских и бельгийских правоведов в их споре о судоходстве на Шельде? <...> В конечном счете, требование придерживаться “научности” в смысле “объективности” являет собой неписанное ограничение, которое может простирается лишь настолько, насколько это согласуется с понятиями о человечности».

⁴⁸ Тойнби А.Дж. Мои встречи. Пережитое. С. 81.

Вот та точка, где определялась для Тойнби мера «объективности». Но главная трудность состоит в том, чтобы понять, была ли эта мера достигнута в каждом конкретном случае. Единого правила для решения этого вопроса, видимо, не существует. Ученому, который изучает дела людей и сталкивается с этой проблемой, приходится решать ее в каждом случае *ad hoc* и на свой страх и риск. Его решение, каким бы оно ни было, вероятнее всего, подвергнется критике и будет оспариваться... И Тойнби приходит к выводу, что во всех этих случаях споры между ученым, изучающим человеческие деяния, и его критиками принципиально не имеют завершения. Дискуссионная интерпретация противоречивых человеческих деяний, по определению, лежит уже за теми пределами, внутри которых «объективность» достижима и желательна; поэтому каждая сторона имеет возможность отместить точку зрения другой стороны как «субъективную»⁴⁹.

Таким образом, Тойнби порывает с многими идолами предположительно научной и объективной мысли. Но, осознавая субъективность познания, Тойнби в то же время был против неограниченного релятивизма, полагая, что мировоззрение человека таково, что ему нужна какая-то устойчивая система координат. Что-то должно быть объективным. И он видел это объективное в тех социальных и культурных предпосылках, которые опосредуют деятельность историка и подлежат выявлению. Таким образом, идеал создания гуманитарного познания, во-первых, сохранял свое эпистемологическое значение, но был лишен онтологического значения, прямого соотношения с бытием; упор делался именно на методологическом ракурсе, т.е. разных стратегиях его осуществления. Во-вторых, это снимало проблему противостояния и взаимодействия теоретического и фактического знания, их альтернативности и открывало путь для их диалога как двух взаимодополняющих перспектив гуманитарного исследования. В-третьих, это позволяло преодолеть слабое место старых гуманитарных конструкций – недостаточное осознание роли социокультурных предпосылок при конструировании гуманитарного знания. В-четвертых, это акцентировало специфику гуманитарного познания, его несводимость к знанию естественнонаучному. Это не история, какой она была на самом деле, а всего лишь один из возможных вариантов ее реконструкции и интерпретации. «Я также

⁴⁹ Там же. С. 81, 386, 387.

категорически не согласен с определением Бери, что история – это наука, не меньше, но и не больше того», – писал он⁵⁰. Наконец, такая позиция Тойнби стимулировала дальнейшие размышления (в том числе современные) о том, почему все крупнейшие творцы современной науки совмещали в себе обе, на первый взгляд, несовместимые позиции – реализма и субъективизма. Но иначе просто быть не могло, потому что в основе этого дуализма лежит центральная ценностно-познавательная установка современного научного мышления, – противопоставление объекта и субъекта и одновременно их взаимозависимость: научное мышление возможно только тогда, когда под контролем оказываются и влияющие на ход исследования внешние факторы, и *мыслительные операции самого познающего субъекта*, что неизбежно ведет к философии субъективности. В результате объективистская установка на деле оказывается оборотной стороной установки субъективистской. Другими словами, сам способ формулирования ценностно-познавательной установки создает тупиковую ситуацию в решении этой проблемы.

Вопроса о том, могут ли глобальные обобщения напрямую выводиться из всей толщи фактического материала, Тойнби не раз обсуждал со своим младшим сокурсником по университету Льюисом Немиром (Бернштейном), оказавшим на него воздействие в плане исследовательского метода. *«Вы, – говорил он Тойнби, – стараетесь увидеть дерево в целом. Я стараюсь обследовать его лист за листом. Основная масса историков пытается рассматривать дерево ветка за веткой. И мы с вами сходимся в том... что этот последний подход, по меньшей мере, малообещающ»*⁵¹.

Рассуждения обоих в значительной мере были опосредованы дискуссией, развернувшейся в конце XIX – начале XX в. вокруг знаменитого тезиса Леопольда фон Ранке о том, что историк должен писать историю так, как это происходило на самом деле. И каждый из них старался, *«следуя собственным курсом, найти некий способ выразить исторические события в терминах не мифов, но реальностей»*⁵². Немир принадлежал к той категории исследователей, кото-

⁵⁰ Тойнби А.Дж. Янус в семьдесят пять // Тойнби А.Дж. Мои встречи. Пережитое. С. 105.

⁵¹ Тойнби А.Дж. Сэр Льюис Неймир // Тойнби А.Дж. Мои встречи. Пережитое. С. 356.

⁵² Там же.

рые, изучая человеческие деяния, задействовали «просопографический» (персонифицированный) метод исследования, заключающийся в детальном анализе действий, мыслей и чувств отдельных человеческих существ, вовлеченных в рассматриваемые транзакции. Метод Немира нашел воплощение в задуманной им истории парламента, которую исследователь пытался написать через реальные деяния конкретных личностей, их жизни и межличностные отношения. Но героические усилия Немира все время наталкивались на превосходящую силу в виде несметного количества материала, которым ему предстояло овладеть.

Тойнби уже тогда отвергал предложенный Немиром путь, в т.ч. и потому, что осознал специфику языка историка. «Мне представляется (и именно так представлялось Льюису), что реальности в мире человеческих деяний – это отдельные люди, а также связи и отношения, в которые эти люди вступают. <...> Поэтому когда мы говорим: “Тарольд Вильсон сделал то-то и то-то”, – мы на сто процентов используем язык реалистичный. Если мы говорим: “Премьер-министр сделал т-то и то-то”, наши ноги уже не столь твердо стоят на земле, потому что термин “премьер-министр” это абстракция <...> Если мы говорим: “Это сделало правительство Ее Величества”, нас сносит с твердой почвы в область мифологии. <...> Мифическая история есть негодное средство описания реальностей человеческих деяний...»⁵³. Тойнби был убежден, что если попробовать «написать кусочек исторического повествования в терминах только лишь человеческих индивидуальностей и их взаимоотношений», то этот «эксперимент окажется разочаровывающим», поскольку «количество всего в человеческом окружении... непрерывно, беспорядочно и неумеренно возрастает, тогда как силы и возможности самого человеческого существа остаются теми же, что и прежде»⁵⁴. К наличию определенной неконвертируемости эмпирического и теоретического уровней постижения истории Тойнби подталкивало и его классическое образование, т.к. одно из преимуществ занятий античной историей, полагал Тойнби, как раз и состоит в том, что сохранившиеся источники – литературные, документальные и археологические – относительно скудны, историку античности «необходимо реконструировать из об-

⁵³ Там же. С. 357.

⁵⁴ Там же. С. 357, 358.

рывочных следов и подсказок связную историю прошедших событий; ему нет нужды копаться в бесконечном количестве материалов»⁵⁵.

В этой связи интересно внимательнее присмотреться к тому, как Тойнби строит свою модель всемирной истории.

Очевидно, что процесс движения тойнбианской мысли от эмпирического материала к созданию синтезной картины мира не представлял чисто логического исследования. Налицо явная коллизия фактического и теоретического уровней в тойнбианских построениях, их определенная неконвертируемость. Порой, сама мощь философских вопрошаний была настолько велика, что становилось недостаточно ни громады эмпирического материала, ни владения логическими процедурами, и вступала в действие сообразованная с логикой научно-философская интуиция⁵⁶. Это не значит, что неизбежные при такого рода генерализациях пробелы в эмпирическом обосновании своих конструкций Тойнби восполнял лишь интенсификацией своих интуитивно-познавательных возможностей. Не будучи в силах овладеть всей информацией, он, как правило, привлекал труды других историков-профессионалов, используя их как исторический источник⁵⁷. Впервые такое широкое привлечение историографии при создании «Постижения истории» было отмечено В.Д. Жигуниным⁵⁸. Он обратил внимание и на сам феномен историографии, способной не только выявлять факты и заниматься их первичным обобщением, но и размещать и интерпретировать их в глобально-историческом повествовании. Конечно, такой подход к организации исторического материала имеет свои изъяны, о которых немало написано в исторической литературе. На него, в частности постоянно сыпались обвинения в многочисленных ошибках и ляпсусах при трактовке исторических фактов. Но одновременно этот подход включает в себе и полезный опыт.

Прежде всего, очевидно, что единственный метод, открывающий саму возможность глобального исторического синтеза, может быть лишь метод философский, и, как свидетельствует опыт Тойнби,

⁵⁵ *Тойнби А.Дж.* Сэр Альфред Циммерн // *Тойнби А.Дж.* Мои встречи. Перевитое. С. 337.

⁵⁶ *Toynbee A.J.* A Study of History. Vol. 12. OUP, 1961. P. 253-255.

⁵⁷ Кстати, точно так же Тойнби писал и «Обзоры международных событий», обобщая присланный ему экспертами материал.

⁵⁸ *Жигунин В.Д.* Философия истории: формирование и эволюция основных идей (пять лекций в Самаре). Самара, 1997. С. 60.

будет вынужден строить суждения на «зыбких гранях логического дискурса, фактологического осмысления и опыта самопознания историка»⁵⁹. Последний имеет ключевое значение и складывается из личного опыта ученого и строя его собственной личности. Это не значит, что проблема совершенствования профессионального историковедческого мастерства отодвигается на задний план или служебно-подготовительную ступень научного творчества. Но и внеисточниковый контекст в историческом познании нельзя сбрасывать со счетов. Насколько эти основания зыбки, свидетельствует то, что Тойнби, по сути, так и не удалось по-настоящему соотнести духовно-философскую проблематику с фактологией. На этом основании кто-то считает такие широкие толкования (по сравнению с теми, которые можно рассмотреть в лупу со своего узконаправленного фокуса) невалидными⁶⁰. Другие утверждают, что исследователь, который работает в таком широком поле, а не с источниками, вообще не является специалистом. На это тоже может быть контраргумент: когда детали схвачены острым фокусом, все, что находится вокруг него, может оказаться (и оказывается) размытым или исключенным, как в микроскопе, и это тоже может привести к серьезным искажениям или фальсификациям. Тойнби более других стремился объединить методы специалиста с генерализациями, в то время как большинство ученых отказывались (и отказываются сегодня) вершить такой синтез. Очень хорошо по этому поводу сказал Т.П. Нил: «микроскопический взгляд критикующих Тойнби историков никогда не заканчивается макроскопическим обзором»⁶¹.

Было, на мой взгляд, еще одно обстоятельство, способствующее негативному восприятию тойнбианской книги и так сильно консолидировавшее научное сообщество: философия истории все больше уступала место сугубо дисциплинарным исследованиям. Тойнби не раз сетовал на то, что гуманитарии в последнее время заняты преимущественно *«раскладыванием по полочкам все возрастающего числа резко ограниченных друг от друга дисциплин. Это безнадеж-*

⁵⁹ Рашковский Е.Б. Философия истории как авантюра // На оси времен. Очерки по философии истории. М., 1999. С. 9.

⁶⁰ Renier G.J. Toynbee's A Study of History // Toynbee and History. P. 73. См. также: Renier G.J. History. Its Purpose and Method. L., 1950.

⁶¹ См.: Neill Th.P. The Complete Toynbee: a Modest Appraisal // Historical Bulletin. March, 1956. P. 131-167.

ная попытка управиться с огромным количеством всего того, что должно быть познано... Вот почему нам нужно... снова найти путь изучения человеческой жизни в том единстве, которое она, по существу, и являет собой»⁶². Другими словами, Тойнби придерживался весьма новаторских концепций, к тому времени еще не получивших всеобщего признания, но предвосхитивших сегодняшний день исторической науки. Сам он считал это следствием своего классического образования, приучавшего «смотреть на предмет в целом»⁶³. «Передо мной даже не вставал вопрос, быть ли мне историком политики, экономики, религии, искусств, науки или техники; моей сознательной и обдуманной целью было изучение человеческих дел в совокупности, как единого целого. Я всей душой восставал против их деления на так называемые дисциплины. Строго придерживаясь этой линии, я, надеюсь, перепрыгнул прямо из XVIII века в век XXI, не запутавшись ни в XIX, ни в XX веке»⁶⁴.

Представители различных дисциплин реагировали на это поразному. Социологи поначалу чувствовали привлекательность тойнбианских идей, с их установкой на сочетание эмпирического метода с попытками генерализаций, но, заметив неуклюжесть Тойнби в плане владения социологическим методом, а также привлечение к нему методов исторической науки и других, не характерных для социологии методов, отвернулись от него. Антропологов раздражало его обращение к культуре, сопровождавшееся опорой на документы, а не наблюдение. Философы возмущались очередной попыткой создать философию историю, тем более при очевидном, с их точки зрения, не владении им философскими процедурами. Были еще атеисты, агностики и рационалисты, напуганные его религиозными интенциями, и, наоборот, теологи и религиоведы, встревоженные его высказываниями в этом ключе, поскольку Тойнби отрицал свою приверженность к какой-либо конкретной религиозной вере. Все они выхватывали данные относительно своей области научного знания,

⁶² *Toynbee A. (rec.) Kroeber A.L., Klukhohn C. Culture: a Critical Review of Concepts and Definitions. N.Y., 1963 // History and Theory. 1964. Vol. 4. № 1. P. 129. См. также: Тойнби А.Дж. Пережитое. М., 2003. С. 104.*

⁶³ *Тойнби А.Дж. Почему и как я работаю // Тойнби А.Дж. Мои встречи. С. 93; Toynbee A.J. What the historian Does (Essay read to the undergraduate club at Oxford in the University year 1910-1911) // Bodleian Library. Toynbee Papers. P. 9.*

⁶⁴ *Тойнби А.Дж. Мои встречи. Пережитое. С. 106.*

не в силах преодолеть рамок собственной дисциплины и посмотреть на свой предмет междисциплинарно.

Сказанное позволяет сделать вывод, что широта и сила дискуссий, развернувшихся в свое время внутри тойнбианы, были связаны, прежде всего, с тем, что А. Тойнби сумел нащупать и затронуть важную струну в развитии гуманитарного знания в XX веке и невольно оказался медиатором этих споров. Но не потому, что оказался посередине, где, согласно общепринятым, но ошибочным представлениям, находится истина. Посередине может находиться только проблема, а истина «где-то рядом», точнее по ту сторону, в другом измерении, взгляд из которого и позволил Тойнби попробовать соединить то, что на первый взгляд, казалось несочетаемым.

Это выдает в нем представителя диалектического мышления, приобретенного им еще в университетские годы, когда он слушал специальный курс по философии Гегеля, и обеспечившего, на мой взгляд, его уникальную диалектику локального и универсального, коллективного и индивидуального, природного и социального, линейного и циклического. Например, отечественной социогуманитарной мысли еще только предстоит по достоинству оценить степень провидения Тойнби, когда он писал об идее исторического прогресса как упрощенном взгляде на динамику человеческой истории, сложившемся под влиянием представлений о линейно текущем времени. «Это не что иное, – писал Тойнби, – как простейший образ волшебного бобового стебелька из сказки, который пробил землю и растет вверх, не давая отростков и не ломаясь под тяжестью собственного веса, пока не ударит головой о небосвод»⁶⁵. Тойнби справедливо полагал, что это была христианская или мусульманская модель (сотворение, пришествие, спасение), и когда из этой модели был убран Бог, европейцы поставили на его место Запад. Этот взгляд на историю Запада как на движение по прямой линии и привели, по мнению ученого, к доминированию таких конструктов как Запад, Европа или Британия, которые не вписываются в панораму XX века, т.к. в ней нет места Индии, Китаю или России⁶⁶. Многие британские ученые в те годы призывали отказаться от упрощенных линейно-прогрессистских представлений о всемирно-историческом процес-

⁶⁵ Тойнби А.Д. Постижение истории. С. 85.

⁶⁶ Toynbee A.J. What the historian Does. P. 8.

се⁶⁷, кто-то вообще встал на позиции полного отрицания исторического развития⁶⁸. Но, признавая ограниченность и неубедительность процесса движения истории в его классическом варианте, Тойнби опять-таки не впал в крайности и не ограничился популярной в те годы концепцией циклической эволюции отдельных цивилизаций, которую, в частности, предлагал О. Шпенглер. Его познавательный опыт говорил о важности конструирования такой модели исторического процесса, которая интегрировала бы как линейный, так и циклический аспекты исторического времени, комбинируя локальность и тотальность исторического пространства⁶⁹. «Вместо шаблона истории, построенного по принципу бобового растения (однонаправленный процесс) мы должны нарисовать для себя дерево, на котором растут цивилизации, на каждой ветви, друг около друга. И эта модель самая важная в будущем», – писал он⁷⁰.

Безусловно эвристичным является и тойнбианское видение взаимодействия цивилизаций, которое с точки зрения британского историка выполняет определенную функцию в истории – функцию выживания. Чтобы выжить, цивилизации просто вынуждены обращаться и взаимодействовать с соседями, усваивать взятые извне идеи и смыслы, прибегать к сознательным заимствованиям и нововведениям, ассимилировать чужеродные этнокультурные потоки или же присваивать им анклавный статус. Тойнби был далек от идеи проницаемости цивилизаций (более того, акцентировал разную степень проницаемости для разных цивилизационных компонентов), скорее он говорил о со-развитии, порой с трудом наблюдаемом в исторической эмпирике, но по существу непреложном. Именно им обеспечивается жизнестойкость цивилизаций (по Тойнби, вызовы-и-ответы в сферах мысли, веры, технологии, экономики). Способность к комбинаторике, отбору и резонансам смыслов есть одна из важных черт человеческой реальности. Стало быть, возвращение к опыту Тойнби – это не только возвращение к опыту прочтения Тойнби тех или иных проблем, но и возвращение к идеям, которые могут обогатить современную теоретико-историческую мысль.

⁶⁷ Напр.: Barraclough G. *History in Changing World*. Oxford, 1955. P. 230, 231.

⁶⁸ Baillie J. *The Belief in Progress*. L., 1951.

⁶⁹ См., напр.: Тойнби А. Постигание истории. С. 524.

⁷⁰ Toynbee A.J. *What the Historian Does*. P. 8.

Например, Тойнби много достиг благодаря метафорам, придав новые значения старым терминам («вызов и ответ», «уход и возвращение», «внутренний и внешний пролетариат», «мимесис», «культурная радиация», «философская эквивалентность» и др.) и тем самым привлекая внимание к языку науки. Отношение к метафоре как к средству познания в истории науки было неоднозначным. Во времена Тойнби большая часть историков усматривала в ней признак художественности, который должен быть исключен из научной практики. Но Тойнби, как уже отмечалось выше, понимал недостаточность дискурсивно-логического мышления в историческом познании.

К этому его подталкивала сама ситуация модерна, среагировавшая на изменение мира, необходимость корректировки и переосмысления прежних форм мировосприятия и опыта, не передававших более полноты его бытия. В результате культурное зрение в XX в. стало приобретать новую оптику, новое качество, новый взгляд на мир, который условно можно назвать художественным. Художественное зрение – это желание взглянуть на мир в его отношениях. Раньше мир виделся дуалистично: черное – белое, Восток – Запад, цивилизация – варварство... А теперь стала превалировать простая, но очень важная мысль: надо смотреть не на оппозицию, а на то, что между ними. Мир богаче и разнообразнее. Значит, надо найти, выделить и соединить то, что раньше казалось несоединимым. А это требует и другого языка описания. Причем языка не только как вербального феномена, но языка в самом широком смысле этого слова – как совокупности правил, предопределяющих любой вид деятельности. Это объясняет то настоящее творческое сумасшествие, которое царило в искусстве и литературе эпохи модерна и которое, по сути, представляло собой попытку по-новому смоделировать реальность, переиграть старые смыслы в новых отношениях. При всей разности этих поисков было некое единство переживания всех его участников. И это не только единство контекста. Это единство иллюзий, реминисценций, оттенков, ощущения недостаточности реальности, попыток выйти за пределы культуры, наконец, сотворить свою реальность. Не понимая этого контекста, невозможно по-настоящему осмыслить творчество А. Тойнби.

Вернемся к метафоре, которая, как стало очевидно сегодня, обладает большими эвристическими возможностями. Эти возможности в значительной мере обусловлены многозначностью исторических

понятий, которая может становиться и зачастую является предпосылкой для возникновения новых идей. Кроме того, современные когнитивные исследования позволили осознать наличие в любом когнитивном образе невербализованной части, неявной и с большим трудом поддающейся категоризации. Другими словами, мысль в исследовании движется от создания метафорических образов к их уточнению и постепенному сгущению в более строгие понятия. Кроме того, метафора обладает моделирующими возможностями, она «не только формирует представление об объекте, она также предопределяет способ и стиль мышления о нем. Особая роль в этом принадлежит ключевым метафорам, задающим аналогии и ассоциации между разными системами понятий»⁷¹. Сказанное позволяет предположить ключевую роль метафоры в функционировании и смене научных парадигм. Осуществляя семантический сдвиг и позволяя увидеть свой предмет иначе, в других взаимосвязях, метафора как раз и способствует образованию неожиданных, нетрадиционных и ассоциативных «межфреймовых» связей, существенно продвигающих научный поиск. Метафоры, как писал М. Минский, «дают нам возможность увидеть какой-либо предмет или идею как бы “в свете” другого предмета или идеи, что позволяет применить знание и опыт, приобретенные в одной области, для решения проблем в другой области»⁷². При этом, метафоры «способны осуществлять трансфер не только из разных научных дисциплин, но и из разных когнитивных практик, способствуя их диалогу»⁷³. Тойнби не оставил нам никаких специальных раздумий относительно метафор (хотя, возможно, его мысли на этот счет когда-нибудь и будут обнаружены в его неопубликованных сочинениях), но он активно использовал это «орудие мысли» (выражение Ортеги-и-Гассета), что и позволяет нам включать его труды в интересный диалог с современными эпистемологическими идеями и концепциями истории науки.

⁷¹ Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. I–XV. С. 378. Ключевой метафорой считают ту, которая «переносит образ одного фрагмента действительности на другой её фрагмент». Микешина Л.А. Эпистемология и когнитивная наука: базовые категории и принципы взаимодействия // Когнитивный подход. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2008. С. 26.

⁷² Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. М.: Прогресс, 1988. С. 291–292.

⁷³ Микешина Л.А. Указ. соч. С. 26.

Можно сколько угодно критиковать тот способ реконструкции мировой истории, который предложил нам А.Дж. Тойнби. В его построениях было сколько угодно ошибок, неточностей, противоречий, догматизма, а иной раз и сознательных искажений, подгонок под схему. Особенно много его критиковали за неточность фактов (которые он, зачастую беря из вторых рук, не всегда подвергал должной критике) и произвольность интерпретаций. Однако я не могу припомнить ни одного крупного мыслителя, который не подвергся бы подобным обвинениям, включая Ф. Броделя, М. Фуко, К. Гинзбурга, а из отечественных А.Ф. Лосева и Ю.М. Лотмана. И, я полагаю, что это не случайно, потому что новые, неординарные идеи, подходы, направления возникают, как правило, на стыках дисциплинарных специализаций. А вторжение на чужую академическую территорию всегда чревато фактическими ошибками. Чтение этих авторов на уровне фактической базы – это, на мой взгляд, самый непродуктивный и (не побоюсь этого слова) высокомерный путь освоения любого творчества (мы всегда находимся в выигрышной позиции *после*). Гораздо интереснее и важнее в их трудах иное.

Иное – это расширение Тойнби диапазона исторического сознания за пределы, доступные его предшественникам. Он пытался сравнивать всю человеческую цивилизацию и настаивал на возможности этого. Он не был столь наивен, чтобы не понимать разницу контекстов при проведении таких сравнений – ему был интересен *ретроспективный* диалог между цивилизациями, разделенными, порой, тысячелетиями – поиск тех точек соприкосновения, взаимодействия, которые существенны для нас сегодня. Его история была проста в основных линиях, но чрезвычайно изысканна и богата в примерах.

Иное – это вызов Тойнби привычным этноцентричным представлениям о прошлом, в которых выросли его современники, опередив тем самым время и предвосхитив сегодняшние пути истории и повороты мысли.

Иное – обращение к вечным философским вопросам – об истине, соотношении знания и действительности, познавательных возможностях разума – шире – о природе рационального.

Предложенные им ответы не претендовали на то, чтобы быть единственно верными, являясь не более чем методологическим принципом организации реальности. И это само по себе разрушало

интеллектуальный догматизм и открывало новые интерпретационные горизонты.

Иное – растущий интерес к исследованию нереализованных путей исторического развития, роли случая в осознанном человеческом действии, который при определенных условиях может изменить вектор исторического развития.

Иное – тойнбианская диалектика локального и универсального, коллективного и индивидуального, природного и социального, линейного и циклического. А с другой стороны, его диалектика рационального и интуитивного, воображаемого и реального, образного и лингвистического вкупе с огромным объемом информации и прозорливостью рефлексий. И в этом смысле концепция Тойнби удивительным образом перекликается со всеми насущными вопросами современной исторической науки в ее поиске той интегральной научной перспективы, которую, по-видимому, еще только предстоит создать.

ГЛАВА 7

Цивилизационные исследования на рубеже XX–XXI вв. Эпистемологические основания и проблемные зоны

1. Цивилизационный дискурс и контуры новой эпистемологии

В последнее время все чаще приходится сталкиваться с суждениями по поводу кризиса цивилизационных исследований, который обозначился на рубеже XX–XXI вв. Налицо явное падение интереса к этому исследовательскому полю, что выражается в значительном уменьшении числа ученых, занимающихся этой проблематикой. На фоне бурной диверсификации научного знания, произошедшей после серии познавательных переворотов, открывших новые ракурсы рассмотрения реальности, а также в результате постмодернистской критики всех видов метадискурса / метанарратива / метаповествований, цивилизационные исследования кажутся банальными, догматичными, исчерпавшими свой эвристический потенциал и не способными объяснять ни общие, ни конкретные проблемы исторического развития¹. Некоторые противники цивилизационных исследований даже полагают, что упорное оперирование категориями цивилизационного анализа является показателем теоретической отсталости этой категории ученых². Другие, напротив, ставят им в вину излишнюю увлеченность теоретизированием и призывают пойти в архивы, где, якобы, и можно найти «подлинную» историю. Третьи идут еще дальше, предлагая вообще отказаться от концепта «цивилизация», правда, не предлагают ничего взамен и продолжают использовать этот концепт, никак не поясняя его значения, а стало быть, используя его неосторожно и методологически бездумно.

¹ См., напр.: *Гринев А.В.* Развитие России и теория цивилизаций // *Мировая экономика и международные отношения*. 2009. № 11; См. также мнение Л.Б. Алаева, высказанное в дискуссии при обсуждении междисциплинарного проекта «Цивилизации в глобализирующемся мире» // *Цивилизации в глобализирующемся мире*. М.: ИМЭМО РАН, 2009. С. 134.

² См., напр.: *Копосов Н.Е.* Память старого режима. История и политика в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 13–114, 191.

Столь же разнятся мнения тех ученых, которые работают в поле цивилизационных исследований и в этом качестве также не могут не задумываться о причинах подобного положения дел. Одни связывают проблемы цивилизационного дискурса, равно как и скептические высказывания в его адрес, с «недостаточной проясненностью самого понятия “цивилизация”, зыбкостью его критериев и конституирующих признаков, произвольностью посылок или бездоказательностью тех или иных посылок и выводов, наконец, привнесением идеологических пристрастий в научное исследование»³. В частности, такой точки зрения придерживаются авторы научного проекта «Мировые цивилизации и современность», который на протяжении десятка лет разрабатывался на площадке ИМЭМО РАН⁴. Другие (например, один из ведущих специалистов в области цивилизационных исследований И.Н. Ионов⁵) дополняют этот список свойственными цивилизационным исследованиям тенденциями к когнитивному доминированию, монизму, субстанционализму и объективизму. Третьи объясняют все теоретическим эскапизмом, осознанным или неосознанным небрежением теорией, а также практическим отсутствием синергии концептуального знания и конкретных исследований⁶. Четвертые склонны видеть причину в недостаточной оформленности этого направления научных исследований, в неопределенности его контуров⁷.

Думается, что каждое из приведенных суждений затрагивает какую-то грань проблемы, но не исчерпывает ее. Обратимся, например, к аргументу о недостаточной проясненности понятия «цивилизация». Действительно, четверть века назад данное обстоятельство воспринималось большинством отечественных ученых негативно и служило поводом для критики разных цивилизационных концепций⁸. Сегодня

³ Раишковский Е., Хорос В. Мировые цивилизации и современность (к методологии анализа) // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 12. С. 33.

⁴ Там же. С. 33–41.

⁵ Ионов И.Н. Идеал цивилизации, его эмоциональная окрашенность и перекрестная история // Цивилизации. Вып. 9. М.: Наука, 2014. С. 58–83.

⁶ Николаева И.Ю. Концепт цивилизации и исследовательская практика // Цивилизации. Вып. 9. С. 96–120.

⁷ Шемякин Я.Г. К вопросу о методологии цивилизационных исследований // Цивилизации. Вып. 9. С. 27–57.

⁸ См., напр.: Гусейнов Ш.А. Методологическое значение категории «цивилизация»: дис. ... канд. философ. наук. М., 1990. С. 91–92.

мнения российских исследователей разделились. Одни по-прежнему усматривают в этом препятствие для использования понятия и настаивают на его «разгрузке». Другие, напротив, видят в этом важное преимущество, считая, что такая *многозначность лучше всего подходит для изучения многомерной действительности, ибо охватывает как ее единство, так и многообразие*. Как справедливо заметила К.В. Хвостова, «В истории определение понятия не подразумевает однозначное вычленение его содержания и объема. Историческое понятие, с точки зрения логики, не столько совокупность суждений, характеризующих отличительные признаки объекта, сколько суждение, которое содержит идею, направленность мысли, способствуя расставлению акцентов в изучаемом материале»⁹. Тогда получается, что многозначность и догматическая неотягощенность понятия «цивилизация», его открытость для критики и фальсификации (в попперовском смысле), допускающая замену более разработанным концептом, составляет, скорее его силу, а не слабость, и несет в себе эвристический потенциал, открывая для исследователя некое «пространство вариантов».

Свои «pro» и «contra» можно привести и в отношении других суждений, также страдающих упрощениями и однобокостью. Кризис, скорее всего, обусловлен явлениями разного типа, но можно предположить, что сегодня за ними просматривается некий фундаментальный сдвиг, обусловленный взаимовлиянием интеллектуальных и социальных факторов. Речь идет о важных эпистемологических сдвигах эпохи и интеллектуальном напряжении, которое создается между старыми и новыми подходами в этой исследовательской области. Очевидно, что эти эпистемологические сдвиги вызрели не только в глубинах профессиональной исторической рефлексии. Они тесно увязаны с процессами кардинальной трансформации мирового пространства, с феноменами глобализации, модернизации, массовых миграций, интенсификации коммуникаций, развитием информационных технологий и т.п. Все эти изменения создают совершенно иной контекст и существования, и взаимодействия, и осмысления цивилизаций, а также существенно проблематизируют само поле цивилизационных исследований и его основной концепт.

⁹ Хвостова К.В., Финн В.К. Проблемы исторического познания в свете современных междисциплинарных исследований. М., 1997. С. 44.

Имеет смысл подробно остановиться на параметрах этого сдвига и его влиянии на сферу цивилизационных исследований. Начнем с явлений интеллектуального порядка, так как для анализа и описания отмеченных выше трансформаций придется использовать язык, отражающий определенный стиль мышления, способ думания и осмысления реальности (как тут не вспомнить знаменитое хайдеггеровское «Язык говорит»), то есть язык, складывающийся в ходе и в результате этих самых интеллектуальных сдвигов.

Современная система понятий (именно как система, а не как отдельные понятия) в западном мире сложилась на рубеже XVIII–XIX вв. Речь идет, конечно, не о простых понятиях, а о базовых концептах, словесных модулях, сквозь сетку которых западный человек осмысливает сегодня мир: варварство, цивилизация, прогресс, общество, природа, культура, история (всеобщая история), время (линейное/циклическое), пространство, государство, нация, революция, реформа... Важно то, что каждое из этих понятий не просто называет тот или иной феномен/явление – оно выражает определенную идеологию, или, если угодно, идею истории, которую очень часто называют проектом Просвещения. Если коротко (поскольку об этом уже достаточно написано¹⁰), то идея эта сводится к тому, что история – это прежде всего всемирная история (история человечества как целого), постепенно развивающаяся от варварства к цивилизации. В этом заключается идея прогресса, возможного и необратимого благодаря разумности человеческой природы и способности человека к познанию, к разумному действию, а, следовательно, к улучшению мира. Состояние Цивилизации означает, прежде всего, европейскую цивилизацию, к которой со временем должны присоединиться другие части мира – локальные культуры и цивилизации. Неизбежность присоединения обосновывается единством человеческой природы и универсальностью человеческого разума.

Для понимания специфики и сложности функционирования современного цивилизационного дискурса очень важно понимание этой его взаимосвязи с определенным контекстом возникновения, с определенным пространственно-временным ареалом, а значит, и

¹⁰ См.: *Старобинский Ж.* Слово «цивилизация» // Поэзия и познание. История литературы и культуры / Пер. С.Н. Зенкина. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 110–149; *Копосов Н.Е.* Хватит убивать кошек! Критика социальных наук. М., НЛО, 2005. Особенно главы 6, 10 и др.

с определенным содержанием. К сожалению, до недавнего времени именно этот момент редко принимался во внимание. Между тем, обращение к истории концептуального оформления понятия «цивилизация» способно проявить заложенные в нем *неувязки и противоречия*. Занявшись генеалогией этого концепта, Антуан Лильти, в частности, выявляет три неувязки: понятие цивилизация используется одновременно для обозначения и процесса, и результата; оно может означать как интеллектуально-духовные, так и материально-экономические факторы; наконец, призванное показать своеобразие перехода от европейского средневековья к новому времени, понятие цивилизации может одновременно мыслиться как универсальная модель для подражания («родимое пятно» европоцентризма)¹¹. Не надо даже пристально всматриваться, чтобы заметить глубокую взаимосвязь этих неувязок с изложенной выше идеей истории.

Именно это имеют в виду исследователи, говоря, что цивилизация – это, в первую очередь, культурный конструкт, включающий в себя мировоззренческую, ценностную составляющую. Основная задача этого конструкта – придание нормативно-ценностного значения одной из форм идентичности, укорененной в глубинах социальности и культуры, и одновременно организация (и реорганизация) мира в соответствии с определенными культурно-идеологическими стандартами, образцами, моделями, проектам мирового порядка и его трансформации. И это заставляет поставить практически важный вопрос о мировоззренческой и дискурсивно-коммуникационной роли концепций цивилизации.

Из этого, собственно, вытекает вторая сложность современного оперирования этим понятием: возникнув в определенном культурно-историческом ареале и будучи связанным с определенным проектом истории, понятие «цивилизация» *довольно трудно транспонируется в иные рамки*. Для понимания этого достаточно помыслить о том, сохраняет ли познаваемое нами как «цивилизация» смысл в других местах, и, если да, то как? Как далеко на практике распространяется идея цивилизации? Действительна ли она только в породившем ее месте, в одной культурной локации или повсюду? Ответ в рамках европейской идеи истории, может быть только один – повсюду, ибо

¹¹ Лильти А. Как избавиться от цивилизации: об использовании одного концепта // Как мы пишем историю. М.: РОСПЭН, 2013. С. 186-188.

существуют единый мир и единая история, а разные миры/ культуры/ цивилизации суть единства большого мира. Вместе с тем за пределами этого проекта, в других пространственно-временных ареалах существуют свои проекты, ничего (или почти ничего) об этой цивилизации/ цивилизациях не подозревающие. И они, порой, оказываются настолько разными, что приходится задуматься не просто о наличии разных точек зрения на один и тот же мир, а о разных мирах, порожденных разными проектами. Поэтому Н. Луман и говорит о «своем мире» для каждой системы, М. Мамардашвили – о «ближайшей окрестности» или «мыслительном поле», Р. Том – о «жизненном поле», Ж. Делез – о «плане референции»¹². Однако на практике все оказывается гораздо сложнее, потому что если мы начнем проводить эмпирические и ситуационные исследования, то обнаружим, что идея цивилизации и цивилизационный дискурс все же распространяются за пределы европейской/ западной цивилизации, но только до определенных пределов. Западные представления о мире как совокупности локальных цивилизаций и одновременно единой человеческой цивилизации пересекаются с другими проектами и, благодаря постоянно идущему взаимодействию и интерференции, частично переходят друг в друга. Особенно явным это становится в эпоху модерна, благодаря быстрому расширению колониальных империй.

Интересное наблюдение делает Д.Н. Замятин на примере локальных мифов. По его мнению, в эпоху модерна «происходит переход от собственно локальных мифов к мифам транслокальным, или панлокальным, то есть к таким устойчивым нарративам и образам, которые как бы заранее воспринимаются и воображаются в качестве необходимой, неотъемлемой и неотменимой онтологии пространства, “фиксируемого” и не столько конкретными мифологическими и легендарными местами, сколько интенсивными коммуникативными стратегиями проникновения, выхода в пространства смежные, пограничные, или метагеографические». Возникают гибридные, “креолизованные” ментальные образования. «Другими словами, начинает работать принципиально иное, чем до сих пор, географическое вооб-

¹² Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб. 2007. С. 233–234; Мамардашвили М.К. Стрела познания. набросок естественно-исторической гносеологии. М., 1996. С. 287–288; Том Р. Структурная устойчивость и морфогенез. М., 2002. С. 155–156. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия. СПб., 1998. С. 277.

ражение, основанное, с одной стороны, на включении, переработке, усвоении, преобразовании туземных аборигенных мифов в рамках картины мира условного европейского сознания, а с другой – ориентированное на производство, сотворение, очевидно, новых локальных мифов, призванных как-то объяснить, рассказать, описать известный культурный и цивилизационный шок европейского колонизатора, культутрегера, исследователя, художника, писателя перед совершенно иными когнитивными и онтологическими установками наблюдаемых и разрушаемых ими автохтонных сообществ»¹³.

Так, например, до прихода британских колонизаторов индийцы имели весьма расплывчатое понятие об Индии как едином целом. По мере завоевания цивилизационный дискурс с его идеей единой в цивилизационном отношении Индии становился частью колониальной индологии и тех книг, по которым училась индийская вестернизованная элита. Спустя некоторое время она уже воспринимала индийскую цивилизацию как культурную данность, репрезентируя ее в образах, представлениях, убеждениях, знаниях. Вместе с ними усваивалась и заложенная в этой идее схема истории: от блистательной античности до заката и гибели под ударами варваров. Впоследствии этот образ индийской цивилизации был скорректирован индийскими националистами, но основная идея осталась, выросла в ткань индийского национального сознания. Однако эта идея так и не была усвоена полностью, о чем свидетельствует отсутствие адекватного перевода на индийские языки понятия «цивилизация», которое означает «цивилизованность», «культурность», т.е. только часть того смысла, который был заложен в нем европейскими мыслителями¹⁴.

Точно так же во второй половине XX века идея европейской цивилизации входит в общественное сознание и научный дискурс африканских сообществ. Проблемы с переводом этой идеи аналогичны индийским. Однако еще сложнее обстоят дела с транспонированием этой идеи в устные сообщества, что, по сути, оказывается практически невозможным. Джон Ло в своей книге «После метода» приводит любопытные аргументы, которые он выдвигает на основе

¹³ Замятин Д.Н. В поисках удаляющихся пространств: историческая география и онтологические модели воображения // *Общественные науки и современность*. 2015. № 1. С. 153.

¹⁴ См. об этом: *Ванина Е.Ю.* Индия: история в истории. М.: Наука – Восточная литература, 2014. С. 141, 152-157.

наблюдений, сделанных Хелен Верран в отношении аборигенов Африки и Австралии: «Все гораздо глубже, – пишет Дж. Ло: дело в том, что мы вообще не являемся частью этих миров. Те, кто не признает своими эти истории (имеется в виду мифология аборигенов. – *О.В.*). В этом, очень радикальном смысле, который достаточно трудно оценить из перспективы европейско-американского здравого смысла, мы не существуем для этих миров. Так же, как они не существуют для нас»¹⁵. Не менее сложной оказывается и другая проблема: описание этих сообществ в рамках цивилизационного дискурса. «Перевести прямым образом смыслы африканских символических культур в систему кодов письменной традиции и письменного языка – значит заведомо и “законно” “встроить” и сами эти структуры, а вместе с ними и их носителей, в какое-либо аналитическое, абстрактное целое: либо природное (африканец – часть природы»), либо культурное (африканец – это представитель традиционного коллектива, общинного социума, родственной или этнической группы»). Выбор точки зрения зависит от самого исследователя, но допускает и даже предполагает отношение к африканцу, к символам и ценностям его культуры как к объекту наблюдения, легко превращаемому в аналитический конструкт европейского цивилизационного сознания»¹⁶.

Показательно в этой связи сомнение математиков в том, что некогда казалось незыблемым – вопрос об универсальности и единственности, общности для всех времен и народов математики¹⁷. Они подчеркивают роль культуры и общества в конструировании математических теорий¹⁸, а также роль контекста в этом конструировании, считая возможным существование разных математик в разных цивилизационных мирах и полагая, что «человеческая мысль может предложить не один, а множество различных способов количественного восприятия мира, каждый из которых возникает из обыденной прак-

¹⁵ Ло Дж. После метода: беспорядок и социальная наука. М.: Изд-во института Е. Гайдара, 2015. С. 279.

¹⁶ Следзевский И.В. Идея африканской цивилизации как научный и культурный конструкт // Цивилизации. Вып. 9. М.: Наука, 2014. С. 183.

¹⁷ Демидов С.С. Математика в опыте историко-математических исследований последних десятилетий // Математика и опыт. М., 2003. С. 10.

¹⁸ Сокулер З.А. Является ли теорема Пифагора социальным конструктом? // Философия математики: актуальные проблемы. Тезисы Второй международной научной конференции; 28-30 мая 2009 г. М., 2009. С. 49.

тики»¹⁹. Возник даже специальный термин – фолк- (народная) и/ или этноматематика (трактовка природы математики как элемента национальной, этнической культуры в существенно большей степени, чем формальной системы)²⁰. Авторы этих идей убедительно показывают наличие у «примитивных» культур Африки, Южной Америки, Индонезии и Океании весьма сложных математических идей. Б.Л. Яшин приводит, в частности, интересные примеры присутствия разных логических структур и типов мышления в различных типах социальной организации людей: «В частности, давно известно, что люди, являющиеся членами племен, мышление которых находится на стадии “пралогического” или “мифологического сознания”, в своих рассуждениях игнорируют общепринятый в “цивилизованном мире” закон непротиворечия. Они мыслят в соответствии с другим законом – “законом партиципации”. Это позволяет воспринимаемому человеком объекту быть одновременно самим собой и иным, находиться одновременно в различных местах, а свойствам изображения – быть тождественными со свойствами оригинала. На этом основании Л. Леви Брюль во многих своих работах раннего периода, например, делал вывод о том, что в мифологическом сознании нет места логике в ее традиционном смысле... На похожее свойство мышления человека первобытного общества, признающего одновременное и равноправное существование множества временных циклов вне их линейной последовательности, обращал внимание и французский философ Ж. Дюран, который отмечал, что такого рода признание предвосхищает все парадоксы теории относительности»²¹.

Сказанное показывает тесную взаимосвязь цивилизационного дискурса (по крайней мере, того дискурса, который превалировал на протяжении последних двух веков) не только с определенным проектом истории, но и с определенной метафизикой и онтологией.

Хорошо известно, что европейская метафизика сложилась на основе древнегреческой, разделившей Бытие и Небытие (из-за страха перед последним), сосредоточившейся на Бытии, и, отсюда – на по-

¹⁹ Яшин Б.Л. Об универсальности математики и логики мышления // Преподаватель XXI век. 2013. № 2. С. 231.

²⁰ Бажанов В.А. Стандартные и нестандартные подходы в философии математики // Философия математики: актуальные проблемы. Материалы Международной научной конференции 15-16 июня 2007. М., 2007. С. 10.

²¹ Яшин Б.Л. Указ. соч. С. 234.

требности придать ему границу, форму, ясность, очевидность. Это разделение (а по сути – распад единства Бытия и Небытия как Целого) повлекло за собой отделение человека от мира, языка от Логоса и установление субъект-объектных отношений, дихотомией которых до сих пор мучается вся западная философия и наука (а вместе с ним и дуализмом человеческого и нечеловеческого, социального и природного; активного и пассивного, что, кстати, хорошо прочитывается во многих цивилизационных построениях)²². А поскольку в условиях этой разделенности надо было как-то обосновывать возможность познания, древние греки убедили себя в единстве бытия и мысли и, соответственно, умпостигаемости бытия.

Эти интенции и легли в основу того классического типа рациональности, который все еще преобладает в ученом сообществе и исходит из того, что мир объективен и поэтому един, существует вне нас и наших восприятий его, предшествует нам и этим восприятиям, обладает определенными формами и отношениями (в классической рациональности цивилизации – это прежде всего культурные *системы*, т.е. определенные, закрытые объекты с четкими гранями – как тут не вспомнить спор о проницаемости цивилизаций) и ждет, чтобы его открыли, картографировали, схватили сетями научных понятий. Такой тип рациональности предполагает постоянство исследуемых объектов (цивилизации относительно стабильны и находятся в состоянии равновесия), их пассивность (объект неживой природы не может быть активным) и универсальность и всеобщность (классическая наука строится на базе обобщений). Кроме того, классическая рациональность утверждает, что исследователь позволяет фактам говорить за себя, а потом скромно исчезает, устраняя все личное и субъективное. Так создается взгляд из ниоткуда, вне его взаимосвязи с культурой и обществом. Вспомним Р. Декарта, который полагал, что мышление каждого человека может привести к правильному результату, если человек выучил правила получения этого результата.

Вполне понятно, почему практически сразу после зарождения цивилизационного дискурса важнейшее познавательное значение приобрела концептуализация первичного культурно-дискурсивного

²² Восток – Запад: глубокие корни общности культурных миров и интеграционные тенденции современности (опыт интерпретации работы М. Хайдеггера «Из диалога о языке между японцем и спрашивающим») // Эпистемология и философия науки. 2014. Т. XL. № 2. С. 87–89.

конструкта цивилизации – обобщение обширного эмпирического материала, согласование эмпирического и теоретического содержания концептуальных подходов, логическое определение и соединение понятий, приведение их первичного теоретического содержания к более абстрактным и универсальным теоретическим схемам.

Довольно скоро концепт цивилизации вобрал в себя множество разных определений, типологий, классификаций²³, теоретических постулатов (цивилизации и культуры, варварство и цивилизация, первичные и вторичные цивилизации, столкновение и диалог цивилизаций...); каждое из них, если «потянуть» за него, вытягивает на поверхность всю систему новоевропейского мышления, встраивается в жесткую понятийную систему классической науки. Сказанное позволяет утверждать, что цивилизации являются не только культурным конструктом, но и научным концептом, включающим в себя определенные теоретические импликации, тесно связанные с тем типом рациональности, в рамках которого они возникали²⁴.

Однако внимание к процессу познания со временем показало относительность этих допущений и их систематические нарушения даже в рамках классической рациональности. Возникшая в ходе ее критики неклассическая рациональность вскрыла конструктивистский характер реальности, ее зависимость от контекстов²⁵, познава-

²³ В этой связи вспоминаются жаркие баталии, несколько десятилетий тому назад бушевавшие вокруг концепций ряда теоретиков цивилизационного анализа и, в частности, вокруг «Постижения истории» А.Дж. Тойнби. Тогда широко и всерьез обсуждалась проблема тойнбианской классификации цивилизаций и создания нового универсального перечня цивилизаций, несмотря на то, что исследовательский опыт показывал неустойчивость любого рода классификаций и инвентаризаций, уже потому, что каждый исследователь, приступающий к анализу локальных цивилизаций, вырабатывает свой, согласованный с задачами исследования критерий их систематизации (если ему по какой-то причине такую систематизацию необходимо осуществить).

²⁴ «Африканский мир, – пишет И.В. Следзевский, – как культурно-историческая целостность остается мысленным конструктом, широким смысловым полем с неопределенной конфигурацией идентификационных образов и определений и, главное, – с довольно схематичным отношением к самой африканской действительности» (Следзевский И.В. Идея африканской цивилизации как научный и культурный конструкт // Цивилизации. Вып. 9. М.: Наука, 2014 С. 206-207); «Ориентализм и конструирование индийской цивилизации», – так называется одна из статей Е.Ю. Ваниной (Цивилизации. Вып. 9. М., Наука, 2014. С. 140-161).

²⁵ «Смысловые явления, – писал С.С. Аверинцев, – могут... раскрываться только в благоприятных для [их] раскрытия смысловых культурных кон-

тельных практик, методов познания, которые, в свою очередь, возникают в определенных условиях и зависимы, в том числе от определенной метафизики и идеи истории. Причем, разные познавательные практики производят разные реалии, а значит, эти реалии не обладают постоянной формой. Речь, конечно, не о том, что вне наших индивидуальных восприятий и действий не существует никакой реальности (именно такая, неправильно понимаемая критика объективизма и «напрягает» его противников²⁶). Дело в том, что наше видение мира зависит, в том числе, и от долгосрочных отношений, возникающих в сетях научных практик. Иными словами, невозможно изолировать друг от друга а) производство отдельных реалий; б) производство утверждений об этих реалиях; в) производство практик, производящих эти реалии и утверждения. «Мы не хотим сказать, что факты не существуют или что нет такой вещи, как реальность. В этом смысле наша позиция не является релятивистской. Наша точка зрения состоит в том, что “там-вовне”, или внешнее, есть следствие научной работы, а не ее причина»²⁷.

Б. Латур и С. Вульгар, авторы труда «Лаборатория жизни: конструирование научных фактов», а также Дж. Ло убедительно показывают механизм такого конструирования. Исследователи работают

текстах», в режиме «большого времени». «Оно (большое время) даже реальнее, чем изолированный исторический момент; последний есть по существу наша умственная конструкция...» (Аверинцев С.С. Византия и Русь: два типа духовности // Новый мир. 1988. № 7. С 210-211).

²⁶ См., например: «...если цивилизация интерпретируется как некая вполне конкретная реальность, возможна подмена действительной культурно-исторической общности собственными представлениями о ней автора той или иной концепции – процесс, гносеологической основой которого становится онтологизация понятий (начиная с центрального понятия «цивилизация»), а общим духовным контекстом – мифологизация интерпретируемой действительности. Это, несомненно, серьезная опасность, которую нельзя недооценивать <...> Но наряду с этой опасностью есть и другая, на которую обращается, как правило, значительно меньшее внимание. Ее можно охарактеризовать как “деонтологизацию действительности”, в результате которой реально существующие человеческие миры (каким бы термином они ни обозначались) начинают трактоваться преимущественно (или даже исключительно) как конструктор сознания» (Шемякин Я.Г. К вопросу о методологии цивилизационных исследований // Цивилизации. Вып. 9. М.: Наука, 2014. С. 33-34).

²⁷ Ло Дж. Указ. соч. С. 66. См. также: «Объект реален, если он является частью практики. Это реализованная реальность». – Mol A. The Body multiple: Ontology in medical practice. Durham: Duke university press, 2002. P. 121.

с источниками и научной литературой, причем работают, используя, как мы выяснили, определенную систему понятий (зависимую от идеи истории) и методы (также находящиеся в зависимости от разделяемой картины мира). Целью таких исследований является производство безусловных утверждений о реальности (наука требует выражения прямым образом и буквальных репрезентаций). Стараясь создать такие утверждения, ученые сталкивают, отбирают и сравнивают почерпнутые из научной литературы утверждения. Любые подобию, наложения, повторения, положительные связи между утверждениями способствуют увеличению их авторитета. Чем больше сходства, тем больше возможности говорить о том, что некий феномен/явление существует. Далее вчерашние модальные высказывания рутинизируются, постепенно превращаясь в само собой разумеющееся допущения и навыки²⁸. Причем, все утверждения используются таким образом, чтобы было возможно соотнести их с чем-то внешним, находящимся по ту сторону авторской и читательской аудитории. Главное, чтобы казалось, что утверждения, якобы, исходят из самого мира, исследуемого правильными методами, а не от индивида, попробовавшего исследовать его. «С одной стороны, высказывание – это множество слов, представляющее утверждение о реальности. С другой стороны, оно соответствует объекту в себе, приобретающему собственную жизнь. Все происходит так, как будто бы изначальное высказывание спроецировало собственный виртуальный образ, который теперь существует вне его... Вскоре реальность все больше приписывается объекту и все меньше – утверждению об объекте. Как следствие, происходит инверсия: объект становится причиной того, как было сделано утверждение ... вещь и утверждение соответствуют друг другу просто потому, что происходят из одного источника. Их разделение – лишь конечная стадия *процесса их конструирования*»²⁹. Термин «конструирование» используется в данном случае для подчеркивания того, что «у объектов нет фиксированных и данных идентичностей, что объекты складываются, возникают постепенно. В период неустойчивого детства идентичности интенсивно оспариваются, они изменчивы и открыты к трансформациям. Но как только они взрослеют, они стабилизируются»³⁰.

²⁸ Ло Дж. Указ. соч. С. 79-82.

²⁹ Там же. С. 81.

³⁰ Там же. С. 120.

Таким образом, существуют крупномасштабные пределы (эпистема, если говорить словами М. Фуко), устанавливаемые современными дисциплинарными стратегиями (учрежденными в XVIII в.), которые вписаны в практики современной науки и реализуются ими. Однако сегодня мы слишком уперлись в эти пределы, стали сомневаться в очевидности прежних понятий (в том числе понятия «цивилизация»), их способности организовывать социальный опыт, включая опыт исторического исследования. Отсюда и возникает ощущение кризиса, тупиков цивилизационного дискурса, сомнения в научно-познавательном статусе теорий цивилизаций. Что же не схватывается прежними представлениями, или наоборот – становится видимым благодаря этим представлениям?

Мир не является ограниченным множеством определенных, независимых, регулярных и предшествующих нам процессов, образующих некую единственную реальность. Конечно, локальные структуры (например, локальные цивилизации) можно идентифицировать, но мир в целом не втискивается в эту упорядоченность, потому что иные практики могут сделать возможными другие конфигурации этого локального. Используемый нами термин «локальный» в значительной мере зависит от европейского понимания пространства как вместилища для более мелких локальностей, определяемого посредством географических и других координат. Точно так же мыслится и «глобальное», как такое же вместилище для четко отделенных друг от друга локальностей. Между тем, нарождающаяся на наших глазах эпистемология рассматривает их как непрерывно реализующиеся в наших практиках ментальные конструкторы.

Это не означает неограниченного релятивизма и непроницаемости структур в духе О. Шпенглера. Поскольку наши представления о мире все-таки частично пересекаются и переходят друг в друга, можно говорить о частичных совпадениях, пересечениях и конфликтах. Поэтому любые исследуемые нами структуры/феномены/процессы, явления на поверку оказываются гетерогенными, множественными и подвижными, постоянно меняют свою форму, двигаются и скользят между разными практиками, разворачивающимися в разных местах и между разными контекстами, в которые мы их помещаем. Значит, мы должны переопределить свое понимание определенности. Мир может являться нам в какой-то момент как определенный, но при этом постоянно менять свои формы.

Создание очередной формы или вычленение какого-то феномена или процесса, другими словами, очередной версии объекта (цивилизации), происходит благодаря выявлению сходств и различий (что одновременно является основой для сопоставлений). Повторяющиеся сходства усиливают друг друга и со временем позволяют говорить о чем-то как об устойчивой структуре (паттерне). Между тем, в любом таком паттерне всегда есть нечто, что вследствие акцента на сходствах и различиях признается незначительным, рутинным, делается (благодаря использованию определенных теоретических постулатов) невидимым и вследствие этого как бы вытесняется. Конкретная реальность зависит одновременно и от создания умолчаний, и от весьма избирательного внимания к возможным повторам, к их усилению и тем самым – предъявлению.

Как показала Е.Ю. Ванина, долгое время ориенталисты в Индии смотрели на эту страну исключительно сквозь ту систему социальных и культурных ценностей, которую транслировали им брахманы и которая включала в себя представления об абсолютном превосходстве санскрита над другими местными языками, индуизма – над дикими народными культами, кастовой иерархии – над другими способами социальной организации. В результате за пределами внимания оставался огромный пласт социальных и культурных ценностей, включавший в себя мировоззрение разных слоев общества, региональные культы, неортодоксальные религиозные течения, изменения культурных элементов во времени и т.д. Кроме того, конструируя историю этой страны по единственной известной им европейской модели, они видели в *дхарма-шастрах* единственный свод законов, аналогичный европейским кодексам и равно авторитетный для всех. «При этом не осознавалось важнейшее обстоятельство, ставшее ясным лишь значительно позже. *Дхарма-шастры* зафиксировали не то, каким древнеиндийское общество на самом деле было, а то, каким оно, по мнению составителей, *должно было быть*: не социальную практику..., а кардинально отличающуюся от нее теорию...»³¹.

Точно так же понимание процесса цивилизации исключительно как вестернизации не давало возможность заметить сходные процессы в разных цивилизациях, которые невозможно объяснить исклю-

³¹ Ванина Е.Ю. Ориентализм и конструирование индийской цивилизации // Цивилизации. Вып. 9. М., Наука, 2014. С. 151-152.

чительно колониальной экспансией. Так, например, растущий акцент на критике источников появился в Юго-Восточной Азии задолго до западного влияния и был связан со стремлением пересмотреть неоконфуцианские трактовки. С этой целью – аналогичной восстановлению греко-римской классической культуры ренессансными гуманистами – ученые периода Цин обратились к методам филологии, фразеологии, фонологии, этимологии и эпиграфики, надеясь извлечь первоначальное (а, следовательно, истинное) значение конфуцианской классики. И эта переориентация интеллектуальной культуры, охарактеризованная Б. Элманом как движение «от философии к филологии»³², оказала существенное влияние на изучение истории в этом регионе. «Возможно, в Европе этот процесс правильнее было бы описать как переход к филологии от теологии и религии, но в обеих культурах он включал в себя расширение светского мировоззрения настолько, что в Китае классические конфуцианские тексты, а на Западе Гомер и Библия все больше воспринимались не как канонические тексты, а как исторические источники. Эта новая концепция истории как строгой науки сопровождалась в обеих культурах профессионализацией исторических исследований»³³.

Аналогичные процессы в определенной мере были свойственны исламским странам и даже Индии, где историописание традиционно считается «вторичным» дискурсом, привнесенным британцами, но где уже в XVII–XVIII вв. обнаруживаются произведения (написанные преимущественно на телугском, тамильском, маратхском, персидском языках и санскрите), которые производят впечатление соответствия критериям современного историописания. «Эти тексты отражают культуру письма в прозе, предназначенную скорее для коммуникации, чем просто регистрации. Присутствует интерес к числам, именам собственным и другим приемам, позволяющим авторам обеспечить фактическую точность. Опора на факты сама по себе становится ценностью. Стиль письма как в своем техническом, так и синтаксическом

³² *Elman, Benjamin A.* From Philosophy to Philology: Intellectual and Social Aspects of Change in late Imperial China. Los Angeles, CA, 2000; также: *Wang Q. Edward.* The Rise of Modern Historical Consciousness: A Cross-Cultural Comparison of Eighteenth-Century East Asia and Europe // *Journal of Ecumenical Studies*. XL:1-2 (Winter-Spring, 2003). P. 74–95.

³³ *Иггерс Г., Ван Э.* Глобальная история современной историографии. М., 2012. С. 33.

аспектах, наводит на мысль о представлении об истории как непрерывном потоке, где технические требования к композиции фактически неотделимы от концептуальных свойств времени и события. События не дискретны и не изолированы, а прочно и непременно связаны с предшествующими им и доступными постижению причинами и вытекающими из них последствиями. Акторы имеют сложную мотивацию и внутреннюю глубину, часто придающие богатый колорит в целом ироничному разворачиванию событий»³⁴.

Стоит отметить и другие черты, которые в разные периоды проявлялись в незападном мире независимо от западного влияния: стремление к нарративной форме изложения, интерес к локальной и региональной и даже (например, в арабском мире) глобальной историям, политическим и назидательным функциям исторического нарратива, социокультурной истории. Так, например, современные исследования показывают, что в историографии Японии «история повседневности» (*seikatsushi*) и «история ментальности» (*seishinshi*) были в значительной мере обращены на японской почве.

Если посмотреть на развитие большинства цивилизаций, то чаще всего оно описывается либо как постепенный рост и эволюция, либо акцент делается на кризисах, разрывах и нахождении способов выхода из упадка или гибели. Почему это возможно? Дело, в том числе, в сложившихся в западной традиции нарративных стилях написания истории (героический и романтический), также способных становиться паттернами и требовать своего внимания, изучения и усиления. В результате исследуемые нами данные стили как бы усиливают друг друга, производя повторения, в то время как другие становятся менее значимыми. Но каждая из этих версий развития цивилизации упрощает реальность, будучи верна лишь частично. Или, другими словами, история цивилизаций является реализацией обоих стилей, поскольку каждый из этих паттернов резонирует в *различных контекстах*. Порой они вступают между собой в конфликт, ибо разрывающее начало нарушает сложившиеся ранее правила, а соединяющее не отвечает на вызовы времени. Вместе с тем они зависят друг от друга, поскольку разрывающая стратегия нуждается в легитимации, а соединяющая – в гибкости. Но наряду с ними

³⁴ Rao V. N., Schulman David and Subrahmanyam Sanjay. Textures in Time: Writing History in South Africa. 1600–1800. N.Y., 2003. P. 136.

возможны и другие способы упорядочивания цивилизации как целого, другие паттерны. И цивилизация – это реализация всех этих паттернов и других и их различных взаимодействий. История любой цивилизации множественна – это множественное повторения, множественные версии повторения, множественные модусы становления тем, что ранее игнорировалось. По сути, это процесс создания, признания, допущения и удерживания вместе всех этих паттернов, даже если они не очень совместимы и конфликтуют друг с другом. Полезно представить цивилизации как множество невероятно сложных интерференций между паттернами повторения, как бесконечно многогранное пересечение различных сходств и различий, которые могут соединяться, включать или игнорировать друг друга, противоречить друг другу или умалчивать друг о друге. А все, что отсутствует на данный момент – это множество гудящих, слепящих и «танцующих» возможностей. Их чрезвычайно трудно сгустить, сделать присутствующими, усилить, кристаллизовать. Это источник познания, поток незавершенных гетероморфных образований. Эти возможности реализуются и сгущаются в отдельных местах.

Как это можно помыслить? По-видимому, требуется другая метафизика, другая методологическая культура и новый словарь. Мы нуждаемся в таком способе говорить, который имеет дело с текучестями, рассеиваниями, сплетениями, мы нуждаемся в том, чтобы научиться мыслить движение. В настоящее время, «наши институциональные навыки приспособлены к постоянному и статичному, изолированному и самодостаточному. Таксономии, иерархии, системы и структуры представляют инстинктивный словарь институализированной мысли, порабошающей движение и трансформацию... четкие, определенные вещи занимают четкие, определенные места в пространстве и во времени. Существует какое-то движение: простое движение определенных вещей из одного определенного места в другое. Это форма движения отрицает беспокойный характер транс-, де-, ре-формаций. Простое местоположение воссоздает мир завершенных субъектов и объектов из потока незавершенных, гетероморфных организмов»³⁵. Показательно, например, что уже сегодня обнаруживаются попытки трактовать цивилизацию не как жесткую социокультурную систему и даже не как систему с размытыми края-

³⁵ Цит. по: *Ло Дж.* Указ. соч. С. 218.

ми, колеблющуюся в широких пределах, но все же имеющую собственную границу, а более расширительно – как «внутренне подвижный и вариативный проект (или полусознанную стратегию) человеческого жизнеустройства»³⁶. К такой переоснастке исследовательского словаря и инструментария подталкивают не только отмеченные эпистемологические сдвиги, но и качественно новое состояние мира и человека в нем, формирующееся в первую очередь под влиянием глобализации и уже не укладывающееся в те термины анализа реальности, которые использовались в до-глобалистскую эпоху.

2. Глобализация и «глобальное знание»

Обозначим те контуры и характерные черты глобальной реальности, которые влияют на научную картину мира и формирование того особого строя мысли, о котором говорилось выше.

Прежде всего, согласимся с теми авторами, которые отказываются связывать глобализацию с тенденциями к универсализации и, тем более, к унификации человечества, подчеркивая, что речь идет даже не столько о формирующемся целом (человечество), сколько о целостности (одна из характеристик целого), проявляющейся во все нарастающей взаимосвязанности и взаимозависимости человеческого сообщества³⁷. Эта целостность имеет во многом парадоксальный характер, так как, во-первых, внутри нее действуют разнонаправленные процессы (одновременно интеграция и дифференциация / диверсификация), во-вторых, она включает в себя разнородные и разнотипные части, не исключаящие, тем не менее, наличие этой целостности. К тому же эти части с трудом поддаются иерархическому подчинению и дихотомическому членению, которые приобретают скорее ситуативный и функциональный порядок. В первую очередь, потому, что отношения внутри глобальной общности выстраиваются не по принципу «центр-периферия», «запад-восток», «север-юг» и т.п., а все по тому же сетевому принципу. Во-вторых, потому что современная эпистемология показывает нам зависимость всех этих дихотомий и способов картографирования мира от выбора историка, руковод-

³⁶ Рашковский Е.Б. И вновь о цивилизационном дискурсе: попытка объяснить // МЭМО. 2010. № 1. С. 99-100.

³⁷ Чешков, М.А. Глобалистика как научное знание. Очерки теории и категориального аппарата. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2005. С. 7.

ствующегося каким-то критерием или довлеющим фактором, в свою очередь обусловленным субъективными пристрастиями, предпочтениями и предубеждениями. К примеру, если за критерий разграничения «центра» и «периферии» взять производство шелка, специй или динамику распространения сельскохозяйственных культур, то центр, по-видимому, будет одним, а если распространение книгопечатания, технические изобретения или потребление энергии на душу населения, – явно другим. Показательно в этом плане мнение А.Г. Франка, который, в отличие от И. Валлерстайна, считает, что основы нынешней мировой системы были заложены вовсе не в Европе, а в Китае³⁸. М. Бойцов затрагивает еще одну важную проблему – проблему субъективности «центральности» и «периферийности» не только с точки зрения историка, но и с позиции самих исторических акторов, которые могут совсем иначе оценивать свое местоположение в мировом пространстве или системе, чем это делает историк: «Насколько причастными к какому бы то ни было центру или, напротив, к перифериям» ощущали себя авторы тех или иных дошедших до нас текстов, или же, например, политики, реализовывавшие себя не в текстах, а в действиях? Вопрос можно ставить, естественно, не только в регионально-географическом, но и в общесоциальном плане: переживание, скажем, собственной маргинальности, разумеется, вовсе не обязательно должно быть связано с пространственной удаленностью от некоего “столичного центра”. В любом случае, ощущение собственной “центральности” или, напротив, “периферийности” столь же бесспорно заслуживают быть предметом изучения историка, сколь спорными окажутся любые его собственные рассуждения на тему, где пролегли границы между предстающими его собственному взору цивилизационными “центрами” и “перифериями”»³⁹.

Другая мироперспектива, в частности, предполагает отказ от иерархической и асимметричной модели цивилизационного анализа, рассматривающей процесс межцивилизационного взаимодействия в терминах вестернизации и западоцентризма. Любое взаимодействие (культур, цивилизаций, историографических традиций и т.д.) – это

³⁸ *Frank A.G. The World System: Five Hundred Years or Five Thousand? London, 1993.*

³⁹ *Бойцов М. Центры и периферии как субъективные переживания исследователей и исследуемых // Центры и периферии европейского мироустройства / Отв. сост. и ред. серии А.В. Доронин. М.: РОССПЭН, 2014. С. 56.*

не система для переливания крови, где возможно только одностороннее движение. Например, развитие самого постмодернистского знания (которое традиционно связывают с западной интеллектуальной культурой) трудно представить и осмыслить вне контекста равноправного межкультурного диалога. Ибо, пытаясь преодолеть собственные границы и тупики, рациональное знание оказалось под «перекрестным опылением» разнообразных интеллектуальных и культурных течений незападных цивилизаций, заимствуя их культурные смыслы, познавательные проблемы и установки. Важнейшим наукотворческим фактором является процесс взаимодействия с культурным и мыслительным наследием восточных обществ (интерес к нелинейным, коррелятивным и ассоциативным связям между вещами и понятиями, богатство знакового мышления этих народов и т.д.). Следовательно, речь идет не только о когнитивном обогащении науки, а «о насущной необходимости современного человечества в многообразии мыслительных структур и стилистик, функционирующих во всей сложности современных межкультурных взаимодействий. Универсализм современной науки требует многообразия форм цивилизационно-культурного опыта»⁴⁰.

«Глобальный поворот» современной историографии, – отмечает Д.А. Белл, – предполагает, что недостаточно просто изучать, какое влияние западные державы оказали на остальной мир. Задача состоит также в том, чтобы показать, как остальной мир повлиял на Запад: как идеи и практики перемещались туда и обратно в бесконечном потоке присвоения, трансформации и сопротивления; как гнет сильных столкнулся с «орудием слабых». Необходимо понять, как заставить говорить вечно угнетаемого «подчиненного» истории. Другими словами, дело не только в развенчивании мифов о «цивилизаторской миссии» Запада, в которую многие жители западных стран уже давно перестали верить. Дело также в необходимости восстановить «силу воздействия» незападных народов, а не просто относиться к ним как к пассивным объектам деятельности Запада. Необходимо показать, как, даже в относительно далеком прошлом, глобальные системы движения, обмена, эксплуатации и агрессии сформировали феномен, который однажды был воспринят историками как исключительно локальный. Это был вопрос применения образа «сети» – ме-

⁴⁰ Рашковский Е.Б. На оси времен: очерки по философии истории. М., 1999. С. 128.

тафоры управления в цифровую эру – даже к достаточно отдаленным историческим эпохам»⁴¹.

Нельзя забывать и о том, что основополагающие принципы Западной цивилизации (рационализм, инновационность, прагматизм и др.) возникли и существуют в определенном историко-культурном контексте, а потому *не могут являться нормативными* для других цивилизаций или рассматриваться в контексте западного превосходства. Наконец, Запад – чрезвычайно гетерогенный феномен, стало быть, можно и нужно говорить о недостаточности, а порой и некорректности противопоставления Запада другим цивилизациям или тому же Востоку. Понятно, что речь идет не о том, чтобы отказаться от признания общих типологических черт западной культуры⁴² или возможности рассматривать ее в качестве идеального типа. Дело в недостаточности таких противопоставлений при изучении взаимодействия цивилизаций. И если все же возникает потребность оперировать ими, то будет корректнее вслед за Г. Иггерсом и Э. Ваном говорить не о западном влиянии, а именно о *западных влияниях*⁴³. Столь же разнообразной была и рецепция этих влияний, ибо в рамках этой логики представление о монолитном Востоке является не менее стереотипным и идеологизированным, чем представление о гомогенном Западе. Вызов этим стереотипным представлениям был брошен уже в книге антрополога Эрика Вулфа «Европа и люди без истории»⁴⁴, где

⁴¹ Белл Д.А. Что происходит, когда историки злоупотребляют идеей глобальной сети. Глобализация обыденности как проблема исторического знания. URL: <http://gefter.ru/archive/12156>.

⁴² Подчеркивая сложность вычленения общих черт для Запада, Г. Иггерс и Э. Ван полагают, что большинство считающихся отличительными черт западной исторической мысли – линейное представление о прошлом, озабоченность вопросами эпистемологии, увлеченность количественными исследованиями и т.п. – являются не столько западными, сколько современными. «Они являются чертами современного мышления, свойственного сегодня многим незападным историкам, но не свойственного в той же мере историческому мышлению Запада в период средневековья или даже в классический период. Линейный подход и идея прогресса, озабоченность проблемой исторического познания – последнее присуще также восточноазиатским и мусульманским мыслителям – и поиск каузальных объяснений начинают обсуждать на Западе в XVIII веке, в то время как количественный подход к истории характерен для конца XX века и ни в коем случае не является общепринятым». – Иггерс Г., Ван Э. Указ. соч. Р. 21–22.

⁴³ Там же. С. 23.

⁴⁴ Wolf Eric. Europe and the People without History. Berkeley, CA, 1982. P. 23.

было, с опорой на методику структурного анализа, показано, что четкое разделение на Запад и Восток, в конечном счете, становится непригодным, так как культуры являются не «отдельными единицами», а «пучками отношений». Эта мысль представлена и в трудах практиков постколониальной историографии, особенно в «Ориентализме» и более поздней работе «Культура и империализм» Эдварда Саида⁴⁵.

Но вернемся к специфике глобального миропорядка. Поскольку каждое из возникающих в результате дифференциации множеств индивидов, групп, совокупностей разных масштабов и порядков пытается реализовать свою диахронную логику, задачей становится синхронизация этих логик в некоем временном облике. Как же тогда можно «истолковать совместно несовпадающие виды опыта, у каждого из которых есть собственные цели и темп развития, свои собственные внутренние структуры, внутренняя связанность и системы внешних отношений – и все это сосуществует и взаимодействует с другими»⁴⁶? Вероятно, основным в этой ситуации становятся не составляющие это «неопределенное множество»⁴⁷ (хороший термин!) части, а многочисленные связи и отношения между ними (схватываемые через понятия «сети», «потoki», «пучки отношений» и т.п.), которые и вырабатывают механизмы и принципы соотнесения разнородных частей глобального целого и создают, в итоге, искомую когерентность. Не менее очевидно и то, что такая реальность характеризуется изменчивостью и пластичностью, что позволяет ей в каждый момент времени осуществлять адекватную перенастройку. Но для этого требуется особый тип мышления, сознания, который соединяет несоединимое и пространственно-разъединенное: на смену чисто линейному принципу культурной репрезентации «или-или», оперирующему четким образом семантической границы, должен прийти устраняющий этот образ нелинейный принцип «не только, но и...», «и здесь, и там», «одно время параллельно с другим»⁴⁸.

⁴⁵ Said E. *Orientalism*. New York, 1978. 368 p.; Саид Э.В. *Культура и империализм*. СПб.: Владимир Даль, 2013. 734 с.

⁴⁶ Саид Э.В. *Культура и империализм*. СПб.: Владимир Даль, 2013. С. 93.

⁴⁷ Следзевский И.В. «Пограничье без границ». Глобальная неопределенность мира и ее отражение в знании и культуре // Социокультурное пограничье как феномен мировых и российских трансформаций. Междисциплинарное исследование. М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2008. С. 48.

⁴⁸ Там же. С. 61.

Еще одной важной особенностью глобальной реальности является переход к информационному обществу, потому что, во-первых, информационно-коммуникативные взаимодействия сложнее социальных, поскольку, в отличие от социальных миров, которые имеют границы, информационное пространство безгранично, а стало быть, не поддается жесткой увязке с социальными системами. Во-вторых, потому что информационное общество имеет в своем основании факт наличия виртуальной реальности, которая позволяет конструировать виртуальные миры, не имеющие онтологического статуса, но меняющие реальный мир, а значит, перестраивающие наши представления о возможном-невозможном, воображаемом-действительном, а также (и это очень важно!) привычные пространственно-временные привязки (ведь виртуальное не имеет единого основания, центра, причин (опять-таки в обоснование отказа от каузально-детерминированного и централизованного образа мира). В-третьих, информационное общество информационно удваивает мир, создавая информационные копии/симулякры реальности. В результате некоторые ученые уже констатируют факт наметившегося отчуждения человека от реальности (Михаил Эпштейн)⁴⁹, выход за пределы собственного мышления, воображения, а также возможность конструировать невозможные миры и многомерные пространства. Мир превращается в неопределенную и объединенную информационными потоками реальность, у которой нет природных границ. Включение человека в процессы глобализации – это постоянное пересечение границ и реальных, и виртуальных, постоянное пересечение локального и временного.

Отсюда проблематизация понятия идентичности. Острота этой проблемы связана, прежде всего, с усложнением всего комплекса человеческого самоощущения и самопонимания, что обусловлено бурной динамикой современного мира и колоссальным усложнением контекста человеческих связей. Современного не только в смысле мира последнего столетия (хотя последнего – особенно), но мира, существующего в условиях кризиса традиционных обществ и зарождения общества трансформационного типа, когда по мере развития интеллектуальной и промышленной революций начинаются миграции не только людей, но и капиталов, технологий, интеллектуальных и организационных навыков, рационально обоснованных идей,

⁴⁹ *Эпштейн М.* Информационный взрыв и травма постмодерна // Независимая газета. Книжное обозрение. 1999, 4 апреля.

научных и политических институтов, форм массового сознания⁵⁰. По сути, это начало глобализации. С началом модернизации историю уже можно рассматривать не как историю отдельных локальных цивилизаций, но как историю общезначимую, и именно здесь, собственно, и всплывает проблема идентичности.

История последнего столетия, чрезвычайно усложнившая человеческую ролевую структуру, придав ей небывалую доселе сложность, многосоставность, многозначность, многомерность и даже конфликтность между ее различными параметрами, вывела проблемы самоопределения и самопонимания на первый план, а переход к информационному обществу добавил свою толику остроты в эту проблематику. В условиях информационного общества человек постоянно оказывается в ситуации выбора и вынужден идентифицировать себя в этом пространстве, то включая, то исключая себя (выпадая) из некоего культурного порядка, гибко ориентируясь в быстро меняющемся мире. Изучение этой проблемы в рамках цивилизационных исследований показало, что наряду с глобальной самоидентификацией населения правомерно говорить о гибридности и гетерогенности идентичностей внутри различных цивилизаций (о региональной и этнокультурной гетерогенности ряда цивилизаций), а именно о наличии периферийного самосознания, о трудности промежуточной самоидентификации и попытках преодолеть эту периферийную самоидентификацию, о наметившейся и настораживающей тенденции к упрощению, архаизации, связанной с непосильностью для целых групп людей существовать в условиях такой вот многозначной и многомерной самоидентификации и т.д.). Эта внутренняя неоднородность, амбивалентность, а порой и конфликтность, ее роль в бытовании и динамике каждой цивилизации сильно недооценена, хотя в последнее десятилетие уже поднимается в ряде научных трудов.

Поскольку глобализация имеет дело с информационными и коммуникативными потоками, которые связаны с человеческим восприятием, вероятностной по своей природе интерпретацией поступающих образов (т.е. процесс глобализации определяется смыслами, которые вкладывают в этот процесс его участники), то классическое знание в этих условиях оказывается неадекватным. Как верно заметил И.В. Следзевский, причиной этой неадекватности является объек-

⁵⁰ Рашковский Е.Б. Многозначный феномен идентичности: архаика, модерн, постмодерн // Вопросы философии. 2011. № 6. С. 35.

тивистская основа этого типа знания, предполагающая наличие объективной реальности вне зависимости от культурных смыслов. Новое же знание, по его словам, должно оперировать качественно новыми объектами, выходящими за пределы естественного предметного и социального мира человека и не тождественными действительности (модели, виртуальные образы), и качественно новыми проблемами, а также учитывать то, что, поскольку исчезает принципиальная разница между наличной действительностью и информацией о ней, принцип истинности также будет терять свое прежнее значение. Гораздо более важной становится процедура моделирования. Только в традиционной культуре модель понимается как идеальный тип, а в глобальной – как символическая реальность, которая снимает различия между воображаемым и реальным. Далее, меняются требования к достоверности (требуются более операциональные и репрезентативные критерии достоверности, например, компетенции экспертов или исследователей, от которых зависит релевантность в знании). Меняется и логика получения нового знания, которая становится вероятностной, ибо, как мы убедились, здесь действуют объекты, которые вообще невозможно рассматривать в двузначной и даже многозначной логике. Поэтому новое знание так тяготеет к модальному типу высказываний, к логике оценивания⁵¹, к т.н. «неформальной логике», показывающей отсутствие единственно правильного стандарта рассуждения и зависимость структуры рассуждения от оценивающих вопросов. «...Какими понятиями человек пользуется, какие стандарты рационального суждения он признает, как он организует свою жизнь и интерпретирует свой опыт – все это, оказывается, зависит не от свойств универсальной “человеческой природы”, не от одной только интуитивной самоочевидности основных человеческих идей, но и от того, когда человеку пришлось родиться и где ему довелось жить»⁵². Возможно, здесь вообще требуется какое-то другое мышление – с менее четкими истинами, правилами вывода и т.д. Далее, – рассуждает автор, – реальность, которая обладает онтологией порядка

⁵¹ *Следзевский, И.В.* «Пограничье без границ». Глобальная неопределенность мира и ее отражение в знании и культуре // Социокультурное пограничье как феномен мировых и российских трансформаций. Междисциплинарное исследование. М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2008. С. 24–25.

⁵² *Тулмин Ст.* Человеческое понимание. М.: Прогресс, 1984. С. 65; см. также: *Грифцова И.Н.* О возможности трактовки неформальной логики как прикладной эпистемологии // Преподаватель XXI век. 2013. № 3. С. 251–257.

(классическая рациональность), легко схватывается естественным мышлением человека, т.е. интуитивно, фоновыми знаниями и т.д. Для глобального знания это невозможно. Структура глобального знания не укладывается в естественные модели мышления и схему априорного знания. Она связана с проблематизацией глобальной реальности и исключает возможность интуитивного представления по разным причинам, в том числе в силу невозможности схватить эту реальность в западных культурных и лингвистических константах и создать единый универсальный образ мира. Да и информационные модели ориентирует не столько на интуитивное ощущение, сколько на возможность существования чего-то. Фоновое знание здесь, конечно, тоже играет роль, но оно не центрально. Во-первых, потому, что фоновое знание обычно не рефлексится, а глобальное знание требует повышенной рефлексии и даже образования, во-вторых, потому, что фоновое знание связано с эмоциональными предпочтениями и отторжениями, а глобальная реальность требует диалога⁵³.

Логоцентристский и номиналистский (через описание свойств языковыми средствами) образ действительности также не очень подходит для описания мира глобального⁵⁴. Глобальные явления не втискиваются в логику сущностей и заранее установленных категорий. Здесь копии/двойники/симулякры реальности получают возможность ее замещения. Единственным возможным образом может быть уже упоминавшийся образ множества. В этом случае мы тоже имеем дело с категориальным пониманием глобализации, но воплощенным в визуальных, а не в языковых конструктах. В отличие от аналитической логики описанием основанием для таких категорий является не правило, а пример, который объединяет сходные элементы без приписывания им универсального качества. В результате, категориальное упорядочение глобальных представлений оказывается как бы на границе двух логик: аналитической, которая непосредственно связана со словом, лингвистическим кодированием предметов, и синкретической, которая опирается на образ множества при решающей роли визуального кодирования глобальных явлений и строится вокруг наглядных образцов, а не правил⁵⁵. Причем первая логика боль-

⁵³ См. подробнее: *Следзевский И.В.* «Пограничье без границ»... С. 37-38.

⁵⁴ *Копосов, Н.Е.* Хватит убивать кошек! Критика социальных наук / Н.Е. Копосов. М.: НЛЮ, 2005. С. 54-64.

⁵⁵ *Следзевский, И.В.* «Пограничье без границ»... С. 46-51, 55.

ше отражает прошлый опыт осмысления явлений, а вторая – фиксирует ожидания, сдвиги, переход. Другими словами, язык и его значения продолжают ориентироваться как бы на один уровень сложности мира, а образы множества – на другой. Отсюда диссонансность глобального знания, его проблематичность, которая, в свою очередь, побуждает конструировать глобальную реальность и воспринимать такие конструкторы в качестве действительности.

Для понимания столь сложного и парадоксально устроенного мирового сообщества нужна, видимо, не только другая мироперспектива – более объемная, разноплановая и диалогичная / полилогичная (это не мир локальных цивилизаций), но и другое, более «сложное мышление», *другая методологическая основа*, учитывающая разный уровень знания об исследуемых предметах, разный контекст их бытования, отсутствие эталонности для их осмысления.

3. «Глобальная история» и трудности цивилизационной компаративистики

Очевидно, что представить такой парадоксальный образ мира и объяснить его в рамках логики сущностей, как и в рамках дисциплинарного идеала научного знания, невозможно. Причем целостность современного мира, принадлежа к объектам несистемного класса, не может быть выражена и в категориях системного анализа. Возможно, в этой ситуации следует говорить либо о несистемном анализе, либо о возникновении другого типа системности (конституированного не частями, а связями), либо о необходимости соединения системного и несистемного анализа⁵⁶. Поэтому вряд ли современный цивилизационный анализ возможен без обращения к идейному и концептуальному потенциалу синергетики, диатропики и др., т.е. без активного сотрудничества естественнонаучного и гуманитарного знания в едином пространстве трансдисциплинарности. Пытаясь найти адекватные способы схватывания мира, современная историография отдает предпочтение т.н. «связанной» и близким к ней «перекрестной» и «транснациональной» историям, а также истории транферов⁵⁷. Пер-

⁵⁶ Чешков М.А. Глобалистика как научное знание. Очерки теории и категориального аппарата. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2005. С. 23.

⁵⁷ Вернер М. После компаратива: *histoire croisée* и вызов рефлексивности // *Ab Imperio*. 2007. № 2. С. 59–90; Репина, Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. М.: Кругъ, 2011; *The Making of the Modern World: Connected Histo-*

вая видит свою нишу в изучении переплетения историй нескольких обществ, государств и т.п. Вторая делает акцент на пересечении и взаимодействие людей, техник, практик, идей и т.п. Третья фокусирует свое внимание на контактах, движениях и силах, пересекающих национальные границы. Четвертая ставит во главу угла культурные переносы и заимствования. Как следует даже из этого самого общего определения, все они, так или иначе, разделяют подходы, выходящие за национальные рамки. Поэтому, не вдаваясь далее в отличия между ними⁵⁸, отмечу лишь, что все они ставят своей задачей изучение не устойчивых систем, а именно взаимосвязей, циркуляций (каналов, способов, рецептов), взаимообменов и взаимовлияний, выраженных через категории сетей, потоков, пучков отношений, сгущений, культурных переносов, медиаторов и т.п., призванных показать коэволюцию и коадаптацию различных цивилизаций.

Такой словарь представляется удачным, так как позволяет показать не только движение *между*, но и постоянное собирание новых паттернов, при котором соединяемые элементы не приобретают постоянную фиксированную форму и не принадлежат более к обширному предзаданному списку, а конструируются (по крайней мере, отчасти) в ходе взаимного переплетения. Полученное в результате собрание имеет структуру сплетения, скрещивания, позволяющую различить его и одновременно разделить различные нити, смысловые и силовые линии и завязать новые. В такой множественности важны не элементы, а то, что находится между ними – промежутки, набор неотделимых друг от друга отношений. Быть, значит, быть с чем-то связанным, соотнесенным⁵⁹. При этом связанность не предстает как идеал. «Предельная связанность – это жесткость и окостенение. С внешним миром взаимодействует не структура, а медиумы – ее ослабленная форма (язык, смысл как виды упорядочивания переживаний). Поэтому границы культур... нечетки, а роль историопи-

ries, *Divergent Paths (1500 to the Present)* / Ed. by Robert W. Strayer. N.Y., 1989; *Unraveling Ties: From Social Cohesion to New Practices of Connectedness* / Ed. by Yehuda Elkana et al. Frankfurt, 2002.

⁵⁸ Ионов И.Н. Глобальная история и проблема исторического оптимизма // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 75–92; Ионов И.Н. Связанная история между двойной связкой и отрицательной обратной связью // Диалог со временем. 2014. № 46. С. 194–218; Репина, Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. С. 224–226.

⁵⁹ Ло Дж. Указ. соч. С. 127.

сания состоит в том, чтобы “иметь возможность ‘освободиться’ от своей истории и творчески менять свои семантики”⁶⁰. Другими словами, в пространстве перекрестной истории локальные и временные устойчивости возникают из потока и создают условия для производства новых временных устойчивостей. Вот почему каждое новое исследование должно быть осторожным и колеблющимся разворачиванием (т.е. одновременно существительным и глаголом)⁶¹, а новый метод не может и не должен быть ограничен репрезентацией.

Кажется, что эти вариации глобальной истории никакого отношения к цивилизационному анализу не имеют или связаны с ним весьма отдаленно. Однако в контексте изложенной выше новой эпистемологии цивилизации вполне можно представить зоны постоянного взаимодействия идей, идеалов, познавательных перспектив и т.д., и «задуматься о формирующейся путем распространения “цивилизированных” форм поведения единой “сети взаимозависимостей”, где “все индивиды рука об руку... трудятся... решая общие для всех них задачи”... В результате борьба за престиж порождает “многополюсную систему противовесов”, высокую “структурную напряженность между основными группами этого сплетения социальных связей...”⁶². При таком подходе оказывается, что перекрестная история открывает для современных цивилизационных исследований дополнительные резервы и одновременно вскрывает новые сложности такого анализа.

Проведение в рамках проектов транснациональной, перекрестной, связанной истории и истории трансферов компаративных исследований⁶³ вызывает серьезные трудности. Многие из них изложены в

⁶⁰ Ионов И.Н. Связанная история между двойной связкой... С. 212-214.

⁶¹ Ло Дж. Указ. соч. С. 91.

⁶² Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 2. М.; СПб., 2001. С. 326-327; Ионов И.Н. Идея цивилизации в Европе XIX века в контексте связанной и перекрестной истории // Диалог со временем. 2012. Вып. 40. С. 27-50; Wolf E. Op. cit. P. 401-425.

⁶³ Сравнительный метод вызывает у современных исследователей ряд сомнений: одни настаивают на отсутствии в истории особого сравнительного метода, так как не существует никаких общих правил и процедур, по которым осуществляется сравнение (см., например: Grew R. The Case of comparing History // The American Historical Review. 1980. Vol. 85. № 4. P. 763-778) и на этом основании считают его нелепостью (Sewell W.Y., Thrupp S.L. Comments // The American Historical Review. 1980. Vol. 85. № 4. P. 847-853), другие склонны говорить не столько о сравнительном методе, сколько о способе рассмотрения, сравнительном подходе, приеме, перспективе (Sewell W.Y. Marc Block and the logic of comparative

статьях М. Вернера и Б. Циммерман «После компаратива», М. Эспаня «О пределах культурной истории» и в сборнике «Гранферы»⁶⁴. Поскольку эти проблемы очень хорошо транспонируются в современные цивилизационные исследования, рассмотрим их более подробно.

Начнем с проблемы выбора объекта для сравнения. Можно ли, например, сравнивать восточный материал с западноевропейским⁶⁵? Можно ли найти общую основу для сопоставлений? Какова роль исследователя в определении этих объектов, и что делать с их историчностью и современным использованием? Вспоминается критика, в свое время прозвучавшая в отношении тезиса А. Тойнби о «философской эквивалентности» и вытекающей отсюда сопоставимости культур. С другой стороны, имеется много общего, какие-то сквозные универсалии, феномены, тенденции, которые принадлежат всему человечеству или, по крайней мере, отдельным его частям и неожиданно проявляют себя в разных конфигурациях. При этом просматриваются такие черты сходства, которые не могут быть объяснены фактом (или только фактом) их взаимодействия. Другая сложность состоит в том, что в процессе сравнения цивилизаций исследователь неизбежно вынужден оперировать понятиями сходства и различия, несмотря на то, что сравниваемые объекты исторически обусловлены *множественными и взаимопересекающимися измерениями*, которые сопротивляются втискиванию в рамки обозначенной выше дихотомии.

history // History and Theory 1967. Vol. 6. № 2. P. 208-218; Haupt H.-G., Kocka J. Comparative History: Methods, Aims, Problems // Comparison and History. Europe in Cross-National Perspective / Ed. D. Cohen, M. O'Connor. N.Y.; L., 2004. P. 23-37; Kocka J., Haupt H.-G. Comparison and Beyond: Traditions, Scope and Perspectives in Comparative History // Comparative and Transnational History: Central European Approaches and New Perspectives / Ed. H.-G. Haupt and J. Kocka. N.Y.; Oxford, 2009. P. 1-30); в любом случае, и те, и другие признают отсутствие четкого определения этого метода. Изложение этих и других точек зрения на сравнительный метод см. в главе с симптоматичным названием «А есть ли метод?» в учебном пособии: Кром М.М. Введение в историческую компаративистику. СПб., 2015. С. 119-130.

⁶⁴ Вернер М., Циммерман Б. После компаратива: *Histoire croisée* и вызов рефлексивности // Ab Imperio. 2007. № 2. С. 59-90; Espagne M. Sur les limites du comparatisme en histoire culturelle // Geneses. 1994. Vol. 17. P. 112-121; Transferts. Les relations interculturelles dans l'espace franco-allemand / Ed. Michel Espagne et Michael Werner. Paris: Editions Recherche sur les Civilisations, 1988.

⁶⁵ Сегодня этот вопрос поднимается исследователями, которые пытаются анализировать восточные цивилизации. См., напр.: Ванина Е.Ю. Средневековое мышление: Индийский вариант. М.: Изд. «Восточная литература РАН», 2007.

В этой ситуации становится понятным пристальное внимание, которое уделяется сегодня компаративистами понятию «*культурный трансфер*», призванному показать возможности проведения компаративных исследований в условиях динамичности и многонаправленности развития объектов. Здесь очень важен разговор о специфике использования этого понятия, о контекстах его применения, о той внутренней оппозиции, которую этот метод, во всяком случае, по замыслу своих создателей, призван был составить более традиционной компаративистике. В противном случае он может начать использоваться просто как более современное обозначение сравнительного изучения цивилизаций и культур. Между тем, именно эти отличия теории культурного трансфера от традиционной компаративистики и являются в данном случае определяющими.

Во-первых, подчеркивал один из создателей этой теории Мишель Эспань, компаративизму в гуманитарных науках, исходящему из идеи «особости» каждой культуры, даже когда речь идет о влиянии одной культуры на другую, теория культурного трансфера противопоставляет не просто изучение одновременно нескольких культурных и национальных пространств, но также изучение имбрикаций, вкраплений, трансформаций, которые при всяком соприкосновении культур проявляются равно в воздействующей и в принимающей культурах⁶⁶. Тем самым в расчет берется не бинарная оппозиция – две культуры, одна из которых обязательно осмысляется как культура-реципиент, т.е. культура принимающая, – но гораздо более сложная конструкция. Это очень напоминает метод триангуляции Ю. Кавады, предполагающий сравнение нескольких рассматриваемых явлений разных (как минимум трех) культур, цивилизаций и т.п. с применением постоянной фальсификации каждого из них с помощью когнитивных карт других и с дальнейшим помещением в более широкий контекст⁶⁷.

Во-вторых, теория культурного трансфера добавляет к этому изучение сопутствующих трансферу факторов – они на проверку и создают контекст, в котором осуществляется культурный трансфер (как

⁶⁶ Дмитриева Е. Теория культурного трансфера и компаративный метод в гуманитарных исследованиях: оппозиция или преемственность? // Вопросы литературы. 2011. № 4. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2011/4/dm16.html>.

⁶⁷ Kawada J. Beyond Cultural Relativism and Globalism – a Proposal to Deepening Cultural Awareness through “Trialogues”. URL: www.unu.edu/dialogue/papers/Kawada-abst-cs.pdf.

тут не вспомнить тезис Л. Витгенштейна: «Только предложение имеет смысл; только в контексте предложения имя обладает значением»⁶⁸).

Другой важный момент заключается во внимании теории культурного трансфера не столько к центру, сколько к периферии культурного / цивилизационного пространства, т.е. к месту наиболее интенсивного взаимодействия культур, благодаря чему демонстрируется гетерогенность любого, даже, на первый взгляд, гомогенного пространства. Наконец, эта теория принимает во внимание культурную и идеологическую нагруженность базовых концептов, их неодинаковое толкование в разных культурных контекстах и семантические сдвиги, возникающие в момент их переноса на чужую почву. Поэтому исследователи подчеркивают, что «всякое усвоение культурного феномена есть уже само по себе перевод на свой культурный язык, при котором что-то изменяется и в принимающей культуре, но непременно что-то изменяется и в культуре воздействующей. Если же говорить о переводе в прямом смысле этого слова, то очевидно, что переведенное никогда не равно оригиналу, и даже при самом точном переводе столько же привносит в ту культуру, на язык которой он переводится, сколько и в ту, с языка которой он переводился»⁶⁹.

Именно поэтому вызывает возражение одно из базовых условий традиционной компаративистики — необходимость внешней и желательной равноудаленной по отношению к сравниваемым цивилизациям / культурам позиции исследователя, находящегося, помимо этого, в стабилизированной во времени и пространстве точке. Однако такая позиция в принципе недостижима, так как исследователь всегда смотрит изнутри какого-то поля и пользуется специфическим для данного поля категориальным аппаратом, опытом, суммой знания. Другими словами, поскольку существуют разные способы концептуализации мира, разные понятия и категории, в процессе исследования могут возникать разные значения одного и того же, т.е. позиция исследователя неизбежно смещена от центра. Если не учитывать этот момент, возникают ловушки асимметричных сравнений, постулирующих схожесть на основе простого семантического совпадения, без критического исследования практик, которые часто различаются. Или

⁶⁸ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / Пер. с нем. И. Добро-нравова, Д. Лахути; общ ред. и предисл. В.Ф. Асмуса. М., 1958. П.3.3. URL: http://modernlib.ru/books/vitgenshteyn_lyudvig/logikofilosofskiy_traktat/read.

⁶⁹ Дмитриева Е. Указ. соч.

ограничение негативных сравнений на основе того, что в данном обществе отсутствует эта категория, а исследователь оперирует ею.

«Реальный мир» в значительной мере неосознанно строится на основе языковых привычек той или иной социальной группы. Два разных языка никогда не бывают столь схожими, чтобы их можно было считать средством выражения одной и той же социальной действительности. Миры, в которых живут разные общества, — это разные миры, а вовсе не один и то же мир с навешанными на него ярлыками...»⁷⁰. Иными словами, при компаративном анализе очень важно понимание того, что категории возникают в определенных пространственно-временных континуумах: категория цивилизация, старость, культура, время... В каждой есть специфические аспекты категоризации, которые не очевидны, но характерны для данной общности (феодализм, средневековье, рыцарство, крестьянство, просвещение, образование, нация). В любом случае, здесь всегда задействован активный наблюдатель со спецификой когнитивной деятельности.

Примером того, насколько сегодня эти идеи носят в воздухе, является термин *топологическая рефлексия*, введенный В.В. Савчуком. Кстати, его автор никакого отношения к перекрестной истории не имеет. Угол зрения в ней обращен к проблеме того, *в свете чего мы видим и понимаем*, а усилия направлены на описание реальности, которая находится за границей рационального постижения, сталкивается с ограничениями, налагаемыми на способ описания инструментальным характером языка и принятой формой обоснования⁷¹. *Способ, каким может быть рефлексия в том или ином пространстве, по мысли автора, «определяет иной тип дискурса, поскольку в рефлексии — фундаментальным условием ее осуществимости — включается*

⁷⁰ Сепир Э. Статус лингвистики как науки // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. С. 261. Эти идеи были продолжены Б. Уорфом: «Мы расчлняем природу в направлении, подсказанном нашим родным языком. Мы выделяем в мире явлений те или иные категории и типы вовсе не потому, что они (эти категории и типы) самоочевидны. Напротив, мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, то есть языковой системой прежде всего». — Уорф Б.Л. Наука о языкознании (О двух ошибочных воззрениях на речь и мышление, характеризующих систему естественной логики, и о том, как слова и обычаи влияют на мышление) // Новое в лингвистике. Вып. 1. М., 1960. С. 97.

⁷¹ Савчук В.В. Топологическая рефлексия // Политическая концептология. № 4, 2012 (Ч. 1-2). С. 174-305; № 1, 2013. С. 162-235 (С. 176, 177).

особенность топографии того объекта, который подвергается рефлексии. Поиск такой рефлексии, которая не столько учитывала бы специфику своего объекта, сколько специфическим образом разворачивалась бы в пространстве его существования». Следовательно, одной из целей становится «поиск языка описания наличной ситуации и, что не менее важно, той единственно верной *интонации*, с которой уместно говорить на этом языке, то есть осмысленное соединение концептуального аппарата с уместностью его использования»⁷².

Вызывает вопрос и масштаб сравнения: так, масштаб, принятый для одной единицы в паре сравнений может оказаться нерелевантным для другой (образовательная система, родственные связи, соотношение между публичным и частным). В этой связи авторы в очередной раз подчеркивают проблематичность использования в качестве основы для сравнения концепта цивилизации, сложившегося, как уже отмечалось выше, в определенных исторических условиях.

Еще один момент – необходимость синхронизации сравниваемых объектов, иначе трудно объяснить, почему, например, один элемент процесса акцентируется, а другой затеняется. Между тем, нужно признать: синхронический анализ не показывает всей сложности бытования и развития объекта, в нашем случае – цивилизаций. В этой связи особую проблему создают сравнения цивилизационных трансферов / культурных переносов. Трансфер, как известно, разворачивается во времени, ибо мы изучаем процесс трансформаций и изменений, а не статичные единицы. Как сравнивать изменяющееся? Ведь цивилизации как объекты сравнения постоянно взаимодействуют и модифицируют друг друга, и мы обязаны учитывать эту постоянную изменчивость сравниваемых цивилизаций или внутрицивилизационных объектов. Наконец, трансфер рассматривается как передача от одной культуры к другой. Однако ситуация как правило более комплексная, и трансфер происходит сразу в нескольких направлениях, они могут следовать друг за другом, накладываться или пересекаться, порождая специфическую динамику.

Можно приводить и другие сложности. Проблема в том, как избежать всех ловушек и найти выход? Как схватить этот достаточно подвижный и пластичный пространственно-временной континуум? Как добиться сочетания синхронного и диахронного подходов, то-

⁷² Там же. С. 178.

тальных и частичных, интра- и интерцивилизационных сравнений; найти способ конструирования культурной когерентности мирового исторического процесса, учитывающий отмеченные выше разнонаправленные тенденции к универсализации и дифференциации, конвергенции и дивергенции?

Дополняя сказанное выше о специфике перекрестной истории, еще раз подчеркнем необходимость отказа от стабильных и нормативных аналитических моделей, схем, перспектив, например, от нормативного перечня цивилизаций, и перехода к стратегии поэтапных действий, предполагающей постоянную корректировку принципов исследования по мере его проведения, на каждом этапе, в каждой ситуации, в разных контекстах⁷³. Это неизбежно ведет к тому, что исследуемый объект и его контексты будут постоянно смещаться, так как благодаря этим новым контекстам, мы неизбежно будем соскальживать в другие проблемы и очередные контексты, оказываясь вовлеченными в это постоянное скольжение. Но это скольжение не является знаком некачественного метода. Просто мы имеем дело с объектом, изменяющимся,двигающимся,скользящим между разными практиками, разворачивающимся в разных местах. Значит, мы должны переопределить свое понимание определенности. Вещи могут являться нам как определенные, но при этом менять свои формы. А это уж новая граница между видимым и невидимым. Отсюда и такой язык: сборка, пучок, сгущение, медиация, паттерн, повторение, сходство, различие, собирание. Здесь нет правильных ответов. Требуется методологическая дисциплина и одновременно воображение, чтобы увидеть или услышать то, что пока что находится за пределами созданных нами схем, конструкций, связей, тенденций, что ускользнуло от нашего внимания и ожидает быть обнаруженным⁷⁴. Подчеркивается также невозможность абсолютизации любой познавательной позиции, равно как невозможность утверждения одного канона, одного правила, одного способа проведения сравнений, и признается обратно пропорциональная зависимость между количеством вовлекаемых в сравнение объектов и глубиной и подробностью проводимого анализа. Поэтому в качестве идеала провозглашается не тотальная, а дифференцированная версия сравнительного анализа, т.е. версия ча-

⁷³ Вернер М., Циммерман Б. Указ. соч. С. 79–89.

⁷⁴ Удачное сравнение привел в своей книге Дж. Ло: слабый сигнал (как в радиоприемнике), который необходимо выделить из фонового шума.

стичная, фрактальная⁷⁵. Наконец, акцентируется пошаговая стратегия исследования сравнимых объектов, позволяющая выявить пограничное положение исследователя и способ его мышления. Значительное место в этом анализе отводится и т.н. *case studies* – методу анализа локальных ситуаций с целью выявления сходства их структурных логик и, благодаря этому, встраиванию этих локальных / региональных ситуаций в глобальный процесс. Важно отметить, что при таком подходе дихотомическое мышление (например, передовые – отсталые, цивилизованные – дикие и т.п.) становится невозможным, теряет свою значимость понятие нормативности и возрастает значение контекста, возможности альтернативных контекстуализаций связанности, равно как и различных рамок интерпретации.

Другое дело – как добиться в таком случае исторического синтеза? Попытки объединить целые регионы и континенты в одну связанную, пластичную и гармоничную историю натываются на целый ряд препятствий, начиная с необходимости выделения значимых факторов и, соответственно, оставление за пределами внимания других связей и сетей, что опять-таки диктуется личными представлениями и предпочтениями конкретных ученых, и заканчивая сведением материала в единый нарратив. И дело не только в значительном объеме этого материала и необходимости проиллюстрировать каждое положение длинной чередой примеров, перескакивая с одного на другое и подмечая многочисленные исключения, в определении движущих сил самых разнообразных изменений, тем более что потоки этих изменений распределяются в разных направлениях и в сетях постоянно образуются многочисленные узлы. Но и в неизбежности сведения такого обширного и разнообразного материала к единой всеобъемлющей концепции. Тем более это трудно сделать в рамках чисто исторического нарратива.

Американский историк А. Белл, проанализировав несколько опытов создания глобального нарратива⁷⁶, справедливо отметил его изъяны. Стремясь избежать редуccionизма и признать реальную сложность глобальных процессов, авторам все равно (и это есте-

⁷⁵ Braembussche A.A. Historical Explanation and Comparative Method: Toward a Theory of Society // History and Theory. 1989. Vol. 28. P. 1-24.

⁷⁶ The Birth of the Modern World, 1780-1914 by C. A. Bayl. Wiley-Blackwell, 2003. The Transformation of the World: A Global History of the Nineteenth Century. Princeton University Press, 2014.

ственно) не удастся элиминировать собственную субъективность, выпячивая одни факторы в ущерб другим. Например, он отмечает отсутствие в редактируемом Ю. Остерхаммелем и А. Ирийе первом томе (1870–1945) шеститомной всемирной истории информации о циркуляции идей (и политических, и религиозных), без которых трудно представить рождение современного мира, или – другой пример – отсутствие в этом томе такого фактора, как война, более других факторов способствовавшего разрушению глобальных сетей. Указывает Белл и на проблему введения личностей в повествования такого масштаба. Но самое главное, на мой взгляд, состоит в том, что идея «обмена и взаимосвязанности» натывается на страх перед созданием очередной и, замечу, неизбежной в таком случае философии истории. В противном случае мы получаем всего лишь компендиум. «Если так трудно писать глобальную историю... тогда, возможно, историки не должны привлекать столько сил и ресурсов для создания синтезов, подобных этой работе? – задается вопросом А. Белл. Быть может, “глобальный поворот” в отношении своих идей и предписаний достиг крайней точки. Тот факт, что современные технологии, экономика, политика заставили нас так остро ощутить “глобальные связи” в наши дни, вовсе не означает, что события прошлого также необходимо помещать в столь обширный контекст»⁷⁷. Полагаю, что данное обстоятельство играет не последнюю роль в том, что важной чертой современной эпистемологической ситуации является заметный сдвиг от идеи исторического синтеза к идеям *диалога* и *синкретизма*.

4. Диалог цивилизаций в контексте новой онтологии и эпистемологии

Тема диалога цивилизаций сегодня настолько заезжена, что кажется уже банальной. Идеи М.М. Бахтина о диалогичности самой жизни и диалоге как единственном способе существования человека в мире людей (раскрытие смыслов только в ходе взаимодействия друг с другом) кочуют из книги в книгу, создавая ощущение истерзанности проблемы. Значительно меньше внимания обращается на то, что, по сути, Бахтин говорит тем самым о создании новой онтологии «Я», противостоящей той ценностной когнитивной установке, которая

⁷⁷ Белл Д.А. Что происходит, когда историки злоупотребляют идеей глобальной сети. Глобализация обыденности как проблема исторического знания. URL: <http://gefter.ru/archive/12156>

сложилась в западном мире в Новое время. Согласно этой новой онтологии, человек существует не только потому, что он мыслит (Декарт), а потому, что отвечает на мышление другого человека. Другими словами, диалог – единственная возможность существования, а не просто акт коммуникации. Кроме того, «диалог между мною и другим предполагает целую систему внутренних диалогов, в том числе: между моим образом самого себя и тем образом меня, который, с моей точки зрения, имеется у другого человека (диалектика: “Я для себя”, “я для другого”, “другой для себя”, “другой для меня” и т.д.)»⁷⁸. И в свете этой новой онтологии и вытекающей из нее эпистемологии диалог цивилизаций оказывается сложным и многозначным феноменом с постоянно изменчивым и не predetermined содержанием.

Непонимание этой сложности опять-таки связано с особенностями западной метафизики. Прежде всего, при осмыслении проблемы диалога цивилизаций у большинства исследователей до сих пор присутствует стремление связать понимание его сути с четким и однозначным определением цивилизации. Если формулировать проблему словами М.Т. Степанянц, в первую очередь надо решить, «между кем и кем идет диалог?» Между локальными цивилизациями или традиционной и современной, Западом или Востоком?

В этом поиске определенностей, как правило, вновь проступают «родимые пятна» цивилизационного дискурса в виде осмысления цивилизации как стадии развития человечества или четко определенной локальной общности с дальнейшими опорами на европоцентристские модели рассуждения. Показательным примером этому может служить дискуссия «Диалог культур и цивилизаций: понятие, реалии, перспективы», состоявшаяся в 2003 г. в Горбачев-Фонде⁷⁹. В ходе этой дискуссии В.М. Межуев четко обозначил эту позицию: «...Что ни говори, но культуры, еще не знающие письменности, и те, что сложились в эпоху Интернета и электронных средств информации, находятся на разных ступенях исторического развития, и в этом смысле принадлежат к разным историческим типам. Возможен ли диалог между ними? Я в этом сильно сомневаюсь. На мой взгляд, он возможен лишь при условии хоть какого-то выравнивания стран и

⁷⁸ Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М.: УРСС, 2001. С. 46.

⁷⁹ См.: Диалог культур и цивилизаций: понятие, реалии, перспективы. URL: [http:// www.gorby.ru/activity/conference/ show_69/](http://www.gorby.ru/activity/conference/show_69/)

народов по типу развития <...> Ведь диалог возможен лишь между теми, кто способен преодолеть узкий горизонт своей групповой идентичности, подняться над ним, включившись тем самым в более широкую коммуникационную систему отношений <...> С этой точки зрения, мне не совсем понятен тезис о диалоге между традиционным Востоком и современным Западом. Традиционный Восток является для Запада предметом научного знания, называемого востоковедением, но изучать Восток и вступать с ним в диалог – все-таки разные вещи. Что может служить основанием для такого диалога? Как возможен диалог с миром, в котором человек лишен собственного голоса и права на свободный выбор? Ведь диалог и существует для того, чтобы участвующие в нем люди, чувствовали и осознавали себя свободными людьми, приходящими к решению, которое они считают правильным для себя, в результате взаимного согласия, а не кем-то навязанного мнения. <...> Мне важно подчеркнуть, что цивилизации в своем статическом состоянии, в качестве неизменных исторических констант к диалогу практически неспособны. Пока сохраняются разные цивилизации, сохраняются, на мой взгляд, и элементы варварства, как раз и абсолютизирующего то, что разделяет людей в цивилизационном плане. Люди, представляющие эти цивилизации, как бы цивилизованы по-разному, и, следовательно, самодостаточны, не нуждаются в других. Диалог возможен между людьми, стоящими на одном уровне цивилизационного развития, связанными друг с другом единой системой ценностей, норм поведения и мышления». В результате Межуев сделал вывод: от разговора о диалоге между цивилизациями следует перейти к разговору о цивилизации диалога, то есть о цивилизации, которая существует на базе диалога.

Мнение В.М. Межуева было частично поддержано и другими участниками дискуссии, например А.И. Неклесса: «...существует ли некая “иерархия оснований”, превращающая культурный диалог в сложную конструкцию сложноподчиненного полилога, транслирующего “сверху вниз” достигнутую степень цивилизованности того или иного общества, культуры? Наконец, имеют ли вообще место поворотные, “шарнирные” ситуации, которые вносят в человеческое общество не просто фундаментальные перемены, но последовательное расширение горизонта? На мой взгляд, существуют. Это и есть процесс *цивилизации* (отглагольное существительное) человечества. <...> Цивилизация – определенная форма существования культур,

ассоциируемая чаще всего с достижением урбанистической стадии развития (*civilis vs. rusticus*). Культура представляет личность исторического индивида, цивилизация же соответствует его фазам развития, “возрастам”, но не всем, а преимущественно тем, которые ассоциируются с достижением и удержанием зрелости. Культуры, как и личности, уникальны, представляя собой бытийные коды, специфика которых сохраняется сквозь столетия, усложняясь или, случается, уплощаясь. Стадии же их роста (степень цивилизованности) – “детство”, “юность”, “зрелость” – универсальны, хотя не все исторические организмы проходят по этим ступеням, порой сходя с дистанции до времени <...> Возможен ли диалог цивилизаций? Пожалуй, мне ближе формула, предложенная Вадимом Михайловичем (Межуевым. – *О.В.*): “от диалога цивилизаций к цивилизации диалога”.

«Разговоры насчет диалога цивилизаций, этносов, наций, государств чаще всего являют собой манипуляции, обман. В них постоянно присутствует монологичность, желание навязать другой стороне свои позиции и т.д. Я думаю, диалог действительно возможен только в том случае, когда его субъектами являются индивиды, свободные личности (на определенной стадии развитии общества – *О.В.*)», – поддержала обоих предшествующих ораторов М.Т. Степанянц.

Поразительно, насколько явно в этих рассуждениях просматривается линейно-стадиальная теория цивилизации, предполагающая наличие «варварских» и ушедших далеко вперед «цивилизованных» народов, коммуникация между которыми на равных невозможна, а трансфер идей возможен только в одном направлении. Невольно вспоминаются идеи мыслителей конца XVIII – начала XIX в., заявлявших: «никакая настоящая цивилизация невозможна без некоторой степени свободы как в мыслях, так и в поступках», поэтому обязательно настанет «момент, когда солнце будет освещать землю, населенную только свободными людьми»⁸⁰. Та же европейская метафизика просматривается в понимании диалога цивилизаций в категориях целей и средств, в частности, как способа достижения определенного состояния мира (в формулировке Ю.В. Яковца – «единства мира»), а

⁸⁰ Первая фраза принадлежит врачу-писателю Ж.-Ж. Вире в «Словаре светской беседы» (Париж, 2-е изд., 1870), вторая взята из «Эскиза исторической картины прогресса человеческого разума» Кондорсе. – Цит. по: *Старобинский Ж.* Слово «цивилизация» // *Старобинский Ж.* Поэзия и знание. История литературы и культуры. В 2 т. Т. 1. М., 2002. С. 130.

также в стремлении рассматривать диалог цивилизаций в западной бинарной логике – как оппозицию монологу, конфликту, в попытках определить логические ходы его рассмотрения в противовес нелогическим, в противопоставлении Запада и Востока, цивилизации и варварства, традиции и цивилизации и т.д.

Совсем иное понимание диалога цивилизаций напрашивается в рамках изложенной выше эпистемологии и вариантов глобальной истории, рассматривающих цивилизации не как статичные образования, а как постоянно изменяющиеся и переопределяющие себя феномены, в т.ч. благодаря постоянным контактам, трансферам, рецепциям и т.п. Эти изменения оказываются связаны с проблемами самоидентификации, точнее – плавающей самоидентификации. Поэтому, как подметил И.В. Следзевский, здесь уместна другая логика – логика медиации, которая, помимо прочего, предполагает отсутствие набора общих идей, признание разных форм и типов диалога, а также значение монолога как способа переваривания, утверждения и присвоения новых смыслов, присутствие, наряду с пониманием, элементов непонимания, неприятия, противостояния и даже конфликта и, что важно, признание постоянной ситуативной обусловленности процесса диалога цивилизаций: «...понятие диалога – все-таки понятие в значительной степени ситуативное. Нельзя его тотально определить. Должна сложиться определенная ситуация, или мы ее сформируем, которая пробудит потребность в диалоге и заставит его вести. Если этой ситуации нет, или мы ее не можем определить, выявить, убедить в необходимости диалога не удастся»⁸¹. Не удивительно, что в развитии диалога цивилизаций некоторые усматривают предпосылку создания новой глобальной истории. Специфику собственно диалога цивилизаций И.В. Следзевский усматривает в необходимости постоянного сопоставления их базовых ценностей, «частичного принятия и частичного отрицания, определения и переопределения внутри и вне сферы распространения и доминирования цивилизации». Другими словами, это – не поиск истины (каждая цивилизация настаивает на истинности своих базовых ценностей) и не совсем семиотический обмен (хотя образы «другого» постоянно присутствуют в культурном поле любой цивилизации и влияют на цивилизационную идентичность). Диалог цивилизаций связан, в понимании Следзевского, с

⁸¹ См.: Диалог культур и цивилизаций: понятие, реалии, перспективы. URL: [http:// www.gorby.ru/activity/conference/ show_69/](http://www.gorby.ru/activity/conference/show_69/).

предельным интересом – верой «в высшие принципы данной цивилизации», что составляет ее «дух, судьбу, историческую уникальность». «Вне категории предельного интереса трудно понять специфику внутри- и межкультурного диалога, вообще решить вопрос о его отличиях от диалога межкультурного (семиотического) типа... Поэтому диалог цивилизаций – это всегда диалог об их мировоззренческих основах, первичных символах, конечных сакральных ценностях, вокруг которых объединяются сложные социокультурные системы»⁸². И – добавлю – диалог не только между участвующими в этом диалоге современниками, но и всей предшествующей традиции, между современниками и потомками.

Как отмечалось выше, с момента возникновения цивилизационного дискурса и до недавнего времени диалог цивилизаций мыслился как протекающий в рамках полей межкультурного взаимодействия, устроенных по дихотомическому признаку. Сегодня в ходе разворачивания глобальных процессов эти поля размываются, теряют устойчивость, смещаются, причем в разных направлениях. Заметно меняются и те самые предельные основания, которые являются основой диалога. Сказанное позволяет сделать вывод о том, что современные процессы межкультурного взаимодействия требуют отказа от некоторых упрощенных схем (чаще всех, выстроенных в логике дихотомии: мы – они, господство – подчинение, свой – чужой, или – или), в рамках которых рассматривается проблема диалога цивилизаций и перехода к гибкому, пластическому собиранию образа мира.

Например, уникальные диалогические сценарии представляет глобализирующемуся миру современная Африка, в частности деятельность Нельсона Манделы по достижению национального примирения или сходные по своему результату в плане прощения и примирения суды Гачача в Руанде. В результате массового геноцида и естественного в этом случае разделения населения некоторые южноафриканские страны оказались на грани гражданской войны и национальной катастрофы, но в итоге, благодаря специфическим, основанным на глубинно-исторических и ментальных особенностях «формам жизни», сумели предложить собственную, уникальную этическую основу для национального примирения и выстроить диалог со всеми расами и народами, населяющими Южную Африку. «Традиционное

⁸² Преодолевая барьеры. Диалог между цивилизациями / Под ред. С.П. Капицы. М., 2002.

для западного мира, в целом, и западного права, в частности, антидиалогическое деление на “победивших” и “побежденных”, “выигравших” и “проигравших”, “правых” и “виноватых”, “угнетателей” и “угнетенных”, на “жертв” и “убийц” не работает там, где слезы, боль, кровь и неизжитые, острые обиды запредельны, а продолжать жить вместе, рядом, на одной земле, в одной стране, в одной деревне, на общих холмах и озерах – надо. И там, где Запад рассуждал бы в терминах реванша, возмездия, мести и справедливого неотвратимого наказания, Африка предложила национальное примирение и прощение. Не забвение, а именно прощение. “Я не могу забыть, я могу простить”, – говорил Нельсон Мандела». Альтернативой западным способам защиты прав человека стали в ЮАР комитеты национального примирения (исполнители репрессивных приказов против чернокожих и силы безопасности должны были признать свою вину при режиме апартеида перед членами комиссии и в этом случае они амнистировались без наказания) и созданные с участием местного населения суды Гачача (на которых происходило выслушивание жалоб, свидетелей и обвиняемых с последующим признанием вины и раскаянием, смягчением наказания и даже прощением), продемонстрировав тем самым свое нравственное и этическое превосходство перед западным правом, а также эффективные механизмы примирения⁸³. Важно, что основой такого примирения является именно этика, а не религия. Таким образом, можно согласиться с мнением М. Косока, что «универсальные права человека не могут основываться только на глобализации западных ценностей»⁸⁴ – необходим диалог и гармонизация ценностных систем разных цивилизаций.

Одним из первых призвал к такому пониманию диалога цивилизаций А.Дж. Тойнби. В 1965 г. на вопрос корреспондента, каким бы ему хотелось остаться в памяти людей, Тойнби ответил: «Человеком, который пытался рассматривать вещи в целом... только не в западных терминах»⁸⁵, а через несколько лет на аналогичный вопрос другого журналиста заметил: «Мне хотелось бы верить, что я занимался по-

⁸³ Мосейко А.Н., Харитонова Е.В. Ответ «незападных» культур на глобальные поиски альтернатив решения конфликтных ситуаций (современный опыт применения традиционной этики для разрешения национальных и политических конфликтов в Африке) // Глобальная история: современная проблематика и новые исследовательские подходы. С. 35–41.

⁸⁴ Kossok M. From Universal History to Global History. P. 105–106.

⁸⁵ McNeill W.H. Arnold J. Toynbee: A Life. New York; Oxford, 1989. P. 284.

лезной работой, убеждая людей Запада смотреть на мир как на целое»⁸⁶. Безусловно, А. Тойнби не был первым, кто предпринял попытку связать европейскую и неевропейскую историю в единое целое. Можно вспомнить Г. Уэллса или О. Шпенглера, причем если первый все еще рассматривал эту связь в европоцентристском духе⁸⁷, то второй явно придерживался тезиса о равноправии, а в некоторых случаях и превосходстве незападных цивилизаций⁸⁸. Тогда почему при обращении к проблематике диалога культур имя Тойнби всплывает быстрее и чаще, чем имена его предшественников? Очевидно, дело не только в том, что тойнбианские штудии шире и всеохватнее шпенглеровских. Пожалуй, никто до Тойнби не поставил с такой силой вопрос о том, что в условиях многообразия культур, форм человеческого опыта взаимопонимание людей без утраты их идентичности и даже, напротив, через ее углубление и содержательное обогащение становится одним из важнейших императивов. Никто до него с такой ясностью не осознал, что беспрецедентный по интенсивности процесс культурного взаимодействия народов является одним из тех фундаментальных вызовов или, пользуясь словами Е. Рашковского, «шифrogramм бытия», на которые человечество вынуждено откликаться в каждом поколении, познавая в частных временных коллизиях свои вечные измерения.

Показательно и постоянное изменение в понимании Тойнби этого диалога: параллельно с разворачиванием историко-культурного процесса, свидетелем которого он был, проблема диалога культур приобретала у него новые очертания. В довоенные годы Тойнби немало потрудился над культурно-исторической компаративистикой Запада и Востока, в послевоенные его больше занимал вопрос о типологизации, или, если угодно, вариативности, путей развития современных афро-азиатских сообществ. Не случайно в книге «Мир и Запад»⁸⁹ он акцентировал внимание на различиях переживания злополучного «западного вопроса» в сообществах Дальнего Востока, Индии, мусульманского и православного миров. Без этого невозможно понять, почему в одних случаях западные инновации более-менее

⁸⁶ Sunday Times. October 15, 1972.

⁸⁷ См.: Wells G.H. Outline of History. L., 1920.

⁸⁸ См.: Шпенглер О. Закат Европы. М., 1992.

⁸⁹ Тойнби А.Дж. Мир и Запад // Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории. М., 1995.

органично входили в ткань национальных сообществ, а в других нет. Одним из таких парадоксов является, например, Япония. В отличие от других восточных стран она не знала ни западного колониального ига, ни даже торговли, тем не менее, степень облучения этой страны европейскими культурными лучами оказалась особенно сильной.

Со временем Тойнби пришел к выводу о том, что культурно-цивилизационный облик каждого региона формируется не просто сочетанием исходных данных его развития и результатов внешних заимствований, но также динамикой, содержанием и степенью напряженности межрегиональных, межэтнических и межстрановых коммуникаций. Другими словами, культурный опыт народов не моноадаен, т.е. не дан «раз и навсегда в какой-либо определенной сумме признаков»⁹⁰, но глубоко историчен. Он формируется и глубинным социокультурным опытом народа, и результатами усвоения инокультурных элементов, и – главное – самим процессом межкультурной коммуникации: его содержанием, напряженностью, динамикой.

Все это выводит нас на проблему *субъекта* цивилизации, особенностей мышления, развития знания внутри данной цивилизации, совокупности смыслов, объемлющих, пронизывающих и отчасти формирующих опыт цивилизаций, причем формирующих, по видимому, не только внутреннюю целостность, но и внутренний плюрализм, внутреннюю неоднородность цивилизаций. Лишенные этого субъектного, если угодно, антропологического измерения, цивилизации превращаются в совокупность экономических, социальных и политических институтов, в некую жестко структурированную рамку, которая не позволяет понять причины приспособляемости, выживания (порой, вопреки (!); как тут не вспомнить центральный тезис постструктурализма «структуры не выходят на улицы»), динамики разных цивилизаций. Существующий опыт подобного изучения показывает, что между разнообразными проявлениями человеческой «субъектности» и структурами существует определенная корреляция, способная дать объяснение тем процессам, которые протекают внутри цивилизаций и между ними. По мысли Тойнби, которая нашла отражение в «Постижении истории», человек внутри цивилизаций – не винтик и не слепой исполнитель железных законов исторической

⁹⁰ Переписка Н.И. Конрада и А.Дж. Тойнби // *Н.И. Конрад*. Неоконченные работы. Письма. М., 1996. С. 399, 404–405.

необходимости, а «безусловный и ответственный ее сопричастник». К сожалению, попытки Тойнби придать цивилизационному дискурсу это человеческое измерение только недавно начали становиться предметом глубокой исторической рефлексии.

Актуализация идеи диалога цивилизаций тесно связана с другой идеей – идеей синкретизма и отчасти эклектики⁹¹ как способов описания современного мира. Довольно долгое время эти понятия (особенно понятие эклектики) употреблялись исключительно в негативном ключе, как «некритическое и беспринципное соединение в одном учении разнородных идей, заимствованных из случайных источников»⁹², приводящее к начетничеству и отсутствию оригинальности. «Смыслы эклектизма, как и синкретизма, вырождаясь, становились вульгарно-упрощенными и отрицательными, тем более потому, что входили в противоречие с неукоснительным требованием руководствоваться религиозными и философскими догмами и всеобщими логическими нормами построения философской системы». Становление и развитие постмодерна, сделавшего упор на радикальный плюрализм и интерференцию различных языков, моделей, практик, методов, позволили переосмыслить эти понятия и постепенно вернуть им их позитивный смысл, рассматривая как уникальный пример особого типа коммуникации – культурной, языковой, философской, когнитивной, позволяющей соединять разнородные, но ценные и значимые идеи, положения, подходы. Главное, чтобы в итоге получался какой-нибудь эвристический результат. Если его нет, действительно можно ставить вопрос о допустимости и значении такой комбинации. Но если трудно совместимое или ранее никак не совмещающееся позволило увидеть старые смыслы в новой раскладке или даже привести к интересному результату, то почему такой способ познания менее предпочтителен, чем т.н. методологическая чистота (если она вообще возможна). «Эклектик – философ, отрицающий предубежде-

⁹¹ Существует множество способов трактовки и разведения близких по сути понятий синкретизма и эклектики. Энциклопедия Брокгауза и Эфрона разводит их по способу сочетания и степени присутствия разнородных частей и компонентов: «...эклектизм старается путем критики выделить из различных систем самостоятельные принципы и органически связать их в одно целое, синкретизм объединяет разнородные начала, не давая им истинно объединения». В 86 т. СПб., 1890-1907. URL: <http://www.onlinedics.ru/slovar/brok/s/sinkretizm.html>

⁹² Майоров Г.Г. Цицерон как философ // Цицерон. Философские трактаты. М., 1985. С. 9.

ния, традицию, древность, общепризнанность, авторитет, – одним словом, все, порабащивающее умы; он дерзает мыслить по-своему, восходит к общим, наиболее ясным началам, исследует, обсуждает их и не принимает ничего, что не подтверждается его опытом и разумом... Эkleктик меньше стремится к роли учителя человечества, чем к положению его ученика; ...познать истину, а не учить ей других. Это отнюдь не человек, насаждающий или сеющий, это человек собирающий и просеивающий»⁹³. Эта мысль В.М. Богуславского содержит еще одну важную характеристику синкретизма и эклектизма – определяющую роль субъекта, а не сообщества, системы или школы. Если субъект понимает все значение диалога разных идей, подходов, концепций, когнитивных практик, то при таком способе мышления и исследования можно получить глубокие результаты. Особые эпистемологические функции этих способов сведения материала в одну систему заключаются в том, что сложнейшая система создается без выявления ее логических оснований, принципов, элементов. Эту идею актуализации синкретизма и эклектизма как возможных способов описания сложностей современного мира ни в коем случае не следует понимать как призыв исключительно к несистемным способам изложения – скорее как обозначенное в одном из разделов данного текста размышление о необходимости сочетания системного и несистемного анализа как более адекватного современному миру.

Глобализация изменила мир, а вместе с ним и способы его познания. После цивилизационного пласта мы, по-видимому, постепенно вступаем в какой-то новый (постцивилизационный?) период, отмеченный наряду с увеличивающейся взаимосвязанностью мира сильными тенденциями к дифференциации, дисперсности, диаспорности. Перспективы и векторы этого нового этапа развития человечества пока неясны. Однако вряд ли постцивилизационный мир сумеет полностью стереть следы прошлых цивилизаций и отрешиться от предшествующего цивилизационного опыта. Наиболее вероятно, что он может вновь актуализировать цивилизационный дискурс, но уже в новых эпистемологических рамках, контекстах и адекватных этому миру терминах. Этому способствует, с одной стороны, идущая внутри цивилизационного дискурса критика прежних образцов и

⁹³ Богуславский В.М. Философия в «Энциклопедии» Дидро и Д'Аламбера. М., 1994. С. 618.

аксиоматики цивилизационного подхода: релятивизация понятия «цивилизация», отказ от подведения истории под общие принципы анализа европоцентристского характера, упор на уникальность и специфику каждой цивилизации, с другой стороны – пересмотр прежних схем анализа, дифференциация и усложнение когнитивной структуры цивилизационных теорий, диалог когнитивных практик – взаимовлияние разных типов рациональности и взаимодействия научного мышления с другими способами познания мира и др.

В собственно историческом познании это проявляется в появлении различных вариантов глобальной истории, делающих упор на нахождение человека в междивизиационных и межкультурных пересечениях и зазорах, пытающихся «схватить» его в «сети» научного анализа в разнообразных культурных трансферах, перекрестках и узлах. Однако поскольку осуществить это в прежнем логоцентристско- и номиналистско- организованном дискурсе оказывается проблематичным, наблюдается смещение интеллектуальных усилий в сторону синкретизма и эклектики как возможных способов описания всей сложности современного мира. Продуктивной остается и идея диалога, позволяющая привлечь внимание к проблеме сохранения мирового многообразия, поиску точек пересечения и взаимопонимания, консолидирующих современное мировое пространство.

Между тем, приходится констатировать, что на этом пути у представителей цивилизационного подхода встречается много проблем, пересмотр прежних схем и подходов идет медленнее, чем хотелось бы, и осуществляется не столько за счет внутреннего потенциала и критики собственно цивилизационных подходов, сколько за счет заимствования эвристических идей, возникающих в рамках различных вариантов глобальной и мировой истории.

ГЛАВА 8

Универсальное и локальное измерения человеческого бытия и полюса смыслового поля цивилизационного исследования

Одна из определяющих особенностей цивилизационного дискурса состоит в том, что он постоянно подводит нас к пределам достигнутого знания о человеке и обществе. Эта «пограничная» познавательная ситуация неизменно возникает вне зависимости от того, какие конкретно-научные методы применяются в цивилизационном исследовании. Выбор того или иного метода в очень значительной мере зависит от собственного опыта исследователя. Личный опыт автора убеждает в том, что для гуманитарной сферы наиболее подходит тот научный метод, принципы которого были сформулированы Р. Декартом. Три главных правила Декартова метода: начинать с простого и очевидного; затем из него посредством дедукции получать все более сложные выводы; при этом действовать так, чтобы в ходе рассуждения не было упущено ни одного звена, т.е. сохранять непрерывность цепи умозаключений¹. Что получится, если попытаться следовать этим правилам, оценивая общее состояние науки о цивилизациях на сегодняшний день?

Первый вопрос, который встает сразу же, как только попытаешься следовать принципам Декартова метода: а возможно ли в принципе обнаружить в сфере цивилизационных исследований что-то «простое и очевидное» для всех тех, кто занимается такими исследованиями? Впору усомниться в такой возможности, учитывая, что среди «цивилизационщиков» нет единства по самым основным вопросам, начиная с исходного: какое содержание следует вкладывать в понятие «цивилизация». Все многочисленные дискуссии по цивилизационной проблематике, проводившиеся с начала 1980-х гг. по сей день, неизменно в какой-то момент возвращаются к этому вопросу – прямо или косвенно. И все же в центре всех разновидностей цивилизационного дискурса находится одна и та же проблема:

¹ Декарт Р. Избранные произведения. М., 1950. С. 89.

соотношение универсального и локального измерений человеческого бытия. В этой связи, однако, неизбежно возникает вопрос: а является ли это специфической чертой именно данного дискурса? Ведь вполне можно сказать, что тема «универсальное и локальное» была и остается одной из центральных для гуманитарной мысли в целом. На этот вопрос можно ответить следующим образом.

В разных видах гуманитарного дискурса «вектор внимания» исследователя ориентирован по-разному. В принципе здесь есть три основных возможности (с множеством промежуточных вариантов): в центре внимания может находиться либо универсальное, либо локальное, либо их соотношение. В первом случае примерами могут служить мир-системный подход и – в более широком плане – глобалистика, во втором – «локальная история». Широкое распространение и за рубежом, и в России² последнего направления является закономерной реакцией на попытки прямого или косвенного (в концепции «глокализации»³) игнорирования локального (регионального) измерения бытия как особой онтологической реальности. Специфика же цивилизационного подхода – в том, что главным предметом изучения в его рамках является не какой-то из полюсов дуальной оппозиции «универсальное-локальное», а именно *соотношение* между ними.

Цивилизационная проблематика потому так востребована, что понятие «цивилизация» чрезвычайно многозначно, его семантическое поле, рассматриваемое в целом, включает в себя оба эти измерения. Собственно, сам термин «цивилизация» чаще всего фиксирует в стихии как обиходного, так и научного языка ту или иную форму связи между универсальным и локальным. В данном случае языковая стихия отражает то обстоятельство, что цивилизация как *реальность* – это всегда определенный тип связи универсального и локального. Разные цивилизации отличаются различными способами осуществления этой связи. Речь идет о понимании цивилизации как способа решения ключевых проблем – противоречий человеческого существования (между мирским и сакральным измерениями жизни, человеком и природой, индивидом и обществом, традиционной и

² См.: Маловичко С.И. Современная историческая наука и изучение локальной истории. <http://abuss.narod.ru/Biblio/malovichko.htm>; он же. Проблема повседневности и обыденное историческое сознание (постановка проблемы). сб. 12/11/2010-8.44. Там же см. библиографию по данному вопросу.

³ См., напр.: Политология: Лексикон. М., 2007. С. 52.

инновационной сторонами культуры). Но в данном случае хотелось бы внести в это определение некоторые уточнения и дополнения.

Все перечисленные коренные экзистенциальные проблемы универсальны, стоят перед всеми людьми и всегда, независимо от их принадлежности к какой бы ни было культуре или исторической эпохе. Но подход к решению данных проблем той или иной общности прямо зависит от того, каким образом ее представители соотносят эти проблемы с локальным измерением своей жизни, окружающей природной средой, собственной исторической судьбой и т.п. Поскольку любая цивилизация как пространственно-временной континуум необходимым образом обладает определенным пространством, то есть является в том числе и неким локусом, то ее можно определить еще и как локальный способ решения универсальных проблем – противоречий человеческого существования.

Проблема соотношения между универсальным и локальным – в центре смыслового пространства любого цивилизационного исследования вне зависимости от позиции того или иного мыслителя или ученого: утверждается ли непроницаемость человеческих культур друг для друга, отрицается ли в связи с этим реальность универсального измерения человеческой истории (линия Данилевского – Шпенглера), отвергается ли сама возможность мыслить всеобщее (или целое) в духе западного постмодернизма или, напротив, единство человечества (и, соответственно, существование универсального измерения в жизни всех представителей вида *homo sapiens*) утверждает-ся как не подлежащий сомнению факт – в любом случае в качестве исходного пункта неизменно присутствует определение собственной позиции по вопросу о соотношении универсального и локального.

По-видимому, эти термины обозначают полюса одной из главных бинарных (дуальных) оппозиций – «элементарных клеточек» человеческой культуры, составляющих ее основу. И «вектор конструктивной напряженности»⁴ (т.е. соответствующая ценностная ориентация) всегда ориентирован на какой-то один из полюсов – либо полюс универсализма, либо поиск локализма. Соответственно, универсалистская ориентация неизбежно означает признание реальности существования универсальных ценностей.

⁴ Это понятие, как известно, было введено в научный оборот А.С. Ахиезером. См.: *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта (Социокультурный словарь). Т. III. М., 1991. С. 32-33.

В этой связи необходимо подчеркнуть: показная индифферентность в вопросе о выборе ценностей в духе западного постмодернизма фальшива по сути и нереализуема на практике. Тем более в таких культурно-исторических регионах, как Россия и Латинская Америка, где конфликтное взаимодействие разнородных цивилизационных пластов породило такую духовную атмосферу, в которой спор о соотношении универсального и локального затрагивает самые чувствительные струны в душах людей. Попытка занять абсолютно объективистскую позицию в этом споре в лучшем случае представляет собой иллюзию, за которой скрывается в действительности выбор тех или иных ценностных ориентаций. Факт подобного выбора можно не осознавать, но он от этого не становится менее неизбежным.

Следует четко представлять себе: позиции сторонников и противников идеи единства рода человеческого (и, соответственно, универсальных ценностей) несовместимы. И, приступая к работе, посвященной проблематике соотношения универсального и локального, автор неизбежно должен выбрать одну из двух этих возможных позиций. В данном случае невозможно уклониться от четкого формулирования ценностных посылок собственного исследования. Данную проблему точно сформулировал известный исследователь «третьего мира» Г. Мюрдаль: «Ценностные послылки, которые на деле и с необходимостью определяют подход в социальных науках, могут быть скрытыми. Исследователь может сам о них не знать... Но нельзя подходить к анализу социальной проблемы без оценок. Пребывая в неведении относительно этих оценок, но неосознанно исходя из них, ученый совершает скрытое *non sequitur* (отступление от истины...). Таким образом создаются условия для бесконтрольных влияний предвзятых взглядов... Попытки уйти от оценок неправильны, бесплодны и обречены на провал. Оценки не покидают нас даже тогда, когда они по необходимости делаются подспудно, они направляют нашу работу. Когда они неясны и подсознательны, возможны отклонения. Единственный путь, на котором мы можем стремиться к объективности в теоретическом анализе, — это поднять оценки на должный уровень, сделать их осознанными и ясными, позволить им определять используемые точки зрения, подход и концепции»⁵.

Стоя на позиции признания общечеловеческого единства и, следовательно, общих для всех людей ценностей, непременно ока-

⁵ Мюрдаль Г. Современные проблемы «третьего мира». М., 1972. С. 99.

зываетесь в определенной перспективе исследования, обусловленной сделанным выбором. В то же время следует подчеркнуть, что идея единства и, соответственно, проблематика соотношения универсального и локального могут трактоваться самым различным образом, и здесь обнаруживается познавательный предел, к которому человеческая мысль неизменно возвращается вновь и вновь, не будучи в состоянии его преодолеть. Проблема соотношения универсального и локального оказалась камнем преткновения для западной мысли – при всех ее несомненных огромных достижениях. Именно с этим были связаны и уход в микроисторию, и отказ от попыток создания обобщающих концепций исторического процесса – кризисные явления (в том числе в сфере цивилизационных исследований), с наибольшей ясностью проявившиеся в школе «Анналов»⁶.

Биному «универсальное – локальное» синонимична бинарная оппозиция «единство – многообразие». Их семантические поля совпадают. Разумеется, речь не идет о простом тождестве. Необходимо иметь в виду, что в рамках любой локальной разновидности человеческого бытия всегда наличествует универсальное измерение, а само это измерение может проявляться во множестве различных вариантов. Однако универсальное как воплощение общечеловеческого единства не перестает от этого быть самим собой, точно также как локальное не перестает быть проявлением онтологической реальности многообразия: в обоих случаях имеет место взаимопереход противоположностей – сторон противоречия дуальной оппозиции «универсальное – локальное», причем первое выступает как синоним единства «мира людей», второе – как синоним его многообразия.

Упомянутые выше кризисные явления в западной науке о цивилизациях во многом объясняются следующим обстоятельством. Для цивилизационного сознания субэкумен, в первую очередь Запада, весьма характерна тенденция отождествлять многообразие с единичным, частным. Между тем данное понятие имеет еще один важный аспект: как уже говорилось, многообразие в «мире людей» – это не только множество отдельных вещей, предметов, явлений, но и огромное разнообразие проявлений универсального.

⁶ См.: Цивилизации. Вып. 3. М., 1995. С. 17; *Ионов И.Н.* Цивилизационное сознание и историческое знание. Проблемы взаимодействия. М., 2007. С. 405-410; *Шемакин Я.Г.* Европа и Латинская Америка: взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории. М., 2001. С. 17-18.

Хотя в духовных мирах субэкумен представлены различные, в том числе противоположные тенденции, все же в целом для них характерно явное преобладание стремления утвердить какой-либо один вид универсализма как единственно подлинный. В зависимости от конкретно-исторической ситуации в этой роли мог выступать универсализм христианской веры (в том или ином варианте), универсализм «формальной рациональности», универсализм прав человека, социалистический универсализм. В своих истоках данное явление прямо связано с парадоксом «осевого» (в том числе христианского) мышления – тенденцией абсолютизировать свой уникальный опыт как единственно истинный⁷. Либеральный плюрализм эпохи «второго осевого времени» не привел к окончательному решению этой проблемы, так как универсализм прав человека оказался первоначально глубоко чужд как иным типам универсализма, так и многим чертам специфики неевропейских цивилизаций. Причем наиболее активные сторонники универсализма прав человека пытались и пытаются утверждать именно его как единственно подлинный, в том числе и путем насильственного навязывания данной разновидности универсализма в неевропейских культурных средах. В результате цели защиты прав человека в ряде случаев оборачиваются собственной противоположностью – отрицанием этих прав в отношении тех, кто придерживается ценностных ориентаций, противоположных западным представлениям о соотношении личности, общества и власти.

Один из наиболее перспективных путей преодоления коллизий, возникающих на охарактеризованном эпистемологическом «фронтире», оказался связан с выдвижением и разработкой теории «пограничных» цивилизаций. К настоящему времени появилось несколько вариантов данной теории. Один из них был выдвинут автором этих строк. Особо хотелось бы подчеркнуть, что излагаемая в моих работах концепция цивилизационной «пограничности» возникла не из абстрактных рассуждений, а в результате поисков теоретического инструментария, адекватного действительности, которую приходилось изучать: первоначально это были реалии Латинской Америки, впоследствии

⁷ См.: *Айзенштадт Ш.Н.* Международные контакты: культурно-цивилизационное измерение // *Мировая экономика и международные отношения.* 1991. № 10. С. 65–66; *Шемякин Я.Г.* Россия в западном восприятии (специфика образов «пограничных» цивилизаций // *Общественные науки и современность.* 2008. № 1.⁸ *Гайденко П.П.* Эволюция понятия науки (XVII–XVIII вв.). М., 1987. С. 24.

(после выхода на уровень цивилизационной компаративистики) – человеческие миры России, Запада, Пиренейской Европы.

В результате проведенных исследований был сделан вывод, что сколько-нибудь убедительно выделить «пограничные» цивилизации как особый цивилизационный тип невозможно, не переосмыслив кардинально характер соотношения универсального и локального измерений исторического процесса, иными словами – начал единства и многообразия в данном процессе. Понимание автором этой проблемы отчасти опирается на традицию Платона и неоплатоников, в рамках которой Единое характеризуется через противоположность иному, не единому. «Эта характеристика восходит к пифагорейцам, противопоставлявшим единое множому, предел беспредельному, а также к элеатам, у которых противопоставление единого множеству носило онтологический характер»⁸. Такой подход существенно отличается от постановки вопроса Николаем Кузанским, согласно формуле которого «единому ничто не противоположно», ибо «единое есть все»⁹. Позиция Кузанского, казалось бы, дающая высшую сакральную санкцию многообразию реальной действительности (ибо Бог им рассматривается как высшее проявление принципа единства мироздания), в перспективе могла привести и действительно привела (особенно в рамках механистической парадигмы новоевропейской науки¹⁰) к растворению многообразия в единстве, к такому пониманию, согласно которому разнообразие как особая характеристика бытия вообще реально не существует. Формула «Единое есть все» для меня неприемлема. В то же время мое понимание данной проблемы существенно отличается и от платоновской традиции: у Платона и его последователей любые различия, любое многообразие есть лишь совокупность внешних проявлений принципа единства, своего рода пестрая маска, скрывающая лик подлинного духовного бытия, понимаемого как синоним Единого¹¹. Истоки этого подхода можно обнаружить опять же в философии пифагорейцев. Квинтэссенция данной философии заключалась в знаменитой формуле «Все есть число»¹².

⁸ Гайденко П.П. Эволюция понятия науки (XVII–XVIII вв.). М., 1987. С. 24.

⁹ Николай Кузанский. Сочинения. М., 1979. Т. 1. С. 51, 313, 414.

¹⁰ См.: Гайденко П.П. Указ. соч.

¹¹ Там же. С. 159–160.

¹² Гайденко П.П. Эволюция понятия науки. Становление и развитие первых научных программ. М., 1980. С. 10.

У Платона реальность многообразия признается, но, как уже говорилось, это не более, чем реальность маски или покрывала, наброшенного на глубинную основу мироздания. При таком подходе за началом многообразия отрицается собственная онтологическая динамика, с чем невозможно согласиться, основываясь на гипотезе, согласно которой как единство, так и многообразие суть самостоятельные, качественно отличные друг от друга активные начала человеческого существования. Каждое из них обладает собственной бытийственной динамикой и находится в сложном противоречивом соотношении с другим началом (принципом). Постоянная проверка данной гипотезы в ходе конкретных цивилизационных исследований, в том числе – сравнительного изучения цивилизаций, неизменно подтверждает, что ее эвристический потенциал очень велик.

Охарактеризованный подход к рассматриваемой проблеме позволил выдвинуть не применявшийся ранее критерий классификации цивилизаций, а именно – характер соотношения принципов (начал) единства и многообразия (и, следовательно, универсального и локального)¹³. В соответствии с этим критерием различаются два типа цивилизаций: условно «классические» (великие цивилизации Запада и Востока, или «субэкумены», по Г.С. Померанцу), где доминирует начало единства (что не исключает огромного разнообразия, которое, однако, пронизывает некий единый духовно-ценностный стержень), и «пограничные», в которых многообразие довлеет над единством (впрочем, последнее тоже вполне реально). Исторически первыми «пограничными» цивилизациями были эллинистическая и византийская, в настоящее время к этому типу относятся Россия-Евразия, Латинская Америка, Балканская культурно-историческая общность и (с определенной долей условности) Пиренейская Европа¹⁴.

Хотелось бы подчеркнуть, что выдвижение концепции «пограничных» цивилизаций позволило наметить путь решения рассматри-

¹³ См. уже упомянутую монографию «Европа и Латинская Америка: Взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории» (М., 2001), а также цикл статей по цивилизационной проблематике, опубликованных в 2001–2015 гг.

¹⁴ Здесь необходимо сделать оговорку. Господствующей тенденцией цивилизационного развития Испании и Португалии в последней трети XX в. стала тенденция к интеграции в западную субэкумену. Однако этот процесс пока еще далек от завершения, до сих пор сохраняется достаточно сильная (хотя, как правило, не проявляющаяся на поверхности общественной жизни) контртенденция.

ваемой проблемы, но отнюдь не решило все возникшие вопросы. Более того: возникли новые. Главный из них можно сформулировать следующим образом: как вообще возможно единство в условиях доминанты многообразия? Ответить на этот вопрос – значит разгадать загадку, которая заключена в самом факте существования цивилизационных систем «пограничного» типа¹⁵.

Понимание единства и многообразия как самостоятельных, особых онтологических реальностей позволяет по-новому взглянуть на действительность современного мира.

В общественной мысли последних десятилетий, в первую очередь западной, отчетливо проявляется тенденция сводить все содержание мирового исторического процесса на нынешнем этапе его развертывания к глобализации. Сторонники этой логики постоянно сталкиваются, однако, с многочисленными фактами усиленной акцентировки, в ряде случаев – гипертрофии специфических черт локальных человеческих общностей различного типа и уровня: этнических, языковых, культурных и т.д. Самыми крупными и значимыми из них являются цивилизации. На это обстоятельство обращают внимание многие современные мыслители и исследователи. Так, О. Пас в эссе «Одна планета и четыре-пять миров» подчеркивает мысль о том, что разнообразие этнолингвистических групп с их особыми традициями необходимо современным обществам. По его словам, их «специфические требования представляют собой неоспоримую реальность, которую не могут разрушить никакие абстракции. Мы станем свидетелями мятежа исключений, не страдающих от своей аномальности или от разрыва с общим правилом, но, напротив, взявших на себя роль абсолютной истины»¹⁶.

«Мятеж исключений» никак не вписывается в одномерную картину мира, рисуемую проповедниками тотальной глобализации. Попыткой разрешить возникающие коллизии стало выдвижение концепции «глокализации»¹⁷, авторы которой, признавая реальность

¹⁵ Один из возможных путей подхода к решению этой загадки был намечен в работе: *Шемякин Я.Г., Шемякина О.Д.* Пути и условия достижения целостности цивилизационной системы. Сопоставление исторического опыта России и Латинской Америки. Ч. 1-2 // *Латинская Америка*. 2009. № 9. С. 4-20; № 10. С. 82-101.

¹⁶ *Paz O.* One Earth, Four or Five Worlds: Reflections on Contemporary History. San Diego, 1986, p. 100.

¹⁷ Политология: Лексикон, с. 52.

феномена усиленной акцентировки черт своеобразия различных региональных и локальных человеческих общностей, интерпретировали данный феномен как проявление процесса глобализации. Однако такой подход представляет собой не решение проблемы, а уход от нее: перед нами по-прежнему картина единого, тотального, всеохватывающего мирового процесса, при этом реальное многообразие человеческой жизни в разнообразных локальных сообществах предстает лишь как его поверхностное, внешнее проявление. Если же исходить из сформулированной выше позиции, трактующей единство и многообразие как самостоятельные начала бытия, обладающие собственной онтологической динамикой, то неизбежен вывод: в мире развиваются не один, а два качественно различных по своей онтологии, противоположно направленных процесса: глобализация и явившийся реакцией на нее бурный рост многообразия «мира людей». В ходе их столкновения и взаимодействия как раз и складывается крайне противоречивая мозаика современного мира.

Практически во всех видах современного теоретического дискурса одним из основных стало понятие «глобального контекста». При этом в подавляющем большинстве работ, даже научных (не говоря уже о разного рода публицистике и эссеистике), мысль автора как бы проскальзывает мимо этого понятия. Констатация того, что «глобальный контекст» приобретает ключевое значение (в том числе и для понимания специфики развертывания внутренних процессов в региональных общностях разного рода) стала общим местом: воспринимая данное утверждение как само собой разумеющееся, мало кто задумывается о конкретном содержании столь часто используемого понятия, в то время как задача определения его содержания должна быть одной из центральных. Попробуем предложить свой вариант ее решения.

Итак, первое, что можно утверждать, исходя из очевидных реалий: «глобальный контекст» – это контекст взаимодействия разнообразных составляющих современного человечества. Следующий вопрос: каковы участники процесса взаимодействия на глобальном уровне? Прежде всего здесь приходят на ум порожденные новой эпохой наднациональные и надгосударственные структуры и институты. Наиболее значимыми из них являются транснациональные корпорации (ТНК). Достаточно часто в последние годы прослеживается абсолютизация их роли, сопровождаемая, как правило, утверждением о практически полном падении роли национального государства. Что

касается последнего, то «слухи о его смерти сильно преувеличены». События эпохи глобализации, приведя, несомненно, к некоторому уменьшению «веса» национальных государств в мировой системе взаимосвязей, в то же время не дают никаких оснований для вывода о том, что они полностью потеряли свое значение. Более того: с точки зрения институциональной, «глобальный контекст» по-прежнему предстает в первую очередь (хотя теперь уже отнюдь не исключительно) как контекст межгосударственного взаимодействия. Наконец, в последние десятилетия, с наступлением эпохи Интернета, все более значимой реальностью становится взаимодействие на глобальном уровне (преимущественно через универсальную информационную сеть) конкретных человеческих индивидов.

Таким образом, выделяются два уровня «глобального контекста» взаимодействия: институциональный (государства и надгосударственные международные структуры) и личностный. Но есть и третий, более глубокий, который обнаруживается «за» (точнее, «под») названными двумя. И это не что иное, как уровень межкультурного взаимодействия. Каковы основания для такого утверждения? Возьмем социальный институт, считающийся главным носителем и выражением тенденции глобализации – ТНК. На рубеже XX–XXI вв. появился цикл исследований, авторы которых подчеркивают ключевое значение межкультурной коммуникации в деятельности ТНК¹⁸. Так, по словам известного голландского ученого Г. Хофштеде, мышление и поведение людей, в т.ч. работающих в структурах ТНК, обусловлены разным культурным опытом; их «культурно запрограммированный мозг» не позволяет им видеть мир иначе, чем сквозь призму своего определенного культурно обусловленного восприятия¹⁹, иными словами – определенной системы ценностей, придающих смысл их деятельности и формирующих тот самый ряд амбивалентных смысловых цепочек, которые, как показали Е.Б. Рашковский

¹⁸ См., напр.: *Hofstede G.* Culture and Organizations. (Intercultural Cooperation its Importance for Survival) Software of the Mind. L., 1991; *idem.* Cultural Consequences: International Differences in Work-Related Values. Beverly Hills, 1984; *Chaney L.H., Martin J.S.* Intercultural Business Communication. N.Y., 2000; *Ferraro G.P.* Cultural Dimension of International Business. N.Y., 1990; *Harris P.R., Moran R.T.* Managing Cultural Differences. Houston, 1996; *Schein E.H.* On Dialogue, Culture and Organizational Learning // *Organizational Dynamics*. 1993. Vol. 22. P. 40–51.

¹⁹ Цит. по: *Персикова Т.Н.* Межкультурная коммуникация и корпоративная культура. М., 2004. С. 160.

и В.Г. Хорос, составляют внутреннее духовное содержание цивилизации²⁰. Исследования Г. Хофштеде (он анализировал, в частности, IBM²¹) и других авторов продемонстрировали существенные различия во взглядах и ценностных ориентациях среди представляющих разные культуры сотрудников одной и той же многонациональной компании. В последнее время на ключевое значение межкультурной коммуникации в деятельности подобных компаний указывают и отечественные авторы. Т.Н. Персикова приходит к выводу, что «корпоративная культура компании и национальная культура принимающей страны взаимодействуют на внешнем и внутреннем уровнях». На внешнем уровне проявляется взаимное воздействие национальной и корпоративной культур. «На внутреннем уровне взаимодействие и взаимозависимость корпоративной и национальной культур выражаются в межличностных отношениях представителей разных национальных культур в рамках одной организации, а также в восприятии и в усвоении корпоративных норм и ценностей каждым отдельно взятым сотрудником – носителем своей национальной культуры»²². Иными словами, оба уровня (как личных взаимоотношений внутри ТНК, так и ее отношений как института с внешней иностранной средой) рассматриваются как в основе своей именно сфера межкультурного взаимодействия. Причем прослеживается непосредственная корреляция между уровнем успешности той или иной транснациональной компании и умением ее менеджеров учитывать в своей практике межкультурные различия, степенью овладения ими искусством (и наукой) межкультурной коммуникации²³.

Следует подчеркнуть, что взаимодействие культур понимается в данном случае именно как контакт глубинных смыслов и ценностей, лежащих в основе духовной культуры той или иной социокультурной общности. Тех самых, которые составляют основу любой цивилизации. В принципе ту же самую аргументацию можно привести и в отношении личностного уровня глобального взаимодействия: в пространстве мировой сети Интернета вступают в контакт не аб-

²⁰ Рашковский Е.Б. «На земле живых»: судьбы и значение цивилизационного дискурса в истории мысли и практики. Препринт. М., 2007. С. 3-4; Хорос В.Г. К методологии цивилизационного анализа. Тезисы. Препринт. М., 2007.

²¹ Hofstede G. Cultural Consequences...

²² Персикова Т.Н. Межкультурная коммуникация... С. 205.

²³ См.: напр.: Rollins T., Roberts D. Work Culture, Organizational Performance, and Business Success. Westport, 1998.

страктные индивиды, а конкретные живые люди, каждый из которых является носителем определенной цивилизационной традиции.

Что касается государства как главного институционального субъекта глобального взаимодействия, то связь этого социального института с цивилизационным устройством представляется несомненной: в одной из своих исторических ипостасей государство – один из трех главных интеграторов цивилизации²⁴. Разумеется, оно в принципе может стать (и, как правило, становится) относительно автономным по отношению к ценностно-смысловой цивилизационной основе. Но ключевое слово здесь – «относительно»: вряд ли кто-нибудь усомнится в принадлежности государств Великобритании, Франции, Германии, США к западному цивилизационному ареалу, а Ирана, Египта, Саудовской Аравии, Афганистана, Сирии и даже Турции – к миру ислама. Политическая культура в конечном счете всегда выступает как одно из выражений культуры в целом и тем самым как концентрированное выражение цивилизационного кода.

Итак, при всей сложности и неоднозначности понятия «глобальный контекст», на сегодняшний день – это, в самой глубинной своей основе, контекст взаимодействия цивилизаций (хотя, как было показано, глобальное измерение нынешней человеческой реальности отнюдь не сводится к межкультурным контактам). С этой точки зрения характеристика современного окружающего нас мира как «уже во многих отношениях постцивилизационного» представляется по меньшей мере преждевременной. Хотя бы уже потому, что в условиях переживаемого в настоящий исторический момент человечеством этапа глобализации речь должна идти все же не просто о «сохранении цивилизационных аспектов истории»²⁵, но о сохранении региональных цивилизаций как особых человеческих миров. Да, взаимодействие между ними стало гораздо более интенсивным, чем в прежние эпохи. Да, сами цивилизации изменялись и изменяются в ходе этого взаимодействия. Да, в последние десятилетия происходит процесс, который можно охарактеризовать как нарушение целостности духовных оснований всех великих цивилизаций планеты, и ко всем ним вполне можно применить определение «раненая цивилизация», найденное Найполом для индийской субкумены (Г.С. Померанц). Раненая, но еще не

²⁴ См.: *Шемякин Я.Г.* Европа и Латинская Америка... С. 36-37.

²⁵ *Рашковский Е.Б.* Глобалистика и мир цивилизаций: теоретические вопросы. Препринт. М., 2007. С. 3.

смертельно: ни в одном из случаев «процесс нарушения целостности духовного основания» не привел пока к полному разрушению подобного основания, не приобрел необратимого характера. И сам факт сохранения и даже усиленной акцентировки в современной ситуации цивилизационных различий свидетельствует не только о том, что основы цивилизаций под угрозой, но и о сохранении у них жизненных потенциалов, которые мобилизуются в момент опасности. Пока нет сколько-нибудь серьезных оснований утверждать, что цивилизациям не удастся залечить раны, нанесенные глобализацией.

Гораздо более убедительно, чем перспектива неизбежной «постцивилизационной стадии» (в первоначальном варианте это, как известно, идея А.Дж. Тойнби), выглядит выдвинутая Померанцем гипотеза, в соответствии с которой будущее (по крайней мере, при реализации позитивного сценария развития мировой истории) не за единой человеческой цивилизацией, так или иначе стирающей сущностные различия региональных типов человеческого общежития, а за «концертом культурных миров», т.е. диалогом сохраняющих основы своей неповторимой индивидуальности великих цивилизаций планеты — диалогом, определяющим главное содержание глобального контекста человеческой истории²⁶. Если исходить из того, что универсальное и локальное — самостоятельные активные начала человеческого бытия, то претензии любого вида универсализма на монопольное владение истиной безосновательны. Это становится особенно очевидно в свете опыта цивилизаций «пограничного» типа. Особенно ценен в этом плане опыт России и Латинской Америки, где планетарный масштаб обуславливает чрезвычайно высокий уровень многообразия не только частного, отдельного, но и универсального²⁷. Картины мира, в которых фиксируется отношение к коренным проблемам бытия, несовместимы в разных типах универсализма. Совместить их в рамках формальной логики, логики Аристотеля, вообще невозможно. Здесь нужен иной подход. И такой подход был уже однаждыработан. Причем отнюдь не случайно это произошло в ареале одной из

²⁶ См.: Померанц Г.С. Диалог культурных миров // Лики культуры. Альманах. М., 1995. С. 445-456; он же. Вокруг предвечной башни // Дружба народов. 1996. С. 150-155; он же. Выход из транса. М., 1995. С. 332-336, 563.

²⁷ См. монографию «Европа и Латинская Америка: Взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории» (М., 2001) и цикл статей Я.Г. Шемякина по цивилизационной проблематике в журналах «Общественные науки и современность», «Латинская Америка», «Диалог со временем» (2001–2015).

первых «пограничных» цивилизаций мировой истории, противоречиво сочетавшей в себе черты Востока и Запада – в ранней Византии, где представителями «кружка каппадокийцев» (Василий Великий, Григорий Нисский, Григорий Богослов, он же – Григорий Назианзин) была выдвинута концепция, которая может составить основу для решения проблемы соотношения общего и отдельного, универсального и локального. Речь идет о трактовке характера соотношения трех лиц Св. Троицы: единосущности, равночестности (т.е. признании их полного равенства), неслиянности (признании полноценного существования каждого из лиц как неповторимого, несводимого к двум другим) и нераздельности (наличии общей глубинной основы, единства, цементирующего многообразие). Как справедливо отмечает Г.С. Померанц, в данном случае мы сталкиваемся с категориями особого типа мышления, преодолевающего формальную логику, которое он характеризует как «иконологическое» или «тринитарное»²⁸. Думается, Померанц прав и тогда, когда он утверждает, что «в этих категориях можно мыслить не только единство Бога и человека, но и единство разных вер и культур, не стирая их логически несовместимых различий»²⁹. Представляется очевидным, что трактовка единства и многообразия (универсального и локального) как активных автономных начал бытия, обладающих собственной онтологической динамикой, вписывается именно в логику «тринитарного» мышления. Можно лишь добавить, что в категориях единосущности, равночестности, неслиянности и нераздельности можно мыслить не только единство и многообразие «мира людей» в их неразрывной связи, но и характер соотношения между ними. Именно следование логике «тринитарного» мышления (и, соответственно, признание за многообразием статуса особой онтологической реальности, «равночестной» по отношению к началу единства) делает реальной перспективу диалога как различных людей, так и различных культур. Проблематика диалога оказалась в последние годы в центре внимания мирового сообщества, причем не только ученых, но и политиков³⁰. Как справедливо отметил, давая общую оценку сложившейся ситуации, И.В. Следзевский, «концепция

²⁸ Померанц Г.С. Выход из транс. М., 1995. С. 316-345.

²⁹ Там же, с. 563.

³⁰ См.: Диалог в полицентричном мире: философско-культурные, исторические, политические и коммуникативные проблемы. М., 2010; «Альянс цивилизаций» (трудный диалог в условиях глобализации). М., 2010.

диалога цивилизаций становится одним из оснований теории мировой политики, во-первых, расширяя ее предметное и проблемное поле (культурно-цивилизационные факторы движения мира к многополярности, политика коммуникаций, глобальных сетей, глобального взаимодействия и сотрудничества), во-вторых, формируя культурно-политический дискурс сравнения западных и незападных политических систем..., в-третьих, поднимая острую и сложную проблему роли цивилизаций как универсальных проектов мироустройства и, соответственно, их субъектности в международных и глобальных отношениях»³¹.

Провозглашение идеала диалога в межкультурном взаимодействии и принятие его в качестве мировоззренческого ориентира основной частью мирового сообщества имеет, бесспорно, огромное значение³². Однако, как показал опыт первого десятилетия XXI в., провозгласить этот идеал – отнюдь не значит решить комплекс сложных проблем, встающих перед участниками диалога. И главная из них, резко обострившаяся в условиях интенсификации межкультурных контактов на рубеже веков, это старая проблема герменевтики диалога, или «радикального перевода», т.е. понимания текста, созданного представителями иной, чужой культуры³³. В условиях глобализации данная, на первый взгляд, чисто умозрительная проблема превращается «в гигантскую по своим масштабам и значимости проблему культурной эквивалентности смыслов диалога»³⁴.

Несомненно, существует мощная универсальная основа для межкультурного диалога. Это обусловлено тем, что «все культуры решают для себя коренное изначальное противоречие созидательной и разрушительной тенденций бытия, жизни и смерти, энтропии и негэнтропии... одинаково – на основе признания и утверждения в качестве ценности жизни, творческого, созидательного начала. Ни одно общество не провозглашало в качестве ценности

³¹ Следзевский И.В. Диалог цивилизаций как смысловое поле мировой политики // Диалог в полицентричном мире... С. 138.

³² См.: Абулмагд А.К., Ариспе Л., Ашрави Х. и др. Преодолевая барьеры. Диалог между цивилизациями. М., 2002.

³³ Одна из наиболее известных формулировок этой сложнейшей проблемы логики принадлежит У. Куайну. – Куайн У. Слово и объект. М., 2000. С. 43.

³⁴ Следзевский И.В. Указ. соч. С. 138. См. также: Смирнов А.В. Логика смысла. Теория и ее приложение к анализу классической арабской философии и культуры. М., 2001. С. 446-447.

собственное разрушение». Этот первичный ценностный выбор «обуславливает и формирование вполне определенного набора базовых ценностей, в которых фиксируются те качества, которые необходимы человеку и обществу для поддержания своей жизненной активности. На этой основе различаются добро и зло, истина и ложь, красота и безобразие, любовь и ненависть и т.д. Определенные представления о том, что есть добро, истина, красота, любовь, обнаруживаются в любой культуре. Ни одна из них никогда не утверждала и не утверждает в качестве ценности их антиподы: зло, ложь, сознательное искажение действительности, безобразное, ненависть и т.д.». Этот общий для всех человеческих общностей набор основополагающих ценностных ориентаций и составляет универсальную базу диалога. «Проблема, однако, заключается в том, что, хотя представление о творческом начале мироздания, добре, истине, красоте, любви как об основополагающих универсальных ценностях есть практически у всех культур, их конкретные интерпретации очень сильно отличаются у представителей далеко отстоящих друг от друга человеческих миров. Более того, то, что в системе представлений одной цивилизации считается благом, может получить прямо противоположную трактовку у представителей другой цивилизации. Точно так же могут кардинальным образом различаться представления об истине, красоте и т.п.»³⁵.

Все цивилизации решают один и тот же набор ключевых проблем – противоречий человеческого существования (основные из них были перечислены выше), однако подход к их решению различен, а во многих случаях – противоположен у носителей качественно различных цивилизационных традиций. Как уже говорилось, этот подход, в свою очередь, обусловлен тем, каким образом представители той или иной культурно-исторической общности соотносят названные проблемы с локальными реалиями собственного существования.

Способ решения коренных экзистенциальных проблем и, соответственно, какой-либо из вариантов подхода к вопросу о соотношении универсального и локального лежат в основе т.н. «предпосылочного» знания, которое, как показали исследования последних лет, является важнейшей составной частью как массового цивилизационного сознания, так и научного исторического дискурса³⁶. Речь идет о

³⁵ Шемякин Я.Г. Европа и Латинская Америка... С. 61.

³⁶ См.: *Osterhammel J.* Die Entzauberung Asiens: Europa und asiatischen Reiche im 18. Jahrhundert. Munchen, 1998; *Idem.* Geschichtswissenschaft jenseits des Nation-

том знании, которое человек получает в процессе приобщения к собственной культурной традиции в ходе социализации. «Когда исследователь приступает к изучению объекта или явления, это знание присутствует в качестве предпосылки данного процесса в силу того, что сам исследователь является представителем определенной культурно-цивилизационной традиции»³⁷.

Хотя основу «предпосылочного» знания составляет то или иное решение экзистенциальных проблем, его содержание к этому не сводится. Как показали результаты работы над проектом ИМЭМО «Цивилизации в глобализирующемся мире» (его участники попытались осуществить комплексное исследование десяти основных цивилизаций планеты)³⁸, можно выявить еще множество смысловых цепочек, составляющих в своей совокупности содержание «предпосылочного» знания. Так, по словам одного из инициаторов и руководителей проекта, Е.Б. Рашковского «цивилизационная действительность во многих отношениях определяется цепочками по-разному действующих внутри этой действительности (и более того – во многом образующих эту действительность!) оппозиций. Эти оппозиции многочисленны, в каждой из цивилизационных, субцивилизационных или региональных или даже диаспорных общностей по-разному выстроены и иерархизированы. Но само наличие этих смысловых цепочек, коренящихся в амбивалентном характере человеческой психики, языка и сознания, в плане цивилизационного подхода остается непреложным.

Можно привести самый элементарный пример такого рода смысловых цепочек, пронизывающих жизнь любой из человеческих общностей, включая и цивилизации: Божественность – человек, вечность – время, жизнь – смерть (и неразрывная с этой оппозицией оппозиция живых и отошедших), речь – молчание, общество – индивид,

alstaats. Gottingen, 2001; *Caud* Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006; *Ионов И.Н.* Цивилизационное сознание и историческое знание. М., 2007. С. 14, 21, 28, 31, 33, 36 и др.; *он же*. Постколониальная критика и трансформация цивилизационных представлений // Диалог со временем. 2010. Вып. 30. С. 257-274; *Вжосек В.* Классическая историография как носитель национальной (националистической) идеи // Диалог со временем. 2010. Вып. 30. С. 5-13.

³⁷ *Шемякина О.Д.* О методологии цивилизационного анализа // Традиции исторической мысли: Материалы научного семинара памяти проф. В.И. Злобина. Вып. 2. М., 2010. С. 88.

³⁸ См.: Цивилизации в глобализирующемся мире: Предварительные итоги междисциплинарного проекта. М., 2009.

богатство – бедность, досуг – труд (и как вариант этой оппозиции: праздники – будни), власть – подданство, центр – периферия, прямодушие – лукавство, право – бесправие... Эти цепочки можно продолжать и комбинировать до бесконечности. Но в их конкретных бытовых, производственных, этнокультурных и религиозно-философских соотношениях и преломлениях проступают не только исторические лики цивилизаций, но и осмысливаются процессы стихийных или осознанных цивилизационных перестроек и взаимодействий³⁹.

Принципиально важным представляется вопрос о способах построения этого смыслового пространства (данному вопросу в упомянутом проекте ИМЭМО было уделено явно недостаточное внимание). Хотя, как свидетельствуют результаты уже проведенных цивилизационных исследований, общий принцип иерархии смыслов в целом соблюдается повсюду (высшие ступени этой иерархии занимают способы решения упомянутых фундаментальных проблем – противоречий человеческого существования), строится это смысловое пространство совершенно по-разному в различных цивилизациях.

Содержание «предпосылочного» знания воспринимается носителями традиции как само собой разумеющееся. Именно на основе этого вида знания происходит процесс самоидентификации членов цивилизационной общности. Поэтому с содержательной точки зрения его часто называют «идентификационным». Процесс же самоидентификации разворачивается в соответствии с принципом валентности смыслов: их сочетаемости или несочетаемости, способности к взаимному притяжению или отталкиванию⁴⁰. «Валентность смыслов – их сочетаемость и несочетаемость – ведет к образованию смысловых полей. Они влияют на цель (направленность) смыслообразования и в свою очередь изменяются под его влиянием»⁴¹. По определению О.Г. Дуки, «смысловое поле – это смысловое пространство, изменяющееся под влиянием процесса смыслообразования»⁴².

³⁹ Раишковский Е.Б. *«На земле живых»*: Судьбы и значение цивилизационного дискурса в истории мысли и практики // *Цивилизации в глобализирующемся мире...* С. 15.

⁴⁰ См.: Lewin K. *Vorsatz, Wille und Bedürfnis*. Berlin, 1926; Леонтьев Д.А. *Психология смысла. Природа, структура и динамика смысловой реальности*. М., 1999. С. 52-54.

⁴¹ Следзевский И.В. Указ. соч. С. 171.

⁴² Дука О.Г. *Теория смыслового поля*. Омск, 2009. С. 14. Цит. по: Следзевский И.В. Указ. соч. С. 171.

Процесс самоидентификации в любой цивилизации всегда характеризуется отторжением одних смыслов и притяжением других. И очень часто направленность этого процесса неодинакова или даже противоположна в разных цивилизациях. Поэтому, когда их смысловые поля приходят в соприкосновение в ходе межкультурного контакта, это может превратиться (и во многих случаях превращается) в серьезное препятствие на пути диалога. «Предпосылочное» знание становится при этом базой отторжения чуждых смыслов.

Диалог может пониматься по-разному. Так, в западном цивилизационном сознании отчетливо прослеживается тенденция рассматривать позитивное развитие диалога как постепенное приближение незападных цивилизационных традиций к западному социокультурному стандарту плюрализма, т.е. добровольное принятие соответствующего западным представлениям «единственно правильного» понимания диалога. Эти представления опираются на доминирующую в западном мироощущении аристотелианскую парадигму восприятия остального мира, неразрывной составной частью которой является понимание дискурса как «логически правильной» (по Аристотелю) речи⁴³. В этом случае даже если дискурс трактуется как «взаимодействие сознаний»⁴⁴ (т.е. как диалог), получается, что одна из его сторон доминирует; способность же другой стороны быть участником диалога признается лишь в той мере, в какой та или иная западная традиция способна воспроизвести, повторить вслед за европейскими учителями западный способ логического «связывания текста»⁴⁵. Здесь мы сталкиваемся с одним из главных противоречий рожденного в лоне «фаустовской» цивилизации глобального «модерн-проекта». Ш.Н. Айзенштадт определил его как противоречие между признанием возможно-

⁴³ О характерных особенностях аристотелианской парадигмы см.: *Шемякин Я.Г.* Россия в западном восприятии (специфика образов «пограничных» цивилизаций) // *Общественные науки и современность.* 2008. № 1. С. 133-144; *он же.* Динамика восприятия образа России в западном цивилизационном сознании // Там же. 2009. № 2. С. 5-22; *Шемякина О.Д.* Власть линии в руссификации и нелегитимный характер российского хаосмоса // Там же. 2008. № 2. С. 92-103.

⁴⁴ См.: *Тюна В.И.* Коммуникативные стратегии теоретического дискурса // *Критика и семиотика.* Вып. 10 2006. С. 36; *Дейк, ван Т.А.* Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989. С. 122.

⁴⁵ См. подробнее: *Шемякин Я.Г.* Дискурс взаимодействия и взаимодействие дискурсов: Россия – Латинская Америка – Запад // *Общественные науки и современность.* 2011. № 3. С. 79-96.

сти существования разных систем ценностей и типов рациональности и тенденцией к утверждению единого понимания рациональности и одной, основанной на приоритете разума, системы ценностей⁴⁶.

На трактовку содержания понятия «диалог» западными интеллектуалами существенное (иногда неосознаваемое) воздействие оказала платоновская концепция диалога. При всей ее кардинальной значимости для истории человеческой мысли (как известно, Сократ и Платон были первопроходцами в деле философской разработки проблематики диалога), интерпретация данного понятия Платоном имеет очень существенные ограничения, связанные прежде всего с жестким утверждением приоритета принципа единства (в т.ч. единого, «единственно верного» понимания той или иной проблемы) над принципом многообразия. Именно эту тенденцию уловил и подверг резкой критике М.М. Бахтин. Так, по его словам, в платоновском диалоге «множественность голосов погашается в идее. Идея мыслится Платоном не как событие, а как бытие. Быть причастным идее значит быть причастным ее бытию. Но все иерархические взаимоотношения между познающими людьми, создаваемые различной степенью их причастности идее, в конце концов погашаются в полноте самой идеи»⁴⁷.

Пожалуй, еще более жесткую критику платоновского понимания диалога мы встречаем у С.С. Аверинцева: «Диалог как литературный жанр! Это греческое изобретение едва ли не наиболее отчетливо выявило коренную недиалогичность греческой литературы. Как известно, лучший цвет литературного диалога – это диалоги Платона, а их главный герой, самый неременный персонаж и самый яркий образ – Сократ. Но что такое платоновский Сократ? Это идеал радикально недиалогического человека, который не может быть окликнут, задет и сдвинут с места словом собеседника, который в пылу спора остается всецело непроницаемым, неуязвимым, недостижимым для всякого иного “я”, а потому в состоянии манипулировать партнерами в беседе, двигать ими, как вещами, сам никем не движимый»⁴⁸.

⁴⁶ Eisenstadt S.N. Civilizational Dimension of Modernity // International Sociology. 2001. Vol. 16. № 3. P. 320-340; См. также: Россия и современный мир. 2003. № 3 (40). С. 203-204.

⁴⁷ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 197.

⁴⁸ Аверинцев С.С. Греческая литература и ближневосточная «словесность» (противостояние и встреча двух творческих принципов) // Типология и взаимосвязи литератур древнего мира. М., 1971. С. 215.

Следует отметить, что (как будет ясно из дальнейшего изложения), формулируя эти выводы, Аверинцев опирался на теорию диалога, разработанную Бахтиным. В свете всего сказанного в сложившейся к настоящему времени в мире ситуации чрезвычайно важной представляется задача актуализации его творческого наследия, в первую очередь упомянутой теории, которую Бахтин создавал, во многом отталкиваясь от платоновского понимания (хотя и признавая платоновский «сократический» диалог как первую стадию разработки «диалогической» тематики). По нашему убеждению, из всех имеющихся в арсенале мировой научной и философской мысли классических концепций диалога (упомянем Э. Левинаса, Ю.М. Лотмана и В.С. Библиера)⁴⁹ именно бахтинская «диалогика» в наибольшей мере отвечает потребностям современного этапа развития проблемы диалога

Итак, для Бахтина «не идея как монологический вывод..., а событие взаимодействия голосов» является «последней данностью» любого межчеловеческого контакта⁵⁰. В ходе диалога общение «с другим и с другими происходит прямо на почве последних вопросов, минуя все промежуточные ближайшие формы»⁵¹. Особенно важно то, что в понимании Бахтина взаимоотношения участников диалога весьма далеки от идиллии взаимного согласия по всем спорным вопросам. Диалогическая взаимосвязь – это взаимосвязь напряженного творческого спора ее участников. «Активное согласие-несогласие (если оно не предрешиено догматически) стимулирует и углубляет понимание, делает чужое слово более упругим и самостоятельным, не допускает взаимного растворения и смещения»⁵². Причем по Бахтину диалог не ограничивается сферой сознания (хотя оно играет главную роль); в диалоге участвует и выражает себя весь человек как целостность, в неразрывном единстве интеллектуальной и эмоционально-чувственной сторон своей натуры. «Жизнь по природе своей диалогична. Жить – значит участвовать в диалоге: вопрошать, внимать, ответствовать, соглашаться и т.п. В этом диалоге человек участвует весь и всюю жизнью: глазами, губами, руками, душой, духом, всем телом, поступками. Он вкла-

⁴⁹ См.: *Левинас Э.* Время и другой. Гуманизм другого человека. СПб., 1998; *Библиер В.С.* От наукоучения к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. М., 1991.

⁵⁰ *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества, с. 197.

⁵¹ Там же. С. 198.

⁵² Там же. С. 366.

дывает всего себя в слово и это слово входит в диалогическую ткань человеческой жизни, в мировой симпозиум»⁵³. «Во всем, чем человек выражает себя вовне (и, следовательно, для “другого”) – от тела до слова – происходит напряженное взаимодействие “я” и “другого”: их борьба (честная или взаимный обман), равновесие, гармония (как идеал), наивное незнание друг о друге, нарочитое игнорирование друг друга, вызов, непризнание... и т.п.»⁵⁴

Сказанное в полной мере относится и к междивизиационному диалогу, в котором огромную роль играют символы коллективной идентичности, как правило, аффективно окрашенные. Именно в этих символах в наибольшей степени проявляется специфика различных человеческих миров, то, что отличает их друг от друга. В этом ракурсе междивизиационный диалог – это диалог качественно различных символических систем. Вести такой диалог – задача необычайно сложная. И в ее решении также может существенно помочь бахтинская «диалогика». «В какой мере можно раскрыть и прокомментировать смысл (образа или символа)? Только с помощью другого (изоморфного) смысла (символа или образа). Растворить его в понятиях невозможно... Может быть либо относительная рационализация смысла (обычный научный анализ), либо углубление его с помощью других смыслов... Истолкование символических структур принуждено уходить в бесконечность символических смыслов, поэтому оно и не может стать научным в смысле научности точных наук»⁵⁵, что отнюдь не означает, что оно не имеет отношения к науке как таковой.

Бахтин солидаризируется со следующей формулировкой Аверинцева: «...Надо будет признать симвонологию не ненаучной, но ионаучной формой знания, имеющей свои внутренние законы и критерии точности»⁵⁶. Таким образом, диалог предстает как столкновение и сложнейшее взаимное переплетение качественно различных смыслов. Бахтину принадлежит, пожалуй, самое краткое (и самое точное) определение содержания понятия «смысл»: «Смыслами я называю ответы на вопросы. То, что ни на какой вопрос не отвечает, лишено для нас смысла». Принципиально важно следующее положение:

⁵³ Там же. С. 337.

⁵⁴ *Бахтин М.М.* Собрание сочинений, т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М., 1997. С. 353.

⁵⁵ *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества... С. 382.

⁵⁶ *Аверинцев С.С.* Символ // КЛЭ. Т. 7. М., 1972. С. 828.

«Смысл потенциально бесконечен, но актуализироваться он может лишь соприкоснувшись с другим (чужим) смыслом, хотя бы с вопросом во внутренней речи понимающего. Каждый раз он должен соприкоснуться с другим смыслом, чтобы раскрыть новые моменты своей бесконечности (как и слово раскрывает свои значения только в контексте). Актуальный смысл принадлежит не одному (одинокому) смыслу, а только двум встретившимся и соприкоснувшимся смыслам. Не может быть «смысла в себе» — он существует только для другого смысла, то есть существует только вместе с ним. Не может быть единого (одного) смысла. Поэтому не может быть ни первого, ни последнего смысла, он всегда между смыслами, звено в смысловой цепи, которая только одна в своем целом может быть реальной. В исторической жизни эта цепь растет бесконечно, и потому каждое отдельное звено ее снова и снова обновляется, как бы рождается заново»⁵⁷.

По Бахтину, диалогическое общение — это вообще способ существования человека в «мире людей»: «Быть — значит быть для другого и через него — для себя. У человека нет внутренней суверенной территории, он весь и всегда на границе, смотря внутрь себя, он смотрит в глаза другому или глазами другого»⁵⁸. По Бахтину «человек... реально существует в формах я и другого...»⁵⁹. Перед человеком в ходе диалога стоит сверхзадача слиться с «другим», парадоксальным образом оставаясь при этом самим собой.

Это последнее положение следует подчеркнуть особо, поскольку оно имеет принципиальное значение для межкультурного общения (как на личностном, так и на надличностном уровнях).

Бахтин решительно выступал против понимания акта отождествления с «другим» как растворения в нем, отказа от собственного неповторимого «я». В его трактовке диалог предполагает одновременно «проникновение в другого (слияние с ним) и сохранение дистанции (своего места), обеспечивающее избыток познания», «взаимопроникновение с сохранением дистанции»⁶⁰. По Бахтину, «чистое вживание вообще невозможно, если бы я действительно потерял себя в другом (вместо двух участников стал бы один — обеднение бы-

⁵⁷ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества... С. 369-370.

⁵⁸ Там же. С. 330.

⁵⁹ Бахтин М.М. Человек в мире слова. М., 1995. С. 12.

⁶⁰ Бахтин М.М. К философским основам гуманитарных наук // Собрание сочинений. Т. 5. С. 8-9.

тия)...»⁶¹. Процесс познания в человеческом мире – это «всегда диалог» между познающим и познаваемым, «то есть тоже общность, но особого – функционального типа, предполагающая одновременно и неслиянность (невозможность субстанционального отождествления), и нераздельность (невозможность исключения какого-либо участника диалога без того, чтобы умертвить сам диалог личностей)»⁶². Применение Бахтиным категорий «неслиянность» и «нераздельность» – прямое свидетельство, что его теория диалога, по сути дела, основана на той самой «тринитарной» логике, о которой шла речь выше.

Подобный подход распространяется Бахтиным как на сферу межличностных отношений, так и на сферу взаимоотношений различных культур: «Существует очень живучее, но одностороннее и потому неверное представление о том, что для лучшего понимания чужой культуры надо как бы переселиться в нее и, забыв свою, глядеть на мир глазами этой чужой культуры... Конечно, известное вживание в чужую культуру, возможность взглянуть на мир ее глазами, есть необходимый момент в процессе ее понимания; но если бы понимание исчерпывалось одним этим моментом, то оно было бы простым дублированием и не несло бы в себе ничего нового и обогащающего. Творческое понимание не отказывается от себя, от своего места во времени, от своей культуры и ничего не забывает. Великое дело для понимания – это *внеаходимость* понимающего – во времени, в пространстве, в культуре – по отношению к тому, что он хочет творчески понять. Ведь даже свою собственную наружность человек не может по-настоящему увидеть и осмыслить в ее целом, никакие зеркала и снимки ему не помогут; его подлинную наружность могут увидеть и понять только другие люди, благодаря своей пространственной внеаходимости и благодаря тому, что они другие.

В области культуры внеаходимость – самый могучий рычаг понимания. Чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже (но не во всей полноте, потому что придут и другие культуры, которые увидят и поймут еще больше). Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом: между ними начинается как бы диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур. Мы ставим чужой культуре новые вопросы,

⁶¹ Бахтин М.М. Человек в мире слова... С. 30-31.

⁶² Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 5. С. 302.

каких она сама себе не ставила, мы ищем в ней ответа на эти наши вопросы, и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами новые свои стороны, новые смысловые глубины. Без своих вопросов нельзя творчески понять ничего другого и чужого (но, конечно, вопросов серьезных, подлинных). При такой диалогической встрече двух культур они не сливаются и не смешиваются, каждая сохраняет свое единство и целостность, но они взаимно обогащаются»⁶³.

Из положений Бахтина вытекает важнейший вывод: смыслы различных культур, даже в том случае, если они очень сильно отличаются и даже прямо противоречат друг другу (заключая в себе разные и/или противоположные ответы на коренные вопросы человеческого существования), могут полностью раскрыть свой потенциал лишь в ходе взаимодействия друг с другом. В зоне взаимодействия разных смыслов неизбежно возникает поле высокого духовного напряжения. Но иного пути к раскрытию своих собственных глубин помимо диалога с «другими» ни у одной из культур нет.

В контексте рассматриваемой темы представляется очевидным следующий вывод: диалог «по Бахтину» реализуем лишь в том случае, если единство и многообразие «мира людей» рассматриваются как «равночестные», «неслиянные» и «нераздельные» онтологические реальности. Действительно: слиться с «Другим», оставаясь собой, сохраняя собственную индивидуальность, можно лишь в том случае, если, во-первых, есть общая (то есть универсальная, общечеловеческая) основа для слияния, и, во-вторых, каждая отдельная человеческая экзистенция (индивидуальная или коллективная, то есть локальная культура) обладает собственной, качественно отличной от универсальной основы активной бытийственностью.

⁶³ Бахтин М.М. Эстетика..., с. 353-354.

ГЛАВА 9

Развитие африканского цивилизационного самосознания и исторической мысли в XX – начале XXI в.

Колонизация Африки породила особый тип восприятия и описания африканцев в европейском историческом сознании. Характерной чертой европейских представлений о месте и роли африканских обществ и культур в мировой истории стало отрицание их особой исторической субъектности, восприятие африканских народов как объекта цивилизаторской миссии западноевропейских стран. Прочность и убедительность этим представлениям придал утвердившийся к концу XVIII века в европейском сознании нормативный идеал цивилизации как воплощения исторической динамики, движения в направлении прогресса и порядка, представляемого национальным государством и гражданским обществом.

В практике колониального управления европейские представления о «цивилизованном человечестве» и цивилизованном устройстве общественной жизни быстро перерастали рамки нормативного культурного идеала и способа самоидентификации европейцев и трансформировались в культурные модели накопления знаний об Африке, трансляции знаний от специалистов ученых, экспертов, колониальных чиновников, к неспециалистам, к широкой публике. Описания африканцев в этой модели заведомо предполагали отношение к африканцам как к объекту знания, который, подобно природным объектам, систематизируется, классифицируется, обозначается с некой внешней, нормативно установленной точки зрения. Язык, на котором говорило это знание, был языком колониального дискурса, он устанавливал более или менее единый стандарт «цивилизованности» и распространял его на небольшую группу «привилегированных» народов и обществ. Африканцу приписывались черты объекта или «анти-субъекта» истории, лишённого признаков исторической динамики: возвышения культурного (цивилизационного) начала над природным, движения от старого (традиционного, статичного) к новому, развития от простых (примитивных) социальных систем к сложным.

Эти представления пережили эпоху колониализма и даже смогли стать основанием ряда возникших после крушения колониализма политических и культурных концепций и доктрин. «Дихотомия “цивилизации” и “варварства” – отмечает А.В. Гордон, – обрела новую жизнь в постколониальных теориях модернизации, с одной стороны, и антиколониальных доктринах (неоколониализма, культурного империализма, тьермондизма, негритюда и т.д.) – с другой... Антитеза современности и традиционности в парадигме модернизации заменила “цивилизацию – варварство” с претензией на объективность и ценностную нейтральность, однако фактически прежнее противопоставление “добра” “злу”, “света” “тьме”, ценностей антиценностям лишь в известной мере смягчилось или было завуалировано»¹.

Современные научные знания об истории Африки давно вышли за рамки прежних европоцентристских образов, противопоставлявших общества цивилизованные и нецивилизованные, динамичные и статичные, современные и традиционные. Отвергнуто как ненаучное представление об отсутствии у народов южнее Сахары собственной истории, не связанной с появлением европейцев и колониальным разделом Африки. По меньшей мере, проблематизировано представление о безгосударственных обществах как обществах исключительно первобытных, т.е. догосударственных по уровню развития, и локальных (лишенных надобщинных структур и институтов) по уровню сложности². Релятивизирован цивилизационный образ африканских культурно-исторических общностей как преимущественно природных сообществ, основанных на единстве человека с природой³.

Но даже серьезный прогресс научных знаний о прошлом континента не разрушил образы Африки и темнокожих африканцев как ан-

¹ Гордон А.В. Цивилизация нового времени между мир-культурой и культурным ареалом (Европа и Азия в XVII–XX вв.). Научно-аналитический обзор. М., 1998. С. 67–68.

² Бондаренко Д.М. «Гомологические ряды» социальной эволюции и альтернативы государству в мировой истории (постановка проблемы) // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000; Кортаев А.В. Социальная эволюция. Факторы, закономерности, тенденции. М., 2003.

³ *Африканская цивилизация в глобализирующемся мире*. По материалам конференции. Т. 1. М., Институт мировой экономики и международных отношений РАН, 2006. С. 228–258; Блохин Л.Ф. Поиски динамического равновесия между сельским хозяйством и средой тропиков // Развивающиеся страны: демографическая ситуация и экономический рост. М., 1981. С. 52–56.

типоводов мира «белых людей», антагонистов техногенной цивилизации с ее отчужденностью от природы, социоцентризмом и доминированием логико-дискурсивного мышления. Эти образы и оформляющий его комплекс мировоззренческих установок и концепций продолжает развиваться в качестве основы цивилизационного сознания. Но теперь уже в виде установок и концепций афроцентризма, основанных на противопоставлении образов африканского и европейского человека как альтернативных, противоположных форм человеческого бытия.

1. Панафриканский тип исторического сознания и историческое знание

Работы идеологов и основоположников афроцентризма – Э.У. Блайдена, Л. Сенгора, Э. Сезера, Ф. Фанона, Ш.А. Диопа, широко известны в истории африканской философии и культурологи. Изучены многообразные проявления и разновидности афроцентризма как направления антиколониальной общественной мысли: от философии негритюда до культурных и контркультурных течений за пределами Африки (движение растафари, негризм в латиноамериканской культуре), от политической идеологии панафриканизма до современных идей Африканского ренессанса. Общее содержание афроцентризма, его основная смысловая и ценностная доминанта усматриваются при этом в становлении и развитии идеологии «черного» (негритянского) национализма, выдвижении на первый план идеи уникальности африканской культуры, в существовании особого (расового) характера африканского человека и его исключительно отрицательной соизмеримости с характером человека европейского.

В то же время присутствующие в этих концепциях афроцентристские истории мировой цивилизации, связывающие само ее происхождение, историю цивилизаций древнего мира с африканскими культурами, рассматриваются в русле развития дисциплинарного исторического знания, критикуются с позиций профессиональной исторической науки за мифологичность, идеологическую заданность, априорность исходных предпосылок (ценностное возвышение африканской культуры). В результате весьма сложный и неоднозначный по своему содержанию процесс деколонизации исторического сознания в странах Африки ограничивается преимущественно становлением и развитием собственно африканской исторической науки: увеличением числа профессиональных историков-африканцев, улучшени-

ем их профессиональной подготовки, африканизацией источниковой базы (новое отношение) к материалам устной традиции), перенесением акцента в исторических исследованиях на изучение политических и социальных институтов африканских обществ.

Сосредоточение внимания на развитии африканского (профессионального) исторического знания мешает в полной мере оценить значение формирования особого, panafricanского типа исторического сознания. Значение африканского подхода к истории в таком случае сводится к национальным моделям исторического знания (изучение истории Африки, а не истории ее завоевателей) и к влиянию на это знание африканского национализма. Создается впечатление, что речь идет не более чем об одной из идеологизированных концепций развития Африки, связанной с идеологией африканского национализма.

В исторических концепциях афроцентризма, бесспорно, важную роль играет воображение, мифологизированное представление об истории, ориентированное на апологетику и идеализацию культурно-исторического единства Африканского мира. Но это не может служить основанием для вывода о принципиальной антиисторичности афроцентризма, ограниченности его роли ценностным (идеологическим) возвышением африканской культуры и негроидной расы. Как один из главных способов осмысления человеком мира и самого себя, историческое сознание неизбежно включает в себя априорные, догмативные предпосылки достоверного исторического знания: идентификационные образы (образы реальных и воображаемых исторических общностей, с которыми идентифицирует себя человек), образцы исторических нарративов, некую изначальную сумму понятий и представлений о мире, языковые формы трансляции исторических понятий и представлений. Соединение всех этих элементов в целостную картину прошлого и будущего невозможно без исторического воображения, создающего самоочевидный (непроблематизируемый) образ изменений личности и общества во времени.

Историческое воображение образует первичную основу цивилизационных представлений как особого типа исторического сознания. Требуются особые, идеальные образы устройства общества, чтобы его прошлое и будущее можно было представить в качестве цивилизации. Эта особенность цивилизационных представлений (как предпосылки и основания исторического сознания) делает очевидным существование в процессе развития исторического знания осо-

бого, идентификационного этапа познания. Смысл и обязательная цель этого – начального – этапа познания, отмечает И.Н. Ионов, заключаются не в накоплении достоверных сведений о прошлом, а исключительно в постулировании себя, своего народа, своего культурного мира как субъекта мировой истории⁴.

Неклассическая модель исторического знания (выделяющая в особый тип постижения истории предпосылочное – спекулятивное, идентификационное знание) побуждает пересмотреть традиционный взгляд на афроцентризм как сумму идеологизированных, культурно-философских представлений, ограниченных идеей самоценности африканцев и не имеющих особого значения для развития исторической науки. Идеи афроцентризма заключают в себе потенциал знания предпосылочного, идентификационного – образы и установки Африканского мира, Африканской цивилизации как прародины человечества, пласты смыслов человеческой жизни, подавленных, отодвинутых в сторону былым пренебрежительным отношением европейцев к темнокожим людям. Эти образы и установки можно расценивать как утопические, основанные на воображении, оторванные от реального исторического современного опыта развития Африканского континента. Но это верно лишь с позиции внешнего наблюдателя, не разделяющего установки афроцентристской картины мира, для тех же, кто разделяет эти установки, считает их истинными и самоценными, идея центрального положения Африки в мировой истории приобретает самоочевидный, самоподтверждающийся, подчас сакральный характер, становится идеалом и нормой исторического сознания и, в итоге, утверждает понимание африканских обществ и культур как субъектов, а не объектов истории, исторического знания.

Вместе с тем надо различать собственно идеи афроцентризма, выдвигаемые интеллектуальными лидерами, и массовое освоение этих идей в виде расхожих представлений и стереотипных образов, культурных стилей и образцов поведения). Важно иметь в виду оба эти аспекта развития афроцентризма и их взаимосвязь. Таким образом обнаруживаются характерные особенности развития афроцентризма как формы исторического сознания: конструирование Африканского мира в тесном взаимодействии с европоцентристской картиной мира,

⁴ Ионов И.Н. Цивилизационное сознание и историческое знание. М., 2007. С. 40.

утверждение идеи самобытности, исключительности этого мира как антипода, «противоцентра» европейской цивилизации.

2. Становление panaфриканского типа исторического сознания

Афроцентризм жестко и недвусмысленно противопоставляет африканца европейцу, африканские культуры европейским. Однако делается это в образах, терминах, схемах европейской цивилизационной идентичности путем переполюсовки ее ценностных и нормативных значений.

Зарождение афроцентризма тесно связано с появлением в конце XIX века первых групп африканского европеизированного населения (африканцев, получивших европейское образование и усвоивших европейский – «цивилизованный» – образ жизни) и с постепенным разочарованием темнокожих европейцев в действительно универалистском характере европейских цивилизационных идеалов и стандартов.

Ограниченность и условность европейских цивилизационных идеалов почувствовали прежде всего сравнительно многочисленные группы африканцев-репатриантов (освобожденных рабов) из стран Нового Света; репатрианты создали в Западной Африке несколько переселенческих колоний (Сьерра-Леоне, Либерия) и сумели занять важные позиции в британских владениях в низовьях р. Нигер (колония Лагос и протекторат Южная Нигерия). (Обстоятельства возвращения репатриантов в Африку и превращения их в обособленную группу местного общества, а также развитие самосознания европеизированных африканцев подробно описаны в российской африканистике⁵.)

Попадая в Африку, эти люди оказывались как бы на «ничейной земле»: слишком похожие на европейцев для того, чтобы «опуститься» до уровня простых африканцев, и в то же время слишком непохожие на представителей «белой расы» для того, чтобы быть принятыми на равных в европейском обществе. Оказываясь, таким образом, на границе двух разных и отчужденных друг от друга культурных миров, репатрианты становились чрезвычайно восприимчивыми к образцам,

⁵ Катагощина И.Т. Интеллигенция Нигерии (Становление и роль в политической жизни страны). М., 1977; Летнев А.Б. Общественная мысль в Западной Африке. 1918–1939. М., 1983; Френкель М.Ю. США и Либерия. Негритянская проблема в США и образование Республики Либерия. М., 1964; Френкель М.Ю. Новая элита Нигерии (к истории возникновения) // История Африки. М., 1971; Френкель М.Ю. Общественная мысль британской Западной Африки во второй половине XIX в. М., 1977.

ценностям, идеалам цивилизационного сознания. Все их положение – образование, знания, жизненный опыт, стиль жизни, несло на себе отпечаток европейской самоидентификации. Первоначально она проявлялась в сугубо зависимом (зачастую рабском) следовании европейскому образу жизни и мысли, что еще больше отделяло и отдаляло их от африканцев и создавало комплекс подавленности превосходством европейской цивилизации. Но вынужденные постоянно переносить патерналистское или пренебрежительное отношение к себе европейцев, репатрианты оказывались, в конце концов, в состоянии психологического кризиса, который рано или поздно становился кризисом их европейской (цивилизационной) идентичности.

Кризис идентичности европеизированных африканцев открыто проявился в конце XIX – начале XX века (во французских колониях позже – в первой половине XX в.) после того как все усиливавшееся давление колониализма приобрело неприкрытый имперский и расистский характер и окончательно разрушило иллюзии равноправия африканцев с европейцами. Цивилизационное самосознание этой социокультурной группы (по существу касты) оказалось, тем не менее, настолько прочным, что позволило ее мыслящим представителям сравнительно быстро найти ответ на кризис прежних базовых установок самоидентификации. Ответом – ясным, продуманным и последовательным – стал переход от культурной стратегии слияния с европейцами к стратегии противопоставления себя Европейскому миру, превращения негативного восприятия образа Африки как фона расового и имперского превосходства Европы – в позитивное, колониального дискурса – в антиколониальный. Это было началом зарождения и становления афроцентризма. Основной формой универсалистского сознания в ситуации сословно-расового размежевания колониального общества могло быть только расовое самосознание. Поэтому первоначальной формой афроцентризма как разновидности цивилизационной идентичности стала идея единства и самобытности негроидной расы.

Расовые основы афроцентризма были заложены первым идеологом цивилизационного своеобразия Африки Э.У. Блайденом. Потомок освобожденных рабов из Вест-Индии, он в середине XIX в. переехал в Либерию из США и занялся здесь лингвистическими исследованиями. Блайден принимал положение расистских теорий о врожденных психофизических различиях рас (поэтому его часто относят к основоположникам «черного расизма»). Однако он старался придать этим уста-

новкам максимально универсалистский характер, отвергая идеи превосходства одной расы над другой и неполноценности представителей негроидной расы. Основным вкладом Блайдена в создание афроцентристского образа мира стала концепция африканской идентичности, которая постулировала наличие у африканцев врожденного самобытного психического склада (особая эмоциональность, интуитивизм, близость к природе) и закрепление его в особой системе ценностей⁶. Значение этой концепции состояло в создании предпосылок для переосмысления в позитивном контексте образов африканцев. Блайден первым высказал мысль о том, что именно Африка была колыбелью мировой цивилизации, долг африканцев заключается в развитии собственной цивилизации, освобождении от рабоплепа перед европейцами и европейкой цивилизацией.

Более влиятельной идентификационной концепцией афроцентризма стала получившая широкую известность в западных интеллектуальных кругах и среди первых образованных африканцев концепция негритюда – самоценности и самобытности африканских культур. Она сложилась в конце 1920-х годов среди молодых интеллектуалов, выходцев из Африки и Антильских островов (Э. Сезер, Л. Сенгор, Ф. Фанон). Концепция негритюда была адресована не только колонизованным африканцам, но и всему «белому миру», становясь, таким образом, феноменом цивилизационного сознания. Негритюд призван был привлечь внимание к негро-африканской цивилизации, представить европейскому миру новый преображенный, цивилизационный образ Африки. Африканские ценности в этом образе представляли как человеческие, жизненные, яркие, способные возродить «обветшалую» Европу, «вливать африканскую горячую кровь в дряблые жилы гибнущей белой цивилизации»⁷.

Идея уникальности африканской культуры в концепции негритюда строится на типичных для цивилизационного сознания бинарных оппозициях. С их помощью самодостаточные европейские ценности переводятся в негативно окрашенный фон культурного потенциала представителей негроидной расы. «Дискурсивному», рациональному разуму «белых» противопоставляется «интуитивный разум темнокожего африканца (европеец живет рассудком, африка-

⁶ Катагощина И.Т. Указ. соч. С. 37–38.

⁷ Senghor L.S. *Liberte I. Negritude et Humanisme*. Paris, 1964. P. 12.

нец – чувством); холодному, прагматическому отношению к окружающим – слияние с миром, единство « «всего со всем» (у европейца на первом плане расчет, у африканца – слияние с окружающим миром); сциентистскому мышлению европейцев – африканская поэтическая экспрессивность; мертвящему техницизму индустриально развитых стран – близость африканцев к природе; европейским социальным моделям – специфически африканский путь общественного развития. В концепции негритюда возникает и идея всемирной универсальной цивилизации, в создание которой должны внести свой вклад также народы негроидной расы.

Вместе с тем на концепции негритюда лежит отпечаток трагической раздвоенности личности африканского интеллигента: это взгляд на Африку и африканскую культуру уже из другого мира, который нельзя сделать просто негативным фоном африканской идентичности. Негритюд был призван возвысить африканское бытие, но сами создатели негритюда это бытие уже оставили, стали «почти» европейцами. В этом почти – суть проблемы первых концепций, создававшихся фактически вне культурного пространства Африки, вне ее традиций, повседневной жизни, культурного и исторического наследия. Подняв как знамя оскорбительное имя «негр», создатели концепций афроцентризма продолжали страдать раздвоенностью культурного сознания, воспринимая свою жизнь как «парад масок», имитацию чужих культурных форм. Ф. Фанон описал в книге «Черная кожа, белые маски» это постоянное ощущение себя узником адского круга: если тебя любят, то, несмотря на цвет кожи, если ненавидят, то не по причине этого цвета⁸.

Более поздний вариант идентификационной концепции афроцентризма – теория африканского происхождения древнейших цивилизаций, созданная сенегальским историком Ш.А. Диопом и его последователями. В истории идей афроцентризма этой теории принадлежит особое место. В отличие от концепции негритюда, она обращается не только и не столько к культуре, сколько к истории Африки. Смысл и назначение этой теории заключаются в формировании африканского исторического (цивилизационного) сознания. С публикации в 1955 г. книги Ш.А. Диопа «Негритянские нации и культура»⁹ начинается ис-

⁸ *Fanon F. Peau noire, masques blancs. P., 1965. P. 61.*

⁹ *Diop Ch.A. Nations negres et culture. P., 1955.*

тория исторической науки во франкоязычной Западной Африке; по словам Л.Е. Куббеля (одного из основателей культурно-исторического направления в отечественной африканистике), «его вполне основательно рассматривают как своего рода “патриарха” франкоязычной исторической литературы в Африке... Диоп был единственным среди африканских историков, кто попытался нарисовать всеобъемлющую картину, построенную на по-своему целостной и последовательной концепции исторического развития континента, которая стремится к объяснению специфики этого развития¹⁰. Диоп проблематизировал представление об уникальности африканских культур, поставив вопрос о происхождении негроафриканских культур в их связи с историей мировых цивилизаций.

Исходная методологическая установка Ш.А. Диопа, принципиально важная и понятная в контексте становления африканского цивилизационного сознания, заключается в тезисе о качественном преимуществе историка-африканца перед европейскими учеными при изучении африканской истории. Л.Е. Куббель так раскрывал смысл этой установки: «...понять и увидеть все основные связи того или иного общества можно только “изнутри”, исследователь, не принадлежащий к этому обществу, находясь “с внешней стороны” явлений, якобы неизбежно утратит общую перспективу; противопоставление африканского и европейского исследователя основывается на типичном для негритюда тезисе о принципиальной разнице между европейским и африканским способами познания мира»¹¹.

Вряд ли нужно особо обращать внимание на спорность этой установки африканского историка с точки зрения дисциплинарного исторического знания. (Сам Ш.А. Диоп подвергает резкой критике дисциплинарный аналитический метод исторических исследований, якобы снижающий значение европейской науки.) Смысл ее диктуется не научным, а идентификационным назначением концепции Диопа. Проблематизация африканской истории в этой концепции не выходит за рамки ее идентификационных образов, в формировании которых воображение, культурные и политические мифы значат никак не меньше, чем собственно историческое знание.

¹⁰ Куббель Л.Е. Историческая наука в Верхней Вольте, Гвинее, Камеруне, Конго, Мали, Нигерии, Сенегале // Историческая наука в странах Африки. М., 1979. С. 40.

¹¹ Куббель Л.Е. Указ. соч. С. 41.

Исторический идентификационный образ, созданный Диопом, охватывает всю картину прошлого Африки и даже выходит за ее рамки, придавая африканской истории явно универсалистский (цивилизационный) смысл. Африка – не только колыбель человечества, но и родина первой в истории человечества цивилизации – древнеегипетской; древние египтяне принадлежали к негроидной расе; древний Египет – прародина почти всех африканских народов, а древнеегипетский язык представляет собой прасовну африканских языков; античная Греция заимствовала свою мифологию, философию, науку у древнеегипетской цивилизации.

Вывод, который вытекает из этих построений, направлен на радикальное переопределение образа «мы-в-мире» – на создание афроцентристского) образа мира: Запад (западная цивилизация) присвоил чужое (африканское) культурное наследие, фальсифицировал подлинную историю Африки, игнорировал ее основополагающий, приоритетный вклад в историю мировой цивилизации.

Концептуальное содержание образа «Африка – прародина мировой цивилизации» мало чем отличается от главной идеи концепции негритюда – кардинальное отличие, даже противоположность ментальности (психофизиологического склада) африканца и европейца и вытекающие отсюда различия в организации африканских и европейских обществ, однако, в отличие от создателей теории негритюда, Ш.А. Диоп стремился придать своей концепции вид теоретического, научного знания, постепенно отходя от априорности идей негритюда. Если в его первой работе «Негритянские нации и культура» различия в ментальности европейцев и африканцев подавались как естественная, природная данность, то в работах, написанных в 1960-е годы и, особенно, в последней его книге «Первенство негрских цивилизаций: миф или историческая реальность»¹² он сделал попытку объяснить и, следовательно, обосновать эти различия. Диоп релятивизировал ряд классических идей теории социальной эволюции – о связи социально-экономического развития (разделения труда) с появлением частной собственности и накоплением богатства в одних руках, о неизбежности перерастания «родовых обществ» в общества классовые, изживающие «племенную власть», о более высоком положении на лестнице эволюции «отцовского рода» по сравнению с «родом материнским».

¹² *Diop Ch.A. Anteriorite des civilisations Negres: mythe ou verite historique?* P., 1967.

Разделение труда в доколониальной Африке, полагал Диоп, вело лишь к образованию профессиональных каст и не создавало широкой и постоянной основы для эксплуатации богатыми членами общества малоимущих; «родовые общества» в условиях сохранения коллективных форм земельной собственности могли вполне сочетаться с господством производящего хозяйства, а исконно африканской формой родовых структур был «материнский род».

В противопоставлении доколониальной Африки и Европы Диоп был готов расширить рамки своей концепции, включив в нее (в последней своей работе) идею К. Маркса об «азиатском способе производства», который, как считает Диоп, может быть назван и «африканским». Доколониальной Африке, по его мнению, были присущи три специфических способа производства: «лесной» – охота и собирательство; «родовой» – производящее хозяйство при сохранении коллективной земельной собственности; а также собственно «африканский» (аналогичный «азиатскому») – кастовое монархическое общество.

Таким образом, Ш.А. Диоп постарался придать дискурсу своей концепции вид диалога с европейским социальным и историческим знанием. И все-таки смысловым основанием, главным мотивом этой конструкции оставался доминирующий идентификационный образ единой негро-африканской культуры. Тем не менее, Диопу удалось расширить пространство panaфриканского исторического сознания, превратив его идеи из чисто идентификационных, мифологических конструкторов в предпосылки познания африканской истории. Это отмечал Л.Е. Куббель, подчеркивая, что Диоп сумел определить основные области изучения африканской истории: «Во-первых, попытки создания общей концепции исторического развития Тропической Африки и тесно связанная с этим разработка методологических вопросов. Во-вторых, дальнейшее изучение социально-экономических и социально-политических структур африканских обществ доколониальной эпохи и их влияния на современное развитие континента. В-третьих, работы по изучению сбора и методик использования разнообразных источников по истории африканских народов – от устной исторической традиции самих этих народов до сведений античных авторов. ...В-четвертых, исследование истории африканских культур и в этой связи – контактов древнего Египта и Тропической Африки»¹³.

¹³ Куббель Л.Е. Указ. соч. С. 47.

Нельзя не отметить, что эти направления несут в себе возможности культурного диалога, во всяком случае в среде профессиональных историков. «Как течение в историографии, – отмечала крупный российский африканист-историк Н.Б. Кочакова, – “африканский подход” не может быть признан исключительно африканским явлением хотя бы потому, что зачинатели национальных историографий африканских стран выросли как ученые в университетах метрополии и продолжают сохранять тесные научные связи с западной африканистикой». В частности, «у англоязычных историков Западной Африки “африканский подход” никогда не означал противопоставления истории Африки всемирной истории, никогда не выражался (если говорить о профессиональных историках) в подчеркивании некоего специфического африканского пути развития»¹⁴.

Центральная идея концепции Ш.А. Диопа о негро-африканском происхождении древнегипетской цивилизации нашла продолжение в трудах известного конголезского историка и мыслителя Т. Обенги. Именно он считается прямым преемником и продолжателем дела Диопа – вернуть африканской истории ее подлинные, мировые масштабы. Обенга получил образование в Париже, некоторое время (в 1975–1979 гг.) был министром иностранных дел Народной Республики Конго. Но, подобно Сенгору и Диопу, он использовал знания, полученные в Европе, и европейский жизненный опыт для обоснования афроцентристской картины мировой истории. Суть концепции Обенги составляют, по существу, главные положения идентификационной концепции Диопа. Пути исторического развития Африки, утверждает Обенга, принципиально отличаются от европейских, поскольку, начиная с древнего Египта, в африканских обществах отсутствовало какое-либо отделение от природы, как и отделение людей друг от друга¹⁵. Историческое развитие Африки – это прямая преемственность между культурой древнего Египта и африканскими культурами¹⁶).

¹⁴ Кочакова Н.Б. Историки-африканцы в английских колониях Западной Африки в XIX в. Национальные историографии Нигерии и Ганы // Историческая наука в странах Африки. М., 1979. С. 101.

¹⁵ Obenga Th. Esquisse d'une morphologie de l'histoire africaine // Presence africaine. 1972. № 83. P. 26.

¹⁶ Концептуальные взгляды Т. Обенги, его деятельность как пропагандиста и организатора исторических исследований обстоятельно исследованы Э.С. Львовым. См.: Львова Э.С. Вклад Т. Обенги в развитие отечественной африканистики //

3. Развитие африканского исторического сознания в 60–70-е годы XX века

Вместе с тем, становление африканского цивилизационного сознания нельзя представлять в виде прямолинейного, безальтернативного, ничем не ограниченного процесса. Афроцентризм мог монополизировать образ Африки и вкладывать в него весьма произвольное содержание, пока этот образ ассоциировался прежде всего с борьбой против белого расизма не только в Африке, но прежде всего в США. Бесспорность постулатов афроцентризма обеспечивал возникший на рубеже XIX – XX веков panaфриканизм, объединивший в одно единое целое антиколониализм и антирасизм. Но в середине XX века африканские антиколониальные движения выдвинули на первый план требования политической независимости стран континента. Это уменьшило идейное значение идей panaфриканизма – первоосновы африканского цивилизационного сознания. Под влиянием политического размежевания новых государств и нарастающего влияния и роста этнического самосознания (трибализма) в идеологии panaфриканизма быстро усиливались центробежные тенденции. Заметно большую остроту приобрели проблемы политического диалога молодых государств с мировым сообществом и между самими этими государствами. Символом африканского единства стал номинальный политический союз независимых государств континента – Организация африканского единства.

С точки зрения развития цивилизационных идей, расширения их общественного контекста важное значение имел скачкообразный прирост научных знаний об Африке и африканских обществах после второй мировой войны, особенно в 1960–1970-е гг. Значение чисто спекулятивных идей афроцентризма об исключительной роли негроидной расы в мировом цивилизационном процессе снизилось на фоне начавшегося в 1960-гг. интенсивного развития африканистики и, прежде всего, быстрого прогресса изучения истории африканских стран. Одна из основ классической африканистики – социальная антропология приобрела историческое измерение, а изучение истории бесписьменных народов сблизилось с работой антропологов¹⁷.

Африканистика XX века: время, люди, взгляды. Материалы международной научной конференции. М., 2002. . С. 145–152.

¹⁷ *Evans-Pritchard E.E. Anthropology and History. Manchester, 1961.*

В самих африканских странах расширялась и укреплялась кадровая и дисциплинарная основа исторической науки, поднимался авторитет исторического знания. Африканским историкам отводилась важная роль в становлении и развитии научных и учебных центров. Проблемы истории Африки заняли важное место в африканской научной периодике, в общем потоке научной и научно-популярной литературы¹⁸. Вклад африканских историков в изучение прошлого своих стран особенно заметен в области фиксации и исследования устных традиций¹⁹. Практически все исследования по истории суб-Сахарской части континента в разной степени основываются на передаче и анализе данных устной традиции. Для исследователей, которые работают в этой области, устные предания служат не просто источником фактологического знания, но частью духовного наследия своих народов. Исследовательская работа, таким образом, оказывается теснейшим образом связанной с самоидентификацией самого историка.

Важно отметить и то, что быстрое расширение знаний об африканских обществах совпало с культурным кризисом европоцентризма. Кризис наметился уже в 1970-е годы в связи с упадком европейской цивилизационной идентичности. Область исторического воображения утратила прежнюю актуальность, а само цивилизационное сознание стало предметом острого критического анализа²⁰. Кризис европейского цивилизационного сознания имел важное значение для восприятия и интерпретации в западной африканистике содержания и значения афроцентризма. Идеи афроцентризма начали использоваться в самой Европе для подчеркнута жесткой критики «мифов» европейской цивилизации, но вскоре возник встречный процесс деконструкции, демифологизации афроцентристского подхода к мировой истории.

Примером критики европоцентристского подхода (с позиций верховенства неевропейских, в т.ч. и африканских, культур) может служить известный двухтомный труд британского ученого Мартина Бернала «Черные Афины», в котором западной науке предъявляется далеко идущее обвинение в фальсификации истории древнегреческой цивилизации – сокрытии актов заимствования греческой куль-

¹⁸ *Введение* // Историческая наука в странах Африки. М., 1979. С. 7.

¹⁹ *Кочакова Н.Б. Указ. соч., с. 84-87; Овчинников В.Е., Филатова И.И., Базезин А.С. Становление исторической науки в странах Восточной Африки* // Историческая наука в странах Африки. М., 1979.

²⁰ *Ионов И.Н. Указ. соч. С. 405-409.*

турой философии и науки в древнем Египте²¹. Бернал утверждал, что историческая основа древнеегипетской цивилизации была более семитской и африканской, чем принято считать в европейской науке.

Критика афроцентризма опирается на познавательный идеал историзма. Не исключая возможности существования альтернативных точек зрения, критика ведется скорее в логике культурного диалога, заинтересованного понимания позиции оппонента. Признается определенная правота сторонников афроцентризма, но вместе с тем проблематизируются предпосылки его идейной конструкции, выстроенной в логике дихотомий, оппозиций мифологического мышления.

Последовательную деконструкцию идей афроцентризма осуществил французский исследователь К. Фовель-Эймар. В его интерпретации, «идеи афроцентризма – это идеи борьбы за восстановление поруганной исторической памяти черного населения на всех континентах... Афроцентризм характеризуется намерением восстановить истину, искаженную многочисленными западными фальсификаторами»²². Но в то же время «в центре моделей афроцентризма находится идея западного заговора». Афроцентризм предлагает (с вековым опозданием), продолжает свою мысль Фовель-Эймар, романтическое видение истории как «поля борьбы» между двумя различными расами, и это затрудняет научный диалог: «Сегодня трудно обсуждать теории Шейха Анта Диопа или Мартина Бернала и не быть обвиненными в расизме и западном заговоре»²³. Развернутую критику идей и образов афроцентризма содержат работы, опубликованные в Англии и во Франции на рубеже 1990-х и 2000-х гг.²⁴ Афроцентризм оценивается как разновидность политической, квазинаучной мифологии, новая версия африканского «этнонационализма».

Эта критика, однако, мало затрагивает становление собственно африканского исторического сознания. Основную часть сведений об истории своих народов многие африканцы по-прежнему черпают из устной традиции. Поэтому современные исторические представления и фиксирующие их нормы дисциплинарного знания оказываются

²¹ Bernal M. *Black Athena*. Vol. I-II. L.; New Brunswick, 1987.

²² Fauvelle-Aymar F.K. Qu'est-ce que l'afrocentrisme // *Analele univ. Bucuresti. Istorie*. Bucuresti, 1999. P. 188.

²³ Ibidem.

²⁴ Afrocentrismes: L'Histoire des Africains entre Egypte et Amerique. P., 2000; Howe St. *Afrocentrism. Mythical Past and Imagined Homes*. L., 1998.

ся чем-то иным или даже чужим по отношению к традиционному сознанию. Возникает дуализм, а часто и противоречие между массовым историческим сознанием, которое опирается главным образом на идентификационные образы «своих» и «чужих», закрепленные в мифах, легендах, преданиях, и достоверными историческими представлениями, предполагающими наличие навыков саморефлексии и самокритики исторической мысли, разведение собственно научного текста и мысли автора. В африканских условиях этот дуализм начинает ощущаться уже на уровне школьного образования.

В еще большей степени противоречия африканского исторического сознания затронули область исторических реконструкций, в которой до 1960-х годов абсолютно доминировали идеи Л. Сенгора и Ш.А. Диопа. Стал очевиден характерный для этих идей разрыв между воображением и фактами. Под сомнение была поставлена ключевая установка формирования этих образов – абсолютная (расовая) чуждость, инородность европейцев и европейской культуры по отношению к африканской цивилизации. Как заметила известный французский африканист К. Кокри-Видрович, первыми французскими «африканистами» были местные правители («короли буша»), и африканские «афроцентристы» не должны забывать об этом²⁵.

Рядом с символическими фигурами Ш.А. Диопа и Т. Обенга в 1960–1970-е гг. возникли получившие мировую и африканскую известность и не менее символические фигуры профессиональных африканских историков и общественных деятелей – А. Аджайи, Ж. Ки-Зербо, В. Окуму, Б. Огота, С. Кивануки и др. Само понятие Африки, ее познавательные образы («когнитивные карты») у них значительно шире, объемнее, сложнее, чем у Л. Сенгора и Ш.А. Диопа.

4. Глобализация идей афроцентризма в конце XX века

На фоне всех этих политических, культурных и научных трансформаций можно было бы ожидать снижения популярности афроцентризма как цивилизационного по своей направленности сознания. Но этого не произошло. Популярность концепции Ш.А. Диопа и его ученика Т. Обенги, которая сопровождала появление уже первых работ этих крупнейших представителей афроцентризма, вновь начала расти в 1980–1990-е гг. Интерес к этим работам и их популяризация в виде

²⁵ *Coquery-Vidrovitch C. African History in France // Африканистика XX века: время, люди, взгляды... М., 2002.*

учебных курсов истории Африки и африканской цивилизации усилились как в африканских странах, так и в среде африканских диаспор в Европе, и также среди темнокожего населения США²⁶. Возникло и получило развитие интересное явление, которое можно назвать «народным афроцентризмом». Как бесспорные постулаты подлинной африканской истории идеи Диопа и Обенги вводятся в образовательные курсы школ и высших учебных заведений, как несомненные, подтвержденные факты популяризируются африканской прессой и массовыми изданиями. Эти идеи стали теоретической и символической основой африканского «почвенничества», цивилизационного самосознания культурно-расового типа.

Надо иметь в виду и то, что подъем популярности идей афроцентризма во второй половине XX в. происходил на фоне падения интереса к африканистике в ведущих странах Запада: Британии, США, меньше во Франции. Востребованность собственно африканистских знаний на Западе начала снижаться уже в 1970-е гг. Кризис африканистики стал очевиден в 1980–90-е гг. – именно тогда, когда идеи афроцентризма получили широкий культурно-образовательный резонанс не только в Африке, но и за ее пределами. Резко сократились государственные ассигнования на проведение африканистских исследований, в том числе на полевые и экспедиционные работы в африканских странах. Ухудшились возможности трудоустройства профессиональных африканистов. Прекратился выпуск целого ряда африканистских изданий. Но главное – на Западе упал интерес к Африке и к ее проблемам. Это породило ощущение упадка и бесперспективности развития африканистики как особого дисциплинарного знания, Ощущение упадка, особенно сильное среди британских африканистов, занимавших ранее, в 1950–1960-е гг. лидирующие позиции среди представителей новых социальных дисциплин, образно выразил известный британский историк-африканист Т.О. Рейнджер на международном симпозиуме «Изучение Африки после 1945 г.»: «Былое возбуждение и кипучая деятельность – все это кануло в Лету; из золотого века или хотя бы серебряного мы очутились в веке свинца, в лучшем случае – железа»²⁷.

²⁶ Львова Э.С., Указ. соч. С. 152.

²⁷ Сосновский Н.А. «Культура растафари» в зарубежной литературе: Пан-африканизм, Ветхий завет и рок-музыка // Культурное наследие: Преемственность и перемены. Сборник обзоров. М., 1991. С. 5.

Рост в этих условиях популярности афроцентризма вряд ли можно считать случайным или малозначимым явлением. Дело в том, что критика африканистики на Западе стала частью более общего и важного по своим последствиям отторжения европейских кадров ученых и преподавателей африканской образовательной средой. На институциональном уровне эта тенденция проявилась в африканизации кадрового состава национальных африканских университетов. Но в менее жестком, неформальном виде она начала проявляться и в европейских странах – в требованиях студентов-африканцев или потомков выходцев из африканских стран исключить из сферы преподавания африканской истории тех, кто не имеет «африканских «корней», как неспособных понять и оценить культуру «чернокожих». Кампания «массового очищения» африканского культурного наследия ограничивалась преимущественно американскими университетами, однако в 1980-е гг. она распространилась и на британские университеты, приобрела организованные формы и стала важным консолидирующим элементом африканского транскультурного пространства в Европе.

Требования африканизации изучения культурного наследия Африки на Западе отражают изменения в социокультурной структуре западных обществ и углубляющийся кризис ценностей и идей европоцентризма. Афроцентризм, включая, конечно, и характерные для него расовые установки, становится естественной частью жизни современных мультикультурных обществ на Западе, во-первых, благодаря притоку в европейские школы и университеты представителей второго поколения иммигрантов, понимающих и остро переживающих свои отличия как от коренных жителей европейских стран, так и от соотечественников, оставшихся на «родине предков»; во-вторых, в силу принятия в той или иной степени установок и норм мультикультурализма. Но само по себе изменение общественных настроений и культурных запросов на Западе в пользу культурного плюрализма вряд ли обеспечило бы экспансию афроцентризма в американское и европейское культурное пространство, если бы оно уже не было трансформировано под влиянием африканских культурных стилей и прежде всего молодежной субкультуры растафари (культура «раста-рэгти»).

Дело не просто в популярности идей борьбы против засилья «белых», «белой идеологии» в изучении африканской истории, а в создании в среде американских и британских растаманов особого типа социализации, особой конвенциональной реальности, которая

отделяет и отдаляет их от окружающего общества, делает смешными устремления старших – иммигрантов первого поколения – во всем подражать белым американцам и европейцам.

Погружаясь в подобную субкультурную реальность, гораздо проще и комфортнее поверить в тотальную «ложь Вавилона», в умышленное искажение «белыми» подлинной мировой истории и подлинной роли в ней темнокожих африканцев. Поразительна эта уверенность в тотальном заговоре «белого общества»: даже новость о смерти императора Эфиопии Хайле Селассие I многие растаманы встретили с подчеркнутым недоверием – «империалистическая пропаганда!». В 1981, 1985 и 1991 гг. в Лондоне прошли три конференции, участники которых – представители африканской диаспоры – выразили открытое возмущение засильем «белых» в академических образовательных программах²⁸.

Эта позиция встречает поддержку интеллектуальных лидеров афроцентризма, она расценивается как необходимое условие получения подлинного африканского знания. «Мы боремся, – подчеркивал Обенга, – с интеллектуальным диктатом, культурной гегемонией африканистов, которые знают Африку и ее проблемы не лучше, чем сами африканцы. Мы боремся с чувством превосходства африканистов, постоянно поучающих нас, мы боремся с их скрытым расизмом»²⁹. По его мнению, современные западные африканисты отрицают или фальсифицируют важнейшие для африканцев идеи Диопа и его последователей. К грубейшим искажениям этих идей Обенга относил трактовки понятия «культурное единство Черной Африки» как научно некорректного, африканского исторического сознания – как несуществующего или малозначимого, определения древнего Египта как «хамито-семитской» или афро-азиатской, а не африканской цивилизации.

Последняя четверть XX века отмечена и другим значительным событием в истории народного афроцентризма. В 1980-е годы культурно-музыкальный стиль рэгги распространился и приобрел необычайную популярность в самих африканских странах. Рэгги, писал известный российский специалист по растафарианству и культуре рэгги Н.А. Сосновский, смог «захватить весь континент целиком»³⁰. Это

²⁸ Сосновский Н.А. Указ. соч., с. 77 -78.

²⁹ Obenga Th. Le sens de lutte contre l'afrocentrisme eurocentriste. Paris, 2001. P. 107.

³⁰ Сосновский Н.А. Указ. соч., с. 191.

произошло почти сразу после смерти в 1981 г. Боба Марли. В разных далеких друг от друга частях континента появились собственные пропагандисты рэгги. Стиль рэгги начал восприниматься в массовом сознании как изначально африканский, а Боб Марли стал новой популярной и почитаемой личностью среди молодых африканцев.

Сами африканцы, считающие себя растаманами, выделяют прежде всего антирасистское содержание стиля рэгги. Раста-рэгги для них – это антирасистское молодежное движение, созданное Бобом Марли³¹. Однако это скорее внешняя и политизированная репрезентация феномена рэгги. За ней скрывается более сложный образ мышления и поведения, который влияет на восприятие окружающего мира, горизонт интерпретаций «мы (африканцы) в мире» позволяет дистанцироваться от обычаев, традиций (в широком смысле слова) местной африканской среды, становясь – подчеркнуто и открыто – современными африканцами. Важными элементами поведения в стиле раста-рэгги становятся образ «вольнодумца», отстраненно или небрежно относящегося к традициям, поведенческие образцы личной независимости (доходящей до бунтарства) и принцип «равные права»; все это входит в сознание молодежи вместе с музыкой и текстами рэгги.

Самоценность образа африканца, которая имеет абсолютное значение в интеллектуальных конструкциях афроцентризма, в раста-рэгги дополняется постоянным соотношением образов различных культур, причем в широком горизонте интерпретаций. Во-первых, идентификационные образы раста-рэгги постоянно соотносятся с условиями местной традиционной культуры, она воспринимается и как неприемлемая, ущербная, не захватывающая воображение, не соответствующая условиям жизни и общения в городе. Во-вторых, благодаря общему языку, общей символической системе и общим понятиям, в культуре рэгги снимается проблема языковых и этнических культурных барьеров. Возникает гигантская по своим масштабам – общеафриканская коммуникационная сеть с широкими возможностями диалога, включения партнера в собственную картину мира. Идеальными коммуникаторами в этой сети выступают известные африканские музыканты и музыкальные группы, представляющие свои варианты рэгги. В-третьих, в сети возникает ситуация – уникальная для континента, разделенного множеством языковых,

³¹ *Сосновский Н.А.* Указ. соч. С. 191–192.

государственных, этнических религиозных перегородок, – ситуация всеобщего, мотивированного взаимопонимания.

Надо учитывать также, что горизонт понимания общих ценностей в культуре рэгги становится в той или иной степени горизонтом исторического сознания. Его формируют не только мифологические темы и образы Вавилона, Африки как «Сиона чернокожего человека», но и вполне светские идеалы возрождения африканского мира, африканского единства и африканской идентичности. Культурный контекст раста-рэгги помещает тех, кто понимает и разделяет ее смыслы и значения, в определенный горизонт прошлого и будущего. Линия этого горизонта – непрерывная и понятная – очерчивается связью великого африканского прошлого и афроцентристской перспективы мира, возрождения его на основе истинно африканских ценностей человеческого братства, отрицания ненависти, ревности, зависти, обмана, вероломства, предательства и т.д. Усвоение языка раста-рэгги побуждает осознать смысл понятия «Африка» именно в этом горизонте интерпретации истории даже тех, кто не имеет реальных знаний о прошлом Африки, но воспринимает как свою и «научную» лексику этого языка.

5. Взаимодействие афроцентризма и европоцентризма как форм цивилизационного сознания

Таким образом, приходится признать: действительные сдвиги в развитии исторического сознания на континенте достигнуты отнюдь не в результате расширения научных знаний о прошлом Африки (при всем несомненном значительном прогрессе в накоплении научных фактов), а прежде всего благодаря распространению через массовые коммуникации образов и идей афроцентризма. Афроцентризм придает универсальное значение понятиям «Африка», «африканский» (африканские цивилизация, культура, личность), распространяя их на великие цивилизации прошлого и на перспективы возникновения истинно человеческого мира, свободного от власти и лжи «Вавилона». Кроме того, современный афроцентризм уже не сводится к первоначальным, чисто идентификационным конструкциям (негритюд, цивилизационное единство континента, родство древнеегипетской цивилизации и африканских культур). Сегодня это глобальная транскультурная структура (культурная сеть), выросшая из движения растафари и объединяющая проявления panaфриканизма в Северной Америке, Европе, Вест-Индии и в самой Африке. Благода-

ря созданной растаманами и ставшей необычайно популярной культурной форме афроцентризма, его смыслы, ценности и идеалы легко переводятся на язык молодежной транскультуры, одинаково доступны как интеллектуалам из «нового левого движения» на Западе, так и обитателям трущоб в африканских городах. Идеи афроцентризма теперь могут легко интерпретироваться и как массовый суррогат новейшей панафриканской идеологии, и как мировое политическое антирасистское движение, как маргинальная субкультура темнокожей молодежи в развитых странах и в Африке и как стиль молодежной моды. Во всех этих элементах афроцентризм превращается из умозрительной идентификационной конструкции в межкультурную коммуникационную сеть, усиливающую мотивы и интенции африканского цивилизационного сознания. Афроцентристское сознание сегодня не просто отталкивается от старых догм и стереотипов европоцентризма, но стремится утвердить себя в качестве его общекультурной альтернативы. Альтернативы неисчезнувшим предрассудкам превосходства белой расы («власти белых»), а заодно и потребительской, бездушной культуре «Вавилона».

С точки зрения классических (европейских) цивилизационных идеалов молодежный афроцентризм с его смыслами и символами свободы от условностей, отрицанием потребительского фетишизма, преклонением перед Чернокожим Человеком и готовностью солидаризироваться с мировым андеграундом может быть расценен как концентрированное воплощение «анти-цивилизации» (мирового хаоса и распада). Но «анти» в данном случае лишь подчеркивает особый цивилизационный статус идей афроцентризма, его культурный потенциал как альтернативы доминирующей «цивилизации Вавилона». Главные символы этой альтернативы – возрождение Африки и всей негроидной расы – приобретают универсалистское значение, аналогичное «большим смыслам» Исхода, Спасения, но имеющее и вполне общечеловеческое измерение – освобождение от рабства в сознании.

Впрочем, не стоит преувеличивать собственно цивилизационную направленность, цивилизационную самобытность идей и форм афроцентризма. Расширяя пространство африканского исторического сознания, адаптируя его к условиям современного мира, эти идеи все же остаются вторичными, производными от жестких, бинарных конструкций старого европоцентризма (времен расцвета колониальных империй и открытых проявлений белого расизма). В идеях афроцен-

тризма продолжают преобладать воображаемые иррациональные конструкции: «заговор Запада/Вавилона», «грядущее возмездие Черного Сиона» и т.п. Иррациональность заключенных в них смыслов тормозит выделение собственно культурных цивилизационных идеалов (возрождение утраченной культуры, преодоление культурного самоотчуждения африканцев, духовное единство африканских культур). Эти идеалы афроцентризма легко политизируются, используются как культурный ресурс националистических идеологий и легитимации власти верхушечных, авторитарных режимов.

Глубокая закономерная связь афроцентризма с традициями и стереотипами европоцентристского сознания заключается не только в их общей, неразделимой истории, но и в постоянном взаимодействии, обоюдном усилении даже сегодня, когда идеалы европоцентризма как будто отброшены мультикультурной Европой и Северной Америкой. Развитие афроцентризма, особенно в связи с подъемом молодежных контркультурных движений, несколько оживило европоцентристские настроения на Западе, приоткрыв их культурно-расовый подтекст. Например, в правых, националистических кругах Британии увлечение молодых англичан стилем рэги и вообще музыкой темнокожих было воспринято как навязывание британской молодежи «музыки негритосов, культуры негритосов, стандартов джунглей и культуры джунглей»; молодежную культуру в этих кругах начали сравнивать с полем битвы в «расовой войне», в ходе которой должна быть создана альтернативная, лишенная африканских влияний молодежная музыкальная культура³².

Но сохранение и даже укрепление позиций европоцентризма (на фоне пропаганды африканской исключительности, усиленной мировым взлетом раста-рэги) можно обнаружить и на Африканском континенте. Влияние европоцентризма как формы цивилизационной идентичности поддерживают и усиливают, во-первых, распространение американских и европейских потребительских моделей (моделей «глобализованного потребления»), во-вторых, формирование африканского корпоративного бизнес-сообщества, связанного с деятельностью транснациональных компаний и ориентированного скорее на стандарты и образцы так называемой давосской культуры. Первый фактор, в меру его влияния на вкусы и предпочтения массо-

³² Сосновский Н.А. Указ. соч. С. 192.

вого покупателя, сводит на нет значение расовых и этнических различий в потребительском поведении. Второй фактор перестраивает идентичность африканской деловой элиты – от чисто внешнего и поверхностного подражания западному типу бизнес-культуры до усвоения ее идей, ценностей, идентификационных концепций.

«Присоединение» к глобализации несет на себе отпечаток мультикультурализма, западной транскультуры, символы принадлежности к белой расе могут мирно сочетаться со стилем раста-рэгги. «Многие южноафриканцы, – замечает политолог, сотрудник Центра развития и предпринимательства в Йоханнесбурге (ЮАР) Э. Бернштейн, – легко смешивают африканские и западные стили: молодые белые мужчины, выступающие в защиту окружающей среды, щеголяют в спортивных брэдах, а молодые черные футболисты красят свои волосы в белый цвет. Хотя эти ролевые трансформации – явные крайности, делать какие-либо обобщения в настоящее время довольно трудно. ...Городская культура черных – вероятно, передовая линия тех культурных изменений, которые происходят сегодня в ЮАР»³³.

Правда, на цивилизационном сознании африканской бизнес-элиты эти ролевые трансформации сказываются более однозначно и не в пользу африканской идентичности. Местные, африканские символы могут сохранять значение в качестве внешних форм, знаков культурной идентичности, может подчеркиваться их уникальность и афроцентристский контекст в противовес единообразию глобальных потребительских стандартов. Однако верить в идею предопределенной африканской культурной исключительности, торжества африканского духа в окружении рекламных ролевых моделей и навязываемых ими ожиданий становится делом непростым. Судя по результатам исследования Э. Бернштейн, южноафриканская бизнес-элита смотрит на африканскую историю в основном с позиций западных ценностей. Большинство из проинтервьюированных ею представителей новой темнокожей элиты ЮАР (высококласные специалисты и высшие менеджеры, все родились в Африке, по уровню дохода принадлежат к 1% населения страны) отвергли мнение о том, что они совершенно вестернизировались, но вместе с тем отвергли и идею существования

³³ Бернштейн Э. Может ли ЮАР быть не просто придатком Запада, а чем-то большим? // Многоликая глобализация: культурное разнообразие в современном мире. М., 2004. С. 236–237.

особой африканской идентичности. «У нас нет собственной африканской идентичности, потому что мы всегда воспринимали себя в связи с другими расами... Единственно знакомые нам добропорядочные черные – это преуспевающие афроамериканцы... Все то, что преподается (нашим детям в многонациональных школах), от языка до системы ценностей, является западным. Предпосылок для африканских ценностей нет...»³⁴.

В горизонте культурной глобализации неочевидными, проблематичными становятся и любые цельные образы Африканского континента, любые обобщения относительно единства его народов, культур, истории. Э. Бернштейн цитирует мнение эксперта по влиянию культурной глобализации на южноафриканское общество Дж. Маккарти: «Зачем стараться делать какие-то обобщения относительно Африки и смотреть на Африку как на конструкцию, состоящую, возможно, лишь из геологических связей? Существует ли в ней какая-то историческая и расовая ассоциация, которая объединяет всю Африку, но к которой многие до сих пор относятся слишком спокойно, чтобы с ней конфликтовать?»³⁵.

Э. Бернштейн пишет о том, что «из карьерных соображений чернокожие представители южноафриканской элиты, конечно, используют понятие “африканская идентичность”, но делают это на фоне чуть ли не исключительно европоцентристской политической идеологии, для которой важнее всего такие понятия, как способности и возможности»³⁶. На фоне предлагаемых глобальной культурой новых коммуникационных возможностей собственно африканский образ мира низводится до уровня символического самовыражения, формы и образцы которого часто заимствуются из более ранних и ушедших в прошлое пластов культуры.

Европоцентристская позиция ставит понимание перспектив Африки перед жестким выбором. Заняв эту позицию, пишет Бернштейн, «пришлось бы обсуждать, является ли современная африканская культура разновидностью западной культуры – возможно, в таком случае напоминающей по своему статусу афроамериканскую культуру, или нет»; своеобразие африканской культуры заключалось бы,

³⁴ Бернштейн Э. Указ. соч. С. 231.

³⁵ Там же. С. 252.

³⁶ Там же. С. 216.

следовательно, «в той степени, в какой расовые различия и бывшая в прошлом дискриминация наложили свой отпечаток на чувство культурной солидарности, сама же эта культура была бы при этом отроском Запада»³⁷. Естественно, что этот вариант цивилизационной перспективы мало что оставляет от афроцентристских идеалов и утопий, включая и идеалы культуры раста-рэгги; стоящее за ней движение выглядит не более чем порождением городских гетто Запада.

* * *

Итак, при всем размахе и разнообразии форм и элементов современного афроцентризма, видимо, все-таки неверно полагать, что развитие африканского цивилизационного сознания может быть связано только с ним. Глобализация открывает широкие возможности – идентификационные, коммуникационные, познавательные – как для укрепления афроцентризма, так и для возрождения его первичного фона – европоцентризма. Это расширяет региональное пространство формирования собственного самобытного исторического сознания. Возрождение Африки может интерпретироваться альтернативным образом – как с позиций европоцентризма, так и с позиций афроцентризма. Но одновременно проблематизируются векторы развития этого сознания. Станет ли оно полем диалога различных форм цивилизационного сознания, или же пространством его раскола, взаимного отчуждения и конфликта воплощающих его ценностей и идеалов? Направление диалога обещает путь релятивизации жестких идентификационных концепций африканской истории. Направление раскола (особенно, если оно пройдет по линии религиозного раскола приверженцев ислама и христианства) способно заблокировать этот процесс и придать выбору цивилизационных идентичностей, скорее, характер однозначных, бескомпромиссных культурно-цивилизационных альтернатив.

³⁷ Там же. С. 252.

SUMMARY

At the turn of the 20th and 21st centuries, in the conditions of the limiting fragmentation of historical knowledge, along with the flourishing of micro-historical studies, there was an acute need for a large-scale view of the centuries-old history of mankind, and interest in a historical macro-perspective, focused on studying the multiple consequences of the development of global interconnections, which implied a qualitative update of the theoretical and methodological foundations and the conceptual apparatus of the macro-history itself. This situation, related to the intensive search for an integral research model capable of recontextualization of case-studies, is characterized as the third stage of the "historiographic revolution". If the micro-historical research model assumed criticism of the "classical" national history "from below", based on the study of individuals and local communities, then new macrohistorical models once again turned the attention of specialists to the supra-individual dimension of history. However, modern macro-history bypasses the classical problems of national-state communities and identities, immediately reaching the level of interaction of local contexts and the global environment.

In the world historiography, the trend towards different variants of global history was outlined only at the very end of the 20th c. Relative youth of this view of the past leads to numerous terminological differences ("new global history", "new world history", "transnational" history etc.) and differences in a number of important issues (for example, the periodization of world history) reflecting certain preferences of their adherents in the scientific community. Nevertheless, the analysis showed the proximity of the main prerequisites for new models of world history, which are based on the principle of multiperspectivity and the contextual approach.

It can be stated with confidence that in the course of active re-thinking of the challenges of the beginning of the third millennium and the revealed consequences of globalization in a rapidly changing world, a new interdisciplinary trend has emerged – a global history aimed at overcoming Euro-centrism, revising the relations of the center and periphery, a different view of the infinite variety of historical experience. This sets the impetus for developing new strategies not only in research, but also in

educational practice. Business is not limited to large-scale research projects: new curricula are being created, special journals are being created, an international scientific community is being formed, within which there are lively discussions stimulating the development of this new direction in the historical discipline.

The authors of this book rely on the fundamental use of different competences to create a more comprehensive understanding of cognitive processes. Parallel research of innovations in the natural sciences, social sciences and the humanities has for this task a special heuristic value. The principle of complementarity of micro- and macro-analytical approaches creates, on the one hand, certain (albeit limited) opportunities for restoring an integral picture of the past, and on the other hand, gives this picture a mobile character.

The main attention is paid to the complex dynamics of modern macro-history between the ideals of universalism and cultural dialogue, the connection of this process with the disintegration of traditional universalist and deterministic forms of historical rationality, the old system of its normative prerequisites in the course of numerous methodological "turns" of the twentieth and the beginning of the current century, with the creation of a new system of attitude to a number of epistemological, cognitive, identification and communication problems of historical knowledge.

The authors examined the consequences of the crisis and the transformation of the worldview and methodological foundations of universal history, the problem of correlation of the world-system approach, socially-oriented public history and professional historical knowledge, the role of postcolonial criticism and postmodernism in the formation of a cluster of new macro-historical models, the features of the development of civilizational ideas are studied, the analysis of the preconditions, the trajectory of evolution and the cognitive potential of the connected history and *histoire croisée*, the possibilities of applying various transdisciplinary approaches to the study of the phenomena of global interactions were identified.

From this standpoint, the research resources of global history were analyzed, within the framework of which the idea of dialogue-based interaction and cultural synthesis as mutual influence and interpenetration of cultural spheres and value systems that lead to the emergence of new sociocultural phenomena while preserving the diversity of forms is actualized. It is shown that the situation of globalization not only creates a new world-historical context for the interaction of civilizations and cultures, but also

puts this interaction in qualitatively new conditions and into the context of changes in the model itself and forms of a representative culture of history.

In this intellectual context, the rejection of classical universalism, the hierarchical and asymmetric model of civilizational analysis, is essential. The idea of the dialogue of civilizations (with an indispensable recognition of the constant situational conditioning of this process) remains productive, it allows drawing attention to the problem of preserving world diversity, searching for intersection points and mutual understanding that consolidate the contemporary world space.

Critical analysis of research models of the communicative type, built on the understanding of world history as a dynamic interaction of socioculturally-specific societies and based on the corresponding set of methodological guidelines, using research tools aimed at studying the dynamics of intercultural interactions of historical actors in the social processes of different levels.

This monograph reflects a transdisciplinary and multi-perspective approach relevant to its problems, which causes the combination of different exploratory perspectives, and the structure of the book is determined by the logic of research on the shifts from universalism to intercultural dialogue within the framework of different paradigms and forms of representation of world history: modernization, globalization, information society, theory and history of civilizations.

The text of the book consists of an Introduction and two parts. The first part consists of five chapters that deal with the transformation of the modernization paradigm, the features of various modernization concepts and multi-level models of modernization processes (theoretically and in a specific regional context), analyze the epistemological foundations of new macro-historical approaches, leading trends in the development of the professional and cultural prospects of world and global history, natural sciences and humanitarian methods of studying them abroad and in Russia, the ratio of the local and the universal in new models of civilizational analysis, problems and models of the formation of a global information and communication space. In four chapters of the second part, ways of development, epistemological foundations and problem areas of civilizational research, features of the civilizational discourse and intercivilizational dialogue, the problems of the development of civilizational self-consciousness are analyzed.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абалкин Л.И., Нестеренко А.Н.* Экономика и институциональная теория. М.: Едиториал УРСС, 2002. 228 с.
- Абрамова И., Поликанов Д.* Африка в век информационных технологий: возможность прорыва // *Азия и Африка сегодня*. 2001. № 8. С. 15–21.
- Абрамова И.О., Поликанов Д.В.* Интернет и Африка: параллельные реальности. М.: Институт Африки, 2001. 175 с.
- Абулмагд А.К., Ариспе Л., Ашрави Х.* и др. Преодолевая барьеры: Диалог между цивилизациями / Под ред. С.П. Капицы. М.: Логос, 2002. 192 с.
- Аверинцев С.С.* Византия и Русь: два типа духовности // *Новый мир*. 1988. № 7. С. 210–220.
- Аверинцев С.С.* Греческая литература и ближневосточная «словесность» (противостояние и встреча двух творческих принципов) // *Типология и взаимосвязи литератур древнего мира*. М.: Наука, ГРВЛ, 1971. С. 206–266.
- Аверинцев С.С.* Символ // *Краткая литературная энциклопедия*. Т. 7. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1972.
- Аверкиева Ю.П.* История теоретической мысли в американской этнографии. М.: Наука, 1979. 288 с.
- Аверькова И. В.* Адаптация стран Африки к процессам финансовой глобализации: Автореф. дис. ... канд. соц. наук. М., 2005. 213 с.
- Агеев А.Д.* Сибирь и американский Запад: движение фронтиров. М.: Аспект-Пресс, 2005. 334 с.
- Адамов В.В.* Об оригинальном строе и некоторых особенностях развития горнозаводской промышленности Урала // *Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности*. Свердловск, 1972. С. 225–256.
- Айзенштадт Ш.Н.* Международные контакты: культурно-цивилизационное измерение // *Мировая экономика и международные отношения*. 1991. № 10. С. 65–66.
- Алексеев В.В., Гаврилов Д.В.* Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней. М.: Наука, 2008. 886 с.
- Алексеева Е.В.* Диффузия европейских инноваций в России (XVIII – начало XX в.). М.: РОССПЭН, 2007. 368 с.
- Алексеева Е.В.* Европейская культура в имперской России: проникновение, распространение, синтез. Екатеринбург: УрГИ; УрО РАН, 2006. 263 с.
- Алексеева Е.В.* Роль экзогенных факторов в формировании индустриальных цивилизаций // *Цивилизационное своеобразие российских модернизаций: региональное измерение: материалы Всероссийской научной конференции/ Екатеринбург: Ин-т истории и археологии УрО РАН, 2009. С. 46–54.*
- Алисов Д. А.* Административные центры Западной Сибири: городская среда и социально-культурное развитие (1870–1914 гг.). Омск: ОмГУ, 2006. 337 с.

- Альтернативные пути к цивилизации. Колл. монография / Под ред. Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева, Д.М. Бондаренко, В.А. Лынши. М.: Логос, 2000. 368 с.
- «Альянс цивилизаций» (трудный диалог в условиях глобализации). М.: ИЛА РАН, 2010. 208 с.
- Арон Р. Введение в философию истории // Диалектика: проблемы и поиски. М.: ИФ РАН, 1988. Часть 1. С. 70-81.
- Артог Ф. Времена мира, история, историческое письмо // Новое литературное обозрение. 2007. № 83. С. 8-19.
- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. I–XV. 896 с.
- Аришинов В.И. Синергетика как феномен постнеклассической науки. М.: ИФ РАН, 1999. 203 с.
- Ассманн, Ян. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. 368 с.
- Афонцев С.А. Зависимость от пройденного пути, социальное действие и исторический процесс // «Советское наследие». Отражение прошлого в социальных и экономических практиках современной России / Ред.: Л.И. Бородин, Х. Кесслер, А.К.Соколов. М.: РОССПЭН, 2010. С. 21–36.
- Африка в 70–80-е гг.: становление национальной экономики и стратегия развития / Под. ред. Ан. А. Громыко. М.: Наука, 1980. 325 с.
- Африка в современном мире и российско-африканские отношения / Под ред. Т.Л. Дейча. М.: Институт Африки, 2001. 244 с.
- Африканская цивилизация в глобализирующемся мире. По материалам конференции. В 2-х т. / Отв. ред. Э.Е. Лебедева, В.Г. Хорос. М.: ИМЭМО РАН, 2006. Т. 1. 147 с.
- Ахиезер А.С. Возможен ли диалог цивилизаций? // Цивилизации. Вып. 7. Диалог культур и цивилизаций / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Наука, 2006. С. 51–61.
- Ахиезер А.С. Об особенностях современного философствования. Взгляд из России // Ахиезер А.С. Труды: в 2-х т. М., 2006. Т. 2. С. 425–446.
- Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. В 2 т. Т. 1. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. Т. 1. 804 с. Т. 2. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. 600 с.
- Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т. 3 (Социокультурный словарь). М.: Изд-во ФО СССР, 1991. 470 с.
- Ахиезер А.С. Труды в 2 т. Т. 1. М.: Новый хронограф. 2006. 408 с.
- Бабашкин В.В. Концепция «моральной экономики» крестьянства и российская деревня начала XX в. // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. Вып. 6. М.: Дело, 2011. С. 135–156.
- Бабашкин В.В. Крестьянская революция в России и концепции аграрного развития // Общественные науки и современность. 1998. № 2. С. 84–94.

- Бабашкин В.В., Никулин А.М., Шанин Т. Крестьянство и современность: крестьяноведение // Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке / Под ред. В.В. Бабашкина. М.: Политическая энциклопедия, 2015. С. 5–25.
- Бажанов В.А. Стандартные и нестандартные подходы в философии математики // Философия математики: актуальные проблемы. Материалы Междуна-родной научной конференции 15-16 июня 2007 года. М.: Изд-во МГУ, 2007. С. 8–10.
- Баррет Т. Линии неопределенности: Северокавказский «фронт» России // Американская русистика: веки историографии последних лет. Императорский период. Антология. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2000. С. 166–177.
- Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Художественная литература, 1972. 175 с.
- Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 5: Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М.: «Русские словари», 1997. 732 с.
- Бахтин М.М. Человек в мире слова. М.: Изд-во Российского открытого ун-та, 1995. 140 с.
- Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.
- Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 383 с.
- Бек У. Политическая динамика в глобальном обществе риска // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 5. С. 10–19.
- Белл Д.А. Что происходит, когда историки злоупотребляют идеей глобальной сети. Глобализация обыденности как проблема исторического знания. URL: <http://gefter.ru/archive/12156>.
- Бёрк П. Что такое культуральная история? М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 240 с.
- Бернштейн Э. Может ли ЮАР быть не просто придатком Запада, а чем-то большим? // Многоликая глобализация: культурное разнообразие в современном мире / Под ред. П. Бергера и С. Хантингтона. М.: Аспект Пресс, 2004. С. 228–258.
- Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век. М.: Изд-во политической литературы, 1991. 413 с.
- Блок, Марк. К сравнительной истории европейских обществ // Одиссей. Человек в истории – 2001. М., 2001. С. 65–93.
- Блохин Л.Ф. Поиски динамического равновесия между сельским хозяйством и средой тропиков // Развивающиеся страны: демографическая ситуация и экономический рост / Отв. ред. Я.Н. Гузеватый. М.: Наука, 1981. С. 201–266.
- Бобкова М.С. Западноевропейское историописание «эпохи катастроф»: учебное пособие. М.: КДУ, 2008. 252 с.
- Бобровников В.О. Российские мусульмане после архивной революции: взгляд с Кавказа и из Болгарии // Ab imperio. № 4. 2008. С. 313–333.

- Богатуров А.Д., Виноградов А.В.* Анклавно-конгломератный тип развития. Опыт транссистемной теории // Восток-Запад-Россия. М.: Прогресс-Традиция, 2002. С. 109–128.
- Богуславский В.М.* Философия в «Энциклопедии» Дидро и Д'Аламбера. М.: Наука, 1994. 720 с.
- Бойцов М.* Центры и периферии как субъективные переживания исследователей и исследуемых // Центры и периферии европейского мироустройства / Отв. сост. и ред. серии А.В. Доронин. М.: РОССПЭН, 2014. С. 50–86.
- Болховитинов Н.Н.* США: проблемы истории и современная историография. М.: Наука, 1980. 405 с.
- Большакова О.В.* Регионы и регионализация (Обзор материалов) // XX век: Методологические проблемы исторического познания. В 2 ч. Ч. 2. М.: ИНИОН РАН, 2002. С. 284–287.
- Бондаренко Д.М.* «Омологические ряды» социальной эволюции и альтернативы государству в мировой истории (постановка проблемы) // Альтернативные пути к цивилизации / Под ред. Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева, Д.М. Бондаренко, В.А. Лынши. М.: Логос, 2000. С. 198–206.
- Боринская С.А.* Эволюция сквозь призму геномики (на книгу: *Е.В. Кунин*. Логика случая. О природе и происхождении биологической эволюции) // Природа. 2014. № 10. С. 80–89.
- Бородкин Л.И.* Концепции модернизации и современности в контексте российских трансформаций XIX–XX вв. // Уральский исторический вестник, №4, 2017. С. 6–15.
- Бродель Ф.* История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории. БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. С. 115–142.
- Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. В 3-х тт. М.: Прогресс, 1986, 1988, 1992.
- Бродель Ф.* Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. В 3 ч. М.: Языки славянской культуры, 2002, 2003, 2004.
- Будон Р.* Место беспорядка. Критика теорий социального изменения. М.: Аспект-Пресс, 1998. 284 с.
- Букин С.С., Исаев В.И., Тимошенко А.И.* Сибирь в модернизационной стратегии России (конец XIX – начало XX в.) // Экономическая история Сибири XX века. Барнаул: Алтайский гос. университет, 2006. Ч. 1. С. 66–73.
- Булыгина Т.А.* Региональная история: поиски новых исследовательских подходов. URL: http://www.history.vuzlib.net/book_o064_page_75.html
- Булыгина Т.А., Маловичко С.И.* Новая локальная история: Новые исследовательские практики // Новая локальная история. Вып. 3. Ставрополь, 2006. С. 7–18.
- Бусыгина И., Захаров А.* Глобализация // Общая тетрадь. 2003. № 4. С. 93–97.

- Валлерстайн И. «Анналы» в контексте мировой истории // Споры о главном. Дискуссия о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов» / Под ред. Ю.Л. Бессмертного. М.: Наука, 1993. С. 94–101.
- Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Университетская книга, 2001. 416 с.
- Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Т. I: Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI в. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. 592 с.; Т. II: Меркантилизм и консолидация европейского мира-экономики, 1600–1750. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 528 с.
- Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение. М.: Территория будущего, 2006. 246 с.
- Ванина Е.Ю. Индия: история в истории. М.: Наука – Восточная литература, 2014. 343 с.
- Ванина Е.Ю. Ориентализм и конструирование индийской цивилизации // Цивилизации. Вып. 9. М.: Наука, 2014. С. 140–161.
- Ванина Е.Ю. Средневековое мышление: Индийский вариант. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2007. 375 с.
- Вартофский М.С. Эвристическая роль метафизики в науке // Структура и развитие науки. М., 1978. С. 43–110.
- Василькова В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем: (Синергетика и теория социальной организации). СПб.: Лань, 1999. 480 с.
- Вацлавик П., Бивин Дж., Джексон Д. Прагматика человеческих коммуникаций. Изучение паттернов, патологий и парадоксов взаимодействия. М.: Апрель-Пресс, ЭКСМО-Пресс, 2000. 320 с.
- Введение // Историческая наука в странах Африки / Отв. ред. А.Б. Давидсон. М.: Наука, 1979. С. 5–24.
- Великий незнакомец: Крестьяне и фермеры в современном мире / Сост. Т. Шанин. Ред. А.В. Гордон. М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. 432 с.
- Вернер М., Циммерманн Б. После компаратива: *histoire croisée* и вызов рефлексивности // *Ab Imperio*. 2007. № 2. С. 59–90.
- Вершинин Е.В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург: МУМЦ «Развивающее обучение», 1998. 204 с., ил.
- Вершинская О. Н. Существующие модели построения информационного общества // Информационное общество. 1999. Вып. 3. С. 53–58.
- Вжосек В. Классическая историография как носитель национальной (националистической) идеи // Диалог со временем. Вып. 30. М., 2010. С. 5–13.
- Вжосек В. Культура и историческая истина. М.: Крутъ, 2012. 336 с.
- Виноградова С. М., Мельник Г. С. Российское информационное пространство в условиях глобализации: некоторые аспекты развития // Глобализм в системе категорий современной культурологической мысли. СПб.: Янус, 2005. С. 217–239.

- Виноградский В.Г., Виноградская О.Я., Никулин А.М., Фадеев О.П. Крестьянские жизненные практики. Россия, 1991–2012. Саратов: Изд-во Саратовского института РГТЭУ, 2013. 168 с.
- Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / Пер. И. Добронравова и Д. Лахути; общ. ред. и предисл. В.Ф. Асмуса. М.: Наука, 1958. URL: http://modernlib.ru/books/vitgenshteyn_lyudvig/logikofilosofskiy_traktat/read
- Власть в Сибири. XVI – начало XX века. Межархивный справочник. Новосибирск, 2002. 696 с.
- Воробьева О.В. Три возраста Арнольда Джозефа Тойнби (очерки интеллектуальной биографии) // Идеи и люди: интеллектуальная культура Европы в Новое время / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2014. С. 773–842.
- Восток – Запад: глубокие корни общности культурных миров и интеграционные тенденции современности (опыт интерпретации работы М. Хайдеггера «Из диалога о языке между японцем и спрашивающим») // Эпистемология и философия науки. 2014. Т. XL. № 2. С. 184–201.
- Всемирная история: в 6-ти т. / Глав. ред. А.О. Чубарьян. М.: Наука, 2011–2017. Т. 1. Древний мир / Отв. ред. В.А. Головина, В.И. Уколова. 2011. 822 с.; Т. 2. Средневековые цивилизации Запада и Востока / Отв. ред. П.Ю. Уваров. 2012. 894 с.; Т. 3. Мир в раннее Новое время / Отв. ред. В.А. Ведюшкин, М.А. Юсим. 2013. 889 с.; Т. 4. Мир в XVIII веке / Отв. ред. С.Я. Карп. 2013. 787 с.; Т. 5. Мир в XIX веке: на пути к индустриальной цивилизации / Отв. ред. В.С. Мирзеханов. 2015. 940 с.
- Высокова В.В., Сосновский М.А. Универсальная история в современной историографии: альманах интеллектуальной истории // Диалог со временем. 2007. Вып. 18. С. 170–189.
- Выступление президента Якутии М.Е. Николаева на Международной конференции ЮНЕСКО «Циркумпольная цивилизация в музеях мира: вчера, сегодня, завтра», 29 июля 2009 г., г. Якутск. URL: <http://www.Isakhapresident.ru/index.php/ru/2008-11-03-08-01-16/411-300709>
- Гаврилов Д.В. Горнозаводский Урал XVII–XX вв.: Избранные труды. Екатеринбург: УрО РАН, 2005. 616 с.
- Гайденко П.П. Эволюция понятия науки (XVII–XVIII вв.). М.: Наука, 1987. 448 с.
- Гайденко П.П. Эволюция понятия науки. Становление и развитие первых научных программ. М.: Наука, 1980. 448 с.
- Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Нации и национализм. М.: Новая основа политики, 2002. С. 147–162.
- Гердер И.Г. Еще один опыт философии истории для воспитания человечества // Гердер И.Г. Избранные сочинения. М.-Л.: ГИХЛ, 1959. С. 274–284.
- Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе // Истоки: Экономика в контексте истории и культуры. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2004. С. 420–447.
- Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе. М.: Издательский дом «Дело», 2015. 535 с.

- Гинзбург К. Микроистория: две-три вещи, которые я о ней знаю // Современные методы преподавания новейшей истории. М.: ИВИ РАН, 1996. С. 207–234.
- Глобальная история: современная проблематика и новые исследовательские подходы / Материалы всероссийской научной конференции / Под ред. О.В. Воробьевой, З.А. Чеканцевой. М.: ИВИ РАН, 2015.
- Голдстоун Дж. Почему Европа? Возвышение Запада в мировой истории. 1500–1850. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. 224 с.
- Голдстоун Дж. К теории революции четвертого поколения // Логос. 2006. № 5 (56). С. 58–103.
- Голикова С.В., Миненко Н.А., Побережников И.В. Горнозаводские центры и аграрная среда в России: взаимодействия и противоречия (XVIII – первая половина XIX века). М.: Наука, 2000. 261 с.
- Гомаюнов С. А. Местная история: проблемы методологии // Вопросы истории. 1996. № 9. С. 158–163.
- Гордон А.В. Цивилизация нового времени между мир-культурой и культурным ареалом (Европа и Азия в XVII–XX вв.). Научно-аналитический обзор. М.: ИНИОН РАН, 1998. 130 с.
- Горин И. Н. Социологический анализ механизмов формирования культурно-исторических символов региона. Курган, 2010. 179 с.
- Гоулднер А.У. Наступающий кризис западной социологии. СПб.: Наука, 2003. 576 с.
- Гофман А.Б. Классическое и современное: Этюды по истории и теории социологии. М.: Наука, 2003. 784 с.
- Гринев А.В. Развитие России и теория цивилизаций // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 11. С. 102–110.
- Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Социальная макроэволюция. Генезис и трансформации Мир-Системы / Отв. ред. Д.М. Бондаренко. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 568 с.
- Гринин Л.Е., Коротаев А.В., Малков С.Ю. Введение. Русские революции в столетней ретроспективе // О причинах Русской революции / Отв. ред. Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев, С.Ю. Малков. М.: ЛКИ, 2010. С. 5–24.
- Гринин Л.Е., Коротаев А.В., Малков С.Ю. Заключение. История, математика и некоторые итоги дискуссии о причинах Русской революции // О причинах Русской революции / Отв. ред. Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев, С.Ю. Малков. М.: ЛКИ, 2010. С. 368–427.
- Гринин Л.Е., Коротаев А.В., Марков А.В. Биологическая и социальная фазы глобальной истории: сходства и различия эволюционных принципов и механизмов // Универсальная и глобальная история (эволюция Вселенной, Земли, жизни и общества). Хрестоматия / Под ред. Л.Е. Гринина, И.В. Ильина, А.В. Коротаева. Волгоград: Учитель, 2012. С. 315–347.
- Грифцова И.Н. О возможности трактовки неформальной логики как прикладной эпистемологии // Преподаватель XXI век. 2013. № 3. С. 251–257.

- Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа «Анналов». М.: Индрик, 1993. 328 с.
- Гуревич А.Я. О кризисе современной исторической науки // Вопросы истории. 1991. № 2/3. С. 21–35.
- Гуревич А.Я. Средневековый мир. Культура безмолвствующего большинства. М.: Искусство, 1990. 380 с.
- Гуревич А.Я. Теория формаций и реальность истории // Вопросы философии. 1990. № 11. С. 34–55.
- Гуревич А.Я. Что такое исторический факт // Источниковедение: теоретические и методологические проблемы. М., 1969. С. 59–88.
- Гуревич А.Я. Не “Вперед, к Геродоту!”, а назад – к анекдотам // Историк в поиске: микро и макро- подходы к изучению прошлого. М.: ИВИ РАН, 1999. С. 234–239.
- Гусейнов Ш.А. Методологическое значение категории «цивилизация»: дис. ... канд. философ. наук. М., 1990.
- Данилов В.П. Крестьянская революция в России, 1902–1922 гг. // Крестьяне и власть. Материалы научной конференции. М.; Тамбов: Тамбовский гос. техн. университет, 1996. С. 4–23.
- Дейк, ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
- Декарт Р. Избранные произведения. М.-Л.: Госполитиздат, 1950. 712 с.
- Декларация принципов построения информационного общества. Глобальный вызов в новом тысячелетии. Всемирный саммит по информационному обществу, Женева 2003 – Тунис 2005. Document WSIS-03/GENEVA/DOC/4-E12 December 2003. URL: http://www.journal.au.edu/abac_journal/2004/jan04/appen1.pdf
- Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия / Пер. с фр. и послесл. С.Н. Зенкина. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 288 с.
- Демагогия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Демагогия>
- Демидов С.С. Математика в опыте историко-математических исследований последних десятилетий // Математика и опыт / Под ред. А.Г. Барабашева. М.: Изд-во МГУ, 2003. 624 с.
- Дерлугьян Г. Самый неудобный теоретик // Валлерстайн И. Миросистемный анализ: введение. М.: Территория будущего, 2006. С. 7–40.
- Деррида Ж. Позиции. Беседы с Анри Ронсом, Юлией Кристевой, Жаном-Луи Удбином, Ги Скарпетта. М.: Академический проект, 2007. 160 с.
- Диалог в полицентричном мире: философско-культурные, исторические, политические и коммуникативные проблемы. М.: ИАФ РАН, 2010. 251 с.
- Диалог культур и цивилизаций: понятие, реалии, перспективы. URL: http://www.gorby.ru/activity/conference/show_69/
- Диффузия технологий, социальных институтов и культурных ценностей на Урале (XVIII – начало XX в.) / Отв. ред. Е.В. Алексеева. Екатеринбург: УрО РАН, Институт истории и археологии, 2011. 405 с.

- Дмитриева Е. Теория культурного трансфера и компаративный метод в гуманитарных исследованиях: оппозиция или преемственность? // Вопросы литературы. 2011. № 4. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2011/4/dm16.html>
- Дука О.Г. Теория смыслового поля. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2009. 124 с.
- Дэвид П. Клио и экономическая теория QWERTY // Истоки. Из опыта изучения экономики как структуры и процесса. Альманах. 2007. № 6. М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2007. С. 139–150.
- Дэвид П. Зависимость от пути развития и исторические общественные науки: вводная лекция // Истоки. Из опыта изучения экономики как структуры и процесса. Альманах. 2007. № 6. М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2007. С. 183–207.
- Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Пер. с фр. и послесловие Л.Б. Гофмана. М.: Наука, 1991. 576 с.
- Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., составление, послесл. и примеч. А.Б. Гофмана. М.: Канон, 1995. 352 с.
- Ерасов Б.С. Цивилизации: Универсалии и самобытность. М.: Наука, 2002. 522 с.
- Ермишина Е. В. Международный обмен информацией. М.: Международные отношения, 1988. 144 с.
- Ефимов А.В. «Свободные земли» Америки и историческая концепция Ф.Д. Тернера // Из истории общественных движений и международных отношений / Сб. в память акад. Е.В. Тарле. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. С. 548–560.
- Жданко А.В. Эволюция управляемых систем: единая теория общества и истории. СПб.: Алетейя, 2008. 812 с.
- Жигунин В.Д. Философия истории: формирование и эволюция основных идей (пять лекций в Самаре). Самара, 1997. 75 с.
- Замятин Д.Н. В поисках удаляющихся пространств: историческая география и онтологические модели воображения // Общественные науки и современность. 2015. № 1. С. 148–161.
- Замятин Д.Н. Локальные истории и методика моделирования гуманитарно-географического образа города // Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах / Под ред. Д.Н. Замятиной. Вып. 2. М.: Институт наследия, 2005. С. 276–323.
- Замятин Д.Н. На пути к геоспациализму: пространство и цивилизация в зеркале гуманитарной географии. Ст. 1, 2 // Общественные науки и современность. 2011. № 5. С. 129–138; № 6. С. 165–173.
- Западники и националисты: возможен ли диалог? Материалы дискуссии / Ред.-сост. А. Трапкова. М.: ОГИ, 2003. 480 с.
- Западноевропейские страны: Особенности социально-экономических моделей / Отв. ред. В.П. Гутник; Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. М.: Наука, 2002. 271 с.
- Зубков К.И. Структурный метод в региональных исторических исследованиях // Историческая наука и историческое образование на рубеже XX–XXI столетий. Екатеринбург: Урал. Гос. пед. университет, 2000. С. 19–27.

- Ивановский В.В.* Русское государственное право. Ч. 2: Местные установления. Казань, 1898. 622 с.
- Ивин А.* Философия истории: Учеб. пособие. М.: Гардарики, 2000. 528 с.
- Иггерс Г., Ван Э.* Глобальная история современной историографии / Пер. с англ. О. Воробьевой. М.: Канон, 2012. 432 с.
- Изобретение империи: языки и практики / Ред.-сост. И. Герасимов, М. Могильнер, А. Семенов. М.: Новое издательство, 2011. 326 с.
- Ильин В.В., Ахиезер А.С.* Российская цивилизация: содержание, границы, возможности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. 301 с.
- Империи и нации в зеркале исторической памяти / Ред.-сост. И. Герасимов, М. Могильнер, А. Семенов. М.: Новое издательство, 2011. 416 с.
- Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX в.) / Отв. ред. П. И. Савельева. М.: МОНФ, 1997. 237 с.
- Ингледарт Р.* Модернизация и постмодернизация // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 261–291.
- Инглхарт Р., Вельцель К.* Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. 464 с.
- Иноземцев В.Л.* Вестернизация как глобализация и «глобализация» как американизация // Вопросы философии. 2004. № 4. С. 58–69.
- Иноземцев В.Л.* Гуманитарные интервенции. Понятие, задачи, методы осуществления // Космополис. 2005. № 1. С. 11–23.
- Институциональная экономика / Под общ. ред. А. Олейника. М.: ИНФРА, 2005. 417 с.
- Интервью с Хейденом Уайтом // Диалог со временем. Вып. 14. М., 2000. С. 335–346.
- Ионов И.Н.* Глобальная история и изучение прошлого России Ст. 3, 4 // Общественные науки и современность. 2013. № 5. С. 138–153; 2014. № 6. С. 123–140.
- Ионов И.Н.* Глобальная история, универсальная этика и основания для оптимизма // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. / Отв. ред. О.В. Воробьева, З.А. Чеканцева. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 75–92.
- Ионов И.Н.* Идеал цивилизации, его эмоциональная окрашенность и перекрестная история // Цивилизации. Вып. 9. Цивилизация как идея и исследовательская практика. / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Наука, 2014. С. 58–83.
- Ионов И.Н.* Идентификационная, коммуникативная и когнитивная составляющие цивилизационных представлений // История и современность. № 2. 2007. С. 79–121.
- Ионов И.Н.* Идея цивилизации в Европе 19 века в контексте связанной и перекрестной истории // Диалог со временем. М., 2012. Вып. 40. С. 27–50.

- Ионов И.Н. Кризис исторического сознания и логико-лингвистические зигзаги цивилизационных концепций // Диалог со временем. 2010. Вып. 33. С. 5–21.
- Ионов И.Н. Логические модели и источниковое знание: проблемы соотношения // История и синергетика. Методология исследования / Отв. ред. С.Ю. Малков, А.В. Коротаев. М.: КомКнига, 2005. С. 44–62.
- Ионов И.Н. Мировая история в глобальный век: новое историческое сознание / Отв. ред. Л.П. Репина. М.: Аквилон, 2015. 464 с.
- Ионов И.Н. Новая глобальная история и постколониальный дискурс // История и современность. № 2. Сент. 2009. С. 33–60.
- Ионов И.Н. Основные направления и методология глобальной истории // Новая и новейшая история. 2003. № 1. С. 18–29.
- Ионов И.Н. Парадоксы российской цивилизации (По следам одной научной дискуссии) // Общественные науки и современность. 1999. № 5. С. 115–127.
- Ионов И.Н. Проблемы планетарного диалога и новые горизонты гуманитарного знания // Международный журнал социальных и гуманитарных наук «Личность. Культура. Общество». 2012. Вып. 4 (75–76). С. 260–266.
- Ионов И.Н. Проблемы современной макроистории. Ст. 2. Память, идентификация и предпосылочное знание // Диалог со временем. Вып. 54. С. 32–53.
- Ионов И.Н. Проект «когнитивной истории»: археология и экология идей // Общественные науки и современность. 2015. № 2. С. 84–95.
- Ионов И.Н. Российская цивилизация и ее парадоксы // История России: Теоретические проблемы. Вып. 1: Российская цивилизация: Опыт исторического и междисциплинарного изучения / Отв. ред. А.С. Сенявский. М.: Наука, 2002. С. 139–150.
- Ионов И.Н. Российская цивилизация и истоки ее кризиса. Пособие для учащихся X–XI классов. М.: Интерпракс, 1994. 416 с.
- Ионов И.Н. Российская цивилизация. Учеб. для 10–11 классов общеобразовательных учреждений. 5-е изд., переработ. и дополнен. М.: Просвещение, 2003. 384 с.
- Ионов И.Н. Связанная история между двойной связкой и отрицательной обратной связью // Диалог со временем. 2014. № 46. С. 194–218.
- Ионов И.Н. Стратегии деисторизации // Образы времени и исторические представления. Россия – Восток – Запад / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2010. С. 48–65.
- Ионов И.Н. Цивилизационное сознание и историческое знание: проблемы взаимодействия. М.: Наука, 2007. 499 с.
- Ионов И.Н. Цивилизационное сознание и цивилизационное пограничье: путь к катастрофе и путь к знанию // Проблемы культурного пограничья. Памяти Валерия Борисовича Земскова (1940–2012) / Отв. ред. Ю.Н. Гирин. М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 69–89.
- Ионов И.Н. Эволюция цивилизационных представлений: современный взгляд // Электронный научно-образовательный журнал «История». М., 2013. Вып. 2 (18). URL: <http://mes.igh.ru/s/207987840000487-4-1>.

- Историк в поиске: микро и макро- подходы к изучению прошлого / Отв. ред. Ю.Л. Бессмертный. М.: ИВИ РАН, 1999. 310 с.
- Историческая география: Пространство человека vs человек пространства. Материалы XXIII Международной научной конференции / Отв. ред. М. Ф. Румянцева. М.: РГТУ, 2011. 498 с.
- Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. / Отв. ред. О.В.Воробьева, З.А. Чеканцева. М.: ИВИ РАН, 2012. 406 с.
- История: неизбежное и случайное // Знание – сила. 1980. № 1. С. 38–40.
- История Великобритании / Под ред. Кеннета О. Моргана. М.: «Весь мир», 2008. 680 с.
- История казачества Азиатской России: в 3 т. / гл. ред. В.В. Алексеев. Екатеринбург: УрО, Ин-т истории и археологии, 1995. Т. 1: XVI – первая половина XIX века. 317 с.; Т. 2: Вторая половина XIX – начало XX века. 255 с.; Т. 3: XX век. 270 с.
- История края как поле конструирования региональной идентичности / Под ред. И.И. Куриллы. Волгоград, 2008. 115 с.
- История России: Теоретические проблемы. Вып. 1: Российская цивилизация: Опыт исторического и междисциплинарного изучения / Отв. ред. А.С. Сеньявский. М.: Наука, 2002. 240 с.
- История и антропология: междисциплинарные исследования на рубеже XX–XXI веков / Под общ. ред. М. Крома, Д. Сэбиана, Г. Альгази; пер. с англ. К.А. Левинсона, пер. с франц. Л.А. Пименовой. СПб.: Европейский ун-т в Санкт-Петербурге; Алетейя, 2006. 315 с.
- История Ямала: в 2-х т. / ред. В.В. Алексеев. Екатеринбург: Баско, 2010. Т. 1: Ямал традиционный: в 2-х кн., кн. 1: Древние культуры и коренные народы. 416 с.; кн. 2: Российская колонизация. 253 с.
- Ито Ш.* Схема для сравнительного исследования цивилизаций // Время мира. Альманах. Вып. 2: Структуры истории. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. С. 345–354.
- Кагарлицкий Б.* Периферийная империя. Россия и миросистема. М.: Ультра. Культура, 2003. 528 с.
- Кантор В.К.* «...Есть европейская держава». Россия: трудный путь к цивилизации. Историософские очерки. М.: РОССПЭН, 1997. 409 с.
- Кантор В.К.* Русский европеец как явление культуры. М.: РОССПЭН, 2001. 697 с.
- Кантор В.К.* Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса. К проблеме имперского сознания в России. М.: РОССПЭН, 2008. 542 с.
- Кантелер А.* Формирование Российской империи в XV – начале XVIII века: наследство Руси, Византии и Орды // Российская империя в сравнительной перспективе: Сб. статей / Под. ред. А.И. Миллера. М.: Новое издательство, 2004. С. 98–108.
- Кантелер А.* Южный и восточный фронтир России в XVI–XVIII веках // Ab Imperio. 2003. № 1. С. 47–64.
- Караваяева Д.Н.* Английская идентичность и ее дискурс: Британия – Англия – Северная Англия. Екатеринбург: УРО РАН, 2016. 344 с.

- Кареев Н.И. Общий ход всемирной истории. СПб.: Брокгауз–Ефрон, 1903. 302 с.
- Кардозо Ф.Э., Фалетто Э. Зависимость и развитие Латинской Америки. Опыт социологической интерпретации. М.: Институт Латинской Америки РАН, 2002. 220 с.
- Карнейро Р.Л. Культурный процесс // Антология исследований культуры. Т. 1: Интерпретация культуры. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 421–438.
- Карнейро Р.Л. Теория происхождения государства // Раннее государство, его альтернативы и аналоги: Сб. статей / под ред. Л.Е. Гринина, Д.М. Бондаренко, Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева. Волгоград, 2006. С. 55–70.
- Каспэ С.И. Российская цивилизация и идеи А.Дж. Тойнби // Свободная мысль. 1995. № 2. С. 76–83.
- Катагощина И.Т. Интеллигенция в Нигерии (Становление и роль в политической жизни страны) / Отв. ред. А.Б. Давидсон. М.: Наука, 1977. 238 с.
- Келли Д. Основания для сравнения // Диалог со временем. 2001. Вып. 7. С. 89–105.
- Керов В.В. Конфессионально-этическая мотивация хозяйствования староверов в XVIII–XIX веках // Отечественная история. 2001. № 4. С. 18–40.
- Керов В.В. Модернизационная практика старообрядчества и регионально-ориентированная модель модернизации России // Цивилизационное своеобразие российских модернизаций: региональное измерение: материалы Всероссийской научной конференции / Отв. ред. И.В. Побережников. Екатеринбург: ИИиА УрО РАН; БКИ, 2009. С. 75–84.
- Керов В.В. «О Новый Израилю! Утолсте, уишире фабриками и капиталами...»: взаимодействие старообрядческого предпринимательства и монастырей на благо веры в XVIII – первой половине XIX в. // Экономическая история России XVII–XX вв.: динамика и институционально-культурная среда: Сб. статей памяти Л.В. Сапоговской. Екатеринбург: УрО РАН, 2008. С. 239–248.
- Керов В.В. «Се человек и дело его ...»: Конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства в России. М.: Экон-Информ, 2004. 654 с.
- Керов В.В. «...Чтобы работали хорошую доброту»: стремление к высокому качеству продукции как элемент деловой культуры старообрядческого предпринимательства // Урал индустриальный: Бакунинские чтения: материалы IX Всероссийской научной конференции. В 2 т. Екатеринбург: Автограф, 2009. Т. 1. С. 27–33.
- Классен Х.Дж.М. Эволюционизм в развитии // История и современность. 2005. № 2, сентябрь. С. 3–22.
- Классен Х.Дж.М. Эволюционизм в развитии // Раннее государство, его альтернативы и аналоги / под ред. Л.Е. Гринина, Д.М. Бондаренко, Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева. Волгоград: Учитель, 2006. С. 37–52.
- Клейтман А.Л., Клейтман А.Ю. Формирование региональной идентичности в современной России в зеркале учебников по истории регионов // Кто боится учебника истории? / Под ред. И.И. Куриллы. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2013. С. 62–70.

- Ключевский В.О.* Сочинения: В 9-ти т. М.: Мысль, 1987. Т. I: Курс русской истории. 432 с.
- Кобищанов Ю.М.* Место исламской цивилизации в этноконфессиональной структуре Северной Евразии-России // *Общественные науки и современность*. 1996. № 2. С. 91–99.
- Кознова И.Е.* Социальная память русского крестьянства в XX веке // *Исторические исследования в России. Тенденции последних лет* / Под ред. Г.А. Бордюгова. М.: АИРО-XX, 1996. С. 386–404.
- Койвисто М.* Русская идея. М.: Весь мир, 2002. 244 с.
- Колесникова М.Е.* Образы границы и пограничья в сочинениях северокавказских исследователей XIX в. // *Границы и пограничье в южнороссийской истории*. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2014. С. 306–314.
- Коллингвуд Р.Дж.* Идея истории. Автобиография. М., 1980. 486 с.
- Коллинз Р.* Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. 1281 с.
- Кондаков И.В.* Введение в историю русской культуры. М.: Аспект-Пресс, 1997. 687 с.
- Кондрашин В.В.* Виктор Петрович Данилов – выдающийся исследователь аграрной истории России XX века // *Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. Вып. 8*. М.: «Дело» РАНХ и ГС, 2013. С. 160–186.
- Конт О.* Дух позитивной философии. (Слово о положительном мышлении). Ростов н/Д: Феникс, 2003. 256 с.
- Конфессия, империя, нация. Религия и проблема разнообразия в истории постсоветского пространства / Ред.-сост. И. Герасимов, М. Могильнер, А. Семенов. М.: Новое издательство, 2012. 452 с.
- Копосов Н.Е.* Как думают историки. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 326 с.
- Копосов Н.Е.* Память старого режима. История и политика в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 320 с.
- Копосов Н.Е.* Хватит убивать кошек! Критика социальных наук. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 248 с.
- Копылов А.Н.* Органы центрального и воеводского управления Сибири в конце XVI–XVII в. // *Известия СО АН СССР*. 1965. № 9. Сер. обществ. наук. Вып. 3. С. 80–88.
- Коротаев А.В.* Социальная эволюция. Факторы, закономерности, тенденции / Отв. ред. Л.Б. Алаев. М.: Изд. «Восточная литература» РАН, 2003. 277 с.
- Коротаев А.В., Комарова Н.Л., Халтурина Д.А.* Законы истории: Вековые циклы и тысячелетние тренды. Демография, экономика, войны. Изд. второе, испр. и доп. / Отв. ред. Н.Н. Крадин. М.: КомКнига, 2007. 256 с.
- Коротаев А.В., Малков А.С., Халтурина Д.А.* Законы истории: Математическое моделирование развития Мир-Системы. Демография, экономика, культура. Изд. 2-е, испр. и доп. / Отв. ред. Н.Н. Крадин. М.: КомКнига, 2007. 224 с.

- Коткин С. О краеведении и его методологии // Методология региональных исторических исследований. Российский и зарубежный опыт. СПб.: Нотабене, 2000. С. 16–20.
- Кочакова Н.Б. Историки-африканцы в английских колониях Западной Африки в XIX в. Национальные историографии Нигерии и Ганы // Историческая наука в странах Африки / Отв. ред. А.Б. Давидсон. М.: Наука, 1979. С. 84–154.
- Кром М.М. Введение в историческую компаративистику: учебное пособие. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. 248 с.
- Кром М.М. Историческая антропология. СПб., 2004; 3 изд. СПб.; М.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, Квадрига, 2010.
- Куайн У.В.О. Слово и объект. М.: Логос, Праксис, 2008. 586 с.
- Куббель Л.Е. Историческая наука в Верхней Вольте, Гвинее, Камеруне, Конго, Мали, Нигерии, Сенегале // Историческая наука в странах Африки / Отв. ред. А.Б. Давидсон. М.: Наука, 1979. С. 25–83.
- Кузанский Н. Сочинения. Т. 1. М.: Мысль, 1979.
- Кузнецова Т.Е., Никифоров Л.В. Трудный путь познания истины // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. Вып. 7. М.: «Дело» РАНХ и ГС, 2012. С. 454–466.
- Кук Р. Граница и метрополия: опыт Канады. М.: Наука, 1970. 12 с. (XIII Международный конгресс исторических наук, М., 16–23 августа 1970 г.).
- Кульпин Э.С. Бифуркация Запад-Восток. Введение в социоестественную историю. М.: Московский лицей, 1996. 200 с.
- Кульпин Э.С. Генетические коды цивилизаций // Генетические коды цивилизаций. М.: Московский лицей, 1995. С. 3–28.
- Кульпин Э.С. Истоки государства российского: от церковного собора 1503 до опричнины. Статья 2 // Общественные науки и современность. 1997. № 2. С. 80–90.
- Кульпин Э.С. Путь России. Генезис кризисов природы и общества в России. М.: URSS, 2008. 226 с.
- Кульпин Э.С. Социально-экологический кризис XV века и становление российской цивилизации // Общественные науки и современность. 1995. № 1. С. 88–98.
- Кульпин Э.С., Пантин В.И. Решающий опыт. М.: Московский лицей, 1993. 133 с.
- Кульпин Э.С. Социоестественная история – ответ на вызовы времени // Историческая психология и социология истории. 2008. № 1. С. 198–207.
- Кульпин Э.С. Является ли история наукой? // Способы постижения прошлого / Отв. ред. М.А. Кукарцева. М., 2011. С. 85–116.
- Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / Под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. М.: МШПИ, 2002. 315 с.
- Кун Т. Структура научных революций / Пер. с англ. И.З. Налетова. Общ. ред. и послесл. С.Р. Микулинского и Л.А. Марковой. М.: Прогресс, 1977. 300 с.

- Кунин Е.В. Логика случая. О природе и происхождении биологической эволюции. М.: Центрполиграф, 2014. 527 с.
- Курлаев Е.А., Корепанов Н.С., Побережников И.В. Техничко-технологические инновации в горно-металлургическом производстве Урала в XVII–XVIII вв. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2011.
- Кушнер Г. Постоянство «идей границы» в американской мысли // Новый взгляд на историю США: Американский ежегодник, 1992. М.: Наука, 1993. С. 136–151.
- Лапкин В.В., Пантин В.И. Феномен «противоцентра» в глобальной политической истории Нового времени // Цивилизации. Вып. 5. Проблемы глобалистики и глобальной истории. М.: Наука, 2002. С. 203–222.
- Ле Руа Ладюри Э. Монтайю, окситанская деревня. (1294–1324). Екатеринбург: Уральский ун-т, 2001. 541 с.
- Лебедева Э. Плюсы и минусы модернизации // Азия и Африка сегодня. 1999. № 9. С. 38–42.
- Лебедева Э., Эльянов А. Тропическая Африка: вечный маргинал? // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 6. С. 97–104.
- Леви Дж. К вопросу о микроистории // Современные методы преподавания новейшей истории. М.: ИВИ РАН, 1996. С. 167–190.
- Левинас Э. Время и другой. Гуманизм другого человека. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1998. 265 с.
- Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 256 с.
- Леонтьев Д.А. Психология смысла. М.: Смысл, 1999. 487 с.
- Леонтьева О.Б., Репина Л.П., Чеканцева З.А. История и теория на XXII Конгрессе МКИН: Круглый стол «Событие и время в исторических перспективах» // Диалог со временем. 2015. Вып. 52. С. 8–32.
- Летнев А.Б. Общественная мысль в Западной Африке. 1918–1939 / Отв. ред. М.Ю. Френкель. М.: Наука, 1983. 283 с.
- Лильти А. Как избавиться от цивилизации: об использовании одного концепта // Как мы пишем историю. М.: РОССПЭН, 2013. С. 171–195.
- Линд М. В защиту либерального интернационализма // Космополис. 2007. № 3 (19). С. 36–42.
- Липкин М.А. Влияние глобальной истории на проблемное поле «холодной войны» // Глобальная история. Современная проблематика и новые исследовательские направления / Под ред. О.В. Воробьевой, З.А. Чеканцевой. М.: ИВИ РАН, 2015. С. 20–22.
- Ло Дж. После метода: беспорядок и социальная наука. М.: Изд-во Института Е. Гайдара, 2015. 352 с.
- Локальные сообщества имперской России в условиях социальных конфликтов. (Подходы и практики в современных региональных исследованиях) / Под ред. В. И. Худяковой, Т. А. Сабуровой. Омск, 2009. 192 с.
- Лубский А.В. Методология региональных социально-гуманитарных исследований: Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2009. 341 с.

- Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / Пер. с нем. И.Д. Газиева. Под ред. Н. А. Головина. СПб.: Наука, 2007. 641 с.
- Лучицкая С.И. Сравнительный метод в истории: взгляд из Германии (достижения и перспективы немецкой компаративистики) // Сравнительная история: методы, задачи, перспективы / Отв. ред. М.Ю. Парамонова. М.: ИВИ РАН, 2003. С. 302–318.
- Львова Э.С. Вклад Т. Обенги в развитие отечественной африканистики // Африканистика XX века: время, люди, взгляды. Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А.С. Базезин. М.: ИВИ РАН, 2002. С. 153–166.
- Мазур Л.Н. Российская деревня в условиях урбанизации: региональное измерение (вторая половина XIX – XX в.). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. 472 с.
- Майоров Г.Г. Цицерон как философ // Цицерон. Философские трактаты. М.: Наука, 1985. С. 5–59.
- Мак-Нил У. Восхождение Запада: История человеческого сообщества. Киев: Ника-Центр; М.: Старклайт, 2004. 1064 с.
- Малков С.Ю. Взаимодействие элиты и общества: эволюционный аспект // Природа и общество в процессах взаимодействия (Социоестественная история. Вып. XXXVII) / Под ред. Э.С. Кульпина-Губайдуллина. М.: ИД ЭНЕРГИЯ, 2013. С. 16–47.
- Малков С.Ю. Мировая роль России: право на существование и исторические проявления // Мировая роль России: право на существование и исторические проявления. Материалы научного семинара. Вып. 6. М.: Научный эксперт, 2011. С. 4–67.
- Маловичко С.И. Глобальная (г)локализация и практика контекстуализма новой локальной истории // Национальные образы прошлого: Этническая доминанта в историографии и философии истории. Третьи Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории / Отв. ред. А.В. Малинов. СПб., 2008. С. 140–147.
- Маловичко С.И. Глокальная перспектива новой локальной истории // URL: <http://www.newlocalhistory.com/node/72>.
- Маловичко С.И. Национально-государственный нарратив в структуре национальной истории Долгого Деянадцатого века // Диалог со временем. 2016. Вып. 54. С. 83–119.
- Маловичко С.И. «Рациональные» процедуры произвольных фантазий в отечественной рационалистической историографии // Ставропольский альманах Общества интеллектуальной истории. Вып. 3. Ставрополь: Изд-во ПГЛУ, 2003. С. 42–63.
- Маловичко С.И. Современная историческая наука и изучение локальной истории. URL: <http://abuss.narod.ru/Biblio/malovichko.htm>
- Маловичко С.И., Мохначева М.П. Регионалистика – историческое краеведение – локальная история: размышления о порогах и пороках «не/совместимости» // Харківський історіографічний збірник. Вип. 8. 2006. С. 23–37.

- Мамардашвили М.К.* Стрела познания. набросок естественно-исторической гносеологии. М.: Языки славянской культуры, 1996. 304 с.
- Марков А.* Эволюция человека. В 2 кн. Кн. 2. Обезьяны, нейроны и душа. При участии Е. Неймарк. М.: Астрель, 2014. 510 с.
- Матвеева С.Я.* Философский анализ социокультурной динамики России // *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта. В 3 т. М.: Философское общество СССР, 1991. Т. 1. С. 3–20.
- Матурана У.Р., Варела Ф.Х.* Дерево познания. Биологические корни человеческого понимания. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 224 с.
- Мегилл А.* Границы и национальное государство: предварительные заметки // *Диалог со временем.* Вып. 30. 2010. С. 42–58.
- Мегилл А.* Границы как историческая и теоретическая проблема // *Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век* / Отв. ред. Л. П. Репина. М., 2008. С. 212–214.
- Мегилл А.* Историческая эпистемология. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2007. 480 с.
- Медушевский А.Н.* Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М.: РОССПЭН, 1998. 656 с.
- Медушевский А.Н.* Конституционная монархия в Европе, Японии и России (сравнительное исследование конституционных актов) // *Общественные науки и современность.* 1994. № 6. С. 71–88.
- Медушевский А.Н.* Сравнительное конституционное право и политические институты: Курс лекций. М.: ГУ ВШЭ, 2002. 512 с.
- Медушевский А.Н.* Утверждение абсолютизма в России. Сравнительное историческое исследование. М.: Текст, 1994. 320 с.
- Медушевский А.Н.* Феномен большевизма: логика революционного экстремизма с позиций когнитивной истории // *Общественные науки и современность.* 2013. № 5. С. 114–126, № 6. С. 111–120.
- Межуев В.М.* Идея культуры. М.: Прогресс-Традиция, 2006. 408 с.
- Межуев В.М.* Философия истории и историческая наука // *Вопросы философии.* 1999. № 4. С. 74–86.
- Мельникова О.М.* История, историки и историческое сознание в региональном измерении // *Границы и пограничье в южнороссийской истории: Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2014. С. 46–58.*
- Мелюхин И. С.* Информационное общество и баланс интересов государства и личности // *Информационное общество.* 1997. Вып. 4–6. С. 3–27.
- Мечников Л.* Цивилизации и великие исторические реки. Статьи. М.: Пангея, 1995. 461 с.
- Микешина Л.А.* Эпистемология и когнитивная наука: базовые категории и принципы взаимодействия // *Когнитивный подход.* М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2008. С. 50–57.
- Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 1998. 573 с.

- Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск: Наука, 1975. 303 с.
- Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. М.: Прогресс, 1988. 320 с.
- Миронов Б.Н. Кто виноват: природа или институты: географический фактор в истории России. Ст. 1, 2 // Общественные науки и современность. 2014. № 5. С. 130–141; 2015. № 1. С. 83–99.
- Миронов Б.Н. Наблюдался ли в позднеимперской России мальтузианский кризис? Доходы и повинности российского крестьянства в 1801–1914 гг. // О причинах Русской революции / Отв. ред. Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев, С.Ю. Малков. М.: ЛКИ, 2010. С. 61–111.
- Миронов Б.Н. Русская революция 1917 года в контексте теорий революции. Ст. 1, 2 // Общественные науки и современность. 2013. № 2. С. 72–84; № 3. С. 106–115.
- Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): В 2 т. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003. Т. 1. 548 с.
- Михайлов С.А. Современная зарубежная журналистика: состояние и перспективы. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, факультет журналистики, 1998. 50 с.
- Могильнер М.Б. Мифология «подпольного человека». Радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 208 с.
- Могильницкий Б.Г. История исторической мысли XX века. Курс лекций. Вып. III. Историографическая революция. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2008. 554 с.
- Могильницкий Б.Г. История на переломе: некоторые тенденции развития современной исторической мысли // Междисциплинарный синтез в истории и социальные теории: теория, историография и практика конкретных исследований / Под ред. Б.Г. Могильницкого, И.Ю. Николаевой, Л.П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2004. С. 5–22.
- Можаров А.Н. Африка. Укрепить региональную экономическую интеграцию // Азия и Африка сегодня. 2009. № 11. С. 6–7.
- Мокир Дж. Общество знания: теоретические и исторические основы // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2004. Т. 2. № 1. С. 10–37.
- Морган Л.Г. Древнее общество, или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Л.: Изд-во Института народов Севера ЦИК СССР, 1934. 352 с.
- Морган Л.Г. Лига ходеносауни, или ирокезов. М.: Наука, 1983. 303 с.
- Морозов Н.М. Концептуализация исторического знания о российской цивилизации на рубеже XX–XXI вв. Кемерово: Практика, 2014. 401 с.
- Мосейко А.Н., Харитонова Е.В. Ответ «незападных» культур на глобальные поиски альтернатив решения конфликтных ситуаций (современный опыт применения традиционной этики для разрешения национальных и политических конфликтов в Африке) // Глобальная история: современная пробле-

- матика и новые исследовательские подходы / под ред. О.В. Воробьевой, З.А. Чеканцевой. М.: ИВИ РАН, 2015. С. 35–41.
- Мосолова Л.М. Историография XX века о глобальном и региональном в развитии культуры // Регионы России: Социокультурные контексты художественных процессов Нового и Новейшего времени / Отв. ред. Л.М. Мосолова. СПб., 2002. С. 6–17.
- Мохначева М.П. Провинциальная историография и историческое краеведение: предметные поля и дисциплинарные полномочия // Новая локальная история. Вып. 3. Ставрополь, 2006. С. 202–216.
- Мур-младший Б. Социальные истоки диктатуры и демократии: Роль помещика и крестьянина в создании современного мира / пер. с англ. А. Глухова; под науч. ред. Н. Эдельмана; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 488 с.
- Мурзина И.Я. Феномен региональной культуры: поиск качественных границ и языка описания: Монография. Екатеринбург, 2003. 206 с.
- Мучник В.М. В поисках утраченного смысла истории. Генезис и эволюция исторических взглядов А. Тойнби. Томск, 1986. 201 с.
- Мюрдаль Г. Современные проблемы «третьего мира». М.: Прогресс, 1972. 767 с.
- Най Дж.С. Гибкая власть. Новосибирск, М.: Фонд социопрогностических исследований «Тренды», 2006. 224 с.
- Нефедов С.А. Аграрные и демографические итоги сталинской коллективизации. Тамбов: Изд. Дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013. 285 с.
- Нефедов С.А. Биологические причины голода 1933 г. // Общественные науки и современность. 2013. № 1. С. 135–140.
- Нефедов С.А. Великая провокация. 9 января 1905 года // Новый мир. 2015. № 1. С. 153–166.
- Нефедов С.А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV – начало XX века. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2005. 543 с.
- Нефедов С.А. История России. Факторный анализ. Т. 1. С древнейших времен до Великой Смуты. М.: Территория будущего, 2010. 376 с.; Т. 2. От окончания Смуты до Февральской революции. М.: Территория будущего, 2011. 688 с.
- Нефедов С.А. О причинах Русской революции // О причинах Русской революции / Отв. ред. Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев, С.Ю. Малков. М.: ЛКИ, 2010. С. 25–60.
- Нечаев В.Д. Региональный миф в политической культуре современной России. М.: Изд-во Института Африки РАН, 1999. 157 с.
- Николаев А.В. Проблемы формирования механизмов внешнеэкономической деятельности России в Африке: Автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2005. 180 с.
- Николаева И.Ю. Концепт цивилизации и исследовательская практика // Цивилизации. Вып. 9: Цивилизация как идея и исследовательская практика. М.: Наука, 2014. С. 96–120.

- Нисневич Ю.А. Информация и власть. М.: Мысль, 2000. 175 с.
- Новая имперская история постсоветского пространства / Ред. и сост. И. Герасимов, С. Глебов, А. Каплуновский, М. Могильнер, А. Семенов. Казань: Центр Исследований Национализма и Империи, 2004. 656 с.
- Новая имперская история Северной Евразии. Как узнать новую историю и чего от нее ждать? // *Ab Imperio*. 2014. № 1. С. 245–248.
- Новая имперская история Северной Евразии. Глава 2. Механизмы политической и культурной самоорганизации первых политий Северной Евразии: формирование Роусьской Земли // *Ab Imperio*. 2014. № 2. С. 289–358.
- Новая имперская история Северной Евразии. Глава 5. Новые времена: проблема обоснования суверенитета и его границ в Великом княжестве Московском // *Ab Imperio*. 2014. № 3. С. 363–407.
- Новая имперская история Северной Евразии. Глава 7. Долгий XVIII век и становление модернизационной империи. Часть 2. От современного государства к современной империи // *Ab Imperio*. 2015. № 1. С. 387–447.
- Новая имперская история Северной Евразии. Глава 8. Дилемма стабильности и прогресса: империя и реформы, XIX век. Часть 1. Современная империя в поисках нации // *Ab Imperio*. 2015. № 2. С. 253–337.
- Новая имперская история Северной Евразии. Глава 8. Дилемма стабильности и прогресса: империя и реформы, XIX век. Часть 2. Проектирование национальной империи // *Ab Imperio*. 2015. № 3. С. 167–253.
- Нойманн И.Б. Использование “Другого”: образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004. 336 с.
- Нольте Г.-Г. Западная и Восточная Европа перед лицом глобализации // *Экономическая теория на пороге XXI века – 7: Глобальная экономика*. М.: Юрист, 2003. 992 с.
- Норт Д. Институты и экономический рост: историческое введение // *THESIS: Теория и история экономических и социальных институтов и систем*. 1993. Т. 1. № 2. С. 69–91.
- Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.
- Нуреев Р.М. Россия: особенности институционального развития. М.: Норма, 2009. 448 с.
- Нуреев Р.М. Экономика развития: модели становления рыночной экономики. М.: Норма, 2008. 639 с.
- Нуреев Р., Латов Ю. Что такое зависимость от предшествующего развития и как ее изучают российские экономисты // *Истоки. Из опыта изучения экономики как структуры и процесса*. М.: ГЭУ ВШЭ, 2007. С. 228–256.
- Общество знания: от идеи к практике. В 3 ч. / Под ред. В.В. Васильковой, Л.А. Вербицкой. Ч. 1. Основные контуры концепции общества знаний СПб.: Скифия-принт, 2008. 248 с.
- Овчинников В.Е., Филатова И.И., Балезин А.С. Становление исторической науки в странах Восточной Африки // *Историческая наука в странах Африки* / Отв. ред. А.Б. Давидсон. М.: Наука, 1979. С. 155–207.

- Огурцов А.Ю.* Военно-инженерная политика русского правительства в Западной Сибири в XVIII в.: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Свердловск, 1990. 22 с.
- Олегина И.Н.* Критика концепций современной американской и английской буржуазной историографии по проблемам индустриализации СССР. Л.: ЛГУ, 1989. 221 с.
- Опыт российских модернизаций XVIII–XX века / Под ред. В.В. Алексеева. М.: Наука, 2000. 246 с.
- Осборн Р.* Цивилизация. Новая история Западного мира. М.: АСТ, Хранитель, 2008. 764 с.
- Осипова О.А.* Американская социология о традициях в странах Востока. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1985. 129 с.
- Осипова Е.В.* Социология Эмиля Дюркгейма. СПб.: Алетейя, 2001. 330 с.
- Основания регионалистики. Формирование и эволюция историко-культурных зон / Под ред. А. С. Герда, Г. С. Лебедева. СПб., 1999. 389 с.
- Павленко Н.И.* Петр Великий. М.: Мысль, 1994. 594 с.
- Панарин А.С.* Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2002. 496 с.
- Пандей Р.* Критика западноцентризма в теориях модернизации // Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия / Сост., ред. и вступ. ст. Б.С. Ерасов. М.: Аспект Пресс, 1999. 556 с.
- Панов А.Д.* Сингулярность И.М. Дьяконова // Универсальная и глобальная история. Эволюция Вселенной, Земли, жизни и общества. Хрестоматия / Под ред. Л.Е. Гринина, И.В. Ильина, А.В. Коротаева. Волгоград: Учитель, 2012. С. 378–383.
- Панова О.Б.* Восток – Запад: глубокие корни общности культурных миров и интеграционные тенденции современности (опыт интерпретации работы М. Хайдеггера «Из диалога о языке между японцем и спрашивающим») // Эпистемология и философия науки. 2014. Т. XL. № 2. С. 184–201.
- Парсонс Т.* О социальных системах. М.: Академический проект, 2002. 832 с.
- Парсонс Т.* О структуре социального действия. М.: Академический проект, 2000. 880 с.
- Парсонс Т.* Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998. 270 с.
- Парсонс Т.* Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Теоретическая социология: Антология: В 2 ч. М.: Книжный дом «Университет», 2002. Ч. 2. С. 3–43.
- Пелипенко А.А.* Смыслогенетическая концепция истории цивилизаций // Цивилизации в глобализирующемся мире. Предварительные итоги междисциплинарного проекта / Под ред. В.Г. Хороса. М.: ИМЭМО РАН, 2009. С. 24–33.
- Пережогин А.А.* Военизированная система управления Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа (1747–1871 гг.). Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2005. 264 с.
- Переписка Н.И. Конрада и А.Дж. Тойнби // *Н.И. Конрад*. Неоконченные работы. Письма. М.: Российская политическая энциклопедия, 1996. 544 с.

- Переходные эпохи в социальном измерении: История и современность. М.: Наука, 2003. 488 с.
- Персикова Т.Н. Межкультурная коммуникация и корпоративная культура. М.: Логос, 2004. 224 с.
- Питерс Т. Ликвидация «цифрового разрыва» // Глобальные проблемы. Эволюция Интернета: Электронный журнал государственного департамента США. 2003. Т. 8. № 3. URL: <http://usinfo.state.gov/journals/journalr.htm>.
- Плимо Н. Гендерные проблемы в информационном обществе. СПб.: Российская национальная библиотека, МОО ВПП ЮНЕСКО «Информация для всех», 2004. 102 с.
- Побережников И.В. Диффузионные механизмы как фактор модернизации власти и общества: теоретико-методологические аспекты // Уральский исторический вестник. 2005. № 10–11: Власть и общество в российской провинции. С. 302–314.
- Побережников И.В. Диффузия, цивилизация, модернизация: теоретические аспекты // Диффузия европейских инноваций в Российской империи: материалы Всероссийской научной конференции, 10–11 ноября 2009 г. / отв. ред. д.и.н. Е.В. Алексеева. Екатеринбург: ИИИА УрО РАН; Банк культурной информации, 2009. 418 с.
- Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М.: РОССПЭН, 2006. 240 с.
- Побережников И.В. Предпринимательство как фактор модернизации (концепции А. Гершенкрона и Э. Хагена) // Экономическая история России XVII–XX вв.: динамика и институционально-социокультурная среда. Екатеринбург: УрО РАН, 2008. С. 203–212.
- Побережников И.В. Проблема структурно-функциональной дифференциации в контексте экономической модернизации // Экономическая история. Обзорение. М.: МГУ, 2006. Вып. 12. С. 148–165.
- Побережников И.В. Пространственные модели русского освоения Северо-Западной Сибири (XII – начало XX в.) // Новгородская Земля – Урал – Западная Сибирь в историко-культурном и духовном наследии. В 2-х частях. Екатеринбург: БКИ, 2009. (Проблемы истории России. Вып. 8.) Ч. 2. С. 299–317.
- Побережников И.В. Эволюционизм, неозволюционизм и модернизационная парадигма // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 20-летию Института истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург: УрО РАН, 2008. С. 577–581.
- Политология. Лексикон. М.: РОССПЭН, 2007. 800 с.
- Поляков А. Виртуальная Африка // Эхо планеты. 2001. № 2–3. URL: http://www.africana.ru/konkurs/raboti/polyakov/Internet_Africa.htm
- Померанц Г.С. Диалог культурных миров // Лики культуры. Альманах. М.: Юрист, 1995. 528 с.

- Померанц Г.С.* Вокруг предвечной башни // Дружба народов, 1996. № 10. С. 149–156.
- Померанц Г.С.* Выход из транса. М.: Юрист, 1995. 575 с.
- Попов П.Л.* Элементы теории регионов. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 159 с.
- Поппер К.Р.* Предположения и опровержения. Рост научного знания. М.: АСТ, 2008. 640 с.
- Посконина Л.С.* Латинская Америка: пути и судьбы «мятежной социологии» // Рабочий класс и современный мир. 1983. № 2. С. 186–189.
- Посконина Л.С.* Латинская Америка: критика леворадикальных концепций. М.: Наука, 1988. 176 с.
- Поткина И.В.* Индустриальное развитие дореволюционной России: Концепции, проблемы, дискуссии в американской и английской историографии. М.: Ин-т Российской истории РАН, 1994. 231 с.
- Пребиш Р.* Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива? / Сокр. пер. с исп. под ред. и с предисл. В.В. Вольского, И.К. Шереметьева. М.: ИЛА, 1992. 337 с.
- Преодолевая барьеры. Диалог между цивилизациями / Под ред. С.П. Капицы. М.: Логос, 2002. 191 с.
- Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой / Пер. с англ. В.И. Аршинова, Ю.Л. Климонтовича, Ю.В. Сачкова. М.: Прогресс, 1986. 432 с.
- Природа и самоорганизация общества. Вып. XXII / Ред. Э.С. Кульпин. М.: Московский лицей, 2002. 256 с.
- Проскурякова Н.А.* Концепции цивилизации и модернизации в отечественной историографии // Вопросы истории. 2005. № 7. С. 153–165.
- Прошлое – крупным планом: Современные исследования по микроистории / Отв. ред. М.М. Кром. СПб.: Европейский университет в СПб., Алетея, 2003. 268 с.
- Пузанов В.Д.* Военные факторы русской колонизации Западной Сибири. Конеч XVI–XVII вв. СПб.: Алетея, 2010. 431 с.
- Пью, Мартин.* История Великобритании. 1789–2000. Н. Новгород: Perspective Publications, 2001. 291 с.
- Радыгин А., Энтов Р.* В поисках институциональных характеристик экономического роста (новые подходы на рубеже XX–XXI вв.) // Вопросы экономики. 2008. №8. С. 4–27.
- Ракитов А.И.* Новый подход к взаимосвязи истории, информации и культуры: пример России // Вопросы философии. 1994. № 4. С. 14–34.
- Рашковский Е.Б.* Глобалистика и мир цивилизаций // Цивилизации в глобализующемся мире. Предварительные итоги междисциплинарного проекта. М.: ИМЭМО РАН, 2009. С. 112–117.
- Рашковский Е.Б.* И вновь о цивилизационном дискурсе: попытка объясниться // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 1. С. 98–102.

- Рашковский Е.Б.* Многозначный феномен идентичности: архаика, модерн, постмодерн // Вопросы философии. 2011. № 6. С. 33–39.
- Рашковский Е.Б.* На оси времен: очерки по философии истории. М.: Прогресс-Традиция 1999. 208 с.
- Рашковский Е.Б.* Читаем Тойнби // Тойнби А. Постигание истории. М., 1991. С. 643–654.
- Рашковский Е., Хорос В.* Мировые цивилизации и современность (к методологии анализа) // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 12. С. 33–41.
- Режабек Е.Я.* Мифомышление. Когнитивный анализ. М.: Едиториал УРСС, 2003. 304 с.
- Резун Д.Я.* Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск: РИПЭЛ, 2005. 128 с.
- Резун Д.Я., Ламин В.А., Мамсик Т.С., Шиловский М.В.* Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск: ИДМИ, 2001. Вып. 1. 113 с.
- Резун Д.Я., Шиловский М.В.* Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск: ИД «Сова», 2005. 196 с.
- Ремнев А.В.* Самодержавие и Сибирь в конце XIX – начале XX века: проблемы регионального управления // Отечественная история. 1994. № 2. С. 60–73.
- Репина Л.П.* Глобальная история как проект идентичности // Диалог цивилизаций и идея культурного синтеза в эпоху глобализации. М.: ИВИ РАН, 2014. С. 88–90.
- Репина Л.П.* Идея всеобщей истории в России: от классики к неоклассике // Гуманитарные исследования ИГИТИ. М.: ГУ ВШЭ, 2009. 40 с.
- Репина Л.П.* «Историографическая революция» и теоретические поиски на рубеже веков // Электронный научно-образоват. журнал «История». 2013. Выпуск 2 (18): Теория и методология современной исторической науки / Отв. ред. Л.П. Репина. URL: <http://history.jes.su/s207987840000362-7-1>
- Репина Л.П.* Историческая наука и современное общество // Новый образ исторической науки в век глобализации и информатизации / Под ред. Л.П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2005. С. 3–19.
- Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. Социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. 560 с.
- Репина Л.П.* Историческая память и национальная идентичность: подходы и методы исследования // Диалог со временем. 2016. Вып. 54. С. 8–15.
- Репина Л.П.* Новые исследовательские стратегии в российской и мировой историографии. М.: ГУ ВШЭ, 2008. 32 с.
- Репина Л.П.* Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории // Социальная история. Ежегодник, 1989/99. М.: РОССПЭН, 1999. С. 7–38.

- Рефлексивное крестьяноведение. Десятилетие исследований сельской России / Под ред Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. М.: МВИШСЭН, РОССПЭН, 2002. 592 с.
- Рибер А.* Меняющиеся концепции и конструкции фронта: сравнительно-исторический подход // Новая имперская история постсоветского пространства. Казань: Центр исследования национализма и империй, 2004. С. 108–119.
- Ритцер Дж.* Современные социологические теории. СПб.: Питер, 2002. 688 с.
- Российская империя в сравнительной перспективе / Под ред. А.И. Миллера. М., 2004. 436 с.
- Россия в XVII – начале XX в.: региональные аспекты модернизации / Отв. ред. И.В. Побережников. Екатеринбург, 2006.
- Россия как цивилизация: Устойчивое и изменчивое / Под ред. И.Г. Яковенко. М.: Наука, 2007. 685 с.
- Роуни Д.* Методологические аспекты изучения истории России. (Зависимость от пути развития и плановая политика в СССР) // Материалы научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. М.: Изд-во «Мосгорархив», 1997. С. 224–229.
- Румянцева М.Ф.* Новая локальная история и современное гуманитарное знание // Новая локальная история. Вып. 3. Ставрополь, 2006. С. 272–273.
- Румянцева М.Ф.* Событийность – повседневность – каузальность (К вопросу о типологии исторического знания). URL: <http://www.newlocalhistory.com/content/rumyanceva-mf-g-moskva-sobytiynost-povsednevnost-kazualnost-k-voprosu-o-tipologii>
- Рыженко В.Г.* Историческая наука, регионоведение, культурология возможности кооперации вокруг проблемы «присвоения прошлого» // Историческая наука сегодня: проблемы, методы, перспективы / Под ред. Л.П. Репиной. М.: ЛКИ, 2011. С. 330–342.
- Рыженко В.Г.* Образы и символы советского города в современных исследовательских опытах (региональный аспект). Омск: Издательство ОмГУ, 2010. 340 с.
- Рыженко В.Г., Назимова В.Ш., Алисов Д.А.* Пространство советского города (1920–1950-е гг.): теоретические представления, региональные социокультурные и историко-культурологические характеристики (на материалах Западной Сибири) / Отв. ред. В.Г. Рыженко. Омск: Изд. дом «Наука», 2004. 292 с.
- Рюзен, Йорн.* Кризис, травма и идентичность // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания / Отв. ред. Л. П. Репина. М., 2005. С. 45–55.
- Савельева И.М., Полетаев А.В.* Знание о прошлом: теория и история. СПб.: Наука, 2003. Т. 1: Конструирование прошлого. 632 с.
- Савельева И.М., Полетаев А.В.* Микроистория и опыт социальных наук // Социальная история. Ежегодник, 1989/99. М.: РОССПЭН, 1999. С. 101–119.
- Савельева И.М.* Что случилось с «Историей и теорией»? Препринт WP6/2011/03. М.: ВШЭ, 2011. 44 с.

- Савчук В.В. Топологическая рефлексия // Политическая концептология. № 4, 2012 (Ч. 1–2). С. 174–305; № 1, 2013. С. 162–235.
- Саид Э.В. Культура и империализм. СПб.: Владимир Даль, 2013. 734 с.
- Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский Миръ, 2006. 637 с.
- Саймонс А.М. Социальные силы в американской истории. М.: Госиздательство, 1925. 227 с.
- Салинз М. Экономика каменного века. М.: ОГИ, 1999. 296 с.
- Самсонов В.Б. Пространственно-временная мера // Российская цивилизация: пространственно-временные характеристики / Под ред. В.Б. Самсонова. Саратов: Приволжское книжное изд-во, 2001. 206 с.
- Свасьян К.А. Комментарий к работе Ф. Ницше «К генеалогии морали» // Ницше Ф. Сочинения в двух томах. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 783–789.
- Северный Кавказ в составе Российской империи / Под ред. В.О. Бобровникова, И.Л. Бабич. М.: НЛО, 2007. 460 с.
- Семенникова Л.И. Концепт цивилизации в современной историографической ситуации в России // История России: Теоретические проблемы. М.: Наука, 2002. Вып. 1. С. 28–45.
- Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. Учеб. пособие для вузов. М.: Интерпракс, 1994. 608 с.
- Семенов В.Е. Полиментальность как новый концепт в социально-психологических исследованиях // Современная психология: состояние и перспективы. Тезисы докладов научной конференции, посвященной 30-летию ИП РАН и 75-летию его основателя Б.Ф. Ломова. М.: Ин-т психологии РАН, 2002. С. 226–229.
- Сень Д. Воображаемая география в дискурсе империй: из истории «русификации» Причерноморья в конце XVIII века // Україна в Центрально-Східній Європі. Вип. 7. Київ, 2007. С. 345–372.
- Сень Д.В. «Черномория» versus «Кубань»: некоторые аспекты дискурса империй и теоретические проблемы изучения истории Северо-Западного Кавказа конца XVIII – начала XIX века // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2005 год. Краснодар, 2006. С. 379–395.
- Сепир Э. Статус лингвистики как науки // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Пер. с англ., под ред. и с предисл. д-ра филол. наук проф. А.Е. Кибрика. М.: Прогресс, 1993. 656 с.
- Сибирь в составе Российской империи / Под ред. Л.М. Дамешек. М.: Новое литературное обозрение, 1997. 370 с.
- Сидорова Г.М. Мировой кризис, Африка и страны «Севера» // Азия и Африка сегодня. 2009. № 10. С. 55–58.
- Скиден У. Глобальный вызов Бангеманна: о международной программе Европейской комиссии по интеграции городов в информационное общество // Информационное общество. 1999. Вып. 4. С. 11–14.

- Скотт Дж.С. Четыре опыта приручения в истории человечества: огня, растений, животных и... нас // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Вып. 7. М.: «Дело» РАНХ и ГС, 2012. С. 9–56.
- Следзевский И.В. Диалог цивилизаций как смысловое поле мировой политики // Диалог в полицивилизационном мире: философско-культурные, исторические, политические и коммуникативные проблемы / Под ред. И.В. Следзевского. М.: Ин-т Африки РАН, 2010. С. 141–156.
- Следзевский И.В. «Пограничье без границ». Глобальная неопределенность мира и ее отражение в знании и культуре // Социокультурное пограничье как феномен мировых и российских трансформаций. Междисциплинарное исследование. М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2008. С. 1–99.
- Следзевский И.В. Идея африканской цивилизации как научный и культурный конструкт // Цивилизации. Вып. 9. М.: Наука, 2014. С. 179–213.
- Смирнов А.В. Логика смысла. Теория и ее приложение к анализу классической арабской философии и культуры. М.: Языки славянской культуры. 2007. 504 с.
- Смирнов Л.М. Общественное бессознательное современной России и его отражение в массовых опросах // История и современность. Март 2005. № 1. С. 162–175.
- Событие в истории, памяти и нарративах идентичности. Сб. статей / Под общ. ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2017. 400 с.
- Современные концепции аграрного развития: теоретический семинар / В.П. Данилов, С.А. Никольский, Т. Шанин и др. / Сост. В.В. Бабашкин // Отечественная история. 1998. № 1. С. 118–139.
- Сокулер З.А. Столкновение или диалог цивилизаций? Современные цивилизационные исследования (Реферативный обзор) // Россия и современный мир. 2003. № 3 (40). С. 198–220.
- Сокулер З.А. Является ли теорема Пифагора социальным конструктом? // Философия математики: актуальные проблемы. Тезисы Второй международной научной конференции. М.: МАКС Пресс, 2009. С. 49–52.
- Сословно-правовое положение и административное устройство коренных народов Северо-Западной Сибири (конец XVI – начало XX века): Сборник правовых актов и документов / Ред.-сост.: А.Ю. Конев. Тюмень: Изд-во: ИПОС СО РАН, 1999. 238 с.
- Сосновский Н.А. «Культура растафари» в зарубежной литературе: Панафриканизм, Ветхий завет и рок-музыка // Культурное наследие: Преемственность и перемены. Сборник обзоров. Вып. 3 / Отв. ред. В.А. Бейлис. М.: ИНИОН РАН, 1991. С. 120–198.
- Социально-экономические модели в современном мире и путь России / Под ред. К. Миккульского. М.: Экономика, 2005. Кн. 2: Социально-экономические модели (из мирового опыта). 911 с.
- Спенсер Г. Изучение социологии. Воспитание умственное, нравственное и физическое. Минск: Белорусская энциклопедия, 2006. 816 с.

- Спенсер Г. Опыты научные, политические и философские / Пер. с англ., под ред. Н.А. Рубакина. Мн.: Современный литератор, 1998. 1408 с.
- Спир Ф. Структура Большой истории. От Большого взрыва до современности // Общественные науки и современность. 1999. № 5. С. 152-163.
- Споры о главном: дискуссия о настоящем и будущем исторической науки вокруг школы "Анналов". М., 1993. 207 с.
- Старобинский Ж. Слово «цивилизация» // Поэзия и познание. История литературы и культуры / Пер. С.Н. Зенкина. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 110-149.
- Степин В.С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения // Постнеклассика: философия, наука, культура / Отв. ред. Л.П. Киященко, В.С. Степин. СПб.: Миръ, 2009. С. 249-295.
- Степин В.С. От классической к постнеклассической науке (изменение оснований и ценностных ориентаций) // Ценностные аспекты развития науки / Отв. ред. Н.С. Злобин, В.Ж. Келле. М.: Наука, 1990. С. 152-166.
- Столярова Г.Ф. Экологическое мировоззрение на грани веков // История и современность. 2005. № 2. С. 131-143.
- Стрелецкий В.Н. Этнокультурные предпосылки регионализации России // Регионализация в развитии России: Географические процессы и проблемы / С.С. Артоболевский, А.И. Трейвиш. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 10-38.
- Суворов Д.В. Смена субцивилизаций и модернизационные волны в культурно-историческом развитии России: Автореф. дис. ... канд. культурологии. Екатеринбург, 2006. 26 с.
- Судьбы народов Обь-Иртышского Севера (Из истории национально-государственного строительства. 1822-1941 гг.): Сборник документов / Сост. Н. Д. Радченко, М. А. Смирнова; Тюмен. обл. центр документации нов. ист. Тюмень [б.и.], 1994. 318 с.
- Супоницкая И.М. Опыт освоения земель: Сибирь и Запад // Российско-американские отношения в прошлом и настоящем: Образы, мифы, реальность / Материалы международной конференции, посвященной 200-летию установления дипломатических отношений между Россией и США. М.: РГГУ, 2007. С. 134-143.
- Супоницкая И.М. Равенство и свобода. Россия и США: сравнение систем. М.: РОССПЭН, 2010. 302 с.
- Тайлор Э.Б. Первобытная культура. М.: Политиздат, 1989. 573 с.
- Тафаяв Г.И. Религиозно-тотемные символы новочувашской (национально-региональной) цивилизации. URL: http://tafaj.blogspot.com/2011/03/blog-post_5422.html.
- Теннис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии / Пер. с нем. Д. Складнева. СПб.: Владимир Даль, 2002. 451 с.
- Тёрнер Ф.Дж. Фронтير в американской истории / Пер. с англ. А.И. Петренко. М.: Весь Мир, 2009. 304 с.

- Теория и методология исторической науки: Терминологический словарь. Изд. 2-е, испр. и доп. / Отв. ред. А.О. Чубарьян, Л.П. Репина. М.: «Аквилон», 2016. 544 с.
- Тетекин В.Н. ЮАР сегодня: демократия и власть // Азия и Африка сегодня. 2009. № 4. С. 23–27.
- Тилли Ч. Демократия. М.: Институт общественного проектирования, 2007. 264 с.
- Тимошенко А.И. Проекты социально-экономического развития Сибири в XX в.: концепции и решения. Исторические очерки / Отв. ред. С.С. Букин. Новосибирск: Параллель, 2007. 287 с.
- Глостанова М.В. Существует ли постсоветская мысль? О колониальности знания, внешнем имперском и двойном колониальном различиях // Гефтер [сайт]. URL: <http://gefter.ru/archive/16006>
- Тойнби А.Дж. Мир и Запад // Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории. М., 1995.
- Тойнби А. Постигание истории. М., 1991. 736 с.
- Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. М.; СПб., 1997. 318 с.
- Тойнби А.Дж. Мои встречи. Пережитое. М.: Айрис-пресс, 2003. 672 с.
- Тойнби А. Если бы Александр не умер тогда // Знание – сила. 1979. № 12.
- Тойнби А. Если бы Филипп и Артаксеркс уцелели... // Знание – сила. 1994. № 8.
- Том Р. Структурная устойчивость и морфогенез. М.: Логос, 2002. 288 с.
- Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2004. 781 с.
- Тулмин Ст. Человеческое понимание / Пер. с англ. З.В. Кагановой. М.: Прогресс, 1984. 328 с.
- Турчин П.В. Историческая динамика. Как государства возвышаются и приходят в упадок. М.: Едиториал УРСС, 2007. 368 с.
- Тюпа В.И. Историческая реальность и проблемы современной компаративистики. М.: Изд. РГГУ, 2002. 64 с.
- Тюпа В.И. Коммуникативные стратегии теоретического дискурса // Критика и семиотика. Вып. 10. Новосибирск: Институт филологии СО РАН, 2006. С. 36–45.
- Уайт Л. Избранное: Наука о культуре / Пер с англ. М.: РОССПЭН, 2004. 478 с.
- Уайт Л. Избранное: Эволюция культуры. М.: РОССПЭН, 2004. 1064 с.
- Уайт Л. Понятие культуры // Антология исследований культуры. СПб.: Университетская книга, 1997. Т. 1: Интерпретация культуры. 728 с. С. 17–48.
- Уайт Л. Концепция эволюции в культурной антропологии // Антология исследований культуры. СПб.: Университетская книга, 1997. Т. 1: Интерпретация культуры. 728 с. С. 536–558.
- Уайт Л. История, эволюционизм и функционализм как три типа интерпретации культуры // Антология исследований культуры. СПб.: Университетская книга, 1997. Т. 1: Интерпретация культуры. 728 с. С. 559–590.
- Уколова В.И. «Старомоден» ли профессор Тойнби? // Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. М.; СПб., 1997. С. 5-13.

- Универсальная и глобальная история. Эволюция Вселенной, Земли, жизни и общества / Под ред. Л.Е. Гринина, И.В. Ильина, А.В. Коротаева. Волгоград: Учитель, 2012. 688 с.
- Уорф Б.Л. Наука о языкознании (О двух ошибочных воззрениях на речь и мышление, характеризующих систему естественной логики, и о том, как слова и обычаи влияют на мышление) // Новое в лингвистике. Вып. 1. М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. 464 с.
- Уэбстер Ф. Теории информационного общества / Пер. с англ. М.В. Араповой, Н.В. Малыхиной. М.: Аспект Пресс, 2004. 400 с.
- Уэллс Г. Очерки истории цивилизации. М.: ЭКСМО, 2004. 284 с.
- Фадеева Л. А. Сквозь призму политической культуры: нация, класс, регион. Пермь: Пушкиа, 2006. 304 с.
- Федоров С.Е. Британский вариант контекстуализации национальной истории (когнитивный и коммуникативный аспекты) // Историческое знание: теоретические основания и коммуникативные практики. / Отв. ред. Л.П. Репина. М., 2006. С. 99-100.
- Федотова В.Г. Хорошее общество. М.: Прогресс Традиция, 2005. 544 с.
- Фернандес-Арместо Ф. Цивилизации. М.: АСТ, 2009. 764 с.
- Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира / Пер. с франц. М., 1992. 351 с.
- Филатов В.П. История, историософия и методология истории. URL: http://spf.ff-rgg.ru/prepod/filatov_v_p/istor_istoriosof_i_met_istor.
- Фитуни Л.Л. Проблемы развития сектора телекоммуникаций в экономике стран Африки: Автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2005. 24 с.
- Фитьян-Адамс Ч. Англия Хоскинса: гений локальной истории // Диалог со временем: историки в меняющемся мире / Отв. ред. Л. П. Репина. М., 1996. С. 82-99.
- Флиер А. Цивилизация и субцивилизация в России // Общественные науки и современность. 1993. № 6. С. 70–83.
- Френкель М.Ю. Новая элита Нигерии (к истории возникновения) // История Африки / Отв. ред. Г.А. Нерсесов, В.А. Субботин. М.: Наука, 1971. С. 199–261.
- Френкель М.Ю. Общественная мысль Британской Западной Африки во второй половине XIX в. / Отв. ред. Л.Е. Куббель. М.: Наука, 1977. 295 с.
- Френкель М.Ю. США и Либерия: негритянская проблема в США и образование Республики Либерия / Отв. ред. В.А. Субботин. М.: Наука, 1964. 321 с.
- Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в 17–20 вв.: общее и особенное / Отв. ред. Д.Я. Резун. Вып. 2. Новосибирск: РИПЭЛ плюс, 2002. 95 с.
- Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в 17–20 вв.: общее и особенное / Отв. ред. Д.Я. Резун. Вып. 3. Новосибирск: РИПЭЛ плюс, 2003. 128 с.
- Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 480 с.
- Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М.: РОССПЭН, 2003. 368 с.

- Хапаева Д.* Герцоги пятой республики // Новое литературное обозрение. 2004. № 67. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/67/hap2.html>.
- Харрисон Л.* Кто процветает? Как культурные ценности способствуют успеху в экономике и политике. М.: Новое издательство, 2008. 282 с.
- Хвостова К.В., Финн В.К.* Проблемы исторического познания в свете современных междисциплинарных исследований. М.: РГГУ, 1997. 256 с.
- Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 года. СПб.: Алетейя, 1998. 119 с.
- Хорос В.Г.* К методологии цивилизационного анализа // Цивилизации в глобализирующемся мире. Предварительные итоги междисциплинарного проекта / По материалам научной конференции; отв. ред. В.Г. Хорос. М.: ИМЭМО РАН, 2007. С. 4–12.
- Цапф В.* Теория модернизации и различие путей общественного развития // Социс. 1998. № 8. С. 14–26.
- Цапф В., Хабих Р., Бульман Т., Делей Я.* Германия: трансформация через объединение // Социс. 2002. № 5. С. 19–37.
- Цивилизация. Восхождение и слом: Структурообразующие факторы и субъекты цивилизационного процесса. М.: Наука, 2003. 456 с.
- Цивилизации. Вып. 5. Проблемы глобалистики и глобальной истории. М., 2002. 239 с.
- Цивилизации. Вып. 9. Цивилизация как идея и исследовательская практика. М.: Наука, 1995. 234 с.
- Цивилизации. Вып. 10: Модернизация и цивилизационные вызовы XXI века. М.: Наука, 2015. 271 с.
- Цивилизации в глобализирующемся мире. Предварительные итоги междисциплинарного проекта. М.: ИМЭМО РАН, 2009. 162 с.
- Чеканцева З.А.* Порядок и беспорядок: протестующая толпа во Франции между Фрондой и Революцией. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1996. 240 с.
- Чернавский Д.С.* Модель целеполагания и идеологическое единство России // О социально-экономических проблемах России. Вып. 7. М.: РИИС ФИАН, 2002. С. 41–59.
- Чернов А.А.* Основные историко-теоретические этапы развития концепций глобального информационного общества // Информация. Дипломатия. Психология / Отв. ред. Ю.Б. Кашлев. М.: Известия, 2002. С. 31–50.
- Чернов Е.А.* Региональная история: опыт теоретической интерпретации // Харківський історіографічний збірник. 2006. Вып. 8. С. 38–48.
- Чешков М.А.* «Встреча» исторического знания и глобалистики // Историк в меняющемся пространстве российской культуры / Под ред. Н.Н. Алеврас. Челябинск: Каменный пояс, 2006.
- Чешков, М.А.* Глобалистика как научное знание. Очерки теории и категориального аппарата. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2005. 224 с.
- Чешков М.А.* Государственность как атрибут цивилизации: кризис, угасание или возрождение // Мировая экономика и международные отношения. 1993. № 1. С. 29–31.

- Чешков М.А. Глобалистика: предмет, проблемы, перспективы // *Общественные науки и современность*. 1998. № 2. С. 129–139.
- Чешков М.А. Глобальное видение и Новая наука. М.: ИМЭМО РАН, 1998. 81 с.
- Что такое новая имперская история, откуда она взялась и к чему она идет? Беседа А. Смирнова с редакторами журнала *Ab Imperio* Ильей Герасимовым и Мариной Могильнер // *Логос*. 2007. № 1 (58). С. 218–238.
- Шанин Т. Методология двойной рефлексивности в исследовании современной российской деревни // *Рефлексивное крестьяноведение. Десятилетие исследований сельской России* / Ред. Т. Шанин, А. Никулин, В. Данилов. М.: МВШСЭН, РОССПЭН, 2002. С. 69–90.
- Шаповалов В.Ф. Истоки и смысл российской цивилизации. М.: Гранд-Фаир, 2003. 624 с.
- Шейд У. Дж. Не только граница: значение Фредерика Джексона Тернера для исследования ранней республики // *Американский ежегодник*, 2002. М.: ИВИ РАН, 2004. С. 9–32.
- Шемякин Я.Г. Динамика восприятия образа России в западном цивилизационном сознании // *Общественные науки и современность*. 2009. № 2. С. 5–22.
- Шемякин Я.Г. Дискурс взаимодействия и взаимодействие дискурсов // *Общественные науки и современность*. 2011. № 3. С. 79–96.
- Шемякин Я.Г. Европа и Латинская Америка: взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории. М.: Наука, 2001. 391 с.
- Шемякин Я.Г. К вопросу о методологии цивилизационных исследований // *Цивилизации*. Вып. 9. М.: Наука, 2014. С. 27–57.
- Шемякин Я.Г. Россия в западном восприятии. Специфика образов «пограничных» цивилизаций // *Общественные науки и современность*. 2008. № 1. С. 133–144.
- Шемякин Я.Г., Шемякина О.Д. Старообрядчество и процесс формообразования в российской цивилизации // *Общественные науки и современность*. 2006. № 2. С. 98–106.
- Шемякин Я.Г., Шемякина О.Д. Пути и условия достижения целостности цивилизационной системы. Сопоставление исторического опыта России и Латинской Америки. Ч. 1-2 // *Латинская Америка*. 2009, № 9. С. 4–20; № 10. С. 92–101.
- Шемякина О.Д. Аристотелизм в россиеведении и поле сакральных смыслов старообрядчества // *Диалог со временем*. 2008. Вып. 24. С. 91–120.
- Шемякина О.Д. Власть линии в россиеведении и нелинейный характер российского хаоскосмоса // *Общественные науки и современность*. 2006. № 2. С. 92–103.
- Шемякина О.Д. Концепция барочности Алехо Карпентьеры и типы творческой активности российских предпринимателей // *Общественные науки и современность*. 2009. № 4. С. 114–125.
- Шемякина О.Д. О методологии цивилизационного анализа // *Традиции исторической мысли: Материалы научного семинара памяти проф. В.И. Злобина*. Вып. 2. М.: Этерна, 2010. С. 75–92.

- Шемякина О.Д.* Противоречия российского модерн-проекта и традиционная культура. Историческое наследие и современный контекст // Диалог со временем. 2010. Вып. 33. 2010. С. 298–320.
- Шемякина О.Д.* Разрыв и преемственность в русской культурной традиции: опыт диалога // Общественные науки и современность. 2011. № 1. С. 106–116.
- Шемякина О.Д.* Цивилизационный подход к истории как факт историографии и метод познания: дис. ... канд. ист. наук. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2011. 25 с.
- Шепотко Л.В.* История России в сравнительном освещении. Владивосток: Морской гос. ун-т, 2003. 234 с.
- Шестаков В.П.* Мифология XX в.: критика теории и практики буржуазной «массовой культуры». М.: Искусство, 1988. 224 с.
- Шестопал А.В.* Леворадикальная социология в Латинской Америке. Критика основных концепций. М.: Мысль, 1981. 208 с.
- Шестопал А.В.* Миражи Эльдorado в XX веке. Критические очерки буржуазной социологии в Латинской Америке. М.: Мысль, 1974. 230 с.
- Шиловский М.В.* Геополитическая значимость Азиатской России для России в XVII – начале XX в. // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития. Екатеринбург: УрО РАН, 2008. 648–653.
- Шмидт С.О.* Изучение местной истории и развитие исторической науки и общественно-исторического сознания // В едином историческом пространстве. Сборник научных статей к 60-летию члена-корреспондента РАН, доктора исторических наук, профессора Е.И. Пивовара. М.: Изд-во РГГУ, 2009. С. 24–63.
- Шмидт С.О.* Краеведение и региональная история в современной России // Методология региональных исторических исследований. Материалы международного семинара. СПб., 2000. С. 11–15.
- Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Гештальт и действительность / Пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К.А. Свасьяна. М.: Мысль, 1993. 663 с.; Т. 2. Всемирно-исторические перспективы / Пер. с нем. и примеч. И.И. Маханькова. М.: Мысль, 1998. 606 с.
- Штомпка П.* Социология социальных изменений / Пер. с англ., под ред. В.А. Ядова. М.: Аспект Пресс, 1996. 416 с.
- Эйзенштадт Ш., Шлюхтер В.* Пути к различным вариантам ранней современности: сравнительный обзор // Прогнозис. 2007. № 2 (10). С. 212–226.
- Электронный научно-образовательный журнал «История». Выпуск 4 (27). Ученые, знания и власть в колониальных и континентальных империях / Ред. В.С. Мирзеханов, О.В. Окунева, С.Б. Вольфсон. М.: «Интеграция: Образование и Наука». 2015. 267 с.
- Элиас Н.* Общество индивидов. М.: Праксис, 2001. 330 с.
- Элиас Н.* О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 2: Изменения в обществе. Проект теории цивилизаций. М.; СПб.: Университетская книга, 2001. 332 с., 382 с.

- Элиас Н. Придворное общество: Исследования по социологии короля и придворной аристократии, с введением: Социология и история. М.: Языки славянской культуры, 2002. 368 с.
- Эмар М. История и компаративизм // Новая и новейшая история. 1999. № 5. С. 90-98.
- Энциклопедия Брокгауза и Эфрона: В 86 т. СПб., 1890–1907. URL: <http://www.onlinedics.ru/slovar/brok/s/sinkretizm.html>
- Этштейн М. Информационный взрыв и травма постмодерна // Независимая газета. Книжное обозрение. 1999, 4 апреля.
- Эткинд А.М. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 448 с.
- Яковенко И.Г. Познание России: цивилизационный анализ. М.: Наука, 2008. 522 с.
- Яковенко И.Г. Российское государство: национальные интересы, границы, перспективы. Новосибирск: Новый хронограф, 1999. 221 с.
- Яковец Ю.В. Интернет в диалоге цивилизаций и становление интегрального социокультурного строя // Информационное общество. 2002. Вып. 1. С. 145–148.
- Ямал – знакомый и неизвестный. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1995.
- Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994. 527 с.
- Яценко Н.Е. Толковый словарь обществоведческих терминов. СПб.: «Лань», 1999. 528 с.
- Яшин Б.Л. Об универсальности математики и логики мышления // Преподаватель XXI век. 2013. № 2. С. 229–237.
- Across Cultural Borders. Historiography in a Global Perspective / Eds. E. Fuchs, B. Stuchtey. Lanham, 2002. 359 p.
- Adamu A.U. Transglobal Media Flows and African Popular Culture. Kano, Nigeria, 2007. 120 p.
- Adas M. Machines as the Measure of Men: Science, Technology, and Ideologies of Western Dominance. Ithaca: Cornell University Press, 1989. 430 p.
- Africa and Development. Challenges in the New Millennium: the NEPAD Debate / Eds. J.O. Adésinà, Yao Graham and A. Olukoshi. Pretoria-Dakar, 2005. 288 p.
- Afrocentrismes: L'Histoire des Africains entre Egypte et Amerique. Paris: Kathala, 2000. 402 p.
- After Colonialism: Imperial Histories and Postcolonial Displacements / Ed. by G. Prakash. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1995. 336 p.
- An Agenda for Regional History / Ed. by Bill Lancaster, Diana Newton, Natasha Vall. Newcastle-upon-Tyne: Northumbria Un-ty Press, 2007. 334 p.
- Allen R.C. The British Industrial Revolution in Global Perspective. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 342 p.
- Allen J., Massey D., Cochrane A. Rethinking the Region. London; New York: Routledge, 1998. 159 p.
- Anglo-French attitudes: comparisons and transfers between English and French intellectuals since the XVIII century / Eds. Chr. Charle, J. Vincent and J. Winter. Manchester: Manchester University Press, 2007. 336 p.

- Applegate C.* A Europe of regions: Reflections on the historiography of sub-national places in modern times // *American Historical Review*. 1999. Vol. 104. No. 4. P. 1157-1182.
- Apter D.E.* The Politics of Modernization. Un-ty of Chicago Press, 1965. 481 p.
- The Atlantic World 1450–1800* / Eds. D'Maris Coffman, A. Leonard, W. O'Reilly. London: Routledge, 2014. 726 p.
- Bailey M.* Villeinage in England: A Regional Case Study, c. 1250 – c. 1349 // *Economic History Review*. 2009. Vol. 62. N 2. P. 430-457.
- Baillie J.* The Belief in Progress. L.: OUP, 1951. 240 p.
- Baker, Alan R.H.* Geography and History: Bridging the Divide. Cambridge: CUP, 2003. 296 p.
- Banks J. A.* From Universal History to Historical Sociology // *British Journal of Sociology*. 1989. Vol. 40. P. 521-543.
- Barracrough G.* History in Changing World. Oxford, 1955. 246 p.
- Bartlett R.* The Making of Europe: Conquest, Colonization, and Cultural Change 950–1350. Princeton: Princeton University Press, 1994. 432 p.
- Bayly C.* The Birth of the Modern World, 1780–1914: Global Connections and Comparisons. Malden; Oxford: Blackwell, 2004. 568 p.
- Becket J.* Local History, Family History and the Victoria County History: New Directions for the Twenty-first Century // *Historical Research*. 2008. Vol. 81. N 212. P. 350-365.
- Bell D.* The Coming of Post-industrial Society. A Venture in Social Forecasting. New York: Basic Books, 1973. 507 p.
- Bell D.* The Social Framework of the Information Society. Oxford: Blackwell, 1980. 315 p.
- Bellah R.N.* Religion and Progress in Modern Asia. N.Y.: The Free Press, 1965. 246 p.
- Bentley J.H.* Cross-Cultural Interaction and Periodization in World History // *American Historical Review*. 1996. Vol. 101. No. 3. P. 749-770.
- Bentley J.H.* The New World History // *A Companion to Western Historical Thought* / Ed. by L. Kramer, S. Maza. Oxford, 2002. P. 393-416.
- Bentley J.* Old World Encounters: Cross-Cultural Contacts and Exchanges in Pre-Modern Times. N.Y., 1993. 220 p.
- Bentley J. H.* Shapes of World History in Twentieth-Century Scholarship. Washington, 1996.
- Bentley J.H.* Shapes of World History in Twentieth-Century Scholarship. Essays on Global and Comparative History / Ed. by Michael P. Adas. Washington, D.C.: American Historical Association, 1996.
- Bentley J.H.* Shapes of World History in Twentieth-Century Scholarship // *Agricultural and Pastoral Societies in Ancient and Classical History* / Ed. by M.P. Adas. Philadelphia: Temple University Press, 2001. P. 3–35.
- Bentley J. H.* Why Study World History // *World History Connected*. 2007. Vol. 5. No. 1 // URL: <http://worldhistoryconnected.press.uiuc.edu/5.1.html>
- Bentley J.H.* World History and Grand Narrative // *Writing World History, 1800–2000* / Eds. B. Stuchey and E. Fuchs. Oxford; N.Y.: OUP. P. 47-65.

- Benton L.* How to Write the History of the World // Historically Speaking: The Bulletin of the Historical Society. 2004. Vol. V. No. 4.
- Benton L.* Law and Colonial Cultures: Legal Regimes in World History, 1400–1900. New York; Cambridge: Cambridge University Press 2002. 285 p.
- Bergad L.W.* The Comparative History of Slavery in Brazil, Cuba, and the United States. Cambridge, N.Y.: Cambridge University Press, 2007. 314 p.
- Berger S.* Comparative History / Writing History. Theory and Practice / Ed. by S. Berger, H. Feldner. L.: Arnold, 2003. 320 p.
- Berger S.* Notre Première Mondialisation: Leçons d'un échec oublié. Paris: Seuil, 2003. 95 p.
- Berkshire Encyclopedia of World History.* V. 1 / Ed. W.H. McNeill, J.H. Bentley, D. Christian, D. Levinson, J.R. McNeill, H. Roupp, J.P. Zinsser. Great Barrington: Berkshire Publ. Group LLC, 2005. 375 p.
- Bernal M.* Black Athena: The Afroasiatic Roots of Classical Civilization. Vol. I–II. L.: New Brunswick, 1987–1991. 658+736 p.
- Between National Histories and Global History* / Eds. S. Tønneson et al. Helsingfors, 1997. 198 p.
- Black C.E.* The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History. N.Y.: Harper Colophon Books, 1975.
- Black, Jeremy.* A History of the British Isles. Houndmills, Basingstoke: Palgrave, 1st ed. – 1996, 1997, 331 p.; 2nd rev. ed. – 2003, 400 p.; 3rd ed. – 2012, 384 p.
- Blaut J. M.* The Colonizer's Model of the World: Geographical Diffusionism and Eurocentric History. N.Y.: The Guilford Press, 1993. 246 p.
- Borderland Identities: Territory and Belonging in North, Central and East Europe* / Ed. by Madeleine Hurd. Eslöv: Gondolin., 2006. 507 p.
- Braembussche A.A.* Historical Explanation and Comparative Method: Toward a Theory of Society // History and Theory. 1989. Vol. 28. P. 1–24.
- Braidotti R.* The Posthuman. N.Y.: Polity Press, 2013. 229 p.
- Braudel F.* Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XVe – XVIIIe siècle. T. 1–3. Paris: Armand Colin, 1979.
- British Regionalism, 1900–2000* / Ed. by P. L. Garside, M. Hebbert. L., 1989.
- Broadway, Jan.* 'No historie so meete'. Gentry Culture and the Development of Local History in Elizabethan and Early Stuart England. Manchester: Manchester University Press, 2006. 256 p.
- Brook T.* Vermeer's: The Seventeenth Century and the Dawn of the Global World. New York: Bloomsbury Press, 2008. 288 p.
- Brown C. S.* Big History: From the Big Bang to the Present. New York: The New Press, 2007. 304 p.
- Burbank J., Cooper F.* Empires in World History: Power and the Politics of Difference. Princeton: Princeton University Press, 2011. 528 c.
- Burke P.* Overture: the New History, its Past and its Future // New Perspectives on Historical Writing. Cambridge: Polity Press, 1993. P. 1–23.
- Butt N.* Inventing or Recalling the Contact Zones? Transcultural Spaces in Amitav Ghosh's "The Shadow Lines" // Postcolonial Text. Vol. 4. № 3. 2008. P. 1–16.

- Buultjens R.* Global History and the Third World // *Conceptualizing Global History* / Ed. by B. Mazlish, R. Buultjens. Boulder: Westview Press, 1993. P. 71–90.
- Cambridge History of the British Empire* / Gen. eds. John Holland Rose, A.P. Newton and Ernest Alfred Benians. Vol. 1-3. Cambridge: University Press, 1929–1959.
- Cameron R.E.* A Concise Economic History of the World: From Paleolithic Times to the Present. New York: Oxford University Press, 2003. 463 p.
- Carneiro R.L.* Process vs. Stages: A False Dichotomy in Tracing the Rise of the State // *Alternatives of Social Evolution* / Ed. by N. Kradin, A. Korotaev, D. Bondarenko, V. de Munck, and P. Wason, Vladivostok: Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, 2000. P. 52–58.
- Chakrabarty, Dipesh D.* Provincializing Europe Postcolonial Thought and Historical Difference. Princeton, Oxford: Princeton Univ. Press, 2007. 306 p.
- Chakrabarty, Dipesh.* A Global and Multicultural “Discipline” of History? / *History and Theory*. 2006. Vol. 45. No. 1. P. 101–109.
- Chaney L.H., Martin J.S.* Intercultural Business Communication. New York: Prentice Hall. Upper Saddle River, 2002. 306 p.
- The Changing Face of English Local History* / Ed. by R.C. Richardson. Aldershot, 2000. 218 c.
- Chatterjee P.* The Nation and its Fragments: Colonial and Postcolonial Histories. Princeton: Princeton University Press, 1993. 296 p.
- Chernilo D.* Social Theory’s Methodological Nationalism: Myth and Reality // *European Journal of Social Theory*. Vol. 9. № 1. 2006. P. 5–22.
- Christian D.* The Case for “Big History” // *Journal of World History*. 1991. Vol. 2. P. 223–238.
- Christian D.* Maps of Time. An Introduction to Big History. Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 2004. 643 p.
- Christian D.* The Return of Universal History // *History and Theory*. 2010. Theme Issue 49. P. 6–27.
- Christian D.* Science in the Mirror of ‘Big History’ // *The Changing Image of the Sciences* / Ed. by I. H. Stamhuis, T. Koetsier, C. de Pater, A. van Helden. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2002. P. 141–169.
- Christian D.* World History in Context // *Journal of World History*. 2003. Vol. 14. No. 4. P. 437–458.
- Citizenship and Those Who Leave. The Politics of Emigration and Expatriation* / Eds. N. Green and F. Weil. Champagne: University of Illinois Press, 2007. 336 p.
- Civilizations and World Systems: Two Approaches to the Study of World-Historical Change* / Ed. S.K. Sanderson. Walnut Creek: Altamira Press, 1995. 324 p.
- Claessen H.J.M.* Structural Change, Evolution and Evolutionism in Cultural Anthropology. Leiden: CNWS Press, 2000.
- Cohen D.* Comparative History: Buyer Beware // *Bulletin of the German Historical Institute*. 2001. № 29. P. 23–34.
- Collapse: How Societies Choose to Fail or Succeed*. N.Y.: Penguin Group, 2004. 570 p.
- Colley, Linda.* Britons. Forging the Nation. 1707–1837. L.: Yale University Press, 1992. 429 p.

- Comparative Early Modernities 1100–1800 / Ed. by D. Porter. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2012. 278 p.
- Comparative Historical Analysis in the Social Sciences / Eds. J. Mahoney and D. Rueschemeyer. N.Y.; Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 468 p.
- Comparison and History: Europe in Cross-National Perspective / Ed. by D. Cohen, M. O'Connor. New York; London: Routledge, 2004. 207 p.
- Competing Visions of World Order. Global Moments and Movements, 1880s – 1930s / Eds. S. Conrad, D. Sachsenmaier. N.Y., L.: Palgrave Macmillan, 2007. 266 p.
- Comte A. The Progress of Civilization through Three States // Eds. A. Etzioni, E. Etzioni. Social Change: Sources, Patterns, and Consequences. N.Y.: Basic Books, 1973. P. 14–19.
- Conceptualizing Global History / Ed. by B. Mazlish, R. Buultjens. Boulder: Westview Press, 1993. 253 p.
- Connected Worlds: History in Transnational Perspective / Eds. A. Curthoys, M. Lake. Canberra: E Press, 2005. 278 p.
- Conrad S., Eckert A. Globalgeschichte, Globalisierung, multiple Modernen. Zur Geschichtsschreibung der Moderne Welt // Globalgeschichte: Theorien, Ansätze, Themen / Hgs. S. Conrad, A. Eckert, U. Freitag. Frankfurt-am-Main: Campus Verlag, 2007. S. 7–52.
- Coquery-Vidrovitch C. African History in France // Африканистика XX века: время, люди, взгляды. Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А.С. Бализин. М.: ИВИ РАН, 2002. С. 92–96.
- Cowen N. A Global History: A Short Overview. Cambridge, 2001. 224 p.
- Crosby A. Ecological Imperialism: The Biological Expansion of Europe, 900–1900. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 369 p.
- Crosby A. The Columbian Exchange: Biological and Cultural Consequences of 1492. Westport: Greenwood Press, 1972. 283 p.
- Crossley P.K. What is Global History? Cambridge: Polity Press, 2008. 152 p.
- Culture and International History / Ed. J.C.E. Gienow-Hecht, F. Schumacher. N.Y.: Berghahn Books, 2003. 320 p.
- Curtin P.D. Cross-Cultural Trade in World History. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. 308 p.
- Daedalus. Journal of the American Academy of Arts and Sciences. 1998. Vol. 127. No. 3: Early Modernities. 280 p.
- Daedalus. Journal of the American Academy of Arts and Sciences. 2000. Vol. 129. No. 1: Multiple Modernities. 260 p.
- Dangerous Knowledge: Orientalism and Its Discontents. New York: Overlook Press, 2006. 376 p.
- Darwin J. After Tamerlane: A Global History of Empire Since 1405. London: Allen Lane, 2007. 574 p.
- David-Fox M. Multiple Modernities vs. Neo-Traditionalism: On Recent Debates in Russian and Soviet History // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Vol. 55. № 4. 2006. P. 535–555.

- De la comparaison à l'histoire croisée / Dir. de M. Werner et B. Zimmermann. Paris: Seuil, 2004. 239 p.
- Detienne M.* Comparer l'incomparable. Paris: Le Seuil, 2000. 144 p.
- Diamond J.* Guns, Germs, and Steel. The Fates of Human Societies. N.Y.; London: W.W. Norton & Co, 1999. 471 p.
- Digby A., Waltraud E., Muhkarji P.* Crossing Historiographies, Connecting Histories and Their Historians // Crossing Colonial Historiographies: Histories of Colonial and Indigenous Medicines in Transnational Perspective / Eds. A. Digby, E. Waltraud, P.B. Muhkarji. Cambridge: Scholar Publishing, 2010. P. IX-XXII.
- Diop Ch.A.* Nations nègres et culture. Second edition. P.: Éd. africaines, 1955. 281 p.
- Diop Ch.A.* Antériorité des civilisations nègres: mythe ou vérité historique? Series: Collection Préhistoire-antiquité négro-africaine. Second edition. P.: Présence africaine, 1967. 316 p.
- Dirlik, Arif.* The Postcolonial Aura. The Postcolonial Aura: Third World Criticism in the Age of Global Capitalism. Boulder, Co.: Westview, 1997. 356 p.
- Douki C., Minard Ph.* Histoire globale, histoires connectées: un changement d'échelle historiographique? // Revue d'Histoire Moderne et Contemporaine. 2007/5. № 54-5. P. 7–21.
- Dussel E.* The Underside of Modernity: Apel, Ricoeur, Rorty, Taylor and the Philosophy of Liberation. N. Y.: Humanities Press, 1996. 248 p.
- Eisenstadt S.N.* Civilizational Dimension of Modernity // International Sociology, 2001. Vol 16. № 3. P. 320–340.
- Eisenstadt S.N.* European Civilization in a Comparative Perspective. Oslo: Norwegian Univer. Press, 1987.
- Eisenstadt S.N.* Modernization: Protest and Change. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1966. 166 p.
- Eisenstadt S.N.* Multiple Modernities // Daedalus. Vol. 129. № 1. 2000. P. 1–7.
- Elliott J.H.* Empires of the Atlantic World: Britain and Spain in America 1492–1830. New Haven; London: Yale University Press, 2007. 608 p.
- Elman, Benjamin A.* From Philosophy to Philology: Intellectual and Social Aspects of Change in late Imperial China. Los Angeles, 2000. 364 p.
- Elton, Geoffrey.* The English. Oxford, 1994. 248 p.
- Encyclopedia of Historians and Historical Writing / Ed. by K. Boyd. L.; Chicago: Taylor & Francis, 1999. Vol. 1. 1562 p.
- English County Histories. A Guide // Ed. by C. R. J. Currie and C. R. Elrington. Stroud: Sutton, 1994. 484 p.
- Entangled Histories and Negotiated Universals: Centers and Peripheries in a Changing World / Ed. W. Lepenies. Fr.-a.-M.: Campus, 2003. 345 p.
- Entangled Histories in the Age of Extremes // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. Vol. 10. № 3. Summer 2009. (New Series). P. 415–422.
- Espagne M.* Sur les limites du comparatisme en histoire culturelle // Geneses. 1994. Vol. 17. P. 112–121.
- Les espaces de l'historien: Etudes d'historiographie / Ed. par J.-C. Waquet, Odile Goerg, Rebecca Rogers. Strasbourg: Presses Universitaires, 2000.

- Espagne M.* Les transferts culturels franco-allemands. Paris: Presses universitaires de France, 1991. 286 p.
- European Journal of Social Theory: Theorizing Borders. 2006. Vol. 9. No. 2.
- Evans-Pritchard E.E.* Anthropology and History. Manchester: Manchester University Press, 1961. 22 p.
- Fält O.K.* Global History, Cultural Encounters and Images // Between National Histories and Global History / Eds. S. Tønnesson et al. Helsingfors, 1997. P. 59-60.
- Fanon F.* Peau noire, masques blancs. P.: Les Editions du Seuil, 1965. 239 p.
- Fauvelle-Aymar F.K.* Qu'est-ce que l'afrocentrisme // Analele Universitatii din Bucuresti. Istorie. Bucuresti, 1999. P. 111-127.
- Ferguson N.* Empire: How Britain Made the Modern World. New ed. London: Penguin, 2004. 448 p.
- Ferraro G.P.* The Cultural Dimension of International Business. New York: Prentice Hall, 1990. 224 p.
- Fletcher J.F.* Integrative History: Parallels and Interconnections in the Early Modern Period, 1500-1800 // Journal of Turkish Studies. 1985. Vol. 9. N 1. P. 37-58.
- Food in Global History / Ed. by R. Grew. Boulder, 1999. 308 p.
- Fornäs J.* Cultural Theory and Late Modernity. London, 1995. 313 p.
- Foster G.M.* Traditional cultures: and the impact of technological change. New York; London, 1962. 291 p.
- Frank A.G.* Capitalism and Underdevelopment in Latin America. Historical Studies of Chile and Brazil. N.Y.: Monthly Review Press, 1967. 224 p.
- Frank A.G.* On Capitalist Underdevelopment. Bombay: Oxford Univ. Press, 1975. 113 p.
- Frank A.G.* ReOrient: Global Economy in the Asian Age. Berkeley: University of California Press, 1998. 416 p.
- Frank A.G.* The World System: Five Hundred Years or Five Thousand? London: Routledge, 1993. 352 p.
- Fredrickson, George M.* From Exceptionalism to Variability: Recent Developments in Cross-National Comparative History // Journal of American History. 1995. Vol. 82. № 2. P. 587-604.
- French H.R., Hoyle R.W.* The Character of English Rural Society: Earle Colne, 1550-1750. Manchester: Manchester University Press, 2007. 336 p.
- Friedman T.L.* The World is Flat. A Brief History of the Twenty-First Century. N.Y.: Farrar, Strauss & Giroux, 2005. 488 p.
- From Psychohistory to New Global History. A Conversation with Bruce Mazlish // Historically Speaking. Vol. V. No. 6. March 2004.
- Fukuyama F.* The End of History and the Last Man. N.Y.: Free Press, 1992. 418 p.
- Fyfe C.* The Emergence and Evolution of African Studies in the United Kingdom // Африканистика XX века: время, люди, взгляды. Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А.С. Балезин. М.: ИВИ РАН, 2002. С. 71-80.
- Geertz C.* The Interpretation of Cultures // Geertz C. Selected Essays. N.Y.: Basic Books, 1973. P. 3-30.

- Gerschenkron A.* The Modernization of Entrepreneurship // *Modernization: The Dynamics of Growth*. New York, L.: Basic Books Inc., 1966. P. 246–257.
- Gerson, Stéfane.* The Pride of Place: Local Memories and Political Culture in Nineteenth-Century France. Ithaca, 2003. 324 p.
- Geschichte und Vergleich. Ansätze und Ergebnisse international vergleichender Geschichtsschreibung / Hg. H.-G. Haupt, J. Kocka. Frankfurt a. M.; N.Y.: Campus Verlag, 1996. 342 S.
- Geyer M., Bright Ch.* World History in a Global Age // *American Historical Review*. 1995. Vol. 100. No. 4. P. 1034–1060.
- Gilb C.L.* Toward Holistic History. The Odyssey of an Interdisciplinary Historian. Atherton: Atherton Press, 2000. 487 p.
- Global Connections and Monetary History, 1470–1800 / Eds. D. Flynn, A. Giraldez, R. von Glahn. Aldershot: Routledge 2003. 224 p.
- Global History: Interactions between the Universal and the Local / Ed. A.G. Hopkins. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2006. 315 p.
- Global History and Migrations / Ed. by W. Gungwa. Boulder, 1997. 320 p.
- The Global History Reader / Eds. B. Mazlish, A. Iriye. N.Y.; London: Routledge, 2005. 302 p.
- Globalgeschichte: Theorien, Ansätze, Themen / Hg. S. Conrad et al. Frankfurt am Main, New York: Campus, 2007. 350 S.
- Globalisierung und Globalgeschichte / Hg. M. Grandner et al. Vienna, 2005.
- Globalization and Global History / Eds. B. K. Gills, W. R. Thompson. L., N.Y.: Routledge, 2006. 302 p.
- Globalization in World History / Ed. A.G. Hopkins. London: Pimlico, 2002. 278 p.
- Goldthorpe J.* On Sociology – Numbers, Narratives and the Integration of Research and Theory. Oxford: Oxford University Press, 2000. 337 p.
- Goody J.* The Oriental, the Ancient, and the Primitive: Systems of Marriage and Family in the Preindustrial Societies of Eurasia. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 542 p.
- Grabowski R., Self S., Shields M. P.* Economic Development: A Regional, Institutional and Historical approach. L.: M.E. Sharpe, 2007. 320 p.
- Gran P.* Beyond Eurocentrism: A New View of Modern World History. Syracuse, N.Y.: Syracuse University Press, 1996. 440 p.
- Grew R.* The Case of comparing History // *The American Historical Review*. 1980. Vol. 85. № 4. P. 763–778.
- Gruzinski S.* Les quarter parties du monde: Histoire d'une mondialisation. Paris: Éditions de La Martinière, 2004. 479 p.
- Guneratne A., Appadurai A., Bhabha J., Collins S.* Area Studies, Regional Worlds: A White Paper for the Ford Foundation. Chicago: The University of Chicago Press: The Globalization Project, 1997. URL: [regionalworlds.uchicago.edu/areastudiesregworlds.pdf](http://areastudiesregworlds.pdf)
- Gunn G.C.* First Globalization: The Eurasian Exchange, 1500–1800. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2003. 341 p.

- Gusfield J.R.* Tradition and Modernity: Misplaced Polarities in the Study of Social Change // Etzioni A. and Etzioni E. (eds.). *Social Change: Sources, Patterns, and Consequences*. New York: Basic Books, 1973. P. 333–341.
- Hagen E.E.* How Economic Growth begins: A Theory of Social Change // Finkle J.L., Gable R.W. (eds.). *Political Development and Social Change*. N.Y. London, Sydney, 1966. P. 129–139.
- Hagen E.E.* Structures sociales et croissances économiques. P.: Les éditions internationales, 1970. 203 p.
- Haines Brown H.* The Contradiction of World History, 1994 // <http://www.hartford-hwp.com/archives/10/039.html>
- Handbook of Historical Sociology / Ed. by G. Delanty and E.F. Isin. L.: , 2003. 409 p.
- Harootunian, Harry.* Philosophy of History's Return // *History and Theory*. Vol. 54. No. 1. P. 96–105.
- Harris P.R., Moran R.T.* Managing Cultural Differences. Houston TX: Gulf Publ., 1996. 772 p.
- Haupt H.-G.* Historische Komparatistik in der internationalen Geschichtsschreibung // *Transnationale Geschichte. Themen, Tendenzen und Theorien*. Göttingen: Vandenhoeck and Ruprecht, 2006. S. 137–149.
- Haupt H.-G., Kocka J.* Comparative History: Methods, Aims, Problems // *Comparison and History. Europe in Cross-National Perspective* / Ed. by Deborah Cohen and Maura O'Connor Routledge: New York: London, 2004. P. 23–37.
- Hedlund, Stefan.* Russian Path Dependence. N.Y.: Routledge, 2005. 394 p.
- Heehs P.* Shades of Orientalism: Paradoxes and Problems in Indian Historiography // *History and Theory*. Vol. 42. May 2003. P. 175–176.
- Helmes-Hayes R.C.* 'From Universal History to Historical Sociology' by J.A. Banks // *British Journal of Sociology*. 1992. Vol. 43. P. 333–344.
- Histoire du monde au XVe siècle* / Dir. par P. Boucheron. Paris: Fayard, 2009. 892 p.
- Historical Ecology: Cultural Knowledge and Changing Landscapes* / Ed. by Carole L. Crumley. Santa Fe: School of American Research Press, 1994. 284 p.
- History after the Three Worlds: Post-Eurocentric Historiographies* / Eds. A. Dirlik et al. Lanham: Rowman & Littlefield Publ., 2007. 288 p.
- Hitchcock T.* Towards a New History Lab for the Digital Past. URL: http://sas-space.sas.ac.uk/2854/1/Hitchcock_Towards_a_New_History_Lab.pdf
- Hofstede G.* Cultural Consequences: Intercultural Differences in Work-Related Values. Beverly Hills, Sage Publications, 1984. 475 p.
- Hofstede G.* Culture and Organizations (Intercultural Cooperation and its Importance for Survival) Software of the Mind. London, McIlraw-Hill, 1991. 279 p.
- Hohenberg P. M., Lees L. H.* The Making of Urban Europe, 1000–1994. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1994. 448 p.
- Hoppe G., Langton J.* Peasantry to Capitalism: Western Östergötland in the Nineteenth Century. Cambridge, 1995. 457 p.
- Howe St.* Afrocentrism. Mythical Past and Imagined Homes. L.: Verso, 1998. 337 p.
- Howe, Stephen.* Ireland and Empire: Colonial Legacies in Irish History and Culture. Oxford: Oxford University Press, 2000.

- Howell D.L.* Geographies of Identity in Nineteenth-Century Japan. Berkeley, Los Angeles, L.: University of California Press, 2005. 271 p.
- Hughes-Warrington M.* World History and World Histories // *World History Connected*. 2006. Vol. 3. № 3.
- Hunt, Lynn.* Writing History in the Global Era. N.Y. and London: W.W. Norton & Co., 2014. 208 p.
- Huntington S.P.* The Change to Change: Modernization, Development, and Politics // *Comparative Modernization: A Reader* / Ed. by C.E. Black. New York, London, 1976. P. 283–322.
- Huntington S.* Will More Countries Become Democratic? // *Political Science Quarterly*. 1984. № 99. P. 193–218.
- Ibn Warraq.* Defending the West: A Critique of Edward Said's Orientalism. N.Y.: Prometheus Books, 2007. 556 p.
- Iggers G., Wang Q.E., Mukherjee S.* A Global History of Modern Historiography: Harlow; N.Y.: Pearson Longman, 2008. 436 p.
- Ireland and the British Empire / Ed. by Kevin Kenny. Oxford: OUP, 2004.
- “An Irish Empire”? Aspects of Ireland and the British Empire / Ed. by K. Jeffery. Manchester: Manchester University Press, 1996.
- Internationale Geschichte: Themen – Ergebnisse – Aussichten / Hg. W. Loth, J. Osterhammel. München: Oldenbourg, 2000. 415 S.
- Iriye A.* Internationalizing International History // *Rethinking American History in a Global Age* / Ed. by Th. Bender. Berkeley, 2002. P. 47–62.
- Irwin R.* For Lust of Knowing: The Orientalists and Their Enemies. London: Allen Lane, 2006. 420 p.
- Issues of Regional Identity. In Honour of J. Marshall / Ed. by E. Royle. Manchester, Manchester University Press, 1999. 272 p.
- Jackson A. J. H.* Local history and local history education in the early twenty first century: organizational and intellectual challenges // *Local Historian*. 2008. Vol. 38. N 4. P. 266–273.
- Jantsch E.* The Self-Organizing Universe: Scientific and Human Implications of the Emerging Paradigm of Evolution Science. Oxford, N.Y., Toronto: Pergamon Press, 1980. 343 p.
- Jenseits des Eurozentrismus: Postkoloniale Perspektiven in den Geschichts- und Kulturwissenschaften / S. Conrad, Sh. Randeria (Hgs.). Frankfurt: Campus Verlag, 2002. 398 S.
- Jones E.L.* The European Miracle: Environments, Economies and Geopolitics in the History of Europe and Asia. 3 ed. Cambridge: CUP, 2003. 344 p.
- Jones E.L.* Growth Recurring: Economic Change in World History. Oxford: Oxford University Press, 1993. 264 p.
- Jones R., Fowler C.* Where is Wales? Narrating the territories and borders of the Welsh linguistic nation // *Regional Studies*. 2007. Vol. 41. P. 89–101.
- Das Kaiserreich transnational. Deutschland in der Welt 1871–1914 / Hg. S. Conrad, J. Osterhammel. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2004. 327 S.
- Kamen H.* Early Modern European Society. L.: Routledge, 2000. 281 p.

- Kawada J.* Beyond Cultural Relativism and Globalism – A Proposal to Deepen Cultural Awareness through “Dialogues”. URL: www.unu.edu/dialogue/papers/Kawada-abst-cs.pdf.
- Kaye, Simon T.* Challenging Certainty: The Utility and History of Counterfactualism // *History and Theory*. Vol. 49 (February 2010). P. 38-57.
- Kearney H.* The British Isles: A History of Four Nations. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. 362 p.
- Knowing, Teaching and Learning History. National and International Perspectives / Eds. P.N. Stearns et al. N.Y.: New York Univ. Press, 2002. 482 p.
- Kocka J.* Comparison and Beyond // *History & Theory*. 2003. Vol. 42. No. 1. P. 39-44.
- Kocka J., Haupt H.-G.* Comparison and Beyond; Traditions, Scope and Perspectives in Comparative History // *Comparative and Transnational History: Central European Approaches and New Perspectives* / Ed. by Heinz-Gerhard Haupt and Jürgen Kocka N.Y., Oxford: Berghahn Books, 2009. P. 1–30.
- Kocka J., H.-G. Haupt.* Geschichte und Vergleich: Ansätze und Ergebnisse international vergleichender Geschichtsschreibung. Frankfurt-am-Main, 1996.
- Kossock M.* From Universal to Global History // *Conceptualizing Global History* / Ed. by B. Mazlish, R. Buultjens. Boulder, 1993. P. 93-112
- Kotkin S.* Magnetic Mountain: Stalinism as Civilization. Berkeley: University of California Press, 1995. 728 p.
- Lattimore O.* Inner Asian Frontiers: Chinese and Russian Margins of Expansion // *Studies in Frontier History. Collected Papers*. Paris: Mouton, 1962. P. 138–152.
- Lenski G., Lenski J.* Human Societies: An Introduction to Macrosociology. N.Y.: McGraw-Hill Companies, 1974. 529 p.
- Lerner D.* The Passing of Traditional Society: Modernizing the Middle East. N.Y., London: The Free press, 1965. 466 p.
- Levy M.J.* Modernization and the Structure of Societies. Princeton: PUP, 1966. 855 p.
- Levy M.J.* Social Patterns (Structures) and Problems of Modernization // Eds. W. Moore and R.M. Cook. Readings on Social Change. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1967. P. 196–201.
- Lipset S.M.* Political Man. Garden City, N.Y.: Doubleday, 1963. 442 p.
- Local /Global Narratives / Ed. by R. Rechten, Karoline von Oppen. Amsterdam; N.Y., 2007. 335 p.
- Macfie A. L.* Orientalism. A Reader. N.Y.: New York University Press, 2002. 253 p.
- The Making of the Modern World: Connected Histories, Divergent Paths (1500 to the Present) / Ed. by R.W. Strayer. New York: Bedford / St. Martin, 1989. 550 p.
- Making Sense of Global History / Ed. by S. Sølvi. Oslo, 2001. 416 p.
- Manning P.* Migration in World History. New York; London: Routledge, 2005. 193 p.
- Manning P.* Navigating World History: Historians Create a Global Past. N.Y.: Palgrave, 2003. 425 p.
- Mannion A.* Global Environmental Change: A Natural and Cultural History. London: Routledge, 1991. 400 p.
- Marshall J.D.* The Study of Local and Regional “communities”: some problems and possibilities // *Northern History*. 1981. Vol. 17. P. 203-230.

- Marshall J.D.* Why Study Regions? // *Journal of Regional and Local Studies*. 1985. V. 5. P. 15-27.
- Marshall J.D.* Why Study Regions? Some Historical Considerations // *Journal of Regional and Local Studies*. 1986. Vol. 6. N 1. P. 1-12.
- Marshall J.D.* Communities, Societies, Regions and Local History: Perceptions of Locality in High and Low Furness // *Local Historian*. 1996. Vol. 26. N 1. P. 36-47.
- Marshall J.D.* The Tyranny of the Discrete: a Discussion of the Problems of Local History in England. Aldershot, 1997.
- Marshall P.J.* The Making and Unmaking of Empires: Britain, India and America c. 1750–1783. Oxford: Oxford University Press, 2005. 398 p.
- Matthes J.* Zwischen den Kulturen? / Zwischen den Kulturen? Die Sozialwissenschaften vor dem Problem des Kulturvergleichs / Hg. J. Matthes. Göttingen: Schwartz, 1992. S. 3–12.
- Mazlish, Bruce.* Comparing Global History to World History // *Journal of Interdisciplinary History*. 1998. Vol. 28. № 3. P. 385-396.
- Mazlish B.* The New Global History. L.; N.Y.: Routledge, 2006. 144 p.
- McLuhan G.M.* Understanding Media: The Extensions of Man. N.Y., L.: Routledge, 2001. 389 p.
- McNeill J.R., McNeil W.H.* The Human Web. A Bird's Eye View of World History. N.Y.: Norton, 2003. 350 p.
- McNeill W.H.* Arnold J. Toynbee: A Life. N.Y.; Oxford: OUP, 1989. 368 p.
- McNeill W.H.* The Changing Shape of World History // *History & Theory*. 1995. Vol. 34. No. 2. P. 8-26.
- McNeill W.* History and the Scientific Worldview // *History and Theory*. Vol. 37. № 1. 1998. P. 1–13.
- McNeill W.* Introduction: A Modern Creation Myth? // *Christian D.* Maps of Time. An Introduction to Big History. Berkeley, Los Angeles, L.: University of California Press, 2004. P. XV–XVIII.
- McNeill W.H.* Passing Strange: The Convergence of Evolutionary Science with Scientific History // *History & Theory*. 2001. Vol. 40. N 1. P. 1-15.
- McNeill W.* Plagues and Peoples. N.Y.: Doubleday, 1976. 369 p.
- McNeill J.R.* Something New Under the Sun: An Environmental History of the Twentieth-Century World. N.Y.: W.W. Norton, 2000. 448 p.
- Megill A.* The Needed Centrality of Regional History // *Ideas in History*. 2009. Vol. IV. N 2. P. 11-37.
- Melegh A.* On the East–West Slope: Globalization, Nationalism, Racism and Discourses on Eastern Europe. Budapest: CEU Press, 2006. 220 p.
- Middell M.* Histoire universelle, histoire globale, transfert culturel // *Revue germanique internationale*. 21. 2004: L'horizon anthropologique des transferts culturels. P. 227-244.
- Mignolo W.D.* Local Histories / Global Designs: Coloniality, Subaltern Knowledges, and Border Thinking. Princeton: Princeton University Press, 2012. 416 p.

- Miller M. Comparative and Cross-National History: Approaches, Differences, Problems // *Comparison and History: Europe in Cross-National Perspective* / Ed. D. Cohen, M. O'Connor. New York; London: Routledge, 2004. P. 133-144.
- Mitchell, Rosemary. *Picturing the Past: English History in Text and Image, 1830-1870*. Oxford, 2000. 326 p.
- Mol A. *The Body multiple: Ontology in medical practice*. Durham: Duke University Press, 2002. 196 p.
- Moore-Guilbert B. *Postcolonial Theory: Contexts, Practices, Politics*. L.: Verso, 1998. 244 p.
- Müller K. "Modernizing" Eastern Europe. Theoretical problems and political dilemmas // *Archives Européennes de Sociologie*. 1992. № 1. P. 109-150.
- Muhlack, Ulrich. Universal History and National History. Eighteenth- and Nineteenth-Century German Historians and the Scholarly Community // *British and German Historiography, 1750-1950: Traditions, Perceptions, and Transfers* / Ed. by B. Stuchtey, P. Wende. Oxford: OUP, 2000. P. 25-48.
- NEPAD and the Future of Economic Policy in Africa / Ed. by Sylvain H. Boko and Diery Seck. Trenton, N.Y.: London: Africa World, 2008. 366 p.
- Ndukwe E. *ICT Revolution and Vision 2020: the Position of the Nigerian Editor*. Kaduna – 2009. URL: www.nigerianguildofeditors.com.
- Neill Th.P. The Complete Toynbee: a Modest Appraisal // *Historical Bulletin*. March, 1956. P. 131-167.
- The New Imperial Histories Reader / Ed. by S. Howe. L.: Routledge, 2009. 480 p.
- The New World History // *A Companion to Western Historical Thought* / Eds. L. Kramer and S. Maza. Oxford, 2002. P. 393-416.
- Niquex M. Discours essentialistes dans la Russie d'aujourd'hui, ou le retour de l'âme russe // *Colloque La Russie et l'Europe: autres et semblables*. Université Paris Sorbonne – Paris IV, 10-12 mai 2007. URL: <http://institut-est-ouest.ens-lsh.fr/spip.php?article133>.
- Novick P. *That Noble Dream. The "Objectivity Question" and the American Historical Profession*. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. 648 c.
- Nyamnjoh F.B. *Africa's Media: Democracy and the Politics of Belonging*. London & New York, Zed Books, Pretoria, Unisa Press, 2005. 308 p.
- O'Brien P.K. Historical Traditions and Modern Imperatives for the Restoration of Global History // *Journal of Global History*. 2006. Vol. 1. № 1. P. 3-39.
- O'Brien P. Review of *Global History: Interactions between the Universal and the Local* (Rev. № 648). URL: <http://www.history.ac.uk/reviews/review/648>
- O'Rourke K.H., Williamson J.G. *Globalization and History: The Evolution of the Nineteenth Century Atlantic Economy*. Cambridge (Mass.): MIT Press, 1999. 343 p.
- Obenga Th. *Esquisse d'une morphologie de l'histoire africaine* // *Presence Africaine*. 1972. № 83. P. 9-32.
- Obenga Th. *Le sens de lutte contre l'afrocentrisme eurocentriste*. Paris: Khepera/ Harmattan, 2001. 125 p.
- Occidentalism: Images of the West / Ed. by J.G. Carrier. Oxford: Clarendon Press, 1995. 282 p.

- Ogborn M.* Global Lives: Britain and the World 1550–1800. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 364 p.
- Osterhammel J.* Die Entzauberung Asiens: Europa und asiatischen Reiche in 18. Jahrhundert. München: Beck, 1988. 560 S.
- Osterhammel J.* Geshichtswissenschaft jenseits des Nationalstaats. Studien zu Beziehungsgeschichte und Zivilisationsvergleich. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2001. 384 S.
- Osterhammel J., Petersson N. P.* Geschichte der Globalisierung. Dimensionen, Prozesse, Epochen. München: Verlag C.H. Beck, 2003. 128 S.
- Osterhammel J., Petersson N.P.* Globalization: A Short History. Princeton: Princeton University Press, 2005. 182 p.
- The Oxford History of the British Empire / (Gen. ed.) William Roger Louis. Vol. 1–5. Oxford; New York: Oxford University Press, 1998–1999.
- Pacey A.* Technology in World Civilization. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1990, 250 p.
- Palgrave Advances in World History / Ed. by M. Hughes-Warrington. Houndmills, Basingstoke; New York: Palgrave Macmillan, 2005. 286 p.
- Parker G.* The Military Revolution: Military Innovation and the Rise of the West, 1500–1800. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. 288 p.
- Parsons T.* A Functional Theory of Change // Eds. A. Etzioni, E. Etzioni. Social Change: Sources, Patterns, and Consequences. New York: Basic Books, 1973. P. 78–86.
- Patterns of Modernity. Beyond the West / Ed. by S.N. Eisenstadt. N.Y.: New York University Press, 1987. 233 p.
- Paz O.* One Earth, Four or Five Worlds: Reflections on Contemporary History / Translated by Helen R. Lane. San Diego, San Diego; N.Y.; London: A Harvest / HBJ Book, Harcourt Brace Jovanovich, 1986. 224 p.
- Pernau M.* Global History. Wegbereiter für einen neuen Kolonialismus? // URL: <http://geschichte-transnational.clio-online.net/forum>
- Perspectives on Global History: Concepts and Methodology; Is Universal History Possible; Cultural Encounters Between the Continents Over the Centuries // Proceedings Acts: Reports, Abstracts and Round Table Introductions. 19th International Congress of Historical Sciences, 6–13 August, 2000. Oslo, 2000. P. 3–52.
- Phythian-Adams Ch.* Re-thinking English Local History. Leicester, 1987. 58 p.
- Phythian-Adams Ch.* Introduction: An Agenda for the English Local History // Societies, Cultures and Kinship 1580–1850: Cultural Provinces in English Local History / Ed. by Ch. Phythian-Adams. L.; N.Y., 1993. P. 1–23.
- Phythian-Adams Ch.* Land of the Cumbrians: A Study in British Provincial Origins AD 410–1120. Aldershot, 1996. 207 p.
- Pitts J.* A Turn to Empire: The Rise of Imperial Liberalism in Britain and France. Princeton and Oxford: Princeton Univ. Press, 2005. 382 p.
- Place / Culture / Representation / Eds. J. Duncan and D. Ley. London; New York: Routledge, 1993. 341 p.
- Pomeranz K.* The Great Divergence: China, Europe and the Making of the Modern World Economy. Princeton: Princeton U.P., 2000. 392 p.

- Pomper Ph.* World History and Its Critics // History & Theory. Theme Issue: World Historians and Their Critics. 1995. Vol. 34. No. 2.
- Ponting C.* World History: A New Perspective. L.: Chatto & Windus, 2000. 923 p.
- Popp, Susanne.* Integrating World History Perspectives into a National Curriculum: A Feasible Way to Foster Global Oriented Historical Consciousness in German Classrooms? // World History Connected. 2006. Vol. 3. No. 3. <http://worldhistoryconnected.press.uiuc.edu/3.3.html>
- Postcolonial Approaches to the European Middle Ages: Translating Cultures / Eds. A. J. Kabir and D. Williams. Cambridge: University Press, 2005. 298 p.
- The Post-Colonial Question: Common Skies, Divided Horizons / Ed. by I. Chambers and L. Curti. London; New York: Routledge, 1996. 288 p.
- Post-Colonial Studies Reader / Ed. By B. Ashkroft, G. Griffiths, H. Tiffin. L., N.Y.: Routledge, 2003. 526 p.
- Post-Colonial Studies: the Key Concepts / Ed. by B. Ashkroft, G. Griffiths, H. Tiffin. L., N.Y.: Routledge, 2004. 292 p.
- Practicing History: New Directions in Historical Writing after the Linguistic Turn / Ed. by Gabrielle M. Spiegel. N. Y.; L., 2005. 274 p.
- Prazniak R.* Dialogues across Civilizations: Sketches in World History from the Chinese and European Experiences. Boulder: Westview Press, 1996. 224 p.
- Quijano A.* Coloniality of Power, Eurocentrism, and Latin America // Nepantla. Vol. 1. № 3. P. 533–580.
- Randeria Sh.* Entangled Histories of Uneven Modernities // Unraveling Ties: From Social Cohesion to New Practices of Connectedness / Eds. Y. Elkana, I. Krastev, E. Macamo and Sh. Randeria. Frankfurt-am-Main and N.Y.: University of Chicago Press, 2002. P. 284–312.
- Randeria Sh.* Entangled Histories of Uneven Modernities: Civil Society, Caste Solidarities and Legal Pluralism in Post-Colonial India // Civil Society – Berlin Perspectives / Ed. J. Keane. Cambridge: Berghahn Books, 2003. P. 213–242.
- Randeria Sh.* Global Designs and Local Lifeworlds // Interventions. International Journal of Postcolonial Studies. Vol. 9. № 1. 2007. P. 12–30.
- Rao V.N., Schulman D. and Subrahmanyam S.* Textures in Time: Writing History in South Africa. 1600–1800. New Delhi; N.Y.: Permanent Black / Other Books, 2003. 296 p.
- Recent Themes in World History and the History of the West: Historians in Conversation / Ed. by Donald A. Yerxa. Columbia: The University of South California Press, 2009. 176 p.
- Reflections on Multiple Modernities. European, Chinese and Other Interpretations / Eds. D. Sachsenmaier, J. Riedel, Sh. N. Eisenstadt. Boston: Brill, 2002. 314 p.
- Region, Nation, Europa. Historische Determinanten der Neugliederung eines Kontinents. Reihe / (Hrsg.) Günther Lottes. Heidelberg: Springer, 1992. 314 S.
- Regional Identity and Diversity in Europe: Experience in Wales, Silesia and Flanders / Ed. by D. M. Smith, E. Wistrich. L., 2007. 208 p.
- Regional Modernities: The Cultural Politics of Development in India / Ed. by K. Sivaramakrishnan, A. Agrawal. Stanford: Stanford University Press, 2003. 472 p.

- Renier G.J.* Toynbee's A Study of History // Montagu Ashley (ed.). Toynbee and History. Critical Essays and Reviews. Boston: Porter Sargent, 1956. P. 73-76.
- Renier G.J.* History. Its Purpose and Method. London: Allen and Unwin, 1950. 274 p.
- Rethinking American History in a Global Age / Ed. by T. Bender. Berkeley: University of California Press, 2002. 436 p.
- Reynolds D.* One World Divisible: a Global History. L., 2000. 861 p.
- Reynolds, Susan.* Empires: A Problem of Comparative History // Historical Research. 2006. Vol. 79. No. 204. P. 151-165.
- Richards J.* The Unending Frontier: An Environmental History of the Early Modern World. Berkeley: University of California Press, 2003. 696 p.
- Robbins K.* The 'British Space': World-Empire-Continent-Nation-Region-Locality: A Historiographical Problem // History Compass. 2009. Vol. 7. No.1. P. 66-94.
- Robertson R.* Glocalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity // Global Modernities / Eds. M. Featherstone, S. Lash, R. Robertson. L.: Sage Publications, 1995. P. 25-44.
- Robertson R.* The Three Waves of Globalization: A History of a Developing Global Consciousness. Nova Scotia; London; N.Y.: Fernwood Publ. & Zed Books, 2003. 304 p.
- Rollins T., Roberts D.* Work Culture, Organizational Performance, and Business Success. Westport, Conn.: Quorum Books, 1998. 262 p.
- Rosenfeld G.D.* The World Hitler Never Made. Cambridge: CUP, 2005. 526 p.
- Rosenfeld G.* Why Do We Ask 'What If? Reflections on the Function of Alternate History // History and Theory, Vol. 41 (Dec. 2002). P. 90-103.
- Rosenthal J.-L. & R. Bin Wong.* Before and Beyond Divergence: The Politics of Economic Change in China and Europe. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 2011. 276 p.
- Rostow W.W.* Politics and the Stages of Growth. Cambridge: CUP, 1971. 424 p.
- Rostow W.W.* The Stages of Economic Growth. A Non-Communist Manifesto. Cambridge: Cambridge University Press, 1960. 179 p.
- Ruiz T.* Medieval Europe and the World: Why Medievalists Should Also Be World Historians // History Compass. 2006. 4/6. P. 1073-1088.
- Russian Modernity: Politics, Knowledge and Practices, 1800-1950 / Ed. D.L. Hoffman, Ya. Kotsonis. N.Y.: St. Martin's, 2000. 279 p.
- Sachsenmaier D.* Global Perspectives on Global History: Theories and Approaches in a Connected World. N.Y.: Cambridge University Press, 2011. 299 p.
- Sachsenmaier D.* World History as Ecumenical History? // Journal of World History. 2007. Vol. 18. No. 4. P. 465-490.
- Said E.* Culture and Imperialism. N.Y.: Vintage Books, 1994. 380 p.
- Said E.* Orientalism. New York: Random House, 1978. 368 p.
- Said E.W.* L'Humanisme, dernier rempart contre la barbarie // Monde diplomatique. Sept. 2003. URL: <http://www.monde-diplomatique.fr/2003/09/SAID/10386>
- Schäfer W.* Global Civilization and Local Cultures: A Crude Look at the Whole // International Sociology. Vol. 16. № 3. 2001. P. 301-319.

- Schäfer W.* Global History. Historiographical Feasibility and Environmental Reality // Conceptualizing Global History / Ed. by B. Mazlish, R. Buultjens. Boulder: Eastern View, 1993. P. 47–69.
- Schäfer W.* Reconfiguring Area Studies for the Global Age // *Globality Studies Journal: Global History, Society, Civilization*. 2010. № 22. December 30. P. 1–63.
- Schaub J.-F.* L'Europe a-t-elle une histoire? Paris: Albin Michel, 2008. 219 p.
- Schein E.H.* On Dialogue, Culture and Organizational Learning // *Organizational Dynamics*. 1993. Vol. 33. P. 40–51.
- Scherrer J.* Idéologie, identité, mémoire : une nouvelle «idée russe»? // *Transitions* № 44(2). 2006. P. 123–138.
- Scherrer J.* Kulturologie: Russland auf der Suche nach einer zivilisatorischen Identität. Göttingen: Wallstein, 2003. 195 S.
- Senghor L.S.* Liberte I. Negritude et humanisme. Paris: Seuil, 1964. 445 p.
- Sewell W.H.* Logics of History: Social Theory and Social Transformation. Chicago: University Of Chicago Press, 2005. 376 p.
- Sewell W.H.* Marc Block and the logic of comparative history // *History and Theory*. 1967. Vol. 6. № 2. P. 208–218.
- Sewell W.H., Thrupp S.L.* Comments // *American Historical Review*. 1980. Vol. 85. No. 4. P. 847–853.
- Sheeran, George and Yanina.* Reconstructing Local History // *Local Historian*. 1999. Vol. 29. No. 4. P. 256–262.
- Simmons I. G.* Global Environmental History. Chicago: University of Chicago Press, 2008. 288 p.
- Smelser N.* The Modernization of Social Relations // *Modernization. The Dynamics of Growth*. New York; London: Basic Books, 1966. P. 110–121.
- Smelser N.* Toward a Theory of Modernization // Etzioni A. and Etzioni E. (eds.) *Social Change: Sources, Patterns, and Consequences*. New York: Basic Books, 1973. P. 268–284.
- Smith, Dennis.* The Rise of Historical Sociology. Philadelphia: Temple University Press, 1991. 231 p.
- Smith D., Wistrich E.* Collective Identities in a Changing World // *Regional Identity and Diversity in Europe*. L.; N.Y., 2007. P. 6–21.
- Smith L. T.* Decolonising Methodologies: Research and Indigenous Peoples. L.: Zed Books, Stover, Dale 2002, 2001. 224 p.
- So A.Y.* Social Change and Development: Modernization, Dependency, and World-System Theories. Newbury Park, 1990.
- Social Change and Modernization: Lessons from Eastern Europe* / Ed. by B. Grancelli. Berlin; New York: De Gruyter, 1995.
- Spencer H.* The Evolution of Societies // Eds. A. Etzioni, E. Etzioni. *Social Change: Sources, Patterns, and Consequences*. N.Y.: Basic Books, 1973. P. 9–13.
- Spier F.* Big History and the Future of Humanity. L.: Wiley-Blackwell, 2010. 272 p.
- Spier F.* The Structure of Big History. From the Big Bang until Today. Amsterdam: Amsterdam University Press, 1996. 113 p.

- Stearns P.* American Students and Global Issues // World History Connected. 2007. Vol. 4. № 2. <http://worldhistoryconnected.press.uiuc.edu/4.2.html>
- Stearns P.* Social History and World History: Toward Greater Interaction // World History Connected. 2007. Vol. 2. Issue 2.
- Stearns P.N.* Western Civilization in World History. N.Y.; L.: Routledge, 2003. 138 p.
- Steward J.H.* Evolution and Progress // Anthropology Today / Ed. by A.L. Kroeber. Chicago: University of Chicago Press, 1953. P. 313–326.
- Steward J.H.* A Neo-Evolutionist Approach // Etzioni A. and Etzioni E. (eds.) Social Change: Sources, Patterns, and Consequences. New York: Basic Books, 1973. P. 131–139.
- Steward J.H.* Theory of Culture Change: The Methodology of Multilinear Evolution. Urbana: University of Illinois Press, 1955. 256 p.
- Storm, Eric.* Regionalism in history, 1890 – 1945: The Cultural Approach // European History Quarterly. 2003. Vol. 33. No. 2. P. 251–262.
- Stratégies de la comparaison internationale / Dir. par M. Lallement, J. Spurk. P.: CNRS Éditions, 2003. 378 p.
- Subrahmanyam S.* Connected Histories: Notes towards a Reconfiguration of Early& Modern Eurasia // Modern Asian Studies. Vol. 31. № 3. 1997. P. 735–762.
- Subrahmanyam S.* Explorations in Connected History: From the Tagus to the Ganges. Delhi: Oxford University Press, 2005. 276 p.
- Sutton F.X.* Analyzing Social Systems // Finkle J.L., Gable R.W. (eds.). Political Development and Social Change. N.Y., London, Sydney, 1966.
- Sutton F.X.* Social Theory and Comparative Politics // Comparative Politics: A Reader / Ed. by H. Eckstein and D. Apter. New York: Free Press, 1963. P. 67–81.
- Tanimoto M.* Labour Intensive Industries in Industrial Districts – Another phase of Japan’s “Industrialization”. URL: <http://eh.net/XIIICongress/cd/papers/25Masayuki247.pdf>
- Tanimoto M.* The Role of Tradition in Japan’s Industrialization: A Perspective of “Indigenous Development”. URL: <http://www.e.u-tokyo.ac.jp/cemano/research/DP/documents/coe-f-26.pdf>
- Tatar History and Civilization. Sources and Studies on the History of Islamic Civilization. Istanbul: IRCICA, 2010. 695 p.
- Thelen D.* The Nation and Beyond. Transnational Perspectives on United States History // Journal of American History. 1999. Vol. 86. № 3. P. 965–975.
- Therborn G.* Entangled Modernities // European Journal of Social Theory. Vol. 6. No. 3. 2003. P. 293–305.
- Thompson E.P.* The Making of the English Working Class. N.Y.: Random House, 1966. 864 p.
- Tilly Ch.* Big Structures, Large Processes, Huge Comparisons. N.Y.: Sage Publications, 1984. 188 p.
- Tiryakian E.* The Changing Centers of Modernity // Eds. E. Cohen, M. Lissak, U. Almagor. Comparative Social Dynamics: Essays in Honor of Shmuel N. Eisenstadt. Boulder: Westview Press, 1985. C. 131–147.

- Tlostanova M.V.* Can the Post-Soviet Think? On Coloniality of Knowledge, External Imperial and Double Colonial Difference // *Intersections*. 2015. Vol. 1. No. 2. P. 38–58.
- Tlostanova M.V., Mignolo W.D.* Learning to Unlearn: Decolonial Reflections from Eurasia and the Americas. Columbus: The Ohio State University, 2012. 281 p.
- Tomas D.* Transcultural Space and Transcultural Beings. Boulder; Oxford: Westview Press, 1996. 180 p.
- Tomlinson J.* Cultural Imperialism. L.: Pinter, 1991. 200 p.
- Toynbee A.J.* A Study of History. Vol. 12: Reconsiderations. London, N.Y., Toronto: Oxford University Press, 1961. 750 p.
- Toynbee A.J.* A Study of History. What the book is for: How the book took shape? // Montagu Ashley (ed.). *Toynbee and History. Critical Essays and Reviews*. Boston: Porter Sargent, 1956. P. 8-11.
- Toynbee A.J.* What I am Try to Do? // *International Affairs*. 1955. Vol. 31 (1). P. 1-11.
- Toynbee A.* (Rec.) Kroeber A.L., Klukhon C. Culture: a Critical Review of Concepts and Definitions. N.Y., 1963 // *History and Theory*. 1964. Vol. 4 (1). P. 127-129.
- Traditions and Encounters. A Global Perspective on the Past* / Ed. by J. Bentley, H.F. Ziegler. Boston: McGraw-Hill, 2003. 1169 p.
- Traditions and Encounters: A Brief Global History* / Ed. by J.H. Bentley, H.F. Ziegler, H.E. Streets. Beijing: Peking University Press, 2008. 675 p.
- Transferts. Les relations interculturelles dans l'espace franco-allemand* / Dir. par Michel Espagne et Michael Werner. Paris: Editions Recherche sur les Civilisations, 1988. P. 11–34.
- The Transformation of the World: A Global History of the Nineteenth Century*. Princeton University Press, 2014. 1167 p.
- Le travail et la nation: Histoire croisée de la France et de l'Allemagne* / Dir. par B. Zimmermann, C. Didry, P. Wagner. Paris, 1999.
- Turchin P., Nefedov S.A.* Secular Cycles. Princeton: University Press, 2009. 349 p.
- Unraveling Ties: From Social Cohesion to New Practices of Connectedness* / Eds. Yehuda Elkana et al. Frankfurt-a-M.: University of Chicago Press, 2002. 370 p.
- Utku B., Esra S.* Home-based Work in Istanbul: Varieties of Organization and Patriarchy. URL: http://www.spf.boun.edu.tr/docs/HBW_in_Istanbul_Varieties_of_Organization_and_Patriarchy.pdf
- Vago S.* Social Change. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, 1989.
- Vision and Method in Historical Sociology* / Ed. by Theda Skocpol. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. 428 p.
- Wallerstein I.* Geopolitics and Geoculture: Essays on the Changing World-System. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. 242 p.
- Wallerstein I.* The Modern World-System: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century. San Diego: Academic Press, 1974. 440 p.
- Wallerstein E.* Unthinking Social Science. The Limits of Nineteenth-Century Paradigms. Cambridge: Temple University Press, 1995. 304 p.

- Wallerstein I., Calestous J., Keller E.F., Kocka J., Lecourt D., Mudimbe V.Y., Kinhide Mushakoji, Prigogine I., Taylor P. J., Trouillot M.-R. Open the Social Sciences: Report of the Gulbenkian Commission on the Restructuring of the Social Sciences. Stanford: Stanford University Press, 1996. 105 p.
- Wang Q. Edward. The Rise of Modern Historical Consciousness: A Cross-Cultural Comparison of Eighteenth-Century East Asia and Europe // *Journal of Ecumenical Studies*. XL (Winter-Spring, 2003). P. 74–95.
- Webster, Wendy. *Englishness and Empire, 1939 – 1965*. Oxford, 2005. 253 p.
- Weitz E.D. From the Vienna to the Paris System: International Politics and the Entangled Histories of Human Rights, Forced Deportations, and Civilizing Missions. URL: http://lapa.princeton.edu/uploads/weitz_lapa_seminar.pdf.
- Wells G.H. Outline of History. L., 1920. 652 p.
- Werner M., Zimmermann B. Beyond Comparisons: *Histoire Croisée* and the Challenge of Reflexivity // *History and Theory*. 2006. Vol. 45. № 1. P. 30–50.
- Werner M., Zimmermann B. Penser l'histoire croisée. Entre empirie et réflexivité // *Annales HSS*. A. 58. No.1. 2003. P. 7–36.
- Wills J.E. 1688: A Global History. N.Y.: W.W. Norton & Co, 2001. 330 p.
- Winks R.W., Neuberger J. *Europe and the Making of Modernity, 1815–1914*. Oxford: Oxford University Press, 2005. 396 p.
- Wolf E. *Europe and the People without History*. Berkeley: University of California Press, 1982. 505 p.
- Wong R. Bin. *China Transformed: Historical Change and the Limits of European Experience*. Ithaca: Cornell University Press, 1997. 327 p.
- Wong R. Bin. Regions and global history // *Writing the History of the Global. Challenges for the 21st Century* / Ed. by Maxine Berg. Oxford: Oxford University Press, 2013. 216 p.
- Woolf, Stuart. Europe and Its Historians // *Contemporary European History*. 2003. Vol. 12. N 3. P. 323–337.
- World Civilizations: The Global Experience / Ed. by P.N. Stearns, M.B. Adas, S.B. Schwartz, M.J. Gilbert. Harlow: Pearson Longman, 2007. 533 p.
- A World Connecting, 1870–1945 / Emily Rosenberg, Akira Iriye (eds.). Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2012. 1168 p.
- World Historians and Their Critics // *History and Theory*. 1995. Vol. 34. № 2.
- World History: Ideologies, Structures, and Identities / Eds. Ph. Pomper, R.H. Elphick, R.T. Vann. Malden: Blackwell Publishers, 1998. 296 p.
- Wouters C. *Informalisation: Manners and Emotions since 1890*. L.: Sage Publications, 2007. 270 p.
- Writing the History of the Global. Challenges for the 21st Century / Ed. by Maxine Berg. Oxford: Oxford University Press, 2013. 216 p.
- Writing World History 1800–2000 / Eds. E. Fuchs, B. Stuchtey. Oxford; N.Y: Oxford University Press, 2003. 376 p.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абу-Лугод Дж. 261
Аверинцев С.С. 402-403, 461-463
Аджайи А. 483
Айзенштадт Ш.Н. 164, 224, 242, 260, 276-278, 282-283, 294, 446
Александр III 237
Александров Ю.А. 216
Аминадзе Р.
Аппадураи А. 271
Аристотель 282, 454, 460
Арон Р. 369
Артог Ф. 32
Арутюнов С.А. 370
Арутюнова Н.Д. 389
Аршинов В.И. 146, 183-189
Ассман Я. 61
Асмус В.Ф. 424
Ахиезер А.С. 122, 187, 223, 276, 294-295, 443
Ашкрофт Б. 234
Баба Дж. 271
Баба Х. 289
Бабашкин В.В. 215-220
Бажанов В.А. 400
Барг М.А. 221
Баркер Э. 63
Барраклоу Дж. 11
Бахтин М.М. 161, 252, 429, 461-466
Бейкер А. 39
Бейтсон Г. 184, 239
Беккер К. 368
Белл Д.А. 70, 315, 320-321, 333, 364, 412-413, 428-429
Бентли Дж. 14, 176, 190-191
Берзин Э.О. 370
Бернал М. 481-482
Бернштейн Э. 491-492
Блайден Э.У. 469, 473-474
Блок М. 24, 26, 164, 182, 265
Блэк Дж. 67
Боас Ф. 285-286
Бобровников В.О. 295-296
Богуславский В.М. 439
Бойцов М. 411
Бондаренко Д.М. 83, 201, 468
Боулдинг К. 270
Брайдотти Р. 172
Брембуше ван ден А.А. 287
Бродель Ф. 16, 38, 50, 96-97, 126, 157-158, 161, 164, 177, 182, 194, 199-201, 222, 264, 269, 291, 390
Бунге Н.Х. 217
Буултгенс Р. 146, 166, 175-178, 203
Вайц Э. 294
Валлерстайн И. 98, 101, 158-162, 200, 210, 267, 272, 411
Ван Э. 81, 190, 284, 407, 413
Ванина Е.Ю. 406, 422
Варела Ф. 144
Вартофский М.С. 373
Василий Великий 455
Василькова В.В. 186-189, 323
Вацлавик П. 212-214
Вебер М. 173, 196, 224, 227, 260, 379
Вернер М. 53, 151, 178, 180-183, 190, 192, 209, 221, 232, 292, 294, 419, 426-427
Верран Х. 399
Ветров В.Е. 223
Вико Дж. 27
Виноградская О.Я. 220-221
Виноградский В.Г. 220-221
Вире Ж.-Ж. 432
Витгенштейн Л. 184, 424

- Витте С.Ю. 280
Вольтер Ф.-М. 27
Воробьева О.В. 81, 193, 362
Вульгар С. 403
Вульф Л. 226
Вульф Э. 158, 163, 191, 215
Вутерс К. 194, 245
Вылцан М.А. 216
Ганди М.К. 300
Гапон Г. 210
Гваттари Ф. 397
Гегель Г.В.Ф. 146, 251, 261, 280, 386
Геллнер Э. 290, 322
Герасимов И.В. 231-233, 235, 240
Геродот 27
Гердер И.Г. 146, 203-204
Гидденс Э. 259
Гизо Ф. 249
Гилб К.Л. 271
Гинзбург К. 109, 390
Гирц К. 150, 171, 185, 236, 261-262, 285, 295, 299
Глебов С.В. 233, 240
Голдстоун Дж. 157, 172-174, 208, 291
Гордон А.В. 220, 468
Григорий Богослов (Назианзин) 455
Григорий Нисский 455
Гринев А.В. 392
Гринин Л.Е. 83, 173, 191, 200-203, 205-207
Гриффин Л. 163
Грифцова И.Н. 417
Гуди Д. 287
Гумилев Л.Н. 200, 225
Гунератне А. 271
Гуревич А.Я. 161-162, 164-165, 190, 194, 199-201, 222-273, 270, 365, 368, 374
Гусейнов Ш.А. 393
Гуха Р. 257
Д'Аламбер Ж.Л. 439
Даймонд Дж. 167-168, 173
Данилевский Н.Я. 249, 443
Данилов В.П. 215-221
Декарт Р. 401, 441
Делез Ж. 397
Демидов С.С. 399
Дерлугьян Г. 159, 162
Деррида Ж. 251, 254-255, 267
Дидро Ж.-Д. 439
Дилл Б. 163
Дмитриева Е. 423-424
Доронин А.В. 411
Достоевский Ф.М. 280
Дука О.Г. 459
Дуссель Э. 187, 278
Дьяконов И.М. 203
Дэвид-Фокс Д. 278
Дэвис Н. 52
Дюран Ж. 400
Жигунин В.Д. 383
Заксенмайер Д. 190
Замятин Д.Н. 170, 222, 250, 397-398
Зерубавель Я. 235
Зеленин И.Е. 216
Зубков К.И. 35
Зырянов П.Н. 216
Ибн-Варрак 150
Ибн-Хальдун 174
Ивин А. 267, 374
Ивницкий Н.А. 216
Изабелла Испанская 173
Ионов И.Н. 12-13, 30-32, 53, 81, 122, 141, 146, 159-162, 192-199, 204-210, 221-223, 230, 239-249, 300, 393, 420-421, 445, 458, 471
Иорданский Н.Н. 202
Ирийе А. 429
Кавада Ю. 296-300, 303, 423
Калло Э. 285
Капица С.П. 273
Каппелер А. 124-125, 234
Карамзин Н.М. 363
Кареев Н.И. 27-29
Карнейро Р.Л. 82, 164

- Каррье Дж. 150
Касанова Дж. 163
Каспэ С.И. 378
Керни Х. 65
Киванука С. 483
Кизер Э. 163
Ки-Зербо Ж. 483
Кихано А. 278
Клеменс Э. 163
Ключевский В.О. 125-126, 363
Ковальченко И.Д. 133, 221
Кознова И.Е. 218-219
Койвисто М. 279-282
Кокри-Видрович К. 483
Колли Л. 57
Коллингвуд Р.Дж. 367, 378
Коллинз Р. 70, 250-251
Коллинз С. 271
Кондратьев Н.Д. 158, 186
Кондорсе Ж.А. 432
Конрад Н.И. 437
Конрад С. 249
Копосов Н.Е. 375, 392, 395, 418
Корелин А.П. 216
Коротаев А.В. 83, 173, 191, 199, 200-207, 468
Коссок М. 435
Коткин С. 44, 278
Кочакова Н.Б. 479-481
Крадин Н.Н. 20, 83, 201, 204
Кристиан Д. 18, 165-167, 190
Кром М.М. 80, 108, 422
Кросби А. 153-155
Куайн У. 456
Куббель Л.Е. 476-478
Куигли К. 270
Кулборн Р. 270
Кульпин-Губайдуллин Э.С. 20, 195-199
Кунин Е.В. 144, 202
Лабрусс Э. 157
Лакатос И. 374
Лапкин В.В. 268
Ласло Э. 183
Латур Б. 403
Лауэ фон Т. 208-209
Ле Руа Ладюри Э. 269-270
Леви Брюль Л. 400
Левинас Э. 462
Леви-Строс К. 298
Лекторский В.А. 430
Ленин В.И. 230, 278
Лильти А. 396
Липкин М.А. 193
Ло Дж. 399, 403, 427
Логинов В.Т. 370
Лоренц К. 287
Лосев А.Ф. 390
Лотман Ю.М. 390, 462
Луман Н. 183, 397
Львова Э.С. 479, 484
Люкшин Л.И. 218
Мазлиш Б. 22, 51
Мазур Л.Н. 50
Майоров Г.Г. 438
Макаров Н.П. 215
Мак-Кензи А. 62
Маклоэн Г.М. 255, 257-258
Макнил У. 19, 155-156, 166-167, 190-191, 254, 266, 290
Малинецкий Г.Г. 173, 200
Малков С.Ю. 199-207, 214
Маловичко С.И. 15-16, 43, 47, 59, 252, 256-257, 442
Мальтус Т.Р. 157
Мамардашвили М.К. 397
Мандела Нельсон 434-435
Марков А.В. 146, 200, 202-203
Маркс К. 196, 280, 478
Марли Б. 487
Маруяма М. 143
Маршал Дж. 36
Маслоу А. 184
Матвеева С.Я. 294-295
Матурано У. 144, 183-184
Мегилл А. 38, 42

- Медоуз Д. 157
Медушевский А.Н. 228-230, 239
Межуев В.М. 71, 228-230, 239, 374, 430-432
Мелег А. 281
Месарович М. 157
Микешина Л.А. 289
Милов Л.В. 128, 220
Минский М. 389
Миньоло В. 146, 241-242
Миронов Б.Н. 128, 197, 204-206, 218
Могильнер М.Б. 231-235, 239-240
Могильницкий Б.Г. 247, 251-252
Моне К. 262
Морган К. 66
Морозов Н.М. 221-223
Мосейко А.Н. 435
Мошков Ю.А. 216
Мукерджи С. 284
Мучник В.М. 371
Мэйер Дж. 163
Мэннинг П. 163, 167, 190, 209-210
Мюрдаль Г. 444
Назаретян А.П. 182, 200, 202
Неклесса А.И. 431
Нефедов С.А. 157, 164, 173, 197, 200-212
Ниemi Э. 246
Николаева И.Ю. 252, 373
Николай I 237
Николай Кузанский 447
Никулин А.М. 215-216, 219-221
Нил Т.П. 384
Новик П. 364
Носовский Г.В. 214
О'Брайен П. 27
Обенга Т. 479, 483, 486
Огот Б. 483
Окуму В. 483
Осборн Р. 482-484
Остерхаммель Ю. 22, 190, 193, 249, 254, 285-292, 296, 300, 363, 425.
Панов А.Д. 203
Пантин В.И. 197, 268
Пас Октавио 449
Перлз Ф. 184
Персикова Т.Н. 451-452
Пестель Э. 157
Платон 282, 447-448, 461
Платонов С.Ф. 279
Побережников И.В. 48
Полани М. 184
Полибий 267
Померанц Г.С. 224, 448, 453-455
Поппер К.Р. 210, 297
Празняк Р. 262, 268
Пригожин И. 143
Пушкин В.Г. 189
Рандерия Ш. 294
Ранке Л. фон 27, 381
Рашковский Е.Б. 370-372, 384, 393, 410-412, 416, 436, 451-453, 459, 462
Редфилд Р. 215, 220
Режабек Е.Я. 258
Рейнджер Т.О. 484
Ремнев А.В. 133
Репина Л.П. 5, 29, 58, 80, 108, 165, 192, 251, 292, 362, 419-420
Рикер П. 148
Роббинс К. 64
Робертсон Р. 13, 255, 258-261, 267, 278, 275
Рогалина Н.Л. 216
Розов Н.С. 200
Ройль Э. 40
Ростоу У. 74, 113, 159
Рузвельт Ф. 333
Румянцева М.Ф. 39, 44, 252
Рыженко В.Г. 34-35
Савельева И.М. 45, 56, 95, 108, 164, 191-192
Савицкий П.Н. 225
Савчук В.В. 425
Сайд Э.В. 12, 146-152, 158, 173, 193, 226, 247, 289-292, 414, 458
Самсонов Б.В. 222

- Сармьенто Д.Ф. 225
Свасьян К.А. 214
Сеа Л. 225
Северцов А.Н. 171
Сезер Э. 469, 474
Сенгаас Д. 145
Сенгор Л. 469, 474, 479
Сень Д.В. 45
Сепир Э. 185, 425
Симиан Ф. 157
Скокпол Т. 164, 287
Скотт Дж.С. 215, 217
Следзевский И.В. 273, 399, 402, 414, 416-418, 433, 455-456, 459
Слейтер Д. 255
Сократ 262, 461-462
Сомерс М. 287
Сосновский Н.А. 484, 486-487, 490
Спивак Г.Ч. 243, 289
Спир Ф. 19, 165, 172
Старобинский Ж. 395, 432
Степанянц М.Т. 430, 432
Степин В.С. 183
Степняк-Кравчинский С.М. 239
Стернс П. 22
Столыпин П.А. 217
Стритс Х. 176
Сьюэлл У. 163
Теггарт Ф.Дж. 270
Тейяр де Шарден П. 146
Терборн Г. 294
Тилли Ч. 118-120, 164, 287
Тишков В.А. 189
Глостанова М.В. 146, 238, 241-244
Гойнби А.Дж. 145, 266, 270, 290, 360-391, 402, 422, 435-438, 454
Тома Р. 185
Томпсон Э.П. 247, 282
Тоффлер Э. 255-259
Тулмин Ст. 417
Турчин В.Ф. 173
Турчин П.В. 173-174, 194, 200, 204
Уайт Л. 172
Уайт Х. 29, 83
Уиллс Дж. 177, 264, 268
Уколова В.И. 362-363
Уорф Б.Л. 425
Урсул А.Д. 189
Уэллс Г. 32, 436
Фадеева Л.А. 39
Фадеев О.П. 220-221
Фанон Ф. 469, 474-475
Февр Л. 164, 182
Федоров-Давыдов Г.А. 370
Федотов Г.П.
Федотова В.Г. 73, 93, 101
Фернандес-Арместо Ф. 170-172
Ферро М. 11
Филатов В.П. 365-366
Финн В.К. 394
Фитьян-Адамс Ч. 45-46
Фовель-Эймар К. 482
Фома Аквинский 262
Фоменко А.Т. 214
Форрестер Д. 157
Франк А.Г. 158-159, 163, 172, 411
Фредриксон Дж. 52
Фрэнк Д.Дж. 163
Фуко М. 147, 290, 390, 405
Фюре Ф. 23
Хабермас Ю. 276
Хайдеггер М. 401
Хайду Дж. 163
Хайле Селассие I 486
Хаймес Фрейре Р. 225
Хакен Г. 183
Хакинг Я. 184
Халтурина Д.А. 173, 200-202
Хантингтон С. 84, 91-92, 102, 119, 152, 207, 249
Хвостова К.В. 394
Хейзинга Й. 285
Хертц Ф. 285
Хилл К. 65
Хихс П. 150
Хобсбаум Э. 59, 193

- Ходгсон М. 270
Хопкинс А. 68-69
Хопкинс Т. 159
Хопкинс Э. 266, 268
Хорос В.Г. 276, 393, 452
Хоуэлл Д.Л. 273-275
Хофштеде Г. 451-452
Ху Ян 262
Хэнкинс Ф. 285
Ци Байши 262
Циглер Г. 176
Циммерманн Б. 53, 151, 178, 180-183, 192, 209, 221, 232, 292-294, 422, 427
Чакрабартти Д. 187, 282, 285
Чаттерджи П. 257
Чаянов А.В. 215
Чеканцева З.А. 58, 81, 192, 188-189, 223
Челинцев А.Н. 215
Чернавский Д.С. 173, 200, 213-214
Черных Е.Н. 370
Черчилль У. 63
Чешков М.А. 19, 161, 228, 255, 267, 410, 419
Чжу Си 262
Шанин Т. 215-216, 219-221
Шаравин А.А. 253
Шемякин Я.Г. 187, 223-228, 393, 445-446, 449, 453-454, 457, 460
Шемякина О.Д. 221, 226-228, 458, 460
Шеррер Ю. 281
Шефер В. 53, 262-263, 266-268, 276
Шива В. 294
Шпенглер О. 266, 270, 289, 379, 387, 405, 436
Щюц А. 230
Эккерт А. 249
Элиас Н. 78, 161-162, 170, 192, 194, 200, 223
Элман Б. 407
Элтон Дж. 65
Эмар М. 26
Эпштейн М. 415
Эспань М. 422-423
Эткинд А.М. 240
Эшер М.К. 184
Юм Д. 286
Юнг К.Г. 186
Яковенко И.Г. 122-123, 225
Яковец Ю.В. 324, 432
Янч Э. 142-146, 155, 165-166, 179, 182, 185, 202-203
Ясперс К. 366
Яшин Б.Л. 400

ОБ АВТОРАХ

Воробьева Ольга Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, руководитель Центра сравнительной истории и теории цивилизаций Института всеобщей истории РАН, доцент кафедры теории и истории гуманитарного знания Института филологии и истории РГГУ – *главы 6-7.*

Ионов Игорь Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра интеллектуальной истории Института всеобщей истории РАН – *главы 2-4.*

Панцеров Константин Арсеньевич, доктор политических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета – *глава 5.*

Побережников Игорь Васильевич, доктор исторических наук, зав. сектором методологии и историографии Института истории и археологии Уральского отделения РАН (Екатеринбург) – *глава 1.*

Репина Лорина Петровна, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, научный руководитель Центра интеллектуальной истории и Отдела историко-теоретических исследований Института всеобщей истории РАН, зав. кафедрой теории и истории гуманитарного знания Института филологии и истории РГГУ – *Предисловие, Введение, общая редакция.*

Следзевский Игорь Васильевич, доктор исторических наук, зав. Центром цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН – *глава 9.*

Шемякин Яков Георгиевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института Латинской Америки РАН – *глава 8.*

CONTENTS

PREFACE.....	5
INTRODUCTION	
Overcoming the borders of states and civilizations: macrohistorical experiments in current historiography.....	9
I. MODERNIZATION, GLOBALIZATION AND INFORMATION SOCIETY IN IMAGES OF THE PAST AND FUTURE	
CHAPTER 1. The paradigm of modernization, historical transformations, regional development.....	72
CHAPTER 2. Approaches to world history in the sciences and the humanities.....	141
CHAPTER 3. World history in the global age and research of Russian scholars in the history of Russia.....	195
CHAPTER 4. The universal and the local in global and new world history.....	246
CHAPTER 5. The emergence of a global information society: history of the process and the present situation.....	301
II. UNIVERSALISM AND WAYS TO DIALOGUE IN THEORY AND HISTORY OF CIVILIZATIONS	
CHAPTER 6. Ways of comprehending the past in A.J. Toynbee's philosophy of history.....	360
CHAPTER 7. Civilizational research at the turn of the 20 th and 21 st c. Epistemological grounds and problem areas.....	392
CHAPTER 8. Universal and local measurements of human being and the poles of the semantic field of civilizational research.....	441
CHAPTER 9. The development of African civilizational self-awareness and historical thought in the twentieth and early twenty-first centuries.....	467
SUMMARY.....	494
BIBLIOGRAPHY.....	497
INDEX.....	551
ABOUT AUTHORS.....	557
CONTENTS.....	558

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	5
ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ	
Преодолевая границы государств и цивилизаций: макроисторические опыты современной историографии.....	9
I. МОДЕРНИЗАЦИЯ, ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО В ОБРАЗАХ ПРОШЛОГО И БУДУЩЕГО	
ГЛАВА 1. Парадигма модернизации, исторические трансформации, региональное развитие.....	72
ГЛАВА 2. Естественнаучные и гуманитарные подходы к мировой истории.....	141
ГЛАВА 3. Мировая история эпохи глобализации и отечественные исследования по истории России.....	195
ГЛАВА 4. Универсальное и локальное в современной мировой истории.....	246
ГЛАВА 5. Становление глобального информационного общества: история и современность.....	301
II. УНИВЕРСАЛИЗМ И ПУТЬ К ДИАЛОГУ В ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ЦИВИЛИЗАЦИЙ	
ГЛАВА 6. Способы постижения прошлого в философии истории А. Дж. Тойнби.....	360
ГЛАВА 7. Цивилизационные исследования на рубеже XX–XXI вв. Эпистемологические основания и проблемные зоны.....	392
ГЛАВА 8. Универсальное и локальное измерения человеческого бытия и полюса смыслового поля цивилизационного исследования.....	441
ГЛАВА 9. Развитие африканского цивилизационного самосознания и исторической мысли в XX – начале XXI в....	467
SUMMARY.....	494
БИБЛИОГРАФИЯ.....	497
УКАЗАТЕЛЬ.....	551
ОБ АВТОРАХ.....	557
CONTENTS.....	558

РЕКОНСТРУКЦИИ МИРОВОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

от универсализма к моделям межкультурного диалога

●
Под общей редакцией
Л.П. Репиной

Утверждено к печати Ученым советом
Института всеобщей истории РАН

Дизайн обложки *И.Н. Граве*
Корректор *М.М. Горелов*

Подписано к печати 22. 12. 2017
Формат 60 х 90/16

Гарнитура Times. Печать цифровая
Усл. печ. л. 35. Тираж 600 экз.

Издательство «Аквилон»
Тел.: +7 (968) 924–97–30
e-mail: aquilopress@gmail.com

Отпечатано в типографии
Onebook-ru ООО «САМ ПОЛИГРАФИСТ»
Москва, 109316, Волгоградский пр., дом 42, Технополис МОСКВА
Тел. +7 (495) 545–37–10
Электронная почта: info@onebook.ru
Сайт: www.onebook.ru

ISBN 978–5–906578–32–7

